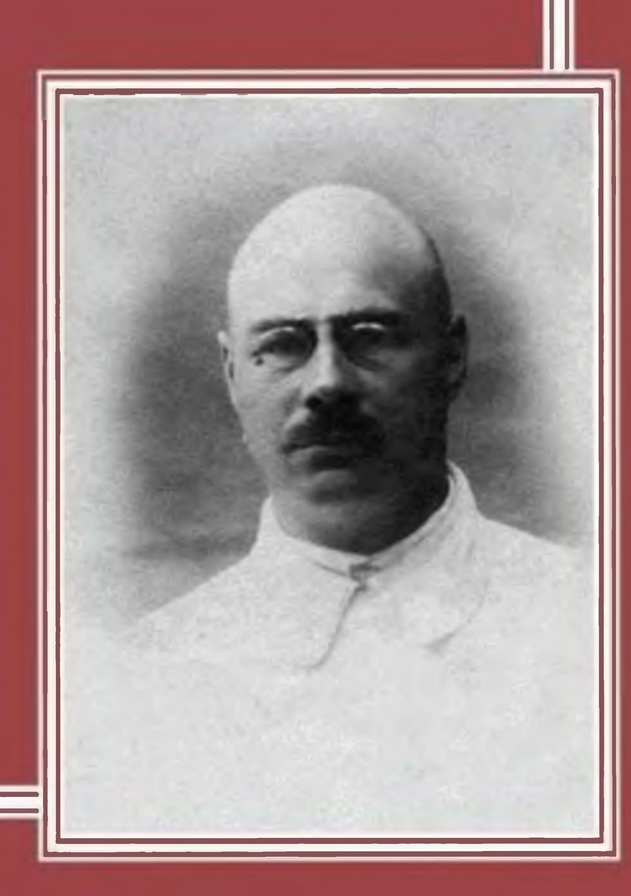

КИТАЙ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ДНЕВНИКАХ И.И. и А.Н. СЕРЕБРЕННИКОВЫХ, 1919–1934

Том 1

«ПОКА ЖЕ МЫ СЧАСТЛИВЫ ТЕМ, ЧТО НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ НАМ...»

КИТАЙ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ДНЕВНИКАХ И.И. и А.Н. СЕРЕБРЕННИКОВЫХ, 1919–1934

Том 1

«ПОКА ЖЕ МЫ СЧАСТЛИВЫ ТЕМ, ЧТО НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ НАМ...»

КИТАЙ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ДНЕВНИКАХ
И.И. и А.Н. СЕРЕБРЕННИКОВЫХ, 1919–1934

Том 1

Hoover Institution on War, Revolution and Peace,
Stanford University

University of Notre Dame

Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN)
Publishing House

Гуверовский институт войны, революции и мира,
Стэнфордский университет

Нотрдамский университет

Издательство
«Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

CULTURAL AND POLITICAL LIFE OF RUSSIAN DIASPORA IN CHINA: THE DIARIES OF IVAN AND ALEKSANDRA SEREBRENNIKOV, 1919–1934

IN 5 VOLUMES
VOLUME 1

Compiled, annotated, and introduced
by Amir A. Khisamutdinov

General Editor: Semion Lyandres

Moscow—Stanford
ROSSPEN
Hoover Institution Press
2006

КИТАЙ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ДНЕВНИКАХ И.И. и А.Н. СЕРЕБРЕННИКОВЫХ, 1919—1934

В 5 ТОМАХ

Том 1

«ПОКА ЖЕ МЫ СЧАСТЛИВЫ ТЕМ, ЧТО НИЧТО НЕ УГРОЖАЕТ НАМ...»

Вступительная статья, подготовка текста,
биографический словарь и комментарии
А.А.Хисамутдинова

Общая редакция С.М.Ляндреса

Руководители проекта
«Русские сокровища Гуверовской башни»
Елена Даниелсон, Андрей Сорокин

Под общей редакцией
Олега Будницкого, Теренса Эммонса

Москва—Стэнфорд
РОССПЭН
Издательство Гуверовского института
2006

Modern Russian History Program
University of Notre Dame
Modern and Contemporary Russian History: Monographs and Documents
Vol. 8

Cultural and Political Life of Russian Diaspora in China: The Diaries of Ivan and Aleksandra Serebrennikov, 1919–1934

Vol. 1

Compiled, annotated, and introduced by Amir A. Khisamutdinov
General Editor: Semion Lyandres

Программа по изучению новой и новейшей русской истории
Нотрдамский университет (США)
Новейшая российская история: исследования
и документы
Том 8

Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых, 1919–1934

Том 1

«Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...»

Вступительная статья, подготовка текста, биографический
словарь и комментарии А.А. Хисамутдинова
Общая редакция С.М. Ляндреса

ББК 66.3(2 Рос)6(5 Кит)
К 45

К 45 **Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т. Том I: «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...» (1919–1934)** / Гуверовский ин-т революции, войны и мира; Предисл. М.Раева (англ.); Сост., вступительная статья, подготовка текста, биографический словарь и комментарии А.А.Хисамутдинова; Общая редакция С.М.Ляндреса. – (Новейшая российская история: исследования и документы). – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – 448 с., ил. – (Русские сокровища Гуверовской башни). – Парал. загл. англ.

В предлагаемой читателю книге впервые наиболее полно и достоверно от лица очевидцев рассказывается о жизни русских общин в Харбине, Пекине, Тяньцзине, Мукдене и других городах Китая. В ежедневных записях детально обрисованы бытовые сцены, тщательно анализируется политическая обстановка в Китае, имеются наблюдения по китаеведению и экономике страны. Дневники также содержат много сведений о деятельности русских общественных организаций и церкви, характеристики их деятелей. Все это придает изданию энциклопедический характер.

ISBN 5-8243-0690-7
ISBN 5-8243-0783-0

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Несмотря на то что мемуары и дневники носят субъективный характер, они являются важными источниками в понимании исторических процессов российской эмиграции. Особый интерес для историков и других исследователей представляют дневники. В отличие от мемуаров, которые могут быть переписаны в соответствии с тенденциями и требованиями другого времени, дневники полностью сохраняют не только впечатления от прожитых дней или пережитых событий, но и множество бытовых деталей.

Анализ истории российской эмиграции на Дальнем Востоке показывает, что лишь единицы выходцев из России регулярно вели дневники, поэтому до нашего времени такие материалы дошли в очень небольшом количестве. Стоит поэтому приветствовать те попытки, которые предпринимаются для издания сохранившихся дневников, для ознакомления с ними широкого круга читателей, в частности, недавнюю публикацию дневников П.В.Вологодского[1]. Сейчас на очереди — дневники супругов Серебренниковых: Александры Николаевны и Ивана Иннокентьевича. Публикуемые материалы находятся в их собрании, хранящемся в архиве Гуверовского института. Все дневники Серебренниковых находятся в удовлетворительном состоянии[2].

Свой первый дневник И.И.Серебренников вел в 1912–1918 гг., но при переезде семьи в Китай он был оставлен в Иркутске[3]. А.Н.Серебренникова начала ведение первого эмигрантского дневника в 1920 г. – он начат с описания последних дней пребывания в Иркутске и продолжается уже в Китае[4]. В этом дневнике имеются некоторые новые материалы, которых нет в опубликованных вос-

[1] Ссылки на литературу см. в разделе «Избранная библиография».

[2] Дневники хранятся в Hoover Institution Library and Archives (HILA), Serebrennikov I.I. Collection: коробка (ms box) 1: папка (folder) 1 (1920), папка 2 (1920–1939), папка 3 (1931–1932), папка 4 (1932–1933), папка 5 (1933–1934); коробка 1А: папка 1 (1934–1935), папка 2 (1935–1936), папка 3 (1936–1937), папка 4 (1937–1938), папка 5 (1938–1939); коробка 2: папка 1 (1939–1940), папка 2 (1940–1941), папка 3 (1941–1942), папка 4 (1943–1944); коробка 3: папка 1 (1945), папка 2–3 (1945–1946), папка 4 (1946); коробка 4: папка 1 (1947–1948), папка 2–3 (1948), папка 4 (1948–1949), папка 5 (1949–1950), папка 6 (1950–1951), папка 7 (1954–1955); коробка 4А: папка 1 (1955), папка 2 (1955–1956).

[3] ГАИО. Дневник 1 (2 авг. 1914 – 25 янв. 1915). 144 л.; Дневник 2 (26 янв. 1915 – 23 авг. 1915). 120 л.; Дневник 3 (23 авг. 1915 – 18 окт. 1915). 44 л.; Дневник 4 (19 окт. 1915 – 10 марта 1916). 93 л.; Дневник 5 (11 марта 1916 – 16 сент. 1916). 119 л.; Дневник 6 (19 сент. 1916 – 26 янв. 1917). 72 л.; Дневник 7 (27 янв. 1917 – 4 мая 1917). 91 л.; Дневник 8 (5 мая 1917 – дек. 1917). 120 л.; Дневник 9 (дек. 1917 – 12 июля 1918). 90 л.; Продолжение дневника 9. (Сведения получены от Д.Я.Майдачевского).

[4] Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219–260.

поминаниях А.Н.Серебренниковой о бегстве из России. В частности, в нем содержатся имена лиц, которые остались на родине и которых Серебренниковы всегда стремились оградить от неприятностей. Также в данной рукописи имеется перевод с чешского языка поэмы К. Гавличка «Крещение Св. Владимира», шуточная стихотворная пародия на соседей по вагону и др.

Как и подавляющее число русских эмигрантов, Серебренниковы поначалу верили, что советская власть скоро падет, и они смогут вернуться на родину. Вероятно, по этой причине Иван Иннокентьевич не вел дневников до 1931 г. Надо отметить, что во втором томе «Воспоминаний» И.И.Серебренникова (1940) почти не использовались подневные записи, публикуемые в данном издании. Информа-ция о публиковавшихся ранее записях, разночтениях и дополнениях, содержится в соответствующих комментариях.

Подневные записи 1932–1937 гг. И.И.Серебренников вел собственноручно, четким и разборчивым почерком. Позднее, после того, как его разбил паралич, записи делались корявыми, похожими на клинопись буквами. С 1947 г. Иван Иннокентьевич сам в дневник почти ничего не записывал: под его диктовку или по черновикам дневник вела жена. Затем в ведении дневника вновь наблюдается небольшой перерыв, потом записи возобновляются вплоть до 1955 года.

Как по объему информации, так и по временнóму периоду, охваченному подневными записями, дневники Серебренниковых представляют огромный интерес. В них можно найти всевозможную информацию о жизни и деятельности русских эмигрантов: от бытовых сведений, таких как стоимость жилья и уровень заработной платы, проблемы отцов и детей и русской проституции в Китае, до причин репатриации и идеологических провалов российской эмиграции. Тщательно и подробно описывают Серебренниковы и китайские события, свидетелями которых они были: междоусобные конфликты, становление коммунистического режима, влияние СССР, Японии, США и других стран на Китай. Некоторые черновые записи, сделанные в дневнике, являлись набросками будущих работ.

И.И.Серебренников живо интересовался новостями с родины, которой он считал Россию, но не СССР. Ненависть к коммунистам проходит красной нитью через все записи обоих супругов. Этим объясняются и их антиеврейские настроения. По мнению Серебренникова, многие евреи – выходцы из России – поддерживали коммунистический режим из-за того, что СССР продекларировал равенство национальностей.

Страницы дневников заполнены высказываниями, подчас весьма откровенными, в отношении лидеров эмиграции, имеются в них и критические замечания в адрес японских оккупационных властей. «Я вымарал оттуда все те места, – писал Иван Иннокентьевич в октябре 1946 г., – в коих содержались неблагоприятные для японцев отзывы. Возможно, я спаникерствовал... Так или иначе, я все же несколько обескровил свои дневники. Я боялся, что японцы могут обратить особое внимание на журналистов (я причислял себя к таковым), как возможных свидетелей их деяний, и притом таких, которые могут со-

бирать соответственные материалы и будут в состоянии в будущем их опубликовать. Однажды один русский эмигрант, служивший здесь в японской жандармерии, сообщил мне, что его начальник спрашивал:

– А что делает сейчас Серебренников? Что он пишет?

Кажется, этот эмигрант ответил начальнику жандармерии в том смысле, что этот Серебренников интересуется всего больше в данное время древней историей Китая...

За последнее время, когда однажды по Тяньцзиню прошел слух, что наш город будет занят советскими войсками, я стал думать, что мне надо будет мои дневники куда-то спрятать, или, в крайнем случае, вымарать из них все те места, где я выражался неблагоприятно о большевиках, о коммунистах вообще, о Сталине и иже с ним [...]»[1]

К счастью, советские войска в Тяньцзинь не пришли, и дневники сохранились в целости и неприкосновенности. Свидетельством того, что Серебренниковых беспокоили последствия, которые могли иметь их дневниковые записи, являются зачеркивания отдельных фраз, строк или целых абзацев. В этих случаях публикаторы сочли нужным дать соответствующие пояснения.

Необходимость покинуть Китай заставила Серебренниковых – детей у них не было – задуматься о сохранности своего наследия. Неожиданно они получили согласие Гуверовского института войны и мира взять их архив на хранение. После некоторого раздумья решение было принято, и 6 июня 1946 г. в дневнике появились следующие строки: «Все же, наряду с грустью, мы с женой почувствовали и облегчение, отправив свой архив: мы знаем теперь, что все труды наши, плод многолетней работы, все, что наполняло нашу жизнь, не затеряется, не пропадет и сохранится... я написал профессору [Г.Фишеру], что мой личный архив должен храниться в Америке до прекращения коммунистической диктатуры в былой России, после чего должен быть переслан в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске»[2].

Передача архива проходила несколькими этапами. Лейтенант корпуса морских пехотинцев Роберт Э.Вольф, который брал уроки у А.Н.Серебренниковой, в апреле 1946 г. увез в Гуверовский архив 13 книг дневников, одну книгу со статьями и стихами А.Серебренниковой и ящик писем[3]. В июне 1947 г. через Американский экспедиционный корпус Серебренниковы отправили оставшуюся часть архива и биб-лиотеки.

Последняя запись И.И.Серебренникова датируется 1 мая 1951 г. Его жена боялась, что при очередном обыске эти дневники могут послужить уликой при обвинении в «шпионской деятельности», и ведение дневника прекратилось. Впоследствии она очень сожалела, что приняла такое решение. В результате остается неизвестным, как провел Серебренников последние два года своей жизни.

Состояние документов в целом удовлетворительное. В то же время они несут следы многолетнего пользования, т.е. имеют характерный

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 3, folder 1.
[2] Там же.
[3] HILA. Serebrennikov I.I., box 3, folder 2. Дневник, запись от 2 апр. 1946.

для большинства выдаваемых исследователям документов вид усталости. При этом нужно отметить, что сохранность дневников резко ухудшается с начала 40-х годов из-за плохого качества бумаги.

Подневные записи Серебренников вел, как правило, в хронологической последовательности в одной тетради, разлинованном журнале или блокноте (разного формата). Когда одна тетрадь заканчивалась, начиналась новая (в подобных случаях *перед* первой фразой дается ссылка на соответствующую коробку и папку). Почти каждая из них имела типографский экслибрис: «Личный архив А.Н. и И.И. Серебренниковых. Подлежит отправлению в Сибирь на хранение в музее Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества в Иркутске»[1]. Нумерация листов производилась Серебренниковыми.

Настоящие дневники публикуются полностью, без каких-либо сокращений и изьятий. Исключением являются статьи и иные публикации, вклеенные в дневник его владельцем, – они имеются в каждой книге дневников. Ориентировочно планируется издать пять томов. Отбор подневных записей для 1-го тома обусловлен хронологической последовательностью сохранившихся дневников и их объемом.

Так как Иван Иннокентьевич и Александра Николаевна Серебренниковы в отдельные периоды вели одновременно записи в разных книгах, то решено свести их воедино. В примечаниях отмечается авторство. Среди прочего это обстоятельство позволяет наблюдать различия в передаче событий, в их оценке каждой из сторон. Также в примечаниях отражены случаи, когда от имени И.И.Серебренникова подневные записи велись его женой.

Тексты дневников публикуются по современным правилам орфографии, с сохранением стилистических особенностей авторов. Сохранена и авторская пунктуация, если только она не противоречит современным нормам. Исключением является лишь многоточие: И.И.Серебренников использовал его в своих дневниках очень часто, поэтому решено было в некоторых местах заменить многоточие точкой. Явные орфографические и пунктационные ошибки и описки, очевидные искажения в написании имен, фамилий, дат и населенных пунктов, общественных организаций и учреждений исправлялись без оговорок. Унифицировано употребление прописных и строчных букв, как-то: *Белая армия, Красная армия*, но *белая эмиграция*. В то же время оставлены характерные для И.И.Серебренникова заглавные буквы в названиях периодических изданий или организаций. То, что мешает правильной смысловой трактовке, обязательно оговаривается в комментариях или по тексту с указанием «так у автора» или «так в тексте». Сокращения отдельных слов, имен, фамилий и пр. вос-

---

[1] Основан 17 ноября 1851 в Иркутске как Сибирский отдел Императорского Русского географического общества (ИРГО). В 1877 в связи с образованием Западно-Сибирского отдела ИРГО в Омске переименован в Восточно-Сибирский отдел ИРГО, при котором открыли музей и библиотеку. В советское время фонды перешли в библиотеку краеведческого музея, Иркутского госуниверситета, мединститута, Академии народного хозяйства, Бурятского института культуры, Иркутского научного центра Сибирского отделения Академии наук, Госархива Иркутской области и др. собрания.

полнены и заключены в квадратные скобки. Это относилось даже к тем словам, которые обычно не раскрываются, например, упоминаемое перед фамилией звание (*ген[ерал]*) или *К[итайская] В[осточная] Ж[елезная] Д[орога]* и т.д. В некоторых случаях оставлены и авторские примечания, но в каждом случае они оговаривались. Все примечания, не имеющие указания на авторство, принадлежат составителю.

Примечания даются постранично. Сведения о тех или иных организациях, обществах или событиях приводятся при их первом упоминании в тексте и далее, как правило, не повторяются. В случае, когда требуется упоминание дневниковых записей, дата указана курсивом. С целью более широкого описания политических событий в комментариях цитируется периодика тех лет.

Издавая дневник Серебренниковых, публикаторы преследовали цель дать как можно более полный комментарий. Он ведется по трем основным направлениям: 1) расшифровка неясных частей дневника; 2) краткое пояснение к событиям, организациям, периодическим и научным изданиям; 3) биографии лиц, упомянутых Серебренниковыми в дневнике. Для подготовки комментария помимо фондов Гуверовского института были использованы собрания Гавайского (Гонолулу) и Калифорнийского (Беркли) университетов, а также российские коллекции. В 1945 г. СССР вывез из Харбина архив Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии, который ныне находится в Государственном архиве Хабаровского края. Кроме него использовались фонды Государственного архива Российской Федерации. Материалы для комментариев извлекались как из эмигрантских источников и литературы, так и из более поздних публикаций. Сложность этой работе придало то, что наряду с известными событиями и личностями А.Н. и И.И. Серебренниковы отмечали в своих записях и людей, сведений о которых найти так и не удалось.

Как правило, имена собственные давались в современной транскрипции без особой о том оговорки. В некоторых случаях публикаторы оставляли написание, принятое в те годы: *Хувер – Гувер*, *Хитлер – Гитлер*, но *Станфордский*, а не *Стэнфордский* и т.д. Отметим, что Серебренниковы были непоследовательны в транскрипции китайских собственных имен. Например, одно и то же имя в разных записях может быть записано по-разному. Поэтому решено давать их в едином варианте, который приводится в биографическом приложении. В текстологических примечаниях эти изменения даются лишь в самых необходимых случаях.

В приложениях дан лист псевдонимов И.И.Серебренникова и список сочинений А.Н. и И.И. Серебренниковых, который является неполным[1]. Предполагается в последнем томе поместить полный список работ, включая газетные публикации.

Книга имеет научно-справочный аппарат, включающий в себя историко-археографическое введение, краткий биографический очерк с анализом работ авторов дневников, биографические справки, список сокращений, библиографию, примечания, которые составле-

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 3. 15. (Библиогр. материалы И.И. Серебренникова.)

ны профессором Амиром Хисамутдиновым. Контрольная вычитка и редактирование осуществлено Натальей Соловьевой. Предисловие на английском языке написано профессором Марком Раевым. Общая редакция, руководство подготовкой настоящего выпуска и координация проекта проведены С.М.Ляндресом.

Составители считают своим долгом поблагодарить директора Гуверовского архива и библиотеки д-ра Елену Даниельсон, старшего архивиста Гуверовского архива Линду Бернард, русского библиографа Гавайского (Гонолулу) университета Патрицию Полански и профессора того же университета Джона Стефана, славянского библиографа библиотеки Гуверовского института Молли Моллой и директора Государственного архива Иркутской области Д.Я.Майдачевского.

PREFACE

«RUSSIA ABROAD» which emerged from revolution and civil war in the early 1920s contained many «provinces». One of the largest in size, but relatively as sparsely populated as its domestic counterpart in Russian Asia, was in the Far East – Manchuria (with its center in Kharbin) and China (primarily in Shanghai, Tientsin, Peking/Beijing). This «province» has received much less attention from scholars than those in Europe and North America. Many factors account for this state of affairs; fortunately, however, in recent times we have seen a most welcome change as the attention of students of the Russian emigration has increasingly been turned to the history and cultural attainments of the Far Eastern «province» of RUSSIA ABROAD. At the same time, work on the emigration is shifting its focus from outstanding personalities to such topics as the exiles' existential predicaments, their relations with host societies, and their efforts at preserving, and transmitting their cultural identity.

It is particularly difficult to reconstruct the émigrés' daily existence, to assess its nature, and the extent of its impact on their social and psychological fabric. The reasons for the difficulty are not far to seek: their struggle for bare survival absorbed all forces and energies; awareness of cultural isolation and raw exposure to the repercussions of political, economic, and social events taking place in the countries of asylum and the world at large – all made for an ever present psychological pressure that monopolized their full attention and time. Little wonder that émigrés had rarely the will and leisure to engage in self reflection, let alone keep diaries and records of their daily challenges and thoughts. Altogether these circumstances give particular value to the few surviving specimena of diaries and intimate papers. It is, therefore, particularly fortunate that the personal archives of the Serebrennikov couple have been preserved at the Hoover Institution, so that their diaries may now be published. These records are unusual in that they give direct access to the circumstances and life of those Russians who found themselves in emigration in the totally strange and alien social and cultural milieu of China.

The present volume opens with the diary entries made by Anna N. Serebrennikova in the course of the several months long railway journey that, in the accompaniment of a Czech quartermaster unit, she and her husband made as they were evacuated from Irkutsk to Kharbin on the Transsiberian railroad in 1920, to elude the Bolshevik take-over of Siberia in the course of the civil war. The diary complements the Memoirs (*Vospominaniia*), covering the years of revolution and civil war, A.N. Serebrennikova published in Tientsin in 1940. It is a harrowing record of the hardships and anxieties of evacuation, and it also throws fascinating light on the psychological reactions of both Czechs and Russians to the circumambient political turmoil.

Unfortunately, Ivan I. Serebrennikov started making daily entries of his activities and thoughts only at the beginning of 1932. The present publication brings the diary up to mid-1934. Hopefully, the subsequent entries will be published soon. This Preface is not the place for a description of the background and biography of I.I. Serebrennikov as a member of the pre-revolutionary intelligentsia, of his political engagements in Russia and Siberia until emigration, the polymath character of his varied scientific and paedagogic labors. Dr. A.A. Khisamutdinov, the editor of the volume, has done all of it in masterly fashion in his informative Introduction. I shall content myself with pointing out some of the diary's features which, to my mind, may be of particular interest to the historian as well as the general reader.

I.I. Serebrennikov records the daily events that came to his notice in Tientsin, as well as the specific circumstances of émigré life there, noting in particular all contacts with fellow exiles. Naturally, his perspective is defined and dominated by the very fact of emigration. It means, in the first place, that the alpha-and-omega of his perceptions is an unconditional and total rejection of the bolshevist dictatorship. This in turn leads to a number of «pre-judices» (in the literal sense of judgments made in advance of deliberation or examination) involving negative opinions on such issues as, for example, the presence and activities of Jews, the diplomatic recognition of the USSR, and the expressions of uncritical anti-fascism and sovietophilia of Western intellectuals.

Fortunately, Serebrennikov is so absorbed in his own existential problems that these «prejudices» come to the fore but rarely in those years. Unlike their fellow emigres in Europe, for instance, the Russians in China never showed a deep interest in, let alone involvement with, the society of the land of asylum. It would seem that their outside human contacts were reduced almost exclusively to Westerners living in the foreign concessions of Tientsin and other Chinese towns. Only occasionally do we find Serebrennikov mentioning direct contacts – on a more or less reciprocal basis – with Chinese individuals. It is difficult to escape the conclusion that the Russians felt and behaved much like members of an imperial society in a colony. And yet, theirs was a situation of such total powerlessness that it only could embitter them and arouse their scorn towards the Chinese among whom they had to live. Little wonder that Serebrennikov was at a loss in formulating his own position with respect to the Japanese invasion and the political confusion – not to say chaos – prevailing in China.

Such attitudes also largely explain, to my mind, Serebrennikov's ignorance or incomprehension of what is going on in the world at large; a striking example was his dismay at the effects of the Great Depression on his dealings with American scholars and academic institutions. True, his access to newspapers was limited, almost exclusively, to the Russian language press, that is a press both narrowly self centered and poorly informed. Rumors provided the lion's part of the information accessible to Serebrennikov and his fiends. But these very limitations are extremely important and interesting. In retrospect, we tend to forget about them when we analyze and reflect upon attitudes as they were experienced at the time.

Quite naturally, under the circumstances, Serebrennikov and his friends felt overwhelmingly isolated and homesick. It required little to trigger outbursts of pessimism, discontent, and despair – the conviction that all good and happiness were lost forever. This intellectual and psychological atmosphere should never be forgotten whenever we deal with emigration and exile as historical phenomena. And, as we now know, alas, waves of emigration and persecution leading to flight and exile have dominated the history of the Twentieth century.

Yet, despite this ever present gloomy atmosphere, the Serebrennikovs – like so many of their fellow intellectual émigrés – did not remain idle. Both husband and wife were immersed in paedagogical work (private lessons were a mainstay of their budget). Serebrennikov actively collected books and journals, set up bookstores and libraries. He acted as agent for the Russian Historical Archive Abroad (*Russkii zagranichnyi istoricheskiiarkhiv*) in Prague and the Hoover Library, identifying and acquiring documents and private archives, as well as memoirs. His diary entries give much information on individuals, associations, and institutions of the Russian émigré community, as well as on their organizational problems and squabbles. He established contacts with newspapers and journals to find an outlet for his own manifold and copious literary and scholarly activities. He records details of his research interests in the fields of the cultural and economic life in China, Mongolia, and Central Asia. In his diary he frequently copied out some of his documentation and described his current or planned research projects. Homesick and longing for a return to his native Siberia, Serebrennikov turned into an ardent «regionalist» (*oblastnik*), making studies and plans of research in support of the eventual autonomous existence of this vast and richly endowed with resources subcontinent. Of more immediate concern were his plans and preparations for a comprehensive history of the dispersion of Russia across the Far East and Central Asia in the course of the civil war. Some of the documentation he assembled for his well-nigh «imperial» project has been preserved in his archives at the Hoover Institution – it would repay close examination by future researchers on Russian Asia.

We gather from the diaries published here that, in spite of all subjective and objective hardships, I.I. and A.N. Serebrennikov enjoyed a full productive life. They endeavored to preserve and transmit the fruits of their own intellectual creative energies; and they were critical witnesses of the events and circumstances surrounding the life of the Russian émigré community in China. In editing the diary Dr. A. Khisamutdinov has not only made available an original historical source for both professional historians and curious laymen, but he has also enhanced its usefulness by his Introduction, an invaluable biographical index of the many individuals with whom the Serebrennikovs were associated, and a comprehensive bibliography. We are much indebted and grateful to both author and editor.

Marc Raeff
Bakhmeteff Professor (em.) of Russian Studies
Columbia University

Александра Николаевна и Иван Иннокентьевич Серебренниковы

Биографический очерк

Они не имели университетского образования, но обладали разносторонними способностями. Оба интересовались политикой и общественной деятельностью, хотя и не отличались радикальными взглядами. У него была склонность к научному и литературному труду, но работы, выходившие из-под его пера, ничем не выделялись из ряда других. Они были обычными людьми, и в другое время их вряд ли бы назвали выдающимися личностями. Но противоречивая и трагическая эпоха, исковеркавшая их судьбу, выделила их из тысяч им подобных и сделала единственными в своем роде. Иван Иннокентьевич и Александра Николаевна Серебренниковы стали поистине летописцами эмиграции. Из множества работ, которые они оставили после себя, – по истории Гражданской войны, экономике, китаеведению, литературоведению – главными являются дневники. Супруги Серебренниковы вели их в течение всей своей жизни, и по этим записям можно составить не только уникальную хронику трагической жизни российской эмиграции, но и увидеть глазами иностранцев процессы, происходившие в Китае в первой половине XX века.

Родом из Сибири. В течение всей своей жизни Серебренниковы гордились тем, что они – сибиряки, иркутяне. Иван Серебренников родился 14 июля 1882 г. в селе Знаменском Илгинской волости Верхоленского уезда Иркутской губернии. Получив начальное образование в сельской школе, он поступил в Иркутскую губернскую классическую гимназию. Это был любознательный и пытливый мальчик. «По воскресеньям, – писал он, – я любил забираться в музей Географического общества, где часами рассматривал разного рода интересные предметы и коллекции. Здесь же я иногда слушал какую-нибудь интересную лекцию»[1].

Неожиданно для себя гимназист Ваня Серебренников написал рассказ «Праздник», который напечатали в 1901 г. в иркутской газете «Восточное обозрение». Это и стало началом его литературной деятельности, которая продлилась почти полвека.

Окончив гимназию с серебряной медалью, Серебренников поступил в Военно-медицинскую академию в Петербурге, но учиться в ней ему не пришлось. В 1902 г. И.Серебренникова арестовали за участие в студенческой сходке и по приказу военного министра отчислили из академии. Он остался в Петербурге и в течение нескольких лет жадно

[1] HILA. Serebrennikov I.I. Collection, box 10.

впитывал столичную культуру. Позднее, когда он завел альбом автографов, почетное место в нем заняла визитная карточка, подписанная Л.Н.Толстым, и письмо Софьи Толстой с извинениями, что прием не состоится по причине болезни писателя.

Жизнь в политике. Вольный дух Сибири рано привел И.И.Серебренникова в политику, и его арест в студенческие годы был не единственным. «В январе 1905 г., – вспоминал он, – я был арестован в селе Александровском Иркутского уезда по делу о побеге 15 политических каторжан из Александровской каторжной тюрьмы и был предан по этому делу суду, отбыв предварительное тюремное заключение в течение трех месяцев. В ночь на 1 января 1906 г., вместе с другими, я был арестован в Народном Доме, на Детской площадке в Иркутске, на собрании для встречи Нового года, и за участие в незаконном сборище был присужден в административном порядке к 3 месяцам тюремного заключения, которое и отбыл в двух тюрьмах: в Иркутской губернской и Александровской центральной. В апреле 1906 года я был выслан из Иркутска с запрещением жить во всех уездах, прилегающих к Сибирской ж[елезно-]д[орожной] магистрали и находящихся на военном положении»[1].

Апрель 1907 г. стал знаменательным для И.И.Серебренникова: он женился на Александре Петровой, которая сыграла огромную роль в его жизни, став другом и помощницей до конца дней. Александра Николаевна родилась 15 марта 1883 г. в Маче, главном центре Олекминской системы Ленских золотых приисков: ее отец был управляющим одного из них. Впервые они встретились друг с другом в Иркутске, где Александра снимала комнату у Е.П.Сахаровой[2], у которой раньше жил Серебренников и которая, по его словам, «как бы заменила ему мать»[3]. В 1902 г., окончив женскую гимназию в Иркутске, девушка стала работать учительницей русского языка, пока в 1904 г. не поступила в Психоневрологический институт в Санкт-Петербурге. Интересы Александры не ограничивались учебным материалом: она заинтересовалась восстанием ссыльных поляков на Кругобайкальской железной дороге и почти все свободное время проводила в публичной библиотеке. Зная польский язык, она использовала и польские источники.

И.Серебренникова вскоре после женитьбы арестовали в Петербурге за участие в военно-писарском союзе партии эсеров, и ему пришлось отбыть шестимесячное одиночное заключение в знаменитых «Крестах». В 1908 г. Иван Серебренников был выслан из столицы в Вологодскую губернию под гласный полицейский надзор. Перейдя на нелегальное положение, он вернулся с женой в родной Иркутск. Позднее, даже в своих дневниках, Серебренников обходил тему своего членства в политических партиях.

Краеведение. Любовь к родному краю, желание лучше узнать его историю, интерес к своим корням привели И.И.Серебренникова к

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 3.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 15 (А.Н.Серебренникова: Биогр. очерк).

[3] HILA. Serebrennikov I.I., box 15 (Биогр. и библиогр. материалы И.И.Серебренникова).

увлечению краеведением. В начале 1911 г., когда отменили его ссылку, в столичных и сибирских газетах стали появляться статьи и рассказы И.Серебренникова по сибиреведению и экономике края. Особенно много он печатался в иркутской «Сибири». Александра Николаевна редактировала работы мужа, занималась педагогической деятельностью, вела раздел «Журнальное обозрение» в газете «Сибирь» и публиковала библиографические статьи. В этот период она подготовила к печати свою большую работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.»

В 1912 г. вышла из печати первая большая книга Серебренникова – результат его экспедиции по изысканию Ленской железной дороги, прообраза будущего БАМа[1]. В 1913 г. Иркутская городская дума избрала его на пост городского секретаря, а в 1915 г. командировала в Москву для участия во Всероссийском съезде городов, земств и кооперативов, созванном для обсуждения продовольственного вопроса. По постановлению Иркутской думы доклад Серебренникова на этом съезде отпечатали отдельным изданием. На эти же годы пришлось его участие в деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. В то время именно отделы РГО несли всю тяжесть региональных исследований. Действительные члены Географического общества, в том числе и Серебренниковы, совершали интересные экспедиции, собирали уникальные коллекции, публиковали научные отчеты. Энтузиазм помогал местным краеведам добиваться выдающихся результатов в изучении родного края. Не являясь профессиональными учеными, они внесли огромный вклад в науку. Результатом исследовательской работы И.И.Серебренникова стало издание ряда трудов[2]. В 1915 г. его избрали правителем дел старейшей научной организации Сибири, и он остался предан ей всю свою жизнь. Позднее, в эмиграции, на всех его книгах, рукописных тетрадях и папках появился экслибрис «Личный архив А.Н. и И.И.Серебренниковых. Подлежит отправлению в Сибирь, на хранение в Музей Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»[3].

---

[1] Серебренников И.И. Записка об экономическом положении района железной дороги Иркутск–Жигалово (Устьилга), вероятном грузообороте этой жел. дороги и о продолжении ее до г. Бодайбо / Сост. И.И.Серебренниковым под ред. Комиссии для собирания сведений по вопр. об Иркутск.-Ленской ж.д.; Ирк. гор. обществ. управление. Иркутск: Паров. тип. И.П.Казанцева, 1912. – 303 с. (разд. паг.): 1 карта; Он же. К вопросу о Ленской железной дороге: (Отзыв о труде А.Е.Богдановского «Ленская дорога и ее экономическое значение»). Иркутск: Паров. тип. И.П.Казанцева, 1912. – 25 с. и др.

[2] Серебренников И.И. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии // Сиб. архив. Иркутск, 1912. № 4. С. 273–296; Он же. Первоначальное заселение Иркутской губернии: (Материалы к истории Иркут. губ. и г. Иркутска) // Изв. Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. 1915. Т. 44. С. 196–224; Он же. Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии. Иркутск, 1914. 80 с.; Он же. Иркутская губерния в изображении «Чертежной книги Сибири» Семена Ремезова. Иркутск: Эл. - тип. «Т-ва М.П. Окунев и К°», 1913. – 22 с.; Он же. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915. – 11 с., 10 л. ил. и др.

[3] Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Корее: Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтон Гавайского университета / Предисл., пер. с англ. и науч. ред. А.А.Хисамутдинова. М.: Пашков дом (Рос. гос. б-ка), 2002. С. 151–152.

В те годы Серебренниковы увлеклись идеями сибирского областничества. Прежде всего сибиряки возражали против того, чтобы Сибирь воспринималась метрополией как колония, сырьевой придаток. Протест вызывало и то, что Сибирь и Дальний Восток использовались как место ссылки и каторги. Правительство критиковалось также за недальновидную политику по обустройству жизни коренных народностей. И.И.Серебренников и его единомышленники ставили главной целью добиться автономии Сибири в рамках федеративной России.

Александра Николаевна Серебренникова, как и ее муж, обладала деятельной натурой. Будучи секретарем правления Общества общедоступных курсов, она организовала военные курсы, где читала для солдат лекции по русскому языку. В 1916 г., когда в Иркутске прошло совещание по вопросу открытия в городе университета, секретарскую работу поручили А.Н.Серебренниковой. В 1917 г. наряду еще с двумя женщинами ее избрали гласной Иркутской городской думы.

Революция и Гражданская война. Октябрь 1917 г. подвел черту под мирным периодом жизни иркутского губернского секретаря Серебренникова и его жены. Иван Иннокентьевич не разделял всеобщего воодушевления по поводу новых свобод. «Я ничего еще не мог решить, – вспоминал он позднее, – но какое-то смутное чувство тревожило меня и как бы подсказывало: быть худу! Я не скрываю, что до великой мировой войны я жил интересами русской революционной демократии, не разделяя, однако, ее экстремизма и не впрягая себя в ярмо какой-либо революционной партии: партийная жизнь, ее навыки и слепая дисциплина всегда претили мне»[1]. Уже с первых дней после революции И.И.Серебренников крайне отрицательно относился к демагогическим высказываниям социал-демократов и большевиков. Тем не менее короткое время он был членом партии социал-революционеров, которые, по его мнению, наиболее хорошо понимали нужды Сибири. Правда, вскоре он разочаровался в их идеях. Трезво оценивая свои возможности, он отклонил предложение занять место городского головы Иркутска, хотя и продолжал активно участвовать в областническом движении, видя в этом возможность усиления роли региона.

Свидетельством авторитета Серебренникова на этом поприще стало избрание его министром в Сибирском правительстве. «[...] Раз судьба предоставляет мне случай, – писал он, – принять активное участие в антибольшевистской борьбе, этот случай упускать не следует, к этому обязывает чувство долга. К тому же, может быть, мое пребывание в Омске усилит умеренное направление политики правительства. Человек я свободный, ни от каких партий не завишу и буду работать в правительстве так, как подскажет мне моя совесть»[2]. Надо отметить и еще одну черту Серебренникова – он никогда не стремился к власти. Г.К.Гинс писал: «Несмотря на всегдашнюю скромность и стремление стушеваться, видную роль в истории Омской власти сыграл и

---

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания: В 2 т. Тяньцзинь, 1937–1940. Т. 1: В революции (1917–1919). Тип. «Star Press», 1937. С. 11.

[2] Серебренников И.И. Мои воспоминания... Т. 1. С. 111.

Иван Иннокентьевич Серебренников [...] Человек очень умеренных и трезвых взглядов, он занял в составе Омской власти позицию уравновешивающего и примиряющего центра»[1]. Затем последовало назначение на ту же должность в правительстве А.В.Колчака. Но уже вскоре скромность, стремление держаться в стороне от суетящихся политиков, отсутствие всякого желания выступать с демагогическими идеями заставили Серебренникова отказаться от политической карьеры.

Летом 1918 г. помощник начальника Монголекса А.А.Дудукалов предложил И.И.Серебренникову заняться исследованием хозяйственной деятельности бурят, которое было закончено в Чите в 1919 г. и опубликовано спустя еще шесть лет[2]. В предисловии к работе Серебренникова сибиревед Н.Н.Козьмин писал, что она носит компилятивный характер. На самом деле автор заново переработал статистические сведения, собранные предшественниками, впервые ввел в научный оборот документы переписи 1897 г., а также цифровые материалы 1916–1917 гг., провел большой самостоятельный анализ.

В 1919 г. Серебренниковы работали в штабе Иркутского военного округа, занимались изданием газеты «Великая Россия», где опубликовали немало статей. Иркутский переворот 1920 г. заставил супругов покинуть любимую Сибирь, бросив архив и личную библиотеку по сибиреведению в две тысячи томов. Позднее И.И.Серебренников напишет: «20 января [1920] был днем моих именин, и в этот день я получил подарок, каковой назывался: изгнание из родины. Какой еще подарок мог быть горше этого?..»[3] Во время вынужденного путешествия из России в Китай в чешском вагоне А.Н.Серебренникова вела дневник, который впоследствии был опубликован[4].

В Харбине. В Китай Серебренниковы приехали 19 марта 1920 г. почти без гроша, но с твердым желанием продолжить любимое дело – изучение Сибири и окрестных земель. Как и десятки тысяч других беженцев со всей России, оказавшихся в Харбине, супруги пытались найти ответы на вопросы, чем заниматься на чужбине, как жить. Столица Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) была переполнена. Серебренниковы с трудом, только с помощью земляков-сибиряков смогли найти жилье и обустроиться на новом месте.

Как только бытовые проблемы уладились, Серебренниковы решили поближе познакомиться с Китаем и направились в Общество русских ориенталистов (ОРО). Одним из ведущих центров практического изучения стран Дальнего Востока Харбин стал задолго до того, как начал принимать русскую эмиграцию. Здесь занимались китае-

[1] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Ом. правительства: В 2 т. Пекин; Харбин: Изд. О-ва возрождения в Харбине, тип. Рус. духов. миссии в Пекине, 1920. Т. 1, ч. 1: Большевизм. Областные правительства. Директория. Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. С. 114–115.

[2] Серебренников И.И. Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. Верхнеудинск: Бурмонголиздат, 1925. – 226 с.

[3] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 286.

[4] Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина. Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1940). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219–262.

ведением, маньчжуроведением, экономикой Китая. Русские ученые, например, первыми исследовали Маньчжурию. В деятельности ОРО, учрежденного в 1908 г., преобладало научно-популярное направление. На смену тем, кто отошел во время Гражданской войны от научной работы, пришли бежавшие из Советской России эмигранты, в том числе известные востоковеды царской России. Новые члены Общества оживили его работу: чаще стали устраиваться собрания, на которых читались интересные лекции и доклады. Правда, библиотека ОРО в то время не могла удовлетворить запросы исследователей. «Мне казалось непонятным, – писал И.И.Серебренников, – почему это научное общество за одиннадцать лет своего существования не смогло обзавестись научной библиотекой, этим необходимым условием всякой научной деятельности. Неужели, думал я, КВЖД не могла бы помочь ученому Обществу? В таком богатом городе, как Харбин, Общество русских ориенталистов было, очевидно, на положении пасынка»[1]. Тем не менее Иван Иннокентьевич сразу же вступил в члены ОРО, стал посещать заседания, а через некоторое время опубликовал свою статью в его журнале «Вестник Азии».

Первые лекции. В Китае И.И.Серебренников продолжил экономические исследования и не раз выступал с докладами в Кружке экономистов, впоследствии преобразованном в Экономическое бюро КВЖД. Тогда же он написал две статистико-экономические работы: «Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири» и «Программы обследования животноводства в Монголии». Летом 1920 г. они были изданы в Харбине Монгольской экспедицией по заготовке мяса для действующей армии и дали супругам первый заработок на чужбине.

В марте 1920 г. в Харбине открылись Высшие экономико-юридические курсы, вскоре преобразованные в Юридический факультет. Среди лекторов нового высшего учебного заведения был и И.И.Серебренников, читавший курс статистики. Как вспоминал он, «студенты-эмигранты были весьма усердными и аккуратными слушателями лекций. Казалось, люди, устав от всяких походов и войн, с огромным удовлетворением для себя уходили теперь в культурную работу, стремясь наверстать потерянное время»[2]. Одновременно с чтением лекций Серебренников публиковал краеведческие статьи и рецензии. Под псевдонимом «Старый харбинец» его материалы стали регулярно появляться на страницах газеты «Русский голос». Александра Николаевна не осталась в стороне от литературной деятельности мужа: она редактировала его работы и публиковала небольшие заметки в той же газете.

В апреле 1920 г. заведующий кооперативными курсами в Харбине Т.В.Бутов предложил И.И.Серебренникову читать лекции по сибиреведению на Харбинских кооперативных курсах. «Предложение это я принял весьма охотно, – вспоминал Иван Иннокентьевич, – и в мае и июне месяцах прочел перед своими слушателями до двадцати лек-

---

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 54.
[2] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 53.

ций. Материально эти лекции мне давали немного, что-то около 80 иен в месяц, но приносили большое духовное удовлетворение. Я себя чувствовал в этом деле в значительной степени пионером, зная, что мне не придется идти по проторенным дорогам и пользоваться чьим-либо другим курсом сибиреведения, а наоборот, необходимо будет проделать вполне самостоятельную работу в определении объема и содержания читаемого курса»[1].

Осенью 1920 г. лекции И.И.Серебренникова вышли отдельным изданием[2]. В предисловии к книге автор писал: «В своих лекциях я старался популяризовать накопившиеся за последнее время научные данные по вопросам сибиреведения, пользуясь преимущественно богатым материалом, который заключает в себе известное вышедшее в 1914 году издание Переселенческого управления "Азиатская Россия". При пользовании этим материалом я вносил в него необходимые дополнения и изменения, устраняя некоторые вкравшиеся в него неточности и погрешности и освежая, где возможно, статистико-экономические данные. При конспективной форме изложения, лишившей меня возможности вдаваться в подробности, настоящий мой труд может рассматриваться как программа подробного курса сибиреведения, выдвигающего на первое место изучение вопросов сибирской экономики. Если мой труд в настоящее время, когда так много говорят о родине, сможет послужить целям родиноведения, я буду считать свою задачу выполненной»[3].

Первую лекцию Серебренников начал с краткого исторического очерка, а последнюю, 26-ю, закончил государственным устройством Сибири. Он также дал сведения о народонаселении Сибири. «Книга встретила в эмиграции отличный прием, – писал он. – Хорошие и лестные для меня отзывы о ней появились почти во всех русских эмигрантских газетах Харбина и Шанхая. Первое время она бойко шла в продаже, пока не насытила местного рынка. В харбинской частной гимназии Андерса мое "Сибиреведение" было временно принято как учебник по курсу географии в одном из старших классов»[4]. Эта книга стала своеобразным итогом деятельности И.И.Серебренникова как сибирского областника. Позже, говоря о «Сибиреведении», он отметит: «Этим я как бы сказал эмиграции: посмотрите, какую прекрасную страну мы потеряли в лице нашей родины и, в частности, Сибири, и на всякий случай запомните состояние последней накануне революции»[5].

В Пекине. В те годы Харбин был почти русским городом. Интересы большинства эмигрантов ограничивались политикой и вопросом, как выжить на чужбине. Серебренниковы были в числе тех немногих, кого интересовал Китай и его культура. Супругов манила древняя история Китая, хотелось побольше узнать об этой

---

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 48.

[2] Серебренников И.И. Сибиреведение: Конспект лекций по сибиреведению, читанных на кооперативных курсах в г. Харбине, в мае–июне 1920 года. Харбин, 1920.

[3] Серебренников И.И. Предисловие // Серебренников И.И. Сибиреведение. С. 3.

[4] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 49–50.

[5] HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 27 мая 1946.

экзотической для россиян стране[1]. Вскоре представился случай сделать это. В декабре 1920 г. предприниматель В.В.Носач-Носков предложил Александре Николаевне место корректора в типографии, взятой им в аренду у Русской православной миссии в Пекине. Нашлась работа и для Ивана Иннокентьевича – он стал заведующим типографией. Здесь печатался и журнал «Русское обозрение», в котором Александра Николаевна смогла опубликовать свою работу «Восстание поляков за Байкалом в 1866 г.»[2], а И.И.Серебренников – ряд своих статей. Узнав о новом назначении А.Н.Серебренниковой, профессор Г.К.Гинс обратился к ней с просьбой проследить за корректурой его книги «Сибирь, Союзники, Колчак», которая печаталась в этой типографии.

Сразу же после переезда Серебренниковы начали осмотр достопримечательностей Пекина – «хотелось скорее начать знакомиться со столицей Китая»[3]. Они совершили множество экскурсий, которые позволили И.И.Серебренникову составить первый путеводитель по Пекину на русском языке[4]. Эта небольшая книжка пользовалась большой популярностью среди русских туристов. Изучая историю китаеведения, Серебренников познакомился с русскими востоковедами, жившими тогда в Пекине. У опытных китаеведов он хотел получить информацию о Китае, необходимую ему для научной работы. «Насколько я мог наблюдать, – писал он впоследствии, – работа русских синологов в Пекине велась преимущественно, если можно так выразиться, по словарной линии. Составление словарей с добавлением в них новых китайских иероглифов, вызванных в жизнь тем, что мы могли бы назвать европеизацией Китая и его политико-юридическим развитием, – вот что интересовало главным образом наших синологов. [...] За исключением И.П.Митрофанова, почти никто из пекинских русских синологов не уделял внимания вопросам экономического изучения Китая, его этнографии и истории»[5]. Вероятно, это и стало причиной увлечения Серебренникова этими направлениями в китаеведении. Овладев начальными знаниями, он стал регулярно читать соответствующую литературу на английском языке.

«Албазинцы». В типографии И.И.Серебренникова работали китайцы, называвшие себя албазинцами. «Я не раз беседовал с ними, – вспоминал он, – стараясь узнать, не сохранились ли у них какие-либо семейные предания относительно их русского происхождения, выхода из Сибири и первых лет жизни в Китае, но не получил на свои расспросы интересующих меня сведений»[6]. Поискам истины помогла библиотека миссии. Некоторые переводы из старинных китайских

---

[1] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 63.

[2] Серебренникова А.Н. Восстание поляков за Байкалом в 1866 г. // Рус. обозрение. 1920. Дек. С. 152–182.

[3] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 75.

[4] Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям / Russian Guide to Peking and Neighborhood / Изд. для туристов; Сост. И.И.Серебренников. Пекин: Тип. Рус. духовной миссии, 1923.

[5] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 81–82.

[6] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 150.

изданий сделали для него сами албазинцы. Так Серебренников начал исследование русских страниц в истории Китая.

«Среди многомиллионного населения Китайской республики, – писал он, – можно отыскать небольшую горсточку людей, которые называют себя "албазинцами". Это потомки русских, по капризу судьбы более двухсот лет тому назад поселившихся в Пекине, столице Небесной империи, в количестве нескольких десятков человек. Мы, русские, мало знаем об албазинцах, этих потомках завоевателей Приамурья, не знаем обстоятельств их вселения в Китай и мало что слышали об их бытье-житье на чужбине. Теперь, когда судьба закинула в пределы Китая так много русских, укрывающихся здесь от бурь революции, и когда некоторых из русских беженцев судьба связала общей культурной работой с албазинцами, будет далеко нелишним посвятить последним несколько печатных строк»[1]. В судьбе албазинцев И.И.Серебренников увидел как в зеркале отражение недавних трагических событий, которые привели к массовому переселению в Китай русских людей. Историей албазинцев Серебренников будет заниматься и в дальнейшем[2]. Особенно интересными в его исследовании являются сведения о последних годах деятельности так называемой Русской роты в Пекине, в которой служили албазинцы.

Весной 1921 г. издательство, в котором работали Серебренниковы, прекратило свое существование, но супруги остались в Миссии: в начале 1922 г. И.И.Серебренников по просьбе архиепископа Иннокентия возобновил издание журнала «Китайский Благовестник», напечатав в нем и свою статью «Албазинцы». Через несколько лет он перевел ее на английский язык и опубликовал в шанхайском журнале[3]. Сотрудничество с «Китайским Благовестником» Серебренников продолжал в течение многих лет.

В поисках новых занятий. В январе 1922 г. Серебренниковых стала беспокоить хроническая задержка зарплаты и перспектива вообще остаться без нее. Иван Иннокентьевич решил принять предложение баронессы М.Д.Фитингоф и переехать в Тяньцзинь, чтобы подготовить к выпускным экзаменам ее старшего сына, а затем позаниматься и с младшим. Александра Николаевна оставалась в Пекине.

В апреле 1922 г. И.И.Серебренников побывал в Харбине, где его ученик сдавал экзамены. Он провел там два месяца, успев повидать всех друзей и знакомых. В это время на КВЖД готовились торжественно отметить 25-летие со дня открытия дороги. Военному юристу Е.Х.Нилусу было поручено подготовить исторический обзор[4], и тот, встретившись с И.И.Серебренниковым, предложил ему обработать некоторые материалы. Серебренников согласился[5]. Поступило и другое предложение, от редактора «Русского голоса»

[1] Серебренников И.И. Албазинцы. Харбин: Тип. «Свет», 1920. С. 13.
[2] HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 23 сент. 1932.
[3] The China Journal. 1932. July.
[4] Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896–1923 гг. Т. 1. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж.д. и т-ва «Озо», 1923.
[5] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 344.

С.В.Востротина – написать рецензию на книгу, посвященную экономике Северной Маньчжурии и КВЖД, только что вышедшую в Харбине[1]. Авторы этого сборника неоднозначно восприняли критику, но И.И.Серебренников всегда старался высказывать свое мнение невзирая на лица. Почему Серебренниковы не остались жить в Харбине? Причин тому было несколько. Во-первых, в столице КВЖД наблюдалась большая конкуренция среди преподавателей, и Серебренниковым было бы трудно найти заработок. Кроме того, беженцы в Харбине испытывали большой идеологический пресс со стороны деятелей русской эмиграции, и там существовала серьезная опасность появления советских войск, что в конечном итоге и произошло.

Книжный магазин и библиотека Серебренниковых. Тяньцзинь был третьим в Китае городом по количеству русских жителей после Харбина и Шанхая. В свое время там располагалась большая Русская концессия, и работало консульство Российской империи, закрытое в сентябре 1920 г. Русские эмигранты Тяньцзиня предпочитали жить на территории иностранных концессий, где было гораздо спокойнее, чем в других частях города.

Когда И.И.Серебренникову предложили должность директора Тяньцзиньского общественного коммерческого училища, супруги решили окончательно переехать в этот город. «Программа училища, – писал Серебренников, – представляла собою сколок с программы Харбинского железнодорожного училища и была очень обширна. В училище были детский сад, младший и старший подготовительные классы и первые пять классов»[2]. Большое внимание в нем уделялось изучению английского языка. И.И.Серебренников преподавал в училище востоковедение.

В начале 1922 г. на тяньцзиньском вокзале И.И.Серебренников встретился с профессором Г.К.Гинсом, предложившим взять на комиссию книжные новинки из его магазина в Харбине. Вскоре с этим же предложением обратился Г.Г.Тельберг из Циндао, с которым Серебренников был хорошо знаком еще в Иркутске. Иван Иннокентьевич согласился и... вскоре открыл собственный магазин. «Книги продолжали накапливаться все в большем и большем количестве, – вспоминал он, – к весне 1923 года мы с женой решили поселиться где-либо в центре русского расселения в Тяньцзине и, после недолгих поисков, сняли себе две комнаты в одной из дешевых квартир по Конзис-род на Британской концессии. Одну комнату мы приспособили для жилья, а в другой, выходившей окнами на улицу, устроили книжный магазин. Я заказал столяру полки для книг, сам смастерил небольшую вывеску, которую прикрепил к наружным дверям квартиры, и, таким образом, открылась моя книготорговля»[3].

Осенью того же года Серебренниковы открыли и частную библиотеку, которая в первое время насчитывала всего 70 книг. Заботы о

---

[1] Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога: Сб. / Сост. Экон. бюро КВЖД. Харбин: Изд. Экон. бюро, 1922.

[2] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2. С. 172.

[3] Там же. С. 199.

ней легли на плечи Александры Николаевны. «Число абонентов у нас быстро увеличивалось, – записано в дневнике, – и стало приближаться к 200. По составу своему читающая у нас публика была весьма разнообразна [...] Старые русские книги, изданные в дореволюционное время, я скупал у русских беженцев небольшими партиями, книг 6–10. Английские держаные книги, почти исключительно беллетристику, я покупал по дешевке в китайских комиссионных магазинах по Таку-род, обходя эти магазины примерно раз в неделю»[1].

В январе 1925 г. Серебренниковы купили квартиру на Дикинсон-род, торговом центре русской общины в Тяньцзине, став владельцами собственного жилья и небольшого предприятия в Китае. В двух просторных комнатах на нижнем этаже разместились библиотека с магазином. На двери появилась вывеска «Платная библиотека И.И.Серебренникова. Продажа книг». Две такие же комнаты находились на втором этаже, там же были кухня с ванной и еще две небольшие комнаты, которые сдавались. Жизнь постепенно входила в спокойное русло. На должность библиотекаря Серебренников пригласил бывшего генерала Оренбургского казачьего войска Н.П.Карнаухова, также помогали супруги Сизовы. «Мы с женой, – писал Серебренников, – имели теперь много работы и были довольны тем, что созданное нами предприятие имело успех: число абонентов библиотеки неизменно возрастало, продажа книг увеличивалась. Это наше молодое предприятие могло уже теперь обеспечить некоторый заработок и трем нуждающимся русским людям. Довольны мы были и тем, что наша новая квартира была на Британской концессии – мы на этой концессии чувствовали себя живущими не столько в Китае, сколько в некоем уголке Британской империи. Мы знали, что к нам, в нашу квартиру, никогда не посмеет войти ни один полицейский чин, если мы не позовем его сами, что нам обеспечена, по английскому закону, неприкосновенность личности и жилища»[2]. Важным было и то, что предприятия на Британской концессии не облагались налогом. Работы было так много, что вскоре Иван Иннокентьевич оставил преподавание в училище и полностью посвятил себя магазину.

Серебренников получал книги от оптовиков в Харбине и Циндао. В основном это была литература, увидевшая свет в Риге, Берлине, Праге и Париже. Покупал он и советские издания – переводную художественную литературу. Большим достоинством магазина Серебренниковых было то, что здесь предлагали наиболее богатый, лучший в Китае выбор русской детской литературы. Летом 1925 г. через магазин Серебренниковых начал распродавать свою богатую коллекцию марок бывший начальник пекинского отдела правления КВЖД Р.И.Барбье. Когда в Пекине скончался востоковед-библиофил Н.И.Осипов, Серебренников стал продавать книги из его библиотеки.

Читательские вкусы русских тяньцзиньцев были разнообразны. «По составу своему, – писал Серебренников, – читающая публи-

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 10.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 3.

ка была весьма разнообразна: учащаяся молодежь, коммерсанты, служащие различных предприятий, бывшие Российские консулы и, в большом количестве, девицы из кабаре и баров, музыканты и т.д. Постоянно присутствуя в библиотеке, жена могла отметить одну характерную особенность: почти все абоненты не любили выбирать книги по каталогам, а всегда обращались к жене с просьбой: "Пожалуйста, выберите мне книгу по Вашему вкусу!" И жена, быстро ознакомившись со склонностями наших читателей, отлично умела угодить всем: одним, большей частью дамам, предлагала романы Бебутовой, Крыжановской, Лаппо-Данилевской; другим – классиков; третьим – лучшие произведения иностранной литературы; четвертым – книги философского или политического характера»[1]. Это всем нравилось, и число читателей быстро росло.

И.И.Серебренников был большим почитателем шахматной игры. Он постоянно играл в шахматы с Н.А.Желудковым, М.Я.Перцелем, Ф.П.Романовым и др. Вскоре при его библиотеке открылся и Шахматный клуб, в который записалось около 20 человек[2]. Они собирались дважды в неделю и играли с 9 часов вечера до 2 ночи. Иногда такие встречи продолжались до утра.

Встречи гостей из Советской России. Серебренниковы не боялись гостей из Советской России, напротив, они искали встреч с интересными людьми. Так, летом 1925 г. они познакомились с видным общественным деятелем из Якутии А.А.Семеновым, который посоветовал Александре Николаевне написать шутливую пьесу «Иванов Павел в Тяньцзине»[3]. Впоследствии эта пьеса не раз с успехом ставилась на любительской сцене в этом городе[4]. В том же 1925 г. в магазин Серебренникова зашел известный путешественник П.К.Козлов, с которым до этого он несколько раз виделся в Иркутске. Позднее Иван Иннокентьевич вспоминал: «Мы радостно встретились с П.К.Козловым. Он немного постарел и был одет, можно сказать, по-советски: на нем был глухой френч и высокие сапоги, каковые мы уж совсем отвыкли видеть здесь. П.К. рассказал мне кое-что из своей жизни за революционные годы, о своих новых археологических открытиях в Монголии и расспросил меня о моем пребывании в Китае. По моей просьбе, П.К.Козлов оставил мне на память свой автограф, написав на почтовой открытке следующее: «20/V 1925. Счастливое утро: высокое удовольствие – в Тяньцзине, среди громадных, европейских домов встретить научный уют – библиотеку русскую и своих родных соотечественников, в частности, Ив. Инн. Серебренникова. П.Козлов»[5].

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Наше предприятие). Л. 7–8.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Шахматный клуб). Л. 42–44.

[3] Б.К. Иванов Павел в Тяньцзине // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. 1929. 7 янв. С. 5.

[4] См. об этом: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. («Иванов Павел»). Л. 184–185.

[5] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 23.

И.И.Серебренников вел переписку с профессором Н.Н.Козьминым и другими иркутскими исследователями, поддерживал связь с Иркутским университетом, отправляя туда книги. В частности, он переслал в дар университетской библиотеке около десяти самых редких экземпляров из собрания востоковеда Н.И.Осипова. Весной 1926 г. Серебренников получил приглашение на празднование 75-летия со дня основания Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества. Его очень тронуло это внимание. Конечно, он не мог поехать, но отправил приветственный адрес, который зачитали на торжественном заседании. Иркутяне, в свою очередь, отправили Серебренникову свои издания. Особенно ему понравился очерк В.С.Манассеина, в котором упоминалось его имя[1]. Чуть позже связь с родиной оборвалась, Серебренниковым даже посоветовали прекратить переписку с родственниками из Иркутска.

Научно-общественная деятельность. В Тяньцзине Серебренниковы сразу же окунулись в общественную и литературную жизнь города. Прирожденный лектор, И.И.Серебренников прочитал там немало обзорных лекций, среди них – «Экономическое обозрение СССР», «Народные поверья китайцев», «Шаманизм в Китае», «Тихоокеанская проблема», «Примитивы цивилизации» и др. Желание сплотить единомышленников привело Серебренникова к решению основать свой научный кружок, куда вошли зоолог и натуралист Б.П.Яковлев, ботаник И.В.Козлов, геолог П.А.Павлов и антрополог Г.П.Кожеуров. Кружок распался, просуществовав около двух месяцев. Недолгим было и сотрудничество с Обществом изучения Китая, которое издавало журнал «Вестник Китая». Борьба за существование ограничивала многие культурные инициативы российской эмиграции. Но исследовательскую работу И.И.Серебренников не прекращал. Итогом его интереса к экономике Китая стало появление в журнале «Вестник Азии» большого «Очерка экономической географии Китая»[2]. «Автор настоящего труда, – писал И.И.Серебренников, – не является специалистом-востоковедом, проживает в Китае случайно, лишен здесь научной обстановки, и поэтому он заранее просит о снисхождении, если в его труде специалистами будут замечены какие-либо промахи, неточности и погрешности. Вместе с тем, автор считает появление в печати своего труда по экономике Китая вполне целесообразным, особенно в данное время, когда так называемый тихоокеанский вопрос привлекает к себе внимание цивилизованного мира, и когда освежить наши знания по экономике одной из больших тихоокеанских держав будет более, чем своевременно»[3]. Истоки этой работы можно найти еще в 1921 г., когда Серебренников написал очерк «Экономическое

[1] Манассеин В.С. Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению истории Восточно-Сибирского края и по охране памятников местной старины (1851–1926). Иркутск, 1926.

[2] Серебренников И.И. Очерк экономической географии Китая. Харбин: Изд. ОРО, 1926.

[3] Серебренников И.И. Предисловие // Серебренников И.И. Очерк экономической географии Китая. Харбин: Изд. ОРО, 1926. С. 3.

положение Северной Маньчжурии»[1]. Некоторое время эту книгу использовали в качестве учебного пособия на восточном факультете Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке[2]. В автобиографии Иван Иннокентьевич отмечал: «Состоя директором и преподавателем коммерческого училища, имея частную педагогическую практику, будучи владельцем книжного магазина, И.И. не мог уделять много времени литературным своим занятиям, но все же не бросал таковых и посвящал свои досуги экономическому изучению Китая, пользуясь для этого английскими источниками»[3].

Попытка уехать в Европу. Когда Серебренниковы поняли, что падения Советской власти не дождаться, они решили уехать в Европу. В Китае им уже было тесно. Бегство из России в чешском вагоне, знакомство с чешским языком склоняли их к мысли осесть в Чехословакии. 28 февраля 1927 г. они продали свое книжное дело супругам Козулиным. К этому времени их собрание насчитывало 1400 книг, из них 200 на английском языке. Позднее эта библиотека, сменив трех владельцев, была перевезена Е.Е.Борисовым в Шанхай, где просуществовала до 1946 г. К этому времени на ее полках стояло более 12 тысяч книг.

Перед дальней дорогой Серебренниковы решили подлечиться, тем более что оба стали испытывать проблемы со здоровьем. Но, проведя лето в курортных местах – Дайренс и Танканцзы, — супруги раздумали перебираться в Европу и вернулись в Тяньцзинь. По пути домой И.И.Серебренников познакомился с американским журналистом В.Чемберлином. «Я вручил ему свою карточку, и между нами сразу же завязался оживленный разговор; но он не мог долго продолжаться, ибо поезд наш стал уже подходить к Тяньцзиню. Я сказал Чемберлину, где я полагаю остановиться, и просил его непременно зайти ко мне вечером побеседовать. Он обещал сделать это и исполнил свое обещание: ровно в 9 часов, в день нашей встречи, он уже сидел у меня в гостях, и между нами опять шла живая беседа все о том же – об этом загадочном сфинксе, имя которого – Советское государство. Я, что называется, впился в своего собеседника, засыпал его вопросами и с жадностью слушал каждое его слово»[4]. Это общение, которое продолжалось и в дальнейшем, было интересно и для американского журналиста, который хотел понять причины основания Советской власти.

Снова в Тяньцзине. В Тяньцзине Серебренниковы вернулись к преподавательской деятельности. Если раньше русские в основном просто учились грамоте, то теперь среди учеников Серебренниковых стали преобладать учащиеся тяньцзиньских иностранных коллед-

---

[1] Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биография. Тяньцзинь: Изд. авт., 1940. С. 12.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Литературные занятия). Л. 48.

[3] Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биография. Тяньцзинь: Изд. авт., 1940. С. 13–14.

[4] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Встреча с журналистом). Л. 137.

жей. Иван Иннокентьевич занимался репетиторством по математике (арифметика, алгебра, геометрия и тригонометрия). Александра Николаевна – по русскому языку и литературе, позднее она стала вести занятия и по английскому языку. А.Н.Серебренникова считалась лучшей русской учительницей в Тяньцзине. За свою жизнь в Китае Серебренниковы подготовили более сотни школьников к Кембриджским экзаменам. В это время И.И.Серебренников стал членом Совета старейшин Русского общественного собрания в Тяньцзине, основав при нем библиотеку. Был он также одним из учредителей Русской национальной общины Тяньцзиня и редактором ее «Вестника», первый номер которого вышел 13 августа 1928 г.[1] Иван Иннокентьевич хорошо понимал, насколько важна для русских в Китае периодическая печать, и в этой деятельности наиболее ярко проявился его талант редактора и журналиста. От имени редакции он писал: «Приступая к изданию своей еженедельной газеты, Русская национальная община г. Тяньцзиня ставит перед собой задачи дальнейшего развития и укрепления дела единения местной русской эмигрантской колонии, освещения стоящих перед нею нужд и запросов и осведомления о текущих событиях, могущих иметь местный или общий интерес»[2]. В штате газеты состояло всего трое человек: супруги Серебренниковы, не получавшие за свой труд никакого вознаграждения, и бывший полковник М.А.Михайлов. Газета печаталась в типографии «Чили-пресс» на Французской концессии и выходила по понедельникам. Это было насыщенное издание. В каждом номере имелись передовица, обзорная статья на эмигрантские темы, новости из Советской России и Сибири, библиографические заметки и шахматный раздел. Любопытным был раздел «Местная хроника». Почти в каждом номере Серебренников печатал «Маленькие фельетоны» под псевдонимом «Старый харбинец». Публикации, посвященные мировым событиям, порой вызывали нарекания читателей, которые больше тяготели к местным новостям[3].

Серебренников надеялся, что «газета, устоявшись, может превратиться из еженедельной в ежедневную и стать истинно эмигрантским органом»[4], но работа по изданию «Вестника» оказалась слишком напряженной, а порой и неблагодарной. И.И.Серебренников прекратил выпуск газеты, издав 27 номеров. Некоторое время спустя, почувствовав ухудшение здоровья, он решил совсем отойти от общественной деятельности, чтобы целиком посвятить себя научной работе: «Я решил: пусть привыкают к общественной работе представители младших поколений русской эмиграции – я с охотой уступил им до-

---

1 Комплект подшивки этой газеты, которую собирал И.И.Серебренников, находится в библиотеке Гамильтон Гавайского университета (Hamilton Library, University of Hawaii). Отдельные экземпляры в HILA.

2 Объединение эмиграции // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. 1928. 13 авг.

3 Нашим читателям // Вестн. Рус. нац. общины в Тяньцзине. 1928. 26 нояб.

4 HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Эмигрантская газета). Л. 179.

5 HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Уход от общественной деятельности). Л. 186.

рогу»[5]. В ноябре 1932 г. вышел последний – 34-й номер «Вестника». По этому поводу Серебренников писал: «Я старался сделать ее (газету. – *А.Х.*) чисто эмигрантским органом, освещающим нужды, дела и успехи русской эмиграции за границей. К сожалению, мое начинание встретило большую оппозицию: стали говорить – зачем общине тратить деньги на газету. Это роскошь; лучше накормить на эти деньги лишних бедняков... и т.д. При мне газета выходила раз в неделю, теперь она появляется раз–два в год. Все же появляется, значит, существует. Обычно она появляется перед советским праздником 7 ноября. Теперь она вышла к 15-летнему юбилею советчины»[1].

Сохранить потомкам. Анализируя события, происходившие в России во время революции и Гражданской войны, Серебренников обратил внимание на то, как мало документов сохранилось об этом времени. Даже те немногие, которые уцелели, постепенно уничтожались. В свое время в Иркутске он приложил немало сил, чтобы сохранить документы, посвященные Первой мировой войне. Эту же идею он думал реализовать и в Китае. «В поисках какой-нибудь опоры для научной работы, – вспоминал Иван Иннокентьевич, – я надумал связаться с Национальным Географическим обществом в Америке и написал в адрес этого общества, в Вашингтон, большое письмо. Не буду говорить о деталях этого письма, скажу только: в нем я сообщал, что в настоящее время русские беженцы рассеяны по всему Китаю, что таковые имеются в отдаленных уголках и Маньчжурии, и Корее, и Внутренней Монголии, и в Китайском Туркестане, и близ границ Тибета и собственно Китая. Среди этих русских беженцев немало лиц со средним и высшим образованием и даже со специальной подготовкой к научным занятиям (восточники). Я указал далее, что можно было бы воспользоваться этим рассеянием здесь русских с целью сбора некоторых научных материалов: фотографических, ботанических и этнографических, и что для этого нужны средства и некий организующий центр, каковой я берусь создать.

Я получил ответ, в котором мне сообщалось, что возбужденный мною вопрос передан на рассмотрение такого-то отдела Общества – и на этом все дело закончилось. Оглядываясь теперь на прошлое, я не могу понять, почему Национальное Географическое общество не приняло моего предложения. В нем не было ничего утопического. Оно было вполне осуществимо и не требовало больших затрат. Не воспользовавшись моей идеей, Общество лишило меня интересной работы, а себя – интересных коллекций»[2].

Одновременно с документами о Гражданской войне и эмиграции И.И.Серебренников предлагал собирать материалы и по китаеведению. Несмотря на то что откликов почти не последовало, Иван Иннокентьевич стал сам коллекционировать фотографии. Многие снимки он делал сам аппаратом «Кодак», купленным в 1921 г. в Пекине. За годы эмиграции Серебренниковыми было собрано около 30 фотоальбомов, которые помогали им иллюстрировать их работы.

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 3 ноября 1932.
[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 10.

Серебренников сетовал, что его проекты по сбору документальных материалов и по использованию специалистов русской эмиграции в Китае очень редко получали осуществление, и не по его вине.

Связи с земляками в зарубежье. Деятелей сибирского областничества разбросало по всему свету, но они продолжали общаться друг с другом. Поэтому выход в свет первого номера журнала «Вольная Сибирь», напечатанного в 1927 г. в Праге, был встречен с воодушевлением. Обрадованный Серебренников написал письмо редактору И.А.Якушеву, которого хорошо знал по совместной деятельности в Иркутске. В ответ тот предложил ему прислать для журнала рукопись.

И.И.Серебренников вел переписку с Г.Д. Гребенщиковым из Америки и Г.И.Чертковым из Японии. Последний помог ему издать на японском языке статью «К пересмотру сибирских вопросов». Ее опубликовал токийский журнал «Сибирь» в 1928 г. Вскоре вышла другая статья. На новые предложения Серебренникова о сотрудничестве Чертков ответил: «Ваши статьи носят антибольшевистский характер, а такого рода статьи здесь можно помещать только в небольших и небогатых органах прессы. Большие буржуазные богатые издания избегают печатать подобные статьи»[1].

В 1928 г. И.И.Серебренников принял предложение стать на общественных началах представителем Русского заграничного исторического архива (РЗИА), находящегося в Праге. Туда он стал отправлять все эмигрантские издания и рукописные материалы, касающиеся революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке. В этот архив он переслал безвозмездно и львиную долю своего личного собрания[2]. Он писал в июле 1931 г. в Прагу: «Письма сдаю на хранение в Р.З.И.Архив на срок не менее пяти лет. По истечении этого срока, если в России будет установлен нормально-правовой государственный строй, Р.З.И.Архив обязуется переслать за свой счет мой личный архив в Сибирь, в г. Иркутск, в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества»[3]. Из-за болезни И.И.Серебренникова с 1 июля 1938 г. его обязанности представителя архива стала выполнять Александра Николаевна. Забегая вперед, надо отметить, что Пражский архив в 1945 г. перевезли в Москву. В одной из своих записей Иван Иннокентьевич писал, что он не возражает против того, чтобы его архив оказался в Москве. Ему всегда хотелось, чтобы как можно больше людей могло познакомиться с его собранием. Думается, он понимал, что в то время увидеть его коллекцию могли очень немногие.

Сотрудничество с Гуверовским институтом. Тогда же началось сотрудничество И.И.Серебренникова с Гуверовским институтом войны и мира. Адрес этой организации он узнал у переводчика В.О.Клемма, который переводил в Пекине на английский язык

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Цит. по: Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Связи с Прагой и Токио). Л. 164.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. См. об этом: Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Русский загран. историч. архив). Л. 182–183.

[3] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Письмо в Вашингтон). Л. 164.

воспоминания бывшего управляющего КВЖД Д.Л.Хорвата. «Я тотчас же, – вспоминал Серебренников, – написал письмо проф. Фишеру, с предложением своих услуг по собиранию интересующих его материалов и получил любезный ответ, причем профессор указал, что его, в частности, интересуют в данный момент материалы по истории Гражданской войны в Сибири. Это письмо внушило мне мысль засесть за составление моих мемуаров о годах революции и Гражданской войны в Сибири (1917–1919 гг.). В дальнейшем времени у нас завязалась регулярная переписка, продолжавшаяся до самого вступления Америки в войну с Японией, т.е. до конца 1941 г. Если я не ошибаюсь, уже летом 1929 года я обработал имевшиеся у меня материалы по советизации Внешней Монголии и написал статью на эту тему. Эту статью я сам перевел на английский язык, и, после того, как она прошла стилистическую корректуру моего приятеля мистера Мора, я отправил ее в Америку, в адрес профессора Фишера, с просьбой устроить ее где-нибудь в американской прессе. В результате его любезного содействия статья моя, в несколько сокращенном виде, была напечатана в нью-йоркском журнале "Foreign Affairs", выходившем четыре раза в год. Я получил затем два экземпляра этой книги (апрель 1931 г.) и чек на 75 американских долларов»[1]. Это была первая статья Серебренникова, опубликованная на английском языке.

Американские ученые. И.И.Серебренников искал всякую возможность расширить сотрудничество с коллегами в других странах. Он знал многих, кто интересовался Китаем, изучал Сибирь и Дальний Восток. Всем им Иван Иннокентьевич оказывал большую помощь. Осенью 1930 г. Серебренников познакомился с профессором Мичиганского университета Ч.Ф.Ремером, «который объяснил мне, что он в настоящее время ведет обширное исследование на тему об инвестировании иностранных капиталов в Китае, и что он собрал уже достаточно полные материалы об американских, французских, японских, бельгийских и иных капиталах, кроме русского. Он не знает русского языка и русской экономической литературы, и потому его сильно затрудняет вопрос об инвестировании русского капитала в Китае; не смогу ли я помочь ему в этом отношении? Я ответил, что в Тяньцзине за отсутствием справочной литературы трудно выполнить вообще подобного рода работу, это во-первых; во-вторых, насколько я знаю, в русской экономической и синологической литературе не имеется исследований на интересующую профессора тему, и поэтому являются большие затруднения, но я могу все же попытаться выполнить его задание, если он даст мне, в письменном виде, желательную для него схему»[2].

Поскольку И.И.Серебренников всегда старался тщательно анализировать взаимоотношения России, Китая, Японии и других стран,

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Связи с Америкой). Л. 190–191.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Профессор Ремер). Л. 236.

[3] Серебренников И.И. Тихоокеанская проблема с экономической точки зрения // Вольная Сибирь. 1930. № 9. С. 47–63.

обращая при этом внимание на роль российской эмиграции[3], он блестяще справился и с новой трудной задачей. В монографии Ремера появился соответствующий раздел со ссылкой на русского исследователя[1]. Свои материалы И.И.Серебренников опубликовал на русском языке в шанхайском журнале «Парус» в конце 1933 г., назвав статью «Русские интересы в Китае». Затем ее напечатали отдельной брошюрой тиражом 200 экземпляров[2].

Большую исследовательскую работу И.И.Серебренников проделал для профессора Йельского университета Ч.П.Хоуланда. Он также переписывался с ученым из Института тихоокеанских связей Э.К.Картером, профессором экономики Э.М.Паттерсоном и другими.

Жизнь в эмиграции: близкие и друзья. В своем дневнике И.И.Серебренников оставил такую запись: «Жить скучно. Будто и на людях, а чувствуешь себя, как в пустыне. Я не имею в Тяньцзине ни одного близкого мне человека, друга, товарища. От эмиграции в массе я далек, как не близок и к ее общественным руководителям. Все эти руководители – болотные, заскорузлые люди: ни о чем с ними не поговорить, не поспорить. Для многих из них ясна первопричина всего случившегося: все устроили жиды или масоны, или те и другие вместе. Для таковых я, конечно, социалист и потому человек мало приемлемый»[3]. По этой причине Серебренниковы ограничивали общение весьма тесным кругом людей, которые поддерживали их в трудную минуту и помогали коротать время.

Интересными собеседниками Иван Иннокентьевич считал католического священника и поэта Д.В.Колпинского, ботаника и краеведа И.В.Козлова. Довольно часто Серебренниковы слушали пластинки у Е.Е.Борисова, служащего Китайской таможни. К ним часто заглядывали семейные пары З.И. и И.Я. Антуфьевы, Н.А. и И.Н. Головко-Улазовские, О.П. и Н.Ф. Злоказовы, Е.Н. и В.Н. Лавдовские. Политические пристрастия связывали И.И.Серебренникова с А.А.Пуриным, Г.А.Чертковым, Е.Е.Яшновым, которые часто останавливались у него в доме.

Близких друзей Иван Иннокентьевич не имел, более общительной была Александра Николаевна. Ее близкими подругами были Е.С.Курбатова и Е.В.Амбразанцева, вышедшая замуж за друга их семьи Л.Н.Кукуранова. Их молодая квартирантка Лида Страндберг (урожд. Колчанова) скрасила немало минут одиночества. Бывая в Пекине, Серебренниковы обязательно встречались со О.Л. и Я.Ф. Зверевыми. И.И.Серебренников часто беседовал также с профессором И.Н.Веревкиным, бывшим генералом, ставшим бухгалтером С.Н.Розановым и др.

Несмотря на то что И.И.Серебренников допускал резкие замечания по поводу политических пристрастий некоторых евреев – выходцев из России, у него было немало друзей из еврейской общины: супруги М.Я. и В.М. Перцель и многие другие.

---

[1] Remer C.F. Russian Investments in China // Remer C.F. Foreign Investments in China. New York: The Macmillan Company, 1933. P. 554–618.

[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 6, folder 51. Письмо редактора Д.Густова от 3 января 1934.

[3] HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 21 апреля 1932.

Просветительство. Занятия с учениками, как и общественная деятельность, не занимали много времени, и Серебренниковы имели возможность посвящать себя журналистике. В этой работе они видели возможность выйти на новый уровень просветительства. На первых порах печататься было трудно. По мнению И.И.Серебренникова, дальневосточным авторам было невозможно пробиться в русские издания Европы. С недоверием относились к статьям И.И.Серебренникова и в «Заре». Переехав в Тяньцзинь, Серебренников не очень хотел печататься в местной газете «Наш путь», которая при редакторе П.Разумове велась весьма непрофессионально. Его материалы стали появляться в этом издании, лишь начиная с 1927 г., когда редактором стал П.И.Зайцев, а газета переехала в дом, где жил Серебренников. О своих публикациях Иван Иннокентьевич писал так: «Не знаю, как принимала эти фельетоны публика, но сам я был не очень доволен ими: я чувствовал, что они были написаны мною немножко "под Зощенко", советского талантливого юмориста, который мне очень нравился. Мне же хотелось в своих фельетонах выбраться на самостоятельную дорогу. Кажется, я напечатал всего до десятка фельетонов под разными псевдонимами»[1].

А.Н.Серебренникова также опубликовала немало статей. Начиная с 1934 г. она читала лекции на курсах Отечествоведения, была членом культурно-просветительской комиссии объединенного Русского эмигрантского комитета. На организованных этой комиссией Литературно-музыкальных «вторниках» она также выступала с лекциями, в основном на темы языкознания и литературоведения: «Об искажениях и словотворчестве в русском языке», «Славянские языки, народы и государства» и др. Большим успехом пользовалась ее лекция, посвященная И.А.Бунину.

Китаеведение. Серебренниковы никогда не говорили о себе как о знатоках Дальнего Востока. Наоборот, они подчеркивали, что их роль сводится к популяризации востоковедения. Публикация статей являлась для Серебренниковых способом донести до эмигрантской общественности знания о культуре и истории их новой родины – Китая.

И.И.Серебренников тщательно следил за литературой, старался использовать любую возможность купить или прочитать новую книгу о Китае. Его часто можно было видеть перебирающим книги на книжных развалах. О том, что супруги внимательно прочитывали все купленное, свидетельствует огромное число рецензий, опубликованных ими. И.И.Серебренников увлекался и библиографией. В своей интересной работе «Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине»[2] он, в частности, использовал библиографию советского китаеведа П.Е.Скачкова. Затем эту статью напечатали отдельным оттиском.

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Мои фельетоны). Л. 167. Список псевдонимов И.И.Серебренникова см. в приложении.

[2] Серебренников И.И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине: Библиогр. очерк // Кит. Благовестник.1941. № 4. С. 26–42; № 5. С. 31–40; № 6. С. 47–50. С посвящением памяти протопресвитера о. П.Рождественского.

После знакомства с экономикой Китая внимание И.И.Серебренникова привлекла история религии в этой стране. Разобравшись с основными верованиями китайцев, Иван Иннокентьевич стал обращать внимание на практическую сторону религиозных обычаев, в основном на семейные праздники, что постепенно привело его к этнографическому анализу. Для этого Серебренников пытался изучать китайский язык. На обзорной лекции, которая состоялась 10 октября 1928 г., Серебренников поделился своими находками со слушателями, а чуть позже, значительно дополнив лекцию новым материалом, опубликовал ее[1]. В ней он рассказывал о чисто народных верованиях, роли злых духов, амулетов и талисманов, иероглифомагии и фольклоре. Через год Серебренников публикует вторую статью, в предисловии к которой пишет: «Охватить, понять и описать многообразие китайских религиозных воззрений, сложившихся на протяжении многих веков жизни страны, со всем разнообразием чтимых божеств, – задача огромной сложности. Но эта задача может быть значительно облегчена, если из поля зрения исследования выделить как самостоятельный объект познания народный культ и иметь в виду при описании только тех из божеств и мифических духов, которые наиболее занимают народное воображение»[2]. Серебренников сетовал, что редакция сократила его статью, исключив интересные наблюдения. Выписывая англоязычные газеты, выходившие в Китае, И.И.Серебренников вырезал интересные, на его взгляд, наблюдения о быте и религиозных предрассудках. Сделав вольные переводы, он опубликовал серию очерков, которые затем были изданы книжным магазином «Знание»[3].

История Китая. Увлекшись историей Китая, И.И.Серебренников стал писать рассказы на китайские темы, которые носили в основном историко-этнографический характер. Первый рассказ этой серии «На поле битвы» увидел свет в 1930 г. на страницах шанхайской газеты «Слово». Потом были напечатаны «В Храме Неба», «Возмездие», «Проделки чуя», «Блуждающие души», «Красные пики», «Свадьба городского бога», «Четырнадцатая наложница» и «Отвоеванное благополучие». Интерес читателей к этим и другим публикациям привел автора к мысли издать их отдельной книгой. В январе 1941 г. издательство «Наше знание» напечатало этот труд И.И.Серебренникова под названием «К истории Азии». Это был сборник очерков, статей и рассказов из истории Китая, Маньчжурии, Монголии и Сибири, написанных в разное время и в основном увидевших свет на страницах газеты «Возрождение Азии» в 1938–1940 гг. Автор не претендовал на научность их содержания. Наоборот, он подчеркивал: «Настоящий сборник ставит своей целью популяризацию исторических материалов, накопившихся в русской и иностранной литературе относитель-

---

[1] Серебренников И.И. Китайские народные поверья // Вестн. Маньчжурии. 1929. № 4. С. 70–80.

[2] Серебренников И.И. Миф и религиозный культ Китая (Поверья, обычаи, обряды) // Вестн. Маньчжурии. 1930. № 4. С. 68.

[3] Серебренников И.И. Текущий китайский фольклор и китайские суеверия. Тяньцзинь: Знание, 1932.

но истории Китая и прилегающих к нему стран. Некоторые очерки в сборнике представляют лишь краткие переложения соответствующих работ русских и иностранных авторов; другие носят компилятивный характер, будучи написаны на основании исторических источников; третьи, являясь компилятивными, содержат иногда оригинальные суждения и исторические построения самого автора»[1].

И.И.Серебренников дал нумерацию этой книге – первый том. К сожалению, второй том так и остался в рукописи. Он также мечтал написать для русской эмиграции популярную историю Китая, учебник для востоковедов. В сентябре 1941 г. Иван Иннокентьевич сделал заявку на издание новой книги, которую он назвал «Душа Китая», но и она не увидела свет.

«Великий отход». Встречаясь изо дня в день с участниками Гражданской войны, слушая их рассказы о событиях, которые привели к вынужденному исходу, Иван Иннокентьевич задумал большую работу о последствиях Гражданской войны. Он стал собирать разрозненные материалы, дневники, письма, брать интервью у людей, бывших свидетелями и участниками тех событий. Некоторые записи разговоров разворачивались в целые рукописи. Таким образом, он обработал воспоминания полковника В.Ю.Сокольницкого[2], Д.П.Першина[3], бывшего китайского наемника В.А.Зубца[4], офицера Оренбургского казачьего войска А.И.Ефимова и многих других. Некоторые из воспоминаний были отправлены в Гуверовский институт, другие – в Прагу, часть так и осталась неиспользованной.

В 1936 г. И.И.Серебренников выпустил тиражом 290 экземпляров книгу «Великий отход». В предисловии к ней он написал: «Наша скромная задача – дать лишь некоторый материал для будущих историков русской революции, поставить некоторые вехи для их работы, а главное, опубликовать в печати сведения, относящиеся к трагическому скитанию остатков белых армий по бесконечным пространствам Центральной Азии – сведения, еще мало известные широкой публике. Мы с любовью и охотой выполнили этот труд, чтобы еще лишний раз воскресить в памяти наше, белое, героическое прошлое, выдвигая его блестящие стороны, не скрывая теневых»[5]. Этой работой Иван Иннокентьевич как бы написал обширное предисловие к общей истории русской эмиграции в Китае. Иллюстрациями для книги послужили картины художника-эмигранта П.И.Сафронова, участника этих событий[6], редкие фотографии и портреты.

---

[1] Серебренников И.И. К истории Азии: Сб. ст., очерков и рассказов из истории Монголии, Маньчжурии и Сибири. Т. 1. Тяньцзинь: Наше знание, 1941. С. [1].

[2] HILA. Sokolnitskii, V. 1 folder (Кайгородовщина): (Обраб. И.И.Серебренникова).

[3] HILA. D.P. Pershin. 3 ms. boxes.

[4] HILA. Zubets V.A. (На службе в Китайской армии. – Рукоп.): (Обраб. И.И.Серебренниковым). 1 ms. box, 249 с.

[5] Серебренников И.И. Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий, 1919–1923. Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1936. С. 6.

[6] В 1947 г. вместе со своей коллекцией И.И.Серебрянников отправит две картины П.И.Сафонова в Гуверовский институт.

И.И.Серебренников планировал издать «Великий отход» и на английском языке. Об этом он вел переговоры с пекинским книжным магазином «The Booksellers». К ноябрю 1936 г. В.О.Клемм сделал перевод рукописи. Но по разным причинам осуществить это издание не удалось.

В конце 1936 г. Серебренников сильно заболел, перенес сложную операцию по удалению желчного пузыря, а в середине 1937 г. его разбил паралич. Но и прикованный к постели, он не прервал своей педагогической и литературной деятельности.

Воспоминания. В первые годы жизни на чужбине Серебренников не планировал писать воспоминаний. Но позже, когда улеглись впечатления, он все же занялся этой работой. Первая статья, посвященная его деятельности в Сибирском правительстве, увидела свет в Праге[1]. Толчком к этому стала его работа над книгой «Великий отход». Нахлынувшие воспоминания теснили грудь, хотелось высказаться, найти ответы на вопросы: кто прав? кто виноват?

Первый том воспоминаний И.И.Серебренникова посвящен событиям революции и Гражданской войны. «Моя цель, – писал он, – представить в настоящей работе почти в кинематографическом порядке отдельные картины, иногда, быть может, и мало связанные между собою, но особенно ярко запечатлевшиеся в моей памяти или представляющие, с моей точки зрения, тот или иной бытовой интерес. Я не буду делать различия между большими и малыми эпизодами, считая, что и малые эпизоды порою хорошо характеризуют собою ту атмосферу, в которой рождаются крупные события...»[2]

Второй том воспоминаний вышел в начале декабря 1940 г. В предисловии И.И.Серебренников отметил: «Настоящий том "Моих воспоминаний" представляет непосредственное продолжение тома первого, изданного в начале 1937 г. в Тяньцзине, и содержит описание моего бегства из Сибири в 1920 году, затем скитания мои по городам Северного Китая за последующие три–четыре года и мои первые путевые впечатления от знакомства с новой страной. Конечно, в своих описаниях и повествованиях я уделил много внимания жизни русских эмигрантов, поселившихся в Северном Китае, и их первоначальному устроению здесь. Мне думается, что в таком виде этот том "Моих воспоминаний" может представить, помимо общего интереса, некоторый материал для изучения расселения русской эмиграции в Китае»[3].

Иван Иннокентьевич подробно описал свою жизнь в Харбине, Пекине и Тяньцзине. Он постарался органично совместить собственные наблюдения с небольшими, порой энциклопедически лаконичными справками о жизни русских общин в этих городах. Тираж книги составил 400 экземпляров. Из них сто он получил в виде гонорара. Одновременно с работой над воспоминаниями И.И.Серебренников опубликовал ряд статей в русской периодической печати Китая. Библиография его трудов занимает десятки страниц.

---

[1] Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Вольная Сибирь. 1929. № 5, прил.: Сиб. архив. (№ 1). С. 5–22.

[2] Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 14.

[3] Там же. С. [1].

Поэзия. Иван Иннокентьевич обладал аналитическим умом, а Александра Николаевна была отличным стилистом, имела художественный вкус. Неудивительно, что она увлекалась поэзией и с 1937 г. стала заниматься переводами произведений китайских поэтов, опубликованных в английских изданиях. В апреле следующего года начались переговоры с типографией «Идеал-пресс» («Ideal Press») об издании сборника, посвященного китайской поэзии. Деньги на него собрали по предварительной подписке. В августе 1938 г. Серебренниковы сдали рукопись в печать, а в октябре получили 200 экземпляров книги «Цветы китайской поэзии», которая имела большой успех. Типография оформила книгу в китайском стиле: папка была переплетена шелком с костяными застежками. В предисловии авторы отмечали: «Насколько мы знаем, антология китайской поэзии на русском языке впервые предъявляется вниманию читателя. Мы должны заметить, что, за малыми исключениями, китайские стихотворения и песни были нами переведены белыми стихами, так как это обстоятельство позволяло нам сохранять большую близость к подлинникам. Подлинниками для нас, как не синологов, к сожалению, служили не оригинальные китайские стихи, а переводы их, сделанные английскими, немецкими и французскими переводчиками, отчасти и русские переводы прозой»[1].

Книга получила хорошие отзывы как в Китае, так и в Европе. «Следует отметить высокое достоинство стихотворного перевода, – писал известный поэт Арсений Несмелов, – достоинство несомненное! Как убедился и сам читатель на примере приведенных нами образцов, стих везде выразителен, упруг и ритмически оправдывает тему. Каждому культурному русскому человеку ясно, какое огромное значение может иметь этот труд для нашего понимания сокровенных глубин китайской души. Кроме того, конечно, антология эта является и ценным вкладом в русскую переводную художественную литературу»[2].

С апреля 1938 г. за скромный гонорар А.Н.Серебренникова стала публиковать свои статьи в газете «Возрождение Азии». Свет увидели «Забытые поэты», «Русская женщина в мировую войну», исторический рассказ «Полина Гебль», очерки «Вино и Китай», «Дети и детское словотворчество» и многие другие. Кстати, газета отказалась печатать статьи Серебренниковых на политические темы, так как они не были написаны в духе безусловной поддержки японской оккупации Китая.

В этой же газете А.Н.Серебренникова дебютировала со своим стихотворением «Земля родная». Всего она опубликовала около 200 стихотворений, в том числе обработанных ею произведений китайских, японских, корейских, монгольских и тюрко-татарских поэтов. Нередко ее стихи перепечатывались в периодических изданиях Харбина, Шанхая и др. В марте 1942 г. поэтесса приняла участие в конкурсе русских поэтов, где за стихотворение «Зимней ночью» получила четвертую премию.

---

[1] Серебренников И.И. Предисловие // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 1. С. 3.

[2] Несмелов А. Отзыв // Харбин. заря. 1939. 19 янв.

Была у А.Н.Серебренниковой мысль продолжить выпуск поэтических антологий, обратившись на этот раз к японской поэзии. «Имея в своем распоряжении, – писала она, – более 150-ти уже обработанных стихотворений японских поэтов, старинных и современных, я задалась целью выпустить из печати сборник этих стихотворений; это была бы первая антология японской поэзии на русском языке. По соглашению с журналом "Луч Азии", я отослала готовый для сборника материал в его распоряжение. Но, к сожалению, редакция журнала продержала его около двух лет. Тогда по моей просьбе харбинские друзья передали материал сборника "Из японской поэзии" в журнал "Восточное Обозрение", выходивший в Дайрене в издательстве Южно-Маньчжурской железной дороги (Минтецу), и там было решено напечатать этот материал в виде большой статьи в мартовском номере за 1945-й год»[1]. Но журнал неожиданно прекратил свое существование, и антология Серебренниковой так и не увидела свет.

Книги на заказ. Мемуарная литература – особый жанр, и не всем удается проявить себя, описывая свои ощущения в прошлом. В Китае было немало людей, которые хотели бы поделиться своими воспоминаниями, но не у всех имелись способности для такой работы. Именно по этой причине к Серебренниковым обратился за помощью известный дальневосточный предприниматель И.В.Кулаев. Его мемуары были написаны очень безграмотно, со множеством ошибок. Серебренниковы занялись их обработкой и подготовкой к печати в 1937 г. и блестяще справились со своей задачей. «Мы можем прочитать в экономических трудах, – писал Серебренников, – что, положим, в Сибири за такие-то годы было добыто столько-то пудов золота, но часто за этими цифрами мы не видим и не чувствуем подлинной жизни, не знаем, сколько горя, страданий, разочарований, разбитых надежд принесли эти годы отдельным сибирским золотопромышленникам и как были вознаграждены, порою совершенно неожиданно, большим золотым потоком немногие счастливцы; нам остается неизвестной при этом борьба интересов и страстей, приводившая иногда к преступлениям и судебным процессам. Короче говоря, нам, лицам сторонним от практической жизни, остается неизвестным то, что мы назвали бытом этой жизни»[2]. Особенно интересны мысли Кулаева о жизни русской эмиграции. Книга вышла в 1938 г. в Тяньцзине[3], но из-за японской оккупации Китая почти весь тираж был уничтожен.

Большую работу проделал И.И.Серебренников по просьбе князя В.И.Гантимурова (1906–1998)[4]. В Китае жило немало представителей

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 3.

[2] Серебренников И.И. Предисловие // Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания. М.: Рус. путь, 1999. С. 7–8.

[3] Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания / Лит. обработка и предисл. И.И.Серебренникова. Тяньцзинь: Наше знание, 1938.

[4] Dolgopolova Z. Владимир Иннокентьевич Ган-Тимур. The University of Melburne, 1987; Дмитриевский Н.И. Памяти князя В.И.Гантимурова // Австралиада. 1998. № 15. С. 27–28.

[5] Серебренников И.И. Князь Гантимур: Ист. очерк. Шанхай: Изд. В.И.Гантимурова, тип. «Far Eastern Times», 1934.

этой известной семьи, оставившей большой след в истории русского Дальнего Востока. Серебренников стал собирать сведения об этой семье, и в сентябре 1940 г. книга увидела свет[5].

Во время тихоокеанской войны. Вторая мировая война нарушила уже устоявшуюся жизнь Серебренниковых. Хотя болезнь Ивана Иннокентьевича значительно ограничила их возможности, эмигрантские организации и друзья помогали преодолевать невзгоды. Война прекратила всякие связи с Европой. Несмотря на оккупационный режим и цензуру японских властей, культурно-общественная жизнь русской эмиграции продолжалась. С одной стороны, Центральный антикоммунистический комитет российских эмигрантов в Северном Китае, подобие Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), ограничивал демократические свободы эмигрантов, но с другой – он помогал культурной жизни эмиграции. Именно при его финансовой поддержке были изданы второй том воспоминаний И.И.Серебренникова и его сборник «К истории Азии».

На страницах многих газет и журналов, выходивших в Китае, продолжала мелькать фамилия Серебренниковых. К июлю 1943 г. супруги закончили составление уникального отрывного календаря, который напечатало издательство «Наше знание». В нем было помещено много востоковедческих статей о Японии, Китае, Монголии, Маньчжурии и Сибири, произведения китайской, японской и корейской поэзии, обработанные А.Н.Серебренниковой, кроссворды и шутки. Александра Николаевна подобрала много примеров из русской словесности. За долгие годы педагогической деятельности она собрала большой материал по практической грамматике русского языка, составила оригинальные упражнения по этимологии, а также сборник объяснительных диктантов.

Подведение итогов. И.И.Серебренников несколько раз подводил итоги своей деятельности, в основном к юбилейным датам. Так, в 1940 г., отмечая 20-летие пребывания в эмиграции, он напечатал тиражом 100 экземпляров краткую биографию. В ней юбиляр отмечал: «Все напечатанные труды И.И-ча уже и теперь могут составить до двух десятков томов. Имеются еще, кроме того, и неопубликованные его материалы»[1].

В марте 1941 г. И.И.Серебренников торжественно отметил 40-летний юбилей литературной деятельности. В Тяньцзине образовали комитет для чествования юбиляра. На торжественном заседании выступила Александра Николаевна. Было множество писем и телеграмм из разных уголков Китая, где жили русские. «Почти четверть века, – писал из Пекина знакомый Серебренниковых Я.Ф.Зверев, – как прервалась Ваша работа на ниве нашей Руси, и это время Вы только страдали; страдая, все же находили в себе силы работать для нее. То, что Вы оба оставались верны отчизне, неся за это тяжелый крест, это уже заслуга немалая»[2]. Многие выступления отмечали большую роль А.Н.Серебренниковой. Юбилейные кружки были также организо-

---

[1] Серебренников И.И. И.И.Серебренников: Биография. С. 18.
[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 8, folder 47 (Письмо Я.Ф.Зверева от 5 марта 1941).

ваны в Шанхае и Пекине. Не обошли стороной эту дату и русские периодические издания. Журнал «Китайский Благовестник» писал: «О трудах и работе И.И.Серебренникова можно написать много, и это будет сделано особо, так как размер журнала не позволяет вместить все, что необходимо сказать о его литературной деятельности»[1].

Последние годы в Китае. Окончание Второй мировой войны привело выходцев из России к расслоению на эмигрантов и советских граждан, стал возникать взаимный антагонизм, даже ненависть. Несмотря на то что Серебренниковы всегда оставались в рядах русских эмигрантов, они не чуждались общения со знакомыми, имевшими советские паспорта, находя этому оправдание.

Русские газеты и журналы почти перестали выходить. В связи с этим перестали публиковаться и Серебренниковы. Тем не менее Иван Иннокентьевич продолжал работать над воспоминаниями. Одновременно он составил «Занимательную книгу», в которой собрал всякие головоломки, загадки, кроссворды, логические упражнения и т.д. Отсутствие новой литературы Серебренников восполнил чтением советских изданий – журналов «Огонек», «Смена» и т.д., а в дневниках стали появляться соответствующие критические замечания.

Все это время Иван Иннокентьевич старался ходить понемногу по комнате с помощью костылей, но с декабря 1946 г. он перестал вставать с постели. И все же его интеллектуальная деятельность не прекратилась: он не перестал мечтать о новых книгах, думал через И.К.Окулича, жившего в Канаде, издать второй том «К истории Азии». Одной из его последних важных работ, подготовленной по просьбе Музея русской культуры в Сан-Франциско, была справка об истории периодической печати в Тяньцзине[2].

В конце декабря 1948 г. Серебренниковы начали распродавать свое имущество. Часть личной библиотеки они передали еврейскому клубу «Кунст». На следующий год они пожертвовали свою учебную литературу школам и библиотекам русского Тяньцзиня. Была продана квартира, началась тяжелая жизнь на чемоданах. В ожидании разрешения на выезд из Китая Серебренниковы переезжали из одного отеля в другой.

«Белая бабочка». Иван Иннокентьевич Серебренников скончался 19 июня 1953 г. в Тяньцзине. Вот как описала его смерть Александра Николаевна: «В среду 17-го [июня 1953 г.] муж не приходил в себя и пробыл без сознания до самой смерти, 19-го, в 12 1/4 часа утра. Я безотлучно была около него, сидела, не раздеваясь, в кресле три ночи, и вместе со мной дежурила Зина, мой верный друг. В пятницу 19-го он стал умирать. Я, Зина и сестра Лиза Курбатова стояли в полном молчании в ногах его постели и следили за его агонией. Вот он стал дышать все тише и реже; потом дыхание остановилось. "Еще не конец, – шепнула мне сестра Лиза, – подожди немного". Еще два–

---

[1] К сорокалетию литературной деятельности И.И.Серебренникова // Кит. благовестник. 1941. № 3 (март). С. 42.
[2] HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, кн. 19, окт. 1948.
[3] HILA. Serebrennikov I.I., box 4.

три слабых вздоха долетели до нас, и опять дыхание остановилось. "Конец", – сказала Лиза. И в этот же миг взвилась из-под изголовья мужа высоко кверху белая бабочка – и исчезла»[3].

Позже, приехав в Сан-Франциско, под сокращенным псевдонимом Б.П. (без подписи) А.Н.Серебренникова опубликовала некролог, который закончила такими словами: «Высоко честный и прямой человек, за всю жизнь не сказавший ни слова неправды, Ив.Инн. был необыкновенно добр, и его спокойное, искреннее дружелюбие всегда привлекало к нему сердца всех его знавших. Общительный, гостеприимный, он находил время, среди своих трудов, поддерживать многочисленные знакомства и всегда вносил большое оживление в общество своей добродушной веселостью, остроумием и находчивостью. Никогда, ни в глаза, ни за глаза, Ив.Инн. не говорил ни о ком дурно, всегда был склонен видеть в человеке только лучшее и прощать ему его ошибки. Одним из первых он спешил туда, где требовались помощь, поддержка, участие»[1].

«Америка будет моей третьей родиной». После смерти мужа Александра Николаевна некоторое время прожила в Китае. Через несколько лет она с трудом покинула Китай и 20 января 1955 г. перебралась в Европу, а затем в Америку. Все это время она продолжала вести семейный дневник. Вот последние строки: «10 января 1956 г. Утро было ясное, на востоке розовела заря, заря моей новой жизни. Я внутренне горячо поблагодарила Господа за Его помощь мне в достижении моей цели. Автобус шел больше часа до города, я с жадным интересом смотрела по сторонам; мне нравились выкрашенные в белую краску дома Сан-Франциско, придававшие ему светлый, нарядный вид. Деревья и кустарники зеленые, зеленеет трава – какой контраст с холодным Нью-Йорком. На этом я заканчиваю ведение моих дневников. Я достигла теперь цели в жизни. Мне больше некуда стремиться "географически". Америка будет третьей моей родиной. Уже до конца моих дней. Я должна теперь только стараться выполнить те задачи, которые стоят передо мной и ради которых я сюда приехала. Да поможет мне Господь в этом!»[2]

Задачами, которые ставила перед собой А.Н.Серебренникова, было привести в порядок семейный архив и издать некоторые работы мужа. С первой задачей она блестяще справилась. Издание же работ осуществить не удалось.

В последние годы Александра Николаевна работала корректором в газете «Русская жизнь», которая издавалась в Сан-Франциско. Время от времени на ее страницах появлялись статьи-воспоминания Серебренниковой о жизни в Китае. Она скончалась 12 апреля 1975 г. в Сан-Франциско. В некрологе друзья писали: «Во всех пришедшихся на ее долю трудностях А.Н. сохранила непоколебимое мужество, энергию и бодрость духа. Эти качества она проявила и в последние свои годы, терпеливо перенеся постигшие ее тяжелые недуги и неуклонно продолжая свою литературную деятельность»[3].

---

[1] Б.П. Выдающийся сибиряк: Памяти друга // Рус. жизнь. 1958. 24 июня.
[2] HILA. Serebrennikov I.I., box 4.
[3] К кончине А.Н.Серебренниковой: (Некролог) // Рус. жизнь. 1975. 23 апр.

А.Н.Серебренникова похоронена на Сербском кладбище в Кольме, вблизи Сан-Франциско. Место погребения Ивана Иннокентьевича неизвестно. Уже после отъезда Александры Николаевны из Китая по требованию властей друзья перенесли его прах за город, но вскоре и это кладбище перестало существовать.

И.И. и А.Н. Серебренниковы мечтали о том времени, когда их собрание, накопленное за многие годы, вернется на родину. К сожалению, этого не произошло до сих пор. Но отрадно, что творчество Серебренниковых год от года становится все более известно россиянам[1]. Уже опубликованы статьи о жизни Ивана Иннокентьевича Серебренникова[2], переизданы в России некоторые его произведения[3]. А сейчас, с изданием дневников, можно говорить о настоящем возвращении супругов Серебренниковых на Родину.

Амир Хисамутдинов

---

[1] Основные публикации И.И.Серебренникова в Сибири и за рубежом // Земля. 1992. 28 дек.

[2] Хисамутдинов И.И. Серебренниковы из Тяньцзиня // Записки Русской академической группы в США. 1994. V. 26. P. 295–316; Он же. И.И. и А.Н. Серебренниковы – ученые бессребреники // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 154–162 и др.

[3] Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход / Сост. и предисл. В.А.Майера. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003.

Дневники
И.И. и А.Н. Серебренниковых

[1919]

Иркутск[1]*. Декабрь, 1919.* Последние дни перед падением правительства адмирала Колчака прошли в Иркутске тревожно и мрачно. Ясно видна была вся бесплодность попыток спасти обреченную власть; в воздухе нависла какая-то тяжесть: невидимая угроза давила сердце и мешала свободно дышать.

В нашей квартире тоже чувствовались подавленность и страх[2]. Хозяйки нашей так и не было: понтонный мост сняли, шел густой лед по Ангаре, попасть в город было невозможно, и она волей-неволей продолжала гостить в Черемхове[3]. На моем попечении находились трое ее детей; когда настроение в городе стало тревожным, я, на свой риск и страх, приняла в одну комнату квартирантов, мужа и жену Ам-вых.

Как всегда в «переворотное» время, у обывателей постепенно исчезало чувство безопасности и уверенности; мы стали плохо спать ночами, тревожил всякий громкий звонок у двери или стук в окна. Каждый вечер я выходила, в лютый мороз, во двор и собственноручно запирала калитку на ключ и на железный засов; потом ложилась, одетая, на свою кровать и часами прислушивалась ко всяким уличным звукам. Иногда около полуночи несколько человек проходили тяжелыми шагами мимо наших окон, и я с замирающим сердцем ждала грозного визита. Однажды группа таких ночных прохожих остановилась вдруг у наших ворот: постояли несколько минут, осторожными голосами переговариваясь между собой, подергали кольцо у калитки и ушли, скрипя сапогами по снегу. Ужасные, тревожные ночи, которых я долго не могла забыть потом...

Мы с мужем уговорились спать по очереди, чтобы опасность не застала нас врасплох; в комнате не тушили света – так было как-то веселее и спокойнее. Но, в общем, почти не спали оба. Бывало, что я до рассвета не могла сомкнуть глаз, со страхом ожидая: вот-вот снова заскрипит снег под тяжелыми сапогами, вот остановятся у нашего дома недобрые ночные гости...

События шли своим чередом. Помню, как глубоким зимним вечером я сидела одна, в полной безнадежности, в углу моей любимой мягкой тахты в нашей комнате; вошел вернувшийся откуда-то мой

---

[1] Hoover Institution Library and Archives (HILA). Serebrennikov I.I., box 1, folder 2. Л. 1–67. На обложке надпись А.Н.Серебренниковой: «Дневник (Иркутск–Харбин–Пекин – Тяньцзинь). С 1920-го по 1939 годы». Опубликован: Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219–260.

[2] Наиболее долго (пять лет) Серебренниковы жили в Иркутске по ул. 4-я Солдатская, в доме М.П.Трубачевой, известной бурятской общественной деятельницы.

[3] Черемхово, город областного подчинения, центр Черемховского района Иркутской области Российской Федерации. Железнодорожная станция на Транссибирской магистрали, в 130 км к северо-западу от Иркутска.

муж. На нем лица не было. «Что случилось?» – тревожно вскрикнула я. «Все пропало, – ответил он, – и знай – если большевики возьмут верх, я застрелюсь».

Сердце у меня защемило. «Не падай духом, – сказала я все же твердым голосом, – все устроится».

На другой день мужа уже не было в нашей квартире. Он спрятался в доме наших хороших знакомых М., где и сидел, не выходя днем на улицу, а я побывала у чешского полковника П., знакомого нам еще по Омску, и заручились его согласием взять нас с мужем в интендантской эшелон, отправлявшийся во Владивосток. Срок отправки еще не был назначен – недели через полторы–две...

[1920]

И вот, *20 января 1920 года*, мы покинули Иркутск.

Последние дни в родном городе прошли для меня, как в тумане. Нужно было складываться, устраивать мебель и лишние вещи по знакомым, отбирать все необходимое в дорогу; нужно было хорошо распределить все это, что-то обдумать, сообразить... А у меня опускались руки, я не могла собрать мыслей и была совершенно растеряна. Заходила к знакомым, прощалась с друзьями, насматривалась на дома и улицы города, среди которых прошла почти вся моя жизнь, ее лучшие дни... Была у меня, конечно, надежда на скорое возвращение: авось, опять армия соберется с силами, прогонит красных, и мы сейчас же вернемся домой; но глубоко в душе, как глухое предчувствие, ныло и болело что-то, и покидать родной город и всех близких людей было мне нестерпимо тяжело.

Иркутск в эти дни совершенно преобразился. С самого начала захвата власти Политическим центром[1], как по волшебству, исчезли с улиц города хорошо одетые люди; появились платки и шали на головах женщин, старенькие пальто и шапки на мужчинах. Все стало серо и печально. Какие-то подозрительные фигуры начали шнырять там и сям; пошли слухи о самочинных обысках по квартирам, производимых людьми в солдатских шинелях. К С.Г.П-ву, служившему при Колчаке в антибольшевистской разведке, несколько раз врывались с обысками, совершенно измучив его жену; сам он заблаговременно скрылся куда-то. Забегали по улицам мальчишки, продававшие газеты с большевистскими призывами и лозунгами.

Один такой мальчишка с наглой рожей наскочил на меня, когда я шла по улице: «Купите газетку»! Мгновенный прилив ярости овладел мною: «Ты что это продаешь, мерзавец?» Отбежав от меня на несколько шагов, он с непередаваемой интонацией трусости и ненависти в голосе крикнул мне: «А вы кто? Из белых?» Я потеряла самообладание: рванулась к нему и, бешено тряся его за воротник, кричала какие-то бессвязные слова к видимому удивлению редких прохожих. Мальчишка вырвался и убежал, а я, придя домой, расплакалась от сознания полного своего бессилия и отчаяния перед надвигающимися событиями и от страстной ненависти к тем, в чьих руках находились теперь наши судьбы...

19 января полковник П. прислал извещение, что завтра приедут за нами – эшелон скоро отправится; точного часа не было указано. Вот

---

[1] Политический центр (Политцентр) образован осенью 1919 г. в Иркутске Всесибирским краевым комитетом социалистов-революционеров, Центральным комитетом объединений трудового крестьянства Сибири и Земским политическим бюро. В конце декабря 1919 г. деятели Политцентра организовали восстания в Иркутске, Красноярске и др. городах Сибири, произвели аресты А.В.Колчака, В.Н.Пепеляева и др.

тогда-то я заторопилась и заметалась, но уже не было времени устроить все, как следует. Кое-как уложилась, свезла вещи на хранение к А.Г.М-ной, к сестре, к К.Н.Г[лото]ву*[1] в его кладовые; у него еще ранее было оставлено несколько ящиков моих личных книг и другого имущества[2]. Накануне этого дня муж мой уже перебрался из своего убежища к Зине*[3], у которой и я прожила все последнее время.

20-го утром я пошла купить что-то в дорогу и еще кое с кем проститься. Вернулась – встретила меня заплаканная Аг.Захаровна[4] и сообщила, что сейчас чехи уже увезли в своем автомобиле моего мужа; за вещами они пришлют к вечеру грузовик, с которым уеду и я. Сердце мое дрогнуло... Я дала знать сестре о моем близком отъезде; К.Н.Г[лото]в обещал увезти меня к месту стоянки поезда на своих лошадях. Зины не было, она не вернулась еще со службы. Пришла сестра Валя; мы обе горько разрыдались при прощании, и сейчас я все вижу ее понурую фигуру, одиноко шедшую впереди меня по улице, когда я уже ехала на поезд... Сердечно простилась я с Аг.Захаровной, благодаря ее за все, что ее семья сделала для меня с мужем в это тяжелое для нас время; по дороге встретила Зину, которая подошла к моим саням, – и так мы с ней простились – можно сказать, на ходу. Сквозь слезы я проговорила: «Не горюй, Зина, скоро увидимся», на это она только безнадежно покачала головой.

Потом еще кто-то окликнул меня – Саша Б. подошел и спросил: «Уже едете? А где же Ваня?» И, узнав, что он уже уехал, печально сказал: «Жаль; хотел с ним увидеться на прощенье». И передал мне для него подарок – коробку папирос. До глубины души тронуло меня его дружеское внимание, и так мучительно жаль стало его: затаенная тоска и тревога глядели из его глаз, и весь он был как в воду опущенный. Я тепло распрощалась с ним.

И вот мы уже за пределами города, едем снежной дорогой, параллельно железнодорожному полотну; перед нами, указывая путь, движется чешский грузовик с моими вещами. Темнеет – январские дни коротки. Мелькают впереди огни станции Иннокентьевской; мы переезжаем через рельсы, лошадь наша останавливается, и чешский солдат, соскочив с грузовика, ведет нас к чернеющему вдали длинному поездному составу. На площадке вагона 4-го класса стоит закутанная до самых глаз женская фигура и машет мне рукой: сюда, сюда! Я прощаюсь с Конст[антином] Ник[олаеви]чем, несколько секунд провожаю глазами его удаляющуюся высокую фигуру, затем вхожу в душный, нагретый вагон, где встречает меня муж.

---

[1] Под * выделены фамилии людей, полные имена и краткие биографии которых включены в аннотированный биографический указатель.

[2] Оставлено: библиотека, насчитывающая около 2000 названий, в том числе около 1000 книг и брошюр по сибиреведению и краеведению; книги и брошюры с дарственными автографами, альбом с газетными вырезками и библиографическими статьями о Серебренниковых (1906–1918), альбом вырезок статей А.Н.Серебренниковой, опубликованных в серии «Журнальное обозрение», фотоальбомы, дневники (1912–1918), рукописи и т.д. (HILA. Serebrennikov I.I. (Дневник, запись от 13 окт. 1946).

[3] Маевская Зинаида Николаевна – подруга А.Н.Серебренниковой.

[4] Хозяйка дома.

С этого момента начинается наша вагонная жизнь[1]. Иркутск, все прошедшие дни, родные и близкие, милые сердцу люди – все осталось за гранью, отошло вглубь. Бог весть, увидимся ли мы еще когда-нибудь, вернемся ли назад... И первое, что я делаю при входе в вагон, – бросаюсь вниз лицом на приготовленную для меня скамью и горько плачу...

Поздно вечером в этот же день мы узнали от зашедшего в наш вагон чешского офицера, что власть в Иркутске уже перешла в руки большевиков. «Политический центр», состоявший из социалистов разного толка, как всегда, сыграл лишь передаточную роль и услужливо уступил большевикам свое кратковременное господство. Вот почему чехи так поторопились вывезти нас с мужем из города.

Стало совсем скверно на душе: теперь уже Иркутск окончательно отрезан от нас. Что-то будет там, какая участь постигнет многих и многих, какие еще тяжелые испытания ждут их – страшно было подумать... В эту первую ночь ни я, ни муж мой не сомкнули глаз. В вагоне было неуютно: жесткие деревянные койки, холод, тускло горящие лампочки; наши соседи, которых я еще не успела разглядеть, переговаривались между собой сдержанными голосами... Грустно, грустно...

На другой день утром зашел к нам полковник П. Он говорил на очень ломанном русском языке, но все же понимать его можно. Сказал, между прочим, что собирается на автомобиле – под чешским флагом, конечно – поехать в город по каким-то делам. У меня мгновенно вспыхнуло страстное желание еще раз взглянуть на родные лица, перекинуться с ними еще несколькими прощальными словами. «Возьмите меня с собой», – сказала я полк[овнику] П-у. Он согласился: но муж стал отговаривать: «Мало ли что может случиться, вдруг тебя арестуют, застрянешь там, и мне придется ехать одному». Я осталась, сознавая, что он был отчасти прав в своих опасениях: но, Бог знает, как я стремилась хоть минуту вздохнуть еще воздухом родного Иркутска, покидаемого мной, быть может, навеки – как будто после этого мне легче было бы уехать...

Познакомились с соседями. Женщина, встретившая меня на площадке вагона вчера вечером, оказалась русской, женой капитана Когута, молодого очень милого и приятного чеха; она была также молода и симпатична. Начальник нашего эшелона, поручик М[аршале]к, произвел на нас прекрасное впечатление; зато его жена, тоже русская, сразу оттолкнула нас своей надменностью и пренебрежительным, свысока, отношением к нам. Ее недолюбливали и чехи, населявшие наш вагон. Что было хорошо в ней, это ее тяжелые, длинные косы, падавшие ниже колен, и живые, блестящие глаза. Был

---

[1] И.И.Серебренников дал такое описание: «Эшелон наш состоял из товарных вагонов-теплушек и одного пассажирского вагона 4-го класса. В этом вагоне помещался офицерский состав эшелона; в нем же дали места и мне с женою. Двое из офицеров ехали с женами-русскими. Чехи приняли нас на полное довольствие, и нам ежедневно выдавалось все, что полагалось получать чешскому солдату: кипяток, обед и ужин, а, кроме того, раз в неделю – несколько банок консервов, чай, сахар, кофе, мыло и папиросы» (Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 2).

тут один инженер[1], затем молодой и очень красивый капитан с золотым браслетом на руке; семейство К[аутски]х: отец, мать и рослый румяный сын, которого они, видимо, боготворили; пожилой пивовар из Омска, Г[ампло]в, с женой, суетливой и болтливой особой... Офицерам прислуживали денщики-солдаты, которые все отличались опрятностью и большой вежливостью.

Мы еще не едем: быть может, эшелон отправится только через несколько дней. Сидеть на месте, так близко от Иркутска, и не иметь возможности туда попасть – эта мысль точит и точит меня непрестанно. Сюда же примешивается и страх перед возможностью вторжения большевиков в наш эшелон. Поручик М[аршале]к уверяет нас, что он ни в каком случае не допустит этого, но мы с мужем очень неспокойны и боимся даже выйти из вагона на воздух.

Проходит день, другой. Все стоим на месте. Начинаем нервничать сильнее. Входит как-то в наш вагон человек, одетый в полувоенный костюм защитного цвета; садится, начинает разговор с поручиком М[аршале]ком. До нас долетает его фраза: «Я назначен комиссаром Военного городка»... Конечно, мной овладевает смятение и ужас: сейчас будет спрашивать, нет ли здесь колчаковцев и белых вообще. Разговор длился всего минуты две–три, которые показались мне, однако, нескончаемо длинными. Потом комиссар встает и уходит. Жду еще несколько времени – не приведет ли он в вагон отряд красноармейцев. Нет, слава Богу, никого.

Пять томительных дней провели мы, не трогаясь с места, на станции Иннокентьевской. Наконец поздно вечером 25 января началось какое-то движение в нашем эшелоне, вагоны дрогнули, как бы отряхиваясь от нападавшего на них за эти дни снега; паровоз дернул раз, другой – и колеса, скрипя и визжа по рельсам, как будто с трудом отдираясь от них, отяжелев от долгой стоянки, пошли выстукивать одно и то же печальное слово: уехали, уехали, уехали... Но доехали мы лишь до станции Иркутск, где опять остановились на час или на два.

После глуши и тьмы Иннокентьевского тупика, где стоял ранее наш поезд, попасть на ярко освещенный Иркутской вокзал нам было неприятно и даже жутко. А вдруг, при полном-то свете, попадемся мы на глаза нашим врагам – и конец путешествию... И действительно, на площадку нашего вагона входит вооруженный красноармеец и хриплым голосом спрашивает начальника эшелона: «Можно посмотреть вагон – нет ли тут белогвардейцев».

Опять момент полной потерянности – я не дышу, не живу, все окружающее расплывается в одном чувстве ужаса: все кончено, сейчас найдут, уведут... Господи, помоги! Но поручик М[аршале]к уже загораживает своей высокой, плечистой фигурой вход в вагон, и я с радостным облегчением слышу его спокойный и решительный ответ: «Нет, нельзя. Белогвардейцев здесь нет».

Скоро ли, скоро ли поедем?

---

[1] Инженер Ц. (Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 233).

Но мы стоим еще и еще. Так странно: вот тут, напротив нашего поезда, совсем близко, за рекой спит в морозной ночной тьме родной город. Встать бы, выйти из вагона – и опять дома, опять жить, как жили раньше... Что такое случилось, какие злые чары опутали нашу родину, которых она не может стряхнуть с себя? Почему мы сидим здесь, в этом холодном, черном вагоне, среди чужих людей, – вместо того, чтобы спать спокойно в теплой комнате своей уютной квартиры? Почему бежим от своего народа, из своей земли куда-то в неизвестное будущее?.. Мысли путались, толпились в голове, отдаваясь тупой болью в сердце...

Миновали и эти долгие, томительные минуты ожидания: Мы, наконец, едем – на этот раз окончательно и без остановок.

26-го января утром мы были уже на Байкале, а после обеда – в Слюдянке. Проезжали бесконечные тоннели, в могильной тьме которых мне и раньше всегда было не по себе, а теперь даже совсем страшно. С тоской вглядывалась в знакомые места. Когда-то, в счастливые и мирные дни, летом, я проезжала этими же берегами нашего «славного моря, священного Байкала» и любовалась синевой его глубоких вод и высокими вершинами чудесных живописных Байкальских гор. Незадолго до революции жили на Байкале, на дачном отдыхе, молодые тетушки моего мужа, петербургские барышни, приехавшие служить в Иркутск. Они в восторге были от красот Байкала и находили, что даже на Черном море (где у их отца было собственное имение) нет таких прекрасных закатов, такого чистого, ясного неба и такой прозрачной синей воды. Я вспомнила об этом сейчас, смотря в окошко вагона на замерзший Байкал, и с горечью подумала: кто теперь будет восторгаться его красотами и любоваться пламенем закатов над ними? Все это ушло, на земле нашей остались теперь лишь слезы, тоска и ужас...

27-го утром мы приехали на станцию Утулик. Приближаясь к станции, едва не столкнулись с другим эшелоном, который слепо летел на нас, невзирая на тревожные гудки и свистки нашего паровоза. В 50-ти шагах от нас его все уже удалось остановить.

Так как стало известно, что мы простоим в Утулике некоторое время, все обитатели нашего поезда высыпали погулять на свежем воздухе. День был ясный и тихий, под лучами яркого солнца ослепительно сверкали чистые, белые снега, лежащие кругом девственными сугробами. После духоты и копоти нашего вагона так легко дышалось этим вкусным морозным воздухом. Мы с мужем и кап[итан] К[огут] с женой пошли погулять по Байкалу. Чехи рассыпались по озеру и забавлялись, стреляя в стоящие торчком прозрачно-зеленоватые ледяные глыбы; эхо выстрелов красиво отражалось горами, прилетая назад громкими и звучными залпами.

Один чех рассказал нам, что здешние горы населены изюбрами и козами, и что в них много соболей и горностаев. Он уже приценивался к ним и узнал, что невыделанная шкурка соболя стоит 30 000 сибирскими деньгами, а горностая – 600 руб. А я продала в Иркутске свою чудную соболью пелерину за 900 сиб[ирских] рублей! Тяжело болела тогда, не хватало денег, чтобы расплатиться в лечебнице, а занимать не желала, хотя мои друзья и предлагали мне какую угодно

сумму. Теперь мне стало очень досадно на себя за этот необдуманный поступок.

Будем стоять в Утулике дня два. Узнали, что тут есть хорошая железнодорожная баня. Я и m[ada]me Когут пошли и вымылись с большим удовольствием. Потом ходили мыться наши мужья.

На станции продавалось много молока; в наш вагон купили несколько четвертей[1] его. Хотела я купить хлеба, но его нигде не оказалось. В эшелоне мы с мужем получали от чехов полное офицерское довольствие: обед и ужин, чай, сахар, кофе, консервы, папиросы, спички и мыло. Но хлеба давалось немного, его заменяли знаменитые чешские «кнедлики». Еще на ст[анции] Иннокентьевской начальник нашего эшелона распорядился выдать моему мужу чешское военное обмундирование, чтобы обеспечить ему бóльшую безопасность при проезде. Был дан ему и документ, удостоверяющий, что предъявитель сего, доброволец чешской армии Ян Пенкава, едет в служебную командировку во Владивосток. Таким образом, бывший министр снабжения Сибирского правительства И.И.Серебренников временно перестал существовать, перевоплотившись в рядовое лицо...

Для услуг нам был назначен, в наше полное распоряжение, денщик – чешский солдат по имени Франц Поспехал. Он приносил нам кипяток, воду для умывания, обед и исполнял все наши мелкие поручения: был очень вежлив и чистоплотен.

28-е и 29-е провели на месте. В нашем подневольном путешествии у нас с мужем было много дел: мы начали изучать английский язык по учебнику Нурока[2], купленному еще в Иркутске, и с большим интересом и усердием заучивали слова и делали переводы. Прислушивались также и к чешскому языку и уже научились понимать отдельные слова и фразы. В нем много общего с языком польским, которым я раньше хорошо владела.

В ночь с *29-го на 30-е* ударил жестокий мороз. Мы порядочно померзли на своих койках, спали одетыми в шубы, укрываясь одеялами и пледами. Глубокой ночью сонная тишина нашего вагона была вдруг нарушена сильнейшим взрывом. Все вскочили: что случилось? Где стреляют? Оказалось, под моей скамейкой лопнула от холода бутыль с молоком.

Выехали из Утулика вечером *1 февраля*; *2-го* были в Танхое, где простояли немного более суток. Чехи в пути издавали газету «Дневник», получая для нее на станциях телеграммы, и каждый день сообщали нам последние новости. В Танхое мы узнали, что японцы вместе с Семеновым собираются перейти Байкал и ударить по красным, и что каппелевцы уже приближаются к Иркутску. Слава Богу, подумалось мне невольно, теперь адмирал Колчак будет спасен.

Ночью *3 февраля* наш эшелон двинулся дальше и утром остановился в Переемной. Масса снега кругом – чистого, белого, сверкаю-

---

[1] Русская мера объема жидкостей. Четверть = 1/4 ведра = 3,08 литра.

[2] Популярный учебник: Нурок П.М. Практическая грамматика английского языка. Выдержал несколько переизданий в России и эмиграции.

щего всеми цветами радуги. Я любуюсь на него так, как будто больше никогда в жизни не придется мне увидеть его.

Чехи принимают меры предосторожности против заноса «нежелательных элементов» в наш эшелон: все вагоны политы и опрысканы крепко пахнущей дезинфицирующей жидкостью.

В Переемной был получен нами очередной номер «Дневника» с сообщением, что красные бегут из Иркутска под натиском каппелевцев[1]. Господи, наконец-то! С жадным нетерпением ждем дальнейших известий.

Узнали, что будем стоять на мосте еще порядочно времени. Нет паровозов. Наш состав стоит в тупике. Мимо проходят поезда с чешскими боевыми частями, стремящимися пробиться скорее на восток.

Я много гуляю с А.М.Когут и ее мужем; погода приятная – тихий мороз, без ветра. Мой «Ян Пенкава» предпочитает отсиживаться в вагоне, боясь каких-нибудь нежелательных встреч на станции.

Лишь *7-го* вечером пришли два паровоза, которые должны были довезти нас до Мысовой. Слышала, как начальник эшелона употребил в разговоре слово «саботаж», он, видимо, был очень рассержен. Конечно, все железнодорожники настроены большевистски и, обязанные договором Советской власти с чехами пропускать их беспрепятственно, все же стараются пакостить им, где только могут.

Двинулись в путь. В самом начале подъема эшелон наш перервался, и несколько вагонов укатились назад. Опять остановка, все немного нервничают. Один паровоз ушел за беглецами и привел их обратно. Снова едем, на этот раз благополучно. Однако нас довозят только до Мишихи, а не до Мысовой, как полагалось. Опять слышу слово «саботаж».

В Мишихе мы простояли до вечера *8-го февраля*. В ночь с *7-го* на *8-е* я увидела странный сон. Снилось мне, что я брожу по незнакомому большому кладбищу, ярко освещенному луной; блестят белые кресты, белые памятники – все залито этим неживым, холодным светом. Между могилами качаются на высоких, тонких стеблях необычайно крупные, желтые, призрачные цветы. Мне жутко, и страшная тоска давит мое сердце, мучит сознание, что я одна, затеряна на этом кладбище, где все так недвижимо и тихо, только странные цветы медленно кивают мне своими головками...

С этим чувством давящей тоски проснулась я утром *8-го февраля*, и она, подобно глухому предчувствию, не покидала меня весь день.

Поздно вечером мы узнали от чехов, что в Иркутске расстрелян большевиками адмирал Колчак*. Итак, он все-таки погиб. Погиб в оказавшейся неравной борьбе за свободу и счастье русского народа – того народа, именем которого его убили. Честный патриот, мужественный сын своей Родины, на посту Верховного правителя призывавший все время к исполнению долга, к жертвам во имя родины, к дружной работе – все для Родины, ничего для себя! – он, в результате какого-то постыдного торга, предан «союзниками» в руки палачей...

---

[1] Остатки бывшей армии генерала В.О.Каппеля.

Трудно передать чувства возмущения, ужаса, скорби, бушующие в моей душе – больше всего скорби и беспросветной тоски. Муж мой также потрясен и сидит в глубоком молчании, с выраженным страданием на лице. Смотрю на чехов, наших соседей по вагону, и у меня закипает раздражение и злоба на всех них, за их преступное попустительство этому вопиющему делу. Но сейчас они наши хозяева, любезно предоставившие нам приют и убежище, спасающие нас от беды, быть может, от гибели... Мы должны быть благодарны им за это. Ну, что ж, история когда-нибудь рассудит всех и найдет виноватых...

Настала ночь, наш поезд уже прибыл в Мысовую и остановился там. Мы с мужем не могли уснуть, изредка перекидывались короткими фразами. На рассвете, часов в пять, я глядела в окно вагона: чуть брезжил тусклый свет зачинающегося дня; ущербленный месяц печальным серпом качался в свинцовом небе; где-то далеко глухо выли собаки. Боже мой, какая щемящая боль и тревога в душе! Что-то будет дальше с нами? Что ждет Россию? Какой ужасный, какой тяжкий путь стелется перед нашей родиной – путь крови, мрака и жертв без конца...

9-е и 10-е февраля провели в Мысовой, был произведен ремонт всего эшелона. Я выходила гулять на станцию, где увидела, в первый раз в жизни, броневик – как оказалось потом, «Орлик». Мне сказали, что он принадлежал раньше семеновцам, но был в одной из стычек захвачен у них чехами и сейчас стоит под чешским флагом.

На станции много продуктов[1]. Около них стоят и бродят кучками неизвестно откуда взявшиеся цыгане – неужели тоже бегут от грядущих прелестей большевистского рая? Женщины, с пестрыми шалями и платками на головах, зябко кутающиеся в какое-то подобие зимней одежды, мужчины в рваных полушубках – все черномазые, белозубые, говорливые, несколько «театрального» вида – в этой обстановке бегства, на станции, с грозно чернеющим броневиком, напоминающим о войне и гибели, – производят какое-то странное, неестественное впечатление, точно им тут не место, совсем не должно им быть здесь...

Чешский «Дневник» сообщает, что каппелевцы, увеличившись до 20 000, заняли Иркутск. Но я уже не верю больше ничему. Если даже и заняли, то все равно, Колчака это не вернет – его уже нет в живых.

Погуляли мы с Алекс[андрой] Мих[айлов]ной и по Байкалу. Чехи пробовали свою батарею, сделали несколько выстрелов, на которые горное эхо ответило громовыми раскатами.

10 февраля, в 12 часов ночи, мы получили паровоз и двинулись дальше к Татауровой, куда прибыли *11-го* утром. Не задерживаясь здесь долго, поехали в Дивизионную, простояли там два часа. Вот и Верхнеудинск, где я провела когда-то хорошее лето у сестры моего мужа, жены лесного ревизора С.П.Бонишко; они жили тогда в прелестном дачном местечке вблизи Березовки.

Узнав, что в Верхнеудинске будет остановка на несколько часов, я хотела пойти в город, чтобы повидаться и проститься с семьей Бонишко. Но мне сказали чехи, разузнавшие об этом на станции, что в городе военное положение, и после шести часов вечера там никому

[1] Так у автора.

не позволяется ходить. С большим сожалением я должна была отказаться от своего намерения.

На вокзале заметила много японцев. Начинает чувствоваться близость Семеновского царства.

Уехали мы из Верхнеудинска в ночь на *12-е февраля*. Узнали, что красные партизаны сделали налет на станцию Заиграево и временно захватили ее; японцы выслали туда броневик, но он почему-то вернулся обратно. Было неспокойно стоять на этой станции; мы с мужем боялись даже подходить к окошкам нашего вагона, особенно после того, как стало известно, что на вокзале красные чуть не арестовали двух наших «обчанов» (штатские чехи). Понадобилось вмешательство начальника эшелона, удостоверившего их личность; тогда их освободили.

12-го февраля к вечеру приехали в Петровский Завод[1]. Очень красивое место: кругом горы, покрытые сосновым лесом, который на фоне ослепительно белого снега кажется почти черным. В центре поселка – круглое озеро, над которым местами низко свешиваются ветки деревьев. Как хорошо тут, должно быть, летом.

Чехи говорят, что мы долго будем стоять здесь. Ну, что ж, – мы уже привыкли к таким остановкам: festina lente[2]. Дел у меня накопилось достаточно: нужно отдать в стирку белье, потом выгладить его, побывать в бане, если таковая имеется, пройти еще несколько уроков английского языка по Нуроку и заняться чешской поэмой, которую я перевожу на русский язык. Это – сатирическая поэма К.Гавличка* «Крещение Св. Владимира», очень остроумная и оригинальная[3]. Чешским языком я уже достаточно овладела.

Запишу здесь первую главу этой поэмы, «Перун и Владимир», уже мной законченную.

Царь Владимир в именины
Пир веселый правил,
И к Перуну с приказаньем
Он посла отправил:
«Погреми, Перун, мне громом
Вместо пушек залпов.
Порох нам годится в битвах,
Тратить его жалко.
Погреми, Перун, мне громом
Вместо канонады
И приди со мною выпить
«Чашку шоколада».
Вот пришел посол к воротам
Перуновой хатки;
Постучав, прислуге молвил:
«Дома ли бог-батька?»
«Дома, дома, ваша милость!
Заходите в хату!
Он на печке нашивает
На штаны зарплату».
«Шлет поклон всем царь Владимир
И велит вам строго
В именинный праздник царский
Погреметь немного».
Бог Перун услышав это,
Брови грозно сдвинул,
Спрыгнул с печи на скамейку,
Брюки на пол кинул:
«Лучше быть мне свинопасом,
По болотам шляться,

---

[1] Петровский Завод, ныне Петровск-Забайкальский Читинской области. См. также: Серебренников И.И. В Петровском заводе // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 7–10.

[2] Спеши медленно (*лат.*).

[3] Поэма «Krest sv. Vladimira» («Крещение св. Владимира») является политической пародией, направленной против светского и церковного деспотизма (1848–1954). Частично впервые переведена в 1907. Перевод сделан А.Н.Серебренниковой по кн.: Гавличка К. Собр. соч. / Под ред. Ф.Крейчаго. Т. 3. Прага: Б-ка чешских классиков, 1906. Полный текст перевода см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 17, folder 6. 28 л.

Чем у киевского князя
Мне в богах мотаться!
Служба тяжка; платят мало,
Нет конца мученью!
Должен я царю и в праздник
Делать развлеченье!
От моих громов и молний
Прибыли мне мало:
Нынче целая штанина
От огня пропала.
Редко вижу я подарки,
Незавидна плата:
Не могу купить я даже
Масла для салата.
Ем жаркое только в праздник,
Пить могу лишь воду.
Еле-еле смог жениться
От того доходу!
Чтобы с голоду не сдохнуть,
Я себя питаю
Тем, что физике студентов
Платно обучаю.
Если б мне не доставались
Бабьи приношенья,
Я не мог бы выпить водки
Даже в воскресенье.
Даром на царя работать
Больше не желаю!
А на шоколад на царский
Просто начихаю!
Нет и нет! Греметь не буду:
Отдыха нет, сроку...
Царь ли, праздник – все равно мне:
Что мне в этом проку?»
Тут посол, остолбеневши,
Молвил еле-еле:
«Эй, опомнитесь, хозяин!
Что вы, одурели?
Нужно знать свои границы.
Если я с ответом
Вашим дерзким возвращусь –
Что вас ждет за это?»
Но Перун, разгорячившись,
С миной злой-презлою,
На посланца замахнулся
Громкою стрелою.
Тут посол уж спорить с богом
Дальше не решился
И к Владимиру с докладом
Спешно устремился:
«К вашему величеству я
С рапортом являюсь,
Но слова Перуна-бога
Повторить стесняюсь.
Он греметь не хочет больше –
Это же обидно.
Ваше же величество он
Поносил бесстыдно.
Пусть-де царь сам обожрется
Своим угощеньем!
Не желает больше быть он
Царским развлечением.
Именинный праздник царский
Знать он не желает.
С позволенья сказать вам,
Он на вас чихает».
Царь Владимир, услыхавши
Это грубиянство,
Плюнул на пол, заругался,
С ним и все дворянство.
Царь велит, чтоб три жандарма
К богу поспешили
И немедля грубияна
К трону притащили.
Но, когда пошли жандармы,
Закричал в окно им:
«Эй, вернитесь-ка обратно!
Завтра все устроим.
Мы сегодня портить праздник
Лучше уж не будем,
А надрать Перуну уши
Завтра не забудем.
Не нуждаемся мы в громах,
Коль имеем пушки:
Сами можем гром устроить
Для своей пирушки!»...
Взять две батареи флигель-
Адъютант был послан,
Чтоб гремели за обедом
И во время тостов.
Ели, пили до отвала,
В славу пировали!
У министров все застежки
С брюк поотлетали.
Пили все вино и пиво,
Кушали котлеты –
И у многих офицеров
Лопнули жилеты.
Пировали, веселились,
Пели, танцевали...
Из бутылок и из пушек
Пробки вверх взлетели.
Кто там был, тот пьян напился.
Все довольны были.
Всех гостей потом с дарами
По домам свозили.

Из второй главы – «Хозяйство Перуна», я успела пока перевести лишь несколько строк. В переводе я стараюсь сохранить близость к подлиннику; размер стиха – тот же, что в оригинале.

Чехи – спутники по вагону – очень заинтересованы моей работой. Когут и Бенеш прочли первую главу и одобрили ее, а Когут взялся даже иллюстрировать поэму и тотчас же набросал рисунок к первой главе: городовой приходит звать Перуна на именины к князю Владимиру. Когут – отличный художник; на клочках бумаги он

сделал для меня очень тонкие, иногда остроумные зарисовки. Я прилагаю некоторые из них к моему дневнику.

Первые два дня гуляли по поселку; осматривали железоделательный завод. Там работает громадная паровая машина Уатта, поставленная чуть ли еще не при Петре Великом. Рабочих на заводе 500 человек. Мы расспрашиваем их, узнаем, что получают они от 50 до 120 рублей в день, но вот уже два месяца денег нет, и им выдают плату продуктами. Рабочие – все местные жители, имеют свои хозяйства и пока не жалуются.

15-го февраля, в прекрасный солнечный день, мы с мужем пошли разыскивать могилы декабристов: несколько человек их сюда были сосланы и работали здесь, в заводских рудниках. Сначала разыскали часовню, где в склепе схоронены некоторые из них. На одной из плит, вделанных в стену часовни, – простая, краткая надпись: «Младенец фон Визин, родился и умер тогда-то». В этой же часовне находятся четыре прекрасные иконы, написанные одним из декабристов; кем именно, нам не удалось узнать.

Затем мы отправились на кладбище и в самом дальнем углу его нашли могилу с надписью на высоком кресте: «Иван Иванович Горбачевский» – тоже декабрист*. Постояв у могилы, я оглянулась кругом – вид был бесподобный: кладбище расположено на пригорке, и во все стороны от него разбегались такие яркие снежные просторы, так сияло и даже чуть-чуть грело солнце, так высоко голубело чистое небо, и такая чудная тишина, мир и покой царили здесь, – что на миг забылись и отошли вдаль все пережитые испытания, и душа благодарно отдыхала среди этого торжественного спокойствия природы.

Но очень скоро опять напомнила о себе жуткая действительность. Гуляя как-то днем одна, я встретила дровни, накрытые рогожами – из-под них торчали окаменевшие ноги без сапог. Я разглядела наваленные друг на друга несколько тел. В ужасе я ускорила шаг. На дороге стояли три–четыре женщины, тихо разговаривая о чем-то. До меня долетели слова: «Пятерых убили, а троих спустили в прорубь». Я подошла к ним и спросила: «Кто кого убил?» Мгновенно лица их приняли непроницаемо-хитрое выражение, свойственное сибирским крестьянам; притворно-равнодушными голосами они ответили: «А кто их знает? Мы не знаем», – и, повернувшись, пошли от меня.

Еще утром этого дня я, гуляя по поселку, подошла к берегу озера и невольно залюбовалась им: раскинувшись глубокой, круглой чашей, лежало оно, покрытое тусклым, серовато-голубым льдом, слабо отблескивавшим под солнцем, и голые ветки нависших над ним деревьев тонко и четко рисовались на безоблачном синем небе. Вся эта акварельность, нежность тонов и необыкновенная красивость ландшафта остро поразили мои глаза. Но теперь я с ужасом отвернулась от всей этой красоты, вспомнив о том, что совершилось совсем недавно под этим безмятежным синим сводом, быть может, вот здесь, у этого чудесного озера...

Жестока и страшна Гражданская война – наихудшая из всех войн по своей беспощадности...

На станции поселка помещается японский штаб, в одном из зданий, сплошь окутанном проволочными заграждениями; на крыше мешки с песком, и около них день и ночь торчит часовой-японец.

По-видимому, японцы плохо переносят суровую сибирскую стужу. Все они закутаны до самых глаз, носят меховые наушники, и на них иногда даже жалко смотреть.

Один из местных жителей рассказал нам, что при наличии в Петровском Заводе японцев и семеновцев на поселок сделал недавно набег отряд красных в 300 человек; убили одну женщину и, нагнав страшную панику, ушли.

На 2-й день нашей стоянки я и Алекс[андра] Мих[айлов]на [Когут] отдали в стирку местной прачке наше белье. Она так долго держала его у себя, что мы уже стали опасаться за его целость. Наконец, принесла — выстиранное, но не глаженное. «Нет утюгов, уж погладьте сами». Заплатила я ей за стирку 550 руб[лей] сибирскими деньгами. Сговорились с одним железнодорожником выгладить белье в его квартире — у него были утюги; гладили, и все время с боязнью поглядывали в окошко на стоявший вдали наш поезд: а вдруг он уйдет без нас дальше? Шел тогда уже 7-й день нашей стоянки в Петровском. Разговаривали с хозяином; он старательно ругал нам большевиков, но в его словах не было искренности, а глаза воровато бегали по сторонам. Заплатили ему за утюги нашими вагонными продуктами: чаем, сахаром, мылом и папиросами.

20 февраля все наши дамы в складчину пекли блины по случаю близкой масленицы. Пекли у себя, на вагонной печке; страшно начадили, но были довольны, что соблюли традицию — поели блинов.

На другой день была вторичная дезинфекция вагонов.

22-го и 23-го стоят сильные морозы, 35 градусов, с резким ветром. Сидим в вагоне, боимся высунуть нос на улицу.

Новости из чешского «Дневника»: «23-го семеновская часть выехала в Верхнеудинск, где, по слухам, красные подняли восстание. Генерал Розанов* уехал в Японию на двух пароходах, Калмыков* — в Китай, взяв с собой 32 пуда золота»...[1]

---

[1] И.П.Калмыков 29 февраля 1920 г. со своим отрядом прибыл в г. Фугдик. Позже признался, что из Хабаровского банка взял 37 пудов золота, которые зарыл при переходе через границу. По другим сведениям, взято 65 пудов золота. Интернирован, арестован китайскими властями 16 апреля 1920 г. Убит 1 октября 1920 г. якобы при попытке к бегству. См. о нем: Собрание документов, относящихся к интернированию атамана Калмыкова в Гирине и его побега при посещении консульства, февраль—сентябрь 1920 г. Пекин: Изд. Рос. миссии в Пекине, 1920; Мальцев Г.А. Гибель первого выборного войскового атамана Уссурийского казачьего войска генерал-лейтенанта Ивана Павловича Калмыкова // Рус. жизнь. 1959. 19 марта; Библиотека Гавайского университета. Справка о личности атамана Уссурийского казачьего войска подъесаула Калмыкова и другие материалы помощника начальника железнодорожной милиции Уссурийской линии полковника Уссурийского казачьего войска Г.Ф.Февралева (убит калмыковцами во Владивостоке 19 сент. 1919). — Рукоп.; Савченко С.Н. Формирование Особого Уссурийского атамана Калмыкова отряда (март 1918 г. — март 1920 г.) // Материалы науч.-практ. ист.-краевед. конф., посвящ. 100-летию Хабар. краевед. музея, 17—18 мая 1994. Хабаровск, 1994. С. 204—206; HILA. Kolobov M., box 1.

Семеновский броневик «Повелитель» вернулся обратно – видимо, экспедиция на красных прошла неудачно. В стычке с красными семеновцы потеряли одно орудие.

Простояли мы в Петровском 12 дней. *24 февраля* вечером выехали и в 8 часов утра *25-го* прибыли на станцию Хилок[1]. Узнали, что ночью за нами красные взорвали два моста.

Хилок – неприглядное село, какое-то голое, пустынное. Нам сказали, что тут есть хорошая баня; решили воспользоваться ею. Пошел и муж мой – с большой неохотой; и я, признаться, хотя усиленно и посылала его вымыться, но с тайной тревогой ждала его возвращения. Он вернулся благополучно и остался очень доволен чистой баней, отличной, горячей водой. В тот же день вечером отправились мы дальше, приехали в 2 часа ночи в Могзон – и утром узнали там, что следом за нами в Хилок пришли красные и рыскали по деревне, высматривая кого-то. У меня захолонуло сердце: а вдруг они уже были там в то время, когда муж мылся в бане, и могли встретить его на улице. Так ясно ощутилось в этот момент, что красные гонятся за нами по пятам. Удастся ли нам благополучно уйти от их преследования?

В Могзоне служит лесником В.П.Бонишко, брат того Бонишко, к которому я собиралась зайти в Верхнеудинске. У него живет, в качестве его помощника, младший брат моего мужа, Николай. Так как выяснилось, что наш поезд простоит здесь дня три, – мы с мужем решили разыскать родственников и погостить немного у них. При первых же расспросах нам указали дом лесничего, и мы явились туда как снег на голову.

Приняли нас чрезвычайно радушно, захлопотали с угощением, засыпали вопросами. Дом у них прекрасный: большие светлые комнаты, приличная обстановка. Видно, живут, как помещики: всего – полная чаша. Странно было после вагонной копоти и тесноты сидеть на удобном стуле перед столом, накрытым чистой скатертью, и вместо приевшихся кнедликов и консервного супу есть вкусные, горячие домашние блюда. Ночью же, лежа на прохладных простынях в удобной кровати, я долго не могла заснуть – и от необычности обстановки, и от тайной боязни, как бы нас тут не застигли красные, хотя хозяева и успокоили нас на этот счет.

Следующий день мы также провели у Бонишек и к вечеру отправились «домой» – на поезд. Они надавали нам с собой всякой всячины: бараний окорок, копченых языков, чаю, домашних булочек. Мы сердечно распрощались с милыми хозяевами.

Коля поехал с нами на станцию. Был он печален и все спрашивал мужа: уехать ли ему также или остаться в Могзоне? Что мы могли посоветовать? Сами мы ехали неизвестно куда, неизвестно на что. Коля не был замешан ни в каких действиях против большевиков, к «буржуям» тоже не мог быть сопричислен, занимая очень скромное служебное положение. «Лучше оставайся, – сказал муж, – думаю, что бояться тебе нечего».

---

[1] См. также: Серебренников И.И. На станции Хилок // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 12.

Уже начинало слегка темнеть, когда мы выехали из гостеприимного дома Бонишко. Была маленькая оттепель, снег под нашими санями мягко поскрипывал; все казалось каким-то тусклым вокруг: серое небо, покрытое облаками, серый сумрак над землей, серая, унавоженная дорога... Могзон – неприглядная деревушка: разбросанные дома, мало леса; кругом одни буряты. Коля рассказывал, что зимой в деревню иногда заходят волки. От этих рассказов тоже серо и тоскливо сделалось в душе...

Вот и станция; на первом пути длинной черной лентой растянулся наш поезд. Коля внес в вагон корзинку с припасами, посидел немного с нами. Не понравилось ему наше черное, прокуренное жилье... «Ну, надо идти». «Может, скоро поедем обратно, – сказала я шутя, – непременно побываем опять у вас». Распростились. Коля чуть не заплакал, уходя, и мы с мужем проводили его с грустным чувством.

27-го, в 9 часов вечера мы уехали дальше. Был большой подъем до Яблоновой[1], потом поезд летел вниз, громыхая буферами, лязгая всей своей железной снастью, как будто одержимый какой-то злой силой. *28-го* утром мы остановились на станции Чита 1, на несколько часов. На вокзале я купила местную газету; читать было приятно и немного странно, что так открыто ругают большевиков: мы уже давно этого не видели. В 3 часа приехали в Читу.

На вокзале оживленно, людно; снуют взад и вперед японцы; семеновские офицеры – в погонах. Я никогда раньше не бывала в Чите и теперь с интересом смотрела из окна вагона на город, который виден, как на ладони – он расположен очень близко от вокзала: виднеются две большие церкви, двухэтажные каменные дома, деревянные скученные постройки. Я везла с собой из Иркутска 10 000 «сибирских» рублей, которые К.Н.Глотов просил передать его жене, жившей в Чите; я хотела проехать в город, чтобы исполнить его поручение, но чехи никому не разрешили выйти из вагона, ибо не знали точно, когда поезд тронется дальше: «Может быть, через час, а может быть, и через десять минут». Видно было, что они несколько тревожно настроены: вероятно, опасались каких-либо недоразумений с семеновцами. Делать нечего, пришлось остаться.

Простояли мы, однако, под Читой больше часу. Погода скверная, ветер, снег. Грустно, что мы все дальше и дальше отодвигаемся от родного Иркутска.

Вечером мы уже гуляли по Туринскому разъезду, а *29 февраля* приехали на станцию Карымскую.

Уже больше месяца находимся мы в пути. За это время я хорошо присмотрелась к нашим дорожным спутникам-чехам, и общее впечатление от них было весьма приятное. Офицеры – воспитанны, культурны, скромно держат себя; за все время нашего путешествия мы ни разу не видели пьяного среди них, хотя они и пили пиво почти каждый день. Солдаты – вежливы и чистоплотны. Наш «денщик», Франц Поспехал, очень нравился нам своим добродушным румяным

---

[1] Горный хребет в Забайкалье, главным образом в Читинской области. Вытянут на 650 км от Малханского хребта на запад до устья р. Нюкжи (приток р. Олёкмы) на восток. Высота до 1680 м.

лицом, с вечной приветливой улыбкой; каждое утро, являясь к нам с чайником кипятку, он вежливо произносил: «Добро ютро!» и затем прибавлял, ставя чайник: «Вот, пошалюста!» Денщик нашего милого художника, капитана Когута, по имени Коварж, был также славный малый, но был несколько угрюм и любил браниться: «Круцификс мизерний» и «Сакраментска» частенько слетали с его уст, когда он был чем-нибудь недоволен.

Не нравился нам только денщик капитана К., Фриц, державший себя несколько распущенно и дерзковато. В отсутствие своего барина он иногда забирался с ногами на его верхнюю койку и курил или закусывал там, нимало не заботясь о том, что крошки и пепел от папирос сыпались чуть ли не на головы обитателей нижних коек. Капитан К. его не останавливал: заметно было, что он его побаивался немного. В то время чешские солдаты уже становились немного распущенными, устав от долгой интервенции в чужой стране...

Как-то я, от нечего делать, написала шуточное стихотворение, пересыпанное чешскими словами, которых я знала уже достаточное количество. Показала его Когуту; ему понравилось, он перепечатал мне это стихотворение на машинке, и потом оно было помещено в номере рукописного журнала, который чехи выпускали еженедельно во все продолжение пути. В этом журнале мой муж также помещал небольшие статейки на сибирские темы. Вот это мое стихотворение:

Расскажу, друзья, вам повесть –
Посидите тихо, –
Как мы с чехами когда-то
Поехали на выход[1].

Рано утром все в вагоне
Ото сна восстанут.
«Вот, пошалюста!» – Поспехал
Кипяток нам ставит.

Банеш, Каутские, Когут
Каву[2] попивают.
«Добро ютро!» – все друг другу
Вежливо желают.

День хороший – всех на воздух
Манит солнца ласка.
Отправляемся попарно
Вскоре на прохаску[3].

Смотрим мы, как влаки[4] разны
Мимо пробегают:
Вшецки[5] люди в них на выход
Скоро утикают[6].

Лишь успеем прогуляться –
Уж посуду просят,
И к обеду, всем на радость,
Кнедлики[7] приносят.

В одиночестве утеха,
В горе развлеченье –
С творогом пекут нам бухты[8]
Вшецко воскресенье.

День идет в занятьях разных,
Много всем работы:
Пан Пенкава по-английски
Учит анекдоты,

Пани Каутская каву
Иль какао варит,
Пани Гамплова лепешки
В сковородке жарит...

Подле влака бродят бабы,
Млека[9] предлагают;
Все пенезами[10] богаты,
Цены не пугают.

---

[1] Здесь и далее стихотворные примечания А.Н.Серебренниковой: Выход – восток.
[2] Кава – кофе.
[3] Прохаска – прогулка.
[4] Влак – поезд.
[5] Вшецки – всякие, разные.
[6] Утикают – убегают.
[7] Кнедлики – национальное чешское блюдо, вроде больших клецок, с острым соусом.
[8] Бухты – сдобные булки.
[9] Млеко – молоко.
[10] Пенезы – деньги.

День кончается. Приходят
Гости дорогие.
Тут «Наздар!»[1] звучит повсюду,
«Иезус-Мария!»

Ночь настанет. Развлечений
И тогда немало:
Чья-то надоба[2] вдруг с гуры[3]
На скамью упала.

Фриц развесит сверху ноги,
Всем на загляденье,
Сыплет на головы крошки,
Пепел от курения...

Спать ложимся. Сверху жарко,
Холод адский снизу:
И у нашего вагона
Есть свои капризы.

Понемногу все стихает.
Лишь Коварж, наверно,
Где-то шепчет: «Сакраментска,
Круцификс мизерний!»

Моя поэма «Крещение Св. Владимира» почти закончена. Остается только отделать и отшлифовать ее. Получилось неплохо. Чехи очень хвалят мой перевод и, видимо, довольны, что я заинтересовалась их поэтом. Английский язык у нас с мужем тоже подвигается успешно вперед. Мы уже прочли и перевели больше половины анекдотов, помещенных в конце самоучителя Нурока, знаем очень много слов, которые друг у друга спрашиваем для проверки, и, вообще, относимся к этому новому для нас занятию с большим увлечением. В этой разнообразной работе незаметно летят часы нашей дорожной жизни. Работа помогает нам забываться, поддерживает бодрое настроение, но вечерами, при тусклом вагонном освещении, когда нельзя ни читать, ни писать, опять подкрадывается и сосет сердце глухая тоска.

Иногда в сумерках чехи-офицеры начинали петь небольшим хором свои родные песни. Я любила их слушать: не было среди них отдельных хороших певцов, но слияние голосов было удивительно музыкально и гармонично и доставляло мне большое удовольствие. В эти минуты, лежа на своей вагонной койке, я уносилась мыслями далеко назад, в незабвенное прошлое: иное пение мерещилось мне, иная обстановка – большой концертный зал, эстрада, любимые артисты, нарядная публика, спокойное и беззаботное наслаждение красивой, обеспеченной, нормальной жизнью. Забудишься – и вдруг очнешься и смотришь растерянно: где же это я? Прислушиваюсь – согласно и мягко звучат в красивой мелодии мужские голоса в соседнем купе, стучат колеса вагонов по рельсам, равномерно встряхивая их на стыках; в вагонные окошки заглядывает мертвеющее вечернее небо... Не вернется прошлая жизнь, говорит безжалостный голос в душе: этот прекрасный сон отлетел от нас навсегда...

Записываю здесь еще вторую главу переведенной мною поэмы Гавличка – «Хозяйство Перуна». Она очень забавна и остроумна.

Хозяйство Перуна

Здесь гора стоит высоко,
Там стоит пониже;
Одному дается густо,
А тому – пожиже.

В этот день, когда у князя
Шли увеселенья,

Бог Перун был в чрезвычайно
Скверном настроении.

«Кто, скажу я, не был богом –
Мало горя знает.
Божья жизнь не так приятна,
Как воображают.

[1] «Наздар» – приветствие, равное нашему «здравствуйте».
[2] Надоба – посуда.
[3] С гуры – сверху.

Утром оросить я травы
Должен чрез оконце.
Запереть в светелку месяц,
Дров прибавить солнцу.

Всех чертей и духов ночи
По мешкам запрятать;
Звезды с неба поскорее
Все в курятник спрятать.

Каждой пташке и букашке,
Всем зверям и гадам
Выдает Перун припасы
Собственного склада.

А когда проснутся люди –
Что тогда творится!
Иногда от шума, гвалта
В голове мутится.

Будто тучей налетели
Мухи с комарами –
Тьма просителей пред богом
Так жужжит утрами.

Что хотят от бога люди,
Трудно разобраться!
Если это все запомнить,
Можно помешаться.

Тот здоровья просит; этим
Дочь иметь охота;
Тот голоден; тот желает
Избежать работы.

То я сторожем быть должен
В пашнях, огородах;
Этой нужно, чтоб корове
Я помог при родах.

Тот сухой погоды просит –
Высохнет-де сено;
А другому дождик нужен,
Льна смочить посевы.

То дай холода, то жара,
То дождя на поле...
Рожь нужна то подешевле,
То ценой поболе.

Старых баб создал я много
Лишь себе на горе.
Если будут меня мучить,
Истреблю их вскоре.

Гром на них! Бранить хоть стыдно,
Не могу сдержаться:
Коль доится мало телка,
Тоже к богу мчатся.

Обленились вовсе люди,
Не хотят работы.
Бог им только для удобства,
Меньше-де заботы.

Тут суши, там дождик нужен
Или удобренье.
Тот, дурак, болезнь получит –
Молит исцеления.

Та замужества у бога
Днем и ночью просит.
Тот вопит: жену холера
Пусть скорей уносит!

Ждет успеха в лотерее –
Мне дары таскает.
Чтоб взять деньги страховые,
Тот пожара чает...

О, вы, шельмы! Если б не был
Добр я к плутням вашим,
Я б вас, как гнилые сливы,
Измолол на кашу!»

Табаку понюхав, громко
Бог чихнул во гневе:
Дождь полился, засверкала
Молния на небе...

Да, скажу я! Божья служба –
Далеко не шутка.
Лучше в ссылке находиться
Где-нибудь в Якутске...

Поздно ночью все затихло;
Люд угомонился.
Бог Перун, измучась за день,
Покурить решился.

Только трубочку набил он
Табаком турецким,
К Перуну жена с упреком
Подскочила дерзким:

«Я ведь давеча все время
У дверей стояла:
Что царю сказать велел ты,
Все я услыхала.

Говорила я: с царем ты
До беды дождешься...
С оппозицией твоею
Черта ли добьешься?

Ты политикой неумной
Лишь себя накажешь.
Что на языке имеешь,
То в глаза и скажешь»...

Ну, когда жена бормочет
Под ухом и лает –
Даже божьего терпенья
Вовсе не хватает!..

Ах, Перун! Весьма жалею
Бедного я бога:
Завтра ждет тебя, несчастный,
Грустная дорога.

Ой, Перун ты разнесчастный!
Что ты, братец, вздумал?
Своего царя без страха
Вдруг ругать задумал!
Ой, Перун ты разнесчастный!

Сделал ты негоже:
Как поймают – ничего уж,
Братец, не поможет!

Итак, *29 февраля* мы прибыли на станцию Карымскую. Наш поезд остановился на втором пути – первый занят каким-то длин-

нейшим вновь прибывшим составом. Оказалось, это каппелевский санитарный поезд. Из вагонов его, держась за поручни, выползают худые, истомленные человеческие фигуры в оборванных солдатских шинелях, больше похожие на тени, чем на живых людей. Садятся на ступеньках вагона, начинают обирать на себе насекомых. Я подошла к ходившему по перрону офицеру-анненковцу[1], ехавшему с этим поездом, стала расспрашивать его об условиях их путешествия – это какой-то страшный кошмар: вагоны полны больными и умирающими, почти все – сыпнотифозные. Умирают каждый день; здоровые и больные лежат подчас рядом с мертвецами. На весь поезд нет ни одного врача, и только две сестры, едва держащиеся на ногах от нечеловеческого утомления. Ужасающая грязь, насекомые, с которыми некому и нечем бороться. Хлеб есть, есть кое-какие продукты. Белья совсем нет.

Все это офицер рассказывал с каким-то тупым безразличием, точно все чувства в нем одеревенели. Заметив на моем лице выражение ужаса и отчаяния, он со слабой улыбкой произнес: «Слава Богу, что выбрались хоть так – хуже было бы остаться на съедение красным».

Боже, Боже мой! – думала я, уходя от него и чувствуя, что какой-то комок подкатывается к горлу, – чье это преступление, чья вина, что люди доведены до такого ужасного состояния?

Потом я не раз подходила к бродившим по станции солдатам этого эшелона, разговаривала с ними, давала им хлеба, папирос и денег. Они тихи и покорны, не жалуются, не ропщут... Несчастные, несчастные люди!..

Настало *1-е марта*. Очень тепло, снег тает, пахнет весной. Мы с мужем гуляли по Карымской. Дома в деревне хорошие; есть аптека, бакалейные лавки. На одном заборе до сих пор висит, вызывая невольное чувство грусти, воззвание, подписанное адмиралом Колчаком.

Вечером чехи делали дезинфекцию нашего поезда, густо полили весь пол. Уже идет разговор, что весь вокзал кишит вшами.

Часов в 9 вечера сидели мы маленькой компанией, разговаривали и смеялись чему-то. Вдруг тряхнуло наш вагон; лязгнуло и зашумело что-то под его полом, прямо под нашими ногами. Капитан К[огут] сказал, что это протаскивают мертвецов из соседнего поезда на другую сторону станции. Жуткое и скорбное дуновение пронеслось между нами; все замолчали.

Этим же вечером сообщили нам чехи, что в Оловянной идет бой красных с семеновцами и японцами. Кажется, это задержит нас здесь. Наш поезд предполагают увести в тупик, так как ожидается прибытие новых чешских эшелонов с запада.

2 и 3 марта мы еще на Карымской. Каппелевский «Поезд мучений и смерти» все еще стоит перед нами как живой укор, и я не могу избавиться от чувства тягостной вины перед теми, кто страдает и умирает там, в таких ужасных условиях. Умирают без покаяния, без прощальных молитв – и закапываются в землю, никем не оплаканные, быть

---

[1] Офицер армии атамана Б.В.Анненкова.

может, за тысячи верст от родного угла, и даже креста не будет на их безымянных могилах...

3-го марта каппелевский поезд ушел далее на восток. Пришли и чешские эшелоны и, почти не останавливаясь, проследовали дальше. Масса имущества нагружена на их платформах: автомобили, аэропланные части, рельсы, стрелки, дрова – даже швейные машины и мебель. Увозили из богатой матушки-России все, что можно было увезти...

4 марта, в 8 часов, мы выехали и сразу же застряли на 64-м разъезде – говорят, что до утра. Часов в 10 мы с мужем и Когуты вышли из вагона на разъезд. Ночь лунная, морозит. Кругом высокие горы, разбросаны по сторонам дороги большие камни – какой-то первобытный хаос. Дошли до паровоза; машинист обрадовал, что до утра стоять не будем, так как угля мало, нужно запасать, «но, пока что, постоим».

Возвращаемся с этим утешением к себе. Ложусь спать. Чувствую себя плохо от вагонной тряски, закачало, болит голова.

Конечно, ночью мы не уехали, и когда уедем – по обыкновению, неизвестно. Паровоз наш ушел в Андриановку за углем.

5 марта – чудный весенний день. Ходили гулять по горам. Там замечательное эхо. Подошли к железнодорожному мосту, оглянулись: наш поезд виднеется далеко-далеко от нас. Боже мой, ушел! В ужасе мы бежим сломя голову назад, задыхаемся, торопим друг друга. Прибежали к разъезду – поезд стоит на том же месте, где мы его оставили, без паровоза. Произошел какой-то смешной оптический обман.

С Карымской виден поворот на Амурскую железную дорогу. Я постояла, посмотрела: так пустынна была эта дорога, так сиротливо белели рельсы, тишина, не слышно веселых гудков паровозов и постукивания колес быстро бегущего поезда – точно навсегда заброшенный путь. Грустно было сознавать, что это – последнее звено, еще связывающее нас с родной землей; дальше пойдет дорога на чужой и незнакомый нам Дальний Восток...

В 5 часов вечера мы были в Андриановке. Рядом с нами стоит японский поезд, полный солдатами. Мы смотрели в окно, как они развлекаются: идет у них, видимо, какая-то игра – хлопают друг друга по рукам, ладонь в ладонь, раскачиваясь и ритмично приговаривая отрывистые слова на высоком, горловом, чуждо звучащем для нас языке; добродушно и весело смеются.

Гуляя, мы с мужем поднялись на высокую гору, сразу же за вокзалом. Красивое место. Снег почти сошел, обнажились сухие подснежники и прошлогодняя трава. Небо чисто – и неуловимо, но ощутимо в воздухе веет весна.

Наш поезд стоит сейчас, оказывается, на том же самом месте, где стоял до нас каппелевский поезд. Все кругом загрязнено до крайности: сор, бумаги, разлитая вода, корки хлеба, черепки разбитой посуды. Чехи усиленно поливают везде крепчайшим дезинфекционным раствором.

Собрались уезжать в 7 часов вечера *5-го*, но у паровоза лопнула какая-то трубка. Судьба положительно преследует нас. Простояли *6-е и 7-е марта*. *7-го* глубокой ночью выехали, и я проспала красивые виды по дороге.

В эту ночь мне приснился печатный и зловещий сон о Зине и Янке Маевских. Что с ними, живы ли они? Когда удастся мне получить о них известие?

Кругом железнодорожного полотна тянется голая степь. В первый раз в жизни я видала, как зимой скот пасется на прошлогодней траве- «ветоши» и как ездят не верблюдах.

В 4 часа дня *7 марта* приехали в Оловянную. Чешских эшелонов здесь больше нет, и потому мы должны через 4–5 часов уехать. Хоть бы ничто не помешало отъезду; уже надоели эти долгие стоянки в пути. Я успела пробежаться по станции, была на Ононском мосте; с ним связаны многие воспоминания о минувшем периоде Гражданской войны в Сибири. Взорван мост красными был основательно: целый железный пролет заменен теперь деревянным, второй разрушен наполовину. Резкий ветер принудил меня вернуться к поезду.

Вечером пришла к начальнику нашего эшелона русская женщина с жалобой на семеновцев, которые захватили и увели из санитарного поезда ее брата, больного казака. Что ж тут могли сделать чехи! На безобразия семеновцев идут жалобы отовсюду; говорят о тысячах замученных и расстрелянных ими. Если даже и половина этого – правда, то и тогда это ужас, которого не передать словами. Где же, в чем выход и спасение для несчастных русских людей?..

Выехали мы с Оловянной в 9 часов вечера. Ночью поезд шел очень быстро, вагоны немилосердно качало, дребезжала посуда на столах и на полках. Мне нездоровилось, я не могла спать от этого грохота, в желудке сделались какие-то боли, да и настроение мое сильно снизилось: нервы за дорогу поистрепались. В 3 часа утра *8-го марта* приехали в Борзю, где, по-видимому, простоим от одного до трех дней. Походила утром по поселку, купила жареных рябчиков по 60 рублей сибирскими за штуку; мы с мужем с удовольствием съели их потом за обедом.

Начинает уже сказываться близость Маньчжурии. В Борзе много китайцев, китайские лавки. В изобилии имеется белый хлеб в продаже.

10-го в 6 часов вечера двинулись дальше. Какой-то спекулянт-еврей хотел пристроиться со своей теплушкой к нашему поезду, ему отказали. Тогда он сунул взятку железнодорожникам, и те потихоньку прицепили теплушку к нашему составу, но чехи увидели и приказали отцепить. Спекулянт обозлился, ругался яростно: «Чехо-собаки, сволочи!» Смешно было глядеть на его перекошенное от злобы лицо и уморительные угрожающие жесты по адресу чехов. Солдаты чешские разобиделись за «чехо-собак» и поколотили нахала.

Мое скверное настроение не проходит. Все надоело, устала от вагонной жизни, от тряски, холода и тесноты. Муж тоже невесел и утомлен; самое главное – нет еще у нас уверенности в полной своей безопасности. Хоть бы скорее уж приехать в Маньчжурию!

И вот, наконец, *11 марта*, в 12 часов дня, мы – в Маньчжурии[1].

Первым нашим чувством, когда мы вышли из вагона, была великая радость и облегчение – точно гора свалилась с наших плеч.

---

[1] См. также: Серебренников И.И. В Маньчжурии // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 14–16.

Наконец-то мы на нейтральной территории; в свободной области, где нам не угрожает больше красное преследование. Все опасения и страхи остались позади. Муж мой сразу повеселел и, уже ничего не боясь больше, отправился со мной гулять по поселку, где все было ново и чрезвычайно интересно для нас. Прежде всего у самого вокзала увидали китайца, продававшего мандарины. Все наше вагонное население на них накинулось. Штука стоит 15 рублей; я была поражена такой дешевкой, думала, – не меньше 60-ти.

Потом мы с мужем попали, видимо, в торговую часть поселка (или города, как здесь его называют), сплошь занятую магазинами, в которых торгуют китайцы, русские, армяне и греки. Товаров масса; больше всего поразили нас богатые винные выставки – давно мы не видели такого изобилия разных вин. Муж пожелал угостить наших спутников-чехов по поводу нашего благополучного избавления от большевистской опасности, и мы купили две бутылки водки и бутылку наливки для дам. Цены высокие; потом оказалось, что купцы сильно запрашивают и нужно с ними торговаться. Мы же этого не знали и потому порядочно переплатили на своих покупках.

Ходя по лавкам, я от нечего делать прицениваласъ к разным предметам. Сливочное масло – 200 рублей за фунт. Банка зубного порошку – 75–100 руб. Лакированные дамские туфли – 1800–2000 руб[лей]; аршин китайского хорошего тяжелого шелка – 750 руб[лей] сибирскими, 40 руб[лей] романовскими мелкими или 100 – крупными. Удивительно, что здесь все еще берут сибирские деньги. Идет ужасный торг деньгами, которого я никогда раньше не видела и от которого меня коробит.

В общем, Маньчжурия мне не понравилась[1]. Голо, пусто – ни деревьев, ни кустов. По виду не то город, не то деревня; на улицах шумно, но как-то неуютно. Все странно и чуждо для нас: в магазинах – русские торговцы, русская речь, но русским духом и не пахнет; китайщина все собой подавляет. Представилось мне вдруг, что и в Харбине будет точно так же: торгашество, спекуляция – и ни одного дружеского или знакомого лица, и на момент мне стало очень грустно.

Вечером в нашем вагоне был кутеж: все накупили вина, и в каждом отделении слышен был звон стаканов, веселые разговоры, смех и пение. Наши две бутылки водки разошлись без остатка; чехи чокались с нами, пили за наше здоровье, мы тоже отвечали им маленькими тостами. Вино всем развязало языки и раскрыло настежь сердца: даже пани Гамплова, неизвестно за что сердившаяся на меня целых две недели, теперь милостиво приняла от меня стаканчик наливки и стала разговаривать со мной по-прежнему.

---

[1] Маньчжурия, город и станция КВЖД. Одно из первых поселений в Китае на пути эмигрантов, основано в 1900 г. В 1920 г. жили около 3 тыс. русских эмигрантов и 20 тыс. китайцев. Находились общественное управление, почтово-телеграфная контора, железнодорожная больница на 50 коек. Из учебных заведений – двухклассное железнодорожное училище и поселковое общественное училище. В 1923 г. получен статус города. Имелось 3 православных храма: Свято-Иннокентьевский кафедральный собор, Свято-Серафимовская церковь (построена в 1903) и Свято-Казанско-Богородицкая церковь.

11 марта нам сказали, что поезд наш будет отправлен дальше завтра, после обеда, и мы собирались *12-го* утром отправиться в город за кое-какими покупками. И вдруг в половине пятого часа утра нас увезли. Теперь, по-видимому, задержки больше не будет. Везут нас хорошо, на остановках стоим очень мало, и, если так пойдет дальше, то дня через два мы будем уже в Харбине. Даже не верится, что скоро конец нашему путешествию, которое длится уже полтора месяца.

В полдень *13 марта* мы остановились на станции Мяньдухе[1]. До сих пор места, которые мы проезжали, были очень скучны и однообразны: равнина и равнина, сливающаяся с горизонтом; не на чем было остановиться глазу. Пошли было небольшие холмы с широкими низкими соснами, которые мы называем «карликовыми», потом опять потянулась та же плоская бесконечная равнина. Погода стоит неспокойная: вечерами – ярко-красные зори, к утру налетает буран, утром тихо, а часов с 12-ти весь день бушует резкий, но теплый ветер. Снег сходит, там и тут видна земля.

Мяньдухе мне понравилась. На прежних станциях, которые мы уже миновали, вокзалы были скучного, казарменного типа, построены из серого камня с кирпичом, перроны были пустынны – ни садиков, ни деревьев вблизи. В Мяньдухе же – чистые, белые веселые дома, кругом много тополей, которые своими голыми ветвями, без пушинки снега, четко рисуются на ярко-голубом небе и говорят о близкой весне. Хороший мотив для художника-акварелиста – этот хрустальный воздух с тонкими очертаниями деревьев на его прозрачно-нежном фоне.

Понравилась мне и следующая станция, Унур. Серые каменные вокзальные строения с красными черепичными крышами имеют нерусский, заграничный вид. С нетерпеньем ждем Хингана, за которым, как рассказали нам, начинается почти трехверстный тоннель и знаменитая «петля».

Проехали и эту «петлю». Действительно, это чрезвычайно интересно. Едешь в поезде по высокой насыпи, а внизу, в ложбине, почти параллельно поезду, видишь путь, по которому потом поедешь. Путь заворачивается, делает петлю, ныряет под насыпь почти в том же месте, где только что вышел из тоннеля, и дальше идет уже прямо под уклон. Таким образом, разъезд «петля» виден два раза – один слева, другой справа. Это устроено с таким расчетом, чтобы облегчить движение поездов под уклон, который очень крут в этом месте.

Мчались мы вниз все же со страшной быстротой, несмотря на заторможение поезда. Когда пришли в Бухеду, у всех вагонов тормоза от трения раскалились и горели, как жар. Дамы наши ахали и ужасались задним числом. Я же хранила философское спокойствие: слава Богу, обошлось благополучно – чего же горевать? Бывает и хуже.

Неприятная новость: на Китайской Восточной жел[езной] дороге вспыхнула забастовка, будто бы направленная против управляющего дорогой, генерала Хорвата*. Если это правда, нам придется жить в

---

[1] Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 250.

Бухеду неопределенное время. Назавтра, в 7 часов утра, чехи обещают выяснить положение. Быть может, чешские эшелоны будут продвигать.

Еще в Маньчжурии, гуляя по городу в сильный ветер, я схватила простуду и сейчас чувствую себя неважно: кашель, насморк, головная боль. И настроение опять упало: большевики, от которых мы спасаемся, положительно гонятся за нами по пятам. Конечно, эта забастовка не обошлась без участия наших коммунистов.

Настало и *14 марта*. Слух о забастовке оказался верным – значит, мы засели на месте. Китайская Восточная железная дорога начала забастовку, пользуясь прохождением чешских эшелонов, вероятно, в расчете на их сочувствие; так нам рассказывали здешние железнодорожники. Свои действия забастовщики мотивируют тем, что они якобы 10 месяцев не получают жалованья, но мы думаем, что подкладка здесь, несомненно, политическая, и забастовка имеет целью удаление генерала Хорвата. Чехи, с их постоянным сочувствием нашим левым выступлениям, теперь сами попали в переделку: в Бухеду застряло, вместе с нашим поездом, еще четыре чешских эшелона, и, когда им удастся двинуться дальше – неизвестно.

Днем мы слушали музыку на вокзале: оркестр 6-го чешского полка сыграл довольно хорошо несколько концертных вещей. Этот 6-й полк вел себя на стоянке очень шумно: солдаты много пили, пели нестройным хором чешские и русские песни, в числе их «Катеньку». Ходили слухи, что солдаты этого полка начали немного «большевичить», случались среди них нарушения дисциплины по отношению к офицерам, и чешское командование спешило переотправить их поскорее на Дальний Восток. Но забастовка Кит[айской] Вост[очной] железной дороги задержала и этот эшелон вместе с другими.

Мы с мужем долго гуляли сегодня по Бухеду[1]. Это – большой, почти сплошь железнодорожный поселок, расположенный на горе и поэтому весь открытый солнцу. Дома казенной постройки, но не казенного типа: очень веселые, яркие, из розового, белого и серого камня, с застекленными верандами и балконами, окруженные густыми тополевыми садами. Тополей масса кругом, летом улицы, вероятно, представляют собой настоящие аллеи. Очень оригинальная церковь, похожая на жилой дом: украшенная резьбой, с большими итальянскими окнами, длинная, одноэтажная. Если бы не крест, можно было бы принять ее за маленький «дворец». Большое Железнодорожное собрание, солидной каменной стройки. На входной двери висит объявление, что сегодня состоится спектакль и танцы. Совсем культурный город!

Зашли мы с мужем в несколько лавок. Торгуют все китайцы. Товаров много, изобилие вина и съестных продуктов. Сибирских денег уже не берут, кроме двух – трех лавок; боясь, что к нашему при-

---

[1] Бухеду (Бухэду), станция КВЖД. Разделялась на Северный и Южный поселок. В 1920 г. здесь находились Русское общественное управление, железнодорожная больница на 60 коек, почта, двухклассная и одноклассная общественные школы, церковь во имя царицы Александры и ветеринарный пункт, так как недалеко проходил скотопрогонный тракт на Благовещенск.

езду в Харбин эти деньги совсем выйдут из обращения, я купила за 5 000 рублей 20 аршин чесучи (250 руб[лей] сибирскими или 15 руб[лей] романовскими за аршин); фунт кетовой икры стоит 150 руб[лей]; жареный карась от 100 руб[лей] до 140 руб[лей]. Купила 2 бутылки молока по 2 руб[ля] 50 коп[еек] романовскими бумажными рублями. Начинаю страшиться за будущее. Романовских денег у нас очень мало. Пожалуй, в Харбине, пока найдем работу, нам придется туго.

В 7 часов вечера пришли с вокзала Гампловы и рассказали, что оттуда все разбежались, так как 6-й чешский полк получил приказание немедленно взяться за оружие. Рядом с нами стоит Хорватовский броневик, который пришел якобы на «усмирение» забастовщиков, а с Мяньдухе должны прийти семеновцы, которые там уже «нахозяйничали», и железнодорожники, чтобы воспрепятствовать соединению их с хорватовцами, приступили к забастовке. Во всем этом имелась, быть может, только крупица истины, но факт, что положение снова осложнилось, был налицо.

Когда мы поехали по Китайской Восточной железной дороге, я облегченно вздохнула: вот, наконец, поедем дальше спокойно и без препятствий. Но, видно, в момент революционный ничего нельзя предвидеть или предсказать даже на час вперед.

Будем ждать. Вот что значила утренняя пальба, которую я слышала сегодня: должно быть, чехи «пристреливались» на всякий случай.

15-го марта, в 12 часов дня, сказали нам, что нас сейчас повезут до следующей деповской станции Чжаланьтунь, так как в 2 часа будто бы начнется бой японцев с бастующими железнодорожниками. Последнему я не поверила, а первому обрадовалась. Действительно, нас повезли, но не в 12 часов, а в 3 1/2 ч[аса].

Проехали верст двадцать, оставалось до станции Ялу восемь верст. Вдруг раздался выстрел, другой, третий... Я лежала с книгой на своей койке – смотрю, в нашем вагоне началось смятение: пани Каутская, бледная и испуганная, возбужденно говорит что-то, молодой Каутский бежит стремглав к выходу; послышались тревожные свистки... Что такое? Оказывается, через вагон от нас горит теплушка, занятая солдатами; в открытое окно нашего вагона виден огонь на крыше теплушки. Стреляли и свистели, чтобы остановить паровоз, но машинист не слышит, и поезд мчится дальше. Алекс[андра] Мих[айлов]на [Когут] стала махать в окно своим красным шарфиком – безрезультатно. Минута была тревожная. Наконец, появившийся откуда-то на площадке нашего вагона кондуктор начал усиленно размахивать красным флагом, и поезд остановился. Тотчас же наши денщики побежали с ведрами воды, высыпали из всех вагонов чехи; быстро залили огонь – и страх сменился смехом и весельем, Оказывается, в этой теплушке ехали солдаты-спекулянты; они наложили тюки с товаром на крышу вагона, рядом с трубой, и на них попали искры от топившейся печки. Тюки загорелись, прогорел насквозь потолок, и огонь стал проникать внутрь теплушки. Солдаты уже начали выкидывать в окна свои вещи, которые потом, при остановке поезда, подобрали. После этого «веселого» дорожного приключения мы двинулись дальше.

По дороге нам предстояло новое развлечение, на этот раз совсем другого порядка. По обе стороны железнодорожного пути высились скалистые горы самых фантастических очертаний: то развалины крепости, то целый замок, то аналой; вот гигантская сова с распростертыми крыльями, а там священник в длинной мантии, поднявший руку для благословения. На фоне яркой, почти кровавой зари эти скалы казались черными и представляли очень красивое и оригинальное зрелище, которое положительно поразило меня. Совсем близко от железнодорожного полотна попадались иногда совершенно красные деревья, тоже никогда не виданные мною.

Пока я любовалась этой необычайной картиной, от гор слева медленно поднималась огромная черная туча, предвещавшая ураган или снег и, постепенно застилая небо, перешла к горам противоположной стороны и закрыла их. В вагоне потемнело и стало холодно. В Чжаланьтунь мы приехали без всяких приключений, в 8 1/2 часов вечера.

На станции стоит пассажирский поезд, пришедший с запада; видимо, тоже застрял здесь. Около вокзала хорошая лавка, лежат груды белого хлеба. Муж купил жареного фазана за 250 рублей и фунт роскошной ветчины тоже за 250 рублей сибирскими деньгами. Я уже ничего не понимаю: в Бухеду сибирских денег не брали, а здесь, за 300 верст от Харбина, берут. Может быть, и в Харбине эти деньги ходят – это было бы хорошо.

Кажется, будем стоять здесь ночь.

16-го марта, 11 часов утра. Гампловы продают свою швейную машину и просят за нее 6 1/2 тысяч сибирскими деньгами или 700 романовскими. Пришли в наш вагон трое штатских, – должно быть, железнодорожники; смотрели машину, торговались. Один из них, плюгавого и невзрачного вида, с неприятным, изрытым лицом, хвастливо сказал: «Вот Хорвата столкнем, тогда везде одинаковые деньги будут». Другой подхватил: «Где же золота и серебра взять! Все Семенов да Колчак забрали!» Было тяжело и противно слушать их. Видно, эти господа вполне уверены в сочувствии чехов, если не стесняются в их присутствии говорить о таких вещах.

В 6 часов вечера пришел паровоз с двумя вагонами, в которых помещался отряд китайских солдат. Их встречал на вокзале местный гарнизон в полном составе, с несколькими офицерами во главе. Один из офицеров, хотя и имел довольно щеголеватый вид, но вдруг весьма «демократично» высморкался двумя пальцами на землю. Китайские солдаты – маленькие, тщедушные, без надлежащей военной выправки; серая, мышиного цвета, форма придает им невзрачный, обезличивающий вид.

Грустные чувства испытывали мы, глядя на них. Совсем еще недавно была тут наша, русская охрана, состоявшая из бравых и дисциплинированных солдат пограничной стражи. И это, как и все остальное, отошло теперь в забвение, в небытие, под напором революционных событий в нашем многострадальном отечестве...

Надоело сидеть в вагоне, пошли с Когутами гулять. Зашли внутрь вокзала – очень чисто, красиво, нарядно, лепной потолок, мягкая мебель, и пахнет, как в дорогих ресторанах: вином, духами и еще чем-то

неуловимым. Потом прошли за вокзал – широкие улицы, сплошь засаженные деревьями, из-за которых едва выглядывают белые дома. Кругом горы. Красивое местечко! Чжаланьтунь, оказывается – дачный курорт, куда летом съезжается множество харбинцев. Жаль, что сейчас не лето – в зеленой одежде в этом уголке, должно быть, очаровательно.

Вечером слушали импровизированный концерт. Недалеко от нашего поезда, в тупике, стоит салон-вагон, в котором ехала на восток семья генерала Афанасьева*. Вагон был затребован обратно в Читу, но железнодорожники его не пустили, и теперь он стоит здесь один, с роскошным роялем Мюльбаха внутри, на котором m[adam]e Гамплова и разыгрывала нам Шопена, Бетховена и Листа. Мы сидели в нарядном, чистом салоне, на мягких кожаных диванах, слушая нежные переливы или грозный рокот музыки – и наше путешествие, и наш душный, черный, прокуренный вагон, и вся наша жизнь последних трех лет казались мне какой-то нереальностью, каким-то тяжелым сном, от которого хочется скоро проснуться, – стоит только сделать усилие, и все будет, как прежде...

17-го мы все еще в Чжаланьтуне. Ходили в китайскую деревню – точно в настоящем Китае побывали: узенькая, грязная улочка, низенькие лавчонки, кругом кишмя кишат китайцы: женщины, старики, ребятишки. Девочки-китаянки, лет 14–15-ти, очень мило причесаны, с бумажными цветами в волосах; почти у всех – крошечные, изуродованные ножки. Одеты женщины и девочки в мужские штаны и кофты-курмушки[1] из пестрой или черной, с крупными цветами, материи. В лавках китайцы очень вежливы: здороваются, а когда уходишь – забегают вперед и отворяют двери. Один маленький китайчонок вдруг подлетел на улице к нам и со словами: «Здравствуй, здравствуй!», сунул нам всем свою грязную ручонку, а потом с хохотом убежал.

Вечером на горах зажглись своеобразные костры: горела во многих местах трава. Постепенно вспыхивали все новые и новые такие костры, за вокзалом стояли яркие зарева. Было очень красиво.

Китайские солдаты встречали какое-то свое начальство: выстроились на перроне, винтовки у плеч, трубачи пропели «Зарю» совсем по-нашему, по-русски. Прошел длинный поезд, никого нигде не было видно, только ярко горело масло у одного колеса.

Поздно вечером чехи сообщили нам, что забастовка кончилась, Хорват будто бы бежал. Железнодорожники хотели арестовать русских офицеров в стоявшем рядом с нами пассажирском поезде, но китайцы не позволили это сделать. Тогда они увели поезд куда-то подальше, чтобы китайцы не увидели, и наверное, все-таки арестовали несчастных офицеров.

18 марта в 9 часов, мы выехали из Чжалантуня. Инженер, только что вернувшийся из Бухеду, рассказывает, что там хорватовский броневик сдался без боя. Хорват же вовсе не бежал. Рабочие-железнодорожники выставили четыре требования: 1) Удаление ген[ерала] Хорвата. 2) Подчинение власти городов и земства (Владивостокской)[2].

---

[1] От «курма» – теплая одежда.
[2] Земско-городская власть во Владивостоке.

3) Удаление, в течение трех месяцев, японских войск. Четвертое требование он забыл. Хорвату будто бы предлагали остаться, при новом порядке вещей, комиссаром, но он отказался.

Сегодня жарко, как летом: я гуляла в летнем костюме. Хороший день, яркое солнце – и в душе зароились смутные надежды на что-то лучшее впереди...

В 5 часов вечера приехали в Цицикар[1]. Город расположен в 20-ти верстах от станции. Походили по станционному поселку, зашли, по традиции, в одну–две лавки. Я купила баночку крема для обуви, за которую спросили 5 рублей романовскими, или 75 сибирскими. Масса хлеба сложена на станции – целые горы мешков пшеницы и ржи.

Вероятно, завтра утром будем в Харбине. Я начала складывать вещи. Кап[итан] Когут с женой, а также начальник эшелона, поручик Маршалек, предлагали нам с мужем проехать с эшелоном до Владивостока, там дождаться чешских транспортов и с ними уехать в Чехию, где можно найти себе заработок. За провоз туда с нас ничего не взяли бы. Мы очень благодарны были за это предложение, но не решились им воспользоваться: уж очень далека была Чехия от пределов нашей родной страны, куда мы все-таки надеялись скоро вернуться. И мы решили сойти в Харбине.

Поручик Маршалек отказался также взять с нас плату за проезд и довольствие в его эшелоне. Это сделало нам большую экономию в наших скудных наличных средствах. Кроме того, у меня за дорогу накопилось целое хозяйство, так как мы все время получали офицерский, довольно обильный паек и не могли израсходовать его целиком. В нашем владении теперь находилось несколько фунтов сахару, фунта два чаю, консервы, мыло, пачек 5–6 спичек, две большие коробки папирос, несколько банок молока. Не зная, как нас встретит Харбин, я очень довольна была этим запасом. Самое главное, у меня был целый мешок высушенного на сухари белого хлеба. Мы не имели, конечно, никого понятия о том, как обстоит хлебный вопрос в Харбине: в Иркутске, перед нашим отъездом, хлеба уже давно недоставало.

Весь день *19 марта* я провела за сборкой и укладкой нашего имущества. За два месяца вагонной жизни пришлось пользоваться многими вещами из нашего багажа – все это теперь опять вернулось в чемоданы и корзины. В 7 часов вечера мы приехали в Харбин, простояв на последнем перед ним разъезде Метайцзы почти три часа.

Тотчас же я пошла разыскивать контору для хранения багажа. На вокзале шум, суета, давка – я совсем одурела. С помощью Каутского контору скоро нашла, и Франц Поспехал перетаскал туда все наши

---

[1] Цицикар, город и станция КВЖД. Находится на р. Нуньцзян (Нонни) в степной части Маньчжурии, являлся центром земледельческого района. В 1920 г. находились церковь Святых Апостолов Петра и Павла, двухклассная железнодорожная школа, метеостанция, почта, поселковая общественная бойня, так как недалеко проходил скотопрогонный тракт на Амур. В это время город (в просторечии Бу-куй) являлся административным центром Хэйлунзянской провинции. Здесь располагалось Русское консульство, отделение Русско-Азиатского банка и правление лесного предприятия Шевченко.

вещи. Мы дали ему за его дорожную службу нам тысячу рублей сибирскими, чем он остался очень доволен. Вернувшись в вагон, мы тепло простились с нашими спутниками-чехами и их русскими женами, горячо поблагодарили поручика Маршалека за оказанную нам неоценимую услугу, за его неизменно внимательное и благожелательное к нам отношение. Кап[итан] Когут и некоторые другие чехи дали нам карточки с их адресами в Чехословакии и обещали писать нам. На момент мне стало даже грустно расставаться со всеми этими милыми и симпатичными людьми, с которыми на два месяца связала нас судьба.

И вот мы в Харбине, идем искать себе пристанище на ночь. Стелется перед нами туманной завесой неизвестное будущее в чужом городе, среди чужих людей... Что будет, как сложится дальше наша жизнь, что еще предстоит пережить нам, дурного и хорошего? Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам, что мы в безопасности и свободны, что красный зверь как будто остался далеко позади.

[На с. 67 написано:] За последние годы очерки и стихотворения А.Н.Серебренниковой помещались в харб[инской] газете «Заря», в журналах «Рубеж», «Луч Азии», «Хлеб Небесный», в тяньцзинских журналах «Родная школа», «Дракон», «На путях к Родине».

В настоящее время А.Н.Серебренниковой приготовлен к печати сборник стихотворений «Из ниппонской поэзии». Сборник этот принят для напечатания издательской частью Главного Бюро Рос[сийских] эмигрантов в Харбине и в скором времени выйдет в свет[1].

[1] В связи с вступлением Советской армии в Харбин в 1945 г. сборник не издан.

[1]В ХАРБИНЕ

19 марта 1920 г.[2] Итак, мы в Харбине[3]. Устроив вещи на хранение, мы пошли в вокзальный ресторан, – мужу захотелось съесть что-нибудь горячее. Но цены оказались непомерные: порция бефстроганов – 30 руб[лей] старыми деньгами или сибирскими 750 руб[лей], бутылка пива – 10 руб[лей] и т.п. Мы отказались от мысли об ужине; купили только коробку папирос за 4 руб[ля]. Муж предложил остаться на ночь в вокзале, т.е. просто просидеть до утра за столом, но я была так измучена, что меня буквально валило с ног, и я уговорила его пойти разыскивать гостиницу, хотя в глубине души и была уверена, что найти свободный номер – дело несбыточное.

Пошли мы, опрашивая прохожих – было это часов в 9 вечера. Освещение скудное, местами – тьма кромешная. Внезапно из тьмы надвинулись на нас двое рабочих, судя по их одежде и мешкам с инструментами, которые они несли с собой. Потом попались навстречу две молодые девушки; на наш вопрос они показали, как пройти к гостинице. Я невольно заметила, как близко друг от друга стоят на постах китайские полицейские.

Мы подошли к указанной гостинице. Но сидевший на лавочке около нее чех заявил нам, что гостиница эта занята чехословацким интендантством. Муж сообщил, что мы приехали тоже с чешским интендантским эшелоном, назвал несколько имен. Чех обрадовался и был так любезен, что тотчас же пошел с нами разыскивать гостиницу – таковых оказалось две поблизости. Зашли в первую – номеров свободных нет; во второй оказался один незанятый. Чех распрощался, просил заходить к нему в канцелярию. Я была так поражена нашей удачей, что сочла это даже счастливым предзнаменованием: в Харбине вдруг сразу найти номер в гостинице! Правда, запросили с нас 7 иен или, по курсу, 49 руб[лей] романовскими, в сутки. Но нам было все равно: так мы измучились. Вошли, отдали паспорта, спросили и выпили бутылку пива и легли спать – очень оригинально: с собой не было у нас ни мыла, ни полотенца, ни постели. По

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 1. Л. 1–10. Дневник написан А.Н.Серебренниковой. На обложке надпись «А.Н.Серебренникова. 1920–1939 годы».

[2] О первых днях в Харбине см.: Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 17–63.

[3] Харбин располагался на правом берегу Сунгари, являлся важнейшим узлом КВЖД. 23 апреля 1898 г. в деревушку Хаобин (имеются разночтения) пришла партия инженера А.И.Шидловского, которая приступила к строительству первого барака. 30 мая прибыла группа главного инженера Юговича, который купил у китайцев небольшой участок земли с развалинами ханшинного завода. Впоследствии это место получило название Старый город. С течением времени железнодорожные учреждения перевели в Новый город, торгово-промышленные предприятия расположились в прибрежной части – Харбин-пристань. К 1920 г.: население 200 тыс., из них свыше 50 тыс. русских жителей.

счастью, на кровати было одеяло, подушка и простыня. Так и заночевали.

Ночь была холодная, номер не топлен, и мы порядочно промерзли и плохо спали.

20-го. Проснувшись утром, я, вместо умывания, намочила платок водой из графина и вытерла им лицо и руки. Переговорили со швейцаром гостиницы, попросили его привезти наши вещи. В 10 часов их привезли. Тогда мы заказали самовар, умылись, как следует, и, поев и попив чаю, отправились разыскивать знакомых. День был жаркий, почти летний. Мы с интересом приглядывались к новому городу; мне нравились некоторые улицы, сплошь засаженные тополями и другими деревьями, как аллеи сада. Попадались и хорошо мощенные, очень красивые улицы. Расспрашивая прохожих, добрались мы до главной улицы Пристани, Китайской[1]. На ней множество магазинов, дома каменные; большое движение, много автомобилей. Тут же бегают и на каждом углу стоят рикши со своими колясочками. Когда они везут пассажиров, на них жалко смотреть: пот по лицу катится градом, дыхание тяжелое, со свистом. Ездят на них, главным образом, китайцы.

Магазины здесь богатые. Чуринский универсальный магазин занимает почти целый квартал[2]. Такой же его магазин имеется и в Новом городе. Выставки в окнах довольно роскошные: обилие обуви, шляп, мехов, всевозможных материалов. После иркутской пустоты последних месяцев невольно разбегаются глаза на все это богатство.

---

[1] Район начал строиться одновременно со Старым городом. В нем была сосредоточена почти вся торговая жизнь Харбина, находились магазины, склады, банки и т.д. В центре находились главное полицейское управление, городское общественное самоуправление, биржевой комитет, а также судебно-правовые организации. Основной артерией считалась Китайская улица, где были расположены наиболее солидные здания, среди которых выделялись магазин Мацура, гостиница «Модерн» и магазин Чурина.

[2] Основатель компании – И.Я.Чурин. После ухода его от дел компаньонами фирмы стали В.А.Левашев и И.И.Мамонтов. Сыновья Н.П.Бабинцева возглавляли отделение в Благовещенске, В.П.Бабинцева – во Владивостоке. Компаньон-распорядитель А.В.Касьянов жил в Москве. Как только была построена КВЖД, фирма Чурина открыла свои магазины в Порт-Артуре, Харбине, Инкоу и Имяньпо. Русско-японская война, резко оживив вначале торговлю, затем ввергла ее в глубочайшую депрессию. Но Торговый дом «Чурин и К°» и в этих условиях смог удержать свои позиции, сведя убытки компании к минимуму. Перед Первой мировой войной оборот фирмы достиг 35 млн руб., ее репутация была известна всему миру. Октябрьский переворот 1917 г. заставил Торговый дом провести реорганизацию. На свет появилось акционерное общество «Торгово-промышленное товарищество на паях – преемники И.Я.Чурина и К° – А.В.Касьянов и К°» с капиталом в 21 млн руб. Механизация в русской компании была лучшей в Маньчжурии, а зарплата более высокой, чем в других фирмах. Работа в новых условиях потребовала увеличения финансирования. Необходимые средства дал Гонконг-Шанхайский банк. В Китае русские коммерсанты продолжили благотворительную деятельность. В Харбине, например, они открыли городскую дешевую столовую им. А.В.Касьянова. В 30-е годы японцы оказали давление на владельцев, и тем пришлось отказаться от всех прав на собственность. После Второй мировой войны, воспользовавшись капитуляцией Японии, русские смогли вернуть руководство компанией. Советское правительство приобрело у Гонконг-Шанхайского банка акции. Впоследствии коммунистический режим, установившийся в Китае, национализировал фирму.

На тротуарах почти сплошь стоят скамейки со спинками для отдыха проходящей публики. Расположены эти скамейки спинками к улице, так что, когда садишься на них, то очутишься лицом к магазинным окнам: сиди и любуйся.

В общем, город мне показался каким-то недоделанным: дома хорошие, а тротуаров мало. Вместо них просто вымощенные, а иногда и вовсе немощеные узенькие проходы. Везде, рядом с красивыми зданиями и прямо на улицах, валяются кучи неубранного мусора, кирпича и т.п. Все это свободно развевается ветром и создает ужаснейшую пыль.

Выйдя из дома, мы сразу же повстречали знакомого по Иркутску – Бавли. Он дал нам кое-какие адреса иркутян[1]. Пошли дальше – повстречали иркутского коммерсанта Курбатова*. Потом я зашла – оказалась неподалеку – на службу к Л.К.Трофимову. Он стал неузнаваем: у него секретарь, о каждом посетителе ему докладывают... И хотя он меня будто бы радостно встретил и руки мне расцеловал, но тотчас же продемонстрировал передо мной всю свою важность: вызывал к себе звонками несколько раз своих «подчиненных», отдавал приказания тоном премьер-министра, – вообще, так нестерпимо ломался, что мне стало и грустно, и смешно на него смотреть. И это – представитель нашей демократии!.. Потом мы с мужем просили его, пока мы не устроились, дать нам взаймы рублей двести; он кисло обещал и ничего не сделал. А когда-то в Иркутске он, будучи еще просто политическим ссыльным, неоднократно пользовался нашей поддержкой, мы устроили ему много хороших уроков, искали и находили ему и другую работу... Как ни сказать лишний раз, что «старая хлеб-соль забывается».

Разыскала В-ка. Он тоже был далеко не так любезен, как прежде в Иркутске, и хотя пригласил нас пообедать, но тон у него и у его жены был какой-то вежливо-покровительственный. Все это коробило и оскорбляло меня до глубины души. Как быстро меняются люди! В-к дал все же нам адрес его знакомых, где можно было найти комнату, и обещал сходить вместе с нами на биржу, помочь разменять деньги. Курс в тот день был 6,60–7 за одну иену, сибирскими – 160. Мы отложили размен до понедельника, за поздним временем, потом зашли по указанному адресу, но не застали хозяев дома. По соседству оказался знакомый доктор Д.Г.Попов. Зашли, поговорили; он встретил нас хорошо, звал заходить.

Так кончился первый день нашего пребывания в Харбине. Усталые, легли спать. И сон был прерывистый, неспокойный. Проснешься, вспомнишь, что мы – в Харбине, и так странно, и дико все покажется...

21 марта. Утром муж пошел к Мещерскому* попросить работы, получил обнадеживающие обещания. На улице он встретил иркутянина, инженера Аксаментова, который позвал его к себе обедать.

---

[1] И.И.Серебренников встретился с иркутянами: Аксаментовым, А.Н.Вагиным, Ф.Ф.Заборовским, В.О.Марковскиим, Н.Н.Козьминым, Н.И.Петровым, Н.И.Соболевским и др. (Серебренников И.И. Мои Воспоминания: – Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 26–30).

Я пообедала в гостинице одна. Обед стоил 20 руб[лей], самовар 5 рублей.

После обеда я пошла разыскивать М.А.Кроля*. День был, в противоположность вчерашнему, страшно холодный, с резким ветром. Ветра здесь ужасные, говорят, почти каждый день. Пыль летит столбом и засыпает глаза. Я пошла в весеннем пальто и продрогла до костей. М.А.Кроль спал после обеда, я просила не будить его и села ждать в маленькой столовой. Было очень грустно, как-то неуютно на душе... Ждала с полчаса, пока М[ихаил] А[фанасьевич] вышел – он не знал, что его ждут, был удивлен и обрадован нашей встречей. Я просила его помочь мне в приискании работы, он обещал, хотел справиться в редакциях газет и в других местах. Это меня немного ободрило.

На обратном пути я зашла в указанную В-ком квартиру. Оказалось, комната там уже сдана за 100 иен в месяц. Квартира хорошая, обстановка нарядная, и хозяйка очень любезная. Но цена – сто иен – показалась мне колоссальной.

Муж видел у Акс[аменто]ва* Писаревских. Они предлагали у себя 3 комнаты за 200 иен. Где же нам взять такие деньги?

22 марта. До четырех часов сидела одна в своем номере. Шила, писала, читала и скучала. Обеда не заказывала, ожидая мужа, а он пришел поздно, и я осталась без обеда. Он весь день провел в розысках знакомых и в размене денег. Курс опять повысился, муж едва-едва разменял 6000 на 30 иен и одну тысячу на роман[овские] пятерки, но, по неопытности, не просмотрел хорошо всех денег, и ему подсунули старые и порванные в середине бумажки, которых не берет ни один китаец. Я совсем пала духом. В гостинице придется много заплатить, каждый день курс денег падает – что же будет дальше, как будем жить?

Пошли под вечер прогуляться, зашли к Аксаментовым. Очень милая и приветливая семья. Спросили у них о П.К.Щелкунове*, на которого мы сильно рассчитывали. Оказывается, он уехал в Чанчунь. На улице повстречали еще несколько знакомых. Между прочим, муж рассказал мне, что встретил Жигалова, и, когда в разговоре упомянул о своем затруднительном положении, Ж[игало]в заявил, что он с радостью помог бы ему, но он сейчас не имеет свободных денег, так как достраивает пятиэтажный дом на Японской улице в Харбине. Муж так обозлился, что, не простившись, ушел от него.

Встретил муж также И.М.Габриловича*. Тот, узнав, что у нас нет комнаты, предложил нам занять временно его квартиру, так как он с женой уезжают на днях в Тяньцзинь. Можно будет прожить у них с месяц, а, может быть, и два–три месяца совершенно бесплатно, с правом пользования кухней. Габр[илови]ч позвал мужа к себе обедать, показал ему будущую нашу комнату. Я очень рада, конечно: месяц экономии на комнате много для нас значит.

23 марта. С утра я бегала по меняльным лавкам со своей пятисоткой и сибирскими. В одной конторе последних совсем не взяли, заявив, что эти деньги плохие; за 500 рублей давали 18 иен или 135 романовскими. Пошла в другую – 125 ром[ановских]. Наконец, не зная, что делать, и боясь остаться вовсе без денег, я отдала за 20 иен

500 рублей и 1 1/2 тысячи сибирских за 100 рублей романовских, тщательно пересмотрев каждую бумажку. Курс сегодня был еще 200 р[ублей] за иену.

Муж за это время разыскал Н.И.Петрова*, который ссудил его 100 иенами, – целое богатство! – и обещал разузнать насчет лекций на курсах, где он состоит лектором, так же, как Г.К.Гинс* и Устругов*. По случаю неожиданной получки денег мы заказали два обеда в нашей гостинице и сытно поели. Потом зашли к Габриловичам, обо всем переговорили; послезавтра можно уже переезжать к ним. Слава Богу, хоть одно затруднение пока устраняется.

На душе у меня сегодня очень скверно. Такой бездушный, противный город, такие черствые люди! Все боятся, что мы приехали, чтобы сесть к ним на шею, не желают помочь нам в беде даже жалкими грошами, как будто это разорит их...

24 марта. Осматривали Японский торговый музей[1]. Там представлены многие области. Есть отдельные вещи очень изящные и красивые; но, в общем, жидковато.

Встретили на Китайской улице Габриловича, он позвал нас к себе. Повидала я его дочь Валю, мою ученицу в Иркутске, – я готовила ее в группе с другими пятью девушками к выпускному экзамену по словесности. Семья Г[абрилови]ча отнеслась к нам сочувственно; обещали разузнать насчет уроков для меня или места в гимназии.

На обратном пути натолкнулись на своеобразную уличную биржу. Идет отчаянный торг деньгами, куча народа, в воздухе мелькают кипы ассигнаций. Китайцы, с одурелыми от жадности лицами, держат в руках и подмышками целые груды романовских денег, кучи серебряных долларов бренчат в пригоршнях. Мне неприятно было смотреть, хотя в первый раз и интересно.

Вопрос о работе в Монголексе[2] выяснится через неделю, когда все заправилы вернутся из Владивостока[3]. Неделю еще, значит, мы будем висеть между небом и землей. Да, может быть, еще и там не выгорит.

26 марта. Вчера не успела ничего записать: перебирались на новую квартиру. В гостинице оплатили колоссальный счет: 42 иены за шесть суток, обеды, самовары и пр. – 26 иен. Итого 68 иен. Порядочно раздали еще чаевых, причем швейцар, получивший от нас 400 сиб[ир-

---

[1] Японский торговый музей в Харбине. Его целями было: а) восстановление деловых сношений между Японией, Россией и Северной Маньчжурией; б) выставка товаров японского, русского и китайского производств и сырья России и Северной Маньчжурии; в) сбор статистических данных, касающихся торговли и промышленности; г) посредничество между русскими, японскими и китайскими коммерсантами; д) ознакомление с ближайшими рынками и положением торговли и промышленности путем издающихся журналов на японском языке («Роадзихо») и на русском («Вестник Японского музея в г. Харбине»).

[2] Монголекс – управление Маньчжурско-Владивостокского района Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующих армий. Главное правление было открыто в Иркутске в 1915 г. 1-й начальник полковник П.К.Козлов, исследователь Азии. Помощник – ветеринарный врач А.А.Дудукалов. Имелись районные отделения: Западно-Сибирское, Западно-Монгольское, Восточно-Сибирское, Восточно-Монгольское и Маньчжурско-Владивостокское.

[3] Начальник отделения в Харбине ветеринарный врач А.С.Мещерский.

ских], т.е. 2 иены, остался недоволен и начал ворчать, хотя он нам никаких услуг за все время не оказывал, – только вынес наши вещи из вестибюля на подъезд. За перевозку вещей китаец запросил 15 роман[овских], но не взял чуть поношенных бумажек, и пришлось отдать ему 2 иены.

После мрачного, сырого номера гостиницы новая наша комната показалась нам раем: теплая, вся залитая солнцем. Хозяева очень радушно встретили нас. В 7 часов мы проводили их на вокзал и вернулись на свое новоселье.

Ночь прошла с маленьким приключением. Вчера нам освободили только одну кровать, и я постлала мужу постель на полу. Еще с вечера начали ползать по полу маленькие черненькие букашки и даже одна мокрица – признак сырости. Потом, когда я уже потушила свет и почти задремала, муж сказал: «Кто-то большой ползет у меня на подушке». Я быстро вскочила, отвернула выключатель и с ужасом увидела огромного черно-коричневого жука, который спрятался под мужнину подушку и грозно шевелил оттуда длинными усами. Набравшись храбрости (я всю жизнь боялась больших насекомых), я прихлопнула его мужниной штиблетой, причем распространился от противного создания едкий, острый запах. Потом этот жук долго мерещился мне, и я кое-как уснула.

Сегодня мы взяли себе вторую кровать, поставили письменный стол, на котором я разложила свои книги. Стало очень уютно, и, в связи с этим, поднялось мое настроение. Захотелось скорее начать работать – впереди минимум месяц жизни в хорошей квартире, где мы сейчас являемся полными хозяевами. В нашем распоряжении, кроме отведенной нам комнаты, имеется прекрасная столовая, кухня и ванная комната. Час тому назад я с наслаждением приняла горячую ванну. Вода здесь скверная, стягивает кожу и склеивает волосы; нужно прибавлять к ней уксусной эссенции при полоскании волос.

Сегодня я никуда не выходила, раскладывала вещи, прибиралась. С русской прислугой Габриловичей, Верой, я уговорилась, что она будет покупать мне провизию и готовить обед; за это мы будем платить ей.

Муж был вчера в помещении Союза христианской молодежи[1], где ему предложили читать лекции по сибиреведению, а мне – по истории русской литературы. Оплачиваются лекции по 50 рублей романовскими за час. Это было бы хорошо, конечно, но мне нужно готовиться, иметь книги, учебники – где я все это буду доставать?

30 марта. Ничего не записывала эти дни; ничего особенного не случилось. В новой квартире чувствуем себя хорошо. Пока делать нечего, бродим по городу. Вчера ходили в Модягоу, предместье Харбина,

---

[1] Харбинское отделение Христианского союза молодых людей (ХСМЛ–YMCA). 1-й китайский отдел ХСМЛ образован в 1895 г. в Тяньцзине. Харбинский отдел существовал с 1918 г. Вначале он занимался обслуживанием американских и английских экспедиционных войск, затем переключился на помощь русским беженцам. Были организованы курсы английского языка и стенографии, отправлены первые студенты на учебу в Европу и США. С октября 1923 г. стала разворачиваться сеть профессиональных школ: шоферов-механиков, машинописи и воспитателей дошкольников.

версты четыре–пять от нас[1]. Там очень много садов, тихие спокойные улочки; нам понравилось. Встретили Кармазинского; он нервно настроен, второй месяц без работы. Нашего полка безработных все прибывает.

Зашли в магазин Чурина, и я купила там сборник «Бирюч», владивостокскую новинку[2]. Хочу дать отзыв о нем в «Новости». Газета согласилась, по рекомендации М.А.Кроля, принимать от меня отдельные статьи; постоянных же отделов свободных нет.

У Чурина множество отличного товара, у нас глаза разбежались. Роскошные закуски, конфекты... Мы, как маленькие дети, соблазнились орехами в сахаре и бананами в шоколаде и купили по фунту тех и других. Потом мне было очень стыдно, что мы, не имея еще работы, швыряем последние деньги на сласти. Что делать – соблазн был велик...

Третьего дня я была очень напугана странным сердечным припадком, случившимся со мной. Я сидела спокойно за столом, как вдруг ударило что-то в сердце, и захватило дыхание так, что я даже закашлялась; сначала лицо и руки похолодели, потом в них горячо хлынула кровь. Я с трудом, чувствуя себя совершенно оглохшей и одурелой, добралась до кровати и почти упала на нее, и в это время сердце так бешено колотилось; что я слышала его удары и ощущала сильную боль в груди. Потом начались редкие, но тоже сильные сердечные толчки, и постепенно все затихло. Потом, часа через два, опять повторилось то же, но значительно слабее. Что это такое? Вероятно, новый климат дает знать о себе таким образом. Доктор Д.Г.Попов говорил нам, что климат в Харбине тяжелый, особенно летом, когда от влажной жары человек весь покрывается тропической сыпью.

---

[1] В этом районе жило около 90% русского населения Харбина. «Связанное трамвайной линией с прочими районами Великого Харбина, Модягоу одновременно обслуживается автобусным движением и постоянным курсированием легковых автомобилей, не прерывающих свою работу в течение всей ночи. Это последнее обстоятельство дает полный простор воле обывателя Пристани засиживаться до какого угодно часа в Модягоу или, наоборот, до глубокой ночи быть на шумливой Пристани модяговцу. Большое количество магазинов, кондитерских, кафе Азадовского, кинематограф, библиотеки, больницы, амбулатории и аптеки в полной мере обслуживают жителей Модягоу, если не считать нужду в верхнем платье, шерстяных материях и обуви. Вдоль речки Модяговки, через которую проложили 2 моста, соединяющих поселок с Новым городом, раскинулся питомник КВЖД» (Модягоу // Коммерческий указатель Великого Харбина. Харбин, 1933. С. 51).

[2] Бирюч: Журнал искусства и жизни с публицистическим отделом / Под ред. С.Третьякова. Владивосток: Изд. Т-ва «Общедоступная книга», 1920. Март. В предисловии отмечалось: «Искусство новое, искусство живущее, искусство, орущее звонкой глоткой, дивясь на прекрасные движения и дали жизни, искусство, не жалеющее рвать цепкие руки об осколки промахов и ошибок, дабы маршировать туда, где оно еще не ступало, и домогающееся говорить о душе человеческой словами неслыханными, красками невиданными, – это искусство зовет Бирюч на свои страницы! Спорам о слове, краске и звуке, свободному обмену мыслей всех направлений и групп в искусстве открывает Бирюч свои столбцы. Поэтам, художникам и музыкантам предлагает Бирюч присылать свои произведения и вопросы, полагая в живом общении залог активного роста молодого искусства в самой толще народа» (С. 1).

31-го марта. Сегодня унесла объявление в «Новости»[1] о том, что даю уроки русского языка иностранцам, а также готовлю и репетирую по рус[скому] языку и литературе. Посмотрим, что из этого выйдет; особых надежд не питаю. Стоило объявление 2 1/2 иены.

Подготовляю кое-что для газеты. Под вечер ходим гулять, продолжаем знакомиться с городом. Были на Сунгари – некрасивая река, плоские берега, как на Иртыше. То ли дело наша чистая, холодная красавица – Ангара!

Видели около реки китайские киоски, разукрашенные, пестрые, с яркими изображениями драконов. Все это ново и интересно для нас.

К нам в квартиру вселился новый жилец, грузин Учадзе. Привел его к нам молодой сын Габриловича, живущий на отдельной квартире; он женат, и оба они с женой – симпатичные люди. Сегодня мы, по их приглашению, у них обедали.

1 апреля. Муж ходил в Новый Город и потерял пенсне. Где тонко, там и рвется. Говорят, стекла здесь стоят очень дорого.

В Фудзядяне – это Китайский город Харбина – есть китайский и японский театры. На Пасхе думаем побывать там.

2 апреля. Сегодня я – именинница. Вера напекла мне печений, к обеду сделала блинчики, компот из фруктов, и мы пообедали втроем: я, муж и М.А.Кроль. Вспоминали об Иркутске, и всем было немного грустно.

Мое объявление в газете сегодня не появилось. Пойду завтра узнавать, в чем дело.

Предложений работы пока нам не было. Близится праздник Пасхи – невесело будет встречать его вдали от близких, в чужом, бездушном городе.

Закончила переписку поэмы К.Гавличка. Завтра отнесу в газету. Сегодня никуда не выходила. Дует страшный ветер; холодно, пасмурно и тоскливо.

Вчера вечером разговорились с новым постояльцем. Оказывается, он был в 1911 году в Знаменке, в Сибири, в ссылке, хорошо знает Елену Ревзон, Веру Стрелову и др. О нас он уже слышал здесь: кто мы такие, откуда приехали.

«Мне уже сказали о Вас, что Вы – курсистка».

«Откуда люди узнают?» – удивилась я.

«Я рассказал моему приятелю, Ан.Пескину, что Вы хорошо разбираетесь в политике, а он мне и сказал, что Вы – петербургская курсистка».

В вечер его переезда к нам, мы с ним долго беседовали – о политике, в том числе.

3 апреля. Объявление мое в газете опять не напечатано. Я пошла в контору объясняться. Оказывается, его просто затеряли. Нечего сказать, милые порядки! Я написала объявление снова и настойчиво просила поместить его немедленно; потом прошла в помещение редакции. Клиорина* не было, я ждала минут десять. Потом он при-

---

[1] Новости дня (б. Новая жизнь): Ежедн. полит., обществ., лит., торгово-промышл. газ. Выходила в Харбине с 1907 по 1929.

шел – кругленький, чистенький, любезный еврейчик. В редакции, как и в конторе, – почти сплошь евреи: сидят, пишут в пальто и в фуражках на затылках. К[лиори]н взял мой материал и просил зайти за справкой дня через три.

4 апреля. Наконец, появилось мое объявление. Я весь день просидела дома, но ни одной души не пришло, как я и ожидала. Погода сегодня отвратительная, холод; ночью и утром шел снег, потом дождь.

5 апреля. Собралась к зубному врачу, поблизости от нас. Как и везде, там открывает дверь и снимает одежду китаец-бой. Еще расход на лечение, а заработок пока только улыбается издали. Сильно разболелись зубы, не могла терпеть.

Пока муж взял от Монголекса сдельную литературную работу и уже засел за нее[1]. Есть надежда получить 200–300 иен, если ничто не помешает работать.

Вечером мы бродили с нашим грузином по городу. У него, как я сказала ему шутя, совсем приискательские замашки: он все время что-нибудь покупает на улицах – фрукты, сласти; нынче купил ликеру, и мы втроем его выпили за ужином. Почти каждый день угощает меня шоколадом, какао, яблоками.

У уличных торговцев-китайцев хороший товар на их лотках: красивые кружева русского плетенья, перламутровые пуговицы, носки. Я люблю кружева, все заглядываюсь на них и прицениваюсь, но не покупаю.

Вечером приехала молодая Габрилович, о чем-то сердито говорила с Верой, а потом отдала мне ключ от ледника и предупредила, чтобы я была осторожной и все запирала. Что это значит, не знаю; Вере я уже давно не доверяю, она тратит на наше хозяйство слишком много денег и продуктов, и я хочу под благовидным предлогом отклонить ее услуги и готовить обед самой.

6 апреля. Сегодня разъяснилось, что значило вчерашнее предостережение О.А.Габрилович: утром она приехала в сопровождении полицейского чиновника, и у Веры был сделан обыск. Проживавший в квартире еще до нас инженер М-в телеграфировал, что у него потерялась здесь золотая цепь с самородком и много белья, и он высказал подозрение на Веру. Та подняла вопль при обыске, плакала, уверяла, что она ни при чем; украденных вещей у нее не нашли, но все же рассчитали, пригрозив арестом.

Я, признаться, довольна, что Веры в доме не будет, за последнее время она как-то неприятно стала действовать на меня. Что она воровка, нет сомнений: я произвела сегодня учет своего хозяйства и не досчиталась более сотни яиц, потом риса, масла и пр. Всего этого я

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 1 июля 1945; Опубл.: Серебренников И.И. Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Маньчжур. Владивост. р-н; Он же. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Вып. 12, прил. 4; Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (С.-х. перепись 1916 г.). Вып. 12, прил. 5. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Маньчжур.-Владивост. р-н. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.

закупила довольно много, и теперь почти ничего не оказалось. Теперь я буду готовить сама. Китаец-караульный нашего дома Василий, хорошо говорящий по-русски, согласился ходить для меня на базар за провизией.

Сегодня жестоко разболелся мой зуб, после визита моего к дантисту. Сейчас – 11 часов ночи – болит отчаянно. Боюсь, что не засну всю ночь. Был вечером ген[ерал] Бобрик, рассказывал много интересного о своем путешествии по Сибири. А меня так мучила зубная боль, что я с трудом сидела за столом, через силу наливала чай и поддерживала разговор.

7 апреля. Сегодня – Благовещенье. Ясный, теплый день. За ночь зуб мой чуточку успокоился. Уснула я почти под утро, поэтому встала поздно и не успела еще напиться чаю (10 1/2 часов), как появился неожиданно у нас К.Ф.Егоров*, большой наш иркутский приятель. Встреча вышла взаимно радостной. Он сказал, что не ожидал увидеть меня здесь, думал, что И[ван] И[ннокентьевич] один приехал. «Положительно, земной шар становится тесен», – сказал он, шутя. Провели за оживленным разговором часа два.

Сегодня я сама готовила обед. С непривычки, вернее, с отвычки порядочно устала. После обеда выстирала 90 штук белья – платков, лифчиков, блузок; сделала, таким образом, экономию на прачке. Все перегладила потом, и сейчас, к вечеру, сильно болят плечи и руки. Сестра моя Валентина сказала бы: «Это у тебя от того, что ты в Благовещенье работала. Грех!»

8 апреля. Через два дня – Пасха. Молодые Габриловичи предупредили, чтобы мы не пекли кулича, они нам пришлют. Мы очень тронуты. Я заняла у них 10 иен, купила немного закуски, бутылку водки. Сделала маленький запас масла, муки, круп, картофеля на свое хозяйство. Василий сходил сегодня на базар, по моему поручению. Я же сбегала утром к дантисту, потом в редакцию «Новостей», потом принялась за приготовление обеда, после – за глаженье... Потрудилась достаточно.

Из принесенного мной в газету материала К[лиори]н две вещи принял, поэму вернул – велика. Когда я спросила о гонораре, он назвал мне такую низкую цифру, что я не знала, оставлять ли материал или взять обратно. Потом подумала: раз написано, пусть идет. Но пропала всякая охота писать что-нибудь дальше за такие гроши.

Был вечером [А.Н.]В[аги]н. Живет с женой и двумя детьми в крохотной комнатке. Сюда приехал с 4000 сибирских денег. Тоже без работы.

В Харбине объявлен концерт певицы М.Черкасской*. Разве я пропустила бы такой концерт, если бы он был в Иркутске! А здесь никуда не хочется. Как вспомнишь, что за билет нужно отдать две или три иены, а иен этих так мало, то, кажется, приезжай сюда сам Шаляпин, и то не пойду.

[1]ПО ДОРОГЕ В ПЕКИН

Мы выехали из Харбина около часу дня, *26 декабря 1920 года*. Для предстоящего путешествия я купила хороший чемодан, саквояж, чехол для постели, и весь наш багаж имел весьма приличный вид, как полагалось «за границей». Ехали мы во втором классе. Вагон был чистый, обращение поездной прислуги вежливое. Контроль – двойной: русский и китайский. Мы встретили в нашем вагоне знакомого, говорящего по-английски. Он помогал нам иногда в разговоре с вагонными служащими, ибо наша английская практика была еще очень слаба.

Мы должны были прибыть к 9-ти часам вечера в Чаньчунь[2] – конечный пункт Китайской Восточной ж[елезной] дороги и первый пункт дороги Южно-Маньчжурской. Но поезд наш опаздывал. Кто-то сказал, что горела букса[3], поэтому поезд простаивал иногда долгое время на месте. Говорили, что не поспеем к вечернему поезду из Чанчуня, который должен был перенять пассажиров из харбинского экспресса, как было согласовано по расписанию. И, действительно, мы попали в Чаньчунь вместо 9-ти в 12 1/2 часов ночи и должны были остаться там до утра.

Новые, необычные впечатления испытала я, выйдя из поезда. Светила полная луна, бросая призрачный отблеск на замыкающие город сопки. Широкая площадь перед вокзалом была еще освещена яркими китайскими фонарями. Огромные цветные фонари висели над входами в близлежащие гостиницы. И тут же, отгороженная барьером от выходившей из поезда публики, колыхалась и глухо рычала что-то толпа китайцев, тоже с цветными фонариками, качавшимися у них в руках.

– Что это? – спросила я в изумлении.

Мне объяснили, что это рикши, ожидающие пассажиров с поезда, а также служители гостиниц, зазывающие к себе постояльцев.

Мы с мужем пошли в Ямато-отель, расположенный в конце привокзальной площади. Очень чисто, нарядно. Но самый дешевый номер стоил на одну только ночь 8 иен. Я пришла в ужас, однако делать было нечего: идти в китайскую гостиницу нам с непривычки было

---

[1] Подневные записи А.Н.Серебренниковой. Л. 11–30; См. также: Серебренников И.И. В Пекине // Серебренников И.И. Мои Воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924). С. 69–170.

[2] Чанчунь, станция КВЖД или Куаньченцзы находится на р. Итунхэ. Являлся одним из торговых центров Гиринской провинции, ныне административный центр. В 1920 г. здесь соединялись 3 дороги: русская, японская и китайская на Гирин. По площади не уступал Харбину. Тогда в нем жило около 150 тыс. чел., из них 5 000 японцев и 500 русских. Располагались Российское консульство, коммерческое агентство КВЖД, отделение Русско-Азиатского банка. Недалеко от станции находился небольшой русский поселок.

[3] Букса – металлическая коробка, внутри которой помещены подшипник и устройство для подачи смазки.

страшно. Отведенный нам номер был довольно большой, прилично обставленный. Неприятно подействовал на меня какой-то специфический запах, царивший там. На столике стоял графин с чистой прозрачной водой. Я хотела напиться, стала наливать воду в стакан и вдруг увидела на дне графина множество кишащих там мелких черных муравьев. В жизни моей не видела ничего подобного! Конечно, я выплеснула воду из стакана и раздумала утолять свою жажду.

Спала я плохо. Вместо подушек на кроватях были твердые узкие валики, на которых я никак не могла примостить голову. Вертелась по постели почти до рассвета, когда, наконец, забылась недолгим сном.

Утром мы сели в поезд Южно-Маньчжурской дороги[1]. При утреннем свете Чанчунь, вернее, тот кусочек его, который был виден с вокзала, мне понравился. По дороге смотрела с интересом на высокие земляные холмы – китайские могилы предков, раскиданные там и тут на открытом месте, иногда под деревьями. Поезд наш шел быстро и плавно. На остановках входили в вагон японские торговцы, предлагали японский завтрак в плетеных коробочках, очень красиво и чисто уложенный, мандарины. Мы купили и мандаринов, и один завтрак, с любопытством попробовали. Кое-что показалось нам несъедобным, но с удовольствием поели вареного риса, составлявшего главное содержимое коробки. Мандарины – отличные.

Понравились нам японцы – тихие, вежливые, спокойные. Низко кланяются, предлагая свой товар.

К вечеру приехали мы в Мукден[2]. Опять придется заночевать – нет подходящих поездов. У вокзала попался нам извозчик, немного говорящий по-русски. Привез нас в русскую гостиницу. Первое впечатление наше было скверное: показалось, что это просто воровской притон. Какие-то узкие переходы, лестнички, хозяева – все почти восточные люди. Обстановка комнат бедноватая. Войдя в предоставленный нам номер, я первым делом подошла к окнам, посмотреть, куда они выходят. Оказалось, на ту самую улицу, по которой мы сюда приехали. Улица – широкая, людная, вся залитая электричеством, несмотря на полную луну. Множество рикш, большое движение пешеходов. Я успокоилась. Нам дали поужинать – два–три блюда, вкусно, по-домашнему приготовленные.

---

[1] Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) действовала с апреля 1907 г. Основой послужили имущество КВЖД и частные предприятия, переданные по Портсмутскому договору и железнодорожному соглашению 1907 г. Вначале контролировалась Квантунским губернаторством, позднее главнокомандующим области. До заключения Мукденского соглашения в 1924 г. существовала большая конкуренция между КВЖД и ЮМЖД. Затем положение резко изменилось в лучшую сторону для ЮМЖД. После японской оккупации деятельность дороги еще более улучшилась. После Маньчжурских событий перешла к особоуполномоченному послу Японии и командующим Квантунской армии. К 1939 г. протяженность дороги составляла 1129,1 км.

[2] Мукден, город. Совр. Шэньян, административный центр провинции Ляонин. Находится в долине р. Хуньхэ. Открыт для иностранной торговли в 1903 г. До учреждения столицы Маньчжу-Ди-Го являлся политическим и административным центром Маньчжурии. До 1920 г. здесь находились Российское генеральное консульство и военное агентство.

Все же я чувствовала некоторое беспокойство. И вдруг за стеной нашего номера послышались звуки скрипки: кто-то играл «Осеннюю песню» Чайковского. Я была удивлена и потом мгновенно успокоилась, и страхи мои прошли: подумалось, что там, где играют Чайковского, можно ничего не бояться. После мы узнали, что рядом с нами поселился, тоже на одну ночь, пассажир нашего же поезда, русский коммерсант из Харбина. Он и играл на скрипке.

Ночь прошла спокойно, только было очень жарко, так как с вечера хозяева затопили у нас печку. Среди ночи я встала и открыла форточку. Улица, несмотря на позднее время, жила полной жизнью: рикши громко переговариваются, смеются, слышны шаги многих прохожих. У меня болела голова, я боялась, что не засну под этот шум. Но, когда легла, быстро уснула и проспала до самого утра.

В 8 часов нам дали большой чайник с горячим чаем, по три яйца всмятку, хлеб, масло. Мы попросили счет. За комнату, ужин и утренний завтрак хозяева взяли с нас только 5,50 иен и проводили нас очень любезно. Потом мы поехали на вокзал – в первый раз на рикшах. Дул ледяной ветер. Поезда еще не было. Пристыдил нас носильщик-китаец: подошел к нам, заговорил по-английски – мы должны были сказать: «Не понимаю».

Поезд пришел точно по расписанию и так же точно, минута в минуту, двинулся дальше. Устроились мы опять во втором классе – чистота и порядок. Едут в нашем вагоне несколько человек русских и евреев. Везде найдешь соотечественников.

Пообедали мы с мужем в вагоне-ресторане. В первый раз ели заграничный обед в семь блюд. Первое – ложек пять какой-то темной жидкости на дне тарелки – это суп. Затем – жареная рыба, маленькими кусочками. На столе стоят пикули, томатовый соус в бутылке остро-сладкого вкуса, сливочное масло. Решили выпить сода-виски. Мне не понравился вкус. На третье блюдо был подан язык с овощами, потом жареная птица. Пятым блюдом был ростбиф, шестым – холодная солонина с салатом. Затем пирожное и миниатюрная чашечка кофе с консервированными сливками из банки.

Я насытилась этим обедом, муж – не вполне. После мы попросили боя принести нам в купе пива. Муж уже говорит несколько фраз по-английски, и его понимают.

На станциях – китайчата, веселые, живые, забавно танцуют иногда. Скучные китайские постройки: наружу только стены, вся жизнь внутри дворов. Дует страшный ветер, гудит под вагонами, но солнце яркое.

В 6 1/2 часов вечера бой позвал нас в вагон-ресторан обедать. То, что мы ели в полдень, был, оказывается, завтрак. Порядок тот же. 1). Три ложки супу, и так быстро взяли тарелку обратно, что я и съесть не успела. 2). Рыба. 3). Что-то вроде рагу из бычьих хвостов. 4). Отбивные бараньи котлеты. 5). Ростбиф с картофелем, вареная зелень. 6). Рис, к нему соус: мелко нарезанное мясо, залитое острым едким соусом, которого я не могла есть. Называется он Кэрри. 7) Сладкая каша, вроде саго. 8) Груши. 9) Кофе.

Как сильно все-таки английское влияние на Востоке, вплоть до меню. По-нашему, по-русски, лучше: подали две–три смены кушаний, и довольно. И прислуге меньше работы, а то здесь бойки все время бегают, меняют тарелки, ножи, вилки.

Пришли после обеда в свое купе. Там уже приготовлены постели, положены белоснежные простыни, теплые одеяла. Не хватает только ночных туфель – у японцев в спальных вагонах Чанчунь–Мукден ставят туфли.

Завтра утром будем в Пекине. Уснула я не сразу, очень жесткой казалась подушка. Потом незаметно сон сморил меня. Ночью мы проехали начало Великой Китайской Стены – не пришлось посмотреть, проспали. Очень жалели потом.

28 декабря 1920 г. Приехали в Пекин утром, часов в 9. Как только поезд остановился, в наш вагон с ревом и шумом влезла толпа носильщиков-китайцев, несколько из них ухватились за наши чемоданы и уже готовы были тащить их на платформу. Мы кое-как отбились от них, я даже ударила одного по руке. Поручили все наши вещи троим, которые побежали с быстротой молнии, и мы за ними. Вышли с платформы через высокие сводчатые ворота на улицу. Не помню никаких первых впечатлений – все слилось в одно: китайская толпа, шум, выкрики на непонятном языке... Автомобилей вблизи не было, у ворот стояло несколько тачек. Наши носильщики, что-то крича посвоему, взвалили наши вещи на одну из тачек, и ее повезли новые. Прежним дали 1 доллар. Говорим, что нам нужно в Russian Mission[1]. Кивают головами – дескать, поняли – и минут через пять останавливаются у ворот большого красивого здания. Оказывается, это – бывшее Русское посольство. Что нам тут делать? На наше счастье, вышел китаец-привратник и заговорил с нами по-русски. Мы объяснили ему, что нам нужно в Рус[скую] Духовную Миссию. Он сказал по-китайски рикшам, облепившим нас тесным роем, куда ехать. Тем двум китайцам, которые привезли на тачке наши вещи к посольству, пришлось также дать доллар: 20 центов они отказались брать, а больше мелочи у нас не было. Потом мы сели на двух рикш, на трех сложили багаж, и наш маленький караван двинулся вперед. Так совершилось наше прибытие в древнюю столицу Китая.

Ехали мы сначала улицами Посольского квартала. Он произвел на меня большое впечатление своим европейским видом: асфальтовые мостовые, прекрасные дома в 3–4 этажа, сады, красивые ворота иностранных посольских зданий. Потом свернули на длинную прямую китайскую улицу – позже мы узнали ее название: Хатамен-стрит. Потянулись по обе стороны причудливые китайские постройки, пестрые, резные, кружевные, с развевающимися разноцветными полосами материй возле дверей. Улица кишит людьми. Мостовая отличная, рикши наши бегут скоро, плавно, почти не задыхаясь.

---

[1] Русская духовная (иногда православная) миссия в Пекине (Pei-guan), или Российская духовная православная миссия в Китае, или Пекинская духовная миссия. Основана в 1685 г. Осуществляла православные обряды среди потомков албазинцев, а также русских эмигрантов, миссионерскую деятельность.

Особенно подробно я не разглядывала окружающего: устала с дороги и от всяких передряг, сейчас в лицо дул холодный ветер, бросал в глаза пыль с бесснежных улиц. Я зябла, закрывала лицо мехом – и еще немного беспокоила неуверенность: туда ли привезут нас? Едем долго, все прямо по этой бесконечной улице, потом, наконец, сворачиваем вбок и начинаем крутить по каким-то глухим, узеньким переулкам, напоминавшим несколько наши деревенские боковые улочки на задах деревни. На улицы обращены стены низких каменных строений, окон и дверей не видно, они где-то внутри. Ничего похожего на Русскую Миссию нет. На меня уж начал нападать страх.

– Где же, наконец, Миссия? – говорю я вслух.

Мой рикша оглянулся, закивал ласково головой и сказал: «Учас, учас». А другой прибавил: «Балиска». Я поняла, что это значило «сейчас» и «близко», и несколько утешилась. Действительно, скоро из-за деревьев блеснул вдали золотой крест, и минут через десять рикши наши остановились у больших ворот, увенчанных крестом. Подобно Колумбу, я готова была закричать: Ура! Земля! Устала и промерзла я до крайней степени.

Вышел нас встретить невысокий седоватый человек, приветливо поздоровался и повел во двор. Это оказался живший в миссии полк[овник] Л.[М.]Иванов*. Рикшам мы дали пять долларов, меньше они отказывались брать. Потом нам сказали, что из города в Дух[овную] Миссию и обратно платят всего по 30 центов. Л.М.Иванов привел нас в отведенную нам квартиру № 7, в длинном каменном корпусе, расположенном в глубине миссийского двора. Рядом, в № t8, обитал сам Иванов с женой. Все двери квартир выходят на узкую, длинную веранду, а за ней – большой парк. Деревья голые, но их много, и весной здесь должно быть чудесно.

Итак, с сегодняшнего дня я – корректор типографии Русской Духовной Миссии по приглашению В.В.Носач-Носкова*[1].

Нас не ждали в этот день в миссии, и комнаты наши не были готовы. Л.М.Иванов и его симпатичная жена Елизавета Ивановна приютили нас у себя, дали горячего чая. Познакомились еще с одним соседом по корпусу, Ив[ан] Ст[епанович] Кунис*, латышом по национальности, тоже очень приветливо встретившим нас. В 12 часов принесли монастырский обед, два простых блюда. После обеда муж пошел знакомиться с типографией и другими учреждениями миссии. Я погуляла по парку, потом сидела у печки в комнате Ивановых и читала найденную у них книгу П.Д.Боборыкина. К вечеру вымыли нашу комнату, поставили две кровати (без матрасов), стол, стулья, комод. И.С.Кунис дал нам ватные тюфячки и ватные одеяла. Было холодно и неуютно в комнате, но уснули мы крепко.

---

[1] Существовала в Успенском монастыре Русской духовной миссии, одно из старейших русских предприятий в Китае. Не считая журнала «Китайский благовестник», с 1902 по 1906 г. выпустила около 40 изданий на русском и китайском языках. По заказу школьной секции Харбинского общества возрождения России к 1918 г. здесь напечатали около 100 тыс. учебников. Одно время находилась в Харбине. С целью повышения эффективности деятельности была сдана в аренду предпринимателю В.В.Носач-Носкову, основавшему в 1920 г. товарищество «Восточное просвещение».

29 декабря. С утра принялась за уборку комнаты. Кровати оказались с клопами, я облила их спиртом и прожгла насквозь, потом залила крутым кипятком. Провозилась за этим делом часа два. С десяти часов уже начали слать мне корректуру. Среди груд разбросанного белья и платья, с кое-как расставленной мебелью, я на углу стола корректировала, потом надевала шубу, относила листки в типографию, через полчаса получала вторую корректуру. Муж с М.И.Мокшиным*, словолитчиком типографии, поехал в город за покупкой необходимых для нас вещей.

К вечеру комната наша преобразилась. Я повесила тюлевую штору на окно, на комод постлала кружевную скатерку, поставила зеркало и свои туалетные вещи. Муж купил и привез удобное плетеное кресло, две циновки на пол вместо ковра. На стену у кроватей прибили тоже купленные им две полосы цветного ситца. Была куплена большая стоячая лампа с зеленым абажуром. Стало так уютно, что я с удовольствием подумала о долгих часах работы, предстоявшей мне здесь.

Кроме этой большой комнаты, в которой мы поселились, в нашей квартирке есть еще две: одна, обставленная стульями и китайскими квадратными столами, выходит на веранду и на зиму закрыта, так как в ней нет печи. Другая – нечто вроде прихожей, с дверью во внутренний коридор корпуса, выходящей во двор. Через эту дверь мы можем ходить, не пользуясь закрытой комнатой. В прихожей я устроила умывальную комнату. В ней находится топка печи и достаточно тепло.

30 декабря. В 6 часов утра я проснулась от звона к ранней обедне. Колокольня расположена прямо за нашим парком. Потом еще поспала до половины восьмого. В восемь приносят кипяток в чайнике, хлеб и по два яйца на каждого из нас. По условию с арендатором типографии В.В.Носач-Носковым я получаю, кроме жалованья, квартиру и стол от Миссии, за его же счет. После чаю я прибираю комнаты и сажусь за корректуру. В моем распоряжении находятся еще материалы для журнала «Русское обозрение»[1], проектируемого к изданию Г.К.Гинсом. Просматриваю эти материалы. Корректура поступает часто, и я непрерывно работаю до 12-ти часов, когда раздается звонок к обеду. До двух часов – отдых, потом опять корректура, в 4 часа чай, и в шесть – ранний монастырский ужин. Остальное время принадлежит мне.

---

[1] Русское обозрение: Журн. Пекин; Харбин, 1920. № 1 (дек.). Издатель Дальневосточная лига свободы и прав человека. Редакторы-издатели В.В.Носач-Носков и Г.К.Гинс.

[1921]

1 января 1921 г. Выпал небольшой снег после резкого ветра. У нас в квартирке тепло. Каждое утро приходит топить печь назначенный нам в услужение православный китаец Мартирий, добродушнейшее существо. По-русски он не знает ни слова. Я пытаюсь говорить по-китайски, знаю уже с десяток слов. Китайчата миссийские – жалкие, оборванные. Как только выйдешь во двор, подбегают и, с жадным выражением глаз, ждут подачек.

Отчаянно кричат вороны в нашем парке. Я не слыхала никогда раньше такого выразительного карканья. Порою совершенно ясно слышишь воронью перекличку: «Бей!» – «Кого?» – «Якова!» Это очень забавляет меня. Вечерами слышно церковное пение, вероятно, практикуется хор. Состоит этот хор только из китайских мальчиков-подростков, как сказали нам.

Муж ездил в город. Нашел магазин, где говорят по-русски. Сам он объяснялся, с грехом пополам, по-английски. Сегодня – Новый год по новому календарю, но Миссия его не празднует.

Зашел к нам сегодня живущий в Миссии беженец-священник о[тец] Константин Лебедев*, очень симпатичный, тихий человек. Мы встретили его радушно.

4 января. Два дня мне нездоровилось, даже работала с трудом. Сегодня вышла погулять, обошла все владения Миссии, дальний ее громадный парк. Что за день! Солнце греет, как у нас в апреле, дует теплый, совершенно весенний ветер. Снег еще лежит кое-где, но уже рыхлый, талый. Небо – густо-синее, воздух прозрачный... Я не могла надышаться, не могла налюбоваться... Эти громадные парки кругом – весной мы тут задохнемся от аромата!

Вечером, одевшись, вышла на нашу веранду посмотреть на небо, как я всегда любила делать и прежде в родной Сибири. Меня поразили здешние звезды: огромные, необыкновенно яркие, они дрожат, горят, переливаются – красиво! Одна неподвижная звезда, возле купола миссийской церкви, так велика, что от нее даже падает на землю легкое сияние, как от молодого месяца.

5 января. Плохо спала после вчерашних прогулок: мешало обилие красочных впечатлений. Ночная тишина здесь совершеннейшая: ни звука, ни шороха – только бы спать, но сон пришел ко мне лишь перед рассветом.

6 января. Сочельник русского Рождества. Мартирий вымыл полы в наших комнатах, я вытерла пыль, перетрясла платья, одеяла. Потом вымыла голову в своей уборной, вымылась сама, миссийской бани сегодня не топили. Вечером муж пошел в церковь к рождественской службе. Я сидела дома одна – было очень тоскливо. Думала о своих близких, оставшихся в Сибири: как они проводят этот вечер? Вспоминают ли нас, как я вспоминаю их сейчас, с любовью и печалью?

Рождество Христово. 7 января. В 7 и 9 часов утра был торжественный звон на нашей колокольне. Пришел к нам о[тец] Константин с праздничной службой и группа христославов-китайчат. Пели молитву по-китайски и «многие лета» по-русски. Мы их оделяли тунцзырами (мелкая медная монета), и они, с улыбками удовольствия на смуглых, смешных рожицах, уходили, вежливо кланяясь нам. Потом приходили другие. По случаю праздника все они были наряжены в черные куртки, вроде гимназических, и черные картузы со значками. Видно было, что они страшно гордятся своим нарядом.

К утреннему чаю прислали нам сдобный крендель, и обед был вкуснее и обильнее, чем обычно. Заходили соседи поздравить нас. Мы угощали их чаем и закуской, купленной накануне. Днем погода переменилась, подул холодный ветер. Я хотела поехать с мужем в город, но побоялась простудиться. Он уехал один, а я посидела у теплой печки до 6-ти часов вечера, читала скучнейшего Боборыкина. Вечер провел у нас, за дружеской беседой и за чаем, о[тец] Константин. Мы очень полюбили его.

8 января. Ночь спала плохо. Смешно сказать – мешали спать звезды, которые своим ярким блеском раздражали и тревожили меня. Жаль, что нет темной шторы на окне. С утра пасмурно, похоже на близкий снег, и настроение у меня пониженное.

Утром пришел хор китайчат, опять славили. Поют усердно, но не стройно; по-русски выговаривают довольно отчетливо. Мы дали им на весь хор 11 доллар[ов] и 30 тунцзыров, чем они остались весьма довольны. Потом они пошли славить в квартиры наших русских соседей.

9 января. Мы с мужем сделали визит родственникам начальника миссии, архиепископа Иннокентия Фигуровского[1]. Это целая семья: мать (вдова брата владыки Иннокентия, о[тца] Павла), две дочери и сын. Приняли нас очень радушно, угощали чаем, шоколадом. Матушка Фигуровская* – славная, чисто русская старушка. Из дочерей одна Клавдия по манерам и разговору напоминает иностранку. Другая, Ольга, – попроще. Сын, Иннокентий, рослый, высокий юноша, отлично говорит по-английски и по-китайски. Я от души позавидовала ему в этом. Все они – сибиряки родом.

Возвращаясь парком домой, мы услышали какой-то странный звук сверху: тонкий, вибрирующий, жалобный и в то же время чрезвычайно приятный. Казалось, это поет самый воздух, винит и жалуется на что-то. Нам объяснили, что китайцы прикрепляют к шейкам голубей особые маленькие шарики, которые при полете голубей издают этот особенный звук-пение. Мы постояли, послушали с удовольствием. Опять новое впечатление.

---

[1] Расцвет миссии связан с именем архиепископа Иннокентия, который возглавлял в 1896–1931 гг. 18-ю духовную миссию. Благодаря его усилиям, миссия осталась не разграбленной во время Боксерского восстания в 1900 г. 23 февраля 1904 г. миссия учредила Братство православной церкви в Китае для оказания помощи русским раненым в русско-японской войне. В 20-е годы лишилась официальной поддержки Российского государства, но архиепископ Иннокентий смог отстоять права на собственность миссии. См также: Серебренников И.И. Из воспоминаний // Кит. Благовестник: Юбил. вып. 1932. № 4 (июнь). С. 26–29.

10 января. Начала работать после трехдневного праздничного отдыха в типографии. В свободное время усиленно занимаюсь английским языком, повторяю снова весь учебник Нурока; читаю – кое-что интересное нашла в Миссийской, довольно запущенной, библиотеке[1].

Присматриваюсь к окружающим нас китайцам. Впечатление не в их пользу: хитрые, стараются при всяком случае обмануть, обсчитать. Попросила я одного из них купить мне ярд простого ситца. Принес, сказал, что стоит доллар. Я дала, еще прибавила на чай 30 центов. Потом оказалось, что ярд такого ситца стоит 40 тунцзыров, т.е. примерно 20 центов.

11 января. В нашей типографии неспокойно: Носач-Носков задержал выплату жалованья служащим и рабочим. Толпа китайцев пришла в квартиру Ивановых, шумела, скандалила. Кое-как удалось их успокоить. Если Н.Носков так поведет дело и дальше, нам придется искать другую работу.

16 января. Ездили на рикшах в Южный Город – это самая оживленная торговая часть Пекина[2]. Сначала проезжали улицами Посольского квартала, неизменно таящими в себе для меня очарование «заграницы»; потом окунулись в кипучую, шумную жизнь китайских улиц Южного Города. Это были уже не впечатления, а сумбур впечатлений: пестрота, яркие краски, цветные фонари, качающиеся у входов в лавки, нестерпимо сильный, ослепляющий свет электрических и ацетиленовых ламп в магазинах, на улицах, возле лотков с товарами уличных продавцов. Непрерывные выкрики, шум и гул тысячной китайской толпы... Ничего похожего никогда, нигде не приходилось нам ни видеть, ни слышать! Я чувствовала себя оглушенной, одурелой, но в то же время была очень довольна: новизна впечатлений радовала меня.

17 января. Продолжаем наше знакомство с Пекином. Гуляли сегодня за стеной, окружающей его со всех сторон, потом поднялись на самую стену. Седой древностью веет здесь от всего кругом. Под стеной – канал. Сейчас он подо льдом, который отблескивает от солнца сине-серыми тонами стали. По льду китайские мальчики и девочки катаются на санях особого устройства. Один мальчик, стоя на санях, управляет движением при помощи длинного шеста, как на лодке.

18 января. Носач-Носков прислал деньги для расчета с типографией, и работа опять пошла бесперебойно.

19 января. О.П.Фигуровская любезно предложила мне поездить со мной по пекинским магазинам, так сказать, ознакомить меня с ними. Побывали мы во многих магазинах. Один особенно понравился мне: очень обширный, с улицы украшен богатой позолотой и резьбой. Внутри множество столов и стульев. Мы сели на стулья, и продавцы начали приносить и раскладывать перед нами на столах всевозмож-

---

[1] Насчитывала около 4 тыс. экземпляров. Для библиотеки построено двухэтажное здание. На 1-м этаже размещалась канцелярия, второй разделен на 4 помещения. Читателям отдан большой зал, в середине которого находились столы, а вдоль стен стояли книжные шкафы.

[2] Эти экскурсии позволили составить: Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям = Russian Guide to Pekin and Neighborhood / Изд. для туристов; Сост. И.И.Серебренников. Пекин: Тип. Рус. духовной миссии, 1923.

ные сорта китайских шелков, ситцы, дрель[1] и т.п. У меня глаза разбежались на шелка: различная расцветка, тонкость и в то же время добротность их были замечательные.

«Вы можете и ничего не купить, только посмотреть, – сказала мне О[льга] П., – все равно они не обидятся».

Но я все же купила несколько ярдов отличного темно-синего шелка за очень дешевую плату, и наши продавцы проводили нас до дверей с низкими поклонами.

В европейских магазинах все дорого, и не все можно достать. Очень дорога обувь.

20 января. Видела китайские похороны – богатые и бедные. Первые очень торжественны и даже величественны: гроб массивный, огромный, напоминает корабль. Это впечатление усиливается еще и оттого, что его влекут на особых шестах 30 человек, и он мерно колышется, точно плывет над землей. Впереди гроба несут затканные узорами и цветами полосы шелковых материй на древках, – нечто вроде наших хоругвей. Бросают на землю белые бумажные кружки, мелькающие, как снег. Несут красиво реющие в воздухе белые бумажные ветви. Родственники, идущие за гробом, все в белых одеждах. Кроме «хоругвей» несут множество шелковых больших фонарей, украшения в виде пагод с шелковыми кистями и т.п. Множество провожающих.

Бедные похороны печальны: очень мало людей за гробом, нет ни фонарей, ни «хоругвей». Простой некрашеный гроб, и гудит над ним китайская похоронная труба заунывным мрачным воем.

30 января. Пропустила несколько дней, ничего не записывала. Много работала по корректуре, писала письма. Приходилось корректировать и вновь поступавшие в типографию печатные заказы. В свободное время опять знакомились с достопримечательностями древней китайской столицы, куда забросила нас судьба. Посетили дворцовый музей – бывший когда-то дворец богдыханов. Впечатление – колоссальное. Еще как только вступили мы во внутренний двор, невольное восхищение коснулось сердца. Перед нами была совершенно античная площадь, большие плиты, которые заросли теперь травой. Мраморная ограда окружала ее. По углам площади стояли массивные прекрасной работы бронзовые курильницы. Дыхание веков, казалось, веяло здесь над нами, витал дух былой великолепной жизни дворцов, замыкавших собою эту тихую, ныне пустынную площадь... А в одном углу ее приютился ресторанчик, где старичок-китаец предлагал туристам горячий душистый китайский чай и незатейливые сласти.

Мы вошли внутрь главного дворцового строения. Нас сопровождал гид-китаец, объяснявший по-английски все, что мы должны были увидеть там. Мы побывали в тронном зале. Столбы, поддерживающие его потолок, являются настоящими произведениями искусства. Одна комната занята драгоценными предметами: нам показали статую Будды из чистого золота, золотые чаши, наполненные рубинами и изумрудами. Видели мы два старинных воинских богдыханских костюма – каждому по 500 лет: один весь обшит кораллами, дру-

---

[1] Так у автора.

гой – украшениями из слоновой кости. Восхищались мы также многочисленными вазами, драгоценными и своей художественностью, и материалом, из которого они сделаны: золото, серебро, тончайший, почти прозрачный фарфор, великолепно расписанный.

Какое искусство, какая великая красота во всех этих произведениях древнего китайского гения! Недаром говорили нам, что Китай – страна тысячелетней высокой культуры.

1 февраля. Побывали мы в китайском театре – кажется, его название «Новый Мир». Это здание в несколько этажей, где размещаются рестораны, чайные, кино и на самой верхушке театр. Перед входом в театральный зал стоят два громадных зеркала. Мы подошли к одному из них и от неожиданности отпрянули назад: зеркало отразило наши фигуры неимоверно раздавшимися в ширину и укороченными, с лицами, карикатурно расплывшимися в широкий, плоский блин. Другое зеркало, наоборот, показало вместо нас тощих, вытянутых в длину гигантов. То и другое было очень забавно, и мы от души посмеялись.

Театр был полон: шла какая-то пьеса, на которую китайская публика очень живо и непринужденно реагировала смехом и громкими восклицаниями. Пьеса сопровождалась музыкой: оглушительными трубами и барабанами, которых мы, с непривычки, не могли долго выдержать и ушли, чтобы подняться еще на крышу театра и посмотреть с нее на Пекин. Нам говорили ранее, что вид оттуда замечательный. И, действительно, нам открылась грандиозная панорама всего города и замыкающих его довольно высоких гор на фоне лиловых и розовых красок наступившего заката. Это было чрезвычайно красиво.

3 февраля. Посетили монгольский храм Юн-ха-гун, где находится семисаженная статуя Будды, сделанная, как говорят, из одного древесного ствола. Какой же высоты должно было быть это дерево! Статуя великолепна, вы чувствуете, глядя на нее, всю грандиозность Божества. Складки одежды на ней, ее украшения, ожерелья и пр. сделаны с величайшим искусством и правдоподобием. Жаль, что храм, где помещается статуя, слишком мал для нее: Будде там тесно, его колоссальная голова находится под самым потолком, и нам нужно очень сильно откидывать назад свои головы, чтобы разглядеть его на такой высоте. И вдруг глянут на нас его огненные глаза на выразительном до живости лице – впечатление настолько сильно, что даже отшатнешься невольно.

Есть в храме и другие статуи богов и богинь, обыкновенного человеческого размера. Одна обратила на себя мое особое внимание: женская фигура в развевающейся одежде, позади нее летящие облака. Столько экспрессии в этой фигуре, легкость, устремление, движение. Почти видишь, как разлетаются складки одежды, как плывут и колыхаются облака. Замечательно!

Мы обошли все отделения храма. Их много во внутреннем дворе, но ничего особенного в них нет. Покидая храм, мы еще постояли перед семисаженным Буддой и, по предложению дежурящих там монахов-буддистов в оранжевых шелковых одеяниях, зажгли несколько свечек из сандалового дерева у подножья статуи. За свечки мы дали два доллара. Приятный смолистый аромат их понравился нам. Легкие

клубы дыма поднялись вверх, и из-за них опять глянули на нас выразительные громадные глаза этого титанического Божества, когда мы, уходя, от дверей еще раз оглянулись на него.

6 февраля. Сегодня мы совершили долгую прогулку: побывали в Храме Неба[1], о котором много слышали и который видели изображенным в красках на открытках и, в увеличенном виде, в окнах фотографических магазинов. Когда подъезжаешь на поезде к Пекину, величественные, гигантские очертания этого храма в виде трех суживающихся кверху синих кругов видны из окна вагона еще задолго до въезда в Пекин.

То, что мы увидели сегодня, превзошло все наши ожидания. Волшебная сказка – иначе я не могу назвать картину, представившуюся нашим глазам. Мы вошли в открытые широкие ворота Храма Неба и очутились в обширной усадьбе, засаженной громадными туями и другими высокими деревьями. В стороны бежали дорожки-аллеи, виднелись лужайки, заросшие травой, сейчас еще сухой и желтой. Опять невольно подумалось: как хорошо тут летом! Мы пошли прямо по широкой длинной аллее и поднялись по ступеням вверх. И здесь, во всем своем великолепии, предстал перед нами этот овеянный древностью Храм, где когда-то китайские императоры совершали торжественные моления богам о благополучии и преуспевании страны в преддверии наступающего года.

Этот храм-алтарь расположен на прямоугольной площади, огороженной белой мраморной балюстрадой. Более двадцати ступеней, тоже из белого мрамора, ведут к нему. По бокам – мраморные столбики. Посредине подъема мрамор изрезан причудливыми китайскими рисунками, завитками, драконами – даже жалко попирать ногами эти художественные плиты. Три круга-спирали, опоясывающие храм, выложены синими черепицами, а верхушка увенчана позолоченным куполом. Все эти детали я заметила уже позднее – первые впечатления были так сильны и захватывающи, что я просто села на мраморную оградку возле храма и углубилась в молчаливое восхищение. Нас было человек шесть здесь, и все как-то притихли, не хотелось нарушать словами царствовавшую вокруг нас красоту и гармонию.

Был чудесный день, теплый, даже жаркий. Небо сияло над нами безоблачной синевой. И при этом ярком солнце, под чистой небесной лазурью ослепительно белым казался мрамор, блестели золотом желтые черепицы крыш прилегающих дворцовых строений, красиво оттеняя синюю эмаль храмовых ярусов, темнели начинающей оживать под солнцем зеленью стройные, строгие кипарисы вблизи храма...

---

[1] Храм Неба возвели при династии Мин императором Юн Лэ в 1420 г. Первоначальное название – Храм Неба и Земли, так как здесь воздавались молитвы и Небу, и Земле. В 1530 г. на севере Пекина был построен храм Земли, и с тех пор храм Неба стал специальным местом поклонения императоров Небу и местом моления о богатом урожае, здесь же молились Грозе, Тучам и вспоминали предков. Общая площадь, занимаемая храмом Неба, составляет 266,7 га. Территория храма обнесена двумя стенами. Внешняя стена, которая охватывает всю территорию храма, составляет 6625 метров. Длина внутренней стены, окружающей здания храма, – 5287 метров. Южная часть храма Неба имеет форму квадрата, а его северная часть – округла.

Все это чаровало, пленяло глаз – и умиротворяющим целительным бальзамом лилась в душу блаженная тишина этого уединенного, замкнутого от людей святилища.

8 февраля. Китайский Новый год. Ярко освещенная улица, множество цветных фонарей, гром хлопушек, ракеты, фейерверки, крики, смех, шум бесчисленных уличных толп... Признаюсь, меня с силой охватило ощущение необыкновенной праздничности – гораздо больше, чем в наш собственный Новый год. Поздно вечером услышали мы мерные удары в большой колокол – гулко, грозно и торжественно пронеслись они и замолкли. Нам сказали, что это колокол ламайского храма. Я прислушивалась к нему с почти благоговейным чувством: соприкосновение с чужой религией, с чужим Божеством – странно сказать – как-то мистически волнует меня.

Мы приглашены на обед к о[тцу] Василию Дэ*, протодиакону миссийского Успенского собора. О[тец] Василий – китаец, албазинец. У него хороший голос, бас, и мы любим слушать его во время церковных служб. Он угостил нас отличным китайским обедом, блюд в двадцать, были вкусные пельмени. У о[тца] Василия большая семья, но женщины-китаянки не садились с нами за стол: толпились в дверях, приветливо нас рассматривали. Присутствовала за столом только жена о[тца] Василия, симпатичная и радушная. По-русски она не говорит.

Вчера мы и супруги Ивановы ответно угощали пельменями о[тца] Василия. Было очень хлопотно, я устала. Ужин кончился в 11 часов вечера, и я потом до двух часов мыла и убирала посуду. А в семь часов утра должна была встать и приняться за корректурную работу: празднование Нового года кончилось, и надо было подгонять накопившийся запас материала.

12 февраля. Страшный ветер. Желтая пыль с пустыни Гоби окутала воздух сплошной пеленой. Сквозь нее даже солнца не видно. Пыль и песок на окнах, на мебели, на полу. Песок хрустит у меня во рту, на языке. Эти пыльные бури, оказывается, неизменные спутники наступающей весны здесь. Это мне совсем не нравится. Я чувствую себя ужасно, голова тяжелая, настроение раздражительное, и не клеится работа.

13 февраля. Ездили в Храм Земледелия. Собственно, храмов никаких там нет, сохранился только старый заброшенный алтарь. Но летом там можно наслаждаться природой, так как вся территория этого Храма Земледелия (или Земли) представляет собой огромный парк.

Посетили Храм Конфуция, очень понравившийся нам[1]. Он – строгого стиля, с массивными колоннами, весь темно-красный. В храме нет ни статуй, ни изображений богов; стоят только на подставках таблички с письменами. Большой двор выложен плитами, на которые падает тень от вековых туй: говорят, им не менее 700 лет.

Обратный путь был нам испорчен совершенно. Мы пошли домой пешком – было нас четверо, и по дороге непрерывно лезли к нам ки-

---

[1] Храм Конфуция построен в 1306 г. Несмотря на неоднократные реконструкции, храм сохранил свой первоначальный облик. Дважды в год, весной и осенью, императоры последних династий чествовали Конфуция в этом храме. После Китайской революции 1911 г. храм Конфуция закрыли. В настоящее время в нем находится музей.

тайские ребятишки, прося подачек. Одна девчонка, лет восьми, особенно назойливо и нахально приставала к нам: шла за нами по пятам, что-то канючила, чуть не теребила меня за платье. Мы сначала шли спокойно, не оглядываясь. Нас предупреждали раньше, чтобы мы не подавали на улице ни одному нищему, так как тогда сбежится целая толпа попрошаек. Но нахальное упорство этой девчонки начало меня раздражать. Я прикрикнула на нее, она остановилась, а когда я двинулась вперед, она опять пошла за нами. Чем больше мы на нее злились, тем нахальнее она становилась: злорадно хихикала и шла, не отставая от нас. Был момент, когда я почувствовала бешеное желание толкнуть, ударить ее... Она шла за нами через весь город, пока, наконец, мы не показали на нее постовому полицейскому. Тогда она нырнула в какой-то проулок и не явилась больше. Я до самого вечера, вспоминая о ней, ощущала приливы злобы и раздражения.

У нас в Миссии свадьба: венчались приехавшие недавно в Пекин баронесса Ирина Фитингоф* и М.С.Бутурлин*. Я пошла посмотреть. Свадьба была самая скромная. Невеста в своем темно-коричневом костюме выглядела так, как будто она только что сошла с поезда или парохода.

14 февраля. Мы сделали хорошую прогулку по берегу канала. Лед на нем уже растаял, но вода сохраняет тот же сине-серый стальной оттенок. Плещутся в воде белоснежные гуси. Рядом – серая древняя стена.

20 февраля. Я и Е.И.Иванова ходили гулять вчера поздно вечером за пределами Миссии. Мы не боимся таких одиноких прогулок, здесь кругом совершенно спокойно и безопасно. Полная луна сияла на небе, было тихо. Мы проходили узкими глухими переулками, с безмолвными стенами китайских жилищ. Изредка попадались нам навстречу китайцы, двигавшиеся бесшумно в своих мягких матерчатых туфлях и где-то также бесшумно исчезавшие. И вдруг все это показалось мне сном, миражом: луна, стены, китайцы... Я даже остановилась на дороге и с недоумением огляделась кругом: где я? Куда занесло меня судьбой? Все было так нереально, странно и чуждо: я – в Китае, в Русской Духовной Миссии Пекина, города, который я всегда представляла себе где-то за тридевять земель и в который никогда не стремилась. Надо мной – чужое небо, и смотрит на меня чужая луна...

22 февраля. Вчера ночью был у меня сердечный припадок. Весь день чувствовала себя плохо. Погода стояла тяжелая: какое-то марево в воздухе, завеса, не дававшая свободно дышать. Пахло пылью и влагой. Я боялась, что налетит ураган.

В нашей типографии новые хозяева, Товарищество[1]. Я остаюсь корректором по-прежнему. Приехало много новых людей, в нашем корпусе заняты все квартиры.

23 февраля. Вечер. Сижу за книгой, а рядом, за стеной, поют что-то печальное, и у меня невольно льются слезы. Тоска по родному Иркутску, по оставшимся там близким людям становится иногда

---

[1] Товарищество «Восточное просвещение».

невыносимой. Вернусь ли когда-нибудь? А если вернусь, застану ли кого-нибудь в живых?

[За март записей нет].

13 апреля. В нашем корпусе водятся скорпионы. Двух–трех мы нашли в своей квартире. В первый раз в жизни пришлось увидеть эти отвратительные создания. У меня перед ними чувство ужаса: я не решилась даже наступить на них ногой.

14 апреля. Сегодня – страшный ураган, все заносящий пылью. Каждый раз перед этими пыльными бурями у меня болит голова, и сердце сжимается чувством тяжелой тоски. Очевидно, таково влияние здешнего климата на нервную систему.

22 апреля. Муж уехал в Харбин с поручением подыскать там заказы для миссийской типографии. Вернется недели через две. Теперь у меня много знакомых в Миссии, и я не буду чувствовать себя одинокой. Кроме того, есть работа и книги.

Весна – в полном разгаре: наш парк готовится к расцвету, трава уже давно зеленеет. Мягкий теплый воздух манит к прогулкам, и мы с Е.И.Ивановой и пани Юзефой Четвериковой, женой нового заведующего хозяйством Миссии [И.С.Четверикова*], бродим подолгу в миссийских парках, когда я свободна.

24 апреля. Вербное воскресенье – через неделю Пасха, которую мне придется встретить без мужа.

Еще два месяца тому назад мы купили маленький фотографический аппарат и очень увлекаемся сниманием: снимаем миссийские уголки, друг друга, живописные места Пекина и отдаем эти снимки для проявления в фотографические магазины, 5 центов за штуку[1]. Снимки выходят у нас удачно: мы оба уже теперь очень хорошо напрактиковались.

29 апреля. Страстная пятница. Прошла первая гроза, отлично освежившая воздух. Деревья в парках источают аромат, пробуждаясь к новой жизни.

30 апреля. Страстная суббота. Сегодня мы, все дамы, заняты с утра украшением церкви к Светлой заутрене: венками и гирляндами из веток зеленой ивы обвешиваем стены, украшаем иконы. И.С.Четвериков протянул через всю веранду нашего корпуса шнур, на котором навешал цветные бумажные фонарики. Вся Миссия готовится к великому празднику, идет оживленная веселая суета.

В 11 часов ночи я пошла в церковь. Скоро собралось туда и все русское население Бейгуани (так по-китайски зовется Миссия). Прибыл владыка Иннокентий, высокий, импозантный в фиолетовом одеянии. Он служит Светлую заутреню. И вот происходит встреча Христа: распахиваются двери храма, крестный ход во главе с Владыкой обхо-

---

[1] Позднее И.И.Серебренников писал: «К 1929 году у нас составилась большая коллекция собственных фотографических снимков, сделанных в Пекине и его окрестностях, в Калгане, Тяньцзине, Дайрене, Танканцзы и Пейтайхо; мы имеем уже несколько альбомов с подобранными фотографиями... К настоящему времени, т.е. к декабрю 1946 года, когда пишутся эти строки, у нас, в нашем личном архиве, накопилось более 30-ти альбомов с фотографическими снимками и обширная коллекция открыток» (HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Фотографии // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 207).

дит три раза вокруг церкви, радостно звонят колокола, дружно поет китайский хор «Христос Воскресе из мертвых». И одновременно взрываются с треском хлопушки около церкви, запах пороха смешивается с запахом горящих свечей, летят кверху ракеты, рассыпаются фейерверки... Оригинальная смесь христианского с языческим.

Служба в церкви длилась до 4 часов утра. Я выстояла ее всю и не устала. Потом все русские и китайцы пошли к резиденции владыки Иннокентия: он стоял на крыльце, а перед ним трещали хлопушки, вспыхивали бенгальские огни, летели и рассыпались в воздухе ракеты. Дождь золотых искр, золотая лава текла по земле, кругом – светлее, чем днем... Все это было необыкновенно красиво, почти сказочно.

1 мая. Пасха. Ясный жаркий день. Веселый радостный звон на нашей колокольне напоминает о Пасхе на родине. У меня побывало с визитами человек десять: нанесли куличей, крашеных яиц, фруктов. Я была глубоко растрогана. Получила несколько поздравительных писем из Харбина. Если бы не отсутствие мужа, была бы вполне счастлива.

Наша вторая комната, с выходом на веранду, теперь уже открыта и прибрана, и через распахнутые двери льется в нее мягкий весенний воздух. Я сняла своим фотогр[афическим] аппаратом обе наши комнаты и веранду с видом на деревья парка, сняла также своих гостей. Толпа китайчат собралась к нашей квартире, липли ко всем окнам и дверям. Я сфотографировала и их по пути.

Собрались поздно вечером на нашей веранде: Четвериковы, я, Ивановы, еще кое-кто. Цветут акации, наполняя воздух своим пряным, чудесным ароматом. Переливаются небесными огнями звезды, мягким теплом обвевает нас налетающий изредка ветерок. Пани Юзефа поет и аккомпанирует себе на гитаре. У нее славный голосок и красивая манера пения. Я слушаю с удовольствием и тихой грустью. Думаю о далекой России, чувствую жалость ко всем нам, заброшенным сюда после всероссийского кораблекрушения. Вспоминаются строчки из чьего-то стихотворения:

Мы – пассажиры с разбитого брига,
Затертого льдом...

[1]1927 год

Дайрен[2] – Танканцзы

21 июня. Сегодня в 8.10 утра мы выехали из Дайрена[3] в Танканцзы[4]. Милейший К.В.Ловцов* проводил нас на вокзал, посидел с нами в вагоне. В разговоре упомянули наших хозяев, супругов Жерар де-Сукантон. К[онстантин] В[асильевич] сказал, что Юлия Николаевна [Жирар де Сукантон]*– идеальная женщина, энергичная, много работает, в прошлом году имела уроков на 200 иен. Очень «трясется» над дочерью. Сам же Жерар– «неудобный человек». Привык к широкой жизни, не может отрешиться от прежних замашек, занимает разом несколько комнат, т.е. бреется в одной, туфли у него в другой и т.д. Бедной Ю[лии] Н[иколаевне] приходится много с ним возиться, особенно теперь, когда они вынуждены ютиться в одной комнате. Относительно Ю[лии] Н[иколаевны] я согласилась с К.В.[Ловцовым]: она мне тоже симпатична. А «Левушка» Жерар просто enfant terrible[5] нашего дома. За все время, что мы здесь прожили, я никогда не чувствовала к нему расположения, и он часто отпугивал меня своей манерой очень резко обо всем выражаться.

Итак, мы поехали. Места мы взяли во втором классе, боясь, что в третьем будет очень тесно. Чистота в нашем вагоне была отменная, все блестит, все очень нарядно. Бархатная обивка мягких, упругих диванов, дорожки из белого полотна на спинках сверху, где касаешься головой, фены, сетки на окнах– все новое, чистое, свежее. Но что нас особенно поразило – это появление каждые 20 минут в вагоне проводника с мухобойкой в руках, уничтожавшего и без того немногочисленных мух. Доживем ли мы когда-нибудь до такого идеального устройства на наших железных дорогах?

Пять часов езды до Танканцзы прошли незаметно. Мы все время глядели в окна вагона. День был солнечный, тихий. По обе стороны пути расстилались зеленые поля, на которых копошились китайцы в синих курмах[6], а вдали высились горы – знаменитые маньчжурские сопки, с которыми связано у нас столько грустных воспоминаний о роковой для России войне с японцами.

---

1 Подневные записи А.Н.Серебренниковой. Л. 31–36.

2 О жизни в Дайрене см: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Дайрен // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 97–104.

3 Дайрен, город и порт. Совр. Далянь, южная оконечность полуострова Гуаньдун, провинция Ляонин. Важнейший центр Южной Маньчжурии. После русско-японской войны сменил название Дальний на Дайрен, из него было вынуждено уехать почти все русское население. Располагалось Российское консульство.

4 Танканцзы, японский курорт с грязевыми ваннами, вблизи Мукдена.

5 Ужасный ребенок (*фр.*).

6 Разновидность китайской одежды: стеганый халат.

По путеводителю, имевшемуся у нас, оказалось, что в Танканцзы поезд стоит всего одну минуту. Я затревожилась, успеем ли мы выкинуть на платформу наши корзины и чемоданы, но все устроилось как нельзя лучше. Пришел проводник, вынес все наши вещи на площадку, и, когда поезд остановился и мы сошли на платформу, он быстро спустил все их нам, а рядом уже ждал отельный портер[1] с тележкой, куда вещи были тотчас погружены. Мы направились по широкой и длинной аллее парка к зданиям отелей, видневшимся из-за деревьев. Всего в курорте было три отеля: № 1, европейский, № 2, японский и № 3, китайский[2].

Все дешевые номера в № 2 и 3 оказались заняты– так, по крайней мере, нам сказали в конторе курорта. Показали нам в китайском отеле комнату на 3-м этаже: грязные стены, меблировка– одна кровать, два кресла и стол, обитый черной ободранной клеенкой. Цена для двоих – 77 иен. Посмотрели еще одну комнату, внизу. Там еще хуже, мрачно, как в склепе, но зато стоит платяной шкаф с зеркалом. Мы решили взять верхнюю комнату: она, по крайней мере, светлая, в три окна, из которых красивый вид на парк и на зеленые холмы. Я потребовала вторую кровать и шкаф с зеркалом– принесли то и другое. Тотчас же я начала устраиваться: повесила на окна занавески, застлала постели, повесила платья в шкаф. Из корзин я устроила умывальник, закрыв их простыней, на обеденный стол постлала привезенную с собой цветную скатерть, на кресла положила подушки– и в комнате стало вдруг уютно и весело.

Устали мы в этот день страшно и рано легли спать. Но уснуть я долго не могла, как всегда на новом месте. Слишком яркими казались звезды, глядевшие в окна, шумели деревья в парке от ночного ветра, мешал грохот пролетавших мимо станции поездов,– чуть ли не каждые полчаса они проходили. С трудом заснула почти на рассвете.

22 июня. С удивлением и удовольствием отмечаю необыкновенное для китайской гостиницы явление: ни одного клопа, ни блохи, ни мухи, ни таракана не оказалось в нашей комнате.

Утром пошли знакомиться с курортом. Разговорились с двумя дачниками, мужем и женой, которые очень любезно рассказали и показали нам все: помещение грязевых ванн, три колодца с питьевой сернистой водой, горячий источник, купальни. Дама эта стирала в тазике белье около озера, черпая прямо оттуда тазиком горячую воду, и сказала, что вода превосходна для стирки. Мы погуляли, посмотрели парк, озера, беседки на них. Первое впечатление – хорошее.

На обед мы заказали себе китайских пельменей с куриным мясом и съели их с аппетитом: и сытно, и вкусно, и дешево– два цента штука, очень большие.

В 5 часов я пошла брать первую ванну[3]. Помещение неказистое: маленькие кабинки со скамьей для раздевания; за перегородкой ящик

---

[1] Porter (*англ.*) – носильщик.

[2] Об этом см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Курорт // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 105–107.

[3] Об этом см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Грязевые ванны // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 107–108.

в виде гроба, в который через маленькое окошечко-прорез в стенке подают лопатой горячую грязь. Рядом, над полом – прорез побольше, через который отработанную грязь из ящика-ванны выкидывают обратно. Имеется горячий душ. Признаться, мне не особенно приятно было первый раз лезть в ящик, весь облепленный грязью, и, когда надо было, садясь туда, схватиться рукой за края ящика, я с трудом преодолела чувство отвращения. Потом мне стало смешно: сажусь в грязь и боюсь запачкать руки. Ама-китаянка обложила мне горячей грязью ноги и руки, когда я легла в ящик; сначала ощущение было приятное, но минут через пять мне стало трудно дышать, горячий пот выступил по всему телу, и я поторопилась выйти и встала под душ, который очень освежил меня. Придя домой, я закуталась в махровый халат и легла на два часа в постель; мне сказали, что это необходимо при лечении грязевыми ваннами.

Муж ходил гулять, вернулся к ужину. Встретил он здесь И.Н.Веревкина*, звал его заходить к нам.

23 июня. Ванну приняла утром, в 10 часов. К обеду, когда я только что оделась, пришел И.Н.Веревкин. Ему захотелось попробовать наших китайских пельменей, которые муж нахвалил ему вчера. Мы пообедали втроем. Пельмени нашему гостю понравились. В 4 часа пошли гулять. И[ван] [Николаевич] повел нас на ближайшую невысокую гору, на верхушке которой рос хороший сосновый лесок. День был нежаркий, с легким ветерком. На горе мы посидели в маленькой беседке. Вблизи нее, внизу проходят окопы, оставшиеся от Русско-японской войны, и находится несколько групп могил, чьих, неизвестно. Было так приятно дышать легким, чистым воздухом и запахом сосны, смотреть на расстилавшиеся у подошвы горы засеянные поля, от которых всегда исходит чудесная тишина и спокойствие. Как я рада, что мы сейчас не в душном, надоевшем Тяньцзине!

24 июня. Ночь была неспокойная, с сильным ветром, но это уже не мешало мне крепко уснуть. Проснулись мы оба в 5 часов утра. Я хотела в половине шестого принимать ванну, но почувствовала слабость и не встала. В половине седьмого все же пошла в ванны, но, увидев человек пять ожидающих очереди (4 еврейки, 1 еврей), вернулась, и очень кстати, как оказалось, ибо тотчас же сделался со мной сильный сердечный припадок, заставивший меня с час пролежать неподвижно в постели.

Оправившись, я пошла гулять с мужем по парку. День был пасмурный, без солнца, сильный ветер шумел между деревьями. Долго сидели в беседке над озером, смотрели, как в воде то там, то здесь вскипали кверху со дна пузырьки газа. Побывали на станции, где я послала через японскую почту, в Дайрен, прочитанные мной книги. Мы условились с К[онстантином] В[асильевичем], что он будет присылать мне книги из своей библиотеки по почте, и при отъезде я оставила ему список выбранных мной книг.

После обеда опять много гуляли и сидели в парке. Весь день у меня было очень скверное самочувствие, слабость сердца, вкус фосфора во рту и головная боль. По-видимому, будет гроза, ибо сейчас (9 вечера) начинают поблескивать молнии. Мое сердце и нервы сильно реагируют на грозу и ветер, а здесь они, кажется, часты.

25 июня. Всю ночь бушевала гроза с сильным ветром, но дождя было очень мало. Я не спала часов до трех, сердце мое было в ужасном состоянии, приходилось все время держать на нем холодный компресс. Были минуты, когда мне казалось, что я не переживу этой ночи.

Утром почувствовала себя лучше, пошла по парку рано, в половине 9-го. Было чудесно после грозы: небо синее, чистое, деревья блестят каждым листком, доносится нежный аромат тамариска и пряный, смолистый запах молодой сосны. Я медленно брела по широкой аллее парка, наслаждаясь и дыша полной грудью, и думала о том, какое облегчение и успокоение дает природа человеку...

В 10 часов приняла грязевую ванну. Не знаю, как пойдет мое лечение дальше: я и пяти минут не могла сегодня пролежать в горячей грязи из-за приступов сердечной слабости. Долго лежала потом в постели дома, читала, дремала. В 4 часа вышли с мужем в парк, сели на свою любимую скамью над озером. Муж сказал, что ему больше нравится здесь, чем в Пейтайхо и Хошигаура[1], что здесь тишина и простота. Я ухватилась за это и предложила ему остаться в Танканцзы на все лето. В самом деле, какая надобность нам возвращаться в душный и жаркий Дайрен?

С 5-ти до 7 часов вечера мы совершили отличную прогулку по полям, вдоль линии железной дороги.

26 июня. Сегодня, по случаю воскресенья, на курорт съехалось множество японцев из Мукдена и близлежащих мест. Интересное зрелище представляли они, когда направлялись от станции к своему помещению (здесь специально выстроено для приезжих длинное застекленное здание– курзал): молодые японцы, японки с младенцами за спиной, старики и старухи, подростки с корзинами, мешками, ракетками для тенниса, ружьями, удочками – сплошной толпой, человек в 300–400, двигались мимо нас по широкой аллее парка, оживляя и заполняя парк разговорами и смехом. По общим отзывам, редко можно встретить бóльших любителей природы, чем японцы.

Тотчас же наш курорт преобразился: по большому озеру засновали по всем направлениям лодки с катавшимися японцами; на другом озере все полно купальщиками, тут же ребятишки удят рыбу; все беседки заполнились, все уголки парка зашумели. Под вечер я сидела над озером; один из катавшихся на лодке японцев играл на губной гармонике – нежные, свирельные звуки очень шли к неподвижному воздуху, к спокойной воде, к наступающему тихому вечеру, вызывали легкую грусть в моем сердце. Часам к семи медленно, небольшими группами, японцы начали растекаться к станции, в обратный путь, и парк снова опустел.

В курзале по воскресеньям, оказывается, бывает вечернее кино[2]. Я с удивлением увидела афишу: «Опасная игра» с участием Реджинальда Денни, случайно занесенный сюда отзвук городской

---

[1] Дачная местность вблизи Дайрена.

[2] См. подробнее: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Курортный быт // Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 108–112.

культуры. Хотела было пойти, но раздумала: кинематограф без музыки – мертвая вещь.

27 июня. Опять гроза ночью, и сегодня бушует настоящая буря. Дней пять тому назад в Маньчжурии пронесся тайфун. Вероятно, все эти ветры и грозы здесь за последние дни – следствие этого тайфуна. Все же утром я успела часа два посидеть на солнышке в парке. Пришли из Дайрена книги, за которые я с жадностью ухватилась. Два дня провела без чтения – почта здесь действует довольно медленно – Боже, что за тоска была! Я уж начала даже читать англо-русский словарь, чтобы как-нибудь убить свободное время.

Пишу с трудом, очень болит рука, пальцы еле двигаются. Порой меня берет ужас: вдруг мне не помогут грязевые ванны, и я вернусь домой в прежнем состоянии, без рук! Почти два года я терплю эти жестокие боли, не прекращая работы и очень мало жалуясь. Многие мои знакомые и не подозревали даже, насколько сильны эти боли, которые тяжелы особенно тем, что им ни на минуту нет облегчения, и руки все время чувствуешь, как больной зуб. Ни один врач в Тяньцзине не мог понять этой моей болезни; последняя надежда моя – на горячие грязи Танканцзы.

29 июня. Опять сильная гроза была ночью, с ослепительными молниями и ураганом. И снова я мучилась бессонницей часов до четырех утра: было жарко, резко колотилось сердце, все тело точно пронизывал электрический ток, воздух в комнате пропитан был фосфором и затруднял дыхание. Какие здесь ужасные грозы!

Меня раздражает в Танканцзы ни на минуту не прекращающийся ветер: днем и ночью, – при дожде и при солнце одинаково дует, дует холодный и резкий, и почти не дает возможности сидеть в парке. После грязевых ванн нужно очень беречься простуды, и при таком ветре ее легко схватить.

5 июля. Прохладный вечер сегодня, очень свежий воздух льется легкой струей в раскрытое окно нашей комнаты. Я смотрю на небо, где по безбрежным ледяным полям белых перистых облаков одиноко странствует холодная неяркая луна. Какая отдаленность, какая пустынность этого неба, каким жутким чувством сжимается душа перед этой непонятной беспредельностью, из которой мы пришли и куда опять уйдем в назначенный час!..

1929 год

[1]Тяньцзинь[2]

17 сентября. В сегодняшнем номере «Зари» театр Гайэти, анонсируя очередную картину, заявляет: «Эта картина достойна внимания русских; только эта драма удовлетворяет вкусу русских». Теперь все кинотеатры делают чрезвычайно любезные реверансы в сторону русских, которые, кажется, только и делают им сборы: на одних иностранцев расчеты слабы. На русских работают здесь кино, магазины, портные, сапожники, прислуга, рикши, – но уважение к русским от этого нисколько не усиливается.

28 сентября. Больше недели не записывала ничего. Так серо и однотонно прошли эти дни, почти без впечатлений. Все время стояли сильные жары, изнуряющие больше, чем летом; каждый вечер где-то вдалеке сверкали молнии, но гроза ни разу не доходила до нас, и воздух был страшно душен и тяжел. Поэтому работалось плохо. Начала все же печатать на машинке рассказ мужа «Свадьба городского бога», из серии его китайских рассказов, которых у него уже намечено несколько. Рассказ, на мой взгляд, очень интересен, особенно для тех, кто мало знаком с китайскими народными верованиями. Удастся ли пристроить его куда-нибудь, не знаю. Очень трудно попадать в зарубежные журналы и газеты, где по-прежнему сидят генералы от литературы, не обращающие на нас, мелкую сошку, ни малейшего внимания.

---

[1] Подневные записи А.Н.Серебренниковой. Л. 36–39.

[2] Тяньцзинь являлся основным портом для всего северного Китая, расположен в 80 милях к востоку от Пекина и в 40 милях от морского побережья, у слияния рек Бейхе и Ванхе. Для европейской торговли открыт в 1860 г. Разделен на две резко отличающиеся друг от друга части: Китайский город, находящийся в стороне от деловой части порта, и Иностранную колонию, состоящую из концессий: Русская (основана в 1900), Английская (основана в 1861), Французская (основана в 1861), Германская (основана в 1896), Итальянская (основана в 1900), Австрийская (основана в 1900), Бельгийская (основана в 1900) и Японская (основана в 1898). В этой части были улицы с хорошо оборудованными дорогами и освещением, городские парки, библиотеки, церкви и ипподром. Вдоль реки построена широкая набережная. На правой стороне реки Бейхе находились Французская, Английская и Германская концессии, размещены причалы. Русская концессия расположена вдоль левого берега р. Бейхе, рядом с вокзалом Пекин-Мукденской железной дороги. Концессия имела собственное городское самоуправление и полицию. Здание Русского генерального консульства находилось против начала Германской концессии и было окружено просторным парком, где построена Часовня-памятник в память погибших русских солдат во время Боксерского восстания (1900).

1930 год

25 апреля. Текущая Пасха ознаменовалась единственным в своем роде случаем: некая Екатерина Хадлей убила своего гражданского мужа, всадив ему в бок кухонный нож. Оба они – русские. Он – продавец газет, известный почти всему русскому Тяньцзиню; на всех центральных улицах можно было встретить его высокую тощую фигуру, с пачками газет в руках. Она служила раньше партнершей для танцев в одном из тяньцзинских баров, откуда взял сс богатый англичанин Хадлей, женился на ней и через некоторое время, разорившись, покончил с собой. Потом она служила бонной в английской семье и оттуда, как раз перед Пасхой, была уволена. Причиной убийства, как говорят, была ссора из-за требования Хадлей, чтобы ее гражданский муж повенчался с ней, в чем тот отказал, ссылаясь на недостаточный свой заработок.

Вся эта история производит довольно дикое впечатление. Женщина, бывшая несколько лет женой иностранца, потом служившая в иностранной семье, должна бы, кажется, приобрести культурные навыки, интеллигентность – и так не вяжется с этим самый способ убийства, нож в бок, который был бы под стать самой последней пьяной бабс с харбинского Зслсного базара, но нс женщинс интсллигентной. Диким кажется и мотив ссоры. Покойный газетчик – его фамилия Прокопчик – был уже не молод, собой не хорош, и что так пленяло в нем его возлюбленную, видевшую и лучшие дни, и лучших людей – неизвестно. В газетах упоминалось, что она страдала запоем после смерти Хадлея, и что вся ссора произошла в то время, когда и она, и Прокопчик были совершенно пьяны.

Как бы то ни было, это убийство – первое среди русских за все годы нашего проживания в Тяньцзине. Вчера по городу упорно ходили слухи, что убийца будет предана китайцами смертной казни, но сегодняшние газеты сообщили, что она как английская подданная передана в распоряжение английских властей.

Если не считать этого случая, всколыхнувшего на два дня русский Тяньцзинь, Пасха прошла очень тихо, даже скучно. Все время стояла, особенно вечерами, холодная погода, не располагающая к хорошему настроению. Везде, где мне пришлось побывать, тоже показалось нынче как-то невесело. Может быть, виной этому мое собственное настроение, которое у меня сильно понизилось с некоторых пор.

Заканчиваю читать книгу Бунина «Жизнь Арсеньева». Кажется, ни одна книга за все последние годы не доставила мне такого наслаждения, как эта. Очарованием и благоуханием истинной поэзии веет с ее страниц, красотой русской природы, всей минувшей жизни старой России. Уменье Бунина передать в красочных и прекрасных словах малейшее его ощущение, тончайшее чувство – воистину поразительно; в этом умении нет ему соперников во всей русской литературе.

И в то же время Бунин – один из малочитаемых авторов и здесь, и в прежней России. Почему?

29 апреля. Еще «событие» за эти дни: чествовали Н.А.Жебрака* за его 25-летнюю службу в Тяньцзине[1]. Раздуто было это чествование невероятно. Юбиляру приписали тьму заслуг, возвели его в ранг благодетеля и друга русской эмиграции, благодарили, проливали слезы умиления, поднесли кучу подарков с трогательными надписями. Почему-то вся эта церемония происходила в церкви, в середине богослужения, что производило несколько странное впечатление. Правда, юбилей Жебрака совпал с 10-летием деятельности Православного Братства здесь, но все-таки речи и подношения во время церковной службы – мне никогда не приходилось видеть и слышать что-либо подобное раньше.

Была вчера в «Эмпайре» на прелестной картине «Наши танцующие дочери». Картина эта вполне в моем вкусе: красивые женщины, изящные молодые люди, великолепные туалеты, богатая обстановка, прекрасная природа, умело показанная – все радовало глаз, все давало как раз те впечатления, которых нам сейчас недостает в нашей будничной, серой жизни. И сюжет картины хорош. Она будит воспоминания о самом прекрасном, что есть в жизни человека: о лучезарной молодости, о свежей, юной любви, светлых мечтах, беззаботном веселье – и порою о тяжелых жизненных бурях и грозах, которые пролетают над юными сердцами.

[За полгода записей нет.]

13 ноября. За эту неделю три происшествия: в Пекине убит миссийский священник о[тец] Мелестин, живший в скиту, в Западных горах, и ограблена там православная часовня. Убит он зверски, размозжена голова, перед убийством над ним надругались – сразу явилось предположение, что убили его хунхузы. Потом стали подозревать, что убийцы были русские, сомнительные собутыльники о[тца] Мелестина, который, как говорят, вел далеко не священнический образ жизни: пьянствовал, держал у себя китаянок и т.п. Как бы то ни было, ничто не может оправдать это жестокое, страшное преступление.

Второе происшествие: умер тяжело раненный неизвестными китайцами Ленокс-Симпсон, комиссар таможни, крупный журналист, первоклассный знаток Китая, автор многих печатных трудов об этой стране (его литературный псевдоним – Путнам Уил*) и владелец богатых коллекций. Погиб он жертвой собственного политического честолюбия, впутавшись в китайскую неразбериху.

Третье происшествие: тяжко ушиблен в драке со школьным товарищем и находится на пороге смерти ученик моего мужа Евгений Вейнгард. Неизвестно точно, что послужило причиной ссоры; установлено только, что Вейнгард и его противник, англичанин Холден, сошлись в английских казармах и там, в присутствии солдат и даже офицера, учинили взаимный нешуточный бокс. В результате

---

[1] См. об этом: Чествование Н.А.Жебрака: 25-летие общественной деятельности в Тяньцзине // Наша заря. 1930. 29 апр. Гун-бао. 1930. 2 мая.

Вейнгард, менее опытный в боксе, получил сильный удар в голову, был в бессознательном состоянии десять часов и, привезенный домой, борстся ужс трстий дснь со смсртью. Если он умрст – какой жс это будет нелепый и страшный конец.

[1]1931 год

9-ое ноября. [2]Проснулся ночью сегодня часа в четыре или около этого. Слышу: трещит где-то пулемет, грохочут ружейные выстрелы. Решил, японцы занимают Китайский город. Утром узнал, что в Китайском городе происходит переворот. При содействии японцев группа вооруженных китайцев пытается свергнуть здесь власть молодого маршала Чжан Сюэляна*. Какова судьба переворота, пока еще неизвестно. Невольно думаешь: немало переворотов я пережил в свое время в Иркутске, и сколько затем я видел этих переворотов в Тяньцзине, не слишком ли это много? Пора бы пожить и в более спокойной обстановке. Две революции, русская и китайская, что-нибудь да стоят. Как говорится в русской поговорке, два горошка на ложку.

Днем неприятность: получил из Вашингтона обратно свою рукопись с описанием китайского морского курорта Пэйтайхо. Думал, что Национальный Географический журнал[3] может напечатать эту мою рукопись. Не тут-то было. Пишут, что не подходит. Почему не подходит, не знаю. Я был страшно раздосадован. Рассчитывал, что статья моя даст мне немного денег, и я займусь своим лечением.

[4]Лида [Страндберг]*, моя квартирантка, уйдя в 8 часов утра на службу в свою кондитерскую, тотчас же прибежала обратно домой, чтобы сообщить нам новость: японцы захватывают Китайский город, с той стороны через мост никого не пропускают. Это известие сильно всколыхнуло меня: что-то начинается, идут какие-то большие события – к добру или к худу? У меня в это время пила утренний кофе Елизавета Алексеевна [Лавдовская] – она, выслушав меня, сказала: «А я думаю только о том, что жить станет трудно, все подорожает, или и совсем ничего не будет».

Мы слышали ночью ружейную перестрелку и трескотню пулемета – теперь мы знаем причины этого.

10-ое ноября. [5]Переворот, кажется, не удался. Изредка еще доносятся откуда-то издалека ружейные выстрелы. В городе крайне тревожно...

Сегодня имею лучшие сведения из Америки. Доктор Фишер* из Стандфордского университета пишет мне, что Библиотека Хувера

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 1 На обложке: «Дневник. Начат 9. XI.31–31. XII. 32. Кн. 1». Подневные записи вели одновременно в 2 книгах А.Н. (Л. 39–75) и И.И. (Л. 1–22) Серебренниковы.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] The National Geographic Magazine: Журн. / Изд. Нац. геогр. о-ва, Вашингтон. № 1 (1888) и по наст. время.

[4] Записи А.Н.Серебренниковой.

[5] Записи И.И.Серебренникова.

предлагает мне двести долларов за право опубликовать мои мемуары, если она этого пожелает, и за это – право сделать из них несколько выдержек в связи с изданием Библиотекой документов, относящихся к гражданской войне в Сибири[1]. В дальнейшем доктор обещает мне похлопотать об устройстве моих мемуаров в американской печати. Это все же лучше, чем ничего. Сегодня же получил два письма: от Пурина* из Хулутао и Васильева-Дубровского* из Шанхая. Оба пишут о японцах, теперешних героях дня, – один возлагает какие-то надежды на них, другой ругает их...

[2]Сегодня уже выяснилось, что была совершена попытка захвата Китайского города отрядом китайских повстанцев. Молва определенно указывает на японцев как вдохновителей переворота. Мой повар говорит, что жи бен (японцы) дали оружие, деньги и одежду китайцам для этого предприятия.

В ночь восстания оружейные пули залетали так далеко, что на Давенпорт-род, в доме Фу-Чан-Ли, выбили стекло в магазинчике нашего знакомого Б.Ивашкова.

11-ое ноября. [3]Вечером, между 8 и 9 часами вечера, я вышел побродить по Британской концессии. На улицах было довольно пустынно. На Taku-Road, обычно всегда оживленной, было также весьма тихо. Меня поразило, что китайские магазины были почти все закрыты: в нормальное время они торговали почти до полуночи. Чувствуется напряженное состояние, напоминающее наше революционное время в былые дни... На границе Британской и бывшей Германской концессий большие наряды полиции. Жена вечером смогла побывать на концерте скрипача Яши Хэйфица*. Народу было по случаю тревожного времени не так много.

Сегодня Armistice Day[4], празднества утром прошли обычно.

[5]Положение неопределенное. Перестрелка продолжается. Иногда глухо доносятся одиночные орудийные выстрелы. Невольно вспомнился наш 1917 год.

Утром сегодня мы с мужем ходили к Виктория-парку[6] посмотреть церемонию у памятника по случаю Дня перемирия (Armistice Day). Эта церемония происходит здесь ежегодно 11 ноября. Еще задолго

---

[1] The testimony of Kolchak and other Siberian materials / Ed. Elena Varneck and H.H.Fisher. Stanford, CA: Stanford Univ. Press and London: Oxford Univ. Press , 1935. (Hoover War Library publications, no. 10).

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Записи И.И.Серебренникова.

[4] Отмечается с 1919 г. ежегодно 11 ноября, в день окончания Первой мировой войны, в память обо всех людях, погибших во время войн. Ныне– День ветеранов (Veterans Day). Проводятся мемориальные церемонии, в которых принимают участие ветераны войн, официальные лица и простые граждане. Возлагаются цветы и венки к памятникам погибшим. В своих выступлениях люди подчеркивают ценность мирной жизни. Символ этого дня – красный мак, приколотый на грудь – в память о тех, кто погиб во время Первой мировой войны.

[5] Записи А.Н.Серебренниковой.

[6] В 1887 г. в Тяньцзине торжественно отметили 75-летие королевы Великобритании Виктории. В память этого события разбили парк перед зданием управления Британской концессии.

до этого дня продавали в английских магазинах сделанные из шелка красные маки, и во время церемонии они красовались во многих петлицах пиджаков и пальто. Продаются эти маки в пользу инвалидов Великой войны[1].

За ограду парка посторонняя публика впускалась только с бокового входа, с Таку-род. Проход к памятнику был отделен от тротуаров двумя протянутыми веревками, вдоль которых стояли шпалерами вытянувшиеся по-военному скауты. Внутри парка – почетные караулы ветеранов Великой войны, английские солдаты, отряды бойскаутов и герлскаутов.

К памятнику постепенно подходили военные и штатские делегации; все в парадной форме. Особенно импозантно выглядели офицеры-итальянцы, в черных, расшитых золотом мундирах, в треуголках с плюмажем и с голубой широкой лентой через плечо. Один из них, стоявший впереди всех, немолодой уже, высокий итальянец поразил меня выдающейся красотой своего смуглого, по-актерски бритого лица.

Против памятника, по Виктории-род, застыв в полной неподвижности, выстроились английские войска. Раздались издали звуки шопеновского похоронного марша, исполнявшегося подходившим к парку английским военным оркестром. Под эти величественные и скорбные звуки медленным шагом, со скрещенными на груди руками, приблизились и вошли в парк англиканские священники в белых просторных одеяньях. Часовые у памятника особым, точным и механическим движением отвели в сторону левую руку, потом, описав ею полукруг, твердо положили ее на опущенную к земле винтовку, повернув при этом голову быстрым рывком в противоположную сторону. Точно роботы, невольно подумалось мне. То же проделала и правая их рука. Снова поворот головы в другую сторону, потом вниз – и часовые застывают живым олицетворением скорби: скрещенные на винтовке руки, низко склоненная голова.

Оркестр подходит ближе, ближе звучат почти непереносимые по трагизму аккорды шопеновского марша – душа отдыхает, когда эти аккорды сменяются светлой, примиряющей мелодией. Наконец, музыка замолкает. Пастырь читает молитву – я, к сожалению, понимаю только отдельные слова. Дама-англичанка, стоящая рядом со мной, вполголоса повторяет за пастором слова молитвы и горестно вздыхает. Сдержанными голосами откликаются и другие присутствующие на проникновенное чтение священника.

Отрывистая команда офицера. Короткая барабанная дробь – начинаются «две минуты молчания»: все замирают, склонив головы в полнейшей тишине. Затем пастор запевает хорал, которому подтягивают собравшиеся. Очень простая, незатейливая мелодия. Под это пение совершается церемония возложения депутациями венков к памятнику. Я стараюсь рассмотреть, есть ли венок от русских. Есть – вижу белые хризантемы, перевитые русской трехцветной лентой, в руках капитана-моряка Муравьева*.

Закончена и эта церемония. Раздаются звуки Британского гимна. Конец. По Виктории-род строится английский полк. Сейчас начнет-

---

[1] Первая мировая война.

ся любимое мной зрелище: торжественное возвращение полка, с музыкой, в казармы.

Впереди стоит с блестящим длинным жезлом в руке тамбурмажор[1], в белых перчатках. На барабанщиках надеты живописные леопардовые шкуры для защиты от тяжести огромных барабанов. Серебряные в руках трубачей трубы блестят на солнце. Палочки от барабанов, с белыми «пуховичками» на концах, приложены к губам барабанщиков высоким взмахом руки. Миг – взлетает кверху жезл тамбурмажора, барабаны гремят, белые пуховички ритмично мелькают в воздухе, трубачи, высокие и статные, маршируют за барабанщиками – и вся эта солдатская масса, отлично вымуштрованная, прекрасно экипированная, блещущая чистотой и аккуратностью, стройно движется мимо нас, поворачивая голову точным движением направо, туда, где стоит, принимая парад, коренастый, пожилой английский генерал. Впереди каждой отдельной группы солдат идет офицер – какой-то особой эластичной, танцующей походкой, которая кажется мне слишком женственной для офицера. Тамбурмажор, в полном согласии с музыкой, проделывает чудеса со своим жезлом: легко перебрасывает его из одной руки в другую, вверх и вниз, описывает им круги в воздухе. Проходя мимо генерала, он картинно, с великолепной четкостью, козыряет ему и после этого опускает свой жезл и идет, слегка опираясь на него.

Каждое воскресенье после религиозной службы, совершаемой в здании Гордон-холла, английский полк проходит таким образом в казармы, и каждое воскресенье мы с мужем приходим в Виктория-парк смотреть на это зрелище. Я с восторгом гляжу на марширующих солдат, этот оплот мощной и стойкой Британской Империи, жадно слушаю военную музыку – она будит в моей душе такие горькие и сладкие воспоминания.

12 ноября. [2]Тревожное настроение в городе продолжается. Сегодня утром совершил большую прогулку по Французской концессии. На улицах здесь тьма народу, китайцев: на взгляд видно, что концессия переполнена беженцами из Китайского города. К вечеру прошли слухи, что китайцы и японцы собираются заключить мировую. Так ли это?

[3]Вчера вечером я была на концерте Яши Хейфица, посетившего Тяньцзинь проездом в Америку. Признаться, я не была уверена, что концерт состоится: в городе тревожно, на Германскую концессию с четырех часов дня вчера не пропускали китайцев, и все автомобили, ехавшие по Вильсон-стрит, задерживались патрулями и пропускались только после проверки документов. Когда я ехала на рикше в Гэйети-театр, Таку-род поразила меня своей безлюдностью и пустынностью: почти все лавки закрыты, пешеходов нет.

Гэйети-театр встретил меня ярким блеском огней, множеством автомобилей у подъезда и жужжащим роем разодетой публики внутри.

---

[1] Тамбур-мажор (*франц.* Tambour-major), унтер-офицер, командир полковых барабанщиков и горнистов.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

Значит, все в порядке. Я поднялась на самый верх театра, где было мое место.

Хейфица я слышала и видела впервые. Отталкивающее впечатление производит его внешность: короткий рост при довольно жирной фигуре, неподвижное лицо с широким лбом и огромными тяжелыми веками, благодаря которым глаза кажутся издали двумя белыми пятнами. Не лицо, а маска – гоголевский Вий. И играет он без захвата, без проблеска живой теплоты, без экстаза, бесстрастно и немо, как идол, водя своим смычком.

Я думала сначала, что безобразная внешность Хейфица мешает мне оценить по достоинству его игру. Я закрыла глаза рукой и вся обратилась в слух. Нет, все то же. Изумительная техника, тончайшая отделка каждой исполняемой вещи, полный, глубокий, насыщенный тон – все качества первоклассного музыканта, и при всем этом его игра мертва, как и его лицо.

Я помню, прошедшей зимой я слышала другого скрипача – Сигетти[1]. Какая противоположность Хейфицу! Он загорался сам, играя, и зажигал слушателей; его красивый экстаз, утонченное благородство игры совершенно пленили меня, глубоко проникли в мою душу. Коля Михайлов рассказывал мне, что Я.М.Галкин, которого он устроил бесплатно в монтерскую будку послушать Сигетти, во время его игры плакал навзрыд, упав головой на стол. Не думаю, чтобы заплакал кто-нибудь на концерте Хейфица.

Кстати сказать, скрипка Хейфица великолепна. Она стоит своих, как говорят, огромных денег.

Город наш продолжает носить вид военного лагеря. События, по-видимому, примут затяжной характер. Лига Наций бессильно мечется между японцами и китайцами, предлагая им помириться, но те и другие, с чисто азиатским упорством, продолжают гнуть свою линию. Больше всего, конечно, всех занимает вопрос: какова будет позиция большевиков? Как всегда, между обывателями обращается множество всяческих слухов: большевики вошли в соглашение с японцами о разделе Маньчжурии; большевики помогают китайцам; большевики объявят войну Японии и т.д. А пока что цены на товары сильно выросли: мы платим уже за фунт мяса 36–40 центов вместо прежних 20–22. Я принуждена была временно прекратить отпуск обедов своему нахлебнику, доктору Суторихину*. Через неделю, вероятно, положение выяснится.

Слышала сегодня, что умер 12-летний мальчик, Костя Бондарчук. Ему делали в английском госпитале операцию аппендицита, после которой он в течение трех дней умер от разлития желчи и заражения крови. Сколько уже было трагических смертей в Тяньцзине, что невольно является мысль о проявляемой иногда врачами небрежности в их работе.

13 ноября. [2]Переговоры о мире будто бы продолжаются. Вся обстановка начинает надоедать и нервировать. Цены растут. Многие рус-

---

[1] Венгерский скрипач Йозеф Сигетти.
[2] Записи И.И.Серебренникова.

ские начинают предусмотрительно запасаться провизией. Дела все стали. Газеты много пишут о Японии и СССР. Одни считают неизбежными столкновение этих двух государств, другие договариваются до того, что Япония и СССР совместно выступят против всего мира. Пока что мы не забываем своих дел. Жена уже третий день сидит за машинкой и перепечатывает мою рукопись о текущем китайском фольклоре. Я по вечерам подбавляю две–три страницы к моим мемуарам за 1901–1916 годы.

[1]Я забыла записать в свое время, что к нам недавно вечером, совершенно неожиданно для нас, ввалился Олег Першин*, в очень страшном виде: худой, черный, с полубезумными глазами. Муж сразу занервничал – он и в первый приезд Олега к нам прошедшей зимой чуть не заболел, послушав в течение часа его полупьяный бред. Он сказал Олегу: «Уйдите, я не могу Вас принять». Я же по-женски еще раз пожалела его, хотела оставить у нас поужинать, стала говорить ему: «Послушайте, когда же Вы бросите эту ерунду? Подумайте об отце – каково ему переносить все это? Бросьте морфий, водку, возьмитесь снова за дело...» «Я все это знаю, – возразил мне Олег, – но я уже не могу с этим бороться. Болезнь вошла в мою кровь, отравила ее».

Я и сама почувствовала всю бесплодность своей попытки вернуть к жизни полумертвого человека: его потухший, бессмысленный взгляд, трясущиеся руки – типичная внешность завзятого морфиниста – говорят лучше слов о том, что никакие силы человеческие спасти его не могут.

Муж все же попросил Олега уйти, дав ему денег, чтобы расплатиться с рикшей. Потом оказалось, что он хорошо сделал: сегодня Дм[итрий] Дм[итриевич] рассказал мне, что Олег попросился ночевать в квартиру Атрошенко, где учил ранее его отец, и украл у него серебряные ложки, а у живущего там же артиста [П.А.]Дьякова* – золотую самопишущую ручку. Потом из квартиры Дм[итрия] Дм[митриеви]ча, зайдя к нему на минутку, стащил из передней пальто, принадлежащее ученику его жены. Пальто через три часа английская полиция нашла заложенным в ломбард за 6 долларов, сам же Олег был арестован.

Значит, он теперь совершенно конченый человек, которому суждено умереть где-нибудь на улице, как уже здесь умерли несколько человек русских, мужчин и женщин, таких же несчастных морфинистов, как он. Или пропадет он за воровство бесследно в китайской тюрьме. Грустно. А ведь когда-то судьба баловала Олега, и жил он нормальной, счастливой жизнью. Он был единственным и обожаемым сыном, для которого ничего не жалели. Он получил музыкальное образование, исполнял иногда в концертах собственные свои композиции – я слышала его в Иркутске, где жили его родители. Здесь, в Тяньцзине, он играл несколько раз в спектаклях местного театрального кружка и играл прилично; я его видела в «Лесе» Островского и в роли Освальда в пьесе Ибсена «Привидения». Отец Олега, Дм[итрий] Петр[ович] Першин* – известный в Сибири крупный общественный

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

деятель, видный этнограф, занимал большие административные посты в Иркутске; страстный театрал, знаток театра и сам – недурной любитель-актер. Он помнит еще времена Садовского и Гарева, этих двух кумиров прошедших лет. Мать Олега, интеллигентная, светская женщина, долго жившая за границей, также близка была к театру, любила литературу и музыку. Она умерла незадолго до революции. Дм[итрий] Петр[ович] перебрался в Ургу[1], а после революции, претерпев всевозможные злоключения, попал в Тяньцзинь, не утратив нисколько жизнерадостности и бодрости духа.

Здесь и началось постепенное падение Олега. Сначала он устроился прекрасно: имел много уроков музыки в русских домах, по вечерам играл в кино. В то время музыканты разных специальностей могли иметь здесь очень хороший заработок. Но он начал пить, втянулся в кокаин и морфий – и терял урок за уроком, потом лишился работы в кино. Сначала он еще цеплялся за сохранение себе какого-либо места в жизни: находил то здесь, то там новый случайный заработок, иногда бросал пить. Жена его, утомленная этой необеспеченной, неприглядной жизнью и отчаявшись в попытках спасти мужа, ушла работать в бар. Олег уезжал из Тяньцзиня несколько раз в Чифу, в Циндао, но нигде не уживался подолгу. В Циндао он попал в скверную историю, совершив какой-то подлог; с трудом удалось ему избежать тюрьмы и перебраться в Шанхай. Оттуда, с подозрительной поспешностью, он уехал в начале этого года в Пекин, и вот сейчас снова в Тяньцзинь, который будет, вероятно, уже последним этапом его земной жизни.

От души жаль нам его отца, которому приходится нести, совершенно незаслуженно, такой крест на старости лет.

Особенных новостей сегодняшний день не принес. На быв[шей] Германской концессии введено осадное положение. Китайцы не пропускаются туда по-прежнему с 5 часов вечера. Мой повар поэтому в половине пятого уходит, наскоро приготовив нам что-нибудь к ужину. Мирное течение жизни нарушилось: то запоздает утром молоко, то не принесут вовремя хлеба; английская газета приходит после обеда. Отменили бал, назначенный на завтра, в пользу Дома милосердия во Французском клубе. Кафе Кислинга[2] закрывается в 4 часа. Закрыт кинотеатр «Капитол».

Между китайцами страшное возбуждение. Как только придет какой-нибудь гость к нашему повару, сейчас же завязывается оживленный разговор, в котором только и слышишь: жи-бэн, жи-бэн. По улицам тоже собираются кучками синие халаты и лопочут, отчаянно жестикулируя.

На углу Элджин-авеню, Таку-род и Вучан-род китайцы роют окопы.

---

[1] В 1924 г. переименована в Улан-Батор, столица Монгольской народной республики.

[2] Одно из любимых мест отдыха А.Н. и И.И.Серебренниковых. «Среди тяньцзиньских кафе славилась немецкая кафе-кондитерская Кисслинга и Бадера, имевшая большую известность во всем Китае. Она действительно давала потребителю превосходнейшие кондитерские изделия. Вечерами в кафе играл оркестр и происходили танцы» (HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. Л. 50).

14 ноября. [1]В городе сегодня тише: видимо, китайцы с японцами о чем-то договорились. Поток беженцев из Китайского города, однако, продолжается и притом усиленный. Из Харбина получены сведения, что там властями начато преследование русских «белых». Для русской эмиграции в Китае начинаются страдные дни. Жить плохо. Одно утешение: может быть, вся эта смута принесет нам избавление от большевиков: разумом это плохо постигаешь, больше веришь.

[2]Все то же. Толпы беженцев из Китайского города на арбах и рикшах тянутся на концессии, с женами, детьми и домашним скарбом. «Рейтер» сообщил, что таинственно исчезнувший из Тяньцзиня бывший император Сюан-Дун, или мистер Генри Пу-И*, оказался в Дайрене. Его исчезновение объясняется якобы тем, что друзья экс-императора, обеспокоенные недавним случаем с присылкой ему бомбы в корзине с фруктами, просили японцев тайно вывезли его из Тяньцзиня под их охрану. Японцы же опровергают это.

В Пекине военные власти приказали закрыть все дансинги, дав на ликвидацию их двухнедельный срок.

15 ноября. [3]Завтра – срок ультиматума Лиги Наций Японии[4]. Все с нетерпением ожидают, что теперь скажет Лига. По сведениям, идущим из Пекина, положение там очень тревожное: ждут тоже какого-то переворота. Говорят, что японцы увезли из Тяньцзиня бывшего императора Китая Сюань Дуна или мистера Генри Пу-И, как называют его в английских газетах.

[Замазаны две строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Настроение у меня весь день было неважное: напала хандра, работа никакая не клеилась. От скуки днем сходил в кино: смотрел глупую американскую стряпню под названием «Show of Shows». Вечером были гости: Mr. More* и супруги Лавдовские. Попили чайку, поболтали о том, о сем, и ладно, вечер скоротали. С Mr. More разговор велся, конечно, по-английски.

[5]Наконец-то появилось в «Заре» объявление Русской Национальной Общины[6] об открытии сю курсов Отечествоведения для молоде-

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Записи И.И.Серебренникова.

[4] Заседание Совета Лиги Наций (Франция, Великобритания, Германия, Италия и Испания), посвященное обсуждению агрессии Японии в Маньчжурии. Совет Лиги Наций принял резолюцию, в которой предложил Японии в трехнедельный срок вывести войска из Манчжурии. Япония голосовала против. Так как резолюция не была принята единогласно, то в соответствии со статутом Лиги Наций председатель Совета А.Бриан признал ее лишенной силы юридически, хотя и «сохраняющей всю свою моральную силу».

[5] Записи А.Н.Серебренниковой.

[6] 16 июня 1928 г. прошли 1-е выборы уполномоченных (депутатов) по образованию Русской национальной общины в Тяньцзине. 4 декабря 1928 г. общее собрание уполномоченных подвело итоги деятельности за полгода: откорректирован устав, установлены связи с китайскими властями и другими эмигрантскими организациями в Китае, расширилась благотворительная деятельность. В общине зарегистрировалось 387 русских тяньцзинцев, в том числе 55 женщин. В основном занималась благотворительной и просветительской деятельностью. Более подробно см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Создание русской общины). Л. 146–149.

жи[1]. Переименованы все лекторы, в том числе и я – в качестве лектора по истории русской литературы. В объявлении имеется такая фраза: «Состав лекторов говорит за то, что лекции будут интересны и исчерпывающе полны по научному материалу». Не слишком ли это громко – для меня, по крайней мере?

16 ноября. [2]Сдал сегодня В.Ю.Сокольницкому* свою рукопись «Текущий китайский фольклор и китайские суеверия» для помещения ее в ближайшем номере журнала «Китайский Благовестник»[3]. Знаю, что статья не подходит для журнала, и потому сомневаюсь, будет ли она принята. Номер журнала предполагается выпустить в начале декабря, к годовщине двухсотлетия со дня кончины Св[ятого] Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца. Невольно вспомнил сейчас, что 1931 год является также двухсотлетней годовщиной со дня постройки церкви в моем родном селе Знаменском на Лене, – церкви, когда-то описанной в моей работе «Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии». Сохранилась ли эта церковь? И что вообще делается теперь на бедной моей родине? Все связи порваны: вот уже много лет, как не имею совершенно писем из Сибири.

17 ноября. [4]Отправил сегодня в Прагу в Русский Исторический Заграничный архив на хранение кое-что из своего личного архива, в том числе переписанные моей женой черновики-рукописи «Мои воспоминания» (1917–1922) и «Russian Investments in China» и пачку писем... По условию с архивом, все, что я посылаю туда на хранение, должно быть через пять лет отослано в распоряжение Восточно-Сибирского отдела Русского Географического Общества в Иркутске[5]. Исследование на тему «Russian Investments in China» было мною выполнено в январе–феврале месяце этого года по заказу профессора Мичиганского университета Ремера (C.F.Remer)*. Проф[ессор] Ремер работал последние годы в Китае по выяснению размера вложений иностранного капитала в эту страну, выполняя эту работу по поручению Тихоокеанской конференции. Мое исследование было мною полностью передано в его распоряжение. Опубликовано оно где-либо или нет, пока не знаю. В начале лета этого года он проехал через Сов[етскую] Россию в Европу и затем должен был быть в Америке. К октябрю он должен был вернуться в Китай, чтобы принять участие в работах очередного конгресса членов Тихоокеанской конференции в Шанхае. Я написал ему письмо в Шанхай, но ответа до сих пор не

---

[1] Среди последних мероприятий Русской национальной общины была организация бесплатных курсов «Отечествоведения» для эмигрантской молодежи. Занятия проводились вечерами в помещении Русской школы. Основатели курсов решили читать лекции по трем основным предметам: история русской литературы, русская история и география России. Первые лекции обнаружили, что молодежь совершенно не заинтересована в получении новых знаний, а на занятия приходили люди среднего и пожилого возраста. Через некоторое время курсы прекратились.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] Опубл.: Серебренников И.И. Текущий китайский фольклор и китайские суеверия. Тяньцзинь: Изд. кн. магазина «Знание», 1932.

[4] Записи И.И.Серебренникова.

[5] См. комментарий № 1 (Дневник 1919).

имею. Очевидно, профессор остался в Америке. Жаль, если это так. Он обещал устроить меня на службу около конференции в качестве экономиста-эксперта по Северному Китаю и Маньчжурии. Это было бы лучше, чем давать здесь уроки математики, до смерти мне надоевшие...

Сегодня жена была на молебне в Русской прогимназии[1] по случаю открытия курсов Отечествоведения, организуемых здесь Русской Общиной в целях противодействия денационализации русской молодежи. Жена приглашена на курсы в качестве лектора по истории русской литературы. На молебне архимандрит Виктор* сказал длинное слово, достаточно утомившее слушателей. По словам жены, оратор не обошелся без мракобесных выпадов по адресу Керенского, Милюкова и его «Последних Новостей», ведущих якобы разлагающую работу среди русской эмиграции.

Вечером жена ушла с д[окто]ром Кузьминым на литературный вечер, устраиваемый еврейским клубом «Кунст» и посвящаемый творчеству поэтов Блока, Анны Ахматовой, Есенина и Маяковского. Остался дома один и углубился в чтение изданной на правах рукописи брошюры Сергия, митрополита Японского*. Эта брошюра представляет ответ митрополита архиепископу Симону Пекинскому*, позволившему печатно выступить против Сергия с обвинением в сочувствии большевикам и Советской власти... Брошюра написана оригинальным стилем, производит отличное впечатление, обнаруживая светлый ум ее автора. Слава Богу, – подумал я, закончив чтение брошюры, – не все же мракобесы среди наших иерархов... Интересно в качестве образчика стиля митрополита показать здесь, как он поясняет, что такое родина. «Родина, – говорит он, – это территория, отсекают ее – больно, растет она – приятно...» «Родина – это природа, не “монархические” “горы” и “горки”, не “республиканские” леса, не “советские” болота и мхи, не “конституционные” тополя, ивы, дубы... А природа без прилагательных: горы-горки, реки-речки-ручьи, болота, мхи, тополя, ивы, дубы, клюква, брусника, белые ночи...» «Родина – это совокупность быта, обычаев, вкусов и т.п., стада коров, овец, коней; песни девиц, возвращающихся с покоса; черный хлеб, квас, щи, борщ, дым (запах) березовых дров, дым горящего торфа летом (и дым Отечества приятен)». «Родина – это концерты соловьев, зяблики, жаворонки и интернационалисты-воробьи. Но русский воробей как-то “роднее” здешнего»... «Родина – это братья, сестры, племянники, племянницы, отцы-матери, деды-бабушки, прадеды-пробабушки и т.д. вглубь до “праотцов” Рюрика-Трувора...» «Родина – эта почва, в состав коей вошли тела истлевшие моих родных, восходя вглубь лет за 1000...» «Родина – это воздух, в котором носятся газы, образовавшиеся за 1000 лет от химического разложения тел моих родных». «Я дышу воздухом с частичками моих родных. Я кушаю овощи, фрукты, ягоды, грибы, материалом для которых мог

---

[1] Русская школа открыта в Тяньцзине в 1920 г. Преобразована в Первую русскую смешанную прогимназию в 1930 г. 1 сентября 1938 г. преобразована в Первую российскую гимназию.

послужить прах моих родных. Я вижу природу, которую видели, как бы излучая себя, столетиями мои родные...»

[1]Теперь я уже не с такой жадностью хватаюсь утром за газету, как в первые дни японо-китайского конфликта. Все как будто застыло на мертвой точке. Сегодня в 6 часов я иду на молебен по случаю открытия курсов, а в 9 часов с доктором К.Л.Кузьминым* в еврейский клуб «Кунст» на вечер русских поэтов.

18 ноября. [2]Вчерашний молебен прошел как-то вяло, без всякой торжественности. Собралось довольно много народа, молодежи и взрослых. Пел церковный хор. После молебна от[ец] Виктор Святин* прочел вступительное слово, очень длинное и довольно нудное. Начал он хорошо: «На нас, уже уходящих из жизни, лежит долг – передать молодежи русской нашу любовь к России и ее великому прошлому». А дальше стал читать по нескольким брошюркам всякую всячину: о Владимире Мономахе, о пр[еподобном] Сергии Радонежском, потом цитировал громовую статью покойного митрополита Пекинского Иннокентия о «разных Гессенах, Милюковых и Керенских, неизвестно откуда берущих деньги на свои газеты – "Руль", "Последние Новости" и "Дни", разлагающие эмиграцию», и т.д. в таком же роде. К чему все это было, осталось для меня непонятным и произвело тягостное впечатление.

Итак, завтра состоится первая моя лекция. Сказать по правде, я приступаю к этому делу без особого воодушевления. Вечером вчера была я с докт[ором] Кузьминым в «Кунсте»[3]. Я ни разу еще не посещала этого клуба и долго колебалась – пойти ли, но все-таки пересилил интерес к Ахматовой, Есенину и Блоку, которым посвящен был этот вечер. Публики еврейской было очень много, русских, с нами двоими, человек пять–шесть. Не скажу, чтобы я очень хорошо чувствовала себя. Я не заражена юдофобством – просто я сознавала полную свою отчужденность от здешнего еврейского общества, с которым меня до сих пор ничто не связывало.

Начался вечер небольшими речами председателя Гершевича* и еще какого-то господина на тему о том, что «Кунст», в ряду подобных вечеров, намерен познакомить членов клуба и его гостей с произведениями культуры еврейской и русской, что последняя близка многим евреям и по языку, и по прежней жизни их в России. Неизвестный мне господин говорил прилично – для нас, русских, вполне приемлемо. Потом зачитан был Мерпортом доклад о творчестве Блока, хлестко написанный и прочитанный им наизусть – рукописью до-

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Кунст, еврейский клуб в Тяньцзине, основан 29 декабря 1928 г. Председатель временного правления Н.Шейман, секретарь М.Гурвич. 1-е общее собрание 21 января 1929 г. Председатель Л.Д.Эпштейн. Занимался общественной и литературной деятельностью, являлся интеллектуальным центром еврейской колонии. Наряду с мероприятиями по еврейской культуре велись лекции по русскому искусству. 15 февраля 1937 г. торжественно открыто собственное здание. Считался самым большим клубом в городе, имел театральный зал и библиотеку. К началу 1947 г. насчитывал до 980 членов. Прекратил свое существование 1 августа 1949 г., передав свое имущество Клубу Общества граждан СССР.

клада, которую он держал в правой руке, он во время речи широко и бойко размахивал. Так как я хорошо знаю Блока, то слушать доклад Мерпорта мне было скучновато, тем более, что тянулся он очень долго, более получаса. Неизвестно почему докладчик, говоря о символизме, свалил в одну кучу с французскими поэтами и бельгийского поэта Верхарна, а также обмолвился следующей замечательной фразой: «Блок проделал весь путь поэта-символиста – от Прекрасной Дамы до трактирной стойки». Бедный Блок!

После доклада артист П.Дьяков, во фраке и белом жилете, читал стихи Блока, в том числе «Незнакомку» – надрывно, сдавленным надтреснутым голосом, в котором совершенно отсутствует гибкость. Артист В.И.Томский*, тоже во фраке, зычно прокричал блоковскую поэму «Двенадцать», подчеркнув все ее внешне грубые места и совершенно затушевав ее скрытую трагичность. Оба «иллюстратора» имели у публики успех. Далее, после небольшого антракта, был второй доклад, г[оспо]жи Тинкер, об Анне Ахматовой. Докладчица, в томной позе опираясь на стол, где лежала ее рукопись, тонким голоском, с провинциально-манерным выговариванием слов – «сэрдце, тэма» – читала слово в слово то, что я совсем недавно прочла в одной из последних книг «Современных записок», в статье об Ахматовой, беззастенчиво украв оттуда целые куски. Очевидно, она была вполне уверена в том, что никто из присутствовавших не читал этого журнала.

Опять последовали «иллюстрации» – артистка Алексеева* отлично прочла несколько стихотворений Ахматовой и, на бесконечные вызовы, ряд стихов Агнивцева из серии «Блистательный Санкт-Петербург» и одно стихотворение Веры Инбер. Агнивцева я люблю, и мастерское чтение Алексеевой доставило мне большое удовольствие, тем сильнейшее, что в этих стихах так ярко подчеркивается незабываемая прелесть «величественного, гранитно-надменного, блистательного Санкт-Петербурга», который я до сих пор люблю самой нежной, глубокой любовью.

Пела романсы Сафронова, показав, как всегда, приятный голос и полное неумение владеть им. Затем Д.Цукасовым зачитан был третий и последний доклад – о Сергее Есенине. Этот докладчик привел аудиторию в очень веселое настроение: бойко выйдя на сцену, он начал читать монотонно и быстро, как пономарь – ни одного слова не долетело в публику. С хохотом ему кричали: «Медленнее! Громче! Ничего не слышно!» – он не обращал внимания на эти выкрики и, отбарабанив весь доклад чуть ли не в десять минут, преспокойно ушел со сцены. Все же по тем немногим отрывкам, которые мне удалось расслышать, я могла судить, что доклад составлен неплохо.

Снова на сцене Дьяков, читает стихотворение В.Маяковского на смерть Есенина. Чтения, строго говоря, тут не было: были истерические выкрики, в которых нельзя было разобрать ни слова, метание по сцене, дикое вращение глазами. Более нелепого и безобразного чтения я, кажется, не слышала в своей жизни. Единственным, что совершенно ясно долетело до моих ушей, была фраза: «Лучше от водки умереть, чем от скуки!»

Едва дождавшись конца этого «представления», я шепнула своему соседу, что хочу идти домой, устала. Было уже 12 часов ночи.

Все-таки, несмотря на многие шероховатости, наивность и незрелость докладов, вечер был развлечением культурным, каких очень мало в Тяньцзине. К стыду нашему, эти развлечения дают нам евреи – наш Русский клуб развлекается пока по-иному: лото, танцами и выпивкой.

19 ноября. [1]Вчерашний литературный вечер в еврейском клубе «Кунст», по словам жены, прошел на три с минусом. Но все же евреи здесь что-то делают: поставят вечер то русской литературы, то русской музыки, порой организуют какую-нибудь лекцию. К стыду нашему, Русский клуб здесь устраивает только танцульки с выпивками, порой с пустенькими кабаре, да культивируют азартные игры в лото[2]. К сожалению, здесь нет русского общественного мнения, которое могло бы порицать подобного рода явления. Местная пошленькая газета «Наша Заря», детище пресловутого Лембича, не прилагает ровно никаких усилий, чтобы создать это русское мнение[3]. Ее задачи – собрать как можно более гривенников и только.

День не принес пока никаких интересных вестей из Парижа, где теперь открылись заседания Совета Лиги Наций.

[4]Вчера готовилась к лекции. В городе стало спокойно: кажется, японцы и китайцы здесь пришли к какому-то соглашению. В Китайском городе убираются баррикады.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Русский клуб основан в 1914 г., когда русская община в Тяньцзине насчитывала меньше 200 чел. В течение первых лет новый клуб никак себя не проявил, по-настоящему работа в нем началась в 1918 г., когда в городе было основано Русское общественное собрание. Оно на собранные средства купило дом на территории Русской концессии. В верхнем этаже разместилась библиотека из трех тысяч пожертвованных книг. Русский клуб и Собрание просуществовали до 1923 г. и закрылись из-за недостатка средств. Имущество и библиотека были переданы муниципалитету Русской концессии. Через 5 лет они возродились, и в 1931 г. организация была переименована в Русский национальный клуб (иногда упоминается под названием Русское общественное собрание). 1-й председатель комитета старшин Г.А.Вержбицкий арендовал большой двухэтажный особняк с просторной усадьбой и надворными постройками. В одной разместилась канцелярия отделения РОВС, в другом – правление Русской национальной общины. Русский клуб очень скоро стал популярным местом отдыха. В его зале ставили спектакли и концерты, проводили благотворительные вечера. На содержании клуба находился оркестр с постоянным составом. В саду имелась специально оборудованная паркетная площадка для танцев. Работали буфет и библиотека, взятая в аренду у Православного братства, позднее переданная публичной библиотеке «Наше знание». С разрешения муниципалитета Британской концессии в вечернее время здесь играли на деньги в лото, бридж и бильярд. Хорошо оборудованная бильярдная с 2 столами нередко становилась местом азартных состязаний с вручением ценных призов. Русский клуб давал возможность существовать немалому числу русских эмигрантов, состоявших в его штате. Они имели бесплатный стол, квартиру и пенсионный фонд.

[3] Наша заря: Газ. Тяньцзинь, 1928. № 1 (апр.). Основана издателем М.С.Лембичем после закрытия газеты «Наш путь». 1-й редактор И.Л.Миллер. После отъезда Миллера в Шанхай газету возглавил бывший редактор харбинской «Зари» Г.Н.Шипков. В ней принимали участие многие известные литераторы и журналисты не только из Китая: присылал свои статьи из Токио Г.Оргинский, из Сиднея – И.Серышев, из Парижа – В.Н.Унковский и В.Л.Бурцев. Закрыта под давлением японцев в 1939 г.

[4] Записи А.Н.Серебренниковой.

Заходила Антонина Николаевна. Много разговоров посвятили мы с ней последнему инциденту с Анной Павловной[1], против которой я сильно раздражена.

20 ноября. [2]Тяньцзинь понемногу наполняется русскими бездомными бродягами-попрошайками[3]. Среди них много молодых людей, очевидно, выходцев из несчастного Харбина, народ, наверное, уже погибший. «Стреляют»[4], чтобы потом выпить или принять какие-нибудь наркотики. Из-за пропойц отказываешь в помощи и тому, кто, может быть, в ней действительно нуждается. Чаши горя русского переполнились и льют через край.

[5]Первым моим выступлением на курсах я не особенно довольна. Почему-то сильно волновалась и от волнения кое-что упустила, позабыла сказать, не совладела со временем и кончила лекцию ранее, чем следовало, на 10 минут. Меня «подвела» аудитория: я ожидала иметь дело с одной молодежью, а пришли, главным образом, взрослые и солидные люди: попечительница прогимназии m[ada]me Питерс*, m[ada]me Филимонович, ген[ерал] Вержбицкий*, председатель правления Русского клуба Орлов*, быв[ший] председатель Союза Армии и Флота полк[овник] Веденяпин*, m[ada]me Ушинская и др. Понятно, что выступать перед такими слушателями много труднее, чем перед нетребовательной и мало знающей молодежью.

Надеюсь, что следующая лекция пройдет глаже: тема будет легче – о богатырском эпосе. Вчерашняя лекция была трудна и как вступительная, и по разнообразию намеченного мной для нее материала: я выяснила различие между понятиями «словесность» и «литература», сделала характеристику народного творчества, остановилась на анимизме как религиозном миропонимании наших предков, на их языческих верованиях, праздниках и обрядах, перешла к песне как отражению религии и быта народа. Потом читала слушателям образцы народных песен всякого рода.

Думаю, что аудитория моя поняла мое волнение при первом выступлении и была ко мне снисходительна. Почти двадцать лет тому назад я читала эту же лекцию на Иркутских общественных курсах, позже переименованных в Иркутский народный университет. Было не менее 70-ти человек слушателей: молодежь, служащие разных учреждений, приказчики, дамы, даже один интендантский офицер. Я была тогда молода, горела искренним увлечением этим новым для меня делом, – и первая лекция моя сошла блестяще. Целый год я читала на двух семестрах курсов, на одном первоначальную, на другом новейшую историю литературы. И, по отзывам слушателей, передававшимся мне моими коллегами-лекторами, читала интересно и живо. Теперь – не то. Пафос молодости погас, ничто уже не захватывает так горячо, как раньше, ко многому я стала почти равнодушна.

---

[1] Возможно, жена востоковеда Б.И.Панкратова.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] Подробнее об это см.: Серебренников И.И. Эмигрантская беднота // Мои воспоминания (1925 – 31): Рукоп. Тяньцзинь, 1945. Л. 150–153.

[4] Занимают деньги.

[5] Записи А.Н.Серебренниковой.

И теперешняя лекция для меня, сказать по правде, – только способ заработать лишние рубли в месяц. Еще года 2–3 тому назад я горда была бы тем, что меня пригласили читать лекции взрослым слушателям, но теперь я уже больше не честолюбива.

В молодости во мне жил неиссякаемый источник творческого вдохновения и неукротимой энергии. Поэтому я всегда делала хорошо всякое дело, за которое бралась. Я давала уроки русского языка и литературы взрослым ученикам, читала лекции на курсах, заведовала в первый год войны школой для подготовки солдат на вольноопределяющегося 2-го разряда и преподавала им русский язык – более 250-ти солдат были моими учениками. Я сотрудничала в газетах – вела литературные обзоры и библиографию, была театральным и музыкальным рецензентом; состояла членом многих культурно-просветительных и научных обществ, в некоторых из них секретарствовала. Перед самой революцией была секретарем совещаний об организации в Иркутске университета. Всего не перечтешь. Одновременно переписывала и корректировала все литературные труды моего мужа. Но и жизни я не забывала: увлекалась оперой, постоянно бывала в театре, на всех интересных концертах, которых всегда изобилие было в Иркутске, на лекциях, много читала, знала все литературные новинки. И хозяйство успевала вести, и квартиру держала в строгом порядке, умела и любила принимать гостей, в которых недостатка не было. На все меня хватало тогда. А теперь я начинаю «отгорать», ибо жизнь отгорает.

21 ноября. [1]Сегодня день разошелся у меня следующим образом: с 8 до 9 утра – чтение газет, 9–12 – занятия с учениками по математике, 12–1 – обед и короткий отдых, 1–3 – снова уроки, 3–4 – прогулка, с 4 до 6 просидел в кафе Карацаса, где играл в шахматы... Во французском книжном магазине получил бесплатно брошюру «Japan's Positive Policy in Manchuria». Это будто бы доклад бывшего премьера Танака Троку. Японцы утверждают, что доклад – подлог...

[2]«Заря» ни словом не обмолвилась о начале лекций на наших курсах. Зато есть сообщения о «субботке» в «Кунсте» и танцевальном вечере в Русском клубе, о содержании картин во всех кино, об открытии «Фролика», прекращавшего во время событий свою «полезную деятельность» и т.п. Компания Лембич*–Миллер* с похвальной настойчивостью ведет свою анти-русскую линию, и надо только удивляться тем русским в нашем городе, которые в день выхода тысячного номера «Зари» расшаркивались на ее страницах перед Миллером, благодаря его за «национальное направление» газеты.

22 ноября. [3]В 10 часов утра ушел в церковь Свято-Иннокентьевского братства[4]. После обедни состоялось общее собрание членов братства,

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Записи И.И.Серебренникова.

[4] Православное Китайское миссионерское братство во имя Святителя Иннокентия, первого епископа Чудотворца. Основано о. Сергием Чаном, открывшим 27 июля 1930 г. на Германской концессии Китайский молитвенный дом во имя Св. Иннокентия. Первое организационное собрание Братства состоялось 31 августа 1930 г. 17 было утверждено

прошедшее под моим председательством. Вернулся домой только в четыре часа. Страшно устал...

23 ноября. [1]Тяжко...

[2]Вчерашний день, как и вообще все воскресенья, прошел скучновато. Погода была отвратительная, самая тяжелая для меня: желтое, бессолнечное небо, сырость, в комнатах полумрак. В такие дни я испытываю угнетенное состояние духа, тоску, нежелание взяться за что-либо. Вечером зашел Аркаша и позвал меня, по приказанию Антонины Николаевны, к ним. Пробыла там до 11-ти часов. Была и Анна Павловна с Борисом, но примирение не состоялось: она просидела весь вечер в углу, не сказав ни слова, а я не имела ни малейшего желания с ней заговаривать. Последняя ее выходка по отношению ко мне была незаслуженно оскорбительна, и я решила держаться от нее подальше.

Аркаша рассказал про одну еврейскую чету, которую он знал в Мукдене. Жена кокетничает с соседом по столу и игриво держит палец у кончика рта. Муж сердито замечает ей: «Маня, сиди себе ровно и винимi палец из рот!»

Сегодня пришла открытка от Г.И.Черткова*: пишет, что через день-два он будет в Тяньцзине и зайдет к нам.

Как-то на днях в газете промелькнуло известие о смерти в Москве присяжного поверенного Гр[игория] Борис[овича] Патушинского*. Это наш иркутский адвокат, блестящий оратор когда-то и умный защитник своих клиентов, имевший в Иркутске хорошую юридическую практику. Он был еще далеко не стар – очевидно, шквалы революций разбили преждевременно его жизнь.

Тяньцзинь вернулся к прежнему спокойному состоянию. Осадное положение снято, стрельбы не слышно, цены снизились до прежней нормы. Ничто не сдвинулось в общем положении. Лига все заседает, но Китай начинает нервничать и грозить выходом из Лиги, если она не принудит Японию пойти на уступки.

24 ноября. [3]Сумрачная погода. С утра нет солнца. Собирается пойти дождь или снег...

Вечером меня навестил Г.И.Чертков из Токио, русский эмигрант, достаточно известный в Японии. Выдает себя за областника, сибирского патриота[4]. Не знаю, насколько он искренний областник. Во

китайскими властями. В ноябре того же года Братство перенесено в просторное помещение на Британской концессии по ул. Давенпорт, № 275 (Свято-Иннокентьевская церковь). Были образованы два хора. Один под управлением регента П.Л.Поникаровского и китайский под управлением Феодора Дубоена (албазинца). В ноябре при церкви открыты курсы английского, китайского и русского языков, бухгалтерии, велись лекции по богословию. 9 декабря 1930 г. Братство отметило свой храмовой праздник. К этому дню издали Листовку № 1. Православное Китайское миссионерское братство в Тяньцзине // Слово: Воскр. ил. прил. 1931. № 35 (28 июня). С. 3–4.

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Записи И.И.Серебренникова.

[4] Сибирские областники, представители общественно-политического течения (середина 50-х XIX в.– начало XX в.) Областничество зародилось в Петербургском кружке сибирских студентов (Г.Н.Потанин, Н.М.Ядринцев, С.С.Шашков, Н.И.Наумов, Н.Усов и др.). В 60-е выступали за революционную борьбу с самодержавием, за демократиче-

всяком случае, он из областничества составил себе политическую профессию, которая его кормит. Наша беседа затянулась до часу ночи. Жена была вечером на опере «Евгений Онегин». Для Тяньцзиня русская опера – большая редкость.

25 ноября. [1]Сегодня в газете «North China Star» один из деятелей местной организации Армии Спасения сообщает, что он, обследуя квартиру бедноты в Китайском городе, наткнулся на одно логовище, где проживает до 30 русских. Живут в крайней бедности, спят прямо на полу, на соломе, не имея ровно никаких постельных принадлежностей. Не попал ли он на китайскую ночлежку, специально приготовленную для русской голытьбы? Уже давно ходят слухи, что эта голытьба ютится порой где-то в китайских ночлежках.

[2]Вчера я совершенно неожиданно попала в Гордон-Холл на «Евгения Онегина»: Mr. More подарил мне билет первого ряда. Но я обменялась им с Ольгой Викт[оровной] Кеппинг: она пошла в первый ряд, а я села на ее место в десятом ряду, с Борисом Михайловичем, разлучив, таким образом, жену с мужем.

Поставлены были три сцены из «Онегина»: письмо Татьяны, встреча в саду и в будуаре Татьяны. Пели Матова-Оруп и Моложатов. У нее красивый и звучный голос, поет она умело и со вкусом и играет вполне по-оперному; Моложатов же берет только пением – держаться на сцене он еще совершенно не умеет и порой даже смешон. С первых же аккордов рояля (аккомпанировала хорошая пианистка Карамзина) при звуках этой столь знакомой мне, бесконечно милой и родной музыки я почувствовала глубокое душевное волнение, а когда запела Матова: «Не спится, няня, – поговорим о старине», невольные слезы покатились у меня из глаз. В зале было темно, никто не видел их. Какие чудесные воспоминания нахлынули на меня – эту оперу я слышала в последний раз еще до революции, когда жизнь сияла и блестела ярким светом, когда никому еще и во сне не снилось, что придется расстаться с Родиной. Так горько и вместе с тем отрадно было впивать в себя и эту музыку, и эти дивные пушкинские слова.

ские свободы. По возвращении в Сибирь (1863) активизировали свою деятельность. Выступали в защиту «инородцев», против колониального гнета. Действуя в контакте с политическими ссыльными русскими и поляками, готовили восстание. Рассматривая Сибирь как политическую и экономическую колонию России, а сибиряков как новую сибирскую «нацию», отдельные представители пришли к ошибочным выводам об особых путях развития Сибири, выдвинули реакционный лозунг отделения ее от России. Для их деятельности 70-х характерно увлечение революционным народничеством. В начале 80-х происходила эволюция в сторону либерального народничества, а со 2-й половины 90-х– буржуазного либерализма и контрреволюции. В начале XX в. среди них возникли правое кадетско-монархическое течение (А.В.Адрианов, А.Н.Гаттенбергер, Н.Н.Козьмин и др.) и левое. Последнее (Е.Е.Колосов, П.Я.Дербер и др.) было близко к партии эсеров. Сибирские областники участвовали в подготовке антисоветского мятежа в Сибири. В дальнейшем активно сотрудничали с А.В.Колчаком, а после восстановления Советской власти в Сибири бежали за границу. Некоторые (Потанин, Ядринцев, Козьмин, П.М.Головачев) внесли заметный вклад в развитие культуры и науки в Сибири – истории, археологии, этнографии.

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

Борис Мих[айлович] [Кеппинг] сказал мне, что он слышал от многих «восторженные отзывы» о моей первой лекции. Это весьма подняло во мне бодрость духа. Находят только, сказал он еще, что я говорила недостаточно громко.

Вчера же, перед моим уходом в театр, приехал к нам Г.И.Чертков. Я оставила его с мужем, устроив легкий ужин и чай, а после своего возвращения приняла в течение часа участие в беседе. Г[еоргий] И[ванович] ушел во втором часу ночи, и я плохо выспалась, почему чувствую себя вялой и неэнергичной.

Утром я ходила к Л.Г.Гершевич, рылась в их энциклопедии, выискивая материал для завтрашней лекции. Там очень хорошо работается: комфортабельно обставленная комната, по стенам солидные шкафы с прекрасной библиотекой и тишина во всем громадном доме, располагающая к усердным занятиям.

В 4 часа собралась, по обещанию, пить чай к матушке Солянской. Провела время хорошо. У них очень уютная и приятная атмосфера, всегда бывающая там, где вся семья в сборе. И много молодежи. Сама матушка среди своих детей и квартирантов – командир, недреманное око; видимо, нежно любит детей и сама пользуется такой же любовью.

В сегодняшней английской газете прочла следующее. Члены здешней Армии Спасения[1] посетили самые беднейшие кварталы в Китайском городе. Нашли там 20 матерей-китаянок с грудными детьми, совершенно без всякой пищи, почти умирающими от голода, и одну вдову-китаянку с 11-ю детьми, без пищи и одежды. Нашли также где-то в грязной фанзе, на полу, на соломе, лежащих вповалку, без всяких одеял и подушек, 22 человека русских. Что это могут быть за русские? Скорее всего, те самые оборванцы, которые днем просят на улицах, а за последнее время то и дело звонят в квартиры – редкий день мне не приходится выходить на такие звонки. Все они просят только на водку; когда им даешь хлеб, они с презрением отказываются. Вид их ужасен: мрачные или наглые глаза, желтые, опухшие лица, грязные и рваные платья и обувь. Пристают они на улице очень назойливо, и только некоторые просят с какой-то тихой покорностью и робостью, от которой невольно переворачивается сердце. Подумаешь иногда: Господи, когда же будет конец нашему русскому горю?

Жаль и китайцев – их страдания поистине «планетарны». Непрекращающиеся гражданские войны, разорение, голод, ужасное нынешнее наводнение в Ханькоу, десятки тысяч смертей. Нужно удивляться терпению этого несчастного народа: смиренно и безропотно умирают мужчины, женщины, дети, веря, должно быть, что такова их судьба и бороться с ней бесполезно. Это – восточный фатализм, которого, мне кажется, много и в нашем русском народе.

26 ноября. [2]Одиннадцать часов ночи. Сижу сейчас и пишу свои мемуары. Из Китайского города доносятся порою пушечные выстрелы, успокоения, видимо, нет, снова начались какие-то военные действия.

---

[1] Благотворительная организация.
[2] Записи И.И.Серебренникова.

[1]Сейчас вернулась со своей второй лекции. Она сошла гораздо глаже первой, но полной удовлетворенности у меня самой все же нет. Публики было, пожалуй, сколько и на прошлой лекции, но состав ее несколько иной: кое-кто из прежних отсутствовал, зато было много новых лиц. M[ada]me Питерс, войдя в здание школы следом за мной, сказала мне:

– Вы еще не читали? Как я рада! Я именно Вашу лекцию пришла послушать и ужасно боялась опоздать.

Сегодня я читала о богатырском эпосе, закончила киевскими богатырями, оставив новгородских на следующий раз.

11 часов вечера. Лида неожиданно вернулась из кинотеатра «Star», куда она ходила смотреть «Рио-Риту». Оказывается, вблизи театра, на Японской концессии, началась сильная перестрелка, ружейная и пулеметная, и администрация «Star»'а попросила публику разойтись по домам. Театр был переполнен; успели просмотреть только половину картины. Что опять случилось, узнаем завтра из газет. Сейчас слышны были, очень глухо, два – три пушечных выстрела.

27 ноября. [2]В городе опять тревожно.

[3]Я плохо провела вчерашнюю ночь. Снился Иркутск, знакомые и близкие люди, приснился К.Н.Глотов[4], худой, изможденный, в нищенском платье. Тоску и боль всегда вызывают во мне эти сны. Живы ли все они там? Никто не пишет нам больше оттуда, оборвалась всякая связь с родной землей. Весь день я ощущала эту глухую тоску. Здесь, в Китае, такие мои настроения почти всегда предшествуют надвигающемуся ненастью. Возможно, что будет снег или дождь: очень уж сырой и холодный воздух сегодня.

Из газеты не узнали ничего существенного. Рассказывается подробно о вчерашней перестрелке, но кто на кого нападал, неизвестно. Говорят, японцы были обороняющейся стороной. Спокойствие опять нарушено. Вечером наш бой не пришел, не пустила полиция: прибежала испуганная китаянка, его жена, и сообщила об этом. Я попросила ее расчистить печку в кухне и принести угля и тотчас же после этого отправила ее домой, чтобы она попала туда засветло.

Наш бой говорил мне сегодня утром, что, по китайским газетным сообщениям, вчера выступал со своими солдатами против японцев У-Пей-Фу. Конечно, это вздор, но само возникновение такого слуха показывает, насколько популярен среди китайцев этот генерал. Еще рассказывал мне бой, что в Пекине есть один старец, который очень хорошо предсказывает будущее Китая. Все, что творится сейчас, было им предсказано совершенно точно. Еще четыре года будут продолжаться беспорядки и волнения в Китае, а потом все успокоится, и будет единая власть.

– Будет богдыхан или кто-нибудь другой? – спросила я.

– Нет, не богдыхан – другой.

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

[4] См. о нем: HILA. Serebrennikov I.I. Дневник, запись от 27 февраля 1920.

Днем была я у О.П.Злоказовой; нашла у нее много пособий по русской литературе, которые и забрала к себе домой. Теперь мне легче будет готовиться к лекциям.

28 ноября. [1]В Тяньцзинь понемногу прибывают японские солдаты. Ходят упорные слухи, что японцы собираются с боем занять Китайский город. Китайцы продолжают массами выселяться из Китайского города и из Японской концессии, перебираясь на Британскую и Французскую концессии.

29 ноября. [2]Вчера и сегодня не случилось ничего нового. Было у нас несколько человек гостей вчера. Вечером, по обыкновению, Mr. More играл с мужем в шахматы, а я читала «Конец Азефа» Николаевского[3]. Почти легендарная личность Азефа изображается здесь в настоящем ее свете: пошлое мещанство, жадность к деньгам, примитивная любовь... И от этого он еще более страшен и омерзителен.

Mr. More спросил меня, не хочу ли я пойти на завтрашний концерт классической музыки в немецком клубе «Конкордия», и предложил достать мне билет. Я с благодарностью согласилась.

В городе спокойно. Бой наш рассказал мне сегодня о причинах своей рассеянности и невнимательности в последнее время, за которые я его пробирала. У него, оказывается, есть в Китайском городе собственные семь фанз, которые он сдает внаймы; построены они на японской территории, и он боится, что японцы, захватив Тяньцзинь, отнимут у него этот участок земли вместе с фанзами. Тогда, говорит он, всему конец, кушать нечего будет его ребенку (у него есть приемыш – девочка). Оттого-то он и стал такой «шалый»; говорит, что не может ни есть, ни спать. Да, много тяжелого приходится переживать простому китайскому люду.

29 ноября. Воскресенье. [4]День провел скучно. К вечеру зашли ко мне гости: В.Н.Лавдовский*, бывший русский консул в Монголии, Ф.П.Романов*, здешний шахматный чемпион и Mr. More, индус, весьма тяготеющий к местной русской колонии и много читающий о России. More совершенно не говорит по-русски, и потому разговаривать с ним приходится по-английски. Он довольно часто навещает меня. Я ничего не имею против его визитов, так как это дает мне практику в разговорном английском языке.

30 ноября. [5]Ходят опять слухи о мире между китайцами и японцами. Город, однако, походит на встревоженный муравейник. На улицах Британской концессии, где я живу, то и дело видишь китайцев, едущих на рикшах, в каретах и на автомобилях с вещами и пожитками. На бедноту жалко смотреть: тащат часто какой-то домашний скарб: столы, стулья, постели...

Вечером был на концерте камерной музыки.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Переизд.: Николаевский Б. История одного предателя. Террористы и политическая полиция. – М.: Высш. шк., 1991.

[4] Записи И.И.Серебренникова.

[5] Записи И.И.Серебренникова.

[1]Mr. More сдержал слово и принес мне утром два билета на концерт в «Конкордии»[2]. Я пригласила его позавтракать с нами. Он очень любит мой стол, всегда хвалит мои кушанья и ест с большим удовольствием, что мне как хозяйке чрезвычайно приятно.

Пишу сейчас, вернувшись с концерта. Полдня я посвятила розыскам компаньона на второй билет, но это оказалось нелегким делом: любителей и любительниц серьезной музыки среди моих знакомых не нашлось. В конце концов со мной пошел мой муж. Лида случайно осталась дома, и нам можно было обоим уйти. Концерт произвел на меня хорошее впечатление. Сразу по приходе я почувствовала себя в иной культурной атмосфере: вид строгого и уютного зала немецкого клуба, быстро заполнившегося солидной публикой, звуки настраиваемых скрипок наполнили мою душу, как когда-то давно, предвкушением будущего музыкального наслаждения. Сначала исполнена была серенада Бетховена в пасторальных, идиллических тонах – трио из скрипки, альта и флейты. Вторым номером была Дио-Sonata Шуберта – скрипка и рояль, и третьим – квинтет Сен-Санса. Эту вещь я знаю и всегда слушаю ее с восхищением; и в этот раз она мне показалась такой же прекрасной, как и ранее. Муж мой слушал внимательно и, видимо, чувствовал себя хорошо: я несколько раз взглядывала на него во время музыки – у него было оживленное лицо, утомленное и сонливое выражение исчезло. Я думаю, что для него было бы полезно чаще показываться на людях, посещать концерты и т.п. Он почти нигде не бывает, засиживается дома за работой, и это, конечно, утомляет и делает его вялым.

1 декабря. [3]В город вошло, говорят, сегодня не менее трехсот японских солдат. Прибывшие прошли по главной улице Британской концессии с оркестром музыки...

На улицах Тяньцзиня часто слышишь в громкоговорителях граммофонных магазинов русские пластинки... Тревожно. Пахнет войной, а тут какой-нибудь русский певец ревет на всю улицу: Эх, распошел ты, мой сивый, распошел. Эх, распошел ты, хорошая моя... Как будто песни такого рода не к месту совсем теперь. Граммофон, однако, поет где и когда захочет. Жизнь вообще идет своим чередом. Вчера мы с женой слушали в немецком клубе «Concordia» бессмертные произведения Бетховена, Шуберта и Сен-Санса. Сегодня в «Gordon Hall» – концерт русской духовной музыки, а в еврейском клубе «Кунст» – вечер русской юмористики. Хотелось пойти туда и сюда, но предпочел [зачеркнуто: остаться дома. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] послушать юмористику.

[4]Сегодня узнала из «Зари», что послезавтра, в канун праздника Введения, не будет лекций на наших курсах. Я очень рада этому: теперь мне придется читать только 10 декабря, и за это время отдохнет мое горло. С ним какие-то непорядки: легкая боль, раздражение, хрипота и сдавленность голоса.

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.
[2] Немецкий клуб в Тяньцзине.
[3] Записи И.И.Серебренникова.
[4] Записи А.Н.Серебренниковой.

В Китайском городе как будто спокойно, стрельбы больше не слыхать, но идет повальное бегство оттуда китайцев. Целыми днями тянутся они на рикшах, в каретах, в мотокарах со своим скарбом, узлами, сундуками – старухи, ребята... На Французской концессии, где они главным образом расселяются, скопилось их до 18-ти тысяч, как сообщила «North China Star». И в связи с этим на концессиях уже начались разного рода эпидемические болезни – скарлатина, тиф. От скарлатины умер недавно в Пао-Шан-Ли пожилой индус Анти, а также 15-летний мальчик, еврей Гринец. Были случаи скарлатины во Французском колледже. Везде принимаются чрезвычайные меры осторожности. Я думаю, такой наплыв китайцев опасен еще и с другой стороны: под видом беженцев могут проникнуть на концессии бандиты, которые при удобном случае устроят здесь беспорядки и погромы с целью грабежа. Вообще, не очень приятна стала жизнь в Тяньцзине из-за всех этих событий.

Сегодня пришла в Тяньцзинь тысяча японских солдат. С оркестром музыки, при огромном скоплении народа прошли они по Виктории-род, потом по Рю де-франс до Японской концессии. В толпе говорили: уж не собираются ли японцы в скором времени захватить Тяньцзинь?

2 декабря. Записался[1] сегодня в Британскую муниципальную библиотеку. Книг в ней довольно много, но подбор их весьма случайный. На некоторых книгах по китаеведению стоит английский штемпель «А.А.Белоголовый». По моим справкам, это старый русский резидент Китая, живший в Тяньцзине еще задолго до Боксерского восстания. Происходит из известной купеческой семьи Белоголовых в Иркутске. Судя по подбору книг, видно, что это был культурный человек, интересовавшийся Китаем. Пожертвовал ли он свои книги в библиотеку или продал, не мог узнать...

Стародавние русские резиденты Тяньцзиня во многих отношениях представляли довольно интересные фигуры вообще. Взять хотя бы былого местного миллионера Старцева*. Мало кто знает, что он подарил Британскому муниципалитету то дорогое место, где сейчас стоит здание Британского муниципального совета, так называемый Gordon Hall, и где сейчас раскинут Victoria Park, один из лучших уголков всего Тяньцзиня... Мало кому известно также, что Старцев является незаконнорожденным сыном декабриста Бестужева и бурятки, его служанки, коровницы, и что родился он во время проживания Бестужева в ссылке в городе Селенгинске. Свою фамилию будто бы воспринял от своего крестного отца. Сестра Старцева, тоже дочь Бестужева, была замужем за почтмейстером русской почты в Пекине бурятом Гомбоевым, известным в свое время в Иркутске по его значительным пожертвованиям этнографических коллекций в музей географического общества. Сыновья Гомбоева учились в мое время в Иркутской гимназии. При моем приезде в Тяньцзинь Гомбоева проживала здесь, буду-

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

чи уже вдовой[1]. В 1923 году она жила у меня на даче в Пэйтайхо... В следующем году она уехала в Харбин к сыну, который служил на Китайской Восточной ж[елезной] д[ороге], и там вскоре скончалась. Миллионер Старцев скончался в 1900 году во Владивостоке. Его сын продолжал оставаться в России, являясь, кажется, владельцем тихоокеанского острова Путятина, купленного его отцом у русского правительства. Не так давно в газетах промелькнули сообщения, что он был арестован большевиками и сослан на Соловки...[2]

[3]Вчера был второй литературный вторник в «Кунсте». Около 10-ти часов вечера я вдруг спохватилась, вспомнила, что там очень хорошая программа – юмористы: Чехов, Аверченко, Зощенко, Тэффи, Дон Аминдо, и усиленно стала уговаривать мужа пойти послушать в хорошем чтении наших любимых юмористов. Муж поупрямился немного и пошел. Вернулся довольный, очень понравилась ему Алексеева* своим отличным чтением, и другие – Томский, Дьяков, Далевич* – были неплохи. Я была рада, что он опять развлекся.

Вчера же был в Астор-хаузе вечер русской церковной музыки, устраивавшийся Английским женским клубом. Мне очень хотелось туда попасть, но это уже роскошь – два концерта подряд.

Вот и декабрь. Скоро европейское Рождество, которое всегда проходит в Тяньцзине гораздо заметнее и торжественнее нашего, русского. Уже и сейчас большое оживление на улицах, огромные выставки всевозможных рождественских подарков в окнах магазинов – множество чудесных вещей. Я ходила гулять после обеда и долго стояла у окон Вайтвея, любуясь на все это богатство. Чего-чего только нет там! Сколько вкуса и изящества, какое разнообразие выбора и какие, вероятно, колоссальные цены!

Я часто думаю: если бы неожиданно очутился в Тяньцзине кто-нибудь из наших иркутян, он был бы, наверное, очарован городом, его прекрасными магазинами, полными всевозможных товаров, и позавидовал бы нам. А ведь на самом деле мы здесь так же лишены всех этих прекрасных вещей, как и они там. Я уже давно не смотрю на выставленные в окнах магазинов материи – шелка, сукна, бархат, так как знаю, что никогда в жизни не смогу их покупать; никогда не купить и ни одной вещи из таких, что красуются у Вайтвея. Я давно забыла, что значит хорошо одеваться: без конца перевораичваю одни и те же платья (некоторые еще привезены из Иркутска), подгоняя

---

[1] В Тяньцзине осталась жить сестра А.Д.Старцева Екатерина Дмитриевна Старцева-Гомбоева, вдова бывшего начальника Русской почты в Пекине. С ней встретился И.И.Серебренников. «Мы много беседовали с Е.Д.[Гомбоевой], – вспоминал он,– которая была умна, наблюдательна и умела рассказывать о давно минувших днях. Привыкнув, видимо, в прошлом к хорошему жизненному положению, в качестве сестры влиятельного на Дальнем Востоке русского коммерсанта, она до сих отличалась некоторой избалованностью и иногда чрезмерной властностью в обращении с людьми» (Серебренников И.И. Мои воспоминания. В 2 т. Т. 2: В эмиграции (1920–1940). С. 189.

[2] Сыновья Александр и Дмитрий Старцевы расстреляны в 1938 г.

[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

их под меняющуюся моду. Ношу бумажные чулки, покупаю самую простую обувь, по паре в год. Но все же мы с мужем имеем дешевую и маленькую, но уютную квартиру, с ванной и кухней, простой, но питательный и сытный стол, можем изредка позволить себя штук пять пирожных или четверть фунта конфет. Сейчас я сижу в теплой комнате, где топится железная печка, кругом покой и тишина. Когда же я начинаю думать, каково живется сейчас, в декабрьские морозы, моим родным и близким в Сибири, я чувствую себя сразу точно отравленной, исчезает сознание покоя и уюта, душу начинает грызть мучительная тоска... Все эти чувства особенно обостряются у меня зимой перед Рождеством, когда здесь так весело, тепло и сытно, а там переживаются самые страшные дни жестоких морозов, нужды и лишений...

Сейчас мой бой, очень расстроенный, сказал мне, что, вероятно, сегодня японцы будут брать Тяньцзинь.

В Японии, по словам газет, страшное возмущение против американского генерального секретаря Симпсона, который сказал, что Японская армия сошла с ума, и осудил японскую тактику в Маньчжурии. В последнем докладе Милюкова во Франции тоже прозвучали эти нотки неодобрения Японии и сочувствия Китаю. Похоже, что Япония останется одинокой на своей позиции.

3 декабря. [1]Начал читать одну английскую книгу по истории Тяньцзиня. Много любопытного. Пожалуй, скоро историю Тяньцзиня я буду знать не хуже, чем я когда-то знал историю Иркутска.

[2]Была днем в «Капитоле», смотрела картину «Последняя рота» немецкой продукции «Уфа». Все картины этой фирмы очень хороши: я не знаю им равных по тонкости и художественности; все детали отлично разработали, все актеры великолепны. В этой картине играет прекрасный актер Конрад Вейдт – немец; картина звуковая, и он показал в ней, кроме высокохудожественной игры, красивый, звучный голос и хорошее английское произношение. Сюжет картины – эпизод из франко-немецкой войны времен Наполеона: 13 человек – все, что осталось от целой роты, – под начальством своего храброго капитана, укрепившись на старой мельнице, геройски задерживают наступление французов, давая этим время и возможность спастись тысячной немецкой армии. Все тринадцать погибают, но цель достигнута: армия спасена. Вся картина проникнута драматическим настроением; звуковые эффекты очень его усиливают. Стоит часовой на посту; кругом печальная, безотрадная местность – топь, болото, и слышится вой и свист ветра в пустоте, навевающий жуть и тоску.

Вернулась домой на минуту и пошла в библиотеку. Взяла «Петербург» Минцлова – дневник 1903–1910 годов. В библиотеке встретила Веру Никол[аевну] Лесли*; она соблазнила меня чаем у Кислинга, и мы очень приятно провели там время: послушали «живую» музыку, поболтали, поели разных вкусных вещей. Таким образом, у меня сегодня получится праздник: кино и Кислинг.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

Уроки наши заканчиваются: через три дня начинаются экзамены в колледжах, и после них все ученики отдыхают вплоть до Нового года. Каждый год в это время мы остаемся без заработка, а как раз сейчас самые большие расходы на уголь.

4 декабря. [1]Докончил сегодня чтением книгу Густава Ле Бона «Психология социализма»[2]. Книга – старого русского издания, 1908 года. В ней имеется много замечательных мест, особенно интересных теперь, при наличии «русского эксперимента». В одном месте, напр[имер], Ле Бон, в согласии с мнением Молинари, говорит, что при социализме придется «осудить часть нации на принудительные работы при минимальном содержании, одним словом, восстанавливать рабство». По мнению автора, рабство, нищета и цезаризм – вот неизбежные пропасти, куда ведут все социалистические пути. «И все-таки, – прорицает он, – кажется, этого ужасного режима не миновать. Нужно, чтобы хотя одна страна испытала его на себе в назидание всему миру. Это будет одна из тех экспериментальных школ, которые в настоящее время одни только могут отрезвить народы, зараженные болезненным бредом о счастье, по милости лживых внушений жрецов новой веры». Желание Густава Ле Бона теперь исполнилось в точности. Остается только теперь решить, действует ли отрезвляюще русский опыт на народы мира?

[3]Вчера и сегодня стоят чудесные, совсем весенние дни: солнце сильно греет, небо чистое, синее, что редко бывает в Тяньцзине. Утром я провела полчаса у своей портнихи М.К.Барминой, исполняя просьбу Милочки Лавдовской набрать цветных обрезков для ее подушки. В нижнем этаже квартиры какая-то девица распевала резким голосом английские и гавайские песенки. На мой вопрос, кто это, М.К. сказала: «Все это харбинские гимназистки; понаехали сюда, и все живут с американскими солдатами». Мы привыкли здесь к этому явлению, оно нас не удивляет и не ужасает. Огромное количество молоденьких девчонок устраиваются таким образом; я думаю, и из Харбина они едут сюда со специальной целью поймать иностранца-солдата, наслышавшись, вероятно, о прибыльности этой «профессии». Характерной чертой почти всех подобных фактов являлось до сих пор то, что тут сплошь и рядом речи не было о нужде, толкающей на этот путь, не было принуждения, насилия, горя, отчаяния. Напротив, девушки идут в эту жизнь с радостью, охотно, добровольно, бросая ради нее скромные места продавщиц или бонн; заполняют кабаре, ночные бары, танцуют, порой пьют до беспамятства. И все это ради возможности не трудиться, сытно есть, иметь тряпки, безделушки и обеспеченную сумму денег на каждый месяц. Некоторые умеют откладывать на черный день, берегут и копят вещи; другие же пускают все прахом и жгут жизнь с двух концов, не жалея себя.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Ле Бон Г. Психология социализма / Пер. с фр. 5 изд. с портр. Авт. и предисл. его к рус. изд. СПб., 1908.

[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

Многие русские женщины здесь устроились и солиднее, на положении долгосрочных жен у штатских иностранцев. Много и «настоящих», законных браков. В общем, нужно сказать, что, не будь тут иностранцев, лакомых до русских женщин, многие из них сейчас умирали бы от голода. Находить службу в Тяньцзине, Шанхае и Пекине становится год от года все труднее: конкуренция огромная; каждый год молодежь, оканчивающая колледжи, заполняет все наличные места в банках, конторах, кондитерских и т.д. На смену им вырастает новая группа молодежи; кроме того, все время едут из Харбина, а предприятий не прибавляется, напротив, становится меньше, и вот вся эта многочисленная армия девиц идет по линии наименьшего сопротивления, т.е. кидается, очертя голову, в объятия иностранных солдат и матросов, всегда денежных, щедрых и галантных.

Но где же тут вопрос о нравственности, морали, девичьей чистоте? Этот вопрос похоронен под обломками прежней жизни как никому не нужный мусор. Между молодежью прошлых годов, примерно нашего поколения, и молодежью теперешней – огромная разница. Тургеневские Лизы, Елены и Аси умерли безвозвратно, с их безгрешностью и святым идеализмом; нынешние девушки не имеют ничего за душой да и не нуждаются в этом. Поэзия и романтика любви – не для них; над Лизами и Асями они смеются или в лучшем случае просто не понимают их.

В этой легкой, бездумной жизни все же случаются иногда тяжелые драмы. В прошлом году в Тяньцзине покончила с собой очень красивая 38-летняя русская женщина (имя ее я забыла). Несколько лет тому назад она пленила здесь одного богатого иностранца и стала его женой. Он любил и баловал ее, дарил ей бриллианты и дорогие меха, исполнял все ее желания. Они ездили в Париж, где ей были предоставлены все развлечения: театры, концерты, кабаре, полеты на аэропланах: из Парижа они вернулись в Шанхай, где и поселились. И там над ней зло подшутила судьба: она влюбилась в молодого, красивого португальца и завязала с ним роман; покровитель ее, через частного детектива, выследил их свидания и прогнал ее от себя, оставив ей, впрочем, все подаренные им вещи и драгоценности. Она очутилась снова в Тяньцзине, поступила партнершей в бар; приучилась пить, стала кокаинисткой. Бриллианты постепенно таяли, деньги тоже. Несколькими таблетками веронала она оборвала, наконец, надоевшую ей жизнь...

Только что – 9 часов вечера – ушел от нас доктор М.В.Чердынцев*. Он предложил мне, совершенно для меня неожиданно, взять на себя обязанности председательницы комитета Русской больницы. Сказал, что на их «семейном» совещании они, т.е. медицинский персонал больницы, решили, что я вполне соответствую этой должности, так как я «умна, деятельна, политична и обладаю инициативой». Я поблагодарила М[ихаила] В[асильевича] за лестный для меня отзыв, но выразила опасение, что я не оправдаю их надежд на меня; я отошла за последние годы от общественной работы и, значит, утратила навык к ней. Доктор все же просил меня подумать и не отказываться заранее.

Время думать есть: полномочия прежней председательницы заканчиваются 1 января 1932 г.

Маленький анекдот, рассказанный нам одним нашим знакомым: его спрашивает тяньцзиньский еврей, знает ли он, как называется иначе Дикинсон-род. – Жидкинсон-род.

5 декабря. [1]Город начал принимать как будто мирный вид. Был сегодня в кино, смотрел картину «Последняя рота» продукции знаменитой германской фирмы «Уфа». Сюжет ее из эпохи наполеоновских войн. Любопытно, что на эту картину учитель какой-то китайской школы привел своих учеников, чтобы возбудить в них патриотические чувства. Да, эта картина совсем не то, что являет собою разлагающий роман Ремарка «На Западном фронте без перемен».

6 декабря. [2]Воскресенье. Утром зашел ко мне Mr. More, мы отправились с ним на прогулку по Racecou Road и другим улицам, выходили и за город. На обратном пути More попросил меня показать ему Русский клуб. Я с большой охотой исполнил его просьбу. Мы зашли в клуб, над которым по случаю воскресенья развевался старый русский национальный флаг, и осмотрели все его помещения. В театральном зале шла репетиция «Василисы Мелентьевой». Кроме этого зала мы побывали в буфете, столовой, фойе, комнате для мачжана (китайской игры) и карточной игры, читальне-библиотеке, радиокомнате, кабинете для заседания членов Совета старейшин клуба и на руф-гарден. В буфете выпили по стакану кока-колы. Буфетчик, мой старый знакомый, сообщил мне, что он снимает теперь буфет клуба за арендную плату: 150 долл[аров] за месяц в лето, и 200 долл[аров] – в зимнее время. Валовой доход буфета, по его словам, достигает двух тысяч долларов в месяц. Главным и существенным доходом Собрания является игра в лото.

Я был учредителем этого клуба, года два состоял в Совете старейшин его. Теперь я не состою даже членом его. О причинах этого скажу как-нибудь позже[3]. В данное время я, однако, собираюсь вновь вступить в члены клуба.

На усадьбе клуба расположен ряд зданий, также находящихся в его аренде. Здесь располагаются: канцелярия правления Русской на-

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] И.И.Серебренников писал об этом так: «В апреле 1929 года должны были состояться третьи выборы [членов Совета старшин Русского клуба.– Прим. А.А.Хисамутдинова]. Я был осведомлен, что на этот раз Воинский союз намеревался провести в Совет старшин своих людей, и тем самым захватить в свои руки клуб, который теперь уже стал играть видную роль в жизни русской колонии города. Воинский союз представлял крепкую организацию, и члены его явились на выборы сплоченной группой, с определенной программой действий. В результате выборов генерал Г.А.Вержбицкий и я были забаллотированы, причем в виде утешения, генерал был избран в почетные члены клуба, а я– в члены ревизионной комиссии. В совет старшин прошли активные члены Воинского союза и их попутчики А.П.Сухоруков и А.А.Орлов; последний стал председателем обновленного Совета. Я не принял от Воинского союза чести состоять в числе членов ревизионной комиссии и, воспользовавшись создавшимся положением, вышел из состава членов Русского клуба» (HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Уход из общественной деятельности) Л. 186).

циональной общины, Союз бывших военнослужащих Российских армии и флота и Русский национальный союз молодежи. Все это бедные приживальщики Русского клуба. Все вместе взятое создает своеобразный «русский уголок» Тяньцзиня.

[1]Не прошло еще двух месяцев, как схоронили отравившуюся сулемой Валентину Шелестян, вчера отравилась, и тоже сулемой, ее младшая сестра 17-ти лет. Что толкает девушек на смерть, как им не жаль своей юной жизни, совершенно непонятно мне. Правда, я помню, в дни моей юности была у молодежи какая-то полоса самоубийств, упадочное настроение – это действовало, как психоз, заражая других. Но теперешняя молодежь так легко и беззаботно смотрит на жизнь, не имея никаких запросов и духовных стремлений, – какие основания у нее уходить из жизни, ничего еще не успев изведать?

Говорят, что юная самоубийца (сегодня она еще жива, приведена в сознание врачами Русской больницы) оставила письмо такого содержания: «Ухожу в другой мир, жить больше не хочу. Прошу меня не отпевать. Заверните меня в цветную материю и накрасьте мне губы и щеки, не хочу походить на покойницу».

Я думаю, что девушка не была вполне нормальной. Жизнь ее и покойной ее сестры была не сладка: мать их уехала из Харбина в Тяньцзинь с новым своим мужем, бросив обеих дочерей отцу. Тот вскоре женился, дав девушкам весьма недобрую мачеху, которая сильно притесняла их. Может быть, в этом и причина их душевной неуравновешенности. Потом они приехали сюда к матери, и обе в течение двух месяцев покончили с собой.

От[ец] Виктор здесь не отпевает самоубийц. Т.е. он отпевает их тайно, без свидетелей (так я слышала), но чина погребения не совершает: это не полагается по монашескому уставу. И такие похороны производят очень грустное впечатление. Я помню, как хоронили отравившегося в августе этого года нашего хорошего знакомого, инженера В.А.Сабенникова. Я пошла с Елизаветой Алексеевной в его квартиру до выноса тела, чтобы проститься с ним. В довольно большой пустой комнате покойный лежал в черном гробу, покрытый цветами – последним даром друзей, не было подсвечников с горящими свечами в ногах и в изголовье, ни кадильного дыма, ни чтения и пения молитв. Все было как-то слишком просто, обыденно и потому особенно грустно. Все присутствовавшие простилась с покойником, и гроб был тут же наглухо заколочен. На кладбище гроб более получаса простоял на досках над открытой могилой – дожидались, пока придут проводить покойного его знакомые, задержанные службой и работой. Помню, собиралась гроза, небо было покрыто зловещими фиолетовыми тучами, изредка сверкали далекие молнии, и налетали резкие порывы ветра. Все кругом имело беспокойный бурный вид, и у меня сильно щемило сердце, когда я глядела на одинокий черный гроб, ожидавший момента своего исчезновения навеки под землей... Начал накрапывать дождь, и с погребением заторопились. Гроб спустили в могилу и забросали землей; на свежий холм мы красиво

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

разложили принесенные с собой цветы. И все. Как-то не подходило к этому акту слово «похоронили»: просто «закопали». Надолго осталось в моей душе это печальное и тяжелое воспоминание.

Были у меня сегодня Антонина Никол[аевна] и Анна Павловна. Сердце не камень: ссориться со мной она все же не захотела. Я чувствовала сначала некоторую натянутость в своем обращении с ней, но потом это прошло. Я вообще миролюбива. Вечер я провела на дне рождения у О.В.Кузьминой: было 12 человек гостей, хороший ужин, водка; публика очень веселилась. Я вернулась домой в 11 часов и пишу дневник.

7 декабря. [1]Вечером побывал у меня геолог Павлов, работающий в музее, учрежденном при местном иезуитском университете (Tientsin University)[2]. Кроме Павлова в этом музее еще работают русские: ботаник Козлов*, зоолог Яковлев*. Во главе музея стоит иезуит Лис[с]ан, известный исследователь Центральной Азии[3]. Музей создан почти исключительно его трудами. Павлов предложил мне возобновить заседания местного научного кружка, который был вызван к жизни мною в прошлом году. Я дал на это свое согласие. Решили, что кружок соберется у меня во вторник на следующей неделе.

[4]С сегодняшнего дня у меня нет ни одного урока, вероятно, до января. Поэтому я занялась всякой уборкой, а потом засяду за шитье и починку: всего этого накопилось достаточно. В четверг моя очередная лекция; пора начинать готовиться – сегодня я уже прочла кое-что.

Встретила на улице о[тца] Виктора. Он обратился ко мне с официальным приглашением занять должность председательницы Больничного комитета[5] и выдвинул, между прочим, такой аргумент, что я буду тогда на виду и смогу получать больше уроков. Но я ответила, что, обдумав хорошо этот вопрос, я решила отклонить приглашение, так как, связав себя сложной и хлопотливой общественной работой, не смогу вести нашу общую с мужем литературную работу, которой я очень дорожу.

«Война» пока совсем заглохла. Японцев не видать и не слыхать. Вчерашние газеты были полны печальных и тревожных сообщений: Германия накануне катастрофы; Советская Россия без хлеба; какой-то заговор в Венгрии. Весь мир, как на вулкане: если последует, наконец, взрыв, он будет ужасен. Хватит ли прозорливости и мудрости, чтобы предотвратить его или хоть ослабить его силу?

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Музей «Хуан-Хе Бай Хе» основан католическим братством в Тяньцзине и считался одним из лучших музеев Китая. Директор музея о. Е.Лиссан. Здание музея построено в 1922. Направления деятельности и коллекций: геологическая, палеонтологическая, ботаническая, зоологическая и этнографическая. См.: Жемчужная Е. Музей «Хуан-хе Бай-хе» в Тяньцзине // Вестн. Китая. 1936. № 4 (июнь). С. 34–37: ил.

[3] О встрече И.И.Серебренникова с о. Лиссаном и его предложении организовать этнографический отдел см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 10. Серебренников И.И. Мои воспоминания (1925–31): Рукоп. (Научные учреждения). Л. 161–163.

[4] Записи А.Н.Серебренниковой.

[5] Русская больница в Тяньцзине основана по инициативе Русского благотворительного общества в октябре 1921 г.

8 декабря. [1]Начались Кэмбриджские экзаменационные испытания. Сегодня шесть моих учеников держали экзамен по арифметике по группе junior. Выдержали все, за исключением одного, довольно успешно. По этой группе держат экзамены мальчики и девочки обычно в возрасте 14–15 лет. Любопытно, что один ученик, китаец, которому идет только одиннадцатый год, первым подал экзаменационную работу, решив девять задач из 11-ти и при этом все верно. Замечаю уже не первый раз, что китайцы порой проявляют первоклассные способности к математике. Признаюсь, я как-то не ожидал этого.

Вечером был у всенощной в Иннокентьевской церкви, в канун праздника Св[ятого] Иннокентия, первого епископа Иркутского. Церковь была переполнена молящимися. Многие не могли протискаться сквозь толпу и уходили обратно. Китайский священник, протоиерей о[тец] Сергий Чан*, служил благолепно. Хор пел хорошо и проникновенно.

[2]Китайские студенты безобразничают: в Пекине 2000 человек из разных колледжей, лицея и университета, собравшись на вокзале, потребовали отправки их в Нанкин, для того чтобы «довести до сведения правительства их взгляды в отношении заключения немедленного мира с Кантоном и нежелательности устройства нейтральной зоны». А самое главное, потребовать войны с Японией. Когда начальник станции Пекин отказался дать паровозы, студенты захватили вокзал и более чем на сутки расстроили все железнодорожное движение. То же самое проделали они и на станциях Фынтай и Цинанфу; в Цинанфу они учинили грандиозный дебош, перебив в станционных зданиях оконные стекла и переломав мебель. Принять решительные меры против них власти опасаются, так как на стороне демонстрантов – общественное сочувствие.

Доиграются китайцы: требуют войны с Японией и, конечно, ее получат. Но чем она для них кончится – над этим им очень и очень следовало бы подумать.

Генерал Хонджо (главнокомандующий японскими армиями в Маньчжурии) послал «последнее и окончательное предупреждение» маршалу Чжан Сюэляну о немедленной эвакуации всех китайских войск из Чинчжоу и вообще из западной части Маньчжурии, так как «продолжающаяся их концентрация является чрезвычайно провокационной».

«Последнее и окончательное предупреждение» – это звучит достаточно грозно. Все-таки дело пахнет войной, и бедная Лига Наций ничего не сможет с этим поделать. Недаром Альфред Цзе (китайский делегат Лиги) и Веллингтон Ку (министр иностранных дел у Чан-Кайши) подали на днях в отставку. Правда, после уговоров и упрашивания они остались на своих постах.

9 декабря. [3]День Св[ятого] Иннокентия, двухсотлетие со дня кончины Иркутского чудотворца. В Иннокентьевской церкви утром было торжественное богослужение. Хор под управлением Лобая

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.
[3] Записи И.И.Серебренникова.

исполнял ряд выдающихся песнопений русских церковных композиторов. В Покровской церкви сибирский праздник ничем не был отмечен.

10 декабря. [1]Получил письмо от А.Е.Герасимова* из Харбина. На мой запрос, справедливы ли слухи об аресте белых в Харбине, он ответил мне следующее: «Относительно ареста белых лидеров... Все это утки. Утки из газет, живем пока, слава Богу, ни на что не можем пожаловаться. Настолько спокойно, что как будто никаких событий нет. Вот у вас там, по газетам, действительно неспокойно. Да какое там спокойствие, когда пушки начинают разговаривать между собой»[2].

[3]Вчера я была, первый раз в сезоне, в нашем «театре», в Гордон-холле. Смотрела «Василису Мелентьеву». Вопреки моим опасениям, пьеса прошла весьма прилично. Томской – Грозный, Туманова – Василиса и Григорьева – царица Анна были почти хороши. Говорю «почти», потому что, на мой избалованный театральной вкус, у всех трех кое-чего не хватало. Зал Гордон-холла был переполнен. Было много евреев, пожалуй, больше, чем русских: была молодежь, но далеко не в таком количестве, как я желала бы видеть. Прекрасная пьеса Островского, его сочный, красивый, выразительный язык могут, даже при посредственной игре актеров, доставить большое наслаждение. Пьеса даст и полное знакомство с эпохой, и Грозный в ней зарисован верными чертами. Но что поделаешь: нет у нашей молодежи интереса к прошлому России, и никак его не пробудить.

Сегодня моя очередная лекция, и я совсем не вовремя «загуляла», вчера пропустила вечер для подготовки. Но зато сегодня проработала все утро и как будто хорошо овладела темой.

11 декабря. [4]Как ни старайся оптимистически смотреть на положение дел в Китае, все же ничего хорошего не видишь. Можно опасаться, что страна опустится в пучину анархии...

[5]Вчерашняя моя лекция прошла, совершенно неожиданно для меня, с большим успехом. От[ец] Виктор, в первый раз оставшийся после своей лекции меня послушать, подошел потом ко мне, поблагодарил меня и сказал, что ему чрезвычайно понравилось, что у меня большие знания и что я «прекрасно читаю». За ним подошла ко мне m[ada]me Питерс и, горячо пожимая мне руки, говорила, что она «наслаждалась» сегодня моей лекцией, и тоже благодарила меня. Кто-то из молодежи за моей спиной сказал: «Чудно, чудно! Хорошо читает!» И Курбатовы, с которыми я возвращалась домой, тоже выразили мне свое полное одобрение, и Елизавета Степ[анов]на [Питерс] намеревается даже ходить слушать меня каждый четверг. Этот успехом очень окрылил меня: все же недаром, значит, работаю. Муж мой искренне порадовался, когда я рассказала ему о своем «триумфе».

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Позднее японские власти арестуют и вышлют из Харбина генерала К.К.Акинтиевского, генерала Е.Г.Сычева, профессора В.А.Белобродского, профессора М.П.Головачева, И.Ф.Бромиллера и др.

[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

[4] Записи И.И.Серебренникова.

[5] Записи А.Н.Серебренниковой.

Вечером, после лекции, я опять была в Гордон-холле: на этот раз слушала Л.Моложатова, который давал свой прощальный концерт. Публики было немного, и это, вероятно, отразилось на настроении Моложатова: он пел как-то вяло и утомленно. Мне очень жаль его: трудно ему будет выехать за границу, не набрать средств. Русская колония здесь к нему, по-видимому, равнодушна: не поддержала его даже в его прощальном концерте[1]. Он, говорят, очень скромный и славный молодой человек; живет, отказывая себе в лишнем куске, чтобы скопить денег на поездку в Италию для усовершенствования голоса. Но все его концерты, вероятно, не так много дают ему. Голос Моложатова хорош – мягкий, высокий баритон красивого тембра; у него отличная дикция, что не часто бывает и у законченных оперных певцов. Но отсутствие школы сильно чувствуется, и поэтому оперные арии ему совершенно не удаются; в песенном же репертуаре он имеет заслуженный успех.

Вчера вечером выпал первый в этом году небольшой снег, было тепло и тихо; а сегодня к утру налетела буря и целый день бушует, заморозив у нас в квартире все окна. Холод сделался страшный. В печных трубах шумит и воет вьюга, и этот шум так сильно напомнил мне наши российские вьюги в далеком прошлом, когда тепло и уютно в натопленной комнате, трещат дрова в топящейся печке, а за плечами еще такая молодая жизнь!!!

За эти дни в Тяньцзине еще одно самоубийство: отравилась, и тоже сулемой, З.Н.Голяновская, бывшая харбинская учительница, уже немолодая женщина, мать троих взрослых детей. Причины неизвестны. За девять лет нашей жизни в Тяньцзине я не помню подобный эпидемии самоубийств.

Позавчера, *9-го*, в Русском клубе торжественно справлялся праздник Георгиевских кавалеров. Хорошие речи произнесли ген[ерал] Вержбицкий и ген[ерал] Карамышев*; последний сказал, между прочим, что «мировая обстановка меняется, и нужно надеяться, что через туманную завесу ее откроется та дорога к восстановлению России, по которой первыми должны пойти русские воины, носящие высокий знак человеческого духа и самопожертвования». Дай Бог, чтобы это было так. Не хочется умереть, не дождавшись возвращения на Родину.

Об японо-китайской войне по-прежнему ни слуху, ни духу. Китайцы-беженцы начинают постепенно возвращаться в туземный город и на Японскую концессию.

12 декабря. [2]Утром спутешествовал в Китайский город и побывал в Бюро общественной безопасности, где предъявил свой паспорт для обмена на новый. Вперед прошел туда пешком через бывшую Германскую концессию, Британскую, Французскую, б[ывшую] Русскую, Итальянскую и б[ывшую] Австрийскую концессии. Для

---

[1] Вероятно, это было связано с тем, что Л.Моложатов придерживался советской ориентации. См.: Кто играет «волка в овечьей шкуре»? Предатель Моложатов – в истинном свете // Возрождение Азии. 1934. 12 июля.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

возвращения домой избрал другой путь, прошел в глубь Китайского города и затем вышел на Японскую концессию, которую и пересек по главной ее улице. В Китайском городе много лавок еще закрыто. На Японской концессии почти повсюду видны проволочные заграждения и баррикады из мешков с землей. Каких-либо разрушений и даже следов пуль на зданиях не заметил. Прогулка вышла бы отличная, если бы не мороз (10 градусов ниже нуля по Цельсию) и не сильный ветер с песком и пылью. Сильно засорил свои глаза.

[1]Очень холодно сегодня: не переставая, дует резкий северный ветер. Вчера было 12 градусов ниже нуля, сегодня – 10. По-сибирски это пустяки, даже и не мороз: здесь же мы страшно зябнем. Я второй день не показываю носа на улицу, боясь простуды: каждую зиму я болею по несколько раз инфлюэнцей.

Татьяна Шелестян умерла вчера вечером. Были применены все способы спасти ее, но, видимо, против сулемы нет лекарства. Нам говорили, что бедная девушка жалела о своем поступке и очень хотела поправиться и снова жить.

Вчера я начала работу по отделке и переписке новых мемуаров мужа: 1901–1916 годы. В дальнейшем предстоит перепечатывание их на машинке. Этой работы хватит мне, вероятно, до поздней весны. Хочу еще переработать и сократить мою статью об Имп[ераторе] Александре I и Федоре Кузьмиче. Так и не удалось мне устроить ее где-либо в печати[2].

Сейчас был у нас Фед[ор] Ст[епанович] М[осквити]н*. В разговоре с ним я выразила сожаление, что нет у нас в эмиграции талантливого бытописателя, который дал бы полную картину беженской жизни: быта беженцев, их теперешней психологии, мировоззрения, горя, радостей, любви, флирта и пр. Федор Ст[епанови]ч сказал: «Вот вам, кстати, беженский “анекдот”, случившийся на днях в Тяньцзине». И рассказал этот анекдот. За одной русской дамой ухаживал иностранец и добивался ее взаимности. У нее была вторая подруга и напарница, и они вместе придумали хитроумный план «обработать» иностранца, который был порядочно скуповат. Где-то назначено было свидание влюбленной пары; подруга расположилась в соседней комнате. В разгар свидания дама, бывшая с иностранцем, выбросила за двери его брюки, которые тотчас же подхватила наперсница. После этого иностранцу было предъявлено требование немедленной уплаты двух тысяч долларов; в противном случае, брюки будут отосланы его жене. Как ни вертелся бедный ловелас, но вынужден был в конце концов подписать чек на 2000 долларов.

13 декабря. [3]Воскресенье. Провел почти весь день дома. Вечером были гости.

[4]Был мой ученик Дмитровский и принес мне экзаменационную бумагу по русскому языку: он держит на Junior в Grammar School.

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.
[2] В окончательном виде издана: Серебренникова А.Н. Великая легенда. Сан-Франциско. 1967.
[3] Записи И.И.Серебренникова.
[4] Записи А.Н.Серебренниковой.

Русских переводов нынче только два: отрывок из «Отцы и дети» Тургенева и стихотворение Некрасова «Внимая ужасам войны». Английские переводы, как всегда, очень легкие. В грамматических упражнениях почти все ученики споткнулись на одном слове. Задание было таково: give the genitive and instrumental singular of the nouns. Никто из учеников не знал «instrumental» – обозначение творительного падежа. Я с моими учениками применяла другое название этого падежа: ablative.

Днепровские, брат и сестра, как будто хорошо справились с работой. Как Кожевина – не знаю. Ее неспособность и несообразительность порой приводили меня в отчаяние.

Приходил Ширман и рассказывал мне о том, как он выполнил русскую бумагу, следующими словами: «Транслэйшонс все были очень легкие. Композишон я, конечно, не брал. По грамматике я два писа сделал хорошо, а в одном сделал нисколько мистэйкс». На таком русско-английском жаргоне говорит здесь почти вся русская и еврейская молодежь. «Он получил хороший эдукэйшон», «там плохие транспортэшонс», «это сделает мне троблс» – вот образцы этого жаргона. Я его не люблю и всегда добиваюсь от моих учеников, чтобы они нашли вместо английских соответствующие русские слова.

Сегодня оттеплило, ноль градусов. Но стены квартиры промерзли за два дня, и в комнатах очень свежо.

14 декабря. [1]Студенты в Нанкине разрушают последние остатки государственного порядка в Китае. Говорят, что их набралось в новой столице страны до 50 000 человек. Бушуют, требуют объявления войны Японии. Чиновники в страхе разбегаются по домам. Министерства перестают работать... Позор!

[2]В Тяньцзине произошел ужасный случай. Из Французского арсенала возвращались в город позавчера в 8 часов вечера на двух автомобилях командующий Французскими войсками здесь Нуарэ с женой, французский консул Леписье, тоже с женой, madame Фондэ, с дочерью, monsieur Нуфар, и еще две дамы – все французы. Было темно, дорога освещалась только фарами их автомобилей. Первая машина управлялась русским шофером, который вел ее очень осторожно. Доехав до пересечения шоссе с железнодорожной линией, шофер остановил машину, осмотрел переезд и потом двинулся дальше. Второй автомобиль осторожно въехал на насыпь и стал пересекать рельсы. В это время из ночной тьмы внезапно появился шедший без всяких гудков поезд и со страшной силой врезался в машину, перерезав ее, как острым ножом, пополам. Удар пришелся как раз по кузову автомобиля, где сидели дамы. Мужчины, сидевшие впереди, были силой ужасного толчка выброшены из машины и перекинуты через насыпь, получив ушибы, но оставшись в живых. Г[оспо]жа Фондэ с дочерью, тяжелораненые, потеряли сознание. На уцелевшей машине их немедленно увезли во Французский госпиталь, где положение их

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

признано весьма серьезным. Г[оспо]жа Нуарэ, жена командующего, умерла на месте.

Надо только представить себе весь ужас этой катастрофы в ночной темноте, ее внезапность для людей, весело и беспечно ехавших, вероятно, с приятной праздничной прогулки, здоровых, полных жизни. Почему не было в опасном месте пересечения путей ни шлагбаума, ни специального сторожа, ни даже фонаря? Что за преступная небрежность жел[езно]-дорожной администрации?

Китайские власти не разрешили хоронить Татьяну Шелестян, усмотрев в обстоятельствах ее смерти нечто криминальное. Была уже совершена панихида о[тцом] Виктором (перед смертью девушка просила пригласить его к ней, раскаялась в своем поступке, исповедалась и причастилась – и о[тец] Виктор простил несчастную); собралось на кладбище много народу, принесены были груды цветов и венков; многие горько плакали над гробом юной самоубийцы. И в этот момент, когда гроб готовились опустить в могилу, пришло запрещение хоронить.

День у меня сегодня прошел как-то пусто. Бегала по лавкам, была у портнихи – нужно к Рождеству подготовить старое крепдешиновое платье. Встретилась с Анной Павловной, и она весьма энергично утащила меня к себе: там я и поужинала и домой вернулась в 11 часов. Очень смущала меня мысль о муже, который, вероятно, беспокоился за меня, не зная, где я могла запропасть.

15 декабря. [1]Организованный мною научный кружок рассыпался, и заседание его сегодня не состоялось. Приписываю это интригам Дьякова и Кожсурова*.

[2]Погода снова испортилась: опять дует холодный ветер, от которого сильнее болят мои руки.

Готовлюсь к очередной лекции 17-го, послезавтра. Тема предстоит скучная: о начале письменности на Руси, духовный характер литературы того времени, Нестор*, поучение Мономаха. Надо очень тщательно эту тему разрабатывать, чтобы слушатели не заскучали.

Утром по приглашению Елиз[аветы] Алексеевны [Лавдовской] пила у нее кофе. Мила много рассказывала о местных дамах, любительницах флирта и маджана; она наблюдательна и умеет живо и остроумно передать свои наблюдения. Между прочим, говорила она об Ольге Як[овлевне] В., как последняя увлекается маджаном – до того, что для нее не существует ни дома, ни обязанностей по хозяйству, все забыто; муж и сын приходят домой, один со службы, другой из школы, без нее, а она целый день, с утра до поздней ночи, играет, не вставая из-за стола, тут же наскоро закусывая или ужиная.

Действительно, сумасшествие какое-то, «род недуга», этот маджан. А сколько споров и ссор происходит при маджанных расчетах, взаимных обвинений в неточности или недобросовестности! Милочка с юмором рассказывала, как одна из «маджанниц» проигрывает помногу и никогда не платит, но зато весьма решительно требует с

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

партнеров свои выигрыши. Другая выдает читы на свои проигрыши и забывает о них годами; третья готова устроить скандал из-за какой-то лишней насчитанной на нее десятки, которая равняется сумме меньше одного цента, и т.д. Все они друг над другом за глаза посмеиваются и ехидничают, не видя бревна в собственном глазу.

Меня не привлекает маджан; мне до смерти скучен даже вид играющих. Единственная игра, которой я могу очень сильно увлечься – это рулетка. Помню, когда-то в Иркутске мы с мужем играли в домашнюю рулетку у агронома Ш-ко. Мне везло, я выигрывала почти каждую ставку и, наконец, к двум часам ночи опустошила весь банк, который равнялся, кажется, всего трем—четырем рублям. В Тяньцзине мне случалось нередко играть у Коковиных в особую рулетку – «лошадки». И также мне все время везло до неприличия, я обыгрывала и хозяев, и других гостей, принимавших участие в игре. Какой-то внутренний голос всегда подсказывал мне, на какую цифру нужно поставить, чтобы выиграть. Иногда я советовала цифру мужу – и он выигрывал на нее. Жаль, что мне никогда не пришлось поиграть в настоящую рулетку, в Монте-Карло: я уверена, что могла бы выиграть там крупные суммы, ибо таинственный внутренний голос безошибочно руководил мной во многих случаях моей жизни. Теперь он ослабел, я стала редко его слышать.

Несчастную самоубийцу Шелестян, наконец, похоронили. Китайские власти вызывали на допрос мать, брата и отчима покойной и, видимо, удовлетворившись их объяснениями, дали разрешение на похороны.

16 декабря. [1]Газеты сообщили сегодня об отставке генерала Чжан Кайши*, главы правительства Китая, когда-то начавшего свою карьеру государственного деятеля при помощи русских большевиков. Ничего доброго эта отставка не предвещает для страны...

[2] Была у нас Ольга Павловна Злоказова*, просидела долго; пили чай, беседовали. Говорить с ней интересно; она интеллигентна, живо всем интересуется, несмотря на свои 50 с лишком лет; разбирается толково в литературе и музыке. Когда-то Злоказовы были очень богаты, владея известными по Сибири и Уралу суконными фабриками и еще какими-то заводами; Ольга Павловна в свое время бывала и за границей, а у себя на заводе жила настоящей барыней-помещицей с боннами и гувернантками для детей и многочисленным штатом прислуги. После революции они выбрались сюда всей семьей, вывезя бриллианты и другие ценности и несколько десятков тысяч денег. Но деньги быстро растаяли в неудачных предприятиях, которые затевал покойный ныне Н.Ф.Злоказов*; семья была велика, всех нужно было учить, жить же расчетливо они никак не могли научиться, да и до сих пор не научились. Постепенно дети, вырастая, устраивались на службу; две дочери, Вера и Татьяна, вышли замуж, но неудачно: обе ушли от своих мужей, одна через две недели, другая через три года, бросив мужу двухлетнюю дочку. Третья дочь, Елена, уже лет пять замужем за бароном П.Г.Гюне;

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

жили они хорошо, но нынче с ним случилось несчастье: он заболел параличом и уже около года лежит недвижим, потеряв прекрасную службу в солидном иностранном предприятии. Нынешним летом вышла замуж четвертая дочь, Магдалина; как сложится ее семейная жизнь, неизвестно. В городе держится мнение, что над домом Злоказовых тяготеет какой-то рок: три несчастных брака в одной семье.

Сейчас Злоказовы живут в небольшой квартире, вдали от центра, и всегда плачутся на отсутствие денег. По словам Ольги Павловны, много золотых и серебряных ее вещей пропало в ломбарде. По старой привычке она любит устраивать большие приемы: чуть ли не весь город у них бывает. А это стоит немалых денег. Поэтому, конечно, им всегда не хватает средств, и на помощь приходят ломбарды. Множество вещей пропадает в этих ломбардах. Здешний русский ломбард ежемесячно публикует списки просроченных квитанций – иногда целые столбцы, и устраивает аукционную продажу невыкупленных вещей. Все это ведь наша беженская беднота теряет свое последнее ценное достояние.

[Замазаны две строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

17 декабря. [1]Читал известную работу Джемса Фрэзера* «Золотая ветвь», касающуюся вопросов магии и религии[2]. Это советское издание научного общества «Атеист» в четырех выпусках, на корке каждого идиотский советский афоризм «Религия – дурман для народа». Вопросами первобытной религии я интересуюсь уже давно. Когда-то, еще в Сибири, я проглотил много книг, брошюр и статей по шаманизму сибирских инородцев. Живя в Китае, я основательно ознакомился, по английским источникам, с религиями китайцев. Кое-что прочел интересное в этом отношении о Тибете, Монголии, Индокитае. Имею теперь в своем распоряжении много сравнительного материала. Будь я сейчас в Сибири, я смог бы написать интересный труд о шаманизме.

18 декабря. [3]Был сегодня в Китайском городе, получил свой паспорт. Заметил, что Бюро общественной безопасности усиленно охраняется полицейскими нарядами.

[4]Вчера с утра сидела за подготовкой к лекции. Весь день чувствовала себя неважно, простудилась, когда была за рекой у Анны Павловны и получила жестокий «прострел». Но к вечеру справилась как-то со своим нездоровьем и лекцию свою читала, как обычно. Слушателей было очень немного, человек 17. Эта малочисленность аудитории сильно меня расхолаживает. Стоит ли так много работать, затрачивать время, энергию и здоровье для пятнадцати человек? Мне сказали, что посещаемость лекций ослабела из-за близости английского Рождества, которое многие русские семьи здесь празднуют вместо своего. Но все равно это не меняет дела.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Джеймс Д.Ф. издал в 1890 г. двухтомную кн. «Золотая ветвь», в 1923 г. выпустил популярное издание своего труда. Вскоре появилось французское издание «Золотой ветви», с которого был сделан и первый русский перевод (1928).

[3] Записи И.И.Серебренникова.

[4] Записи А.Н.Серебренниковой.

Сегодня состоялась Rummage Sale (мы зовем ее попросту барахолкой), устраиваемая ежегодно зимой и весной Английским дамским благотворительным обществом. Куча всевозможных ношеных вещей наваливается в корзины и продается по самым низким ценам. В прошлом году я купила там два–три платья по 80 центов, хорошую вязаную шаль за 40 центов и т.п. Нынче же не купила ничего: платья расценены дорого, и, кроме того, столько народу толпилось у всех столов, что я никуда не могла пробиться. Махнула на все рукой и ушла. Этими распродажами англичанки выручают большие суммы для своих благотворительных организаций. Часть этих сумм идет потом на помощь и нашей русской бедноте.

Вчера, после моей лекции, о[тец] Виктор прочел «слово» по поводу последних тяньцзиньских самоубийств. Говорил он о том, что мы, старшие, мало любви и внимания уделяем молодежи; нужно больше заботится о своих детях, ближе подойти к их душе. Детям же тоже больше нужно любить близких своих, верить в Бога, в его бесконечное милосердие, не впадать в уныние – все поправимо, нет бесконечного несчастья на земле. В заключение о[тец] Виктор рекомендовал молодежи «меньше внимания уделять развлечениям – танцам и кино, чтению легких книг, а больше сидеть дома, читать серьезные книги, накапливать знания».

Навряд ли эти слова дойдут до сердец нашей молодежи. Она здесь почти вся интернациональна; легкая, беззаботная жизнь колониального города, среди обеспеченных иностранцев, оказывает на нее сильное влияние и постепенно вытравливает всякую память о России, обо всем русском. Многие молодые люди, окончившие здесь колледжи, стараются говорить только по-английски, меняют свои имена на английский лад – Эжен, Волтер и т.п. Это глубоко печальное явление, в котором, может быть, и не так виновна молодежь: ведь многие из них родились в Китае и с самого раннего детства впитали в себя чуждый английский дух. Русских училищ здесь нет, кроме первоначальной школы; окончание иностранного колледжа даст возможность быстро устроиться на службу – это никак нельзя сбросить со счетов. И волей-неволей русские юноши и девушки выходят из колледжей полуангличанами, пренебрегая русским языком даже и в разговоре.

19 декабря. [1]Рождественские каникулы. У меня много свободного времени. Сегодня просидел несколько часов над своими мемуарами, почти довел их до 1912 года. Написал уже 240 страниц. Жена скоро собирается начать стилистическую отделку их.

[2]В шанхайской газете «Слово» печатаются переведенные с английского выдержки из мемуаров Вел[икого] Кн[язя] Александра Михайловича* «Последний император»[3]. Облик Николая II-го зарисован здесь чрезвычайно выпуклыми чертами. Между прочим, в[еликий] к[нязь] пишет: «Он обладал всеми лучшими качествами, похвальными

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Переизд.: Александр Михайлович (Великий князь). Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний. М., 1991.

для простого смертного, но фатальными для царя. Если бы он был рожден простым гражданином, он был бы гордостью своих сограждан». «Он почитал память отца и боготворил его, он был преданным мужем, считал присягу ненарушимой, был безмерно честен, вежлив и скромен до самых последних своих дней. Но ирония судьбы превратила все его добродетели в смертоносное оружие разрушения...»

20 декабря. [1]Обедал сегодня у Злоказовых, когда-то бывшей богатой семьи из Екатеринбурга. Здесь встретился с Маляревскими*, моими друзьями еще по пекинской жизни. Они уезжают на днях в Харбин, куда переводится m[ada]me Малеревская по своей службе в немецкой конторе. Люди куда-то двигаются, я с 1922 года все сижу в Тяньцзине. Не придется ли мне сложить тут и свои кости?

[2]Вчера вечером я неожиданно попала в Гордон-холл: смотрела «Торговый дом» Сургучева. Н.В.Семенова имела две контрамарки и одну предложила мне. Пьеса мне не понравилась: нудные диалоги, истеричность и совсем уж неприятное впечатление производит в одном действии панихидное пение за сценой. Играли прилично. В.И.Томский был хорош, и положительно начинает мне нравиться Лавровский: умно играет и дает верный тип. Давыдова в драматических ролях всегда мне нравилась. Не выношу я только одного Дьякова.

Сегодня утром мы с мужем сделали большую прогулку. Погода была на редкость теплая; чудесное синее небо и яркое солнце так мало напоминали обычно дымный, закопченный Тяньцзинь. Потом муж завтракал, по приглашению, у Злоказовых, я же от этого уклонилась и осталась дома. В пять часов оба мы были, по случаю вчерашних Колиных именин, у Михайловых. У них много новых пластинок и чудная виктрола, которую Коле дали на два дня из магазина Мутри, где он служит. Слушали мы «Сашеньку» – попурри из русских и цыганских песен в исполнении прекрасного лондонского оркестра, старые русские полковые марши, вальс «На сопках Маньчжурии» – все это ложилось на мою душу гнетом страшной печали... Божественно пел Шаляпин сцену «Смерть Бориса Годунова»; неотразимое впечатление производит эта сцена: трагическая музыка, перезвон колоколов, молитвенный хор и полное драматизма пение умирающего царя.

Последние дни я много времени посвящаю чтению и отделке мемуаров моего мужа. Его память хорошо сохранила все факты нашей прошлой жизни – молодости нашей, годов, проведенных в Иркутске, потом в Петербурге, среди друзей, в кипучей работе... Вся эта бесконечно дорогая картина встает сейчас перед моими глазами так ярко, отчетливо. Этот сладкий сон о прошлом щемит мне душу тихой тоской; все, что было там дурного и печального, сгладилось, забылось – сияет немеркнущим светом только невозвратимая его красота.

21 декабря. [3]Весь день провел в литературной работе. Эта работа – почти единственное мое утешение. Жду все вестей из Америки...

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Записи И.И.Серебренникова.

[1]Сегодня пришла ко мне дама – я видела ее в первый раз – моложавая, хорошенькая, нарядно одетая; отрекомендовалась матерью нашего ученика Чекрыгина. Краснея и конфузясь, сказала, что она хотела бы заниматься со мной русским языком и арифметикой, так как имеет недостаточное образование, да и то, что знала, забыла. Я с радостью согласилась: сейчас мне лишний урок, как нельзя более кстати. Она осведомилась, между прочим, есть ли у нас свободная комната, «чтобы кто-нибудь не увидал, как она занимается». Мы разговорились; она рассказала, что она замужем второй раз за состоятельным японцем, и сообщила некоторые интересные факты из своей жизни. Но в это время пришли Жозефина Осиповна с Елизаветой Степановной, и моя гостья поспешно распростилась со мной.

С завтрашнего дня я начну с ней заниматься, а через два дня – первый урок с Биной Кобулянским, так что до Рождества у меня уже есть двое учеников. С января же их будет у меня человек 7–8.

Начала сегодня переписывать выправленные мною страницы мемуаров мужа. Эту работу я люблю и делаю ее в высшей степени охотно. Завтра нужно готовиться к моей лекции 24-го. В общем, работы у меня немало.

Ходили с мужем вечером гулять, прошлись по Виктории-род и разглядывали праздничные выставки в окнах. Все магазины приукрасились, блещут огнями, кое-где в окнах горят освещенные электричеством елки, увешанные игрушками.

Через три дня – английское Рождество: моя лекция придется как раз в сочельник, и я думаю, что слушателей будет мало.

22 декабря. [2]Сегодня первый раз за зиму повалил пышными хлопьями снег: редкая для Тяньцзиня картина. Все на улице побелело. В городе чувствуется приближение Рождества: все магазинные витрины нарядно убраны, выставлены лучшие вещи для подарков, много игрушек. Всюду можно увидеть рождественского доброго дедушку с мешком за спиной и подарками для детей. Послезавтра у иностранцев зажгутся елки.

[3]Сегодня с утра падает густыми хлопьями снег. С маленькими перерывами он шел почти весь день. Хотя здешний снег не похож на русский – он теплый, мягкий и, падая на землю, быстро превращается в грязь, – но все-таки смотреть из окна на снегопад было очень приятно. Сейчас 10 часов вечера. Слегка подморозило, и улицы покрыты ровной белой пеленой.

Как-то особенно тихо бывает всегда в воздухе во время выпадения снега: голоса и звуки на улице раздаются громче и яснее. Вспоминаю чудесную тишину наших сибирских зимних дней, когда солнце стоит в розовом тумане, дым из труб прямым столбом поднимается кверху, и под ногами вкусно и звучно скрипит крепкий, слежавшийся снег. В дни же снегопада у нас в Иркутске, я помню, не могла усидеть дома

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.
[2] Записи И.И.Серебренникова.
[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

и отправлялась бродить по улицам, с наслаждением подставляя лицо падающим снежинкам и всей грудью вдыхая свежий, мягкий, ароматный воздух...

Местный английский Лайонс-клуб придумал нынче вместо ежегодной рождественской елки для беднейших детей города раздачу подарков – корзин с продуктами. Каждый такой подарок состоит из корзины с овощами: картошкой, луком, морковью, капустой и свеклой; затем дается целый кусок колбасы, курица, два фунта китайского чая, две сайки, яблоки, мука, рис и сладкий крендель. Мне кажется, что это отличная мысль: елок и так устанавливается много, а подарки с них обычно даются пустячные. Теперь же целая семья сможет прокормиться таким рождественским подарком довольно долгое время. По просьбе Лайонс-клуба «Ясли» прислали ему список 30-ти ближайших русских семей, которые, значит, тоже получили к Рождеству эти подарки.

Английские благотворительные организации делают немало добра для русских беженцев здесь. Ротари-клуб каждое лето организует месячный отдых для детей или в Пекинских горах, или на море в Пэйтайхо бесплатно. Много русских детей попадают туда, живут в прекрасных условиях, хорошо питаются. Английский муниципалитет ежегодно вносит определенную сумму в Русскую школу и Русскую больницу; частные лица из среды иностранцев, а также иностранные воинские части делают иногда щедрые пожертвования на «Ясли» и другие беженские благотворительные учреждения, не говоря уже о том, что иностранцы охотно поддерживают все русские многочисленные благотворительные балы и своим присутствием, и пожертвованиями на буфет и чайный стол на этих балах.

23 декабря. [1]Плохо себя чувствую: моя болезнь, альвеолярная пиорея, сильно меня донимает.

[2]Несмотря на мороз, разрисовавший сегодня узорами все стекла в окнах нашей квартиры, я решила все-таки погулять утром: очень уж весело сияло солнце, под которым блестел нерастаявший вчерашний снег. Оказалось, и мороз-то пустячный, всего семь градусов, и я отлично пробежалась по Виктории-род.

В пять часов мы с Елиз[аветой] Алексеевной пошли в Эмпайр-театр смотреть Рамона Наварро в картине «Рассвет». Меня соблазнило в этой картине обещанное музыкальное сопровождение. Нам показали на экране жизнь довоенной Вены, кутежи блестящих гвардейских офицеров, веселье в ночных ресторанах, казино; на этом фоне разыгрывается изящный, красивый роман. В картине много музыки: штраусовские вальсы (которые сейчас снова вошли в моду), «Сказки Гофмана» Оффенбаха и еще какие-то старые, хорошо знакомые и бесконечно милые мелодии, напоминающие мне о далекой молодости.

После ужина Лида позвала меня пробежаться, посмотреть вечерние рождественские выставки в окнах. В Виктория-парк горела

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

бесчисленными разноцветными электрическими огнями громадная елка, которую каждый год к Рождеству Ротари-клуб воздвигает перед зданием Гордон-холла. Возле елки, на специальных подставках, ярко горит электрическая надпись «Peace and good will» (мир и благоволение). Улица была почти безлюдна – порядочно морозило, – и елка торжественно и одиноко возвышалась к небу, отбрасывая на белый снег разноцветные отблески.

У Кислинга в окне стоит большой рождественский дед, нагруженный подарками, шевелится, перебирает ногами; рядом с ним вертится вокруг своей оси тоненькая разукрашенная елочка. В книжном магазине «Знание» – русская деревушка среди снегов, нарисованная П.И.Скорняковым; окна избушек светятся огоньками. В Бейянг-пресс – тоже русская деревня; по снежной дороге плетется мужичок на дровнях, и кругом белые снеговые просторы. Работа, кажется, художника Примакова; нарисовано хорошо.

Пробежавшись по морозу, собираюсь пораньше лечь спать: завтра моя лекция, а я еще не подготовилась к ней.

24 декабря. [1]Канун иностранного Рождества. Город полон движения. Магазины работают вовсю. Вечером у меня «на пельменях» были гости. С гостями я немного развлекся и отвлекся от моих надоедливых дум.

25 декабря. [2]Сегодня кончил писать свои мемуары за 1901–1916 годы. Написал более 300 страниц. Теперь большая работа предстоит моей жене по стилистической их отделке.

[3]Вчера безвыходно просидела дома, вплоть до лекции: просмотрела материалы, подготовила образцы для чтения. В этот раз я разбирала литературные памятки 12–16 столетий: «Поучение Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Хождение игумена Даниила в Св[ятую] Землю», «Домострой», «Переписку князя Курбского с Иоанном Грозным». Читала я спокойно, уверенно и гладко. Слушателей было человек двадцать.

Вечером у меня были пельмени, ужинали Курбатовы и Михайловы. Таким образом мы отпраздновали иностранный сочельник.

Сегодня я нагоняла запущенную домашнюю работу: занималась стиркой, разборкой и починкой принесенного от прачки белья, уборкой кухни, гладила. Зашла Анна Павловна, позвала меня на второй день Рождества к ней: это день рождения Игоря, моего маленького ученика; будет елка.

Сейчас 11 часов вечера – послышался какой-то шум на улице, возбужденные голоса. Я потушила свет и выглянула из-за занавесок в окно. Большие толпы английских солдат и итальянских марин двигались по улице навстречу друг другу, громко крича и жестикулируя. Потом англичане скрылись, а итальянцы быстрыми шагами направились к Таку-род; некоторые из них по дороге обламывали и уносили с собой толстые ветки уличных деревьев. У англичан в руках тоже были какие-то деревянные обломки и палки. Очевидно, назревала драка в одном из баров; это нередко бывает здесь между перепившимися солдатами иностранных гарнизонов.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.
[2] Записи И.И.Серебренникова.
[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

26 декабря. [1]В городе снова тревожно. Японцы опять начали возводить баррикады на своей концессии. Сегодня в город должно прийти много японских солдат из Танку.

27 декабря. [2]Вчера вечером наблюдал грандиозную драку между итальянскими морскими пехотинцами и английскими солдатами. Сегодня город полон разговоров об этом происшествии.

[3]Вчера вечером опять возобновилась англо-итальянская драка. Группы солдат бегали, на этот раз совершенно трезвых, бегали по нашей улице, и у итальянцев были уже револьверы в руках. Мы с мужем боялись, что начнется стрельба, и пули могут залететь в наши окна. Но тут быстро явились на сцену итальянские офицеры и начали по частям уводить своих марин с поля действия. Одна такая группа, шедшая строем, встретилась при своем уходе с отрядом воинственно настроенных английских солдат; последние громко ругались, кричали итальянцам: «Салато, макарони!» и угрожающе жестикулировали, но этим дело и ограничилось. Сегодняшняя «Заря» сообщила подробности происшествия. В одном из баров подвыпивший итальянец-марин придрался к английскому солдату и ударил его; другие вступились, и пошла кутерьма. Дрались жестоко, ножками сломанных столов и стульев и бутылками из-под вина. Один итальянец серьезно ранен; несколько человек не могли подняться, их потом увезли на рикшах. Бар разгромлен до основания, все бутылки разбиты, мебель переломана. Позже драка была перенесена на Викторию-род и разгорелась снова возле Талати-отеля, где драчуны обломали много деревьев на улице. К месту происшествия были вызваны из итальянского и английского штабов военные власти; прибыл и итальянский консул; подоспела американская полиция, и драка, наконец, была ликвидирована.

Английская газета «North China Star» ни словом сегодня не обмолвилась о происшествии.

Были у нас вчера вечером Кузьмины и Лавдовские, просидели до 12 часов; за чаем и оживленным разговором незаметно прошло время. Они предложили нам встретить Новый год на компанейских началах в квартире Лавдовских. Мы с мужем согласны на это, при условии, что встреча обойдется недорого. Тут же подсчитали приблизительную сумму расходов – вышло по 1 доллару на человека. Даже с крюшоном вместо шампанского. Это для нас приемлемо.

За ночь опять выпал снег. Утром мы с мужем пробежались по Виктории-род, видели следы вчерашней битвы – обломанные сучья деревьев и перевернутые скамьи в парке. Очень тепло, выпавший снег превратился в жидкую грязь, которая моментально промочила насквозь подошвы нашей легкой обуви. Я зашла к Марии Сергеевне, взяла у нее последние номера харбинского «Рубежа»[4] и устроила себе отдых.

---

[1] Записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи И.И.Серебренникова.

[3] Записи А.Н.Серебренниковой.

[4] Рубеж: Еженед. лит.-худ. журн. Харбин, 1926. № 1 (22 авг.). Основатели преследовали цель создать на Дальнем Востоке журнал, подобный «Иллюстрированной России», которая издавалась в Париже. Последний № 862 (1945), большинство сотрудников депортировано и репрессировано.

Закончила сейчас книгу Ремарка «На западном фронте без перемен». Страшная книга. Прочтя ее, действительно почувствуешь навеки ужас и отвращение к войне.

28 декабря. [1]Иностранные газеты сегодня ничего не сообщают о драке между итальянцами и англичанами. Замалчивают происшествие нарочито, заботясь о престиже иностранцев в Китае. В город продолжают прибывать японские солдаты.

[2]Погода совершенно масленичная: снег стаял, грязно, в воздухе какая-то особенная, весенняя, влажная свежесть. Чувствую себя неважно – наверное, угрожает какая-то атмосферная пертурбация. Колебания здешнего барометра всегда сильно отражаются на мне.

Муж ушел в кафе Карацаса играть в шахматы. Я одна в квартире. Снизу доносятся звуки виктролы: какая-то тягучая, невыносимо печальная мелодия; надрывно плачет саксофон, рояль и скрипка заглушенно аккомпанируют. Грустно. Мысли тянутся к близким и дорогим – там, за рубежом... Лучше сяду за работу, чтобы не давать воли тоске.

29 декабря. [3]Сдал в «Нашу Зарю» заметку «Литература эмиграции», присланную мне из Праги Русским Историческим архивом для пропаганды его задач и целей. Заметка говорит о том, что литература эмиграции может уже исчисляться в десятках тысяч названий. Мне кажется, эта литература должна будет занять видное место в истории русской духовной культуры, что когда-нибудь и будет отмечено историками эмиграции. Но, кроме литературы, многое сделано еще и в области музыки, живописи, скульптуры, балета и т.д. Благодаря эмиграции мир близко познакомился теперь с русскими достижениями во всех видах искусства.

30 декабря. Виделся сегодня с женой местного коммерсанта немца Г., русской. Она с супругом недавно вернулась из Германии через Советскую Россию и поэтому смогла рассказать мне много интересного из своих советских впечатлений...

31 декабря. Получил сегодня из Шанхая справку о том, что мой рассказ из китайской жизни «Свадьба Городского бога» будет напечатан в газете «Слово»[4].

Новый год встречаем вскладчину у В.Н.Лавдовского.

---

[1] Здесь и далее записи И.И.Серебренникова.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

[3] Здесь и далее записи И.И.Серебренникова.

[4] Серебренников И.И. Свадьба городского бога // Парус. 1932. № 8–9.

[1]1932 год

1 января. Наступивший Новый год, если пройдет благополучно, будет во многих отношениях знаменателен для нас с женой: в нем мне исполнится 50 лет, будет также 25 лет нашей свадьбы. Нужно будет справить эти годовщины. Раньше в Китае мы при встрече Нового года всегда надеялись: ну, уж в этом году мы вернемся в Россию, а теперь перестали говорить и думать об этом...

2 января. Сегодня – выборы уполномоченных Русской национальной общины. Уполномоченные – это своего рода гласные, представители местной эмиграции. Я был в свое время организатором общины в Тяньцзине и принимал близкое участие в ее делах, но теперь я далек от нее.

3 января. Воскресенье. Дома идет генеральная приборка, предпраздничная, жена работает изо всех сил: что-то варит, печет, заготавливает наливки и настойки. Одно утешение: все это как будто у себя дома, на родине. Утверждаем русский быт в чужой стране.

4 января. Сегодня поползли по городу слухи о событиях в Харбине. Слухи пока темные и неясные.

5 января. Газеты дали сегодня первые сведения о харбинских событиях. По этим сведениям в Харбине едва ли не произошел «бунт» русских эмигрантов. Видимо, китайские издевательства над белыми, русскими вообще, переполнили чашу терпения, и произошел взрыв. Я прожил в Китае уже одиннадцать лет и скажу: нет на свете чиновника более мерзостного, пакостного, лихоимного, чем в этой стране. Разве только наша сановная коммунистическая дрянь может выдержать сравнение в этом отношении.

6 января. Сочельник. Был у всенощной в Св[ято-]Иннокентьевской церкви. Народу было полно. Была давка...

7 января. Рождество Христово. Сделал семь–восемь визитов. Жена сидела дома и принимала визитеров. Был с крестом о[тец] Сергий Чан* с диаконом о[тцом] Федором Дэ (албазинцем)*. Все было, одним словом, в порядке.

8 января. Почти весь день были гости и визитеры. Праздники начали утомлять меня.

9 января. Сведения из Харбина говорят как будто бы о том, что в недавних выступлениях здесь против китайцев принимали участие русские: не только эмигранты, но и советские[2]. Сведения эти нуждаются все же в проверке.

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 3. Л. 22–149 (последняя дата от 31 июля 1932).

[2] «Московский корреспондент "Кельн Цайтунг" подтверждает сообщение о столкновениях в Харбине между русскими и китайцами. Дело происходило так. Какой-то русский мальчик взял из витрины китайской лавки сухарь. Полицейский задержал ребенка и отвел его в полицию. Родители мальчика, сопровождаемые толпой русских ("белых")

10 января. Воскресенье. Хороший безоблачный день: в полдень термометр на солнце показывал ноль градусов. Дней через 10 кончится китайская зима, дело пойдет к весне.

11 января. Вечером был в шахматном клубе, в кафе Карацаса. Сыграл пять партий, четыре выиграл и одну сделал вничью. Лучшие игроки клуба – русские.

12 января. Закончил чтением «Золотую ветвь» Фрэзера. Это одна из самых интересных книг по истории первобытных магии и религии. Сегодня играл в шахматы с Mr. Hayor, чемпионом Гонконга, и обыграл его.

13 января. Обещанного из Америки чека на 200 америк[анских] долларов нет и нет. Почему, не знаю. С деньгами становится все труднее и труднее.

14 января. Давно не получаю ни от кого писем: переписка как-то сократилась и с некоторыми лицами приостановилась, а может быть, и оборвалась. Так, давно не получаю известий от И.А.Якушева* из Праги, от А.А.Пурина из Хулудао и некоторых других лиц.

15 января. О харбинских событиях много пишут в газетах: постепенно выявляется провокационная роль красных.

16 января. Нахожусь в апатии и прострации: как-то ни за что не хочется приниматься, нет ни к чему интереса. Со скуки сегодня снова долго играл в шахматы.

17 января. Воскресенье. У нашей квартирантки Лидочки Страндберг были гости. Один из гостей информировал меня о том, что в Харбине ведутся разговоры о создании антибольшевистского правительства.

18 января. Кажется, пора приняться за какую-нибудь работу.

19 января. Сегодня – Крещенье. Праздник прошел, однако, как будни...

20 января. Справил сегодня свои именины. Вечером собралось до десятка гостей. Были пельмени. Немножко выпили и повеселились, даже потанцевали под виктролу.

21 января. Жена возобновила сегодня чтение лекций по истории русской литературы на курсах родиноведения. На лекции народу было маловато.

22 января. Видал сегодня новогодний номер русской газеты «Мукден»[1]. Газета носит японофильский характер и, вероятно, издается на японские средства. Редактором ее является известный генерал Клерже*. В Харбине выходит японская газета «Харбинское время» на

последовали в полицию. Несколько позднее русские – "белые" и "красные" – стали возводить на улице баррикады. Были стычки с полицией. Начальник китайской полиции, нужно думать по настоянию японцев, принес извинения. Русские, однако, не удовлетворились, обратились во все иностранные миссии с протестом против гонений и потребовали назначения международной анкетной комиссии». (Последние новости. 1932. 7 янв.) «В городе продолжает чувствоваться тревожное настроение, и китайские власти на всякий случай ввели в ночное время военное положение, и ночью по улицам можно ходить только со специальными пропусками [...]» (Слово. 1932. 15 янв.)

[1] Мукден: Ежедневная вечерняя газета. 1930. № 1 (14 дек.). 1933. Выходила нерегулярно.

русском языке[1]. Газета, говорят, большая и интересная: в ней много правды пишется о Китае и китайцах. К сожалению, газета эта совершенно не проникает сюда: китайская почта не пропускает ее внутрь Китая. Проникают сюда только отдельные номера в порядке контрабанды. До сих пор мне не удавалось видеть газету.

Сегодня я получил сведения, что и в Тяньцзине проектируется издание японофильской русской газеты. Во всяком случае, некоторыми лицами ведутся с японцами переговоры в этом отношении. Выйдет ли что-нибудь положительное из этих переговоров, пока еще трудно сказать. События, кажется, складываются так, что русской эмиграции в Китае придется пойти рука об руку с японцами, независимо от того, хотела бы этого эмиграция или нет.

23 января. Газеты начинают уделять внимание роли эмиграции в д[альне]восточных делах. Сегодня в «North China Star» была помещена телеграмма «United Press» под заголовком «Soviet Fear Whites collaborating with Japan in Manchuria». Телеграмма содержит ряд выдержек из советских газет со злобными выпадами по адресу русской эмиграции в Маньчжурии. Не начнется ли развязка с Востока – вот о чем следует подумать теперь. Ex oriente lux освобождения?

24 января. Воскресенье. Собираюсь написать еще один рассказ из китайской жизни под названием «Отвоеванное благополучие». Литературные мои дела обстоят неважно: за прошедший 1931 год я напечатал только статью «Outer Mongolia today» в нью-йоркском журнале «Foreign Affairs» и три рассказа из китайской жизни в шанхайской газете «Слово». Это были рассказы «Проделки чуя», «Блуждающие души» и «Красные пики». Прибавлю сюда еще две–три корреспонденции из Тяньцзиня, напечатанные в «Слове» же, одну–две маленькие статейки там же, и этим исчерпывается все, что мне удалось опубликовать в прессе за 1931 год. Моя литературная работа за этот год, однако, не ограничивалась упомянутым выше. Я написал на английском языке исследование «Russian Investments in China», закончил составлением мои мемуары за 1917–1922 год, написал мемуары за 1901–1916 год, составил на английском языке описание курорта Пэйтайхо и на русском языке две работы «Текущий китайский фольклор» и «Реликвии Албазина». Может быть, написано и немало, но, к сожалению, нет больших надежд на то, что все написанное будет напечатано. В данный момент в расходе у меня находятся следующие рукописи: 1). В Америке – Мои воспоминания, 1917–1922 годы, на русском языке, и исторический очерк «Albazinians» на английском; 2). В Шанхае – рассказ «Свадьба Городского бога»; 3). В Пекине – статьи «Текущий китайский фольклор» и «Реликвии Албазина», присланные сюда для «Китайского благовестника». Более всего меня, конечно, интересует судьба моих мемуаров за 1917–1922 годы, посланных в Америку. По поводу их доктор Фишер из Стэнфордского университета пишет мне в своем последнем письме следующее: «Если

[1] Харбинское время: Газета. Зарегистрирована в Японском генеральном консульстве. № 1 – сент. 1931. Редактор Ж.Осава при участии Б.П.Шилова, затем К.Фупусава. Закрыта в июле–сент. 1945 г.

я буду в состоянии достать средства, необходимые для того, чтобы перевести Ваши мемуары, я, конечно, приложу все старания, чтобы опубликовать их. Настоящее трудное экономическое положение повлияло также и на работу издателей, равно как и на других предпринимателей. Это означает то, что теперь труднее найти издателя, который взялся бы издать серьезный труд, который не будет иметь особенно широкого распространения. Если я буду в состоянии перевести Ваши мемуары и если мне не удастся убедить какого-нибудь издателя взять на себя печатание их на обычных условиях уплаты автору «роялти», то единственным остающимся способом для издания этих мемуаров явится получение субсидии для такого издателя»... Не скажу, чтобы это все были утешительные для меня заключения. Поживем все же, увидим.

25 января. Сражался сегодня с сержантом Колером, шахматистом-чемпионом местного американского полка. Сыграл две партии и обе выиграл.

26 января. Получил письмо от Васильева-Дубровского в Шанхае. Пишет, что И.А.Якушев собирается перенести издание «Вольной Сибири» из Праги в Шанхай.

27 января. Сегодня узнал, что архив покойного доктора Русселя (Судзиловского)* отправлен в Прагу в распоряжение Русского Заграничного Исторического архива. Мои настояния увенчались, таким образом, успехом. Почта из Харбина поступает сюда крайне неаккуратно: уже давно я не получаю писем от Р[усского] З[арубежного] И[сторического] Архива в Праге.

28 января. Получил сегодня письмо от H.H.Fisher'а проф[ессора] Стэнфордского университета в Калифорнии. Он, между прочим, сообщает мне, что первый том его труда по истории Гражданской войны в Сибири выйдет из печати в этом году.

29 января. События на Д[альнем] Востоке принимают грозный оборот. Сегодня вечером получены сведения: в Шанхае идет бой между японцами и китайцами. Чапей[1] горит. Японцы вызывают подкрепления. Около Харбина идет бой между китайцами-сторонниками японцев и их противниками. В беспорядках в Харбине убито несколько десятков русских. Южная ветвь Китайской Восточной жел[езной] дороги будто бы захвачена японцами. Сведения ошеломляющие: не знаю, насколько только они отвечают действительности.

30 января. Газеты сегодня действительно сообщили ряд сенсационных новостей. Сведения о Харбине не совсем ясны.

31 января. Воскресенье. Получил письма из Праги. Почта шла 19 дней, что можно признать почти нормальным. Простудился: сильно донимают кашель и насморк.

1 февраля. Новости из Шанхая и Харбина идут потрясающие. Трудно предугадать что-нибудь даже на ближайшие дни. Неизвестно, как все эти события отзовутся на русской эмиграции. Мы, эмигранты, предоставлены сами себе и своим силам. В случае опасности ни одна держава не сочтет для себя нужным позаботиться о нас. Будь,

---

[1] Пригород Шанхая.

что будет – вот лозунг наш. Мы с женой уже давно стали фаталистами и верим в судьбу, от которой не уйдешь.

2 февраля. Среди эмигрантов-обывателей идут разговоры о том, кто стоит за кого: одни заявляют, что они за китайцев, другие – за японцев. Вопрос рассматривается пока что с практической точки зрения: при ком будет легче житься? Легче раздобыться какою-либо работой? Местные русские евреи, мне кажется, настроены против японцев. Почему? А, пожалуй, просто потому, что японцы идут и наступают в Китае вместе с белогвардейцами, как об этом чуть не ежедневно утверждают большевистские газеты!!. Удивительно все же русские евреи в Китае ведут себя с политической точки зрения. Отдельно – почти каждый еврей, особенно из числа бывших буржуа в России, против большевиков (и это неудивительно, ибо и его в свое время большевики ограбили!), а все вместе взятые они за большевиков. По-видимому, такова линия поведения мирового еврейства вообще. Чем, какими соображениями это объясняется, трудно сказать... Я понимаю, что русские евреи не могут пойти нога в ногу с белыми русскими эмигрантами, ибо последние на 95% монархисты, а монархизм вообще не на руку евреям. Но, если против монархистов, почему надо быть тогда за коммунистов? Неужели нет ничего третьего? К чему такой экстремизм вообще? Я как-то, лет пять тому назад, беседовал здесь, в Тяньцзине, с одним видным местным русским евреем Г[ершевичем Л.И.], лидером еврейской общественности здесь, и прямо спросил его, почему евреи держатся pro-большевистской политики. Ответ, который я получил, был примерно таков: во-первых, мы имеем некоторые торговые дела с Советской Россией. Во-вторых, мы имеем там своих родственников и близких. А в-третьих, и это самое главное, большевики ввели равноправие наций и держатся его... Конечно, последнее соображение является самым существенным, но и оно, по моему мнению, не может быть решающим: разве демократы-республиканцы (скажем, к примеру) были бы в России против принципа равноправия национальностей? Думаю, нельзя руководствоваться евреям формальной точкой зрения, и я не посоветовал бы им кидаться в объятия мерзавцев только потому, что эти мерзавцы, видите ли, сторонники равноправия евреев. При царизме антисемитизм гнездился в верхах общества и почти не имел распространения в народных низах, теперь же, при коммунизме, его нет в верхах Советского общества, но зато он широким морем разлился по народным низам. Такова фактическая сторона дела. Большевики и тут сумели поставить вопрос вверх ногами, наоборот, против того, что было при царизме! Пусть евреи и сообразят, приведет ли к их национальному благу их поддержка советского деспотизма в России?!! Был у них один умный человек, доктор Пасманик*. Да и тот умер недавно...

3 февраля. Газеты принесли известия, что японцы начали бомбардировать Нанкин, столицу Китая[1]. Правительство перебирается в Ляоян, новую столицу страны.

---

[1] Произошел авиационный налет с японского авианосца «Нотоpo».

4 февраля. Начал писать свою новую работу по китаеведению: «К вопросу о шаманизме в Китае». Вероятно, эта работа займет у меня около недели времени.

5 февраля. Получены сведения, что 4 февраля утром японские войска вошли в Харбин.

6 февраля. Сегодня китайский Новый год. Праздник проходит не так торжественно, как за прошлые годы. Виной тому – депрессия, беспорядки, японское нашествие. Ночи накануне Нового года в старые годы обычно ревели и стонали от шума взрывающихся хлопушек и треска горящих фейерверков. Ныне, по случаю тревожного времени, употребление хлопушек было властями запрещено. На концессиях они взрывались, но не так часто и не в таком большом количестве, как это бывало ранее.

В Шанхае японцы заняли форты Вузуна. Известие это, впрочем, нуждается еще в подтверждении.

7 февраля. Воскресенье. По болезни сижу дома.

8 февраля. Закончил свою статью «К вопросу о шаманизме в Китае». Теперь возникает вопрос, где смогу я поместить ее в печати. Этот вопрос гораздо легче поставить, чем ответить на него! Для газет статья не годится. Она слишком специальная, к тому же она и не подходящая по своему размеру. Она может быть помещена только в журнале. Но где? Единственным на Д[альнем] Востоке журналом, где моя статья может быть напечатана, является «Вестник Маньчжурии» в Харбине, издающийся Китайской Восточной ж[елезной]д[орогой][1]. Но этот журнал находится в настоящее время в большевистских руках, и нет охоты туда соваться.

9 февраля. Отправился утром на почту, чтобы сдать мою очередную бандероль в Прагу, в Чехословакию. К удивлению, мою бандероль не приняли к отправке ни в каком направлении: ни via America, ни via Siberia. Виной тому события в Шанхае и в Харбине. Как бы не дождаться здесь, в Китае, полной изоляции от остального мира! В полдень пришли из Шанхая все же два номера газеты «Слово» от 31 января и 1 февраля. Газеты содержат множество потрясающих сообщений о шанхайских событиях. Из них я узнал, что генерал Глебов* по поручению властей Французского сеттльмента в Шанхае формирует Русский волонтерский корпус[2]. Случайными пулями ранены трое русских во-

---

[1] Вестник Маньчжурии: Журнал (Харбин) – еженедельный орган Экономического бюро КВЖД. Первоначальное название «Экономический вестник Маньчжурии». № 1. 28 января 1923 г. Учитывая большое значение издания, КВЖД решило с 1 января 1925 г. назвать его «Вестник Маньчжурии» и выпускать ежемесячно в большем объеме. Ключевыми темами были вопросы торгово-промышленного характера и сельского хозяйства. В журнале существовали следующие разделы: общий отдел, на Китайской Восточной железной дороге, по Маньчжурскому краю, по Китайской республике, по Советскому Союзу и библиография. В журнале принимали участие экономисты и востоковеды А.Тихонов, В.А.Кармазов, Л.И.Любимов, В.И.Сурин, Э.Э.Анерт, Е.Е.Яшнов, А.Е.Герасимов, В.Г.Кудреватов, А.Я.Авдощенков, А.И.Погребецкий, А.И.Гражданцев, В.Н.Жернаков, Н.А.Сетницкий, А.А.Митаревский и др. С 1933 г. журнал издавался дважды в месяц. В нем появился раздел «Научная хроника стран Дальнего Востока».

[2] Шанхайский русский полк учрежден 21 января 1927 г. как Русский отряд, который вошел в состав Шанхайского волонтерского полка, занимавшегося охраной иностран-

лонтеров английских войск. По газетным сообщениям, в Харбин как будто вступили 5000 японских солдат[1]. Вечером от скуки уплелся в кино, где смотрел знаменитую картину Чарли Чаплина «Огни города». В Чаплине есть что-то от русского Иванушки-дурачка.

10 февраля. «North China Star» публикует отчет Муниципального совета Британской концессии. В отчете имеются сведения о составе учеников в 1931 году в English Grammar School. Ученики и ученицы по национальности распределялись следующим образом: англичане – 208, русские – 108, американцы – 50, поляки – 9, китайцы – 6, греки – 7, татары – 5, французы – 5, швейцарцы – 4, датчане – 3, итальянцы – 3, шведы – 3, испанцы – 3, чехословаки – 3, армяне – 2, голландцы – 2, немцы – 2, турки – 2, австрийцы – 1, бельгийцы – 1, эстонцы – 1, литовцы – 1, монголы – 1. Всего 430 человек. Под «русскими» здесь подразумеваются, по крайней мере на 3/4, евреи. Много обучается русских затем в двух местных французских колледжах, принадлежащих католическим монахам. Единицы из них обучаются в Американской и немецкой школах здесь. Прибавив сюда затем Русскую прогимназию и Еврейскую школу, мы получим те семь школ, в которых русские дети (говорим о детях бывших подданных былой царской России) получают свое образование. В Русской прогимназии около 100 учащихся об[оего] пола, в Еврейской школе – около 50. В последней школе преподавание ведется на английском языке. Мне кажется, что во всех школах Тяньцзиня обучается не менее 400 русских мальчиков и девочек.

11 февраля. Ввиду вздорожания цен на привозные вина начинает понемногу развиваться местное виноделие. Инициативу в этом отношении проявляют здесь опять-таки русские. Сегодня, гуляя утром, я зашел в недавно открытый погребок «Orognis», где копошились какие-то русские люди восточного типа. В погребке готовится много бочек разного виноградного вина. Десертное белое вино продается за два доллара четверть (3 бутылки). Кроме погребка «Orognis» виноделием занимаются еще здесь двое русских: Голоколосов и Гнадеберг*. Не так давно я купил у Гнадеберга бутылку малачи за доллар. Малачи оказалась превосходного качества. Почти все русские хозяйки начали делать настойки и варить наливки.

ных концессий. 1-й командир Н.Ю.Фомин, затем Г.Г.Тимс и С.Д.Иванов. 19 октября 1928 г. реорганизован в Русскую волонтерскую роту ШВК (Russian detachment S.V.C.). Неоднократно участвовал в наведении порядка и защите мирного населения. 16 февраля 1932 г. получил название Шанхайский русский полк, численность составила 19 офицеров и 438 солдат. 16 января 1941 г. переименован в Русский вспомогательный отряд Шанхайской муниципальной полиции. Расформирован в 1947 г.

[1] «Русские антибольшевики устроили здесь [в Харбине] манифестацию в честь японского экспедиционного отряда. Манифестанты шли с русскими национальными флагами. Генерал Тамон принял делегацию, которая заявила, что считает занятие Харбина избавлением от китайского ига, при котором русских третировали как рабов. Делегаты обещали полную помощь японскому командованию... Русские большевики и их сторонники среди служащих КВЖД с приходом японцев боятся показываться на улице. "Белые" открыто торжествуют, заявляя, что настал час отмщения за насилия, которые большевики совершали над антибольшевиками с помощью подкупа китайской полиции» (Новое русское слово. 1932. 8 февр.).

12 февраля. Сегодня, наконец, после долгих ожиданий получил от Станфордского университета перевод на 200 америк[анских] долларов. По курсу сегодняшнего дня это составило 834 китайских доллара. На душе сразу стало как-то веселее и легче: теперь можно будет начать свое лечение. Для этого надо будет поехать в Пекин, чтобы показаться здесь в Рокфеллеровском институте (Peking Union Medical College). Но как-то опасно отправляться теперь в бывшую столицу Китая: разразятся военные действия, и, пожалуй, надолго не сумеешь вернуться домой.

На радостях решил побаловать себя и жену какой-либо русской пластинкой: зашел в один граммофонный магазин и стал рассматривать здесь Russian records. Неожиданно мое внимание привлекла одна американская пластинка Brunswick, на коей значилось: «Тай орав[1] мужик. Степан Слепушкин*. Баритон с аккомпанементом оркестра». На обратной стороне была другая малороссийская народная песенка «Над тихою водою». Это открытие возбудило целый ряд воспоминаний. Вспомнился 1921 год, Пекин, Духовная миссия, где я тогда жил, беженцы, анненковцы и дутовцы, прибывающие в Пекин из далекого Китайского Туркестана. Среди беженцев был Слепушкин, молодой русский офицер, про него говорили, что он обладает недурным голосом. Для меня он запечатлелся как человек двух войн: мировой и русской гражданской. Когда я однажды спросил Слепушкина: «Ну а много ранений Вы получили за все войны?» «Двадцать одно», – ответил он мне. Через год или два после наших встреч в Пекине Слепушкин сумел выбраться в Америку, как и некоторые другие «белые воины» из анненковцев и дутовцев. Из Америки доходили до меня порой слухи, что Слепушкин сумел получить там музыкальное образование и стал продвигаться вперед. Передо мною было теперь определенное доказательство его успехов на музыкальном поприще. Конечно, я не утерпел и купил пластинку со Слепушкиным. Дома мы поставили ее на граммофон и прослушали с женой с большим удовольствием.

Вести из Шанхая поступают все тревожные. Сегодня услышал, что сам генерал Дитерихс* поступил в волонтеры русского отряда, формируемого на Французском сеттльменте Шанхая. Безработные русские здесь стремятся теперь пробраться в Шанхай, чтобы попасть там на военную службу.

В Тяньцзине снова становится неспокойно: говорят, японцы начали шить много мешков для баррикадирования своей концессии. Соответственно с сими слухами китайцы снова начинают понемногу перебираться на иностранные концессии.

13 февраля. Сегодня попала мне в руки интересная книга, только вышедшая из печати в Шанхае: П.П.Шишкин* «Большевизм в Китае. Часть 1-я. Обзор деятельности Северо-Маньчжурской коммунистической партии»[2]. Прочитавши эту книгу, невольно придешь к заключению: вовремя пришли японцы в Маньчжурию!

---

[1] Так у автора.

[2] Шишкин П.П. Большевизм в Китае. Ч. 1: Обзор деятельности Северо-маньчжур. коммунист. партии / Под ред. Б.Суворина. Шанхай: Тип. изд-ва «Время», 1930.

14 февраля. Говорят, что в местной английской школе поднят вопрос о введении преподавания в ней русского языка. Зная консерватизм англичан, можно сомневаться в том, что вопрос этот будет разрешен в положительном смысле.

Дела на местных курсах Отечествоведения идут плохо. Посещаемость курсов слабая: 15–20 человек на лекции, при этом две трети слушателей – люди взрослые. Между тем курсы были организованы для русской молодежи в целях борьбы с ее денационализацией. Состав взрослых слушателей курсов – текучий. На одну лекцию приходят одни, на другую – другие, большей частью из любопытства, послушать, как, мол, читает такой-то лектор. Жена моя, разочарованная таким положением дел, отказалась на днях от чтения лекций по истории русской литературы. Ее заменил некто Шлезингер*, бывший преподаватель русских школ. Не знаю, долго ли протянут еще эти курсы.

15 февраля. Встретил вчера на улице Е.М.Адерсона*, в прошлом члена правительства братьев Меркуловых во Владивостоке. Он не так давно был в Харбине и кое-что рассказал мне о своих харбинских впечатлениях. Между прочим, он сообщил мне, что его в Харбине посетил некто Голубев. Этот Голубев осведомил Адерсона о том, что в Харбине предполагается сформировать русское правительство для Владивостока и что в состав этого правительства намечают ввести его, Адерсона, в качестве министра финансов и меня в качестве министра земледелия. «Я, – сказал мне Адерсон, – считая эту затею авантюрой, отказался фигурировать в намеченном правительстве и за себя, и за Вас...»

Е.М.Адерсон – старшина местной русской эмигрантской колонии, и поэтому он в курсе эмигрантской политики данного момента. По его словам, отношение русской эмиграции в Китае в целом к политике группы русских эмигрантов в Мукдене, принявшей резко японофильский характер, – отрицательное. Эту группу осуждают за ее действия еще и потому, что она выступила на политическую арену самостоятельно, без всякого ведома главы эмиграции, генерала Хорвата.

16 февраля. Шанхай становится центром внимания всего мира. Японские и китайские войска стягиваются к городу в больших количествах. Китайцы мужественно 18 дней защищают свои позиции. Это мужество китайских солдат – новость для мира.

В наш город прибыла сегодня французская автомобильная экспедиция Ситроен. Насколько знаю, экспедиция прибыла сюда из Бейрута в Малой Азии. В ней есть несколько наших соотечественников.

17 февраля. После долгого перерыва получил письма от проф[ессора] Г.К.Гинса и А.А.Пурина. Гинс предложил мне принять участие в снабжении Н.И.Гучкова* в Париже фотографиями из китайской жизни для европейских журналов. Предложение это показалось мне интересным, и я решил его принять, тем более что коллекционирование фотографий – моя маленькая страстишка, и в настоящее время я имею более тысячи китайских фотографий.

От Пурина получил ряд писем сразу – «в собственные руки» – с оказией, так как он сидит сейчас в Хулудао, который отрезан от почтовых сообщений с внешним миром[1].

18 февраля. На днях ожидается в Шанхае решительная битва.

19 февраля. Вчера с вечера у меня неожиданно заболела печень. Боли были сильные. Я не спал почти всю ночь. К утру стало легче. Сегодня полдня провел в постели.

Начал читать книгу Морозова «Откровения в грозе и буре»[2].

20 февраля. Получил письмо от проф[ессора] Ремера из Мичиганского университета. Судя по письму, он все еще сидит за обработкой собранных им материалов относительно Foreign Investments in China. Приятно констатировать, что профессор вспомнил обо мне и написал хорошее письмо.

21 февраля. Воскресенье. Сегодня – второй день большой битвы в Шанхае. Китайцы упорно сопротивляются японцам, порой проявляя настоящее геройство.

Получил пачку газет – несколько номеров «Харбинского Времени». Этот японский официоз беспощадно громит теперь маньчжурскую клику чиновников, когда-то созданную под японским же крылышком.

22 февраля. Решили мы с женой 5 марта справить нашу серебряную свадьбу.

23 февраля. Некоторые из эмигрантов, сочувствующие сибирской областнической тенденции и не отказавшиеся еще от политической борьбы, пишут мне, что настала пора сибирякам организоваться и выступить, с помощью японцев, для занятия русского Приморья. Я не знаю, на чем зиждется их уверенность в том, что Приморью угрожает со стороны Японии то же, что произошло и с Маньчжурией. Действительность как будто совсем не оправдывает этой уверенности. Может быть, они прозревают вдаль и предвидят грядущее столкновение Японии и Соединенных Штатов, когда Японии придется занять русское Приморье, чтобы обеспечить свой тыл и черпать из оккупированной территории необходимое ей сырье? Я не знаю, достаточно ли сильна Япония, чтобы выдержать борьбу с тремя государствами: Китаем, С[оединенными] Штатами и Советским Союзом.

Другие рассуждают так: что бы и как бы то там ни было, эмигрантам не следует плестись за японцами и таскать для них каштаны из огня. Для всех должна быть памятна судьба злосчастной Кореи! Судьба Маньчжурии будет напоминать судьбу Кореи, ее соседа. Прокламированное сейчас и якобы независимое новое Маньчжуро-Монгольское государство никто не считает за таковое[3]. Все уверены, что это лишь маскировка аннексии. Если Японии удастся закрепить

---

[1] Хулудао, город на северо-востоке Китая, в провинции Ляонин, порт на берегу Ляодунского залива.

[2] Морозов Н.А. Откровения в грозе и буре: История возникновения Апокалипсиса. М., 1910.

[3] Под руководством японских властей Всеманьчжурское совещание (29 февр. – 9 марта 1932) провозгласило создание Манчжоу-го на территории Манчьжурии и избрало бывшего императора Китая Пу И регентом Манчжоу-го.

за собой Маньчжурию и Внутреннюю Монголию, то это будет означать превращение ее в континентальную державу. Она станет нашим грозным соседом, и, кажется, только после этого ее захватнические намерения направятся в сторону нашего Приморья. Не ранее... Теперь ей надо переварить кашу, которая сварена и еще варится в Китае. Это не так легко сделать, как вначале предполагалось: события в Шанхае в этом отношении достаточно симптоматичны. Сила Китая – в его огромной территории и множестве его населения. Завоевать Китай, как и Россию, невозможно. Оторвать от него, что плохо лежит, пожалуй, можно. Советская Россия отхватила уже от Китая Внешнюю Монголию. Может быть, Японии удастся приобрести Маньчжурию.

24 февраля. Вопрос об издании здесь японской газеты на русском языке не продвигается в своем разрешении вперед. Как я слышал, японцы что-то все обдумывают и взвешивают.

25 февраля. Был сегодня вечером в гостях у о[тца] Сергия Чан, настоятеля Иннокентьевской церкви, справлявшего день рождения своей жены. Было человек 25 народа. Познакомился с одной дамой, которая оказалась родом из моего родного села Знаменки на Лене. Эта дама – Сильвестрович, урожденная Островская. Кроме этой дамы здесь, в Тяньцзине, проживают еще двое моих земляков-знаменцев – это брат и сестра Фромберг. Поистине, мир стал тесен.

26 февраля. Начал писать новую работу «Русские интересы в Китае». Если она удастся, думаю отправить ее в парижский журнал «Современные записки».

27 февраля. Рассматривал сегодня шанхайский «Понедельник»[1]. Журнал довольно занятный.

28 февраля. День провел довольно скучно. Съехала от нас наша квартирантка, барышня Лида Страндберг. Опять мы с женой вдвоем остались в нашей квартире.

Навестили нас некоторые наши приятели, пили чай, заводили виктролу и слушали прославленный хор донских казаков, их мастерское и художественное пение. Нельзя без волнения слушать их «Вечерний звон». Кажется, слова этой песни Козлова словно нарочно придуманы для нас, русских изгнанников.

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом.
И как я, с ним навек простясь,

---

[1] Понедельник: Содружество и журнал (Шанхай). Основано осенью 1929 г. как «Содружество русских работников искусства». В первое время его участники – художники, артисты и литераторы – собирались по понедельникам, чтобы интересно провести свободное время. Понедельник. № 1 (1 сент. 1930). «Со стороны внешности «Понедельник» выдержал экзамен. Что касается его содержания, то приходится признать, что далеко не все в нем равноценно. Пожалуй, не все даже заслуживало помещения в номер. Вступительная статья «Наш лик» говорит о задачах содружества “Понедельник” как о попытке объединить русских работников искусства, создать ядро, вокруг которого могло бы выкристаллизоваться все живое и творящее, что занесено из России на Дальний Восток» (М. Р-в. Книжные новинки // Рубеж. 1930. 1 нояб. С. 20). В декабре 1931 вышел № 2. Сдвоенный 3–4 номер вышел в 1934.

Там слушал звон в последний раз!
Уже не зреть мне светлых дней
Весны обманчивой моей!
И сколько нет теперь в живых
Тогда веселых, молодых.
И крепок их могильный сон:
Не слышен им вечерний звон...
Лежать и мне в земле сырой!
Напев унылый надо мной
В долине ветер разнесет:
Другой певец по ней пройдет,
И уж не я, а будет он
В раздумье петь вечерний звон!..

29 февраля. Положение дел в Шанхае принимает какой-то зловещий характер[1].

1 марта. Публика начинает бояться, как бы и в Тяньцзине не заварилась такая же каша, как и в Шанхае. Большинство русских усваивает фаталистическую точку зрения: чему быть, того не миновать. Это результат измученности...

2 марта. Сегодня – день нашей серебряной судьбы. В полдень нас навестил батюшка о[тец] Сергий Чан с причтом, отслужил молебен о здравии. Мы угостили гостей скромным обедом. Празднование свадьбы перенесено нами на субботу 5 марта. Созвали много гостей. Невольно вспомнили мы с женой нашу свадьбу в Петербурге в 1907 году. Могли ли мы тогда думать, что праздновать серебряный юбилей нашей свадьбы придется в далеком Тяньцзине... ??

3 марта. Работа моя «Русские интересы в Китае» продолжает расширяться и, кажется, займет не менее двух печатных листов. Получил перевод из Праги в 300 крон чешских. На китайские деньги это выйдет, вероятно, около 36 долларов.

Из-за простуды второй день сижу дома.

4 марта. Наконец-то японцы выгнали китайские войска из Шанхая[2]. Советское агентство «Ангаста» не перестает трубить о кознях «белых» в Маньчжурии.

5 марта. Празднуем нашу серебряную свадьбу: много гостей, пришли письменные и телеграфные поздравления. Имеются разно-

---

[1] «Японские источники заявляют, что отряды японских моряков прорвали китайские позиции, продвинулись вперед на расстояние полумили по направлению к западу от японского кладбища и продолжают наступление по направлению к Северному вокзалу. Отряды японских моряков при поддержке броневиков двинулись вперед после ожесточенной бомбардировки китайских позиций японскими тяжелыми гаубицами. Одновременно самолеты сбросили свыше 30 бомб на китайские артиллерийские установки. В настоящее время ведется атака на китайские оборонительные линии в районе Северного вокзала и дороги на Баошань из вновь занятых японскими частями позиций. Китайское командование заявляет, что после ожесточеннейших сражений, приведших к огромным потерям с обеих сторон, китайские войска отразили попытки японских войск вторгнуться в Чапей» (Правда. 1932. 2 марта).

[2] Шанхайский фронт. Утром 3 марта 1932 г. японский десантный корпус, состоявший большей частью из подразделений 14-й дивизии, высадился между фортами Усун и Баошань, после чего, при поддержке огня с кораблей и самолетов морской авиации, взял оба форта штурмом. Вечером 11-я дивизия захватила п. Цядинь, а ее передовые части подошли к уже занятому 9-й дивизией п. Наньеянь.

образные подношения. Приятно, что наши друзья почтили нас вниманием.

6 марта. За вчерашний день у нас перебывало около 100 человек. Весь этот день прошел в больших хлопотах: к вечеру я страшно устал и, увы, не походил на жизнерадостного юбиляра. Жена провела день молодцом. Сегодня тоже перебывало около десятка гостей.

7 марта. Утром был у меня архимандрит о[тец] Виктор. Мы долго беседовали с ним на разные темы. У нас с ним явилась мысль издать сборник памяти покойного митрополита Иннокентия. Не знаю, хватит ли энергии для осуществления этого начинания.

Побывал на выставке картин художника Кощеевского*.

8 марта. Отправил шесть писем в различные музеи Соединенных Штатов с предложениями купить коллекцию абиссинского оружия, собранную местным русским резидентом А.А.Орловым, когда он был секретарем и поверенным в делах Русского посольства в Аддис-Абебе в Абиссинии в 1897–1903 годах. Коллекция состоит из 89 предметов и продается за 2500 золотых долларов[1].

К вечеру нас посетили гости, пожелавшие продолжить наше празднество серебряной свадьбы. Состоялся чай. Много посмешил всех Ш., продекламировавший песнь о Стеньке Разине на харбинском русско-китайском жаргоне. Вот это песня:

Из-за острова на речка,
Много джонка выплывай.
Капитан сиди с мадамой,
Мало-мало с ней играй...
Шибко все тогда сердися,
Капитану говори:
Шима ты играй с мадамой?
Брось мадаму в Сунгари!
Капитан тогда вставайла:
Не хочу – играй-играй!
И мадаму он брасайла
Своя джонка через край...

9 марта. Японский штаб здесь начал издавать печатные на мимеографе осведомительные бюллетени на русском языке. Содержание таковых пока пустяковое. Самый факт появления их представляет интерес. Спрашивается, чем объясняется такое внимание японцев к русской эмиграции. В данное время я начал регулярно получать газету «Харбинское время». Говорят, что эта газета уже имеет тираж в 14 000 экземпляров.

Mr. More подарил нам сегодня к серебряной свадьбе хорошенькую серебряную вазу китайской работы.

10 марта. Масленица. Публика начинает ходить друг к другу на блины.

11 марта. Получил обратно из Америки свою рукопись «Albazinians». Она уже четыре раза переплывала Великий океан. Первый раз я послал ее в «Asia», оттуда вернули, заявив, что статей исторического содержания не печатают. Я послал ее вторично

---

[1] Коллекция Абиссинского оружия // Феникс. 1935. 13 окт. С. 13: фот.; Опись коллекции см.: HILA. Serebrennikov I.I., box 18, folder 1.

проф[ессору] Фишеру в Стандфордский университет. Но и здесь успеха не было: Фишер вернул рукопись мне, указав, что статью исторического содержания в Америке трудно устроить. В смысле путешествующем я могу считать теперь свою рукопись весьма заслуженной. Думаю, однако, что ее странствия еще не закончились.

Зина Вологодская* пишет мне из Америки, что мои китайские этнографические рассказы не подходят для американских журналов: нужны трафаретные любовные истории и прочее в этом духе.

Герасимов в Харбине виделся с редактором «Вестника Маньчжурии» и беседовал с ним о моем сотрудничестве в журнале. Редактор просит посылать ему статьи. Хоть одно утешение за день! Окончил свою статью «Русские интересы в Китае» – заняла до 60 рукописных страниц. Теперь ее надо где-то устроить.

12 марта. Познакомился с шанхайским «Понедельником». Журнал произвел на меня хорошее впечатление. Судя по отзыву, в нем помещенному, харбинский поэт Арсений Несмелов* написал недурную балладу «О Даурском бароне». Кончается баллада следующими словами:

Я слышал:

В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...
И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, –
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плечах...

«Даурский барон» – это барон Унгерн-Штернберг*, потомок крестоносцев или, б[ыть] м[ожет], балтийских пиратов, наиболее колоритная личность из эпопеи 1917–1921 годов. Фанатик-монархист, мечтавший о восстановлении Романовых в России, Дай-цинов в Китае и Гогенцоллернов в Германии, – он безнадежно плыл против течения, и в этом случае он, пожалуй, куда более был революционером, чем Ленин, с 1918 года поплывший по течению... Даурский барон – личность эпическая, и сложить о нем балладу – это было удачной мыслью харбинского поэта.

13 марта. Воскресенье. Дует холодный монгольский ветер. Город заносит пылью. Солнца уже второй день не видать. Такая погода не создаст хорошего настроения. Его и не было: целый день хотелось спать. С трудом уселся вечером за работу.

14 марта. Как-то много недель тому назад ко мне зашел некто г[осподин] [И.А.]Дьяков*, который совершил когда-то довольно смелое путешествие в верховья р. Янцзы и этим приобрел себе некоторую известность в русских кругах в Китае[1]. Он сообщил мне, что предполагает при содействии японцев издавать здесь, в Тяньцзине, русскую газету, и спросил меня, смогу ли я сотрудничать в этой га-

---

[1] Дьяков И.А. По великой реке Ян-цзы-цзян: (Дневник экспедиции, 1925). Пекин: Тип. Духов. миссии, 1927.

зете. Я ответил условным согласием и сказал, что все будет зависеть от того, каково будет направление газеты и каковы условия работы в ней. Дьяков обещал меня познакомить с программой газеты. Сегодня он явился с кипой разных документов, с которыми и стал меня знакомить. Оказалось, что я уже, без моего на то согласия, числюсь в составе инициативной группы по изданию газеты, и вообще я убедился, что моим именем Дьяков жонглирует, как ему вздумается. Это меня возмутило, и я дал моему собеседнику надлежащую отповедь. Как все просто делается в наше смутное время...

Побывал сегодня у меня А.А.Пурин, недавно приехавший сюда из Хулутао, рассказал много интересных новостей. Кажется, он поедет отсюда в Шанхай, чтобы здесь шире развернуть свою политическую работу...

15 марта. Конкурс красавиц – королев красоты – так модно это теперь повсюду. Даже в Тяньцзине на днях выбрали miss Tientsin. Конечно, таковой оказалась одна русская барышня. Конкурс физической красоты! Отчего бы не устроить конкурса моральной красоты? М[ожет] б[ыть], это было бы не бесполезно для человечества.

Если бы можно было устроить конкурс моральной гадости, то, я думаю, первый приз можно было бы присудить в России Максиму Горькому, в Германии – Эйнштейну, в Америке – сенатору Бору, в Англии – Бернарду Шоу[1]. Последнего можно было бы избрать королем гадин, так сказать, мировой моральной гадиной. Эйнштейн – великий ученый, но имеет какое-то отношение к нашей коммунистической сволочи. Когда в Китае арестовали одного из мировых поджигателей, некоего Нуланса, и когда последнему стала угрожать смертная казнь, то Эйнштейн не преминул послать Китайскому правительству телеграмму с просьбой об облегчении участи арестованного мерзавца.

Раз я сегодня брюзжу и ворчу, значит, я в плохом настроении. Пурин временно поселился у меня.

16 марта. Получил от А.А.Пурина кое-какие материалы для Русского Зарубежного Исторического архива в Праге и кое-что для моей коллекции автографов.

Кажется, японской газеты здесь на русском языке совсем не будет.

17 марта. Мой повар-китаец сильно встревожен развивающимися в Китае событиями. По его мнению, скоро «тунтун хойла», т.е. скоро все кругом испортится. Это, наверное, означает на его языке, что скоро будет мировая социальная революция. В беседах с навещающими его приятелями то и дело слышишь слова «жибэн» и «жибенди» – японец, японский. В смуте наших дней жаль простых китайцев: ни в чем не повинные, они зачастую несут тяжкую ответственность за грехи политиков и политиканов. Шанхайские события – яркая тому иллюстрация.

---

[1] Поддержал Октябрьскую революции, в 1931 посетил Россию в ходе кругосветного путешествия, в своих публичных выступлениях приветствовал преобразования в СССР.

18 марта. Сегодня японцами выпущена листовка «Долой маску» — ярко антисоветского содержания. Указывая на подрывную антияпонскую работу советчиков, листовка заявляет: «Но все имеет свой предел. Терпение японского народа иссякает...» и так далее. «Антияпонская политика Советов не принесет добрых результатов Красному правительству». Появление листовки такого рода весьма симптоматично.

19 марта. А.А.Пурин еще в четверг на этой неделе выехал в Пекин, чтобы повидаться с ген[ералом] Д.Л.Хорватом. С нетерпением ожидаю его возвращения, чтобы ознакомиться с новостями эмигрантской политики.

20 марта. Пурин вернулся сегодня из Пекина, но новостей особенных не привез; все по-прежнему: сидим у моря и ждем погоды. Были вечером гости, разговорились об эмигрантской изобретательности. В качестве примера таковой указывали на выдумку М.И.Мокшина, едва ли не простого солдата из рядов бывшей белой армии. Он изобрел не более, не менее как искусственную подошву для китайской обуви. Здесь построен и оборудован уже целый завод для выработки этой подошвы.

21 марта. Газеты сообщают, что русское Приморье представляет из себя военный лагерь. Большевики как будто не на шутку собрались воевать с японцами... и усиленно гонят на свою сторону паровозы и вагоны Китайской Восточной ж[елезной] дороги, закупают хлеб в Маньчжурии и т.д[1]. Эмиграция заняла позицию выжидания...

22 марта. Официально японцы продолжают всячески открещиваться от эмиграции...

Полученные свежие номера «Харбинского времени» содержат много интересной информации. Как будто новая маньчжурская власть собирается закрыть все советские профессиональные организации, расплодившиеся по Китайской Восточной жел[езной] дороге.

23 марта. В Шанхай прибыла комиссия Лиги наций. Говорят, в составе ее служебного персонала есть один русский, некто Пастухов*. Трудно обойтись ныне без русских. Не так давно побывала здесь французская автомобильная экспедиция Ситроен, добравшаяся сюда из Малой Азии[2]. В составе ее оказалось человек 5 или 6 русских, в том числе художник Яковлев*.

---

[1] «Большую сенсацию среди биржевых кругов Харбина вызвало усиление деятельности “Экспортхлеба”, который, по сведениям из самых достоверных источников, за последние два дня закупил около 500 тыс. пудов пшеницы и до 200 тыс. пудов муки разных сортов... Из этого можно сделать два вывода: или в СССР произошло катастрофическое сокращение семенных запасов (на что были уже указания, идущие из советских же источников), что заставило Москву в срочном порядке пополнить растраченные запасы, или какие-то чрезвычайные обстоятельства заставляют московских заправил в спешном порядке делать огромные продовольственные запасы, рассчитанные на значительно большие войсковые соединения, чем нынешняя дальневосточная армия. В этом случае советские закупки следует рассматривать, как открытое приготовление к возможной войне [...]» (Русское слово. 1932. 12 марта).

[2] Экспедиция «Ситроен» проходила по маршруту Сирия–Иран–Афганистан–Монголия–Китай. От Тяньцзиня отправилась морем до Ханоя и Сайгона.

Вспоминаю: лет 7–8 тому назад над территорией Китая пролетал один иностранный летчик. Во время полета испортилась машина аппарата, и летчик спустился прямо на китайские поля, и первые, кто поспешил ему на помощь на месте спуска, оказались русские – то были русские солдаты Шаньдунской армии маршала Чжан Цзучана*.

24 марта. Играл сегодня в шахматы с mr. Turnherr. Это австрияк, немец, уроженец Тироля, бывший русский военнопленный, хорошо знает Россию. Мы с ним много беседовали о Сибири, о жизни в которой он сохранил наилучшие воспоминания. Удивительно, как часто иностранцы крепко привязываются к России и всему русскому.

25 марта. Познакомился с о[тцом] Диодором Колпинским*. Это весьма интересный и образованный человек. Воспитанник С[анкт]-П[етер]бургского кадетского корпуса, он получил затем высшее образование на [зачеркнуто: филологическом. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] богословском факультете [зачеркнуто: Петербургского. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] Римского университета в Италии и затем окончил университет в [зачеркнуто: Риме. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] Петербурге. Сейчас это священник-униат, хлопочущий о соединении церквей. Я слышал, о[тец] Диодор пишет будто бы стихи и притом отличные.

Не могу здесь не сообщить, что в Тяньцзине есть еще один интересный священник или, вернее, бывший священник – это о[тец] Борис Фомичев*. Это тоже весьма интересный человек, остроумный собеседник, способный художник, певец; в прошлом, кажется, артист итальянской оперы. Под псевдонимом Борис Деметрио он дает уроки пения. Кроме сего, рисует по заказу иконы и пишет портреты. К сожалению, о[тец] Борис запивает... и порой крепко. Я слышал, что когда отцы Диодор и Борис сходятся вместе, они часто беседуют между собою по-итальянски.

А.А.Пурин все еще продолжает жить у меня. Он и о[тец] Диодор собираются во вторник, 29 марта, выехать в Шанхай. Сегодня в шанхайской газете «Слово» прочел, что русских в Шанхае на 1 января 1932 года по статистике Эмигрантского комитета числилось 16 000 человек. Это, наверное, без евреев.

26 марта. Приготовил к отправке в Париж свою рукопись «Русские интересы в Китае». Она заняла 36 печатных страниц. Думаю направить ее в журнал «Современные записки». Не знаю, будет ли она принята этим единственным эмигрантским толстым журналом. В нем имеют засилье правые эсеры, каковые, по старой памяти, злобятся на меня. М[ожет] б[ыть], это обстоятельство помешает успеху моего начинания.

Иногда я мечтаю: будь мы с женой сейчас в Сибири, мы вплотную могли бы заняться литературой. Пожалуй, можно было бы издать несколько томиков наших работ. В первый том, например, можно было бы поместить исторические работы о Сибири. Сюда могут войти мои исторические исследования:

1) Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии;

2) Иркутская губерния в изображении Чертежной книги Семена Ремезова;

3) Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии;

4) Албазинцы;

5) Мои мелкие исторические заметки, помещенные в иркутских газетах и журналах за период времени 1908–1917. Сюда относятся материалы об иркутском летописце Пежемском, декабристах в Сибири, о «Красных днях в Иркутске» (1905) и др.

Затем статьи моей жены:

6) Восстание поляков на Кругобайкальской дороге (Русское обозрение, 1920 г., Пекин) и

7) Великая легенда (исследование о старце Федоре Кузьмиче), не напечатана.

Этот том составил бы до 15 печатных листов.

Второй том можно было бы заполнить моими китаеведческими статьями. Сюда могут войти:

1) Очерк экономической географии Китая (Вестник Азии, № 53);

2) Китайские народные поверья (Вестник Маньчжурии, № 4, 1929);

3) Миф и религиозный культ в Китае (В[естник] М[аньчжурии], № 4, 1930);

4) Аборигены Южного Китая (В[естник] М[аньчжурии], № 9, 1929);

5) К вопросу о бюджетных исследованиях крестьянского населения Китая (Эконом[ический] Бюллетень, № 20, 1929);

6) К характеристике перевозочных средств в Китае (Эконом[ический] Бюллетень, № 23–24, 1929, Харбин);

7) Текущий китайский фольклор в Китае и китайские народные суеверия (не напечатано);

8) К вопросу о шаманизме в Китае (не напечатано);

9) Религии Китая (не напечатано);

10) Русские интересы в Китае (не напечатано).

11) О культе мертвых в Китае (Гунь-Бао, № 672, Харбин);

12) Людские опустошения в Китае (не напечатано).

Этот том даст до 20 печатных листов.

В третий том могли бы войти мои китайские этнографические рассказы, именно:

1) На поле битвы (Слово, № 448, 1930);

2) В храме Неба (Слово, № 460, 1930);

3) Возмездие (Слово, № 472, 1930);

4) Проделки Гуя (Слово, № 717, 1931);

5) Блуждающие души (Воскресное приложение к «Слову», 17 мая 1931 г.);

6) Красные пики (Слово, № 819, 1931);

7) Свадьба Городского бога (не напечатано);

8) Четырнадцатая наложница (не нап[ечатано]);

9) Отвоеванное благополучие (не напечатано);

10) Из пекинских легенд и рассказов (Вестник Русской национальной общины в Тяньцзине, № 22, 1928).

Пока что третий том может составить до 10 печатных листов.

Четвертый и пятый тома могли бы составить мое статистико-экономическое исследование «Буряты, их хозяйственный быт и землепользование» (один том этой работы был напечатан в Верхнеудинске в 1925 году, другой том, кажется, до сих пор не напечатан). Оба тома могут дать до 30 печатных листов.

Шестой том мог бы составить мой курс «Сибиреведение» (Харбин, 1920), просмотренный и освеженный, размером до 20 печатных листов.

Седьмой и восьмой тома могут дать мои мемуары за 1901–1922 годы, написанные, но еще нигде не напечатанные, размером до 20 листов.

В девятый и десятый тома можно было бы собрать статистико-экономические исследования (Промыслы Иркутской губернии, работы по вопросам ж[елезно-]д[орожного] строительства в Сибири и др.), 30 печатных листов.

Одиннадцатый том – публицистические статьи: «Война 1914 года и ее размеры», «Тихоокеанские проблемы с экономической точки зрения» (Прага, Вольная Сибирь), «Автономия Сибири», «Инородческий вопрос в Сибири» и др. – 10 печатных листов.

Двенадцатый том – статистико-этнологические статьи, помещенные в «Известиях В[осточно]-Сиб[ирского] Отдела И[мператорского] Р[усского] Географического общества», «Сибирских вопросах» и т.д., 10 печатных листов.

Итого 12 томов, 185 печатных листов. Конечно, это все мечты, маниловщина от нечего делать. Но отчего же другой раз и не помечтать: что было бы, если бы да кабы...

27 марта. Вопрос об издании моих мемуаров продолжает оставаться в неопределенном положении. История появления их вкратце такова. Я долго не решался делать мемуарных записей какого-нибудь рода из времен «смутных дней», считая, что это будет удобнее сделать по завершении русской революции, когда большевики уйдут с арены государственной жизни и можно будет не бояться подвести кого-либо... В 1929 году я не утерпел и опубликовал на страницах «Вольной Сибири» в Праге статью «К истории Сибирского правительства»[1]. Я не придавал значения этой статье, зная, что и без того уже много написано по истории гражданской войны в Сибири. Однако, против моего ожидания, статья моя привлекла внимание историков русской революции. Ее стали цитировать разные писатели-историки, в том числе Мельгунов, автор книги «Трагедия адмирала Колчака»[2]. Я решил, что, значит, еще мало дано свидетельских показаний, и засел за свои мемуары. Мемуары были написаны набело в прошлом году и летом были отправлены доктору Фишеру в Станфордский университет

---

[1] Серебренников И.И. К истории Сибирского правительства // Вольная Сибирь. 1928. № 5, прил.: Сиб. архив. (№ 1). С. 5–22.

[2] Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из ист. Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Ч. 1: Вост. фронт гражданской войны, <1930. – IV, 230, VII с.>. Ч. 2: В преддверии диктатуры. <1930. –238 с., 1 карта>. Ч. 3, т. 1: Конституционная диктатура, <1930>. – 352 с. Ч. 4, т . 2: Катастрофа. <1931. – 205 с.>. <Рус. б-ка. Кн. 19, 22, 23, 28>. Белград: Изд. Комиссия Палаты Академии наук, 1930–1931.

в Америку. Доктор Фишер, имеющий ближайшее отношение к Hoover War Library, сообщил мне, что нашел мои мемуары интересными, но что для издания их на английском языке настоящее время не является благоприятным, благодаря общей хозяйственной депрессии. Он получил у меня разрешение сделать несколько выдержек из моей рукописи для своего труда по истории гражданской войны в Сибири.

Побуждаемый своей собственной материальной депрессией, я собираюсь пожертвовать теперь своим авторским честолюбием и хочу предложить Военной библиотеке Гувера просто приобрести мои мемуары, отложив их издание на английском языке до более благоприятного времени. Эта продажа могла бы дать мне некоторую толику средств, каковое соображение никак нельзя сейчас скинуть со счетов. Вопрос же об издании их на русском языке остается для меня открытым.

28 марта. «Харбинское время» сообщило сенсационный слух о бегстве из СССР ген[ерала] А.Н.Пепеляева*. Пока что не верится еще в справедливость этого слуха. Если же Пепеляев действительно появится в пределах Маньчжурии, то более авторитетного военного вождя для белых русских, чем он, трудно будет подыскать. М[ожет] б[ыть], история повторится... Поживем, увидим.

29 марта. Вчера вечером мы с Пуриным ужинали у о[тца] Диодора. Пурин – отчаянный оптимист: он убежден, что в мае последуют в Сибири большие события и скоро мы сможем потянуться на родину... Из разговоров с о[тцом] Диодором я убедился, что И.А.Дьяков страдает болезнью, коей имя – хлестаковщина. Кажется, придется скоро разоблачить этого господина.

30 марта. Порой я думаю: мемуары о наших смутных временах нужны будут не столько для историков, сколько для писателей-беллетристов, которые будут «живописать» нашу эпоху. Я представляю, сколько мемуаров разного рода должен был прочесть и проштудировать Лев Толстой для того, чтобы написать «Войну и Мир» – эту знаменитую эпопею. Не знаю, найдется ли когда-нибудь новый русский гений, который столь же полно и проникновенно мог бы дать художественную панораму наших лет, написать, скажем, в 12-ти томах эпопею «Война, Революция и Эмиграция». Если такой гений отыщется и сможет написать величественную эпопею, то только при одном условии, если в его распоряжении окажется достаточное количество исторических и мемуарных материалов и если в этих материалах будет обращено большое внимание на быт [подчеркнуто автором дневника. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] эпохи. Быт эпохи – вот чем не следует теперь пренебрегать...

Прочел сегодня в шанхайском «Слове» статью «Без руля и без ветрил», в которой по адресу газет типа «Заря» помещены следующие справедливые строки: «Здесь, на Д[альнем] Востоке, и особенно в Шанхае, политической жизни в эмиграции нет. Скудость политического состава, ничтожный культурный уровень среды дали возможность здесь пышно развиться желтой, безответственной и беззастенчивой, беспринципной и бездарной прессе, позволили выйти наверх пошлякам "и провинциальным Хлестаковым"... Могу подписаться обеими руками под этими утверждениями.

31 марта. Злоба дня здесь – это кинокартина германской продукции «Тройка», первый русский звуковой поющий фильм. Картина будит старые воспоминания, у многих вызывает слезы... Картина демонстрируется в «Капитоле». В Гэйети-театр идет звуковая картина советской продукции «Путевка в жизнь». Русская публика валом валит на «Тройку». Собираюсь посмотреть ее и я.

1 апреля. Вчера дважды побывал на «Тройке». Сегодня посмотрел «Путевку в жизнь». Советская картина, рисующая эпопею борьбы с детскою беспризорностью, произвела на меня огромное впечатление. Впервые в жизни слушал я русский звуковой говорящий фильм. Речь можно было слушать весьма явственно. Послушал, как поют русские соловьи и квакают русские лягушки. Технически картина выполнена хорошо. В театре было полно.

2 апреля. День именин жены. Утром проводил А.А.Пурина и о[тца] Диодора, отправившихся в Шанхай. Именины справили шумно.

3 апреля. Воскресенье. Публика, познакомившаяся с А.А.Пуриным, хорошо отзывается о нем как о человеке, но не очень хорошо как о политике, порицая его за излишнюю болтливость. Говорят, что японская газета на русском языке здесь все же скоро появится.

4 апреля. Многое, целые тома, можно написать о быте русской женщины в Китае. Тут найдутся страницы и высоко-трагические, и трагико-комические [вычеркнуто: и просто комические. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*]. До революции русская проституция в портовых городах Китая не существовала. Если здесь порой и появлялась какая-либо заезжая проститутка из России, она немедленно высылалась из пределов Китая: русские консулы блюли престиж русского имени. Теперь, волей российской революции, положение дел радикально изменилось. Теперь в портовых городах Китая, особенно, где имеются иностранные концессии и расположены гарнизоны иностранных войск, дома терпимости переполнены русскими проститутками, солдатские и матросские бары – русскими танцовщицами (dancing girls), множество русских содержанок. Порой какой-нибудь иностранец влюбится в русскую девушку из бара, возьмет ее из этого шумного заведения, женится на ней, и получается счастливая пара. Я сам знаю несколько таких счастливых пар, но это скорее бывает исключение, чем правило. Многие находят в шумной и угарной жизни портового города печальный финал.

Лет семь тому назад в Тяньцзине скончался от чахотки преподаватель Русского коммерческого училища здесь А.Т.Шестаков, бывший лесничий Амурской области. После него осталась молодая жена. Год или около этого она служила бонной, но это занятие утомило ее и пришлось ей не по душе, и молодая женщина пошла в бар. После пяти–шести лет угарной жизни она осенью прошлого года заболела буйным помешательством. Помешанную отвезли в Харбин, где она вскоре скончалась. А сколько таких русских женщин погибло от чахотки, наркотиков? Имена их Ты, Господи, веси!..

На днях одна моя знакомая имела разговор с девушкой из бара и расспрашивала ее об ее житье-бытье. Девушка рассказала, что у них недавно происходила передача любовниц матросами американского

военного судна, уходящего из Тяньцзиня, матросам другого судна, пришедшего на смену.

«Новые матросы требовали уступить их теперь же, в эту ночь, – рассказывала девушка, – но старые матросы возражали, указывая, что пока еще они хозяева своих возлюбленных... Сколько драк было!..»

«А что, бывает, солдаты и матросы бьют русских девушек, их дам сердца?» – спросила моя знакомая.

«Бываст. Вот на этой нсделс матрос поссорился с одной русской девушкой и подбил ей глаз, посадив синяк. Назавтра он пришел к девушке, принес ей темные очки и пошел с ней в кино. Конечно, публика не знает, почему девица сидит в кино в темных очках, но наши, "сэйлорские"[1], уже все знают, в чем дело. Они всегда приносят темные очки, когда подобьют глаза...»

Проходя по улицам города, можно часто заметить американских матросов, гуляющих под ручку с русскими девушками. Порой иной девушке на вид можно дать пятнадцать–шестнадцать лет: она выглядит свежей и юной, как былая русская гимназисточка. Говорят, здесь имеются действительно бывшие гимназистки из Харбина, живущие с матросами. Из матросов в наибольшем почете американцы. Иной американский матрос с тремя нашивками получает на всем готовом сто золотых долларов в месяц, что составляет 430 кит[айских] долларов: жалование, о котором могут только мечтать многие из русских эмигрантов. Три четверти своего жалованья, если не все, матрос может тратить на вино и девиц.

Вчера я был в гостях в одном русском доме на бывшей русской концессии и услышал рассказ еще про одну трагедию, здесь развертывающуюся. Года два–три тому назад житель ст[анции] Маньчжурия на Китайской Восточной ж[елезной] д[ороге], некто К., старообрядец, человек старого закала, отправил в Тяньцзинь свою молоденькую дочь, окончившую четыре класса гимназии, для изучения английского языка. Дочь К. пробыла один год в закрытом пансионе местного католического колледжа, затем год была приходящей ученицей. Оказавшись на свободе, девица через подруг свела знакомство с американскими солдатами, влюбилась в одного из них и стала жить с ним как жена. Ее муж оказался скверным человеком, научил ее пить и курить и вдобавок заразил венерической болезнью. Солдат отнимал у девицы те деньги, что посылал ей отец, и порой жестоко бил ее. Услышав про такие дела, К. приехал в Тяньцзинь с намерением увезти свою дочь домой. Девица долго не соглашалась покинуть своего возлюбленного, но, наконец, вняла уговорам отца, собралась в дорогу и вместе с отцом села на пароход, чтобы отбыть в Дайрен, а оттуда в Харбин и далее в Маньчжурию. В начале пути отец зорко следил за дочерью, боясь, как бы она не сбежала с парохода, но, успокоившись, он ослабил свое внимание и расположился позавтракать в каюте. Дочь, воспользовавшись этим обстоятельством, наняла шлюпку китайскую, высадилась по дороге с парохода на берег и вернулась в Тяньцзинь. Отец, обнаружив бегство дочери, вернулся

[1] Sailor – матрос (*англ.*).

тоже в Тяньцзинь и здесь начал поиски ее. До сих пор поиски не дали результатов: девушка искусно скрывается от отца. Ее возлюбленный арестован американскими властями по обвинению в каких-то неблаговидных поступках и ждет суда. Где находится девушка, никто разгадать не может. Боятся, что она может покончить свои расчеты с земной жизнью. Горе отца велико... Кажется, намечается еще одна жертва тяньцзиньского омута.

5 апреля. На политическом горизонте затишье. Уж не перед бурей ли оно?

6 апреля. Получил от Домрачева* из Пекина автограф великого князя Николая Николаевича, верховного главнокомандующего в мировую войну. Это является ценным приобретением для моей коллекции автографов. Пока что я имею в этой коллекции автографы русских писателей Л.Н.Толстого, В.Г.Короленко, Островского, Григоровича, Станюковича, Боборыкина, Вейнберга, М.Горького, Плещеева, Богораза (Тана), В.Брюсова, Скитальца, композитора Римского-Корсакова, артиста Шаляпина, путешественников Г.Н.Потанина, П.К.Козлова, Обручева, Свен Гедина и др., политических деятелей Брешко-Брешковской, Авксентьева, Церетелли, Войтинского, Плеханова, Дейча, Бурцева, Рожкова, Дана и др., представителей белого движения, членов Сибирского правительства, Уфимской делегации этого правительства: атаманов Краснова, Семенова, Анненкова, Дутова, барона Унгерна, верховного правителя адм[ирала] Колчака, затем многих сибирских и дальневосточных журналистов. Имею я в своей коллекции также автографы Распутина и индусского писателя Рабиндраната Тагора. Я не прочь продать эту свою коллекцию какому-либо любителю, но пока что такового не подвертывается...[1]

7 апреля. Отправил свою сокращенную статью об албазинцах в «The China Journal» в Шанхай. Это будет моей последней попыткой устроить эту статью в иностранных журналах.

8 апреля. Фруктовые деревья начали цвести. В парках показались зеленые лужайки. Приходится думать о лете, где и как его провести. Говорят, в Пэйтайхо на предстоящее лето уже сняты все дачи. До сих пор наше летнее времяпровождение располагалось так: 1 лето мы провели в Харбине, 2 в Пекине, 3 в Пэйтайхо, 1 в Дайрене и 5 в Тяньцзине. К сожалению, не можешь сейчас поехать, куда хочешь! Все из-за этого докучливого вопроса о деньгах. Имей мы свободные деньги, мы смогли бы это лето провести где-либо в Корее или Японии. Свое желание побывать в Японии я никак не могу привести в исполнение.

9 апреля. Приехала в город комиссия Лиги наций для расследования японо-китайского конфликта. Кое-где над китайскими магазинами вывешены флаги, очевидно, для привстствия высоких гостей.

10 апреля. Видел листок «Голос Азии»[2], выпущенный в какой-то скверной типографии с разбитым шрифтом. С внешней стороны ли-

---

[1] См. альбом: HILA. Serebrennikov I.I., box 24.

[2] Голос Азии: Газета. Тяньцзинь, 1932. № 1 (7 апр.) Выходила при поддержке японских властей, издатели-редакторы Ю.Кояма и Е.Н.Пастухин. После открытия Антикоминтерна «Голос Азии» был реорганизован и выходил под названием «Возрождение Азии», формат газеты увеличен.

сток производит жалкое впечатление. Прямо какое-то позорище! На память потомству я отправил два экземпляра этого листка на хранение в Русский З[арубежный] И[сторический] архив в Праге.

11 апреля. Получил письмо от проф[ессора] Фишера, который пишет, что вопрос о моих мемуарах будет решен в благоприятном смысле. Можно будет таким образом надеяться, что мои мемуары будут приобретены Военной библиотекой Хувера. Весьма важный вопрос для меня: оставит ли библиотека Хувера за мной право издания моих мемуаров на русском языке?

12 апреля. На днях в Шанхае застрелились из одного револьвера двое русских эмигрантов, молодых людей, бывших егерей. Мотив самоубийства: «Надоело жить!» Да, долгая жизнь на чужбине начинает изматывать. Проходят лучшие годы, теряется здоровье, а просвета все не видать. Родится пессимизм, теряется цель жизни.

13 апреля. В сегодняшнем номере американской газеты «North China Star» помещены интервью с двумя русскими большевиками Радеком и Троцким. Оба высказывают убеждения в скором пришествии мировой социалистической революции. Радек заявил: «Я убежден, что не в десятилетия, а в ближайшие десять лет будет общий Советский Союз от Тихого океана до Рейна, включая Балканы. Это обозначает, что, по меньшей мере, 400 миллионов людей воссоздадут высокую индустрию и социалистическое хозяйство». Троцкий в своем длинном интервью высказал мнение, что «настоящий экономический кризис есть несомненное выражение того факта, что мировой капитализм пережил сам себя как система. Вопрос об исторических датах, когда он будет замещен другой системой, будет решен, конечно, разными путями для разных стран, особенно для разных частей мира. Для Европы настоящего дня нет иного выбора». Он закончил свой анализ мировой ситуации следующими утверждениями: «Суммируя, можно сказать: Советский Союз американизируется технически. Европа или советизируется или опустится до состояния варварства. Соединенные Штаты европеизируются политически». Выходит, Троцкий – не такой безоглядный оптимист по части верования в скорое пришествие мировой коммунистической революции, как его бывший единомышленник Радек. Он еще гадает: Европа или советизируется, или же впадет в варварство. Варварство – это, очевидно, реакция со всеми ее последствиями.

Когда-то Наполеон пророчествовал: «Через сотню лет Европа будет или казацкой, или республиканской». Прошли сто лет, и Европа не стала ни казацкой, ни республиканской... Пророчества редко когда удаются людям, как бы сильно они ни претендовали на уменье ставить прогнозы будущего. И Троцкий, и Радек привыкли мыслить о России по Карлу Марксу, забывая, что Россия была и все еще остается страной неограниченных и необычайных возможностей и что она рано или поздно, скорее рано, чем поздно, и, быть может, еще в этом году поднесет миру такой сюрприз, что у всех этих патентованных политиков и политических астрологов волосы станут дыбом, глаза выкатятся из орбит, дыхание в горле сперто станет. Это мое пророчество, а исполнится ли оно, покажет этот, 1932-й год.

14 апреля. Надумал составить работу «Внешняя Монголия и русская революция (1917–1931)». За годы 1917–1926 материалы у меня подберутся, за остальные годы дело в этом отношении будет обстоять плохо. Если бы эта работа удалась, ее, пожалуй, можно было бы продать библиотеке Хувера. На днях узнал, что местный резидент генерал Колобов*, ближайший сподвижник ген[ерала] Хорвата по управлению Китайской Восточной ж[елезной] д[орогой] сумел продать свои мемуары этой же библиотеке. Эту сделку он сумел провести через посредство ген[ерала] Головина* и С.В.Востротина в Париже.

15 апреля. Кажется, Китайская восточная ж[елезная] д[орога] доживает свои последние дни. Власти нового маньчжурского государства хотят ее переименовать в Северо-Маньчжурскую железную дорогу. С японской точки зрения это переименование имеет свой смысл: раз имеется Южно-Маньчжурская ж[елезная] д[орога], отчего же не быть и Северо-Маньчжурской ж[елезной] д[ороге]? Советчики угнали с Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] почти все мощные паровозы (деканоды), лучшие вагоны и много другого имущества, и понемногу выбираются сами из пределов Маньчжурии[1]. Восточная ветвь дороги находится в состоянии полного хаоса: кажется, на ней появились уже советские партизанские отряды. Эти и многие другие обстоятельства как будто свидетельствуют о неизбежности вооруженного столкновения между Советским Союзом и Японией. В Харбине арестована группа советских террористов-подрывателей, присланных в Маньчжурию для порчи ж[елезно]-д[орожного] имущества.

16 апреля. В этот месяц у нас с женой прибавилось пять новых учеников, так что заработок наш несколько увеличился.

17 апреля. Смотрел сегодня игру в футбол на Recreation Ground между русской и английской командами. Состязание наблюдало множество публики. Победителями вышли русские, вызвавшие большой энтузиазм своих соотечественников. Жаль, что погода была сквернейшая: сильный ветер подымал клубы пыли и засорял глаза. Состязание было финальное, и русские вышли победителями в международной футбольной игре за кубок Ейлерса. Победителей вечером угощали шампанским в Русском клубе. Событие подогрело немного национальные чувства русских.

18 апреля. Получил ответ от «China Journal» из Шанхая. Меня уведомляют, что статья «Albazinians» принята журналом и появится в нем in due course. Этот мой маленький успех подбодрил меня после моих литературных неудач последнего времени. Жена заканчивает редактирование моих мемуаров за 1901–1916 годы и начала печатание на машинке моей статьи «О шаманизме в Китае». В настоящее время вылеживаются следующие мои работы:

1) «Мои воспоминания» (1917–1922) – в Hoover War Library, в Стэнфордском университете, в Калифорнии;

---

[1] «Угон паровозов и вагонов на советскую территорию ставит КВЖД в очень тяжелое положение. Удар этот приходится по интересам как самой линии, так и местных экспортеров. Срочное распоряжение по ж.-д. полиции о наблюдении и охране ж.-д. имущества остается лишь на бумаге, ибо советская администрация продолжает гнать в СССР все, что она находит нужным [...]» (Русское слово. 1932. 30 марта).

2) рассказ из китайской жизни «Свадьба Городского бога» – в шанхайской газете «Слово»;

3) «Реликвии Албазина» – в редакции «Китайского Благовестника», в Пекине;

4) «Текущий китайский фольклор и китайские народные суеверия» – в журнале «Понедельник», в Шанхае;

5) «Русские интересы в Китае» – в журнале «Современные Записки», в Париже;

6) «Albazinians» в «The China Journal», в Шанхае.

Свою статью о шаманизме в Китае я думаю отправить в журнал «Вестник Маньчжурии» в Харбин. Мемуары за 1901–1916 годы я, наверное, отправлю в распоряжение Русского Зарубежного Исторического архива в Праге. В ближайшее время я думаю набросать две небольших этнографических заметки «Китайские игрушки» и «Китайские похоронные деньги», в коих существенное значение будут иметь фотографические иллюстрации. К сожалению, я до сих пор не имею ответа из Парижа относительно посланных мною туда фотографий для иллюстрированных журналов.

19 апреля. Японские газеты что-то не спелись с собой: «Харбинское Время» пишет, что разговоры о возможности войны между Японией и Советской Россией не имеют под собой какой-либо почвы и что отношения этих двух стран становятся миролюбивее. Тяньцзиньский «Голос Азии» в сегодняшней передовице заявляет, что скоро будет гроза. Под грозой разумеется здесь новая русско-японская война.

20 апреля. Вечер просидел у меня гость из Пекина Я.Ф.Зверев*, старый мой знакомый по моей пекинской жизни. Он довольно близко стоит к высоким пекинским сферам и рассказал много интересного, в том числе кое-что и о комиссии Лиги наций, недавно посетившей бывшую столицу Китая.

21 апреля. Жить скучно. Будто и на людях, а чувствуешь себя, как в пустыне. Я не имею в Тяньцзине ни одного близкого мне человека, друга, товарища. От эмиграции в массе я далек, как не близок и к ее общественным руководителям. Все эти руководители – болотные заскорузлые люди: не о чем с ними ни поговорить, ни поспорить. Для многих из них ясна первопричина всего случившегося: все устроили жиды или масоны, или те и другие вместе. Для таковых я, конечно, социалист, и потому человек мало приемлемый. Вчерашний мой гость, Зверев, тоже совершенно не выносит этих политических примитивов, ничего не забывших и ничему не научившихся (за 15 лет!) и очень зло высмеивал их передо мной.

22 апреля. Надумал [вычеркнуто: Думаю. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] предложить свои услуги как сотрудника Военной Библиотеке Хувера в Америке и в этом смысле написал сегодня письмо проф[ессору] Фишеру. Если мои услуги будут приняты и при этом мне будет позволено продолжить свое сотрудничество в Пражском архиве, то моя работа архивной крысы расширится на два фронта: и для Европы (Прага) и для Америки (Станфордский университет). Невольно вспоминаю 1914 год, когда на одном из заседаний распорядительного комитета Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского

географического общества в Иркутске я испросил скромный кредит в 25 рублей на собирание печатных материалов, относившихся к мировой войне. Вспоминаю затем устроенные мной в 1915 и 1916 годах выставки в Иркутске под наименованием «Война и печать», имевшие большой успех у публики. В 1917 году мой архив был переименован в «Архив Войны и Революции»[1]. За годы 1914–1919 я собрал в нем ценнейшие коллекции, работая один, без чьей-либо помощи и почти без всяких средств. В этом архиве было, между прочим, немало материалов, относившихся к быту военнопленных в Сибири, в том числе рукописные журналы и газеты, выходившие в сибирских лагерях для военнопленных на немецком, мадьярском и других языках. Где теперь этот архив? Цел ли он? Пополняет ли кто его? Я предвидел важность грядущих событий в связи с начавшейся войной 1914 года и предпринял сборы материалов, касающихся этих событий, и сделал это, если, может быть, и не первый в России, то, во всяком случае, первый в Сибири.

Пражский и Хуверовский архивы делают теперь ту же самую работу, только в мировом масштабе. Я думаю, Хуверовскому архиву удастся собрать ценные материалы об истории мировой войны и русской революции и особенно гражданской войны в России, а Пражскому – по истории революции и эмиграции. Для характеристики положения русской эмиграции в разных частях света Пражский архив будет иметь неоценимые материалы, уники, и в этом отношении его мировая значимость будет вне каких-либо сомнений...

23 апреля. С утра было тягостно, чувствовалось, переменяется погода. Действительно, к вечеру пошел довольно основательный дождь. По случаю еврейской Пасхи были в гостях у доктора Перцеля*. Самого доктора дома не было. Нас принимали его жена и ее сестра. Как сам доктор, так и его жена – иркутяне, и мы имеем с ними много общих знакомых. Перцель на год позже меня окончил Иркутскую гимназию, затем, по завершении высшего образования, был некоторое время участковым врачом на Лене, в селе Усть-Куте. Здесь, в Тяньцзине, он имеет отличный заработок и живет хорошо. Я не люблю бывать у него, хотя он и мой земляк: причина этого – его большевизанство. Местные русские евреи в массе сочувствуют большевикам, в отдельности многие из них ругательски ругают их, но доктор Перцель даже в отдельности не скрывает своего сочувствия русским разбойникам...

24 апреля. Вербное воскресенье. Умерла от чахотки моя бывшая квартирная хозяйка Е.М.Малакен, еще молодая женщина. Кладбища Тяньцзиня постепенно заполняются русскими покойниками. А ведь все в свое время мечтали вернуться в Россию... Вот-вот падут большевики, ждали многие из них.

25 апреля. Получил письмо от проф[ессора] Ремера из Америки. Он сообщает мне, что со мной желает связаться профессор Charles P.Howland* (Yale University), каковой намеревается поручить мне произвести какое-то исследование, касающееся экономических взаимо-

---

[1] См. подробнее: Комментарий // Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / Под ред. акад. А.Н.Яковлева; отв. ред. В.И.Шишкин. М.: МФД, 2000.С. 449.

отношений Японии и Советской России и стран Дальнего Востока вообще.

[Зачеркнута строка. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Работа, по-видимому, будет платная. Это сообщение меня, конечно, порадовало. По текущим газетным сведениям, в Северной Маньчжурии воцарился полный хаос. На восточной линии Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] движение поездов остановлено. Почти все станции разграблены хунхузами и солдатами-бандитами старогиринской армии. Убито много мирных жителей, ограблено того больше. Пострадали и русские. Имеются сообщения об изнасиловании бандитами русских женщин. По трафарету принято думать, что этот хаос нарочито создается японцами, но так ли это? Я сомневаюсь в этом.

[Зачеркнуты две строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Советчики принялись за аресты японцев во Владивостоке. Можно думать теперь, что конфликт разгорается...

26 апреля. О[тец] Диодор Колпинский вчера вечером вернулся из Шанхая. Сегодня я виделся с ним на улице. Он передал мне привет от Пурина. Я же ждал от последнего не привета, а писем. По словам батюшки, русские в Шанхае склонны думать, что войны между Японией и СССР не избежать.

27 апреля. Идет предпраздничная суета. Русские хозяйки озабочены, как обеспечить себя куличами и сырными пасхами. Большинство пекут куличи сегодня у себя дома. Завтра будут красить яйца и т.д. Стародавние обычаи сильны, и, мне кажется, на чужбине они еще более проявляют свою власть над нами. Хочется, чтобы все походило на то, как было когда-то дома, на Святой Руси.

За истекшую неделю побывал в гостях в двух еврейских семьях, и тут я тоже мог наблюдать власть традиции и обычая: меня угощали мацой, медовыми сладостями, медом и прочими еврейскими кушаньями и напитками.

28 апреля. Приготовил сегодня небольшую заметку на английском языке «The strange creatures of the Chinese handicraft». Полагаю отослать ее с двумя иллюстрациями в «The China Journal» в Шанхай.

Страстной четверг. Восемь часов вечера. Сейчас в трех русских церквях Тяньцзиня читают двенадцать евангелий. Многие с зажженными свечками в руках будут возвращаться из церквей домой. Это будет красиво. Нужно пойти посмотреть. Я ухожу...

29 апреля. Страстная пятница. Вынос плащаницы. Вчера я побывал вечером в Иннокентьевской церкви. Народу на двенадцати евангелиях было полно. Церковь была нарядно убрана. Дворик перед церковью был покрыт циновками, по китайскому образцу, так что получилось что-то вроде паперти, и здесь было много народу. Популярность Иннокентьевской церкви не убывает, несмотря на все интриги против нее, кои ведет архимандрит о[тец] Виктор, настоятель Покровской церкви.

30 апреля. Из Шанхая получено сообщение о страшном террористическом акте, жертвами коего стали японские: посланник в Китае, командующий войсками, командующий флотом, генеральный кон-

сул в Шанхае и ряд других японских деятелей. Террорист, молодой кореец, арестован на месте преступления. Были ли у него сообщники и кто, пока неизвестно...

1 мая. Первый день Св[ятой] Пасхи и одновременно первомайский праздник второго и третьего интернационалов. На пасхальной заутрене был в Иннокентьевской церкви. Народу было много. Участвовал в крестном ходе вокруг квартала, где расположена церковь. Впереди процессии шли китайчата, ученики церковной школы с цветными зажженными фонариками в руках.

В Покровской церкви было также множество народа, в том числе немало и иностранцев. Это церковь была вся, сверху донизу, пышно иллюминирована. После заутрени мы с женой дома разговелись. День провел в визитах. Навестил знакомых, у которых давно не был. Страшно мучался от жары, посетивший наш город в первый день праздника.

2 мая. В день перебывало около трех десятков визитеров. Собралось к вечеру шесть шахматистов: играли в три доски. Жара схлынула, и подул прохладный ветер.

3 мая. Судя по телеграммам, коммунистическое 1-е мая прошло по всему миру весьма спокойно.

4 мая. Получил сегодня ответ от Американского Музея Натуральной Истории в Нью-Йорке на мое предложение о покупке коллекции абиссинского оружия, собранной А.А.Орловым. Пишут, что «no funds are available for the purchase». Пока что от одного из музеев ответ отрицательный. Подождем, что скажут другие музеи. По-видимому, надежд на продажу коллекции мало. К вечеру получил еще два ответа из Чикаго, тоже неутешительного свойства. Можно думать, что на продаже коллекции Орлова я не только ничего не заработаю, но напрасно потрачусь на почтовые расходы.

5 мая. Сегодня на нашей улице большое смущение произвела какая-то сумасшедшая русская женщина. Она шла по улице и что-то дико кричала, собирая толпы любопытных. На вокзале найден мертвым русский, старик, никому не известный. Невеселая русская хроника...

В театре «Capitol» будут скоро показывать американскую кинокартину из русской жизни «Желтый билет», где по традиции будут в скверном виде представлять русские порядки при самодержавии. Олухи из Америки не могут сообразить, что эта традиция теперь нелепа и является просто анахронизмом.

6 мая. Казаки Оренбургского казачьего войска справляют войсковой праздник. Из помещения Казачьего союза[1], рядом с нашим домом, вечером беспрерывно доносились до нас крики «ура» и звуки бодрых песен. Гуляет Русь!

7 мая. Вечером была небольшая гроза: гремел гром, сверкала молния; лил небольшой дождь. Скучный день провел в игре в шахматы.

8 мая. Воскресенье. Газеты принесли известие о новом ужасном террористическом акте, на этот раз потрясшем Францию: убит

---

[1] Казачий союз основан в Китае в апреле 1924 г.

президент Думер террористом, оказавшимся русским, каким-то Горгуловым или Гогуловым*. Кто этот террорист, пока неизвестно, или это сумасшедший маньяк, продукт тяжкого безвременья, душевно больной человек, или же большевистский провокатор, поставивший себе целью ухудшить положение русской эмиграции за границей? Ближайшее время выяснит эти вопросы.

Скверные сведения идут и из Харбина, население коего вновь переживает тяжелые дни: к городу надвигаются старогиринские войска. Трудно понять, что делают японцы в полосе отчуждения Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Похоже на то, что они пока еще не могут справиться в Маньчжурии с царством анархии и беспорядка, которые добивают последние остатки русского благополучия в крае.

Русский мартиролог в Китае увеличивается с каждым месяцем. Когда-нибудь историк русской эмиграции должен будет отметить то существенное отличие в положении, каковое имели и имеют эмиграция на западе и эмиграция на востоке. Эмиграция на западе попала сразу в культурную и мирную обстановку. Не то случилось с эмиграцией здесь на востоке, на просторах бушующей Азии, в бурлящем Китае. Сколько русских погибло при трагических обстоятельствах в Монголии и Китае, трудно представить: во всяком случае, это будут не сотни, а тысячи, и даже многие тысячи человек. А главное, не видать здесь еще и конца этим русским жертвам смутного времени.

Этими печальными размышлениями я провожаю тринадцатую пасхальную неделю, проведенную на чужбине.

9 мая. Кончались праздники. Наступили будни. Пора засесть теперь за работу. Получил письмо от профессора Howland из Америки. Он пишет мне, что изучает вопрос о русской политике на Дальнем Востоке и просит меня подготовить для него материалы по этому вопросу. Навертывается как будто платная и интересная для меня работа. Конечно, я отвечаю профессору своим согласием.

10 мая. Закончил чтением книгу Миллер «Французская эмиграция и Россия»[1]. Книга эта интересно написана и во многих отношениях содержит поучительный для нас исторический материал. Единственный и притом, пожалуй, существенный ее недостаток состоит в том, что она рассматривает только верхи французской эмиграции, ее аристократические сливки, и почти ничего не сообщает о рядовых эмигрантах. Собственно говоря, ее следовало бы озаглавить: Высшие представители французской аристократии в эмиграции и императрица Екатерина Великая. Так было бы правильнее.

Тяжело обстоит в Тяньцзине вопрос с научными занятиями. Для таковых нет здесь ни одного серьезного книгохранилища. В русской библиотеке «Знание», принадлежащей г[осподину] Антуфьеву* и когда-то основанной мною, много книг по беллетристике и почти нет подбора свежих книг о Китае, ни русских, ни английских. В Британской муниципальной библиотеке подбор книг носит совершенно случайный характер, и в ней также мало бывает книг о том же

---

[1] Миллер К. Французская эмиграция и Россия в царствование Императрицы Екатерины Второй. Paris, 1931.

Китае или Советской России. Между тем как о Китае, так и о СССР выходит очень много книг на английском языке. Их нигде достать нельзя, можно только купить. А покупать невозможно. Спросишь цену и обожжешься: рядовая цена 20, 25, 30 долларов. Если я приму работу от проф[ессора] Howland, то не знаю, как мне удастся выполнить ее: возможно, придется на время выехать в Пекин, или в Дайрен, или даже в Харбин.

В данное время пользуется вниманием недавно вышедшая из печати в Америке книга ген[ерала] Яхонтова «Russia and the Soviet Far East»[1]. Стоит она в продаже почти 27 долларов. Хотелось бы ее прочесть, но как и у кого раздобыть, не знаю. Конечно, у русских ее искать нечего. По моим справкам, здешним иностранным книжным магазином продано уже три экземпляра книги Яхонтова, одним из покупателей был местный американский консул. Возможно, придется отыскивать ходы к нему.

11 мая. В городе много разговоров о банкротстве крупной еврейской пушной фирмы «Братья Гершевич»*. Основатели фирмы – сибиряки, кажется, родом из Верхнеудинска и за время своего проживания в Китае как-то сумели получить британское подданство. Говорят, что долг фирмы банкам достигает чуть ли не миллиона долларов. Депрессия дьявольски дает знать о себе. Перспективы скверные.

12 мая. В местном Китайском православном миссионерском братстве во имя Св[ятого] Иннокентия – крупный скандал: настоятель церкви о[тец] Сергий Чан крупно поссорился с членами правления братства, опечатал своей печатью церковный свечной склад и отказался признавать правление братства[2]. Как волка ни корми, а он все в лес смотрит. Так, кажется, обстоит дело и с китайцами. Как с ними ни возись, какие услуги им ни оказывай, – благодарности ждать не приходится. А ждать взрыва страстей корыстолюбия и жадности к «тельцу златому» всегда можно.

Как-то вообще неблагополучно обстоит в русской церкви в Китае. Все это от проклятого безвременья. О покойных принято говорить aut bene, aut nihil[3], но не могу не упомянуть здесь, что не так давно скончавшиеся наши дальневосточные митрополиты Иннокентий Пекинский и Мефодий Харбинский* были в жестокой ссоре между собой. Теперешний архиепископ Пекинский и Китайский Симон во вражде с Сергием, архиепископом Японским. Известна грандиозная русская церковная свара в Шанхае. Здесь, в Тяньцзине, Покровская церковь во главе с архимандритом Виктором враждует с Иннокентьевской церковью во главе с протоиереем о[тцом] Сергием Чан, маньчжуром по национальности. Бывший казначей

---

[1] Russia and the Soviet Union in the Far East, by Victor A. Yakhontoff. New York, Coward-McCann, Inc. [c 1931].

[2] В 1930 г. протоиерей С.Чан основал в Тяньцзине первый в Китае китайский православный молитвенный дом, назвав его Свято-Иннокентьевским храмом, в богослужении использовался китайский язык. Одновременно сформирован из китайцев и русских главный храмовый административный совет. После Чана были китайские священники Жуй Сянь Чжан, Ду Жунь Чень, Ду Ли Кунь и др.

[3] Либо хорошее, либо ничего (*лат.*).

Иннокентьевского братства А.Ф.Рублев*, «эмигрантский выдвиженец», простой малограмотный мужичонка, фельдфебель, обиделся на недоверие, которое ему было оказано на общем собрании членов братства, и, с благословения архиепископа Симона, обосновал в Тяньцзине третью церковь, во имя Серафима Саровского, с намерением погубить Иннокентьевскую церковь. Теперь настоятель церкви о[тец] Сергий перессорился сам с членами правления братства.

Такова неутешительная картина нашего церковного настроения. «Врачу, исцелися сам», – вот что можно сказать нашим дальневосточным духовным отцам. Не могу не вспомнить здесь также о том, как несколько лет тому назад покойный митрополит Пекинский привлек к китайскому суду главу русской эмиграции на Д[альнем] Востоке ген[ерала] Д.Л.Хорвата по обвинению не более, не менее как в мошенничестве. Суд, конечно, оправдал генерала, но старику пришлось сидеть на скамье подсудимых. Покойному митрополиту, наверное, и в голову не приходила та простая мысль, что, привлекая главу эмиграции по обвинению в мошенничестве, он тем самым наносил жесточайшее оскорбление и всей эмиграции. Хорошо еще, что в свое время русские дальневосточные газеты замолчали этот грустный скандал.

13 мая. День жаркий и душный. В такие дни хочется спать и спать. Никакая работа не клеится.

14 мая. Получил отчет Русского Заграничного Исторического архива за 1931 год. Из отчета видно, что в Китае имеются пять представителей и сотрудников архива: Д.И.Поздняков* и Н.Г.Володченко* в Харбине, В.И.Несвадьба и М.И.Шастин в Шанхае и И.И.Серебренников в Тяньцзине.

15 мая. Конфликт о[тца] Сергия с правлением Иннокентьевского братства не разрешен, а углубляется все более и более. Возникают опасения, как бы этот конфликт не разросся в ссору православных русских и китайцев между собой и не повлек за собой захват китайцами русской православной миссии в Пекине, этого едва ли не единственного еще сохранившегося на территории Китая старого русского учреждения. Говорят, что о[тец] Сергий в свое время тайно снесся с Гоминьданом и Нанкинским правительством и будто бы получил назначение на пост начальника миссии. Насколько это верно, не знаю. Сегодня в помещении братства состоится митинг членов такового, созванный о[тцом] Сергием. Последний резко нападал на членов правления и называл их чуть ли не хунхузами. Хунхузы! – так назвать людей, бескорыстно и неутомимо работавших на пользу братства! Возможно ли после этого какое-либо примирение?

16 мая. Еще один крупный террористический акт: в Японии убит престарелый премьер-министр Инукай*. М[ожет] б[ыть], убийство произведено на этот раз справа.

Какое кошмарное время переживаем мы?!

17 мая. С утра льет дождь. В «North China Star» прочел интересное Moscow letter корреспондента «United Press». Корреспонденция сообщает о возникновении прямого торгового обмена в Москве и других городах Советской России. Описывая эту торговлю на московских рынках, корреспондент пишет: «Продавцы держат свои товары в ру-

ках или раскладывают их на листке газеты прямо на земле. Все кричат, толкаются и ругаются. Эти рынки носят настоящий азиатский характер, за исключением того, что они не имеют совсем восточного колорита. Все серо и бедно». Да, с помощью международных отбросов большевики превращают Россию в какую-то дикую азиатскую страну-сатрапию, бедную и забитую. Другие сведения показывают, что и к иностранцам в сталинской вотчине начинают относиться теперь так же враждебно, как когда-то относились к ним в Китае. И в этом отношении несчастная страна начинает приобретать азиатский облик. Страдания родины – неописуемы, и некому ей помочь. Если иностранцы и помогают кому-либо, то только ее удушителям, и гнев русского народа против них справедлив: «Но настанет пора, и проснется народ», и хлопнет он дубиной по всей этой коммунистической сволочи и ее пособникам, и в первую голову по проклятым немцам. И под призывы старой русской марсельезы: «Вставай, подымайся, рабочий народ, иди на врага, люд голодный!» – сумеет очистить страну от сатрапов, больших и малых.

18 мая. Город взволнован убийством С.Е.Соколинской, владелицы шляпного магазина. Судя по обстановке, убийство произошло вчера рано утром. Убийца – по-видимому, бой-китаец. Покойная – еврейка, иркутянка. Я вспоминаю, портновский магазин ее мужа когда-то располагался на Большой улице Иркутска, между 4 и 5 Солдатскими улицами. Здесь, в Тяньцзине, Соколинская была причастна к общественной деятельности и в свое время принимала ближайшее участие в делах общества «Ясли» и кружка «Театр и музыка».

19 мая. Вчера вечером мы с женой побывали в Grammar School на концерте учеников вокальной студии А.М.Поляковой*. Программа концерта состояла более чем из 30 номеров. Выступали хор учеников Европейской школы и отдельные певицы и певцы, русские, евреи и иностранцы. Наилучшее впечатление произвели на нас молодые певицы: Бирюлина, Гутбецаль, Ткаченко и Сафронова и певцы: Витгоб и Монер. Нам кажется, артистическая карьера может открыться перед Сафроновой, обладательницей красивого контральто, и Монером, басом. Монер теперь – еще совсем молодой человек, 18-летний юноша. Родом – иркутянин и в течение нескольких лет мой ученик по математике.

Устроительница концерта А.М.Полякова – тоже иркутянка родом и воспитанница С[анкт]-Петербургской консерватории. Я помню еще ее выступления как певицы на любительских концертах в Иркутске. Тогда она выступала под своей девичьей фамилией Звягина. Теперь это убеленная сединами почтенная преподавательница вокального искусства.

За вчерашний день и сегодняшний получил ряд писем из Америки и от проф[ессора] Гинса в Харбине. Доктор Фишер из Стандфордского университета в Калифорнии даст мне некоторые поручения по сбору материалов для Hoover War Library. Таким образом, я становлюсь фактически сотрудником этого американского учреждения.

Проф[ессор] Гинс сообщает мне, что подготовляет к печати второй том своего труда «Новые идеи в праве». Меня удивляет неутоми-

мая энергия профессора. По всем данным, он станет рано или поздно выдающимся русским правоведом. Человек работает и работает, несмотря на грохот пушек, каковой вновь слышен в Харбине.

Сегодня днем архимандрит Виктор зашел ко мне и прочел мою рукопись, приготовленную мною для сборника памяти покойного митрополита Иннокентия. Начал писать новую работу: «Автономное движение в Сибири и его будущность». Рукопись предполагаю перевести на английский язык и отослать в журнал «Foreign Affairs» в Нью-Йорке.

Н.И.Гучков (брат известного А.И.Гучкова) сообщает из Парижа, что посланные мною ему фотографии получены и находятся на рассмотрении его клиентов.

20 мая. Жарко и душно. Термометр днем показывает 98 градусов по Фаренгейту.

В поисках «Харбинского времени» побывал сегодня в редакции «Голоса Азии»: сумел достать для прочтения всего четыре разрозненных номера.

21 мая. Р[усский] З[арубежный] И[сторический] архив в Праге сообщает, что в будущем 1933 году будет десятилетие его существования. Архив просит меня послать ему мою фотографию и мои биографические материалы. Очевидно, предполагается какое-то юбилейное издание. Как быстро летит время! Кажется, архив возник совсем недавно.

22 мая. Воскресенье. Навестила меня приехавшая из Шанхая г[оспо]жа Т.С.Филимонова*, жена автора недавно вышедшего из печати исторического труда «Белоповстанцы». Визитерша – молодая женщина, приехавшая сюда с книгой мужа для ее распродажи. Просила меня оказать ей содействие в этом деле. По ее словам, в Шанхае удалось распродать уже более 400 экз. книги, чем было окуплено издание. Из Тяньцзиня Филимонова намерена проехать в Пекин и затем в Дайрен. Энергичный способ распространения книги, признаюсь, удивил меня. «Белоповстанцы» – это описание известного Хабаровского похода белых в 1922 году[1]. Я решил приобрести один экземпляр книги.

23 мая. Следствие выясняет, что убийца г[оспо]жи Соколинской, молодой китаец-бой, совершил убийство без заранее обдуманного намерения, в ссоре и даже драке со своей хозяйкой. Рано или поздно такие случаи могут иметь место. Мои наблюдения показывают, что русские еврейки вообще, харбинки в особенности, совсем не умеют обращаться с китайской прислугой. То они чересчур ласковы с прислугой, то они кричат на нее и целый день ругаются (в иную пору нехорошей руганью), порой дают пощечины и даже лезут в драку. Китаец же любит ровное и спокойное обращение с ним и учтиво выслушает великий выговор ему, если он сделан в достойной форме. Еврейки-покупательницы обычно страшно скверно обращаются и

---

[1] Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабар. поход зимы 1921–22 годов: В 2 кн. – Шанхай, 1932. Кн. 1, ч. 1: Перед походом, ч. 2: Наступление белых; Кн. 2: Борьба на Амурской границе с 25-го дек. по 13-ое янв.

с китайцами-приказчиками в китайских лавках, бешено торгуются, кричат, бранятся.

– Нс валяй дурака! – кричит порой такая покупатсльница, услышав дорогую, по ее мнению, цену товара.

Китайцы быстро заучивают подобного рода фразы, иногда не понимая и смысла их, и тожс пускают их в ход, когда нужно и нс нужно. Не так давно одна моя знакомая русская дама была в китайской лавке. Хотела что-то купить, но нашла, что цена высока, и сказала об этом приказчику. Послсдний брякнул сй:

– Твоя дурака не валяй!

Покупательница обиделась и сейчас же ретировалась из магазина.

24 мая. В Шанхас объявлсна почтово-тслсграфная забастовка. Сегодня к забастовке присоединились почтовые учреждения Тяньцзиня и Пекина. Все это показывает, насколько слаба центральная власть Китая.

25 мая. Вечерами, в свободные часы, пишу работу «Областническое движение в Сибири и его будущность». Утром перевожу эту мою работу на английский язык. Мои переводы на английский просматривает Mr. More и исправляет их. Он же печатает их на машинке. Все это он любезно делает бесплатно. Mr. More – отставной чиновник Пекин-Мукденской ж[елезной] д[ороги]. Говорят, он имеет большой капитал, на который сейчас и живет, весьма скромно и даже скупо. От бсздслья он, по-видимому, бываст рад и тсм работам, которыс я изредка даю ему.

26 мая. В ожидании «мировых событий» русская публика совершенно измоталась. Война так война, лишь бы скорее разрешился мировой кризис в ту или другую сторону. Становится душно. Требуется струя свежего воздуха.

27 мая. Почтовая забастовка окончилась. Слава Богу! А то я стал опасаться за свои дела, так как многие из них связаны с почтовой корреспонденцией.

28 мая. Вышла из печати здесь апрельская книжка журнала «Стремя». Журнал этот выходит спорадически, по мере того, как г[осподин] Шишкин, его редактор и, кажется, единственный его сотрудник, уже имеет что-нибудь сказать почитателям его писательско-публицистического таланта. Шишкин – это б[ывший] военный, если не ошибаюсь, войсковой старшина Сибирского казачьего войска, один из сподвижников Иванова-Ринова. Местами он пишет хлестко и остроумно, местами – жует солому. Если бы он больше работал над своими статьями, м[ожет] б[ыть], из него и вышел бы незаурядный политический публицист. Если бы далее он позаботился о пополнении своего умственного багажа, было бы еще лучше.

Война и революция выработала из некоторых офицеров больших политиков. Недавно я познакомился в одном доме с бывшим офицером Забайкальского казачьего войска. Я был поражен, как много и долго этот офицер мог говорить по вопросам политики, обильно пересыпая свои речи иностранными словечками, такими как идеология, контакт и пр. Я мог заметить, что люди такого рода в значительной мере дон-кихоты и почти всегда большие оптимисты.

29 мая. Воскресенье. День простоял душный. Ждали грозы, но ошиблись в своих ожиданиях. К вечеру собрались к нам гости. Б.П.Яковлев, зоолог местного музея, принес нам пластинки с Собиновым. Дамы с громадным удовольствием слушали знаменитого русского певца.

Отдал Mr. Morc для просмотра первую часть моей работы «Autonomous Movement in Siberia and its Future».

30 мая. Перед отъездом в Пекин зашла попрощаться Т.С.Филимонова. Она сообщила, что в Тяньцзине ей удалось продать 45 экземпляров книги ее мужа «Белоповстанцы». Считаю, что для Тяньцзиня это более чем достаточно.

31 мая. Снова душный день. Становится невмоготу...

1 июня. Виделся сегодня с М.Е.Остерманом*. В разговоре он подтвердил мне, что теперешний командующий советскими войсками на Д[альнем] Востоке Блюхер когда-то служил на его заводе в Казани.

– Как же! Служил и устроил мне забастовку, – уверенно сообщил мой собеседник.

2 июня. Получил сегодня перевод от Hoover War Library на 50 золотых долларов, из коих 20 идет в вознаграждение мне за труды для этой библиотеки. Придется теперь налаживать отправку в Америку коекаких русских изданий, и в первую очередь «Харбинского Времени», японской официозной газеты.

3 июня. Жара продолжает мучить публику. Как всегда, лето начинает пугать: выживем ли?

4 июня. «Харбинское Время» продолжает публиковать весьма ценные материалы по вопросу о бывшем положении русских в Маньчжурии под китайской юрисдикцией. У меня возникает мысль систематизировать эти материалы; не знаю только, хватит ли времени на это. Картина может получиться весьма жуткая.

5 июня. Мы с женой получили приглашение быть ассистентами на выпускных экзаменах местной русской прогимназии православного братства. Экзамены начнутся завтра. Жена будет ассистировать по русскому языку, я – по физике и математике.

6 июня. Присутствовал сегодня на экзаменах по физике и природоведению. Экзамены прошли, в общем, хорошо. Некоторые маленькие ученицы говорили весьма гладко и давали очень осмысленные ответы. Преподавание в прогимназии поставлено, видимо, хорошо. Жаль только, что школа почти не имеет учебных пособий.

7 июня. На экзаменах провел три часа. Хорошо отвечали по алгебре, особенно умело справлялись с уравнениями первой степени. Много слабее были по геометрии. Завтра придется быть на экзамене по арифметике.

По городу поползли вновь какие-то тревожные слухи. Кажется, китайцы ждут выступления японцев. Увы, до успокоения Китая так же далеко, как Лиге наций – до того времени, когда она сможет стать распорядителем судеб мира.

Решил сегодня написать письмо В.Д.Пастухову, члену секретариата путешествующей по Китаю и Японии обследовательской комиссии Лиги наций, с предложением своих услуг как эксперта по рус-

ским делам в Китае. Едва ли что-нибудь положительное выйдет из этого моего предложения?

8 июня. Кажется, сегодня кончается праздник Драконового бога в Китае. Этому празднику я уделил большое внимание в своей статье «К вопросу о шаманизме в Китае»[1]. В своем происхождении он уходит в глубь староязыческих времен этой страны и совпадает с языческими праздниками в Европе в день Ивана Купалы.

Мой повар-китаец говорит, что если сегодня будет дождь, то это плохая примета: будет неурожай, и хлеб весь сгорит.

9 июня. Вчера вечером мы с mr. More побывали в цирке «Колизей», каковой управляется неким Мартини. Это столько же цирк, сколько и кабаре, где русская нужда, вперемежку с китайской, скачет, пляшет и поет. Настоящее «евразийское» предприятие. Публики было маловато. Дела цирка, нужно думать, идут незавидно: жаль, так как десятка два русских находят здесь свой заработок.

Устроили сегодня прощальный обед д[окто]ру Кузьмину с супругой. Они уезжают в Шанхай, где надеются найти работу. Кузьмин – воспитанник Московского университета. Попав в Китай, он не стал здесь практиковать по своей медицинской специальности и почти все время служил в пушных конторах. В течение нескольких последних месяцев он был без работы и теперь направляется в Шанхай пытать новое счастье. Человек он симпатичный, и дай Бог ему хорошо устроиться на новом месте.

10 июня. День был тяжелый. К вечеру загремел гром. Пошел дождь. Стало легче.

Закончил сегодня перевод своей статьи «Областническое движение в Сибири и его будущее».

11 июня. У Mr. Hayes взял для прочтения книгу В.Яхонтова* «Russia and the Soviet Union in the Far East». Теперь я обеспечен чтением. Книга эта только что вышла из печати в Нью-Йорке. Кажется, автор ее принадлежит к числу большевицких подлипал.

12 июня. Сегодня мы с женой присутствовали на торжественном выпускном акте русской прогимназии. Торжество происходило в Русском клубе. Было множество народа. Сказано много прочувственных слов. Торжество посетил архиепископ Симон, отслуживший в начале школьного празднества молебен. Лучшим ученикам и ученицам были розданы подарки. Попечительницы школы, г[оспо]жи Питерс и Веденяпина, были героями торжества. Их трудами школа была создана и держится. Первый выпуск школы пока дал только трех питомцев. Окончили школу девочки Плотникова и Вятских и мальчик Пастухин.

13 июня. В городе начала распространяться холера. Пока что она свирепствует в китайском Тяньцзине.

14 июня. Сегодня обедал у нас о[тец] Диодор Колпинский. После обеда он прочел нам с женой несколько своих прочувственных стихотворений. Стихи нам понравились. Они обнаружили в авторе несомненное поэтическое дарование. Затем он прочел вслух два моих

---

[1] Серебренников И.И. О шаманизме в Китае // Парус. 1933. № 11.

китайских рассказа «На поле битвы» и в «Храме Неба». Последний мой рассказ особенно понравился батюшке. Вечер мы провели у Лавдовских, где справляли день рождения хозяина. Кроме нас из гостей были только супруги Лапердины*, оказавшиеся милыми, веселыми и остроумными собеседниками. Г[оспо]жа Лапердина хорошо декламировала интересные стихи, пела частушки, цыганские романсы, была, что называется, душой общества.

15 июня. Попала мне сегодня в руки книга «Старый Петербург» М.Пыляева издания А.С.Суворина еще 1887 года. Я смотрел на эту книгу, словно на привидение с того света. Так, неожиданно в Китае встретишь иногда какую-нибудь редкость. Вспоминаю, когда я держал здесь книжный магазин, мне порой попадались тоже старые русские книги. Когда-то я приобрел два тома сочинений Марлинского. Что мне было делать с ними? Я отослал их в дар Иркутскому университету, добавив несколько еще более старых книг, в том числе одну книгу 1807 года или около этого.

Из беженческих раритетов я видел в Тяньцзине несколько лет тому назад подлинную картину бывшего хранителя Эрмитажа художника Дени, того самого, прелестная картина которого в овальной раме «Купальщицы» служила еще не так давно украшением одной из зал Музея Имп[ератора] Александра III-го в Петербурге. Пришлось мне видеть здесь и металлические барельефы с классическими сюжетами работы Ф.П.Толстого. К сожалению, я не мог разобрать в свое время, были ли это подлинники или особого рода репродукции.

16 июня. Сегодня кончались занятия в Grammar School. Учеников у меня пока осталось всего пять человек. Жена совсем освободилась от уроков. Удастся ли этим летом съездить куда-нибудь на дачу? Пока еще не знаю. Многое будет зависеть от того ответа, который я поджидаю от проф[ессора] Howland из Америки.

17 июня. Сильная жара. Трудно заниматься. А тут под окном играют еще русские ребятишки, оглушительно и пронзительно кричат. Но что поделаешь? Не могу же я запретить им играть на вольном воздухе.

Окна открыты, и комнаты вообще заполняются уличным шумом. Наша Dickinson Road кишмя кишит русскими евреями, татарами, китайцами, японцами, филиппинцами и отнюдь не принадлежит к тихим улицам. Она шумна не только в дневное, но и в вечернее время.

Удивительно шумны сами китайцы. Не дай Бог, если рассорятся две китаянки. Они будут кричать, визжать, и вы подумаете, что кого-нибудь режут. Китайцы-мужчины тоже любят горлопанить, кричать и петь. Пожалуй, прав один иностранец, который как-то сказал, что «noise is a national necessity of China».

18 июня. Получил три письма из Р[усского] З[арубежного] И[сторического] архива из Праги. В одном из писем сообщается, что в это учреждение поступил архив покойного доктора Русселя-Судзиловского из Тяньцзиня. В свое время этот архив был отправлен отсюда при моем содействии[1]. По моим сведениям, на Дальнем Востоке пока что находятся без присмотра три крупных архивных

---

[1] Ныне находится в: ГА РФ. Ф. Р-5825. 1 оп. 264 ед. хр.

собрания. Это, во-первых, архив Владивостокского правительства братьев Меркуловых (1921–1922 годы). Этот архив находится в полицейском управлении китайского города Тяньцзиня. Взят он был китайскими властями, кажется, в 1927 году при разгроме газеты «Наш Путь». Где-то в китайском Туркестане должен храниться теперь архив войскового правительства Оренбургского казачьего войска, каковой остался там после смерти атамана Дутова. В Токио, кажется, лежит без движения архив атамана Семенова.

К получению Меркуловского архива в свое время принимались меры Русской национальной общиной в Тяньцзине, но эти хлопоты не дали положительных результатов. Боюсь, не пропал ли он уж совсем. Видимо, без крупной взятки его нельзя будет заполучить обратно.

19 июня. Воскресенье. Троица. Сегодня многие русские отправились за город, на пикники, чтобы отдохнуть на лоне природы и справить здесь праздник. В окрестных озерах русские нашли места для купанья. На некоторых из них поставлены кабинки. Этого до пришествия русских в Тяньцзине не бывало. Теперь порой даже иностранцы посещают эти места купаний.

Верстах в семи от города, вниз по течению реки Бэй-хо, русские отыскали какую-то рощицу и не преминули назвать ее «Луна-парк». Сегодня туда рейсировала русская моторная лодка «Чайка» и отвозила любителей загородных прогулок. Жена в компании с Курбатовыми и Чупиными собирались тоже сегодня покататься на лодке по Бэй-хо, но нанятую у китайцев лодку перехватили американцы, и потому прогулка не состоялась.

Лично я провел день скучно. Чем далее, тем все тошнее становится жить в Китае. Чужбина всем пресытила...

20 июня. Завтра жена собирается поехать в Пекин, чтобы показаться там немецким докторам. У нее давно уже болят руки, и она не знает, по какой причине и как их лечить. Здешние доктора оказались бессильны поставить правильный диагноз.

21 июня. В девять часов утра проводил жену на вокзал. Она выехала в Пекин вместе с Е.С.Курбатовой.

22 июня. День провел в некоторой работе: начал писать свои «этнографические заметки», где думаю изложить ряд своих соображений об основах быта примитивных народов.

23 июня. Получил письмо от жены из Пекина. Пишет, что начала свое лечение у немецкого доктора Крига. Поселилась она в бордингхаузе [boarding house] Красулина, но после отъезда Курбатовой обратно в Тяньцзинь переехала на житье в квартиру Зверевых.

Время провожу однообразно. Читаю. Пишу. Играю в шахматы. Кажется, надо мне сделать антишахматную прививку. Это, конечно, шутка. А вот об антихолерной прививке следует подумать.

24 июня. На берегу одного из прудов на японской концессии найден труп некоего Кузьмина. Это уроженец Якутской области, якут по национальности. При каких обстоятельствах он скончался, остается неизвестным. Смерть его вызывает в русской колонии города много толков. Насколько я знаю, покойный был единственным якутом в Тяньцзине.

Не везет сибирским инородцам здесь. Лет пять – шесть тому назад в Тяньцзине обосновался бурят, некто Дахеев. Он имел хороший заработок. Покупал лошадей-бегунцов в Хайларе и продавал их здесь спортсменам-любителям беговых скачек. Затем завел коров, открыл молочную ферму, что тоже стало давать хороший доход. В один злосчастный день он был убит у себя на ферме. Убийцы успели скрыться. В городе говорили, что убийство было организовано конкурентами Дахеева по торговле лошадьми. Теперь жена его, уроженка Боханского ведомства Иркутской губернии, продолжает вести молочное дело. Кажется, она единственная бурятка в Тяньцзине.

25 июня. Пресса уделяет много внимания захвату японцами морских таможен в Маньчжурии. Кажется, события имеют свою логику и неуклонно развиваются в известном направлении.

26 июня. Воскресенье. Сегодня газета «Голос Азии» высказывает предположение, что покойный Кузьмин, якут, мог умереть на рикше от разрыва сердца, что рикша мог завести его на окраину города и здесь выбросить из коляски. Говорят, покойный был в последнее время нервно расстроен и страдал манией какого-то преследования.

Не могу здесь не вспомнить, как несколько лет тому назад я, некто г[осподин] Амбарцумов и покойный Кузьмин сидели однажды за столиком Русского клуба здесь. Разговор шел о некоторых моментах из истории белой борьбы против большевиков в Якутской области. Я вспомнил, что мой двоюродный брат, Н.П.Шерлаимов, еще молодой человек, служил при Сибирском правительстве и Колчаке помощником областного комиссара Якутской области, затем после краха белого движения он пытался выбраться из Якутской области к побережью Охотского моря и здесь был на пути убит какими-то рабочими-большевиками.

Я спросил Амбарцумова и Кузьмина, хорошо осведомленных в якутских делах, правда ли все то, что я слышал о Шерлаимове. Они подтвердили мне сведения об убийстве моего родственника и сообщили, что он был убит бандой большевиствующих рабочих, которые работали где-то на золотых приисках по побережью моря. В этой банде было несколько десятков человек. Они двигались от Охотского моря в пределы Якутской области, не взяв с собой на дорогу достаточного запаса продуктов. Разразился голод. Бандиты начали умирать от истощения сил. Началось людоедство. Ослабевшие убивались более здоровыми товарищами и затем шли на пищу. С этой бандой одичавших людей повстречался какой-то бродячий белый отряд. Белые, узнав, что перед ними большевики и притом людоеды, перебили их без остатка: ни один человек не спасся. Так жестоко судьба отомстила им за убийство моего родственника. Это – из страшного не так далекого прошлого...

Не могу не вспомнить здесь, что на побережье Охотского же моря в 1923 или 1924 году, вскоре после ликвидации Пепеляевского отряда, был арестован большевиками двоюродный брат моего отца Г.С.Серебренников*, моряк, старший лейтенант русского флота. В 1918 году этот мой родственник находился на службе в Лондоне. Когда в Сибири началось антибольшевистское движение и в Омске возник-

ло Сибирское правительство, Серебренников был командирован русским послом в Англии в Омск для связи с Сибирским правительством. Ему пришлось выехать в Архангельск и затем пробираться в Сибирь через Уральский фронт. В Омске П.В.Вологодский решил воспользоваться услугами молодого энергичного гонца (Серебренников хотя и приходится мне дядей, но много моложе меня) и командировал его в Пекин для связи с русским посланником в Китае князем Кудашевым. Серебренникову пришлось выехать в Семипалатинск, затем пробраться в Монголию, а оттуда выехать в Пекин. Побыв некоторое время на Дальнем Востоке, он уже по железной дороге вернулся в Омск, где и зачислился на службу по морскому ведомству. После падения Омска Серебренников совершил по Сибири «Ледяной поход» с остатками армии Колчака и вновь оказался на Д[альнем] Востоке. Здесь он одно время служил где-то в Японии, но затем пробрался во Владивосток, очевидно, во время белого правительства братьев Меркуловых. Во Владивостоке он купил шхуну, товаров и в компании с кем-то отправился к берегам Охотского моря, чтобы открыть здесь торговлю с аборигенами края и скупать пушной товар. Как говорили, дела его пошли весьма успешно, и он стал, как говорится, «делать деньги». Но большевики добрались до него, арестовали и увезли в Якутск, где посадили в тюрьму. Через некоторое время он был на свободе, и я уже знал, что он живет во Владивостоке, находясь на советской службе. В прошлом году он бежал из Советской России и оказался в Харбине. Я получил от беглеца письмо, в котором он писал мне: «Не знаю, что ждет меня снова в Китае, но одно твердо знаю, что хуже, чем там, в Советской России, быть не может». Как я слышал недавно, Серебренников находится сейчас в Шанхае, где имеет какую-то службу. Он, между прочим, отлично знает несколько европейских языков. Крайне интересна биография его отца, а моего двоюродного дяди, политического мигранта старых годов. Его биографию я вкратце воспроизвел в написанных «Моих воспоминаниях» за 1917–1922 годы.

Это опять-таки из прошлого. А что же в настоящем? Каковы новости настоящего времени? А вот: в Сиаме разразилась революция. Факт знаменательный...

27 июня. Как я узнал, в Шанхае осенью этого года сибиряки собираются отпраздновать 350-летний юбилей завоевания Сибири. То же самое намереваются сделать сибиряки в Париже[1] во главе с С.В.Востротиным, а также и в Харбине. В последнем предполагается выпустить Сибирский юбилейный сборник. Сегодня я получил письмо из Харбина от А.Г.Грызова* с просьбой написать что-нибудь для этого юбилейного сборника. Я ответил своим согласием, но сообщил, что, по-моему, сибиряки собираются праздновать юбилей с опозда-

---

[1] Общество сибиряков и дальневосточников основано в Париже в 1932 г. русскими эмигрантами – выходцами из Китая. Председатель профессор П.Ф.Козловский, почетный председатель С.В.Востротин. Членами состояли около 50 человек. Ставило две задачи: оказание помощи (возвратные и невозвратные ссуды, пособия) и лекционная деятельность. Проводились литературно-музыкальные вечера. Лит.: О-во сибиряков и дальневосточников в Париже // Новая заря. 1938. 24 сент.

нием, т.к. по-настоящему 350-летие завоевания Сибири исполнилось еще в прошлом, 1931, году. На самом деле, Ермак занял Искер, столицу Сибирского ханства, 26 октября 1581 года. 300-летний юбилей торжественно справляли по всей Сибири в 1881 году. Очевидно, всех ввел в заблуждение учебник русской истории Платонова, где указано, что покорение Сибири произошло в 1582 году. Учебник учебником, а где же знание сибиряками сибирской истории? Для сборника надумал написать статью «Будущее сибирского областничества».

28 июня. С поездом в 7 часов 25 минут вечера вернулась жена из Пекина. Рассказала, как шло лечение, как проводила время. Мне кажется, поездка освежила ее. Как-никак, повидала старых знакомых, кое-что успела посмотреть нового в бывшей столице Китая.

29 июня. Белая пресса Харбина, когда-то приветствовавшая появление в нем японцев, начинает менять свой тон. Как будто японская агрессия в Маньчжурии вызвала пока оживление на одном только фронте белой эмиграции, именно идеологическом; на всех же других фронтах, в том числе и экономическом, обозначалось ухудшение. Судьба жестока по отношению к русской эмиграции в Китае. Хочется крикнуть: «Ударь раз, два, но зачем же до бесчувствия!!»

30 июня. Жара начинает основательно допекать. До сих пор не могу решить вопроса о том, выехать на лето куда-нибудь или нет.

1 июля. Сегодня почти 100 градусов тепла по Фаренгейту. По Реомюру это будет 30. Будь бы при доме просторный садик, где бы в тени можно было бы посидеть порой на свежем воздухе, с жарой легче было бы справиться. На нашей улице население к вечеру прямо вылезает на улицу, где и сидят перед дверьми своих квартир на стульях, табуретках... сидят долго, часами, пока не станет немного прохладнее; потом идут спать...

2 июля. Прочел сегодня в «Голосе Азии» недурной советский анекдот. Он заключается в следующем. Как-то одного еврея спросили в Москве, как он себя чувствует в Советском Союзе. Он кисло отвечает:

– Ну, как на пароходе...

На просьбу пояснить это точнее, еврей прошептал:

– Широкие горизонты, тошнит... и нельзя убежать...

На днях я слышал еще один советский анекдот, не совсем приличного свойства. В мягком пересказе этот анекдот таков. В Москве нашелся один большой п[ерд]ун, который своим задним инструментом мог изображать разные мотивы. Им заинтересовались советские комиссары и попросили его изобразить Интернационал.

– Дайте, товарищи, три дня сроку, надо подготовиться.

Прошло три дня, и «музыканта» спрашивают:

– Ну что? Как дела?

– Ничего не добился, товарищи: сначала идет хорошо, а как дойдет до слов «Мы новый мир построим», так одно г[овн]о выходит.

Юмор, и злой, жив еще в Советской России.

Одно время я собирал советские анекдоты и записывал их, но потом бросил это делать. Может быть, и зря. Записанные мною советские анекдоты я как-то обработал и втиснул их в один фельетон. Этот фельетон был напечатан в харбинской газете «Русский голос» под на-

званием «В Москве» и под псевдонимом «Проезжий». Это было лет пять–шесть тому назад.

За годы нашего скитания за границей мы с женой вырезали из газет образцы юмористических произведений, зарубежных и советских, и вклеивали газетные вырезки в особые альбомы. Таких альбомов пока у нас накопилось два, и они носят название «Юмор смутных дней». М[ожет] б[ыть], когда-нибудь для потомства эта наша затея и представит некоторый интерес. Это своего рода архив юмора.

3 июля. Жарко...

4 июля. В вышедшем в Пекине № 2–3 «Китайского благовестника», посвященном памяти покойного митрополита Иннокентия, помещена моя небольшая заметка под заголовком «Из воспоминаний»[1].

Отправил в Шанхай в газету «Слово» заметку «Надо знать историю родной земли»[2].

5 июля. В доме Гнадеберга познакомился я с одним советским гражданином, служащим в местной советской торговой организации. Это еще совсем молодой человек, окончивший Московский университет, по-видимому, «выдвиженец». Не знаю, коммунист он или беспартийный. Я пробовал завязать с ним политический разговор, называя вещи их собственными именами. Собеседник был очень сдержан в своих суждениях. В конце концов мы порешили, кажется, на том, что только матушка-история разберет, кто прав и кто виноват в русской кровавой неразберихе. Так-то оно так, только госпожа-то история уж очень медленно поспешает. Поскорее бы она выносила свой беспристрастный приговор!

6 июля. Смотрел кинокартину английской продукции «Балаклава». Сюжет – из Крымской войны. Батальные моменты поставлены хорошо, порой художественно. В бытовом смысле есть «клюква», правда, не в большом количестве. В картине можно увидеть императора Николая I, князя Меньшикова и генерала Липранди.

7 июля. Печет. В 10 часов утра термометр в тени показывал 86 градусов по Фаренгейту. Потею я ужасно, словно в бане на полке. Жара. А в то же время не слыхать что-то о массовом выезде дачников в Пэйтайхо, или Петухово, как его прозвали в шутку местные евреи. Все чего-то боятся, войны ли китайцев с японцами или холеры, и не спешат тронуться с места. Несколько русских семей уехали на лето в Пекин, где поселились в Духовной миссии. Там хоть ребятишкам есть где погулять в обширных парках.

8 июля. Сделал себе сегодня в Русском госпитале первую антихолерную прививку. Через неделю придется сделать вторую. Когда я был во дворе госпиталя, то в одной из фанз у двери я заметил одного больного. Волосы его были взлохмачены, глаза дикие, вид вообще ужасный. Этот больной долго присматривался ко мне и, наконец, через дверную сетку до меня долетели его слова:

– Господин Серебренников, дайте сигаретку. Я мучаюсь, лечусь тут. У меня белая горячка.

---

[1] Серебренников И.И. Из воспоминаний // Кит. благовестник. 1932. № 2–3.
[2] Серебренников И. Надо знать историю родной земли // Слово. 1932. 9 июля.

Я узнал просителя: это был о[тец] Борис Фомичев, бывший артист оперы и священник.

– Отец Борис? К сожалению, я не захватил с собой сигарет, – сказал я.

Больной отошел от двери, что-то дико закричал, застонал.

– Это уже не первый раз с ним случается, – сказала мне стоявшая рядом со мной сестра милосердия.

Грустная печальная картина. Как часто алкоголь губит русских людей, и как жестока бывает его адова работа, когда его жертвой становится талантливый русский человек...

9 июля. Удивительное дело: на холере объединились здесь не только русские между собой, но и евреи, поляки, татары. Общими усилиями создана здесь особая комиссия по устройству изоляционного госпиталя. Хорошо, что русские взяли почин в этом деле.

Только что узнал печальную новость: скончался и уже вчера был похоронен священник-униат о[тец] Диодор Колпинский[1]. Новость страшно расстроила меня: еще не так давно о[тец] Диодор бывал у меня в гостях, и мы целыми часами беседовали с ним о разных вещах. Слушать такого образованного собеседника, каким был покойный, всегда доставляло большое удовольствие. Почему судьба так жестока к людям? Порой мне кажется, она особенно жестока к остаткам старой русской интеллигенции на чужбине. Хочется плакать. Представляю, как убита горем старушка-мать покойного.

10 июля. Сегодня утром мы с женой побывали в квартире, где жил покойный о[тец] Диодор. Матери его не застали дома. Квартирная хозяйка рассказала, как в субботу, 2-го июля, о[тец] Диодор заболел аппендицитом и что он промучился около недели, прежде чем пришла смерть-успокоительница. Покойного отпели по католическому обряду и спешно похоронили. От Французского госпиталя прах покойного в сопровождении одного католического монаха доставили к каналу. Здесь гроб был поставлен в лодку. Один китаец сел на гроб, другой стал у весла, и эта грустная похоронная процессия отплыла по каналу, чтобы доставить умершего на католическое кладбище, находящееся где-то далеко за городом.

Так схоронили русского священника-дворянина, окончившего Петербургский кадетский корпус, университеты в Риме и Петербурге, знавшего полдюжины иностранных языков, высокообразованного человека, которому еще не было и сорока лет. От престарелой матери покойного едва ли можно было что требовать: она, нужно думать, была вне себя от случившегося с ней горя. Но почему католики не смогли устроить покойному приличные похороны, не могу понять. Похоронили, словно безродного пропойцу-бродягу...

11 июля. Отправил сегодня в Америку свою статью «Автономистское движение в Сибири и его будущее». Ответ о судьбе рукописи придется ждать не ранее сентября месяца. Рукопись, перепечатанная на английском языке, заняла 24 страницы большого формата.

---

[1] Пурин А. Венок на могилу отца Диодора Колпинского, 1893–1932: (Некролог) // Парус. 1932. № 10. С. 126–127.

12 июля. День Петра и Павла. Вспоминаю, у нас, на Лене, этот день праздновали основательно.

С Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] идут плохие вести: на ст[анции] Ханьдаохэцзы китайские солдаты, тоже бандиты, порубили много русских[1].

[Зачеркнуты 6 строк. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

В шанхайском «Слове» (№ 1177 от 9 июля) появилась моя заметка «Надо знать историю родной земли». Сибирский областник А.Н.Васильев-Дубровский поместил вслед за моей заметкой «Юбилейную историческую справку о Сибири». Говоря о готовящемся юбилейном Сибирском празднике, он пишет: «Началась энергичная братская перекличка сибиряков по всему миру: Прага, Париж, Шанхай, Харбин, Нью-Йорк, Сан-Франциско, Австралийские и Южно-Американские группы, и сущие в рассеянии в других странах сибиряки. В юбилейный торжественный день они становятся под бело-зеленый сибирский стяг – эмблему белой чистоты и зеленого цвета надежды, эмблемы родных белых, пушистых сибирских снегов и зеленой курчавой тайги. Да будет цвет надежды – неугасимой надеждой: к Великой России через великую Сибирь! Да будет!..»

13 июля. Получил от доктора Фишера письмо с уведомлением, что Библиотека Хувера в Америке покупает право издания моих мемуаров за 1917–1922 годы на английском языке за четыреста золотых долларов. Может быть, это и немного, но и за то спасибо. Так как двести долларов я получил ранее, остается получить еще столько же. Рад был узнать, что право издать мои мемуары на русском языке остается за мной. Одно дело, таким образом, закончено. Теперь буду хлопотать об издании мемуаров на русском языке. Кажется, это придется сделать в Китае, именно в Шанхае.

Сегодня же жена получила большое письмо из Парижа от М.А.Кроля, нашего знакомого и коллеги по общественной деятельности в Иркутске. Из письма мы узнали, что М[ихаил] А[фанасьевич] живет сейчас преимущественно тем, что дает ему журналистика. Работает он в нью-йоркском еврейском журнале «Цукунфте».

Вечером шатался я по Французской концессии, где наблюдал пышную иллюминацию по случаю завтрашнего праздника Франции. Большой интерес представляло карнавальное шествие. Оно было организовано на китайский лад. Впервые в жизни я видел тут процессионных больших извивающихся драконов. Конца карнавального шествия я не дождался. Говорят, оно закончилось эффектной «битвой драконов».

14 июля. День взятия Бастилии. В этот день есть, кажется, о чем пораздумать вообще и о судьбах революции в частности. Со времен Французской революции прошло около 140 лет. Времени прожито не так много, но пережито людьми всякой всячины достаточно. Долгое время революции долго гуляли по Европе, постепенно про-

---

[1] «Японское командование организовало специальные отряды для борьбы с партизанами и бандитами и навербовало много русских офицеров. Нападения партизан вызвали панику среди населения. В числе пострадавших много русских, которые покидают теперь свои хутора и бегут в Харбин» (Новое русское слово. 1932. 10 июля).

двигаясь к востоку. Потом перекинулись в Азию. Персия, Турция, Китай.., наконец, грянула революция в России. Едва ли это не последняя революция на бесконечных пространствах Евро-Азиатского материка.

Революция в России проходит с социалистической придурью. Каковы будут ее окончательные судьбы, никто еще не знает. Может быть, подобно тому, как Французская революция дала содержание ряду революций в других странах на протяжении примерно ста лет, и русская революция окрасит своим кровавым отблеском другие революции в других странах также на ближайшие сто лет. Может быть это... но сама русская революция в своих социалистических родах даст лишь мертвый плод. Ее неудача неизбежна, и она на своем завершении лишь очистит дорогу для самого буйного акта капитализма в России. Это будет и в Китае. Только тогда, когда Россия покроется густой сетью фабрик и заводов, когда и Китай крепко станет на свои капиталистические ноги, в Европе будет не крепко. Я не знаю, суждено ли будет капитализму погибнуть или нет. Если же ему будет суждено первое, то одно могу предсказать сейчас: последними твердынями капитализма на свете окажутся Россия и Китай. Если разразится «последний и решительный бой», то он будет здесь.

15 июля. Ночь на сегодня была довольно прохладной. Можно было хорошо уснуть. С утра, однако, жара снова начала донимать нас. Особенно мучается от нее жена.

16 июля. Рейтер сообщает сенсационные новости о маневрах советских войск около станции Маньчжурия и о спешном отъезде из Харбина товарища председателя правления Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] Кузнецова. Положение в Северной Маньчжурии продолжает оставаться крайне запутанным. Что касается самой Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги], то из трех ее секций продолжают работать две: южная и западная. Восточная вот уже в течение нескольких месяцев находится в состоянии полного паралича и не работает, будучи взята бандитами на поток и разграбление.

[Зачеркнуты 4 строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

17 июля. Воскресенье. День убийства царской семьи в Екатеринбурге. Русская община здесь приказала сегодня вывесить русские национальные флаги с трауром. Против моего окна в кабинете развивается огромнейший старый русский флаг. Вывешен он Казачьим союзом. Вчера в этом Казачьем союзе происходили какие-то шумные дебаты. По какому поводу, не знаю.

Сегодня, в четыре часа дня, в Русском собрании назначено общее собрание членов Православного китайского братства во имя Св[ятого] Иннокентия, первого епископа Иркутского чудотворца. Это собрание должно бы рассмотреть конфликт протоиерея о[тца] Сергия Чана с членами правления братства. Дня три тому назад ко мне являлась депутация от группы членов братства с предложением мне принять на себя председательствование на общем собрании. Я категорически отказался от этой чести. Любопытно, что сегодня же о[тец] Сергий сам созывает общее собрание членов братства в помещении Иннокентьевской церкви. Таким образом, сегодня как бы

должны состояться два общих собрания членов одной и той же организации.

Насколько я знаю, конфликт вырос на почве китайской алчности к деньгам. О[тец] Сергий пожелал более самостоятельно распоряжаться доходами братства, чем это дозволялось ему ранее членами правления. Конфликт принял острые формы. Как мне передавали, о[тец] Сергий в пылу полемики не стеснялся называть русских членов правления братства мошенниками и хунхузами. Несколько пренебрежительное отношение к русским у него проявлялось и ранее. Он нередко говорил:

– Русские – люди хорошие, добрые, но дураки.

Очевидно, что нужно было понимать так, что русские не умеют пользоваться общественными деньгами в свою пользу.

В конфликте русские члены правления братства оскорблены и притом незаслуженно. Тем не менее находятся другие русские, которые становятся на сторону о[тца] Сергия Чана. Правда, теперь его окружают людишки, если можно так выразиться, последнего разбора. Говорят, что о[тец] Сергий Чан в свое время снесся с партией Гоминьдан и получил из Нанкина бумагу, в силу коей он назначается начальником Русской духовной миссии в Китае с подчинением ему всех русских церквей в Китае. Бумагу эту о[тец] Сергий держит пока в запасе и особых прав своих не заявляет.

Местные газеты о конфликте ничего не пишут из желания не выносить сор из русской избы. Это, пожалуй, правильно. Я считаю, что конфликт ни к чему хорошему ни для русских людей, ни для о[тца] Сергия не приведет.

18 июля. В сегодняшнем номере «Peking and Tientsin Times» напечатано письмо миссионера Симпсона к генералу Д.Л.Хорвату, рассказывающее про обстоятельства, при которых погибли сын этого миссионера и Л.Д.Хорват, сын генерала, от рук бандитов в западной провинции Китая Гансу[1]. Вот это письмо: «Мой дорогой генерал. Конечно, Вы уже слышали о тех печальных происшествиях, которые случились 20 июня на автомобильной дороге около 500 миль к востоку от Аньдина, но я хочу сообщить вам детали этого происшествия, поскольку я знаю их. Первый раз я встретил вашего сына в Хашанпу, в 35 милях к западу от Пинляна[2], 13 мая. Наш автомобиль потребовал осмотра, и мы остановились, чтобы посмотреть машину. В это время к нам подошел иностранец и, не говоря ни слова, начал исследовать нашу машину. Он так умело стал с ней обращаться, что мы сразу поняли, что незнакомец опытный механик. На наш запрос он сказал, что его фамилия Хорват и что он служит в комиссии помощи голодающим, каковая соорудила моторную дорогу через близлежащий горный проход Лю Пэнь. Когда наш автомобиль был приведен в исправное состояние, мы поблагодарили незнакомца за помощь, которую он так любезно оказал нам, и начали свое путешествие далее.

---

[1] Северо-запад Китая.
[2] Пинлян, провинция Ганьсу, недалеко от провинции Шэньси.

С нашим автомобилем, однако, произошли снова еще худшие неприятности, когда мы попытались подняться по крутому подъему на старой автомобильной дороге, и мы были вынуждены вернуться к небольшой деревушке, находившейся у подножья горы. Здесь снова ваш добрый сын любезно предложил свои услуги, и он упорно работал в течение четырех дней, пока не привел автомобиль в такое состояние, что он мог уже вернуться в Пинлян для дальнейшего ремонта. В течение этих дней я узнал многое о тяжелой одинокой жизни Вашего сына в этом краю. Он сообщил мне также свои опасения относительно возможности потери своей службы. Ваш сын отказался получить вознаграждение за работу по ремонту автомобиля, но только сказал, что он хотел бы получить немного патронов для его охотничьего ружья.

Вернувшись во второй раз в Пинлян 1-го июня, я застал вашего сына здесь, и он сообщил мне, что потерял свою службу по постройке дороги и теперь может делать, что хочет. Я спросил его, возвращается ли он в Пекин, и в ответ на этот вопрос Ваш сын сказал мне, что он хотел бы поехать со мною к границам Тибета и за летнее время познакомиться с местным краем, это будет лучше, чем переносить тяжелую жару Пекина. Я сообщил ему, что, если он поедет с нами и будет управлять нашим грузовым автомобилем, пока наш багаж не прибудет в Миньчжоу, я оплачу все его расходы, хотя и не смогу обещать ему постоянного места на определенном жаловании. Он с радостью согласился на это, и мы оставили Пинлян 3-го июня, прибыли в Аньдин 4-го и в Ганчжан 7 июня. За все эти дни Ваш сын превосходно исполнял свои обязанности. 8-го июня он и мой сын отправились вместе на грузовике и съездили в Сиань, затем вернулись в Пинлян, нагрузили грузовик чемоданами и ящиками и вернулись в Аньдин 17-го. Разгрузившись, они отправились снова в Пинлян 18-го за второй партией груза, заявив, что вернутся через три дня. Оба были в отличном состоянии духа, и, казалось, были весьма довольны один обществом другого.

Достигнув Пинляна, они снова погрузили грузовик и отправились назад. 21-го июня, около часу дня, они приехали в пункт, носящий название Шинь Тео Вань Нао. Здесь неожиданно, без предупреждения, не подозревая о какой-либо опасности, они были обстреляны из винтовок. Град пуль полетел в грузовик, и наши сыновья, сидевшие рядом друг с другом, были убиты. Когда грузовик остановился, выскочили несколько сот мусульманских солдат, которые недавно дезертировали из армии генерала Ма-Джу[Цзу]-Лина. Бандиты стащили с грузовика израненные тела наших сыновей, разграбили на грузовике все, что там было, попортили машину и затем отправились далее, оставив на земле два трупа, полураздетых ими, на добычу диким зверям. Местные жители собрали, однако, остатки разбитого имущества в кучу и на следующее утро похоронили убитых, каждого по сторонам дороги в отдельности, недалеко от того места, где они лежали. На месте погребения они водрузили надпись, в которой указывались дата и обстоятельства этого жестокого двойного убийства и грабежа.

Я узнал о печальном происшествии после обеда, 24-го июня, и сейчас же отправился на место. Когда я прибыл в Гуймин, это было 25-го июня, местный магистрат дал мне всю информацию, которой он обладал, и приставил ко мне человека, чтобы провести меня к месту происшествия. Я достиг этого места в полдень 26-го июня и нашел, что полученные мною печальные сведения были правильны. Оба наши убитые сыновья лежали здесь, во временных могилах, рядом с дорогой, политой их кровью.

Так как мой грузовик был сильно поврежден, и самое место было пустынно, без удобных средств сообщения, то я был вынужден оставить убитых на месте и вернуться в Аньдин, несмотря на то, что район этот был наводнен бандитами. Я должен теперь подумать о том, как увезти тела убитых и дать им надлежащее погребенье. Дамы-миссионерки здесь, принадлежащие к составу Китайской Внутренней миссии (The China Inland Mission)[1], г[оспо]жи Верхулст и Грасли, уже приготовили два гроба, и я написал г[осподину] Шульц в Ланьчжоу, прося его помочь мне его грузовиком. Я также написал письмо нашему Американскому генеральному консулу в Ханькоу, прося его содействия. Я пишу также начальнику Умиротворения в Ланьчжоу, рассказывая ему обстоятельства печального происшествия и прося его помощи. Затем я отправил письмо г[осподину] Густаву Торнвалк в Пинляне и просил его написать Вам письмо обо всем случившемся, так как я не имею Вашего адреса.

Я посылаю это письмо в адрес Американского посланника в Пекине в надежде, что он доставит его Вам. Пожалуйста, сообщите мне о Ваших желаниях относительно останков Вашего сына и тех его немногих вещей, которые находятся теперь в моем доме в Миньчжоу. Я вернусь в этот город, как только устрою дела здесь, в Аньдине. Я помещу останки убитого в деревянном гробу в безопасном месте для временного погребения, пока я не получу сведений от Вас.

Я, опечаленный отец, пишу, генерал, Вам, другому опечаленному отцу.

Ваш, полный горя В.В.Симпсон».

Так погибают в Китае забредшие в его глухие углы иностранцы, среди них и русские. Бандитизм становится грозным бичом этой страны. Пройдут, вероятно, десятилетия, прежде чем страна справится с этим злом...

Теперь pro domo sua[2]. После полудня я получил долгожданное письмо от проф[ессора] C.P.Howland. Он признал предложенные мною ему денежные условия удовлетворительными (satisfactory). Значит ли это, что они приемлемы для него? Считаю, что да. При письме профессор предложил программу вопросов, по которым мне нужно будет собирать материалы, и сообщил, что переводит мне в отдельном письме сто золотых долларов как аванс по моей работе.

---

[1] Основана евангелистом Джеймсом Хадсоном Тейлором, считалась одной из самых крупных в мире.

[2] Лат. афоризм: *букв.* О своем доме; по поводу себя; в защиту своих интересов.

Итак, положение определилось. Надо садиться за работу. Но, как и где, придется еще подумать.

19 июля. На прогулке зашел сегодня во французский книжный магазин посмотреть новинки. Наткнулся на приятный сюрприз: оказалось, в июльской книжке «The China Journal» напечатана моя статья «Albazinians». Буду ждать теперь, что редакция журнала пошлет мне эту книжку. Не знаю, получу ли я гонорар за свою статью. Возможно, что и нет.

20 июля. Получил сегодня от проф[ессора] Howland перевод в сумме ста американских долларов. При обмене это составило 473 кит[айских] доллара и 60 центов. Можно думать, что ввиду хозяйственной депрессии город переполнен деньгами и неизвестно, что с ними нужно делать, куда их вложить. Недели две тому назад я как-то зашел в Гонконг-Шанхайский банк и спросил, открывает ли банк новые текущие или сберегательные счета. Мне ответили, что нет. Слышал я, что National City Bank of New York также прекратил открытие этих счетов. Сегодня я был в Английском банке – Bank of India, Australia and China, и мне сообщили, что здесь открывают новые текущие счета при типитат'е в 400 долларов. Я пожелал открыть такой счет и положить четыреста долларов. Тогда мне ответили, что при вкладе в 400 долларов я должен буду платить банку по 10 долларов за полугодие. Впервые в жизни я встретился с предложением такого рода. Конечно, я отказался его принять.

Один старый русский коммерсант, проживающий в Китае уже пятый десяток лет, занес мне сегодня для прочтения его записку, носящую название «Обзор торговли европейских фирм в Китае по экспорту и импорту». В этой записке много интересного материала. Рассказав о том, что вся европейская торговля в Китае ведется через особых посредников-китайцев, так называемых компрадоров, и, указав на недостатки этой системы, автор дает дальше следующие небезынтересные для нас, русских, сведения. Он пишет: «До 1918 года вся экспортная торговля пушниною как в Тяньцзине, так и вообще в Китае находилась исключительно в руках английских и американских купцов. После же происшедших в России событий многие русские торговцы перенесли свою деятельность по торговле пушниною в Китай. Русская система торговли оказалась здесь совершенно иною. Русские совершенно не пожелали быть в какой-либо мере в зависимости от туземных торговых посредников, и компрадорская система была для них неприемлема. Приехавшие сюда русские торговцы по торговле пушниною в большинстве случаев не имели каких-либо капиталов, но они сумели войти непосредственно в контакт с самими туземными торговцами, помимо компрадоров, они стали ездить за покупкою пушнины внутрь страны, в отдаленные пункты от Тяньцзиня и вообще морских портов и приобретать пушнину непосредственно от китайских купцов-торговцев и туземного населения. В результате такой работы 99 % всей экспортной торговли пушниною в Китае перешло в руки этих торговцев-купцов. Они восстановили свои прежние торговые связи с Америкою, Англией и Германией и в буквальном смысле слова захватили в свои руки указанную от-

расль экспортной торговли. Приехав в Китай без денег, не имея кредита, они сумели, однако, побить всех старых и богатых английских и американских местных экспортеров по торговле мехами... Те же из американских купцов, которые раньше вели свои дела с Россией по торговле пушниною, если открывали в Китае свои филиальные отделения, приглашали, в виде правила, видных служащих и порою даже главноуправляющих из русских. В настоящий небывалый в истории мировой кризис русские торговцы пушниною в Китае и американские пушные фирмы, имеющие у себя на службе русских, не ликвидируют своих дел, тогда как прежние богатые английские экспортеры по торговле мехами и пушниною совершенно ликвидировали эту свою отрасль экспортной торговли. Можно, конечно, не провозглашать гениальною деловитость русских купцов в отрасли меховой экспортной торговли, но следует сделать один вывод, именно: вне всякого сомнения, прежняя компрадорская система европейской торговли отжила свой век, устарела».

Полагаю, что эти замечания компетентного автора прочтенной мною записки не потеряют своего интереса и для будущего историка судеб русской эмиграции в Китае.

Добыл сегодня в библиотеке еврейского клуба «Кунст» одно советское издание: это «Soviet Union Year-Book. 1930». Справочник этот издан в Лондоне Аркосом.

21 июля. Газету «Голос Азии» я получаю в нескольких экземплярах. По одному экземпляру я посылаю в Р[усский] З[арубежный] И[сторический] архив в Праге и в Библиотеку Хувера. Сегодня утром газета не пришла. Не получил ее и за прошлое воскресенье. Поэтому днем сегодня я взял рикшу и поехал в контору газеты на Японской концессии, чтобы получить недоставленные номера. В редакции я застал только одного русского: сына редактора. Он вручил мне номера за воскресенье. Что же касается сегодняшнего номера, то я узнал, что он выйдет только к вечеру, так как была поломана машина.

Помещение редакции – довольно убогое, обстановка скудная, все вместе носит характер небольшого кустарного предприятия.

Субсидируемая японцами газета, конечно, проводит японскую политику и на своих страницах печатает много неприятного для молодого маршала Чжан Сюэляна, бывшего повелителя Маньчжурии, теперь властелина над городами Пекином и Тяньцзинем. Я много раз задавался вопросом о том, обращают ли китайцы свое внимание на «Голос Азии» или же совершенно ее игнорируют, и не мог найти ответа на этот вопрос.

После визита в «Голос Азии» я совершил по своим делам поездку на Французскую и Итальянскую концессии, заехал в Карацас-кафе поиграть в шахматы и вернулся домой только к вечеру. У себя дома, в почтовом ящике, я нашел уже сегодняшний номер «Голос Азии». В нем я прочитал потрясающую историю о том, как китайская полиция арестовала на днях и жестоко избила двух русских служащих этой газеты: Н.Ф.Булычева и С.Г.Смычникова. Из них первый был корректором, а второй – простым наборщиком. По сообщению газеты, арест этот произошел при следующих обстоятельствах. В китай-

ской части города, недалеко от границ Японской концессии, в узком и темном китайском переулке, где находятся кипятильники горячей воды, китайская полиция устроила засаду. По ее разведке, в эти кипятильники изредка приходили русские служащие газеты за кипятком. И здесь было решено схватить тех из них, которые придут. Полиция скрывалась в засаде два дня.

Первой жертвой оказался Н.Ф.Булычев. В минувшую субботу, 16 июля, он пошел за кипятком. Получив воду, он вышел из лавки и спокойно возвращался обратно. В этот момент, сзади, на него напали полицейские. Они схватили Булычева за руки. Началась борьба. Подскочили еще какие-то китайцы и постовой полицейский. Булычев был в кольце, и на его голову посыпались удары палкой, которою с ожесточением бил его постовой полицейский. На мгновение несчастный потерял сознание, и, когда пришел в себя, его уже вели по улицам Китайского города. Кругом шла китайская толпа. На лицо жертвы сыпались удары, летели плевки в лицо. Торжествующий злобный хохот потрясал воздух. Булычева привели в ближайший полицейский участок, и здесь немедленно надели на него ручные кандалы.

С момента его похищения прошло полчаса. За сигаретами в китайскую лавку пошел другой русский служащий «Голоса Азии», наборщик С.Г.Смычников. Его схватили примерно таким же способом, как и Булычева. Вторая жертва китайского «правосудия» тут же, на улице, подверглась еще большим побоям. Смычникову выбили зубы, били по ногам и в бессознательном состоянии увели в тот же полицейский участок. Там его снова били. Связали ему руки тонкой бечевкой, въевшейся в тело. Некоторые из представителей власти кричали по-китайски, что нужно убить «ломозу» – русского.

Страх ответственности перед японцами заставил китайцев все же выпустить из участка Смычникова. Он явился в редакцию газеты в кошмарном истерзанном виде. О случившемся было немедленно дано знать японским властям. Последние приняли меры к спасению жизни Булычева, которого удалось, однако, освободить только к вечеру во вторник, 19-го июля. Бедняга прожил кошмарные дни и ночи, готовясь к смерти... О том, что пришлось ему испытать, подробно рассказано на страницах газеты...

Такова кошмарная китайская действительность! Будь она трижды проклята Богом и людьми.

На первом допросе Булычева выяснилось, что у китайцев имеются полные сведения о том, кто из русских служит в японской газете. Китайцы сверяли фамилии этих русских с какой-то бумагой, полученной ими. Как мог заметить Булычев, это был донос одного из русских, именующего себя белым эмигрантом... Редакция «Голоса Азии» обещает в скором времени опубликовать фамилию этого русского доносчика.

22 июля. Начал сегодня свою работу для проф[ессора] Howland. Пока составляю общий очерк Барги. Потом примусь за Внутреннюю Монголию, а далее и за Восточную Сибирь, от Байкала до Тихого океана.

Чтобы ускорить работу, думаю пригласить переводчика. Возможно, что остановлюсь на Анненкове, бывшем гвардейском офицере, хорошо знающим английский язык. К сожалению, у него недостаток: это некоторое пристрастие к алкоголю.

Алкоголь – это зло русской эмиграции. Пьют от тоски, от желания забыться, порой от безделья. Вчера вечером в Русском госпитале скончался от белой горячки бывшей офицер Русской армии Б.С.Ступин, еще молодой человек. Да успокоит его тихо чужая земля!..

Дальше от этих [...] [запись неразборчива. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] сторон быта русской эмиграции здесь!?!

И без того грустно.

Инцидент с сотрудниками «Голоса Азии» вызвал сегодня в «Нашей Заре» появление небольшой заметки. Не поместить заметки было бы, пожалуй, неловко: как-никак пострадали коллеги по газетной работе. Написать правду, как все было, с открытым забралом – не в практике этого жалкого ублюдка Лембича: можно рассердить китайцев. Поэтому заметка была составлена так, что ярко свидетельствовала об умении редактора «Нашей Зари» сидеть на двух стульях. Заканчивается эта заметка таким заявлением: «Официальным мотивом ареста является обвинение арестованного русского в том, что он занимался контрабандным проносом опиума в туземный город с Японской концессии...» У читателя может остаться впечатление: что ж, китайцы вправе арестовать контрабандиста, кто бы он ни был, и где бы ни пришлось это сделать.

23 июля. Внимание мира направляется к событиям в Германии. Многие склонны находить в этих событиях ключ к разрешению проклятого русского вопроса...

24 июля. Воскресенье. Сегодня день С[вятой] Ольги. Много именинниц. Решил побывать только на одних именинах – поздравить О.П.Злоказову. В ее доме я был весьма радушно встречен хозяйкой и всем ее многочисленным семейством и был оставлен к завтраку... Весьма внимателен был ко мне и молодой зять Ольги Павловны, С.П.Татаринов, служащий Французской муниципальной полиции Шанхая и проводящий сейчас свое отпускное время в Тяньцзине. Этот молодой человек живо интересуется Китаем, его бытом и историей, и с ним приятно побеседовать о многих вещах.

Вечером с женой просидели некоторое время на крыше кафе Кислинга, погуляли немного в Victoria Park, вернулись домой и уселись за книги. Я с большим интересом прочитываю теперь роман Мельникова-Печерского «В лесах» – грандиозную эпопею из старорусского быта. В молодости я как-то не удосужился прочитать этот роман и теперь на старости лет наверстываю потерянное...

25 июля. Тяжко мучаемся от жары, особенно жена. Раньше она довольно мужественно переносила местные жары. Ныне сильно страдает от них.

Работа идет поэтому плохо. Все же за эти дни я успел набросать небольшие очерки Барги, Внутренней Монголии и Танну-Тувинской республики, т.е. Урянхайского края.

26 июля. Сегодня – день моего рождения и притом для меня довольно торжественный: мне исполнилось ровно пятьдесят лет. Прожито полстолетия... Я не справлял этого своего праздника. За день у меня, однако, побывали некоторые мои друзья и знакомые и поздравили меня. Моя жена-хлопотунья устроила часам к шести вечера чай и кофе. От спиртного, по случаю жары, все воздержались...

В числе гостей был у меня Р.И.Барбье* с супругой, урожденной Т.И.Потаповой*, иркутянкой. Барбье приехал погостить сюда к своей семье из Шанхая, где он служит секретарем Индо-Китайского банка. Он в Китае уже около 40 лет и долгое время управлял делами Пекинского отдела правления Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Он многое знает и умеет рассказать, что знает. С ним всегда можно завязать интересную беседу.

27 июля. Вчера ночь была довольно прохладная, только бы спать да спать, но, к сожалению, у меня случился припадок боли в печени, и я провел почти всю ночь без сна.

Сегодня ездил по одному делу к Чжан Гочену*, бывшему комиссионеру по финансовым делам Хобэйской провинции, но не застал его дома. Придется ехать завтра.

28 июля. Был сегодня утром у Чжан Гочена. Из разговоров с ним я узнал, что это воспитанник ген[ерала] Хорвата. Он окончил Коммерческое училище в Харбине[1] и затем быстро стал продвигаться по административной карьере под покровительством Мукденской партии. Был комиссаром по иностранным делам в Калгане, председателем комиссии по разбору документов, захваченных при обыске Советского посольства в Пекине, затем директором департамента народного просвещения в Харбине и в последнее время ведал финансами провинции Хобэй. Это еще молодой человек, по-видимому, уже знающий себе цену, по первому впечатлению умный, осторожный... и, вероятно, по-азиатски хитрый. Как я узнал, ему нужен человек, который исполнял бы при нем что-то вроде обязанностей секретаря по русским делам.

– Мне нужен человек, – сказал он мне, – который смог бы раза три в неделю приезжать ко мне на час занятий, написать иногда мне письмо по-русски, почитать мне русские газеты. Я получаю «Последние новости» из Парижа и «Известия» ЦИКа из Москвы. Иногда нужно будет просмотреть мои доклады.

Из объяснений такого рода я понял, что это будет работа легкого свойства, и принципиально дал свое согласие на работу. При оценке

---

[1] Мужское отделение Коммерческого училища в Харбине отрылось 26 февраля 1906 г. Училище предназначалось для детей служащих на КВЖД, но принимались туда все желающие. В 1906–1916 дорога выделила ему почти 2 млн руб., оно считалось гордостью города. Расположенное в двух больших зданиях, оно имело химические и зоологические лаборатории, кабинет географии, художественную студию, собственную церковь, большой спортивный зал. В отличие от 7-летнего обучения в России в Харбинском училище оно велось по расширенной программе 8 лет и позволяло выпускникам поступать в университет. Наряду с общеобразовательными и специальными дисциплинами мальчики изучали английский, немецкий, китайский языки и латынь. В 1910–1925 училище окончили 583 юноши и 364 девушки. В 1925–1932 жизнь в училище замерла по причине реорганизации КВЖД, затем под влиянием японцев оно было закрыто.

вознаграждения Чжан Гочен замялся, что сделаю я [так в тексте. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*]. Денежной стороне вопроса я придал второстепенное значение, имея в виду, что полезно будет мне завязать связи с влиятельным китайцем. Я сказал своему собеседнику, что в своей педагогической практике я получаю обычно за шесть часов занятий в неделю пятьдесят долларов. В ответ я услышал, что эти условия подходящие и что мне будут переданы условия работы сегодня же через Р.И.Барбье.

Вечером я виделся с последним на именинах В.Н.Лавдовского. Р[оберт] И[ванович] [Барбье] передал мне, что Чжан Гочен согласен на мои условия и что на первое время понадобится только три часа занятий в неделю, и он хотел бы, чтобы я подготовил ему материалы для первого раза о судьбах Лозаннской конференции[1], положении вопроса о репарациях вообще и затем о судьбах советской пятилетки.

Признаться сказать, я так и ахнул, когда я услышал об этом. Шутка сказать, подготовить материалы по такого рода вопросам. Ведь сколько я должен буду прочитать газет, журналов, книг, чтобы ориентироваться в них. Это раз. А во-вторых, где я достану все эти газеты, журналы, книги? Если бы и достал, то сколько времени придется потратить на их штудирование. А ведь разговор шел о трех часах в неделю с платой около 30 долларов в месяц. Вот, подумал я, где начинается настоящая азиатская хитрость. Теперь придется как-нибудь выворачиваться из создавшегося положения.

На именинах у В.Н.Лавдовского собралась небольшая дружная компания. К сожалению, так как я сижу на диете, я не мог ничего пить. Часов в 9 вечера я уже вернулся домой.

29 июля. В «North China Star» сегодня напечатано: «Русский бродяга (tramp) едва избежал смерти, когда вчера в полдень он упал в канал вблизи Элжин-авеню. Будучи пьяным и находясь фактически в бессознательном состоянии, он не понимал, что он делает и куда идет. Прохожие вытащили его на берег, где он понемногу и пришел в себя».

Нельзя сказать, чтобы было лестно читать такого рода заметки. Они вызывают только грусть и отчаяние.

По полученным сведениям, в Шанхае скончался О.Д.Першин, сын известного сибирского общественного деятеля и писателя Д.П.Першина (Дмитрия Даурского). Покойный приехал в Тяньцзинь из Урги еще совсем молодым человеком. Будучи пианистом и даже композитором, он давал здесь собственные концерты, имел уроки, играл в кино, и вначале имел вообще приличный заработок. Но пристрастие к алкоголю и наркотикам погубило его. С каждым годом он стал опускаться все ниже и ниже и в конце концов дошел до такого состояния, что ему оставалось закончить свое печальное существование где-нибудь под забором или в китайской тюрьме. Смерть теперь успокоила несчастного молодого человека, выросшего не на радость своему отцу-старику. Горе последнего можно хорошо представить...

---

[1] Лозаннская конференция (нояб. 1922 – июль 1923).

30 июля. Пробовал я сегодня разобраться в нашем среднем годовом расходном бюджете. Результаты приблизительно получились следующис. Живсм мы с жсной в малснькой квартиркс, на Британской концессии. Занимаем три комнаты, есть кухня и ванная комната. Плата $ 43.50 в месяц. С мелким ремонтом это составит примерно 45 долларов в мссяц. В общсм, расходный бюджст можст дать такис цифры:

Кит[айские] доллары в месяц

Квартира 45.00

Повар (он же бой) 19.00

Уголь 9.00

Свет и вода 8.00

Стирка 6.00

Пища 40.00

Аптека и лечение 10.00

Почта 3.00

Взносы в общественные организации 2.00

Библиотека, газеты, покупка книг 5.00

Одежда и обувь 10.00

Канцелярские принадлежности 1.00

Табак 8.00

Развлечения, кино и пр. 4.00

Поездки: рикши и пр. 2.00

Прочие 7.00

Всего 180.00

В год это дает около 2160 кит[айских] долларов.

Велик ли этот ежемесячный расчет в сумме 180 долларов? Если перевести его на американскую золотую валюту, то это составит всего около 40 долларов на двоих или 20 долларов в месяц на одного человека. Это выходит как будто немного. Я не знаю, можно ли будет на 40 золотых долларов жить в Америке так, как мы живем здесь.

Если перевести 180 кит[айских] долларов, скажем, на чехословацкие деньги в Европе, то наш месячный расход может выразиться в сумме примерно 1700 крон. И опять-таки я не смогу сказать, можно ли бы было в Чехословакии на эти деньги жить в материальном смысле лучше, чем здесь.

Вопросы эти, конечно, можно было бы выяснить лишь путем беседы с лицами, которые жили в Америке или в Европе и хорошо знают условия жизни в этих странах...

Едва ли можно найти такую дешевую прислугу, как в Китае. Наш повар (он же и бой), напр[имер], получает всего 18 долларов в месяц (я поставил в смету 19 долларов, так как к китайским праздникам мы делаем ему денежные подарки). Он – приходящий, не живет у нас. Является он на работу в 6 часов утра и работает до часу дня, затем уходит домой. Снова появляется в 5 часов вечера и уходит в 8 часов, следовательно, он проводит на работе у нас 10 часов, получая за это жалованья в 18 долларов в месяц. Это немного вообще, хотя по-здешнему считается и хорошим жалованьем. Конечно, он еще кое-что зарабатывает на комиссиях всякого рода, получая свой «комишон»

[commission] от прачки и поставщиков, а также и на базарных покупках.

Все же попробуйте найти в Америке или Европе хорошего повара, который получал бы шесть китайских центов в час за свою работу...

31 июля. Сегодня – день выборов в Германии. Внимание мира направляется сюда. Что-то скажет сегодняшний день? Не будет ли он переворотным днем в новейшей истории мира? Не начнется ли с него какая-то новая страница в этой истории? Кто знает?.. Гуляя сегодня в парке Виктории, я виделся с некоторыми местными интеллигентными евреями. Из коротких бесед с ними я смог убедиться, как сильно они интересуются выборами в Германии. Хитлер им, конечно, не по душе, и они его боятся.

– Я скажу вам, – изрек свое пророчество один из моих собеседников, – выборы дадут 40% нацистов и 30% коммунистов. Вот увидите.

Подождем. Завтра, вероятно, мы будем уже знать все.

[1]*1 августа.* Был сегодня у Чжан Гочена. Уговорились, что никаких докладов на дому я не смогу ему подготавливать. По секретарским делам я буду бывать у него три раза в неделю: по понедельникам, средам и пятницам, всего на час времени каждый раз, за что буду получать сорок долларов в месяц. Мой новый патрон дал мне для просмотра десяток свежих номеров «Последних новостей» из Парижа. Посмотрю, что даст мне мое новое знакомство. Если будет что неладно, я всегда могу отказаться от него...

2 августа. Получил письмо из Америки вместе с чеком на 200 золотых долларов в окончательный расчет по продаже моих мемуаров за 1917–1922 годы. Издание таковых на русском языке остается за мной.

3 августа. Пришли два автографа для моей коллекции: один от Дионео* из Лондона, другой – от Минора* из Парижа. Первый – известный русский публицист, второй – известный и старый деятель партии социалистов-революционеров. Дионео я просил написать что-нибудь о Сибири, и он любезно начертал мне следующее: «Когда-то бродяги, формулируя свой взгляд на Сибирь, говорили так:

– Сибирь златая, мошка лихая, народ каторжный.

Бродяги были тогда несправедливы относительно третьей части триады, так как Сибирь усердно кормила бродяг. Теперь бродяги стали у власти в энергичной, богатой стране, и от прежнего определения Сибири осталось только "Мошка лихая", так как златой край голодает. Пройдут еще года, от бродяжской власти не останется и следа, тогда не только снова Сибирь станет опять златой, но еще и свободной».

Дай Бог, и поскорее, могу я только прибавить к этим словам Дионео.

4 августа. В качестве английской переводчицы для моих работ для проф[ессора] Howland я пригласил Т.В.Лавдовскую, молодую барыш-

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 4. Л. 1–143. На обложке от руки написано «И.И.Серебренников. Дневники. Книга II. Тяньцзинь. Китай. Начат 1 VIII 1932. Кончен 8. IV 33».

ню, не так давно окончившую один из местных иностранных колледжей. Для первого раза я дал ей переводить статью «Скотоводство Внешней Монголии и его ресурсы».

Работы мои идут вяло. Неимоверно допекают жары. Мы с женой беспрерывно истекаем потом. По нашему мнению, такого жаркого и тяжелого лета, как нынешнее, пока мы живем в Китае, еще не было.

5 августа. Что делать? Бежать в Пэйтайхо и спасаться от жары? Боюсь, станет работа. Я совершенно растерялся.

6 августа. Вечером неожиданно у меня появился Д.П.Першин, приехавший сюда из Шанхая. Мы провели с ним вместе вечер, поужинали. Затем сходили в кино, где смотрели и слушали «Любовную песнь Кубы». Картина оказалась весьма живой и занимательной. Я убеждаю Д[митрия] П[етровича] засесть за его мемуары, которые для первого раза могли бы охватить его жизнь в Монголии (1915–1925), и обещал старику даже денежную поддержку в этом начинании. Как будто он горячо ухватился за эту идею. Из Тяньцзиня Д[митрий] П[етрович] полагает выехать в Калган, где думает пробыть несколько месяцев.

7 августа. Воскресенье. Снова жарко. Облачно. Сыро. Душно. Утром с женой сделал прогулку за город. Потом отдыхали дома. Вечером – промснад в парк Виктории, встречи здесь со знакомыми, беседы. К ночи – легкий ужин и затем за книги. Так скучно проводим воскресный день. В будни как будто даже лучше чувствуешь себя. Утешаем пока себя тем, что все же в этом месяце кончатся несносные летние жары.

8 августа. Сегодня был прохладный день. Немного передохнули от жары.

9 августа. Снова стало жарко. Вечером Чжан Гочен и его супруга угощали нас с женой и супругов Барбье ужином на крыше кафе Кислинга. Просидели здесь с 7 1/2 до 10 часов вечера. За ужином шел оживленный разговор на разные темы. Жаль, что в нем не могла принимать участие m[ada]me Чжан Гочен, молодая и красивая китаянка, так как она не говорит по-русски.

10 августа. Злой рок навис над Китайской Восточной ж[елезной] д[орогой]. В полосе ее, в районе Харбина, разразилось ужасающее наводнение. Харбин – под водой и представляет картины хаоса и разрушения. Жутко читать газетные сообщения. Новый удар по русским... за что? За что? Разве еще мало выпало на их долю страданий и ужасов?

11 августа. В Шанхае 6 или 7 августа китайские коммунисты сделали налет на «Шанхайскую зарю» и побили окна в помещении газеты. Были разбросаны прокламации. Перевод прокламации гласит следующее: «Долой белых русских! Разрушайте помещения белых русских газет! Товарищи рабочие! Студенты! Пролетарии! Несколько забастовок, организованных рабочими Автобусного общества на Международном сеттльменте, так же, как и стычки, начатые рабочими Телефонной компании и Французского трамвая, были сорваны белыми русскими “трудокрадами”. Белые русские помогали японским войскам в занятии северо-восточных провинций и Жехэ. Белые

русские, нанятые японцами в качестве солдат, полицейских или сыщиков, угнетали народ трех северо-восточных провинций. Белые русские – не кто иные, как цепные псы империалистов, имеющих намерение расчленить Китай и желающих разрушить советское государство рабочих и крестьян. С одной стороны, белые русские организовали свои собственные охранные отряды; с другой – они начинают проникать в Сибирь, чтобы учинять беспорядки там.

Белые русские, которые угнетают народные массы, крестьян и рабочих, являются авангардом империалистов. Они борются против красных армий.

Товарищи, рабочие, студенты и весь пролетариат!

Русская газета распускала каждый день ложные слухи с нападками на Советы. Она распространяла белый террор среди китайского народа. Белые русские, враги рабочих, крестьян и китайского народа, враги всего мира, систематически преследуют свою задачу – противятся борьбе за Китайскую революцию и за Советы. Подымемся и будем убивать белых русских! Будем разрушать редакции белых русских газет! Поддержим Советы и Красную армию! Свергнем власть империалистов и Гоминьдана. Уничтожим белый террор!»

Прокламация подписана: «Китайский отдел Международной Красной Помощи». Может быть, это так называемый МОПР[1]. Как сообщали в свое время русские шанхайские газеты, в день 1 августа на многих квартирах в Шанхае, где живут русские эмигранты, появились китайские надписи, значившие в переводе «Здесь живут белые русские!» Не дает, очевидно, русская эмиграция спокойно спать коммунистам.

12 августа. Сведения из Харбина продолжают поступать ужасающие. Здесь открыт сбор пожертвований на нужды русских, пострадавших от наводнения. В Шанхае сделано то же самое. С нетерпением ждешь известий о том, что вода в Сунгари начала спадать, но пока таких вестей нет.

13 августа. Работа для проф[ессора] Howland продвигается медленно, хотя за ней и сидят у меня четыре человека. За последние дни много времени отнимают у меня гости и разного рода посетители вообще.

14 августа. Воскресенье. Сегодня по старому стилю 1-ое августа. Как-то невольно вспомнились мне мои юношеские годы. У себя на родине, в селе Знаменском, первый Спас был большим праздником. Съезжалось много народу к обедне, в том числе немало верхом на лошадях. После обедни бывал крестный ход на реку Илгу, где служили молебствие. Парни верхом въезжали в реку и стояли здесь на лошадях во все время молебна. После молебствия все спешили выехать за село,

---

[1] Международная организация помощи борцам революции (МОПР) создана в конце 1922 г. на основе решения 4-го конгресса Коминтерна (по предложению Общества старых большевиков); оказывала материальную, юридическую, и др. поддержку, независимо от партийной принадлежности. К 1932 г. объединяла 70 национальных секций, включавших около 14 млн человек. В конце 1937 г. руководство МОПР переведено из Москвы в Париж, где находилось до сентября 1939. С начала Второй мировой войны в 1939 г. деятельность МОПР в международном масштабе прекратилась.

к месту скачек на лошадях. Скачки на бегунцах привлекали много народа. Проходили шумно. Было много пари, закладов. Праздник ощущался всеми весьма явственно.

После первого августа начиналась хорошая охота на уток, рябчиков, тетеревов. Боже мой! Как приятно вспоминать это старое время... Куда и почему так скоро оно исчезло? Что в сравнении с ним тяньцзиньская реальность?.. Грустно и печально.

Был сегодня на заседании представителей русских общественных организаций, где обсуждали вопрос о помощи жертвам харбинского наводнения. Вынесли несколько постановлений. Что дадут они, покажет ближайшее будущее.

15 августа. Прочел в свежей книжке журнала «Asia» интересную статью «Миссионеры американской техники в России», принадлежащую перу американского журналиста William Henry Chamberlin*. По словам автора, в данное время в одной только тяжелой промышленности в Советской России занято 6800 иностранцев в качестве инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Не свидетельствует ли это о том, что сама Россия, русские силы, не подготовлены к социалистическому строительству? Спасут ли дело десять тысяч иностранцев? Прежде чем городить социалистическое хозяйство, не лучше ли было подумать о знаменитом философе Кузьме Пруткове, который учит, что «нельзя объять необъятное»?

С журналистом Chamberlin я имел удовольствие познакомиться в Тяньцзине в 1927 году, когда он навестил меня здесь, и мы имели с ним весьма интересную и продолжительную беседу о Советской России. В журнале «Asia» был уже помещен ранее целый ряд статей Чемберлена о Советском Союзе, где он теперь живет почти безвыездно.

16 августа. Сегодня первый день Китайского десятого лунного месяца. В этот день китайцы справляют по счету третий в году праздник в честь мертвых, поминая покойников. Они навещают могилы умерших, приводят их в порядок и совершают здесь некоторые церемонии поминовения. В предвидении наступления холодного времени полезно озаботиться доставкой для покойников теплой одежды. Для этого покупаются бумажные изображения теплой одежды, которая заделывается в посылку, все это затем сжигается, чтобы отправить нужные вещи в царство теней. Заботливые китайцы вкладывают в посылку также и «похоронные деньги», чтобы умершие могли получить средства для безбедного существования в другом мире...

Имеет ли европейские параллели этот китайский праздник? Интересно отметить в этом отношении, что среди кельтов один из праздников в честь мертвых также происходил в начале зимы. Пережитки этого праздника сохранились во многих народных обычаях до нашего времени, особенно в Ирландии, где существует поверье, что мертвые в день праздника выходят из своих могил и посещают дома родных.

Проживая в Китае, я собрал небольшую коллекцию китайских похоронных денег, которые имеют обращение на том свете. Если мне позволит время, я соберусь с силами и опишу эту коллекцию. Думаю, что может получиться интересная статья.

Говорят, что китайцы в свой третий праздник мертвых спускают вечером огоньки на воду в реках или каналах. Я вышел сегодня часов в десять вечера на реку Бэйхо, чтобы посмотреть интересовавшее меня зрелище. К своему удивлению, я не заметил на реке ничего особенного. Встретил я на берегу своего знакомого одного, возвращавшегося через реку с Русской концессии, и спросил его: не пришлось ли ему видеть на реке огоньки?

– Как же, видел, – ответил он, – они недавно проплыли вниз, проплыли также два иллюминованных парохода...

– Когда же это было? – спросил я.

– Около получаса тому назад.

Значит, я опоздал.

17 августа. Мои занятия с Чжан Гоченом носят характер разговоров. Для меня стало вновь очевидно, что он не желает забывать русского разговорного языка. В свое время он кончил русское ж[елезно]д[орожное] Коммерческое училище в Харбине и, конечно, хорошо знал русский язык, но за последние годы, ввиду малого общения с русскими, он стал забывать русскую речь. Вся его блестящая служебная карьера прошла под эгидой маршалов Чжан Цзолина и Чжан Сюэляна, этих прославленных военных сатрапов Манчжурии.

Сегодня Чжан Гочен показал мне его работу на китайском языке – это десятитомное описание советских документов, захваченных во время знаменитого обыска Советского посольства в Пекине. Я попросил своего собеседника достать мне хотя бы один экземпляр этого труда для отсылки его в Пражский Исторический архив. Мне было заявлено, что это трудно будет сделать, но, если представится к тому возможность, моя просьба будет удовлетворена.

18 августа. Говорят, что сегодня конец китайскому «футяну», т.е. самой душной и сырой части лета. Может быть, с исчезновением жары и духоты исчезнет и мое подавленное настроение...

Д.П.Першин дал мне для просмотра переплетенный комплект иркутской газеты «Восточное обозрение» за 1889 год. Он приобрел его где-то в Шанхае и вывез с собой сюда. С интересом и умилением я просматривал эту «областническую» редкость и даже воспользовался кое-какими содержащимися в ней материалами для работы, заказанной мне проф[ессором] Howland.

Прочел «В лесах» Печерского и нашел, что по этой книге можно научиться понимать красоту и силу русского слова. Начал читать сегодня «В горах» этого же автора. В первой же главе этого романа произвело на меня впечатление следующее лирическое описание: «Велика, обширна ты, матушка наша, земля святорусская!.. Вволю простора, вволю раздолья!.. Всех, матушка, кормишь, одеваешь, обуваешь, всем, мать-кормилица, хлеба даешь – и своим, и чужим, и родным сынам, и прошлым из чужа пасынкам. Любишь гостей угощать!.. Кто ни пришел, всякому: “Милости просим – честь да место к русскому хлебу да соли!”...Ну, ничего, нас не объедят...»

А вот объели же, и все потому, матушка Россия, что поверила ты на слово социалистическим горлопанам, что назвались твоими благо-

детелями... Потому и стоишь теперь, перед всем миром в назидание, голодная, безодежная, безобувная, и некому теперь на то жалиться.

Прочел сегодня в английской газете: в спичках в России большой недохват, а из тех ста спичек, что можно еще сыскать в продаже, сорок огня не дают, потому что плохо изготовлены. Вот куда доводит пошехонский социализм. Ну, да ничего, спичек не будет, можно будет потрудиться, дерево о дерево потереть и огонь добыть... Так когда-то делывали наши предки из времен неолита...

19 августа. Вчера вечером смотрел я в Empire Theater знаменитую картину «Бен-Хур» в звуковом воспроизведении. Картина колоссальная. Признаюсь, когда я смотрел, как работали рабы в римских галерах, я невольно вспомнил про советскую пятилетку. От своего, видно, никуда не денешься, не спрячешься. Мне казалось, когда есть деспоты и миллионы рабов, первых всегда обуревает мания grandiose, и они принимаются за колоссальные сооружения. Так возникли знаменитые пирамиды в Египте, так строилась когда-то не менее знаменитая Великая Китайская стена.

Сегодня – Преображение Господне. Праздник проходит, как будни...

20 августа. Сведения о Харбине – трагические. Наводнение не только разорило людей, но и произвело огромнейшие разрушения на самой Китайской Восточной жел[езной] дороге. По-видимому, русская Кит[айская] Вост[очная] ж[елезная] д[орога] доживает последние дни. Под несчастливой звездой родилась эта дорога. В самый день ходынской катастрофы, 18 мая 1896 года, Витте представил на утверждение императора Николая II проект соглашения русского правительства с Русско-Китайским банком об образовании общества Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги]. Это был день, несчастный во всех отношениях. Первый председатель правления дороги Сюй Цзинчен сложил свою голову под мечом палача в Пекине в 1900 году, в тяжкие дни Боксерской смуты. Едва дорога была открыта для эксплуатации, началась русско-японская война. Едва она освободилась от эксплуатационного дефицита, как разразилась Русская революция. В 1929 году ее пытались отнять у русских китайцы, но это им не удалось.

[Зачеркнуты полторы строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

21 августа. Воскресенье. Сегодня угощали мы с женой Д.П.Першина, который завтра уезжает в Пекин, а затем и в Калган. Жалко старика. Мыкается на старости лет по разным городам Китая, ни к чему не приспособленный, не имея средств. Он обещал мне засесть в Калгане за свои мемуары.

22 августа. Приготовил для отправки проф[ессору] Howland семь статей: 1) «Outer Mongolia today», 2) «Tannu-Tuva Republic», 3) «Inner Mongolia», 4) «Barga», 5) «Eastern Siberia», 6) «Cattle-breeding of Outer Mongolia and its resources», 7) «Various Supplementary Remarks». Не знаю, удовлетворят ли эти мои работы моего почтенного заказчика. Недели через две–три придется отправлять ему новую партию материалов.

Я нахожусь сейчас в переписке с тремя профессорами Соединенных Штатов Америки. Насколько я представляю это себе, все

трое сидят сейчас за работами, которые имеют отношение к России. Проф[ессор] Фишер из Станфордского университета в Калифорнии выпускает книгу «Гражданская война в Сибири», проф[ессор] Ремер Мичиганского университета доканчивает свой труд «Foreign Investments in China». Проф[ессор] Хауланд готовит книгу на тему о русской политике на Д[альнем] Востоке.

Виделся сегодня в кафе Карацаса с Гаруццо, бывшим офицером Императорской Армии. Он через два–три дня выезжает в Харбин, чтобы заснять здесь на кинематографическую ленту картины наводнения. Он работает для одной из американских кинофирм.

23 августа. Изрядно припекает. В четыре часа днем термометр на солнце показывал 107 градусов. Эти последние жары кажутся какими-то особенно надоедливыми и назойливыми.

Местная русская общественность весьма вяло налаживает свою работу по оказанию помощи русским жертвам харбинского наводнения. Впечатление такое, как будто эта общественность выдохлась и находится в состоянии анемии.

24 августа. В № 36 газеты «Восточное Обозрение» за 1889 год прочел статью Н.М.Ядринцева* «Сибиряки на границе Монголии». В этой статье мое внимание обратила на себя следующая тирада: «Посмотрите жизнь европейских колоний в китайских городах. Здесь издаются европейские газеты, создаются приюты для китайцев, начинается их обучение. Замечательно, что даже русские торговые люди, возвращаясь из китайских городов, где живут англичане и иностранцы, являются совершенно переродившимися: они являются с европейскими привычками, знающими английский язык, читающими газеты, словом, европейцами, тогда как у себя дома только дичают. Вот это сила всепокоряющей культуры и знания. Англичане, американцы, пожившие в своих факториях около китайцев, издают целые сочинения, узнают быт, верования китайцев. У нас же книги о китайцах пишутся в Петербурге, а не в Сибири...»

Интересны эти замечания сибирского патриота и писателя об облагораживающем влияния очагов европейской культуры в Китае. Если они заставляли перерождаться русских, живших здесь, то можно представить себе, какую огромную роль должны были сыграть иностранные концессии и сеттльменты в Китае в смысле европеизации самих китайцев, а, следовательно, и их революционизирования. Эти концессии и сеттльменты были своего рода показательными уголками европейской культуры в Срединной Империи. На эту сторону дела в писаниях о Китае как-то до сих пор не обращалось никакого внимания.

Справедливыми остаются указания Н.М.Ядринцева и на нашу русскую инертность в исследовательских делах. В Тяньцзине в настоящее время проживают несколько бывших русских консулов, живших подолгу в Монголии или Синьцзяне. Спросите их, однако, имеют ли они какие-либо исследовательские работы о странах, где они жили и работали, и вы получите только отрицательные ответы.

25 августа. В шанхайском «Слове», в номере от 21 августа, напечатаны заметки очевидца харбинских бедствий, вызванных навод-

нением. Автор заметки побывал в Харбине 15 августа. Судя по этой заметке, японцы проявляют в Харбине исключительную энергию по оказанию помощи жертвам наводнения. В общем, бедствия от наводнения здесь оказываются не столь потрясающе ужасными, как мы привыкли представлять их себе на основании первых газетных известий. Все же они, конечно, велики.

26 августа. Дни тянутся однообразно и скучно. Просвета не видно. По всему миру ходят тучи мрачные, обещают грозу.

27 августа. Дачники из Пэйтайхо большими партиями возвращаются в город. По улицам можно видеть уже много загорелых дам и девиц. Многие из них щеголяют своим загаром.

28 августа. Воскресенье. Успенье. Вечером мы с женой побывали в гостях у Б.П.Яковлева, ученого зоолога, работающего в местном музее, основанном иезуитом Licent, неутомимым исследователем районов Центральной Азии. Несмотря на серьезную и ответственную работу, которую ведет Яковлев, иезуиты платят ему мало: всего сто долларов в месяц. На эти деньги жить ему с семьей (жена, две взрослые дочери) очень трудно. Скуповаты все же патеры.

29 августа. Получил из Шанхая 24 отдельных оттиска моей статьи «Albazinians» Это первые мои английские оттиски. Отправил в Шанхай для «The China Journal» мой рассказ из китайской жизни «Retribution» (Возмездие), подобрал к нему из запаса моих фотографий две иллюстрации: одну, характеризующую ужас людской жизни, другую – величавую красоту и покой природы. Очень хотелось бы мне, чтобы этот мой рассказ прошел в английской печати.

30 августа. Отправил для проф[ессора] Howland четыре статьи: 1) Russian Policy towards outer Mongolia and Manchuria, including Inner Mongolia, 2) The Defense of the Russian Far East, 3) Russian Investments in China (копия моей старой работы, изготовленной еще для проф[ессора] Ремера) и 4) The Russians on the Amur Territory in the XVII century.

Доктор Фишер из Станфордского университета в Калифорнии запрашивает меня, как следует отнестись ему к предложению проф[ессора] Г.Г.Тельберга* из Циндао продать для Библиотеки Хувера следующие материалы:

1) Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. Июль 1918 – ноябрь 1918;

2) Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издававшихся при Правительствующем Сенате в Омске. Март 1919 – октябрь 1919;

3) Сибирский Вестник. Официальный орган Временного Сибирского правительства №№ 1–61. Август 1918 – ноябрь 1918;

4) Правительственный вестник, издававшийся в Омске. Январь–сентябрь 1919 года;

5) Собрание официальных копий журналов Совета министров Омского правительства. Полный комплект. Ноябрь 1918 – апрель 1919.

За все эти материалы Тельберг желает получить 290 американских долларов. Вероятно, в Китае только у этого догадливого и запасливо-

го немчуры могут быть подобного рода документы. Едва ли их имеет даже Пражский архив. Думаю посоветовать Военной Библиотеке Хувера приобрести эти сибирские документы. М[ожет] б[ыть], Тельберг еще что-нибудь и скинет с денег.

31 августа. Газеты пишут, что на станции Маньчжурия скопилось две тысячи мешков сибирской почты. Когда и как рассосется этот затор, неизвестно. Я уже давно не получал писем из Европы.

Сейчас, когда пишу эти строки, где-то далеко трещит пулемет. Невольно думаешь: не выступили ли снова японцы? Такова обстановка. Усилившийся за последнее время антияпонский бойкот вызывает озлобление японцев.

1 сентября. Получил письмо от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая. Пишет, что мой рассказ из китайской жизни «Свадьба Городского Бога» пойдет в сентябрьской книжке журнала «Парус». Сообщает о том, как шанхайцы предполагают справить Сибирский юбилей осенью этого года.

2 сентября. Сижу за работой, пишу. А за окошком, в переулке, собралась орава уличных русских и еврейских мальчишек, затеяли какую-то игру и орут дикими голосами, кто во что горазд. Препротивные хриплые голоса этих уличных хулиганов, растущих без какого-либо воспитания и надзора. Остановить их или усовещать, чтобы дали покой старшим, почти невозможно. Особенно наглы и нахальны еврейские ребятишки. Я вижу, как иногда целый день, с утра до вечера, носятся эти русские мальчишки и девчонки по грязным переулкам, заплеванным китайцами, и мне становится грустно, когда я подумаю о будущем этих ребятишек. Я не вижу в них охоты почитать книжку. Их не тянет в лес, на траву, на чистый воздух, за город. Им неинтересно бывать в городских парках. Копошатся в грязи и пыли, как свиньи, в 50 саженях от своего дома – первое их развлечение. Я знаю, что это часто дети беднейших жителей, это много извиняет. Но почти все они учатся в школах: то в русских, то в еврейской. Почему же школы-то не дают детям никакого воспитания?

3 сентября. Сегодня вечером под домом Талати горели электрические лампы, которые гласили: «Harbin flood relief ball 3 September». Этот бал устраивает газета «Наша Заря». Значит, будет смешанная русско-еврейская публики плюс иностранцы. Возможно, соберут пару тысяч долларов. Русская община что-то все дремлет со своими начинаниями в пользу пострадавших харбинцев.

4 сентября. В нашем доме идет полный ремонт: красят, белят. Пройдет, наверное, еще около недели, прежде чем ремонт будет закончен.

5 сентября. В католическом колледже братьев Маристов начались занятия. В школе немало русских мальчиков. Слава Богу, на улицах, быть может, будет теперь потише: 8-го начнутся занятия в Английской школе, 9-го в Еврейской, 15-го в Русской. Русские побогаче отдают детей в Английскую школу, победнее – во Французскую католическую, а самые бедные – в Русскую (или Еврейскую).

Впервые пришлось сегодня получить письмо из Харбина с почтовыми марками государства Маньчжуго. Марки эти здесь не признаются, поэтому я доплатил за письмо. Из Шанхая пишут мне, что моя

маленькая заметка «Strange Figures of Chinese Handicraft» печатается в сентябрьской книжке «The China Journal»...

6 сентября. Газеты уделяют большое внимание вопросу о росте коммунистического движения в Китае. Мне кажется, если коммунизм здесь восторжествует, гражданская война в этой несчастной стране не кончится: будут воевать одни коммунистические генералы с другими.

7 сентября. Благодаря ремонту в доме я пока забросил свои текущие занятия. С увлечением дочитываю первый том романа Печерского «В горах»[1].

Вечером мы с женой побывали на концерте хора терских казаков. Концерт произвел отличное впечатление. Дирижер хора, маэстро Машин*, привел в восторг русских дам. Большие эмоции вызвало исполнение песни «Молись, кунак». Ее заключительные слова:

«Бодритесь, матери, отцы,
Уже теперь недолго ждать –
И будет так, как было встарь:
Святая Русь да русский Царь».

вызвали громкие восторженные аплодисменты аудитории. Русские евреи, конечно, демонстративно отсутствовали на концерте. Видно, горбатых может исправить только могила.

8 сентября. Налаживаю сегодня третью отправку статей для проф[ессора] Хауланда.

9 сентября. Газеты полны восторженных отзывов о позавчерашнем концерте хора терских казаков. Сегодня – второй концерт этого хора в Hordon Hall. Жена идет на него. Я сижу дома.

В «Голосе Азии» объявился довольно способный поэт-фельетонист под псевдонимом Белый. В сегодняшнем номере его фельетон носит заголовок «К делу Нулансов». Супруги Нулансы – видные акулы Коминтерна, попавшие в руки китайских властей в Шанхае. Нулансы, они же Руечч, неизвестно, какой национальности; возможно, они просто русские евреи. Недавно китайский суд приговорил Нулансов к пожизненному тюремному заключению. Это случилось, несмотря на хлопоты о них таких светил, как вдова Сунь Ятсена, Эйнштейна и других коммунистических прихвостней.

Фельетон Белого я хочу записать здесь на память себе. Вот он:

Быта разные нюансы
Нервы ловят, как антенна.
Ох, уж эти мне Нулансы,
Со вдовою Сунь Ятсена!
Что тревогу бьют Нулансы, –

---

[1] Лучшие произведения П.И.Мельникова-Печерского – романы (дилогия) «В лесах» (1871–1874) и «На горах» (1875–1981). В романе «В лесах» изображение жизни Заволжья (ремесел, семейных отношений, обычаев и обрядов) дается на фоне поэтических картин природы. Автор показывает неизбежность разрушения этой старины под натиском отношений, укрепляющихся в купеческой среде. Особенно сильны эти мотивы в романе «На горах», рисующем быт волжского правобережья. Если ряд героев романа «В лесах» наделен привлекательными чертами национального характера, то в романе «На горах» резко сатирически очерчены колоритные фигуры «темного царства». Печерскому принадлежат также многочисленные труды по этнографии, статистике и истории раскола.

Смысл понятен и дитями.
Распевать в тюрьме романсы
Очень было бы не кстати.
Но при чем вдова здесь, право?
Ну, сидела б у оконца
В отраженье громкой славы
Знаменитого Кантонца.
Книжки б разные читала
Про любовь, про быт сословий,
На проценты с капитала
Доживала б век свой вдовий.
Но драконы злые, видно,
Полонили душу Вашу.
Ах, мадам, ведь так обидно,
Что Вы влипли в эту кашу!..
Пусть уж суд здесь строго взвесит,
В суд у Вас должна быть вера.
Взвесив все, пусть суд повесит
Тех Нулансов для примера...

10 сентября. Начинается учебная страда. У нас с женой прибывают ученики и ученицы. Месяца три придется поработать полным ходом, пока не кончатся Кэмбриджские экзаменационные испытания.

Вчерашний концерт казаков собрал полный зал публики. Сегодня новый концерт в Русском клубе. Русский клуб просит жену дать разрешение поставить как-нибудь в нем написанную ею оперетку «Иванов Павел в Тяньцзине». Года три—четыре назад эта оперетка уже дважды ставилась здесь и имела большой успех.

Сегодня узнал приятную для себя новость: местный книжный магазин «Знание» согласился издать отдельной брошюрой мою работу «Китайский текущий фольклор и китайские суеверия».

11 сентября. Воскресенье. Погода стоит хорошая. Был в гостях у Д.Д.Селиванова. Кое-что интересное смог достать у него для архивных отсылок, в том числе брошюру на английском языке «The Black Year» (Черный год), составленную слепым Носковым, одним из солдат отряда барона Унгерна в Монголии[1]. Зрение он потерял в одном из боев с красноармейцами.

12 сентября. Имел сегодня беседу с владельцем библиотеки и книжного магазина «Знание» (кстати сказать, основанным мною же) И.Я.Антуфьевым. Я предложил ему совместно со мною собрать и издать в литературной обработке «Сказки Азии», снабдив эту книгу десятком-другим иллюстраций, примерно так, чтобы книга не потеряла своего этнографического интереса и была пригодна в то же время для детского чтения. По моему проекту, в сборник могли бы войти избранные сказки сибирских инородцев, монгол, китайцев, корейцев, японцев, тибетцев, бирманцев, индусов и т.д. Кажется, мое предложение не имело успеха в смысле практическом, хотя и было одобрено теоретически. У меня создалось впечатление, что Антуфьева трудно вообще раскачать на какое-либо новое начинание...

Русская община сегодня производила кружечный сбор в пользу русских жертв харбинского наводнения.

---

[1] Noskov K. Black Year / Translators not G D-ff. Preface of the Author. Pekin, 1921. Сейчас находится: ГА РФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10.

13 сентября. Могу думать, что сегодня я вчерне закончил свои работы для проф[ессора] Хауланда. Нужно теперь перевести еще некоторые мои статьи, перепечатать их на машинке. Затем предстоит отсылка последних работ по почте, а дальше придется ждать от уважаемого заказчика только его отзывов о моих статьях.

14 сентября. Начал читать второй том романа Мельникова-Печерского «На горах». Сегодня прочел картинные описания радения хлыстов. На этом радении блаженненький Софронушка пропел какую-то непонятную песнь. Эта песнь была:

«Савишраче само,
Капиласта гандром,
Дараната шантра
Сункура пуруша
Майя дива луча».

Автор романа замечает, что члены хлыстовского «корабля» думали, что эта песнь сложена по-индейски (т.е., нужно думать, по-индусски). Покойный о[тец] Диодор Колпинский, изучивший в свое время санскритский язык, как-то уверял меня, что это песнопение – санскритское. Спрашивается теперь, каким образом санскритский язык попал в обращение к русским хлыстам? Познакомившись с обрядами хлыстов по роману Печерского, я пришел к заключению, что в этих обрядах имеются элементы шаманизма...

15 сентября. Сегодня – второй большой, после Нового года, китайский праздник. Это – праздник Луны. Его празднуют в 15 число восьмого лунного месяца. В этот день луна бывает особенно светла и блестяща. Супруга Солнца, Луна является воплощением женского начала жизни. Она – патронесса женщин, и во всякой семье чествовать ее является обязанностью женщин. Когда-то один из знаменитых поэтов Китая так воспел красавицу неба:

Как давно, о, луна, ты оказываешь честь небу твоим присутствием?
Наполняя кубок вина, я задаю этот вопрос голубому небу ночи...
На крыльях ветра я жажду навестить твой рай...
И все же я боюсь холода твоих дворцов из яшмы и кристалла...
Лучше оставаться на земле и смотреть, как ты сама входишь в наши дома...
Через раскрашенные двери и решетчатые окна...
И застаешь врасплох людей, не имеющих сна...
Подобно тому, как нам, смертным, свойственны горе и радость,
Тебе, богиня, знакомы и свет, и тьма.
То ты кругла, в полном сиянии и блеске,
То ты в ущербе, напоминая ноготок моей возлюбленной...
Не есть ли это доказательство того, что совершенства
Не существует ни для богов, ни для людей.
Наилучшее, что только мы можем желать, это то,
Чтобы ты и я долго могли наслаждаться светом совместно...

Это из области китайской поэзии, а вот китайская проза сегодняшнего дня говорит о том, что островная соседка Китая, Япония, признала сю же созданное новое государство Маньчжуго. Кажется, это обстоятельство вновь приведет к ряду националистических вспышек молодого Китая.

16 сентября. Вчера, около полуночи, я обошел кругом наш квартал, чтобы посмотреть, как китайцы празднуют праздник Луны[1].

---

[1] Праздник Луны или Урожая – Zhongqiujie. Праздник пятнадцатой ночи восьмой

Некоторые лавки были еще открыты. Нигде ничего особенного я не заметил. Только в одной портновской мастерской я заметил сквозь открытые двери столик посреди комнаты с двумя горевшими на нем свечами красного стеарина, на столе расставлены были фрукты разного рода и сласти. Это, несомненно, был жертвенный стол для богини Луны. На улице, перед входной дверью, стояла курительница с воткнутыми в нее горящими курительными палочками. Фимиам этих палочек предназначался, конечно, для Луны же.

Утром сегодня я побывал у Чжан Гочена. Он недавно схоронил своего отца и подробно рассказал, как шла его похоронная процедура, и в свою очередь спрашивал у меня, как хоронят русские. В беседе были такие моменты.

– Когда человек умрет, – рассказываю я, – его первым делом омывают.

– У нас тоже, – удивленно замечает Чжан Гочен.

– Если в квартире имеются зеркала, их сейчас же завешивают.

– Представьте, и у нас то же делают, – еще более удивляется мой собеседник...

17 сентября. Васильеву-Дубровскому в Шанхае я посоветовал ко дню Сибирского юбилея выпустить однодневную газету. Он ухватился за эту идею. Сегодня для этой проектируемой газеты я приготовил работу под названием «Памятка Сибиряка».

18 сентября. Воскресенье. Годовщина знаменитого выступления Японии в Маньчжурии. Для Китая это день национальной скорби и траура. Сегодня многие европейские кинематографы закрыли свои двери в знак внимания к китайцам.

Днем жена устроила чай и кофе. Было двенадцать человек гостей. В числе наших гостей были двое новых визитеров: о[тец] архимандрит Федор, заменявший здесь сейчас архимандрита Виктора, который уехал в Европу на Карловицкий духовный съезд, и И.Н.Головко-Улазовский*. Между прочим, последний рассказал много интересного о вооруженном японо-китайском конфликте в Шанхае, свидетелем которого ему пришлось быть. По его мнению, японцы могли сразу прогнать китайские войска из Шанхая, но нарочито почему-то затягивали конфликт.

[Зачеркнуты две с половиной строчки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

С бывшим у нас на чае о[тцом] диаконом Федором Дубоен, албазинцем, я договорился, что два раза в неделю он будет приходить

луны (сентябрь) родился в эпоху династии Тан и занимает важное место в китайском календаре. Это день поклонения богу Луны. По традиции в этот день китайцы едят особые сладкие пирожки и читают стихи при свете луны, которая в этот день считается самой круглой и самой яркой. «Лунные лепешки» напоминают о восстании китайского народа против монгольских завоевателей, так как много веков назад маленькие записки, запеченные в такие пирожки, призывали к бунту и неповиновению захватчикам. Тесто для них готовят из зерен лотоса и дробленого кунжута. В этот день влюбленные молят богов соединить их вместе, чтобы слиться в одно целое, подобно Луне. Повсюду продаются маленькие цветные фонарики: вечером их зажигают в городских парках и полях родители вместе с детьми, которым по такому случаю разрешается поздно ложиться спать.

на час занятий ко мне по разного рода китайским вопросам, историческим и этнографическим. Попробую и посмотрю, что из этого вый-дст. Для первых занятий хочу обследовать две темы: «Русская рота в Маньчжурских войсках» и «Китайские похоронные деньги»...

Вечером я и Mr. More пошли на концерт хора терских казаков. Опять я получил большое удовольствие. У хора есть какая-то изюминка, которая трогает и дает известный привкус, возбуждая патриотические эмоции. Даже когда в волжской прекрасной рыбачьей песне хор поет о том, как подымалась погодушка, и когда далее слышатся жалобные призывы:

Матушка Волга,
Мать родима,
Не погуби ты нас, родима,
Бедненьких...

как-то невольно чувствуешь себя одним из этих бедненьких, которых на сей раз непогода на Волге занесла так далеко, в чужую сторону...

Казаки завтра уезжают в Пекин, где дадут один концерт. На обратном пути они дадут еще один прощальный концерт здесь. Как я слышал, они очень довольны тем приемом, который они получили в Тяньцзине.

19 сентября. Видел сегодня сентябрьскую книжку «The China Journal». В ней помещена моя миниатюрная заметка: «Strange Figures of Chinese Handicraft» с двумя иллюстрациями[1].

По поводу вчерашней годовщины японского выступления в Маньчжурии местные газеты пишут сдержанно, применительно к Китаю вспоминая старую английскую пословицу: God helps those who help themselves (Бог помогает тем, кто сам себе помогает). По-русски это будет: На бога надейся, а сам не плошай.

20 сентября. Узнал, что на днях в Пекине, в Русской Духовной Миссии, из церкви неизвестно кем украдена митра Св[ятого] Иннокентия, первого епископа Иркутского, чудотворца. Митра эта была снята с главы святителя 3 ноября 1881 года по просьбе епископа Люблинского Модеста и заменена на новою. По указу Святейшего Синода от 22 августа 1902 года митра Св[ятого] Иннокентия была передана в Успенский монастырь Духовной Миссии в Пекине, вместе с параманом[2] и портретом Святителя. Подробные сведения об этой митре были в свое время помещены в «Иркутских епархиальных ведомостях», затем в «Китайском Благовестнике» за 1909 год, № 17–18, и снова в том же журнале за 1931 год, № 10, в день 200-летия со дня кончины Святителя. Кому и зачем понадобилось выкрасть священную реликвию, трудно сказать.

Могу сообщить, что местная жительница, некая Малкова, имеет и хранит у себя какую-то грамоту, собственноручно подписанную Св[ятым] Иннокентием. Какого содержания грамота, я пока не знаю.

---

[1] Serebrennikoff I.I. Strange Figures of Chinese Handicraft // The China Journal. 1932. Sept.

[2] *Церк.* – аналав, нагрудный знак монаха с изображением восьмиконечного креста.

День провел вяло. Погода сырая и мрачная. К работе не располагает. К тому же здоровье прихрамывает. Беспокоит левая нога, которая побаливаст давно.

21 сентября. Внизу, под нами, живет какая-то странная семья. Он – еврей, она – татарка, у нее двое черномазых детей. Видимо, сожительствуют. Чем живут, неизвестно. Часто муж и жена ссорятся и дерутся. Вчера к вечеру этот еврей закатил грандиозный скандал. Из окон нижней квартиры летела матерная ругань, и сыпались другие мерзкие ругательства. Потом послышался звон разбиваемой посуды и окон. Началась драка, крики избиваемой женщины.

Такого рода инциденты убийственно действуют на нервы. Хочется убежать куда-нибудь, на спокойную и тихую улицу. Сейчас в мои окна доносятся откуда-то бабьи песни. Голосят совсем так, как это бывало когда-то в сибирских деревнях. Между прочим, в Тяньцзине появилось много русских цыган. Образовался даже цыганский кабачок, с пением и плясками, где начинают принимать посетителей только с 12 часов ночи.

22 сентября. Отправил сегодня проф[ессору] Howland последние свои работы, в том числе «Turkestan-Siberia Railway» и «Communism in China». Всего за два последних месяца мною было отправлено ему семнадцать статей. Работа вчерне закончена. Примусь теперь за некоторые русские статьи.

23 сентября. Был о[тец] Федор Дубоен. Имел с ним разговор о Русской роте в Маньчжурских войсках. Сделал записи. Они сводятся к следующему. За последние годы перед Китайской революцией Русская рота в Маньчжурских войсках, или «Элос нюлу», как сокращенно звали ее маньчжуры и китайцы, состояла из сорока солдат. Кроме сего, был командир роты, при нем один офицер и еще четыре чина, соответствующие русским фельдфебелям. Из последних двое ведали канцелярией, собирали сведения о семейном положении албазинцев, новых родинах, смерти и т.д., а также ведали выдачей жалованья. При роте состояло 20 маленьких албазинцев, в возрасте от 7 до 16 лет, получавших также некоторое жалованье, видимо, в виде пособия семье. Все офицеры и солдаты в роте были албазинцы, потомки русских завоевателей Приамурья в XVII веке. Конечно, это была не столько рота, сколько небольшой отряд. В Маньчжурских войсках были подобного же характера роты, составленные первоначально из лиц одной какой-либо национальности. Например, были, кроме русской, роты: корейская, татарская, аннамитская. Вероятно, в свое время они просто удовлетворяли тщеславие маньчжурских богдыханов Китая и потом продолжали свое существование по исторической традиции, привычке. Солдаты русской роты службы военной не несли никакой, не участвовали ни в парадах, ни в караулах, не имели даже формы. В сущности говоря, вся служба их состояла в получении жалованья. Последнее выдавалось деньгами и натурой: рисом. Квартиры солдаты должны были иметь свои. Денежное жалованье составляло до 47 лан в год, рис выдавали четыре раза в году, каждый раз по мешку, весом примерно до 5 пудов. «Маленькие» получали по 1,5 лана в месяц.

В военных действиях солдаты роты также не участвовали. Должно быть, они и не пользовались доверием властей в этом отношении. Жить должны были в Пекине. На отлучку из Пекина, на расстояние больше сорока ли, нужно было брать особое разрешение. Большинство солдат жили в квартирах Пекина, прилегающих к Бэйгуани, т.е. к Русской Духовной Миссии. Иметь посторонние занятия, напр[имер], заниматься торговлей, солдатам не разрешалось. В роту принимались лица старше 16 лет и могли состоять в ней до самой смерти. Когда освобождалась вакансия, то избирались кандидаты на освободившееся место. Достойный избирался путем испытания, которое состояло в стрельбе из лука. Давали для каждого пять стрел. Кто оказывался лучшим стрелком, того принимали в солдаты роты. Отличившемуся в стрельбе выдавали единовременное вознаграждение в размере 15 лан.

До 1860 года, т.е. до Франко-Британской войны с Китаем, Русская рота в Пекине состояла всего только из двадцати человек. Во время этой войны начальник Русской Духовной Миссии оказал ценные услуги китайцам в деле мирных переговоров с французами и англичанами. В благодарность за эти услуги китайцы согласились увеличить состав русской роты до 40 человек.

После китайской революции 1911 года русская рота продолжала свое существование, и положение ее стало ухудшаться после смерти Юань-Шикая. Стали с каждым годом платить все менее и менее жалованья, а потом и совсем прекратили выдачу такового. Русская рота, таким образом, кончила свое существование. Насколько известно, никакого указа об ее уничтожении сделано не было.

Вот все то главное и существенное, что мог мне поведать о[тец] диакон Федор Дубоен, албазинец, сам когда-то состоявший солдатом Русской роты в Пекине.

24 сентября. Сегодня в помещении старого Французского клуба Русская община устраивает большой бал для пополнения средств своей скудной кассы. Жена принимает деятельное участие в организации бала и целые дни находится в хлопотах. На балу выступят приобретшие здесь большую популярность терские казаки. Они недавно вернулись из Пекина, где тоже имели шумный успех, дав два концерта. 22 сентября казаки были приглашены германским посланником в Китае, Оскаром Траутманом, на специальный раут, в их честь устроенный. Как рассказывал это сам руководитель хора, маэстро Машин, на рауте присутствовал почти весь пекинский дипломатический корпус и много видных китайских сановников. Казаками был исполнен ряд песен из их репертуара. Особое впечатление произвел Преображенский марш. Он был исполнен по особой просьбе германского посланника. Последний перед его исполнением объявил, что это – марш прежней императорской России и, поднявшись сам со своего места, предложил и всем присутствующим сделать это. Между прочим, на первом концерте казаков в роскошном зале «Пекин-отеля», быть может, впервые прозвучал торжественный старый русский национальный гимн «Боже, царя храни». Гимн этот был исполнен по настойчивым требованиям русской и другой иностранной публи-

ки. Весь зал при первых звуках гимна поднялся, как один человек. Кажется, чего мы не достигаем нашими статьями и рассказами о старой России, то казаки достигают старыми русскими песнями. Таково влияние музыки...

25 сентября. Бал Русской общины прошел не очень удачно: было не так много народа. Жаль.

26 сентября. Из Шанхая получил сообщение, что там в кружке сибиряков председательствование на себя принял проф[ессор] В.В.Ламанский*. Кажется, это сын знаменитого русского ученого. Буду ждать от него письма.

27 сентября. 14 сентября по старому стилю. День Воздвижения Креста Господня. Занимался. Имел уроки.

28 сентября. Нанкинское правительство запретило вывоз из страны муаре (это, кажется, мерлушка) и еще какого-то сорта пушного товара в том же роде. Местные евреи-пушники в сильном волнении: и без того пушная торговля влачит сейчас жалкое существование, и просвета пока не видать. Дальнейшее сокращение местных пушных дел может оставить без работы немало народа, в том числе и русских. Кажется, русские евреи не предвидят для себя здесь хороших перспектив. Сравнивая себя с русскими, они говорят: «Русские большей частью служат по иностранным предприятиям, получают жалование, живут скромно, по средствам. Для них депрессия не так страшна, как для нас, самостоятельно занимающихся коммерцией. К тому же мы живем не по средствам: держим фасон».

Это, пожалуй, верно. Если из русской колонии исключить богача И.В.Кулаева*, то русские здесь будут намного бедней, чем евреи. С другой стороны, один Кулаев будет побогаче, чем все местные евреи вместе взятые.

– Денег нет, – жалуется публика. А вот приехала сюда на гастроли оперетта из Харбина и делает битковые сборы. В публике, наверное, половину составляют евреи...

29 сентября. Вчера вечером уплелся в кино, смотрел знаменитого «Тарзана». Огромный зал Empire Theater был переполнен, ни одного свободного места. Среди публики много китайцев, любят они такого рода картины.

Днем мы получили подарок от супругов Филимоновых из Шанхая: отличный альбом для фотографий. Нас с женой порадовало это внимание из чужого города.

30 сентября. Встретил на улице художника Сафонова*. Едет из Шанхая в Пекин делать зарисовки. Он приобрел себе известность в Китае среди русской эмиграции своими картинами из эпохи Гражданской войны в Сибири. В частности, известны его картины на тему «Ледяной поход», написанные им как участником этого знаменитого похода в 1919–1920 гг. Из этой серии сильное впечатление на меня произвели 2 картины: «Поход по р. Кану, в Енисейской губернии» и «Переход через Байкал»[1].

---

[1] Использованы как иллюстрации к книге И.И.Серебренникова «Великий отход», отправлены вместе с коллекцией Серебренниковых в HILA.

1 октября. Еще одной дрянью [зачеркнуто: сволочью. – *Прим. А.А. Хисамутдинова*] запоганили славное имя одного из больших русских городов: Нижний Новгород переименовали в Максима Горького по случаю сорокалетней писательской деятельности одного добровольного советского прихвостня. Моральные гады всего мира принесли юбиляру свои приветствия. К чести человечества, надо признать, что таких гадин нашлось все же не очень много, даже мало.

2 октября. Воскресенье. Надумал переработать и издать снова свой исторический очерк «Албазинцы», тем более что с 1922 года, когда был написан этот очерк[1], я подобрал кое-какие материалы как об Албазине, так и албазинцах. Вообще, литературных планов у меня много. Не знаю даже, как и в какой последовательности их осуществлять. Больших работ у меня намечается три: это мои мемуары о нашей тяньцзиньской жизни (1923–1932), мемуары же, относящиеся к моему детству и юношеству 1882–1900; последние должны носить сибирский колорит. Хочется затем мне написать большую книгу о Китае (м[ожет] б[ыть] и двухтомную), что было бы результатом моего десятилетнего изучения этой страны. Можно составить исторический очерк Китая, затем подробнее описать его экономику и быт его населения.

Это все крупные работы. Я чувствую себя в силах их осуществить, если позволят мне мое здоровье и, с помощью Господа Бога, мои силы. Много мерещится и мелких работ. Незаконченными пока остаются мои «Этнографические очерки».

3 октября. Пошел вечером на почту сдавать письмо в Америку. Смотрю: около почты возятся трое русских, пыхтят, сопят с большим усердием. Присмотрелся: оказывается, дерутся, тузят друг друга. Дерутся двое, третий разнимает.

– Он шкурки у меня утащил, – кричит один из дерущихся.

Значит, дерутся пушники. Подрались и разошлись в разные стороны. Удалось их все же разнять. Это оказалось не столь трудным делом. А вот удастся ли Лиге наций разнять Китай и Японию?

Сегодняшняя сенсация – это доклад лорда Литтона по маньчжурскому вопросу.

4 октября. На западной ветви Китайской Восточной ж[елезной] д[ороги] – большие события: восстание китайских войск против Маньчжуго и японцев. Положение русских эмигрантов в полосе восстания должно быть трагическое. Ходят слухи, что революционные войска Внешней Монголии заняли западный район провинции Гансу. Верно ли последнее, пока неизвестно.

5 октября. Отправил в распоряжение А.Н.Васильева-Дубровского в Шанхае три рукописи. Они называются: «Памятка Сибиряка», «Сибирское Царство» и «Иркутская группа областников-автономистов». Предполагается, что эти рукописи будут напечатаны в однодневной газете, которая должна будет выйти в Шанхае ко дню 350-летнего юбилея завоевания Сибири, т.е. к 26-му октября старого стиля.

---

[1] Серебренников И.И. Албазинцы. Харбин: Тип. «Свет», 1920.

Перестал получать шанхайскую газету «Слово». Видимо, меня исключили из состава сотрудников этой газеты, так как я давно-давно ничего не посылаю туда. Признаться сказать, и нет особой охоты и желания сотрудничать в «Слове» – идейных импульсов нет, а материальные – крайне слабые: мне обещали платить по одному центу за строчку. Плата менее чем соблазнительная. Тем не менее без «Слова» – скучно: там нередко можно было прочитать интересные перепечатки то из «Возрождения», то из «Последних Новостей» из Парижа.

О посланной мною в «Современные Записки» рукописи «Русские интересы в Китае» не имею никаких сведений: я не знаю, дошла ли она до назначения, если дошла, то принята ли к печатанию. Русская манера не отвечать на письма меня возмущает. Если бы мне сообщили, что рукопись не принята, я принял бы меры, чтобы устроить ее как-нибудь иначе. Теперь приходится сидеть и ждать, пока не появится 50-ая книжка журнала, где может быть напечатана моя статья. Генералы от русской эмигрантской литературы в Париже слишком, должно быть, важны, чтобы снизойти вниманием к какому-то там русскому журналистишке в Китае. Почему же американцы поступают иначе? Я получал ответы на все свои письма, адресованные американским журналам, на все без исключения...

Обидно получается. Как будто русский русскому волк есть, и русский не хочет оказать услуги русскому. Как-то, год или более тому назад, жена моя отправила писателю Куприну свою рукопись, историческое исследование о Федоре Кузьмиче, таинственном сибирском старце, с просьбой написать предисловие к статье и помочь устроить ее в каком-нибудь русском издании в Париже. И что же? Ни привета, ни ответа. Пришлось затратить еще усилия к тому, чтобы как-нибудь выцарапать рукопись обратно и затруднить этим делом нашего старого знакомого по Сибири М.А.Кроля, живущего теперь в Париже. Не отсохли бы руки у Куприна, чтобы написать сюда хотя бы пару слов, хотя бы на открыточке. А ведь готовы же мы на весь мир кричать:

– Русские эмигранты всего мира, объединяйтесь!

Какое уж тут объединение, когда простого желания помочь друг другу не имеется.

Как-то я написал Борису Волкову, молодому сибирскому поэту, теперь уже американскому подданному, проживающему в Сан-Франциско, письмо с предложением совместного сотрудничества в американской прессе. Я не получил ответа на свое письмо. Пробовал в свое время я завязать связи с известным сибирским писателем Гребенщиковым*, проживающим теперь также в Америке, в своей «Чураевке». Но и тут ничего не вышло. После обмена двумя–тремя письмами Гребенщиков понял, что я, видимо, нуждаюсь в средствах (на что я не давал ему никакого намека), и убедил одно американское общество помощи русским литераторам и ученым (Fund for the Relief of Men of Letters and Scientists of Russia) сделать мне небольшой денежный перевод и прекратил со мной переписку. Дескать, получи, земляк, и отвяжись...

6 октября. Был на консультации зубного врача Герсшекзанг. Решили выдернуть один зуб. Измученный своей альвеолярной пиор-

реей, я стал страшно мнительным. Мне все кажется, вырвать больной зуб – будет плохо, начнется заражение крови и т.д. И раньше, перед вырыванием зубов, у меня бывали такие же страхи. Нервы, одним словом, не в порядке.

Сегодня попался мне на глаза Бюллетень № 6 Католического университета в Пекине, изданный еще в 1929 году. В нем помещена интересная статья о Монтекорвино*, первом католическом епископе в Пекине во времени Хубалая-хана и последующих за ним монгольских правителей Китая. К сожалению, я не нашел в ней сведений, уже давно меня интересующих, о русских войсках в Пекине XIII-го столетия. Впервые сведения такого рода я получил из известной книги синолога Leo Wieger «A History of the Religious Beliefs and Philosophical Opinions in China from the beginning to the present time» (Peking, 1927). В этой книге автор сообщил о монгольских войсках в Китае времен начала Династии Юань следующее: «В монгольских армиях целые корпуса были составлены из иностранцев, христиан различных обрядов. Аланы были особенно многочисленны, все христиане греческой веры, имевшие своих греческих священников, согласно францисканцу Рубруку. Марко Поло сообщил нам о печальном конце одного из таких воинских отрядов монголов. Этот отряд взял город Цаньчжоу. "Они взяли город и нашли здесь добрые вина. Они выпили так много вина, что опьянели; спали, как свиньи. Когда пришла ночь, все пьяные солдаты были перебиты, так что никто не спасся..."»

В Пекине одном, в лагерях, было одно время до 30 000 аланов. Из них тысяча составляла личную охрану императора. Затем здесь были также грузины, христиане греческой веры, согласно Бенедикту Полону; корпус, по меньшей мере, десяти тысяч русских; еще корпус из крымцев, подчиненных патриарху Антиохию, и т.д. Сообщение Рубрука показывает нам, что несториане Монгольской Империи допускали в свою церковь венгерцев, аланов, русских, грузин и армян только после вторичного крещения их. Вот эти-то 10 000 русских в Китае конца XIII-го столетия и интересуют меня. Я хочу разыскать о них какие-либо дополнительные сведения, каковые, вероятно, можно найти только в трудах и записках католических миссионеров, современников Марко Поло. Я собираюсь как-нибудь на днях отправиться в библиотеку местного иезуитского университета (Tientsin University) и посмотреть, не найдется ли в нем подходящих материалов. Придется мне с этой целью познакомиться с трудами знаменитого итальянца Марко Поло. Хватило бы только времени для этого. Кстати сказать, кто такие были аланы?[1] Поскольку я осведомлен, это были осетины. Но, может быть, я ошибаюсь.

---

[1] Аланы (*лат.* Alani), самоназвание – ироны, в византийских источниках – аланы, по-грузински осы, по-русски ясы, многочисленные ираноязычные племена, которые выделились в последнем веке до н. э. из среды полукочевого сарматского населения Северного Прикаспия, Дона и Предкавказья и поселились в I в. н. э. в Приазовье и Предкавказье, откуда совершали опустошительные походы на Крым, Закавказье, Малую Азию, Мидию. В Центральном Предкавказье сложилось объединение алан-

7 октября. Около Чифу – анархия: там опять дерутся между собой два китайских генерала. Конца гражданским войнам в Китае не видать, да и, кажется, не предвидится в будущем. К позору современного цивилизованного человечества, многие державы Европы и Америка не перестают снабжать китайских милитаристов оружием и тем самым подогревают здесь междоусобицу. Особенно много ввозится в Китай оружия и снаряжения из Германии, немало идет и из Соединенных Штатов. Говорят знающие люди, что за последний год ввезено в Китай из разных стран разного рода оружия и военных припасов не менее чем на полмиллиарда долларов. Сообщают, что 3 октября один норвежский пароход выгрузил в Тяньцзине 500 пулеметов, 3 1/2 миллиона патронов, много бомбометов и снарядов к ним. В конце концов часть ввозимых в Китай военных материалов попадает к бандитам... и коммунистам, которые, есть слухи, имеют местами даже аэропланы. В общем, действительность столь погана и мерзка, что не хочется и думать о ней. Пусть будет, что будет. А по адресу капиталистического мира хочется крикнуть во все горло:

– Если ты сам роешь себе могилу, так рой же, дружище, поскорее!

В наше кошмарное время книги – все же лучшее утешение, правда, в том случае, если они не говорят об «удивительных» достижениях советской власти: такие книги только раздражают.

Купил сегодня свежие номера двух китайских журналов «The China Weekly Review» и «The China Voice». В одной комиссионной конторе по дешевке приобрел сегодня же два толстых тома «The China Year Book», один за 1926–27 гг., другой за 1929–30 гг., и два случайных номера «The China Journal of Science and Arts» – один за сентябрь месяц 1923 г. и другой – за март 1924 года. Библиотека моя, sinica[1], таким образом, сразу подросла намного. В журнале «The China Weekly Review» я прочел интересную статью Свен-Гедина* о джехолских храмах Северного Китая. Оказывается, на предстоящей международной выставке в Чикаго будет построен китайский павильон, который будет точной копией Золотого Храма в Джехоле, летней резиденции китайских богдыханов. Этот ламайский храм – один из лучших образцов китайской архитектуры был построен знаменитым китайским императором Цянь-Лун. По поводу постройки этого храма Свен-Гедин пишет следующее: «В памятных таблицах император Цянь-Лун сообщает, что он воздвиг монастыри и Золотой Храм в 1767–1771 годах в память 80-летнего дня рождения его матери, вдовствующей императрицы, а также и в ознаменование того радостного факта, что племя торгутов возвратилось в Китай в 1771 году. Торгуты были одним из четырех племен, которые во 1616 году (?) ушли из Китая к реке Урал, а

ских и местных кавказских племен, возглавленное аланами и в письменных источниках получившее название Алании. Тяжелый удар Алании нанесен монголо-татарами, окончательно захватившими в 1238–1239 равнины Предкавказья. Уцелевшая часть аланов ушла в горы Центрального Кавказа и в Закавказье (Южная Осетия), где ассимилировалась с местным кавказским населением. Прямыми потомками аланов являются современные ираноязычные осетины. Сыграли роль в этногенезе и культуре и др. народов Северного Кавказа.

[1] Китаеведение (*лат.*).

отсюда перешли к нижнему течению реки Волга и стали здесь русско-подданными. В количестве 400 000 человек с 70 000 палаток торгуты снялись с Волги в январе месяце 1771 года и отправились вновь на просторы Азии, с женами и детьми, с оружием и домашними вещами, с телегами, лошадьми и верблюдами, миллионами голов скота и овец. Они сражались против войск царицы и против казаков, киргизов и других народов. Пришлось им испытать зимний холод Сибири, суровые бури, весенние разливы, жару и недостаток воды летом, прежде чем оставшиеся в живых после семи месяцев скитаний не достигли китайской территории в Или. Две трети народа пали в битвах или погибли от лишений».

Это переселение торгутов (калмыков) в Россию в 1616 году почти не отмечается в наших учебниках русской истории. И, пожалуй, напрасно. Оно имеет интерес с точки зрения не только русской истории, но и мировой: оно было последним эпизодом из истории массовых переселений азиатских народов в пределах Европы. В этом смысле, оно было последней страницей из большой особой главы истории Европы, главы, которая началась еще за несколько веков до Рождества Христова...

Такие мысли навеяло на меня чтение статьи Свен-Гедина, знаменитого исследователя Центральной Азии. Благодаря ей как-то причудливо связались с собой у меня в голове чудесные храмы Джэхэ, Чикагская выставка в Америке, калмыки в России и переселение народов в Европу.

Книжки «The China Journal of Science and Arts» порадовали меня статьями моих соотечественников: в одной из них помещена статья С.М.Широкогорова*, бывшего антрополога Музея антропологии и этнографии Русской академии наук. Она называется «Этнологические исследования в Сибири, Монголии и Северном Китае». В другой книжке напечатана работа Е.Н.Широкогоровой* «Народная музыка в Китае» (Folk Music in China). Эта работа иллюстрируется нотами. На нотах показаны напевы тунгусских и маньчжурских шаманов. Признаюсь, впервые в своей жизни я увидел шаманские песнопения, переложенные на ноты. Говорят, что Широкогоров состоит в данное время профессором одного из университетов в Пекине. Хотелось бы повидать этого выдающегося русского антрополога и этнографа.

8 октября. Надоели ли мы друг другу? Мы – это китайцы и русские эмигранты, засевшие в Китае. Как будто бы – да! Долгое сожительство рядом, бок о бок, носом к носу становится как будто уже мало выносимым. Китайцы перестают привлекать к себе симпатии, когда имеешь время к ним приглядеться. Этого времени мы имеем более чем достаточно. Становится противным тот дух торгашества, коим китайский народ проникнут сверху донизу. Все эти «комишоны» (commission), взятки, поборы – альфа и омега китайской жизни. Возьмите китайского повара, который служит у вас, повара хорошего, честного. Он не позволит себе взять ни одной вещи у вас, как бы плохо она ни лежала. Но он всегда будет брать комиссию с прачки, которая стирает вам белье, с поставщиков продуктов и т.д., потому что это освящено обычаем, стародавней практикой. Если вы дадите

повару деньги и пошлете его на базар за провизией, он постарается поставить вам цену выше, чем на рынке; если этого нельзя будет сделать, он надует вас на весе или даже на качестве товара. Если китайцу попадет в руки та или иная денежная сумма для торгового оборота, он должен что-то заработать для себя: это закон, который необязателен только для дураков.

Чиновники – как будто все казнокрады и взяточники. Богатые и прибыльные должности сдаются на откуп. Понятно, что откупщик старается заработать «за свое время» как можно более...

Китайские гражданские войны – это тоже своего рода коммерция. Эти войны разоряют население, но безмерно обогащают генералов, которые нередко превращаются в миллионеров и запасаются особняками на иностранных концессиях портовых городов Китая.

Выходит, гнилая сердцевина у государства. Если вы начинаете смотреть на китайца как на лицо, которое всегда можно купить и подкупить, вы невольно теряете всякое уважение к нему и начинаете понимать причину всех непорядков и настроений в его стране. Вы готовы уже презирать китайца и в то же время чувствуете, что он сам презирает вас, потому что вы как русский беженец – бесправны, беззащитны, за вами нет такой силы, которая могла бы при случае вас защитить, и если он ведет еще с вами кое-какие дела, то только потому, что у вас есть еще некоторые средства, которыми можно попользоваться. Когда-нибудь историк опишет то кошмарное и ужасное положение бесправных русских эмигрантов в Маньчжурии, которое сохранялось здесь, можно сказать, с 1920 по 1932 годы при благосклонном содействии советских чиновников Москвы.

Торгашество, страх и преклонение перед сильным, издевательство над слабым – может ли все это действительно привлекать симпатии к китайцу? Конечно, нет. Одно время Китай как вновь возрождающаяся страна привлекал к себе симпатии мира, но, кажется, к теперешнему моменту от этих симпатий уже осталось очень немногое. Бандитизм, развившийся в стране до необычайных размеров, пугает. Недели три – четыре тому назад бандиты в окрестностях города Ньюгуана, в южной Маньчжурии, захватили в плен для выкупа двух иностранцев: Mr. Charles Corkran and Mrs. Muriel Pawley. Какой же выкуп потребовали бандиты? За г[оспо]жу Pawley 600 000 долларов, 120 винтовок, 37 000 патронов, шесть пулеметов, 100 000 патронов к пулеметам, 200 унций лучшего опия и 100 золотых колец. За г[осподи]на Corkran: 500 000 долларов, 120 винтовок, 5000 патронов, 4 пулемета с 60 000 патронов, пять кусков сатина, 60 золотых часов и 100 унций опия.

Пленники до сих пор не освобождены. Бандиты грозят, в случае промедления со взносом выкупа, отрезать уши у похищенных ими иностранцев и прислать таковые в Ньюгуан родным и знакомым несчастных страдальцев. В дальнейшем грозят смертью...

Эта история сильно компрометирует не столько, правда, Китай, сколько вновь сформированное [слово зачеркнуто. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] государство Маньжуго [слово зачеркнуто. –

Прим. А.А.Хисамутдинова], так как Ньюгуан находится на территории этого государства[1].

Говорят, в Харбине теперь опасно выходить ночью на улицу. Здесь будто бы бандиты не брезгуют и малосостоятельными русскими, требуя порой за похищенного русского выкуп всего только в размере ста долларов.

М[ожет] б[ыть], в Маньчжурии рано или поздно наведут порядок японцы: там они хозяева. Но кто сделает это в Китае? Ходят слухи, что генерал Чжан Кайши, в отчаянии, хочет последовать примеру Муссолини и организовать в Китае отряды «синерубашечников». Сделают ли что-нибудь путное синие халаты [зачеркнуто: рубахи. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] Китая, покажет недалекое будущее. А может быть, эти халаты Китая – газетный миф?

9 октября. Днем, точнее в полдень, завтракал у нас Mr. More. К трем часам дня я с женой и наш гость отправились на площадку Русской школы на спортивный праздник общества «Русский Сокол»[2]. Показаны были образцы сокольской гимнастики, а также многие гимнастические упражнения на турнике, параллельных брусьях, прыжки через «кобылу». «Соколами» руководил и командовал Д.М.Михайлов*, организатор общества и его душа, сам отличный гимнаст. На празднике присутствовало более трехсот зрителей, преимущественно, конечно, русских. Были, по приглашению, и несколько иностранных консулов.

10 октября. Посетил сегодня китайскую выставку «Chi-Yang», устроенную в помещении старого Французского клуба. Выставка носит исторический характер, представляя из себя портретную галерею семейства Ли, с добавлением некоторых других семейных реликвий. Эта фамилия Ли насчитывает за собой 22 поколения с того времени, как она стала известна в летописях китайской истории. На выставке показаны семейные портреты, относящиеся к 16-ти первым поколениям. Всего вставлено 38 таких портретов.

В 1368 году пала в Китае монгольская династия Юань, и начала свое существование китайская династия Мин, первым императором которой был Дай-дзу (Tai Tzu). Родная сестра этого императора была замужем за князем (prince) Ли Чэн, от которого и ведет свою родословную семья Ли, потомки которой и по сие время проживают в Пекине. Выдающееся положение при дворе богдыханов Китая представители фамилии Ли занимали во время династии Мин, меньшее значение они имели уже во время маньчжурской династии Цинь. В

---

1 Маньчжурская империя – Маньчжоу-Ди-Го – Маньчжоу-Го – основана после японской оккупации Маньчжурии. 18 февраля 1932 г. обнародована декларация о независимости Маньчжурии и принято название Маньчжоу-Го. Пожизненным верховным правителем объявлен император Генри Пу-И. Согласно данным китайской полицейской регистрации на сентябрь 1931 г., в районе КВЖД проживало 102 тыс. русских. Русские экономисты, жившие в Маньчжурии, считали эту цифру преуменьшенной, предполагая, что русских было 130–140 тыс., из них около 90 тыс. советских граждан и 40 тыс. эмигрантов. В декабре 1934 г. русских эмигрантов было зарегистрировано 42 600 человек, а советских граждан 36 500, всего около 80 тыс. человек.

2 Типовая спортивная эмигрантская организация, отделы которой существовали во многих странах, где находились русские общины.

настоящее время семья Ли, как я слышал, уже является обедневшей. В порядке перехода от отца к старшему сыну родословная Ли представлена на выставочных портретах, относящихся к 16-ти поколениям.

[Перечеркнут список из 16 имен представителей династии Ли с годами их жизни и службы. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Эти предки фамилии Ли дают на выставках 32 портрета. Кроме сего, на ней имеется еще 6 фамильных портретов той же семьи плюс портрет Chang Jan Feng'a, знаменитого даоса, интимного друга генерала Ли-Вэнь-Чжуна. Всего на выставке, таким образом, 39 портретов. Все они – большого размера, в красках. Многие из них показались мне реставрированными. Я не знаток китайской живописи и ничего не могу сказать о достоинствах или недостатках выставленных портретов. Но мне кажется, что они представляют большой интерес для изучения манеры китайского портретного письма старых времен, а также и для ознакомления с костюмами, нарядами и уборами знатных лиц из времен двух последних династий Китая.

Кроме 39 портретов выставлено еще 18 других предметов: это манускрипты, книги и картины; выставлены также остатки панциря генерала Ли Вэнь-Чжуна, платок императора Дай-Дзу. Два манускрипта – императорские. Из картин интересна одна, представляющая длинный сверток: она изображает поход китайцев на какое-то «варварское» племя в провинции Гансу... По картине этой можно судить о вооружении и одежде китайских воинов и их обращении с покоренными или усмиренными ими варварами...

Такого рода выставки в Китае – редкость, и я не жалею, что побывал на одной из них.

Моим компаньоном по осмотру выставки был И.Н.Головко-Улазовский. Последний в Тяньцзине всего только два месяца. После осмотра выставки мы сделали большую прогулку по городу пешком. Я показал моему спутнику Французский парк, и здесь он сделал фотографический снимок со статуи Франции, изображенной в виде воинственной девушки, обнажившей меч из ножен, чтобы защитить право – это памятник мировой войны 1914–1918 годов.

Насколько помню, этот памятник, а вместе с ним и парк, был заложен в 1922 году. Я присутствовал на торжестве закладки, чтобы повидать знаменитого маршала Жофра, находившегося в то время проездом в Тяньцзине.

Из Французского парка мы прошли на Старое английское кладбище. Здесь я показал своему спутнику два памятника, поставленных один над могилой Басова, а другой – над могилой супругов Протопоповых. Басов и Протопоповы были убиты китайской толпой в туземном городе во время известной тяньцзиньской «резни» 1870 года. Во время этой резни были избиваемы французы. Русских убили потому, что они были приняты за французов. Особенно трагична смерть Протопоповых. Они оба – молодые люди (ему 24 года, ей 17 лет). Они только что были повенчаны и ехали после свадьбы домой. Дорогой новобрачные были схвачены толпой и убиты.

Среди могил мы нашли одну, с небольшим каменным крестом, на котором значилось по-английски всего два слова: «Unknown Rus-

sian» – Неизвестный русский. Кто из русских мог в таком порядке сложить свои кости в старом Тяньцзине, трудно даже предположить.

11 октября. В газете «Наша Заря» напечатано сообщение о том, что находящийся сейчас в Европе архимандрит Виктор возведен в сан епископа.

Епископ Виктор (в миру Леонид Викторович Святин) – мой старый знакомый. Впервые я встретился с ним в 1921 году в стенах Пекинской Духовной Миссии: тогда это был еще совсем молодой человек, беженец, прибывший в Китай из Синьцзяна, бывший офицер Оренбургской армии атамана Дутова. При нас произошло и пострижение его в монахи. На моих глазах развертывались затем его пастырская и общественная деятельность в Тяньцзине, где молодой и энергичный иеромонах быстро снискал себе большую популярность среди русской колонии города. И вот теперь бывший казачий офицер – его преосвященство. Могу пожелать ему дальнейших успехов на пути архипастыря.

9-го октября в Пекине был предан земле прах маршала Чжан Цзунчана, «белого» китайского генерала, убитого 4 сентября в Цинани, столице Шаньдуня. Покойный был близок к русским, в его войсках в не так далеком прошлом состоял русский отряд, принявший видное участие в гражданской войне страны. Биографические сведения о покойном маршале сбивчивы и противоречивы. Можно с достоверностью сообщить о нем следующее. Родился он в 1881 году, в Шаньдуне. Во время русско-японской войны Чжан Цзунчан, командуя китайским батальоном в отряде генерала Мищенко, сражался на стороне русских против японцев. В 1917 году он состоял при военном министерстве Китая, ведая военным образованием. В течение 1918–1922 командовал дивизией в провинции Цзянси, затем примкнул к Мукденской партии Чжан Цзолина. В 1924 году был уже командиром 1-ой Мукденской армии, в следующем году за услуги, оказанные Чжан Цзолину в борьбе с его противниками, произведен в маршалы. В 1924–1928 годах состоял военным губернатором Шаньдуня, имея в составе своих военных сил русскую группу войск во главе первоначально с генералом Нечаевым и имея при себе в качестве ближайшего советника Меркулова, известного русского политического деятеля на Д[альнем] Востоке. Будучи губернатором Шаньдуня, Чжан Цзунчан принимал деятельное участие в борьбе Севера с Югом. В 1929 году силы его были разбиты, и сам маршал бежал и нашел убежище в Японии. В 1931 году, после выступления японцев в Маньчжурии, он появился вновь в Мукдене, откуда перебрался в Пекин. В сентябре месяце этого года он выехал в Цинань, где и был убит на вокзале по подстрекательству его политических противников.

12 октября. Был Шишкин, бывший офицер Сибирского казачьего войска, известный здесь как автор ряда политических памфлетов и брошюр (псевдоним Лебяженский). Договорились с ним об устройстве 8-го ноября Сибирской вечеринки-ужина. Между прочим, я спросил его, имеются ли какие-нибудь сведения о знамени Ермака, хранившемся ранее в одной из церквей Омска. Он сообщил мне, что в 1918 году это знамя было взято из собора атаманом Анненковым,

но потом было возвращено. В 1918 году оно было вывезено атаманом Ивановым-Риновым в Харбин; дальнейшая судьба знамени неизвестна.

Агентство Рейтер сообщило сегодня, что в связи с событиями на западной ветви Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] в Багре провозглашена независимая республика по советскому образцу, сведения об этом нуждаются, однако, в проверке. В прессе выражаются большие опасения за целость знаменитого Хинганского тоннеля на Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороге].

Получил свежий номер шанхайского журнала «Парус». В нем напечатан мой рассказ из китайской жизни «Свадьба городского бога»[1]. Рассказ помещен без каких-либо редакционных исправлений, при хорошей корректуре. Полученный мной номер довольно толстый: в нем 182 страницы большого формата и помещено около 70 заметок, статей, рассказов, стихов и рецензий. По манере расположения материалов и объявлений он носит, пожалуй, американский характер. Хотелось бы, чтобы журнал устоялся и привился.

13 октября. Приготовил для отправки в Шанхай три рукописи: два рассказа из китайской жизни – «Четырнадцатая наложница» и «Отвоеванное благополучие» и заметку «Сибирская реликвия в Пекине». Рассказы я думаю предложить для «Паруса» и заметку – для «Сибирской однодневной газеты».

Как я вижу, дневник мой все растет и растет. Скоро будет уже год, как я начал вести его. Жалею, что я не вел его за все предыдущие годы моей жизни в Китае. Еще более жалею, что у меня не было дневника за революционные годы в России. До революции я, однако же, вел дневник. Это было в годы 1912–1916, в то время, когда я принимал большое участие в общественной жизни Иркутска. Мой дневник за эти годы составил несколько толстых тетрадей[2]. Я не взял его с собой в Китай, а отдал на хранение одному большому моему другу, оставшемуся в Иркутске[3]. Сумел ли он сохранить мои писания, не имею никаких сведений. Отдал я на хранение моим друзьям в Иркутске и нашу библиотеку, в которой было около 2000 названий, в том числе около 1000 книг и брошюр по сибиреведению. Впрочем, не стоит вспоминать о прошлом. Мало ли что было?

Сейчас, когда я пишу эти строки, накрапывает дождик и приближаются раскаты грома: явление, редкое в октябре здесь! Осень стоит какая-то особенная. Мой повар, китаец, слушая рычание октябрьского грома, говорит, это к худу... будет много грабежей, разбоев.

14 октября. Занятия с Чжан Гоченом сводятся преимущественно к практике разговора на русском языке. Иногда мы читаем одно советское издание, посвященное пятилетке (руководство для партактива, изд[ание] 1929 г.), и затем ведем беседы по поводу прочитанного. Гостиная, в которой мы занимаемся, носит смешанный европейско-китайский характер; наряду с чисто китайскими предметами обста-

---

[1] Серебренников И.И. Свадьба городского бога // Парус. 1932. № 8–9.

[2] См. биографический очерк А.Н. и И.И. Серебренниковых.

[3] Глотов К.Н.

новки немало и европейских. Между прочим, на полу разостлан хороший большой ковер, подарок покойного Иннокентия, митрополита Пекинского; на стене висит картина-акварель кисти К.А.Хорват*, урожденной Бенуа, из известной русской семьи художников; на одном из столиков красуются бронзовые часы с фигурами – подарок бывшего Советского консула в Мукдене А.А.Краковецкого*.

Меня занимает вопрос о знамени Ермака. Бывший у меня сегодня по делу Ефимов*, представитель Оренбургского казачества здесь, сообщил мне, что, по его мнению, знамя Ермака хранилось здесь, в Тяньцзине, у Иванова-Ринова, который сдал потом его на хранение в Русско-Азиатский банк. Банк этот, как известно, был ликвидирован китайцами[1]. Спрашивается теперь, где же знамя?

Сегодняшний праздник Покрова был ознаменован торжественным богослужением в Покровской церкви[2], совершенным епископом Нестором*, прибывшим сюда из Шанхая.

15 октября. К юбилейному Сибирскому празднику начал писать небольшую заметку на тему «Покорение Сибири», пользуясь материалами моей небольшой библиотеки. Может быть, я прочту эту заметку на местной сибирской вечеринке, которую собирается устраивать здесь Казачий союз. Заметка будет маленькая – минут на 15 чтения.

16 октября. Был на лекции епископа Нестора о Камчатке в помещении Русского клуба. Лекция представляла большой интерес и собрала переполненный зал слушателей. Манера лектора говорить – четкая, выразительная. Наружность – импозантная и привлекательная. Многое рассказал лектор из области своей миссионерской практики на Камчатке, порой создавая истинно художественные картины. Особенно любопытен был один эпизод, состоявший в следующем. Однажды лектор, будучи больным, ехал на нартах, запряженных собаками, по снежным просторам Камчатки. Бушевала пурга. Ехавшие стали на отдых. Сопровождавшие миссионера коряки подошли к больному, и один из них сказал ему:

– Батька! Твое дело плохо. Ты скоро умрешь. Пиши нам записку, что ты сам умер.

– Это зачем же вам?

– Мало ли что могут подумать о нас, коли мы привезем тебя мертвым. Лучше пиши записку, что ты сам помер.

– Я, – рассказывает лектор, – сказал им: Бог даст, я не умру, поедем дальше и обойдемся без записки.

В лекции проглядывала любовь лектора к простодушным туземным обитателям Камчатской области: корякам, камчадалам, чукчам. Импонировал слушателям висевший на груди епископа крест на георгиевской ленте. Как я узнал, лектор был на войне, будучи полковым священником лейб-гвардии драгунского полка.

17 октября. «Peking and Tientsin Times» публикует по частям доклад лорда Литтона, председателя обследовательской комиссии

---

[1] См.: Ликвидация Русско-Азиатского банка // Новая заря. 1932. 27 февр.

[2] Свято-Покровская церковь построена в 1925 г. Как Свято-Покровский собор перестроена на пожертвования И.В.Кулаева. Обновленный, освящен митрополитом Иннокентием 3 ноября 1929 г.

Лиги Наций по маньчжурскому вопросу. В части доклада, опубликованной сегодня, приводятся сведения об отношении различных групп населения Маньчжурии к создавшемуся в этой стране новому политическому положению. Здесь сказано несколько слов и о «белых русских» в Маньчжурии. Именно: «Из всех национальных меньшинств в Маньчжурии малая колония белых русских, численностью около 100 000 человек, проживающих в Харбине и около, претерпела за последние годы наибольшие страдания. Вследствие того обстоятельства, что они не имели за собой никакого национального правительства для защиты их интересов, они подвергались со стороны китайских чиновников и полиции всякого рода притеснениям и унижениям. Они – в конфликте с правительством их родной страны, и поэтому даже в Маньчжурии они находятся постоянно в тревожном положении по этому случаю. Более богатые и образованные члены Русско-белой колонии могут зарабатывать себе средства к существованию, но и они подвержены риску несчастья, если бы только китайские власти решили получить от СССР какие-либо преимущества на их счет. Бедные русские с большим трудом обеспечивают свое существование, и они постоянно несли страдания от рук полиции и китайских судов. В провинции, где налоги собираются путем торга властей с облагаемым населением, русские были вынуждаемы платить сравнительно большие налоги, чем их соседи-китайцы. Они испытывали множество ограничений в их торговле и в их передвижении по стране и должны были платить взятки чиновникам при осмотре их паспортов, утверждении контрактов или передаче земель. Не нужно поэтому удивляться тому, что многие белые русские, чье положение едва ли уже могло быть хуже, чем оно было в действительности, должны были приветствовать японцев. Они получили надежду, что их судьба может быть улучшена теперь, при новой администрации. Мы приняли депутацию белых русских, когда мы были в Харбине, равно и получали много писем, и из полученных нами сведений мы вывели то заключение, что они будут поддерживать всякий режим, который гарантирует для них:

1) Право убежища;

2) Честную и действенную полицейскую администрацию;

3) Справедливость в судах;

4) Равную систему обложения;

5) Право торговли и поселения вне зависимости от уплаты взяток;

6) Возможность образования детей. Их требования в этом отношении сводятся к тому, чтобы дети могли получить достаточное знание иностранных языков для последующей эмиграции из Китая или же надлежащее техническое образование для подыскания потом работы и службы в самом Китае;

7) Некоторую помощь при поселении на землю и для эмиграции».

18 октября. С большими страхами и волнениями направился я сегодня к зубному врачу для удаления больного зуба. После операции врач заметил, что у меня дрожат руки.

– Ого, – сказал он, – нервы-то у Вас не в порядке.

– Измотаны порядочно, – подтвердил я.

И это правда. Моя болезнь, пиоррея альвеоларис, неизлечима и порядочно потрепала меня: каждый год мне приходится терять два—три зуба. Болезнь зубов отражается на состоянии всего организма. Болят ноги. Можно потерять зрение. По-видимому, надо вырвать все зубы и остаться со вставными челюстями, но я на это пока все еще не решаюсь.

19 октября. С величайшим интересом читаю сочинения писателя-этнографа С.В.Максимова. В его статье «Сибирская святыня» нашел описание знамени Ермака в виде образа Архангела Михаила, того самого знамени[1], которое должно сейчас находиться где-то у ликвидаторов Тяньцзиньского отделения Русско-Азиатского банка. Значит, должно быть в китайских руках. Узнал я также, что несколько лет тому назад представители местного Воинского союза во главе с полк[овником] Веденяпиным пытались получить от китайцев знамя Ермака, но не имели успеха за отсутствием доверенности от Иванова-Ринова. Говорят, что последний положил на хранение в банк вместе со знаменем Ермака атаманскую булаву Сибирского казачьего войска, а также саблю, которая, по преданию, принадлежала когда-то знаменитому польскому королю Яну Собескому. В свое время я видел фотографии с этой сабли и познакомился с историей ее. Сабля эта была будто бы снята с главнокомандующего турецкими силами, убитого в битве под Веной, и поднесена королю-победителю Яну Собескому как трофей. С течением времени сабля эта перешла во владение какой-то польской дворянской фамилии. В 1918 или 1919 она была вывезена в Сибирь и здесь была продана Сибирскому казачьему войску. Последнее поднесло ее в дар своему выборному атаману, ген[ералу] П.П.Иванову-Ринову. У меня, однако, сохранилось впечатление, что документальных доказательств былой принадлежности сабли Яну Собескому у Иванова-Ринова не было, и он старался только найти их.

20 октября. В Москве снова происходит какая-то коммунистическая склока. Из партии исключены 20 видных ее деятелей, в том числе Зиновьев, Каменев, Угланов и Рютин*. Последний, если не ошибаюсь, большевик харбино-иркутской выделки. В свое время он достаточно пошумел в Харбине и Иркутске. Уроженец Иркутской губернии, кажется, даже из деревни Рютиной Балагинского уезда, он до революции был учителем начальной школы, к революционной политике не был причастен и, говорили, имел даже некоторую склонность к черносотенному подхалимству. Сибиряки, в общем, весьма мало выдвинули из своих рядовых видных большевиков. Рютин – один из таковых.

---

[1] С виду знамя представляло холщевое полотнище в длину и ширину 1 аршин 6 1/4 вершка. На одной его стороне был изображен Святой Великомученик Димитрий Солунский, поражающий копьем лежащего на земле татарского хана. В верхнем правом углу имелось изображение Спасителя с Евангелием. Другая сторона знамени была не менее живописной и по своей символике нисколько не уступала первой. На ней имелось изображение Архистратига Божьего Михаила на коне, разящего копьем чудовище, выбежавшее из разрушенной мечети. В верхнем углу, с левой стороны от Архангела, был изображен Спаситель с находящимися перед ним потиром, дискосом, лжицею и копием. Ныне хранится в музее Кремля (Москва).

По сообщению Рейтера, газета «Харбинское время» напечатала статью под заголовком «Война или мир в Маньчжурии зависит от СССР». Рассматривая положение на западной ветви Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги], газета делает прямое предостережение Советской России, которая, по мнению японцев, пытается теперь присоединить Баргу к советской территории. Она заявляет, что Япония готова к войне и миру, и то и другое зависит теперь от России. Активность Коминтерна в Маньчжурии должна прекратиться, и Япония примет решительные меры, если Советы нарушат мир и порядок в Маньчжуго и если они будут помогать здесь китайским волонтерам.

Двуликая иностранная политика Советского правительства, официальная и тайная, подпольная, коминтерновская, кажется, теперь уже никого не обманывает. Прекрасно ее, конечно, понимают и японцы и тоже ведут политическую игру с Советами. Игра – опасная не столько для японцев, сколько для Коминтерна.

– Головами, батюшка, играемся, – могут сказать про себя советчики.

21 октября. На книжном рынке появились местные новинки. Двумя китайскими авторами, авторитетами по вопросу, выпущен из печати большой труд в 2-х томах по истории китайской медицины, на английском языке. Местная английская газета дала хороший отзыв об этом труде. Редактор «Нашей Зари» И.Миллер оказался автором появившейся в продаже книги «The Chinese Girl» (Китайская девушка). Книга издана хорошо в местной немецкой типографии «Peigang Press», стоит в продаже 10 долларов, рассчитана на иностранного покупателя. Кажется, она трактует о жизни не столько обыкновенной китайской девушки, сколько девушки-певички (song-girl), какую вы можете пригласить в отдельный номер китайского отеля, чтобы послушать ее пение, а при случае получить и другие удовольствия. По-видимому, И.Миллер хорошо знаком с бытом такого рода китайских девиц.

Третью книгу опубликовал мой добрый знакомый Ф.С.Москвитин, нужно думать, за свой собственный счет. Это не книга, а брошюра, под заглавием «Преддверие к восточной философии». В ней содержится туманное изложение некоторых мудростей современной теософии, причем взята какая-то странная форма изложения, не то прозаическая, не то стихотворная. Автор, что называется, перемудрил, и, конечно, его поэтическо-философское произведение успеха иметь не будет.

Получил сегодня, наконец, письмо от проф[ессора] Хауланда. Он сообщил мне о прибытии к нему первых моих семи рукописей, отзыва о каковых пока он не даст.

Давно нет писем от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая, и я поэтому в недоумении, не знаю, дошли ли до него посланные мною ему четыре сибирские рукописи.

Новость дня – это приезд в Пекин из Дайрена престарелого маршала Дуань Цижуя*, сторонника сближения Китая с Японией. Это обозначает, что скоро надо будет ждать каких-то больших событий на севере Китая. Несчастная страна никак не может отдохнуть от гражданских междоусобиц. В провинциях Шандунь и Сычуань ко-

лошматят друг друга китайские генералы. Дерутся паны, а у хлопцев чубы летят. Такого же рода склока грозит провинции Юннани. Генералиссимус Чжан Кайши, бывший друг Москвы, подавляет коммунистическое движение в ряде центральных провинций Китая. В Маньчжурии сплелись в один гордиев узел нажим японцев, сопротивление китайских волонтеров, советские интриги. В Шанхае арестовано много вожаков китайской коммунистической партии, выучеников Москвы. В общем, спросим себя:

– Хорошо ли в Китае?

– Нет, худо.

– А в Японии?

– Тоже.

– В Советской России?

– Также.

– Ну а в Соединенных Штатах?

– Плоховато...

Заключение: мы живем в страшную эпоху.

22 октября. В данное время мы с женой имеем 12 учеников и учениц, не считая моих занятий с Чжан Гоченом. Это дает заработка около трехсот долларов в месяц. С декабря месяца, однако, едва ли останется у нас треть этого заработка.

23 октября. Воскресенье. Вечером мы устроили «pelmeni-party». Были супруги Михайловы и И.Н.Головко-Улазовский. М.А.Михайлов сообщил мне, что знамени Ермака Иванов-Ринов не оставлял здесь на хранение. По его информации, были оставлены только Высочайшие грамоты, пожалованные в свое время Сибирскому казачьему войску да сабля Яна Собеского. Как будто бывший офицер Остроухов имеет на руках полный список всего, что Иванов-Ринов оставил на хранение в Русско-Азиатском банке. Надо собирать дальнейшие справки.

24 октября. С увлечением работаю над своим новым трудом «Албазин и Албазинцы».

25 октября. Получил сегодня из Парижа от С.Сватикова*, бывшего Высокого Комиссара Российского Временного правительства за границей, автограф следующего содержания: «Создание Соединенных Штатов Сибири, или точнее Северной Азии, – для меня несомненный факт грядущего! Но сейчас край еще так малонаселен, так слаб в военном отношении, что попытки оторваться от метрополии оказались бы и преступлением матереубийства, и актом самоубийства».

Я мыслю: Сибирь никогда не пойдет по пути Соединенных Штатов Америки. Она будет добиваться прав на автономное существование, но никогда не посягнет на отделение от России.

В препроводительном письме ко мне Сватиков пишет: «Спасибо Вам за письмо, глубокоуважаемый И.И. (как же Ваше имя, отчество?). Вот Вам мой автограф. Мне Вы могли бы оказать большую услугу присылкой материалов: 1) По национальному вопросу (федерация, автономия, сепаратизм в пределах бывшей Российской Империи в любую эпоху; 2) Все о казачестве в Сибири, на Дальнем Востоке и в эмиграции (листки, афиши, воззвания, брошюры, программы; 3) Все о Николае II (лично) и поминовении его памяти, все, все. Voila!

Как хотел бы я издать главы о Сибири с 1906 по 1926 год. В Чехословакии – кризис. А как у Вас? Не нашлось ли бы издателя?! Буду вообще рад весточкам от Вас. Здесь, в Париже, мы не видим ничего, издаваемого в Тяньцзине, Пекине, Шанхае. А когда-то и я учил «чжунго-хуа» на восточном факультете С[анкт-]П[етер]б[ург]ского университета, готовясь к дипломатической службе на Дальнем Востоке. В 1900 году, вместо осады в посольстве, попал я в Париж и пошел по революционному пути. И лишь позже попал я снова в Сибирь и на Восток, в 1910 году. Увы! Где теперь императорский Пекин? Где наша Маньчжурия? Где Восточная Китайская железная дорога? Боюсь добавить: где «Влади-во»?[1] Шибко нам тут не нравятся господа жибэнь, или ниппон'ы. Да сохранит Вас ихний Китайский Аллах (или как там его) на всех путях Ваших, да никогда не проткнете ногу свою об японский камень. Всего лучшего. С.С.»

26 октября. Вчера у жены побывали M[ada]me В.М.Перцель и г[осподи]н Топер как представители еврейского клуба «Кунст» и просили разрешения жены поставить в клубе ее оперетку-шутку «Иванов Павел в Тяньцзине», написанную в подражание известной пьесе «Иванов Павел». Кажется, это было уже шесть лет тому назад. Мы с женой вспомнили как-то «Иванова Павла», и я подал мысль переделать его на тяньцзиньский лад[2]. Жена быстро написала стихи. Пьеса была готова. Начало ее таково.

Действие 1-ое.

Иванов Павел, русский беженец, и его мать.

Мать:

Павел, Павел, постарайся,
Даром время не теряй:
По-английски занимайся
И Нурока изучай.

Павел:

Ох, как скучно за английским
Дни и ночи мне сидеть!
Он вконец меня измучил, –
Этак можно похудеть.
Хорошо, тебе не надо
Свой язык теперь ломать.
Ты попробуй по-английски
Буквы «ти» и «эйч» сказать!

Мать:

Много надобно терпенья,
Чтоб английский изучить,
Но зато в вознагражденье
Службу сможешь получить...
Третий год ты без работы,
Чем же дальше будем жить?
Я полна о том заботы,
Как же мне и не тужить!
Павел, Павел, постарайся.
Денег нет совсем у нас,
Я мешать тебе не буду

---

[1] Вероятно, имеется в виду г. Владивосток.

[2] Согласно рукописи воспоминаний И.И.Серебреникова это был А.А.Семенов, см. предисл. и HILA, Serebrennikov I.I., box 10. Л. 21.

И уйду к себе сейчас.
(*Уходит.*)

Павел:

Нурока не знаю,
И Берлица забыл,
Скотта же и Брея
Вовсе не учил.
Погиб я, мальчишка,
Погиб навсегда,
А годы за годами
Проходят года.
В офис иностранный
Этак не попасть,
А без службы можно
Вовсе здесь пропасть!
Погиб я, мальчишка,
и т.д.
Лопотать с французом
Совсем я не гожусь,
С языком немецким
Полный уж конфуз!
Погиб я, мальчишка,
и т.д.
Не продать ли с горя
Мне свой несессер
И поехать вскоре
Прямо в Эсэсэр?...
Погиб я, мальчишка,
и т.д.

(*В отчаянии*)

Ах вы, книги, мои книги,
Вывозите вы меня!
Александрова словарик,
Ты надежда вся моя!
Ах, Васильев, Голованский,
Академья языков!
От премудрости английской
Просто плакать я готов!

(*Занавес.*)

Вся пьеска — в трех действиях. Жена дала просителям согласие на постановку пьесы. Кажется, ее собираются поставить в субботу, 5 ноября.

27 октября. Закончил сегодня свою работу «Албазин и Албазинцы». Нужно будет где-нибудь пристраивать ее в печать. Получил, наконец, письмо от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая. Извещает меня, что все мои рукописи для «Паруса» и Сибирской юбилейной газеты ими получены.

28 октября. Сезон хризантем. Эти нарядные цветы можно видеть повсюду: в цветочных магазинах, в парках, на крыльцах у подъездов домов, в окнах. Когда сезон хризантем окончится, будет зима. Говоря о хризантеме, невольно вспомнил о Японии, герб которой украшает этот царственный цветок. Сегодняшние телеграммы принесли плохие вести о Японии: в ней назревает какое-то народное брожение. Мобилизованы полицейские силы.

29 октября. Дни стоят тихие, солнечные, теплые. Сегодня особенно ярко светило солнце. И в то же время я удивительно плохо чувствовал себя именно сегодня. Получается какая-то аномалия: в отличные дни

плохо чувствуешь себя, особенно тогда, когда погода должна перемениться. Не знаю, почему это происходит. Может быть, накануне смены хорошей погоды на плохую значительно усиливается атмосферное давление, которое тягостно отражается на состоянии всей нервной системы; может быть, на человека влияет здесь тяжело проявление земного магнетизма, собирающегося в какой-то обособленный центр в районе Тяньцзиня; может быть, просто приблизилась старость, чуткая к перемене погод. Такое состояние, когда лучше начинаешь себя чувствовать после того, как пошел дождь или снег, подул ветер, или тепло сменилось резким холодом, едва ли можно признать нормальным. Оно сильно мрачит бытие, и без того малорадостное.

30 октября. Воскресенье. Утром побывали с женой в Японском парке. Смотрели выставку хризантем: вернее, остатки от недавно бывшей здесь выставки. Были поражены разнообразием цветка хризантемы: разнообразием его формы, цвета и т.д.

Вечером мы были на первой репетиции пьески «Иванов Павел в Тяньцзине» в клубе «Кунст». Как будто пьеса сойдет хорошо. Кажется, жена получит небольшое авторское вознаграждение.

31 октября. Узнал, что прах покойного о[тца] Диодора Колпинского перевезен с Католического кладбища за городом на новое Английское кладбище в черте города на Британской концессии. На новой могиле поставлен крест. Все это сделано усердием Бофищева, друга покойного.

В журнале «Парус» (№ 6–7) напечатаны рассказ Колпинского «Из моего дневника» и два его стихотворения. Одно из стихотворений называется «Юрьев монастырь». Списываю его в свой дневник на память. «Юрьев монастырь (Детское, весеннее, незабвенное).

...Я верую во Христа и
Его исповедую, и через большое горнило
Сомнений моя осанна прошла».
(Достоевский. Дневник).

Осталось в памяти, как нежный старый сон:

Стрекозы в воздухе хрустальном и медовом,
Ограда белая, и монастырский звон,
И ласковый монах с благословенья словом...
И Ильмень вдалеке печалью осенен,
Ромашка под стеной, а под небес покровом
Осьмиконечный крест к лазури устремлен,
И стройный ряд берез в наряде Божьем новом.
Ушел мой детский сон, но разве позабыть
Улыбку тихую и ласку Бога можно?
Ведь правда только здесь, а остальное – ложно!
О, нет, не говори: кошмару вечно быть;
Улыбкой Божьей пречудно осиянна,
Душа найдет свой свет, и
Зазвенит осанна.

Другое стихотворение – без заглавия, написано под эпиграфом:

«Живу не к тому аз, но
Живет во мне Христос».

Первые строки его таковы:

Высоко, на мансарде печально живу.
Под мною, из чуждого серого города
Точно мертвые пальцы с угрозой растут,
Да над портом, из пыли, сереет тень ворота.

Это стихотворение, несомненно, написано поэтом в Тяньцзине. В мансарде его мне не раз приходилось бывать.

1 ноября. Кажется, магазин «Знание» согласился выпустить в свет отдельным изданием мою небольшую брошюру «Покорение Сибири» – памятку к 350-летнему юбилею завоевания Сибири. Рукопись «О шаманизме в Китае» отослал сегодня в Шанхай для «Паруса». Возникает у меня намерение написать популярный курс истории Китая: такового на книжном рынке не имеется. Конечно, его придется составлять по английским источникам.

Утром я побывал на выставке акварелей художника Брянцева. Сюжеты акварелей почти исключительно пекинские. Многие картины мне очень понравились. Думаю, что напрасно другие местные художники ранее как-то всегда пренебрежительно отзывались о Брянцеве.

Газеты приносят невеселые вести. Далеко отсюда, на юге Китая, недалеко от г[орода] Сватоу в феврале месяце этого года коммунистические бандиты-китайцы увели с маяка двух человек: англичанина Эдвардса и русского А.Н.Андреянова. Теперь получены сведения, что в апреле оба эти пленника были расстреляны бандитами. Какой-то Юань-Чэк, председатель какого-то Коммунистического военного совета, приказал произвести этот расстрел. Во славу учения Карла Маркса и Ленина принесены коммунистическому Молоху еще две жертвы. Я не знаю точно, кто такой был А.Н.Андреянов. Но уверен: это был честный русский беженец, м[ожет] б[ыть] белый офицер или солдат, бежавший от палачей Красной России, чтобы найти себе кусок хлеба где-то на берегу моря, службой на маяке... и погибнуть затем от палачей Красного Китая. Проклятие лихолетью...

2 ноября. Сегодня газеты сообщают, что сведения о расстреле Эдвардса и Андреянова нуждаются еще в проверке. Дай Бог, чтобы они были целы и дальше оставались невредимы.

Узнал, что местный Казачий союз отказался от устройства Сибирской вечеринки ко дню 350-летнего юбилея завоевания Сибири: занят разрешением каких-то внутренних раздоров и споров. Значит, вечеринки вообще не будет. Лично я сам не в состоянии организовывать теперь какое-либо юбилейное торжество: и поздно, и сильно занят своими уроками и работами, и нет для этого нужной энергии. Посмотрим, что сделают в этом отношении города Харбин и Шанхай, а затем Прага, Париж и, может быть, Сан-Франциско.

3 ноября. Вышел № 34 «Вестника Русской национальной общины в Тяньцзине»[1]. Эта газета когда-то была основана мною, и я был первым ее редактором. Я старался сделать ее чисто эмигрантским органом, освещающим нужды, дела и успехи русской эмиграции за границей. К сожалению, мое начинание встретило большую оппозицию: стали говорить – зачем общине тратить деньги на газету. Это роскошь; лучше накормить на эти деньги лишних бедняков и т.д. При мне газета выходила раз в неделю, теперь она появляется раз–два в

---

[1] 13 августа 1928 г. Русская национальная община стала издавать еженедельный «Вестник». Редактором первых 27 номеров был И.И.Серебренников. Затем газета стала выходить два раза в год.

год. Все же появляется, значит, существует. Обычно она появляется перед советским праздником 7 ноября. Теперь она вышла к 15-летнему юбилею совстчины.

4 ноября. «Наша Заря» сообщает, что в Хайларе русскими большевиками расстрелян священник Боголюбов. По сведениям газеты, это был скромный служитель алтаря и ни в каких политических организациях участия не принимал. Бывший воспитанник Уфимской духовной семинарии, Боголюбов в сан священника был посвящен в Маньчжурии ныне покойным епископом Ионой. К чему эта лишняя жертва звериной красной жестокости? Что же, без священника Боголюбова СССР будет крепче стоять на свете? Или садистам всегда нужны жертвы? Бог ведает, что творится сейчас в отторгнутой от Маньчжуго Барге.

Скверно и в Харбине. Здесь, в этом городе, разбой и похищения людей стали бытовым явлением. Вчера местная английская газета сообщила, что на днях у двух похищенных в Харбине русских мальчиков бандиты отрезали уши, чтобы ускорить получение выкупа. Поистине, нет конца русскому горю. И чем, и как помочь? Поневоле сознание личного бессилия ведет к пессимизму.

5 ноября. Проскочило письмо из Праги, от Р[усского] З[арубежного] И[сторического] архива, от 21 сентября – было в пути около полутора месяца.

Пурин из Шанхая пишет, что сибиряки там развертываются: готовят к выпуску журнал. Я мало теперь верю оптимизму Пурина. Отказались от выпуска однодневной газеты, решили издать журнал. Как бы не остаться без того и другого.

Несмотря на мою просьбу, переданную в Шанхай через Васильева-Дубровского, газета «Слово» мне не высылается. Верно, обиделись, что я ничего им не пишу. А как писать? Обещали платить мне всего один цент за строчку: при таком гонораре большой охоты писать не является.

На днях отправился на свою новую службу в Харбин Р.В.Смит*. Он принял предложение от Hoover War Library быть корреспондентом этого учреждения с проживанием в Харбине. Его обязанность – посылать в Америку еженедельную информацию о дальневосточных делах. Смит – англичанин, но совершенно обрусевший. Незадолго до революции он окончил Московский университет по историко-филологическому факультету. Некоторое время жил затем в Лондоне, состоя здесь преподавателем русской литературы в одном из учебных заведений столицы Англии. Кажется, его место занимает теперь небезызвестный в эмиграции князь Святополк-Мирский*. Из Лондона он попал в Китай, где занялся коммерцией, имея пушную контору, вел большие операции. Но в один прекрасный день, года два тому назад, обанкротился, задолжав местным банкам свыше миллиона долларов. Теперь он как будто снова вернулся к интеллигентному труду. Жена Смита – иркутянка, урожденная Стронская. Она и ее сестра когда-то слыли первыми красавицами Иркутска.

6 ноября. Вчера мы были в клубе «Кунст», где слушали составленную женой оперетку-шутку «Иванов Павел в Тяньцзине». Оперетка сошла

дружно. Превосходен был сам Иванов Павел, которого играл теперь способный артист-любитель. Недурна была Фортуна (m-lle Иоффе), Мать (m-me Перцель) и иностранцы: англичанин (Дыхнэ), француз (Одер) и немец (Топер-младший). Плох был китаец (Абрамов). Пожалуй, евреи сыграли пьесу в общем много живее и лучше, чем это сделали здесь русские любители-артисты, когда два или три года назад «Иванов Павел в Тяньцзине» был впервые поставлен на сцене Русского клуба[1]. Были аплодисменты...

7 ноября. Годовщина Советской власти в том феномене, что зовется теперь СССР. Этому родившемуся в грязи и крови феномену исполнилось пятнадцать лет. На улице, где мы живем, выкинуты сегодня русские старые национальные флаги, перевязанные траурными черными лентами. Я насчитал на нашей улице восемь таких флагов да столько же на соседней Cousins Road.

8 ноября. Сегодня тоже годовщины. Годовщина взятия Сибири Ермаком (351 год тому назад). Почти ровно 350 лет тому назад сподвижник Ермака, Иван Кольцо, явился в Москву и доставил царю Ивану Грозному сообщение о покорении Сибири.

Годовщина японского выступления в Тяньцзине. Японцы считают ее годовщиной выступления китайцев против них здесь.

Почти ровно год тому назад я начал вести в Китае свой дневник. С завтрашнего дня начнется второй год моего дневника.

Вечером у меня побывал с визитом Н.И.Попцов, бывший служащий моей библиотеки в Тяньцзине. Сейчас он – служащий американской автомобильной фирмы Dodge, в Ханькоу. Живет постоянно в Сиане, столице провинции Шэньси. Часто бывает в Гинсу, городе Ланьчжоу и других местах, теперь весьма опасных для путешествия. Получает жалованья 150 долларов в месяц. Это, конечно, уже показывает на эксплуатацию. Почему не поэксплуатировать русского, раз он попал в тяжелое положение?

9 ноября. А.Г.Грызов в Харбине в письме от 28 октября сообщает мне, что издание сибирского «Юбилейного сборника» задержится «до сбора материалов и до финансового или кредитного благополучия». 8 ноября в Харбине, по письму, должно было состояться, после молебна, торжественное заседание с докладами и речами, затем концертная программа на сибирские темы. На 12 ноября намечено устройство Сибирского вечера. К письму приложено «Приветствие сибирякам в Тяньцзине». Это приветствие придется поместить в «Нашей Заре». В издании книжного магазина «Знание» вышла сегодня из печати моя брошюра «Текущей китайский фольклор и китайские суеверия». Брошюра издана чисто, опрятно, почти без опечаток. Рукопись свою «Покорение Сибири» я взял обратно и хочу отослать ее в шанхайскую газету «Слово».

Сегодня же закончил составлением небольшую заметку этнографического содержания на тему «Похоронные деньги Китая». Эта заметка написана мною на английском языке, так как я собираюсь послать ее в шанхайский «The China Journal». К рукописи будет приложено семь фотографических иллюстраций.

---

[1] См. биографический очерк А.Н. и И.И. Серебренниковых.

10 ноября. В магазинах «Знание» купил три английские книги. Это

«In the Clutches of Death»;

«In the Wilds of Siberia»;

«In the Whirl of Live. Nightmare in Realty»[1].

Автором этих книг является captain N.A.Diakoff – капитан Н.А.Дьяков*. Изданы они в Бангкоке, столице Сиама в 1930–1931 годах. Думаю отправить их в Военную Библиотеку Хувера, в Америку. Меня поразило место издания книг. В самом деле, не думаю, чтобы кто-нибудь ухитрился издать еще раз на английском языке книгу о Сибири в Индокитае. Сегодня я слегка пересмотрел купленные мною книги. Удостоверился, что автором их является одно лицо из семьи, не так давно бывшей достаточно известной в Харбине. Брат автора [Дьяков Д.А.*] несколько лет тому назад занимал должность заведующего учебным отделом Китайской Восточной ж[елезной] дороги, уехал затем из Китая в Канаду, а отсюда, сманенный большевиками, – в Советскую Россию, где и был расстрелян. Другой брат автора, И.А.Дьяков, не так давно был в Тяньцзине. Известен как «ученый» путешественник по р. Янцзы, человек, по моим впечатлениям, крайне несимпатичный, с наклонностью к хлестаковщине, правда, не явной и довольно тонко завуалированной. Про самого автора ничего не могу сказать, так как нигде с ним не встречался. Может быть, он человек и весьма добропорядочный, и заслуживающий всякого доверия. Во всяком случае, из его книг видно, что он служил офицером в белых войсках адмирала Колчака.

Во время прогулки по городу встретился сегодня с Шишкиным. Он сообщил мне, что виделся с Шароглазовым*, бывшим служащим Русско-Азиатского банка в Тяньцзине, который подтвердил, что знамя Ермака действительно было сдано на хранение в этот банк.

11 ноября. Armistice Day. Город имеет праздничный вид. Реют флаги. Церемония возложения венков на кенотаф[2] Британской концессии прошла, как обычно, блестяще и торжественно. В школах занятий не было. Венок от русских комбатантов был возложен полк. Веденяпиным (последним командиром Преображенского полка) и моряком Муравьевым. Оба – видные деятели местного Воинского союза. Муравьев служит в одной из крупных иностранных фирм города и получает большое жалованье. Под сурдинку распускаются разные слухи относительно его прошлого: говорят, что в свое время он был адъютантом Керенского. В настоящее время будто бы пребывает в масонах.

Несмотря на праздник, я провел день в работе. Отвел пять часов подряд на уроках математики со своими учениками и ученицами. И был на текущем уроке-разговоре у Чжан Гочена. Занятия с последним приносят немало пользы и для меня в смысле ознакомления с бытом Китая и

---

[1] Diakoff N.A. In the wilds of Siberia / N.A.Diakoff. Bangkok: Printed at Cheang Heng Long Press, 1931.

[2] Кенотаф (*от греч.* kenotaphion, букв. – пустая могила) могила, не содержащая погребения.

с характеристиками его выдающихся людей, выдвинутых революцией. Чжан Гочен охотно отвечает на все вопросы, которые я ему задаю.

12 ноября. Три дня тому назад в Пекине известный китайский ученый, доктор Ху-Ши*, прочел в Международном женском клубе весьма интересную лекцию на тему о конфликте культур в Китае. По мнению лектора, проблема Китая есть проблема конфликта двух культур. Старый строй не сумел разрешить стоявших перед ним затруднений, но и новый порядок еще не вошел в бытие. Китай был вынужден вступить в новый мир, в котором он все еще не чувствует себя комфортабельно, как дома. Его окружает новая цивилизация, которая быстро становится мировой цивилизацией, и все же ему до сих пор не удалось принять эту новую цивилизацию как свою собственную. Китай убежденно заявил миру, что он делает серьезные попытки модернизировать себя, но ему не удается преодолеть весьма многие препятствия на пути к модернизации. Прежде всего Китаю недостает крепкого убеждения в том, что эта новая мировая цивилизация действительно превосходит его собственную старую цивилизацию. Второе, он не успел в свое время воспитать достаточное число руководителей и рабочих сил, чтобы предпринять эту великую задачу национальной модернизации. И, наконец, он в течение долгого времени создал много глубоко вкоренившихся навыков, каковые всюду делают модернизацию страны поверхностной, а во многих случаях – и почти невозможной.

Неудачи с признанием за новой цивилизацией ее высшей ценности могут быть приписаны не только китайскому консерватизму и недостаточному знакомству с мировыми делами. За последние годы обнаружилось такое замешательство в интеллектуальном мире за границей, что даже сравнительно хорошо осведомленные китайцы начали задумываться над вопросом, представляет ли эта новая цивилизация из себя в действительности ценность длительного свойства. Были сделаны весьма уничтожающие осуждения новой цивилизации: некоторые оплакивали ее большой материализм и недостаток в ней духовных ценностей; другие осуждали ее как всецело империалистическую и капиталистическую. Все эти обвинения исходят от западного мира самого и отвечают апологетическим умам Востока. Как можем мы с полной сердечностью воспринимать цивилизацию, ценность которой находится под таким вопросом? И разве мы не совершаем возможных ошибок, выбрасывая некоторые наши реальные ценности в попытках модернизировать нашу собственную жизнь и наши собственные учреждения? – спрашивает лектор.

Из приведенных тирад видно, как лекция Ху-Ши интересно трактует проблему современного Китая.

13 ноября. Воскресенье. Жена устроила сегодня небольшой прием, организовала чай и затем ужин. За день побывало пятнадцать человек гостей. Завтра опять начнем свою трудовую неделю.

14 ноября. Забыл записать: вчера утром побывал на выставке картин английской художницы А.М.Хочкис (Anna M.Hotchkis)*. Картины и эскизы, числом до 70, произвели отличное впечатление, обнаруживая большое мастерство художницы. Сюжеты – все ки-

тайские: тут и Пекин с его окрестностями, Пэйтайхо, Шанхайгуань, Ханьчжоу и другие живописные уголки Китая. Большой интерес представляют недавние зарисовки художницы, побывавшей в деревне Юнь-Кан (Yun Kang), расположенной в стороне от Пекин-Суйюаньской ж[елезной] д[ороги], за Калганом. Вблизи этой деревни находится буддийский монастырь, приютившийся около скал и частью в пещерах, выдолбленных в скалах. Этот монастырь, весьма древний, и был предметом внимания художницы, давши для нее 18 сюжетов.

Вместе с Хочкис этот монастырь посетила другая художница, г[оспо]жа Мулликин*. Последняя несколько дней тому назад сделала о своем путешествии в Юнь-Кан доклад в местном Женском клубе. Докладчица, между прочим, сообщила следующее: «Одной из побудительных причин нашего путешествия было желание оживить историю, желание почувствовать тут живой поток, который течет от отдаленного "тогда" к настоящему "теперь". Мой доклад есть, таким образом, в некоторой своей части страничка из истории Искусства, но он является также современным рассказом из истории древней кочевой страны. Моя спутница и подруга по искусству, госпожа Хочкис, и я спешили повидать пещеры Юнь-Кана, потому что здесь буддийское искусство сделало свой действенный выход на китайскую территорию и здесь можно увидеть вырезанными в скалах раннейшие, бесспорные, датированные и все еще существующие скульптурные памятники религии, которая позднее распространилась по всему Китаю. Эта религия была принесена к Юнь-Кану иностранными миссионерами, татарами То-джа (To-Ja), из района озера Байкал. Эти чужеземцы пришли в Китай как победители, основав здесь в самом конце IV-го столетия после Р[ождества] Х[ристова] (397 г. по Р[ождеству] Х[ристову]) северную династию Вэй со столицей в современном городе Да Тун-фу, в северный части провинции Шэньси. Где именно эти татары были обращены в буддизм, остается неизвестным, но что они горели энтузиазмом неофита, можно усмотреть из тех скульптур, которые они создали...»

В этой тираде из доклада г[оспо]жи Мулликин для меня является большим открытием утверждение, что буддизм (не ламаизм) мог просачиваться в Китай не только с юга, но и с севера. Крайне заинтересовало меня также сообщение о том, что основатели северной династии Вэй в Китае были татары из Прибайкалья. Для надлежащего понимания этого сообщения надо иметь в виду, что в английской литературе о Китае под татарами (Tartars) часто разумеются все те племена некитайского происхождения, которые время от времени делали вторжения в Китай. Это будут, таким образом, и тунгусы, и маньчжуры, и монголы, и тюрко-татары собственно. Возможно, что Прибайкалье и занимали когда-то народы тюрко-татарского происхождения. Это соответствует их сибирским представлениям об истории Прибайкалья. Когда-то народы тюрко-татарского племени занимали сплошным кольцом всю южную полосу Сибири, начиная от Туркестана и кончая, быть может, Забайкальем. Остатки этих народов, в лице так называемых алтайских калмыков, затем минусинских и агинских та-

тар, иркутских карагазов[1] и по сию пору занимают южную гористую часть Центральной Сибири. К этой же группе народов надо отнести урянхов в Северной Монголии и якутов на севере Сибири. Эти тюрко-татары выкочевывали порой и в пределы Европы, таковы, например, были известные в истории древней России печенеги и половцы. Интересно, что татары, покорившие Северный Китай в VI столетии по Р[ождеству] Х[ристову] и основавшие здесь династии Вэй, названы То-Джа. Насколько я припоминаю, среди народов Урянхайского края сохранястся до сих пор малоисследованное племя тюркско-татарского происхождения тоджинцы, ближайшие родичи сибирских карагезов. Одно остается, однако, непонятным. Если татары Тоджа были уже в IV веке буддистами и пришли в Северный Китай из Прибайкалья, почему же ни в Прибайкалье, ни в Монголии они не оставили о себе памятников буддийской культуры?

Интересно далее еще одно обстоятельство. В буддийских скульптурах пещер Юань-Кана художницы Хочкинс и Мулликин открыли несомненные следы греческого влияния. Это открытие имеет свою параллель с открытием известного русского путешественника П.К.Козлова, раскопавшего несколько лет тому назад ряд курганов во Внешний Монголии (если не забыл, это были так называемые Нойон-Ульские курганы) и нашедшего в них много ценных и интересных предметов, в том числе два или три ковра, рисунки которых носили на себе влияние греческого искусства. Кажется, придется прийти к тому несомненному заключению, что взаимное влияние культур в стародавние времена было гораздо более сильным и, если можно так выразиться, значительно больше проницаемым, чем обычно мы привыкли это представлять себе.

15 ноября. Сегодня утром, прочитывая за чаем «North China Star», был потрясен следующим кратким сообщением, переданным агентством Рейтара: «Ньюхэвэн, Коннектикут, 13 ноября. Господин Чарльз П.Хауланд, 63-х лет, выдающийся адвокат, был сшиблен автомобилем и убит. Он работал над планом дипломатического разрешения конфликта между Китаем и Японией». К этому сообщению было прибавлено небольшое примечание, очевидно, редакторское: «Г[осподи]н Хауланд был директором исследовательской части Американского совета по иностранным отношениям и проявлял большой интерес к дальневосточным проблемам. Он участвовал в недавних конференциях Института тихоокеанских сношений, много писал и выступал с речами по тихоокеанским вопросам».

Сомнений не было, убит тот самый Charles P.Howland, в распоряжение которого я еще совсем недавно отправил, по его заказу, семнадцать рукописей. Отзыва на последние я еще не получил пока. Теперь не знаю, получу ли я его вообще. Такова судьба человеческая: еще одна жертва автомобильного сумасшествия Америки!

В газетной заметке C.P.Howland назван адвокатом. Она не упоминает о покойном как профессоре. Между тем проф[ессор] Ремер

[1] Карагасы – название в дореволюционной России тюрко-язычной народности – тофаларов.

в письме ко мне от 31 марта с.г. называет его профессором Эльского университета (Yale University). В последнем письме ко мне от 20 сентября Хауланд писал о высылке ему книг для его ученого семинария по Китаю, Монголии и Дальнему Востоке вообще. Скорее всего, значит, покойный был не только адвокатом, но и профессором.

16 ноября. Приезжие из Харбина рассказывают, что положение в городе скверное: после 8 часов вечера люди предпочитают сидеть дома.

[Замазаны две с половиной строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Группа русских в Харбине обращалась будто бы к японцам с просьбой выдать им оружие, чтобы ликвидировать одну расположившуюся вблизи города хунхузскую шайку, но японцы отказали в этой просьбе.

17 ноября. Тяньцзинь обогатился еще одним общественным предприятием: общедоступной и дешевой столовой[1]. Во главе общества этой столовой стал один грек, некто Спиридис. Членами общества состоят русские и евреи. Следовательно, это смешанное предприятие. В настоящее время бывшие русско-поданные располагают в Тяньцзине следующими учреждениями и предприятиями. Русские предприятия и учреждения – это Православное братство, содержит две церкви, кладбище школу, госпиталь и Дом Милосердия; Русское собрание; Русская община, содержащая общежитие для бедных; Воинский Союз; гимнастическое о[бщест]во «Сокол»; Союз Молодежи, скауты и ряд спортивных организаций.

Смешанные учреждения: это приют «Ясли» для детей[2]; кружок «Театр и музыка» и общедоступная столовая. Сюда же можно будет отнести Китайское миссионерское православное братство с церковью при нем и Общество изоляционного госпиталя.

Еврейские учреждения: это община[3], при ней школа, благотворительная комиссия; затем клуб «Кунст» и скаутская организация «Брит-Трумпельдор»[1].

Татары имеют только свою общинную организацию[2]. В общем, если все это сложить вместе, то, пожалуй, сможет получиться некоторое муниципальное хозяйство с возможным доходным бюджетом в 80 000 долларов в год.

18 ноября. Встретил на улице редактора «Нашей Зари» И.Л.Миллера. Он предложил мне послать для Р[усского] З[арубежного]

---

[1] Затем столовую передали Дальневосточному Российскому дому, финансировалась Антикоммунистическим комитетом в Тяньцзине.

[2] Приют «Ясли» основан в Тяньцзине в 1928 г.

[3] Тяньцзиньская еврейская община (ТЕО) основана в 1911 г. В 1925 г. основала Благотворительное общество (председатель И.Флигель), объединявшее 150 человек. В основном оказывало помощь детям. В 1925 г. открыла собственную школу. Крупное преобразование произошло на общем собрании 30 июля 1933 г., когда утвердили устав общины, затем зарегистрированный в Британском муниципалитете. Исполнительным органом являлось правление из 11 человек и 5 кандидатов, которые избирались на 2 года. Из своей среды они выбирали председателя, 2 товарищей председателя и секретаря. Члены общины (около 600 человек) распределялись по подотделам: финансово-хозяйственный, религиозный, хевро-кадишо (погребальное братство), культурно-просветительский, благотворительный и социальной помощи. Председатель

И[сторического] архива его новую книгу «The Chinese Girl» и спросил меня:

– Подойдет ли для архива?

Я ответил:

– Конечно. Ведь как-никак Ваша книга – продукт творчества русской эмиграции за границей. А архив интересуется всем, что исходит от эмиграции.

– Тогда я пошлю вам книгу.

– Хорошо.

Я спросил Миллера, прочел ли он мою новую брошюру о текущем китайском фольклоре, каковую я вручил ему для отзыва.

– Нет еще. Все, знаете, некогда. Не беспокойтесь, прочту и сам напишу отзыв.

Между прочим, газеты Лембича, все эти «Зари», безудержно расхваливают книгу Миллера: свои хвалят своего. Во вчерашнем номере, однако, газеты «Peking and Tientsin Times» я прочел крайне сдержанный отзыв об этой книге. Газета негодует, что Миллер под общим заголовком «Китайская девушка» пишет лишь о китайских девушках определенной профессии. Это, мол, может создать за границей ошибочное представление о китайских девушках вообще. И это правда.

19 ноября. В магазине «Знание» купил шанхайскую газету «Слово» от 15 ноября. В ней оказалась напечатанной моя статья «Покорение Сибири». Надеюсь теперь, что газета будет высылаться мне.

В Шанхае идут все какие-то распри на почве пресловутого «эмигрантского объединения». По-видимому, конца этим распрям не предвидится. На моторном катере «Сектор» в Шанхай прибыла из Владивостока группа беженцев из 7 человек, проблуждавших по океану 17 дней.

20 ноября. Утром побывал в Английской школе на ученической выставке, так называемой Hobby Exhibition. На выставке участвуют ученики разных школ, в том числе китайцы и японцы. Экспонаты – коллекции разного рода: марочные, денежные и другие, рисунки, модели аппаратов: аэропланов и радиоигрушки. В денежных коллекциях немало разных русских монет; в том числе и сибирских, колыванской чеканки.

После выставки я и мой спутник, И.Н.Головко-Улазовский, совершили прогулку и побывали на новом Английском кладбище по Race Course Road. Кладбище кажется переполненным: немало в нем и но-

---

И.Ю.Левитин. В 1937 г. община открыла собственную больницу (председатель комитета Б.Фридман). По представлению Антикоминтерна общество было преобразовано в январе 1938 г. в Бюро по делам российских эмигрантов-евреев. В это время в нем было зарегистрировано около 800 евреев. Председатели П.Л.Топер, Д.Е.Хабинский. Видный деятель – раввин Ш.Левин. 27 сентября 1957 г. община закрылась. Архив ТЕО вывезен в Израиль, хранится в Центральном архиве еврейского народа в Иерусалиме, часть материалов – в городском архиве.

[1] В 1930 г. создано Т. отделение Всемирной организации Еврейской сионистской молодежи имени Иосифа Трумпельдора (сокращенно Бетар).

[2] Тюрко-татарская община основана в Тяньцзине 8 мая 1928 г. Первый председатель А.В.Ибрагимов (до окт. 1937). В 1933 г. община открыла школу и приобрела земельный участок под кладбище.

вых русских могил. Отыскали мы могилу отца Диодора Колпинского и сделали с нее фотографический снимок. Осмотрели расположенное рядом индусское кладбище, унылое и печальное.

21 ноября. Начал получать газету «Слово». Я рад этому обстоятельству: все же буду в курсе новостей русской жизни в Шанхае.

Погода стоит неизменно теплая. Самочувствие мое все время неважное. Кажется, для ремонта придется поехать мне в Пекин.

Видел ночью сон: будто бы я нахожусь в каком-то советском городе; может быть, в том же Иркутске. Хожу по улицам, осторожно приглядываюсь к городской жизни, всматриваюсь в лица. Сначала делаю все это бодро, с интересом, но потом меня начинает одолевать страх, постепенно все усиливающийся. Меня нагоняет какой-то человек, со зверской рожей, заглядывает мне в глаза и спрашивает со злорадной улыбкой:

– Позвольте, гражданин, узнать, как ваша фамилия? Покажите ваши документы.

Я сознаю, что мое инкогнито открыто, и будет плохо. Мгновение соображаю, что делать. Бежать! Но успею ли я это сделать? Смогу ли? И в это время просыпаюсь, соображаю, где я, в Иркутске или в Тяньцзине... Слава Богу, я – в Тяньцзине. Советский город – это был лишь сон.

Я редко вижу «советские» сны, но если вижу их, то они бывают похожи один на другой. В них я всегда раскаиваюсь, зачем я уехал из Тяньцзиня, где жил спокойно, и попал туда, где тебя могут схватить и арестовать. Кончаются они каким-либо кошмаром, от которого просыпаешься и узнаешь потом с радостью, что никуда не уезжал и находишься дома. Удивительно, что и жена видит подобные же сны.

23 ноября. Были с женой в Gordon Hall, смотрели пьесу Ренникова* «Чертова карусель» в исполнении местных артистов: профессионалов и любителей. Пожалуй, эта пьеса – не столько комедия, сколько трагикомедия. Полагаю, в отличном исполнении она может произвести весьма сильное впечатление.

24 ноября. Свел новое знакомство: с П.Ф.Романовым побывал на ужине у К.И.Кулаева*, сына известного на Д[альнем] Востоке миллионера И.В.Кулаева. После ужина у Кулаева успел еще побывать на именинах у Я.П.Ерина.

В 12 часов ночи, однако, вернулся уже домой в полном благополучии. Кажется, я начал вести рассеянный образ жизни.

25 ноября. Пришло письмо от C.P.Howland, теперь уже как будто бы с того света. Письмо датировано 27 октября, т.е. было написано за семнадцать дней до смерти отправителя. Профессор пишет, что он получил все посланные мною ему рукописи и книги и что в окончательный расчет со мною он посылает мне через Chase Bank триста долларов. В заключение сообщает следующее: «Да будет мне позволено оценить по достоинству Ваше сотрудничество со мной. Я удовлетворен Вашими материалами, которые столько же интересны, сколько и полезны. Я надеюсь, что мы сможем снова сотрудничать вместе». Последние слова звучат для меня, в свете всего случившегося, горестно. Что сделаешь? Против судьбы, как говорится, не попрешь.

В сегодняшнем номере «Нашей Зари» помещен благоприятный отзыв о моей новой брошюре «Китайский текущий фольклор». По-видимому, отзыв написан И.Л.Миллером.

«The China Journal» из Шанхая сообщает мне, что выслал в мое распоряжение отдельные оттиски моей крохотной заметки «Strange figures of Chinese Handicraft». Признаться сказать, я был удивлен такой щепетильностью журнала: заметка не стоила того, чтобы делать из нее отдельные оттиски. Вчера я в этот журнал отправил новую мою небольшую статейку о похоронных деньгах Китая, с 11-ю фотографиями.

Кстати сказать, поведение сибиряков в Шанхае становится для меня подозрительным. Я начинаю думать, что они тоже, как казаки в Тяньцзине, поговорить поговорили, а организовать Сибирского юбилейного торжества не смогли или не сумели и не издали не только юбилейного сборника или журнала, но даже и простой однодневной газеты. Зачем я тогда старался? И отправил в Шанхай серию заметок на сибирские темы? А.А.Пурин сообщил мне, что он избран председателем Общества сибиряков в Шанхае и что он надеется выпускать с нового года Сибирскую газету в этом китайском Вавилоне. Все его надежды бывают, однако, обычно ни на чем не основаны. Будет чудо, если эта газета действительно будет выходить.

Занятия мои с Чжан Гоченом продолжаются регулярно. На днях он переехал на новую квартиру, на Британской концессии, и поселился в доме бывшего президента Китайской республики генерала Ли Юань-Хуна, ныне уже покойного. Беседы с Чжан Гоченом дают мне порой много интересного материала. Как-то, не так давно, мы с ним разговорились о китайских генералах, сыгравших видную роль в китайской революции. Он сообщил мне, между прочим, что знаменитый «христианский генерал» Китая, маршал Фынь-Ю-Сян [Фэн Юйсян]*, вышел из народных низов, и что еще не так давно, когда он играл крупную роль в судьбах Китая, он был совершенно неграмотен, едва умея подписать свое собственное имя. За последние годы он подучился многому и держит около себя несколько учителей.

Совсем недавно маршал приехал из Цинани через Тяньцзинь в Калган, имея при себе охрану из тысячи солдат. Ехал он в отдельном поезде, предоставленном ему местными властями. Странная картина: генерал, год тому назад поднявший вооруженную борьбу против центрального правительства, борьбу, окончившуюся для него неудачей, не рассматривается как мятежник и разъезжает по стране со своей охраной, требуя для себя отдельные поезда. Кажется, это может происходить только в Китае.

Маршал Фэн Юйсян – фигура столько же значительная, сколько загадочная. Никто никогда не знает, как он поступит назавтра. Его решительность помогла ему свершить много важных актов в истории современного Китая. Будучи еще полковым командиром в одном из городов на севере Китая, он подтолкнул падение Маньчжурской династии. Говорят, что он же содействовал падению Юань-Шикая, президента, а потом и диктатора молодой республики. Он же затем погубил военную и политическую карьеру маршала У Пэйфу, собирав-

шегося стать вторым диктатором Китая, изгнал из Пекина бывшего императора Китая Пу-И, ставшего теперь Верховным правителем Маньчжуго. Далее он же свалил с президентского кресла Китая генерала Цао-Куня и Ли Юань-Хуна. Мерялся он в свое время силами с Чжан Цзолином и Чан Кайши, но тут его ожидали неудачи. Теперь этот маршал без армии, но еще никто не решается сказать, что его политическая карьера окончена совершенно.

26 ноября. Шанхайская газета «Слово» сообщает, что Япония собирается выдать советским властям русских, недавно убежавших из Приморья на рыболовных кунгасах в Японию. Будто бы беглецы уже передаются в распоряжение советского консула в Хакодате. Известие потрясающего характера. Как-то все еще не верится, чтобы японцы в своей политической игре с большевиками могли опуститься до этого.

[Замазаны три строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

27 ноября. Воскресенье. Соблазнился сегодня посмотреть в Gordon Hall советскую пьесу «Шулер» некоего автора Шкваркина*. Артисты играли отлично, особенно Томский и Дьяков. Но сама пьеса – какое-то недоразумение: в ней нет ни идеи, ни сюжета, ни быта. Какая-то сплошная чепуха. Единственное, что заслуживает в ней внимания, это, пожалуй, смешные диалоги, пение, музыка и пляски. Спектакль был дневной. Народу было немного: может быть, около сотни человек.

28 ноября. Получил перевод от C.P.Howland в сумме 300 золотых долларов. В переводе на местные деньги это дало мне 1440 долларов. Мои расчеты с покойным профессором теперь закончены, как и его с жизнью.

29 ноября. Виделся с Р.В.Смитом, приехавшим сюда на побывку из Харбина. Он рассказал много интересного о теперешней харбинской жизни. В конце нашей беседы получился некоторый реприманд. Мой собеседник, узнав о получении мной гонорара из Америки, попросил меня одолжить ему на некоторое время тысячу долларов. Я, зная, как он тяжко опутан долгами, в просьбе отказал, не надеясь на то, что получу деньги обратно. Было время, и еще не так давно, когда Смит и его жена проживали тысячи долларов в месяц. Пришел, однако, крах, и вот теперь он бегает по городу и ищет, у кого бы призанять тысчонку долларов. Вспоминаю, года четыре назад я как-то пришел к Смиту в его контору и обратился к нему с такой просьбой:

– Роберт Васильевич, Вы англичанин и к тому же интеллигентный и образованный человек. У меня к Вам просьба. Я написал небольшую статью на английском языке. Прочтите на досуге страницы две–три из моей рукописи и скажите Ваше мнение о том, как эта моя статья выглядит по-английски, удовлетворительно или нет она написана с точки зрения ее стиля.

Смит согласился исполнить эту мою небольшую просьбу и взял рукопись. Рукопись пролежала у него месяца два. Я еле выходил ее обратно. Когда я получил ее от Смита, я имел возможность убедиться, что он в нее и не заглядывал. Так внимательно он отнесся к моей просьбе. Сегодня я как-то невольно вспомнил об этом инциденте.

30 ноября. Японцы собирают решительные силы, чтобы обрушиться на генерала Су Пин Вена, занявшего своими силами Баргу. Су Пин

Вен – это еще молодой человек, родной племянник Чжан Гочена. Интересную историю рассказал мне сегодня последний. Двенадцать лет тому назад Чжан Гочен, тогда еще совсем молодой человек, начинавший свою жизненную карьеру, вместе с четырьмя его приятелями, тоже молодыми людьми, среди коих был и Су Пин Вен, отправились как-то к китайскому гадателю, чтобы узнать что-либо о своей грядущей судьбе. Гадатель, осмотревши их руки и физиономии, предсказал всем пятерым клиентам, что не пройдет и двенадцати лет, как все они будут большие люди, в чине не меньше генерал-лейтенанта. Молодые люди посмеялись и ушли от гадателя.

– И что же, – рассказывал мне Чжан Гочен, – это предсказание исполнилось почти в точности. Мои четверо приятелей стали генералами китайской армии. Я, по гражданской службе, тоже достиг чина, не меньшего, чем чин генерал-лейтенанта по военной. И вот вчера, после двенадцати лет, я снова посетил этого старика-гадателя. Он примерно правильно определил мое прошлое. Относительно же будущего гадатель предсказал мне хорошее. Он сказал мне, чтобы я до осени 1933 года жил спокойно и ничего не предпринимал, воздерживаясь от политики, иначе будет худо. С осени же будущего года я пойду в гору и скоро достигну большого положения: буду министром или, быть может, губернатором провинции, а может быть, и еще выше. Но я не верю этому: куда можно еще выше?

Как я мог наблюдать, Чжан Гочен был весьма доволен новым предсказанием. Интересно, что прорицатель изложил свое предвидение письменно. Чжан показал мне лист бумаги китайского образца, довольно большого размера, весь исписанный иероглифами прорицателя.

– Что же вы заплатили гадателю? – спросил я.

– Обыкновенно за предсказание будущего ему платят три рубля. Но я заплатил ему пять рублей.

– Имеет он мистические письмена, так называемые ба-гуа?

– Имеет. Ба-гуа он употребляет, когда гадает по какому-нибудь определенному вопросу. За простое гадание по отдельному вопросу гадатель берет только тридцать центов и в ответ пишет на бумаге только четыре иероглифа, которые клиент и берет с собой для руководства.

Вот она, восточная мудрость, как-то невольно подумал я. Бог даст, доживем до осени будущего года и посмотрим, прав ли был тяньцзиньский гадатель.

1 декабря. Телеграммы принесли сообщение, что в Шанхае скончался от воспаления легких М.С.Лембич, на 41 году жизни. М.С.Лембич – это был король русской эмигрантской прессы на Д[альнем] Востоке, основатель и хозяин газет «Заря» в Харбине, «Шанхайская Заря» в Шанхае и «Наша Заря» – в Тяньцзине[1]. Говорят, что ему же негласно принадлежали и некоторые русские газеты в Китае, как, например, «Рупор» в Харбине и журнал «Рубеж» там же, или «Время» в Шанхае. Все эти газеты невысокого калибра, с бульварным оттенком, рассчитанные на вкусы широкой публики, применительно к не очень высокому общему культурному уровню дальневосточной эмиграции. Это – по Сеньке и шапка. Нельзя отрицать, что все эти

газеты Лембича имели и продолжают иметь известный успех и принесли их хозяину приличное состояние и отличную виллу в Циндао. Особой идейности искать в них не надо: ибо таковая всегда заслонялась коммерцией, бывшей неизменно на первом плане. Конечно, все эти «Зари» будут теперь скорбеть о покойном их хозяине как о «великом журналисте русской прессы», все его газетные «молодцы», как, напр[имер], Арнольдов в Шанхае, Миллер – здесь в Тяньцзине, или Кауфман* в Харбине, скажут по этому поводу много красноречивых слов, но мы будем помнить, что Лембич в своем русском прошлом был лишь мелкий репортер известного московского «Русского Слова», и что он был не столько журналист, сколько коммерсант.

Первой газетой Лембича на Д[альнем] Востоке была «Харбинская Заря». Она была основана в 1920 году, как раз в то время, когда я еще жил в Харбине, прибыв сюда из Иркутска. Насколько я знаю, газета «Заря» была основана М.С.Лембичем в компании с И.А.Михайловым, бывшим министром финансов Омского правительства. Про Михайлова тогда говорили в Харбине, что это был единственный омский министр, который сумел эмигрировать с известной толикой денег. Возможно, поэтому при своем основании «Заря» уже располагала некоторыми средствами. Была ли газета безупречна в своей «коммерческой» деятельности, боюсь сказать, ибо у меня есть некоторые подозрения на этот счет. Помню, еще в 1920 году в Харбине как-то зашел ко мне мой друг, Н.Н.Кармазинский, бывший председатель В[осточно-]Сиб[ирского] отдела Р[усского] Географического общества в Иркутске, и рассказал мне следующее. Кармазинский служил у Скидельского, известного харбинского коммерсанта, и занимался также, кажется, в вечернее время в конторе «Зари» у Лембича. Последний, незадолго до визита Кармазинского ко мне, уполномочил его вступить в переговоры со Скидельским* об «одолжении взаймы» газете «Заря» сорока тысяч иен. Вспоминаю, меня тогда страшно поразила эта большая сумма. Я понимал, что газета могла искать пятьсот иен, ну, скажем, тысячу, но почему Скидельский должен был давать «Заре» взаймы такую огромную сумму средств и под какое обеспечение, я никак не мог взять в толк этого, тем более что дела Скидельского шли в то время не блестяще. Кармазинский сообщил мне, что он вел, по поручению Лембича, переговоры со Скидельским, но последний решительно отказал в просьбе.

Выслушав всю эту историю, я так и остался при своем недоумении. Поневоле у меня появились некоторые подозрения, когда некоторое время спустя «Заря» начала ожесточенную кампанию против Скидельского, обнаружив прошумевшую тогда «Чжалайнорскую угольную панаму»[1]. Конечно, подозрения – это еще не факт, так же, как надо и доказать, что верны были слухи того времени, будто бы Лембич ухитрился все же сорвать за свои разоблачения какую-то

---

[1] М.С.Лембич: (Некролог) // Шанх. заря. 1932. 30 нояб.: портр.; Похороны М.С.Лембича // Шанх. заря. 1932. 2 дек.: портр.; Миллер И.Л. Памяти М.С.Лембича // Шанх. заря. 1932. 4 дек.

сумму с конкурентов Скидельского. В 1921 году в Харбине упорно разговаривали и о том, что Лембичу удалось получить на свое дело много денег от атамана Семенова во время «сидения» последнего в Порт-Артуре. При условиях такого рода было неудивительно то обстоятельство, что Лембич, едва начав издание своей газеты, мог уже съездить скоро в Шанхай, купить там типографские машины, шрифт и организовать в Харбине свою собственную типографию.

Многое мне хотелось бы рассказать еще о покойном, но надо соблюдать известное правило: De mortuis aut bene, aut nihil[2].

2 декабря. Получил сегодня два письма из Америки. Доктор Фишер сообщает мне, что ему не удалось устроить в Америке мою статью о сибирском областническом движении. Это сообщение не из таких, которые радуют и бодрят. Второе письмо от журнала «Asia» из Нью-Йорка. В нем проявлен интерес к моим фотографическим коллекциям. Это письмо даст мне как будто возможность завязать связи с этим журналом.

Полученные из Шанхая последние номера «Слова» свидетельствуют о том, что сибиряки совершили едва ли не первое свое здесь публичное политическое выступление: опубликовали резолюцию протеста против выдачи японцами беглецов из СССР. Последуют ли за ними другие организации, пока неизвестно.

За последнее время меня стало интересовать еще одно учреждение в Америке: это музей имени Рериха в Нью-Йорке.

3 декабря. Прочел сегодня книгу И.Л.Миллера «The Chinese Girl». Книга эта – собрание легких фельетонов о китайских девушках особого типа, с которыми автору приходилось встречаться в поисках развлечений. В них нет ничего замечательного, тем более сенсационного. Достоинства книги не соответствуют ни той рекламе, которую Миллер пустил в ход в своей газете «Наша Заря», ни той продажной цене, которая назначена за нее (10 долларов). Существенный дефект, что заголовок книги не отвечает его содержанию. За это несоответствие автора безжалостно разделали в местной газете «Peking and Tientsin Times». Китайский критик Jolin Huang сравнил Миллера с бродячим тряпичником, расхаживающим по городским улицам и собирающим старые тряпки и разный мусор. Подобно тряпичнику, Миллер насобирал в свою корзину, называемую «Китайская девушка», много отбросов китайского общества. Однако он оказался более ловок в своем умении использовать собственный мусор.

Злой критик написал далее по этому поводу следующее: «Непохоже, однако, на тряпичника, который достаточно честен, чтобы продавать его тряпки как тряпки, наш русский друг продает свои тряпки как шелк из Ханьчжоу». Это уже почти обвинение в нечестности. Не менее жестоко критик разделывает Миллера за неудачное название его книги. «Здесь, – говорит он, – нет ничего неправильного – называть лопату лопатой. Однако будет не совсем правильно назвать

---

[1] Туров Е. Маньчжурия под игом Скидельских // Харбин. время. 1933. 29, 30, 31 янв.; 1 февр.

[2] О мертвых – или хорошо, или ничего (*лат.*).

лопатой то, что есть не лопата, а серебряная ложка. Не имея никаких симпатий к пролеткульту, г[осподин] Миллер, будучи из числа "белых", видимо, чувствует себя шокированным пролетарской лопатой. Поэтому он предпочитает назвать ее как-нибудь в более буржуазном духе, скажем, серебряной ложкой. (С другой стороны, автор, как он показал себя в своей книге, кажется, не обладает теми качествами, которые могли бы открыть ему доступ в китайское общество, где в ходу серебряные ложки (Chinese silver spoon society). После всего неудивительно, что он озаглавил свою маленькую книгу "Китайская девушка", тогда как в действительности она представляет только некоторые воспоминания автора, относящиеся к его личному общению с горсточкой несчастных дегенераток». Далее критик указывает на то, что едва ли похвалили бы его французы, если бы он написал книгу о парижских проститутках и озаглавил ее «Французская девушка». Еще привел он ряд примеров в этом роде и закончил свою злую рецензию следующей тирадой: «Мои десять долларов, мои милые десять долларов! Чего я ждал от вас? С любопытством и острым интересом я ожидал, что вы дадите мне книгу, которая содержит все, что обещает ее заглавие. Я ожидал, что содержание книги будет таково: Глава I. Китайская девушка в истории. Глава II. Воспитание китайской девушки. Глава III. Китайская девушка дома. Глава IV. Китайская девушка в школе. Глава V. Китайская девушка в обществе. Глава VI. Китайская девушка. Западная девушка. Приложение: Китайские девушки-певички (The Chinese Sing Song Girls). Мои десять долларов, мои возлюбленные десять долларов. Так многого я ожидал от вас! Но вы надули меня: вы дали мне только одно приложение!»

4 декабря. Картина «Конгорилла» – путешествие в дебри Африки – произвела отличное впечатление. В ней обилие зоо- и этнографического элемента. Пришлось, хотя бы и на экране, побывать на свадьбе африканских пигмеев.

Утром я побывал на японской фотографической выставке, днем в кино, вечер провел дома в обществе заглянувших ко мне друзей.

5 декабря. Вчера ночью случился припадок боли в печени. Сегодня сел на диету. Как ни вертись, придется заняться своим лечением.

Пришла сегодня весточка от А.Н.Васильева-Дубровского из Шанхая. Из его письма как будто можно заключить, что моя статья «Сибирское царство» была помещена в «Слове». Получил я при письме «Устав Шанхайского отдела Общества сибиряков в Чехословацкой Республике». Нельзя не признать, что название отдела какое-то нелепое.

6 декабря. Окончательно подтвердились слухи о посвящении архимандрита Виктора в сан епископа. В четверг на этой неделе новопосвященный епископ проедет через Тяньзинь в Пекин для свидания с архиепископом Симоном. Поскольку стало известно, епископ Виктор будет иметь постоянное местопребывание в Шанхае.

7 декабря. Чжан Гочен готовит к печати работу о Советском Союзе и Китайско-Советских отношениях. Я подбираю для этой его работы кое-какие материалы. Нужно сознаться, разобраться в государственно-административном построении того монстра, что называет-

ся СССР, не так-то легко. По-видимому, книга Чжана будет носить осведомительный характер. Издание ее будет, несомненно, полезно для Китая.

[Замазаны девять строк. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

8 декабря. Вчера я и жена в компании друзей побывали в Gordon Hall на спектакле «Цыганские песни в лицах». Зал был переполнен зрителями или, правильнее сказать, слушателями. Играли артисты-профессионалы и любители. Публика, в том числе и мы с женой, остались довольны спектаклем. Жена вспомнила, как когда-то в этой пьесе она видела известных артистов: певца-баритона Северского и певицу Вяльцеву. Разбережены были старые воспоминания. Вызваны соответственные эмоции.

Газеты сообщили сегодня, что японцы окончательно очистили западную ветвь Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] в районе Барги от китайского войска. Генерал Су Пин Вен бежал на советскую территорию.

А.А.Пурин из Шанхая прислал мне две прокламации, изданные Центральным комитетом Русского Национального Союза на Д[альнем] Востоке, с протестами против выдачи японцами русских беглецов из Советской России. Одна из прокламаций носит заголовок «Они еще под страхом смерти». Эта написана слабо, другая – довольно сильно. Местная общественность пока что никак не реагирует на вероломство японцев.

9 декабря. Председатель Русского клуба А.А.Орлов пригласил меня вчера вечером для «дружеской беседы». Эта беседа происходила в читальной комнате клуба. Присутствовали, кроме меня и Орлова, еще трое: Тарле*, химик, Соколов*, бывший консульский чиновник в Китае, и Перевозчиков*. Беседа за кружкой пива вращалась около самых разнообразных тем: Орлов рассказал кое-что интересное из своих воспоминаний о прежней дипломатической деятельности в Абиссинии, Турции, Персии, Месопотамии и Монголии. Соколов поведал немало интересного «о делах и делишках китайской администрации». Конечно, не избежал обсуждения и текущий политический момент. По вопросу о советско-японских отношениях была передана та точка зрения, которая отражает мнение местных французских кругов. Французы полагают, что японцы вполне договорились с большевиками. Большевики предоставляют японцам полную сферу влияния в Маньчжурии и даже во Внешней Монголии, сами же утверждают свое исключительное влияние в Китайском Туркестане. Наша беседа затянулась до полуночи. Возможно, что я и дальше буду посещать эти заседания кружка дружеских бесед. Кружок собирается раз в неделю.

Сегодня – праздник Св[ятого] Иннокентия, Сибирского чудотворца. Нужно было бы сходить в Иннокентьевскую церковь, да както не тянет в нее, после того как ее настоятель, о[тец] Сергий Чан, как-то крайне грубо обошелся с группой прихожан церкви и позволил себе, совершенно без оснований к тому, говорить об этих прихожанах как хунхузах и мошенниках. К стыду нашему, это невозможное поведение пастыря церкви не встретило дружного отпора со стороны русской колонии в целом.

Чжан Гочен сегодня отменил занятия со мною. Я думаю, в его семье должна ощущаться тревога за судьбу генерала Су Пин Вена, его племянника. Сегодняшние телеграммы принесли сообщения, что советские власти выдали мятежного генерала японцам. Не так давно стряслась беда с другим родственником Чжан Гочена, генералом Ван-Ю-Мином, бывшим начальником Бюро общественной безопасности в Тяньцзине. Я говорю – родственником, потому что жены Чжан Гочена и Ван-Ю-Мина родные сестры. Как видно, Ван-Ю-Мин по китайской традиции, заняв видную должность, чересчур уже много нахапал денег. Он пробыл на своей должности менее года и, говорят, составил себе капитал до 600 000 долларов. На него был сделан потерпевшими ряд доносов. В результате последовал арест и увоз в Пекин. В газетах стали писать, что генерала ожидает суровое наказание: его могут даже расстрелять. Я как-то спросил Чжан Гочена:

– Что же, плохо будет?

– Нет, – ответил он, – подержат немного и выпустят.

Теперь уже ходят слухи, что Ван-Ю-Мин уже на свободе: отделался будто бы взяткой в 200 000 долларов.

10 декабря. Сегодня кончается у нас с женой учебная страда: послезавтра начинаются Кембриджские экзаменационные испытания трех степеней. Preliminary (предварительная), junior (младшая) и senior (старшая). Выдержавшие экзамены последней ступени могут быть приняты в некоторые университеты Англии и Америки. Экзаменационные бумаги присылаются из Кембриджа и туда же отсылаются затем экзаменационные работы. В этом году из моих учеников по математике держат Кембриджские экзамены – предварительные: ученик Гринберг и ученица Рубин. Младшие: ученица Полещук. Старшие: Волкова, Чаплыгин, Порецкий и брат и сестра Дмитровские. Из учеников жены по русскому языку держат экзамены четверо: младшие – Беркович и Капцап; старшие – Дмитровские.

Экзаменационные испытания продолжатся всю будущую неделю. Результаты бывают обычно известны в конце марта или начале апреля месяца. Конечно, чтобы вести подготовку к этим экзаменам, мы должны знать английский язык. Преподавание мы ведем все же на русском языке, так как все наши ученики – русские или русские евреи, воспитанники местной английской школы Grammar School. Жена проходит с учениками русскую этимологию и синтаксис, дает им диктанты и сочинения, проверяет их переводы с русского на английский и обратно, пополняет их запас русских слов. Работы бывает довольно много. При приеме женой учеников происходят иногда забавные картинки. Приходит ученик к жене и заявляет, что он желает заниматься по-русски. Жена спрашивает:

– Вы знаете хоть немного грамматику?

– Да, знаю, – бойко отвечает ученик.

– Знаете спряжение глаголов?

– Знаю.

– Ну проспрягайте мне глагол «зевать».

– Я зеваю, ты зеваешь, он зевает и т.д., – начинает бойко спрягать ученик.

– Ну, хорошо, – говорит жена – проспрягайте теперь глагол «жевать».

– Я жеваю, ты жеваешь, она жевает, – не менее бойко спрягает спрашиваемый.

На экзаменах нередко дают переводы с русского на английский отрывков из произведений наших писателей: Тургенева, Пушкина, Крылова и других. Как-то, помню, в переводе попались слова: «на лежанке, на печи», все ученики, державшие экзамен, растерялись. Ибо никто не знал, что же такое лежанка. И как ее перевести по-английски?

До сегодняшнего дня у нас с женой было 14 учеников и учениц. Теперь останется не более восьми. Нового притока учеников надо будет ждать с весны.

11 декабря. Воскресенье. По-видимому, сообщения о выдаче генерала Су Пин Вена японцам оказались неверными. Вообще, в виде правила, в наше время нельзя верить первому газетному сообщению: всегда надо ждать подтверждений.

[Замазано четыре с половиной строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Текущая действительность настолько паршива, что прямо не хочется читать газеты, чтобы не расстраивать себя. Начитаешься утром газет, словно мыла наешься, как выразился один русский зарубежный фельетонист. И это верно. Не так давно Франция заключила с Советами пакт о ненападении. А сегодня в «North China Star» я уже имел возможность прочитать интервью французского премьера Эррио, данное корреспонденту советских «Известий» по поводу заключения этого пакта. Эррио сказал, что он был очень счастлив, когда в 1924 году ему удалось добиться официального признания Францией СССР, и что он еще счастливее теперь, когда подписанием пакта о ненападении ему удалось продвинуть вперед добрые отношения между Францией и Советами. «Десять лет тому назад в Москве,– заявил французский премьер, – я имел случай говорить о той огромной и теплой симпатии, с которой я наблюдал даже тогда гигантское социалистическое строительство, которое планировалось с такой смелостью и храбростью молодой республикой рабочих и крестьян». «Для меня, старого демократа, – продолжал Эррио,– всегда было большим моральным удовлетворением заявить, что я никогда ничего не сделал в ущерб интересам СССР, и что, напротив, мне удалось многое сделать в удовлетворении его задач и намерений. Как сын народа, выйдя из среды рабочих, как мог я не симпатизировать республике рабочих? Как убежденный пацифист как я мог не желать сближения между моей страной и СССР, каковой нуждается в мире ради его экономического строительства?!»

Не стоит цитировать дальше выражение симпатий французского премьера по адресу советской деспотии, так как и сказанного довольно, чтобы убедиться, до каких глубин подлости или пошлости может доходить современный «цивилизованный» человек, хотя бы он и был премьером одной из великих держав мира. Кажется, нет конца человеческой подлости и глупости. Эта глупость царит теперь повсюду,

не исключая и голов государственных мужей. Как пацифист Эррио симпатизирует Советскому Союзу! А разве он не знает, что этот Союз является проначатором [так в тексте. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] мировой гражданской войны, каковая есть худшая из всех войн, которые когда-либо знало человечество? Если премьер знает все это и льстит Советскому Союзу, значит, он подлый лицемер, если же не знает или, быть может, не желает знать, значит, он глупец, третьего не дано. Горе стране, которой управляют социалистические глупцы! Возмездие за глупость неизменно придет! И чем скорее, тем лучше.

Сегодня холодная погода, хмурая. Дует противный ветер, с песком и пылью. Эта погода соответствует моему мрачному настроению. Не радует и газетное сообщение о берлинском докладе Керенского, который пророчествует, что падение большевизма – это вопрос ближайших месяцев. Изверились, и до предела, во все подобного рода предсказания.

12 декабря. Ездил утром в Бюро общественной безопасности, чтобы переменить свой паспорт. К своему удивлению, в паспортном отделе я застал того же самого чиновника Дена, который был здесь и раньше и которого так не любит вся русская колония Тяньцзиня. Значит, не верно, что все видные чиновники Бюро разбежались или были уволены, после того как начальником Бюро было назначено новое лицо. Ден принял от меня три доллара, фотографии, дал расписку и попросил меня явиться за новым паспортом через неделю.

– Не смогу ли я получить его раньше? – спросил я чиновника по-английски.

– Нет, – сухо ответил он мне.

Придется еще раз поехать за паспортом. В общем, приходится четыре раза в год ездить в Бюро: два раза за регистрацией и два раза за паспортом. Почему надо каждый год регистрироваться и платить за это китайцам тоже три доллара, никто понять не может. Впрочем, все это понимают как побор, своего рода налог на русское беженство.

Новостей особенных за день не было. Только американская газета «North China Star» сообщила, пока не в категорическом виде, о восстании в Урге. Новость эта едва ли верна.

13 декабря. Написал пока около восьмидесяти страниц моей новой работы «Этнографические очерки». Не могу еще сказать, во что выльется эта работа. Пока это только набросок, основа труда, которому еще надлежит придать окончательную форму. Главная идея его заключается в том положении, что дух старины вообще, и старины языческой в частности, довлеет над нами в гораздо большей степени, чем это мы привыкли представлять себе. Из этого положения необходимо сделать некоторые практические выводы.

В Тяньцзине появилась 50-ая книжка «Современных Записок» из Парижа. К моему огорчению, моей статьи «Русские интересы в Китае» в этой книжке не оказалось. Париж, по-видимому, для меня недоступен. Придется оставить всякие надежды на какое-либо сотрудничество в издающихся в нем русских журналах и газетах. Может быть, они существуют только для генералов от русской литературы и журналистики. Сибирскому или дальневосточному солдату там не место.

Сегодня мы с Mr. More побывали в новом японском госпитале. Я хотел узнать, сколько будет стоить сделать один рентгеноскопический снимок. В одном месте нам сказали – 12 долларов, в другом – десять. Путной информации получить не удалось. Во всем госпитале мы не могли найти человека, который прилично говорил бы по-английски. Наверное, для выяснения состояния своего здоровья мне все же придется сделать поездку в Пекин.

14 декабря. Сенсацией дня является возобновление дипломатических отношений между Китаем и СССР[1]. Начинается какая-то полная неизвестности фаза в развитии дальневосточных дел. Если поживем, увидим. По поводу нового поворота дел в китайско-советских отношениях один японский правительственный деятель заявил: «Элементы, наиболее нарушающие мир всего мира, теперь соединили руки. Япония стоит открыто против этих сил. Теперь от держав будет зависеть решение вопроса о том, позволят ли они господствовать на Востоке силам разрушения или же силам созидания и консолидации. Восстановление советско-китайских дипломатических сношений ставит этот вопрос совершенно прямо. Рядом с ним вопрос о будущем Манчьжурии имеет ничтожное значение». Заявлению этому нельзя отказать в некой знаменательности. В общем, большевики вертятся, как белка в своем социалистическом колесе. Внутри их порядочно подпекает экономика; извне досаждают дальневосточные соседи: то Китай, то Япония. Угодить обоим сразу чрезвычайно трудно.

Сегодня я слышал, что мемуары Беседовского* переведены на китайский язык и скоро выйдут в печати[2]. Это будет, пожалуй, кстати по моменту.

15 декабря. Ученики наши держат экзамены. Поэтому мы с женой почти свободны весь день. Вчера я занимался всего только один час, сегодня – тоже.

Вечером жилец нижнего этажа под нами, еврей Меламед, личность «блатного» свойства, устроил грандиозный скандал, выбил ряд стекол в двери своей квартиры, потом начал избивать свою жену. Та подняла крик, собрался народ, пришла полиция. Скандалиста арестовали и увели в участок. Эти скандалы начинают меня нервировать: хоть переезжай на другую квартиру, если полиция не выселит скандалиста из концессии.

16 декабря. Виделся на днях с Шароглазовым, бывшим доверенным Тяньцзиньского отделения Русско-Азиатского банка. Он присутствовал в свое время при приеме вещей, сданных атаманом Ивановым-Риновым на хранение в банк, и категорически заявил, что знамени Ермака среди них не было. Поскольку он помнит, среди сданных вещей были войсковое знамя Сибирского казачьего войска, атаманская булава этого войска и жалованные ему грамоты. Точный список всего сданного на хранение у Шароглазова имеется, но на-

---

[1] Прерваны в результате Советско-китайского конфликта 1929 г. Восстановлены 12 декабря 1932 г.

[2] Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж: Мишень, 1930.

ходится в данное время в Мукдене. Он обещал достать этот список и вручить его мне. Если добуду этот список, перешлю его для сведения в Русский Заграничный Исторический архив в Праге.

Местная пресса, английская и китайская, уделяет большое внимание возобновлению дипломатических сношений Советской России и Китая. В сегодняшнем номере передовик газеты «Peking and Tientsin Times» пишет по этому вопросу следующее: «Вероятно, никаких немедленных эффектов международной важности не последует за возобновлением сношений между Китаем и Советским правительством. Сближение – это еще не союз. Признание есть теперь нормальное поведение по отношению к Русской революции, и оно просто соответствует реальности. Непризнание ненормально, и теперь даже всеми допускается, что новое демократическое правительство Соединенных Штатов будет держаться более реальной политики по отношению к Москве, чем это делает теперешнее правительство этого государства. Россия Сталина весьма отличается от России Ленина. Здесь могут еще быть случайные обращения к свирепому маханию старой красной тряпкой; официальная пресса порой все еще может принимать вызывающий тон, но воинствующая фаза прозелитизма[1] Революции прошла. Пятилетний план, поглощающий всю энергию страны, есть националистический идеал. Ситуация как на Дальнем Востоке, так и в Европе заставляет Россию возвращаться назад к ее национальной политике».

Как и все иностранцы, передовик «Peking and Tienstin Times» ослеплен пресловутой советской пятилеткой. Он, конечно, не знает или, может быть, не желает знать, что эта пятилетка в корне разрушила сельское хозяйство России, эту основу ее экономического существования, и вызвала к жизни небывалые продовольственные, финансовые и иные затруднения. Выправить советские финансы надлежало теперь Сокольникову, послу в Лондоне, вызванному некоторое время назад в Москву со специальной целью, но, видимо, и этот советский финансовый чародей увидел, что при режиме Сталина наладить финансы будет невозможно, и поэтому сегодняшние телеграммы принесли сообщение, что Сокольников уже арестован чекистами и отправляется в ссылку в Сибирь. Может быть, это и лучше, по поговорке: чем хуже, тем лучше. А что в Советской России в данное время очень худо, доказывается тем, как люди не перестают, несмотря на все опасности на пути, бежать из этого ада социалистического экспериментирования.

В Шанхае снова получены сведения из Токио от 5 декабря ужасающего характера. В этих сведениях сообщается: к берегам Японии прибило шлюпку с 4-мя беженцами из бухты Светлой[1]. Трое из беглецов были полуживы, один оказался мертвым. Кроме того, на остров Хоккайдо прибыло вновь пять человек. На южный Сахалин прибыло пять человек. В японских водах рыбаками опять обнаружены плывущие к берегам Японии кунгасы с беженцами. По собранным от при-

---

[1] От слова прозелит: 1. Человек, принявший новое вероисповедание. 2. Новый горячий приверженец чего-нибудь (*греч.*).

бывших показаниям, они бегут от ужаса стерегущей всех смерти, так как лишенцы в концентрационных лагерях оставлены на зиму без запасов продовольствия и одежды.

17 декабря. Вчера вечером побывал в Русском клубе, чтобы посмотреть, что он из себя представляет в один из таких недельных вечеров, когда бывает игра в лото, от которой клуб богатеет. Для игры в лото собралось человек сто. Были тут и русские, и евреи; большинство, пожалуй, дам – как из числа скучающих и смотрящих на игру в лото, как на приятное и занятное времяпрепровождение, так и из числа тех, что пришли выиграть на бедность. Игра в лото происходит в нижнем зале клуба. В верхнем зале было занято публикой пять столов: четыре за картами (вероятно, бридж) и один за китайской игрой мачжан, той самой, от которой посходили с ума многие наши дамы. В бильярдной, которая теперь находится в отдельном помещении во дворе клуба, было человек двадцать народа, следивших за игрой местных чемпионов биллиардного кия. В читальной комнате за столом было пусто: только на диване в углу я вспугнул парочку прильнувших друг к другу молодых людей, которые, видимо, проводили время в приятном флирте. На столе я нашел «Иллюстрированную Россию», «Рубеж» и несколько местных газет, но ни «Возрождения», ни «Последних Новостей» из Парижа я не видел. Кажется, читальня находится в полном пренебрежении. Материально клуб благоденствует, но культурное его значение, можно думать, более чем слабое. Руководителей его, местных честолюбцев волостного масштаба, эта сторона дела, видимо, мало интересует.

В клубе я должен был встретиться с его председателем А.А.Орловым, но он не пришел. Как я узнал сегодня, он выезжал на вокзал для встречи вновь поставленного епископа Виктора. Последний вчера приехал сюда из Пекина, чтобы устроить здесь свои дела и затем переехать уже на постоянное жительство в Шанхай. По своему приезду в Тяньцзинь епископ Виктор с вокзала проехал прямо в Покровскую церковь, где отслужил молебен и благословил всех собравшихся, сказав им теплое прочувствованное слово. Народу в церкви было так много, как бывает это на Рождество или Пасху.

Епископа Виктора я знаю с 1921 года, когда мы впервые встретились с ним в стенах Русской Духовной Миссии в Пекине. Тогда это был еще совсем молодой человек, только что пробравшийся в Китай из Туркестана, бывший офицер армии Дутова. При мне состоялось пострижение его в монахи. На моих же глазах затем развертывалась его пастырская деятельность в Тяньцзине, где он заслужил любовь прихожан благодаря своей доброте и отзывчивости. Теперь он епископ. Это наш епископ, свой, – говорят местные русские люди. Он вышел из нашей беженской среды, мы его любим.

К сожалению, молодой епископ почти все свое епископское время провел на миру, ему не пришлось посидеть в тиши монастырской кельи. Мне кажется, он вступает в свое епископское служение без достаточного запаса богословских знаний. За свое пребывание здесь он

---

[1] Бухта на севере Приморского края, Японское море.

не усвоил так необходимых в Китае языков: английского, китайского. Едва ли поэтому он сможет развить здесь когда-либо миссионерскую деятельность. Он был и останется нашим беженским пастырем, любимым своею паствой.

18 декабря. Воскресенье. Весь день провел на людях. На завтрак был приглашен нами Чжан Гочен. Кроме него были И.А.Головко-Улазовский и Ф.С.Москвитин.

В четыре часа я отправился с ответным визитом к Н.А.Щелокову. В его милой семье я встретил большое внимание к себе и с большим удовольствием просидел у него около двух часов. На обратном пути зашел ненадолго в Покровскую церковь, посмотрел служение епископа Виктора.

Вечером меня навестил Mr. More.

19 декабря. Сегодня дважды пришлось побывать в Бюро общественной безопасности и получить наконец свой новый паспорт. Вечером на прогулке я встретился на улице с епископом Виктором. Я проводил его до набережной Бэй-хо. Он рассказал мне кое-что из его недавнего путешествия по Европе и, между прочим, об интересной мимолетной встрече его в Берлине с нашим общим знакомым, генералом И.В.Тонких, перешедшим еще в бытность последнего в Китае на советскую службу. Епископ пригласил меня зайти как-нибудь к нему, чтобы посмотреть вывезенные им из Европы книжные новинки и альбомы.

20 декабря. Побывал сегодня же у епископа Виктора, пересмотрел все альбомы и фотографии, вывезенные им из путешествия в Европу. В Тяньцзине епископ предполагает прибыть до Крещения. Надумал послезавтра поехать в Пекин, где хочу полечиться у немецких докторов.

21 декабря. Из-за некоторых дел придется отложить мне свою поездку в Пекин на послезавтра, т.е. на 23 декабря. Собирался было поехать со мною в Пекин и Mr. More, но вчера отказался от своего намерения.

22 декабря. Пришло Рождественское приложение к газете «Слово» в виде отдельного иллюстрированного журнала[1]. В этом приложении и в самой газете, в номере от 18 декабря, напечатаны пять моих статей и заметок. Это «Иркутская группа областников (из воспоминаний)», «Памятка Сибиряка», «О будущем Сибирского областничества», «Сибирская реликвия в Пекине» и «Знамя Ермака»[1]. В приложении помещен мой портрет. Приятно было узнать, что цветная обложка приложения оказалась работы К.А.Хорват.

Завтра, выезжаю в Пекин для лечения. Господи, благослови!

[2]*23 декабря.* В половине девятого, утром, мы с женой выехали в автомобиле на вокзал. Меня проводил туда и И.Н.Головко-Улазовский. Я занял место во втором классе. Посидели вместе в вагоне, побеседовали; потом я простился с женой и с Улазовским. Поезд тронулся в 9 ч[асов] 15 минут. К моему удовольствию, в поезде оказались знакомые. Ко мне подсел Ровенский*, молодой человек, владелец

---

[1] Слово: Рождеств. прил. 1932. 18 дек.

транспортной конторы в Тяньцзине. Его отца, старого ссыльного в Сибири, бывшего народовольца, я хорошо знал еще по Иркутску. Ровенский ехал на иностранные праздники в Пекин, погостить у комиссара почты Полетти. Оказывается, их жены – родные сестры. В беседе время шло незаметно.

Подсел к нам ненадолго Заднепровский, в прошлом белый офицер, теперь владелец молочной фермы в Тяньцзине. Заднепровский – страстный охотник и не покидает охотничьего спорта и здесь, в Китае. Сейчас он совершенно один, без компаньонов, едет на охоту в провинцию Шэньси, примерно на две недели. Признаться, эта поездка меня удивила: как хочется таскаться так далеко, с ружьем, да еще одному, да еще и по Китаю.

В окно вагона я еще увидел старика Землякова, туркестанца, тоже ехавшего куда-то с нашим поездом.

В половине пути я вышел во время одной остановки поезда на перрон, чтобы немного подышать свежим воздухом, и встретил А.А.Орлова. Он ехал в Пекин для доклада архиепископу Симону о желании Совета Православного братства Тяньцзиньской церкви иметь настоятелем последней о[тца] П.Рождественского.

В Пекин наш поезд прибыл по расписанию. Рикша быстро домчал меня от вокзала до квартиры Я.Ф.Зверева, где я был радушно встречен хозяевами. Зверевы живут в Посольском квартале.

В час дня я позавтракал у них, а в два уже был на приеме у зубного врача Баранова в Рокфеллеровском госпитале. Пришлось долго ждать своей очереди. Я заметил, что у Баранова прибавилось много важности. Он просмотрел мой последний рентгеноскопический снимок зубов и заявил мне, что выдергивать зуб почти нет необходимости, подтвердив этим отзыв тяньцзиньского дантиста немца Эдера. Это меня, можно сказать, обрадовало: за последнее время я стал сильно нервничать перед зубными операциями и теперь был доволен, что этих операций больше не будет.

Я обратил внимание на то, что Рокфеллеровский госпиталь переполнен публикой, чающей лечения, почти исключительно из китайцев. Что это означает? Подтверждает ли это хозяйственную депрессию, порождающую больных, или же все усиливающееся доверие китайцев к европейской медицине?

По выходу из Рокфеллеровского института (официальное название Peking Union College Hospital) я немного погулял по Хатаменстрит, в районе напротив Посольского города. Эту улицу я нашел увы! – почти в таком же виде, как я ее знавал десять лет тому назад. В общем, Пекин все тот же.

Остаток вечера я провел у Зверевых, поужинав с ними. С Як[овом] Филипповичем, по обыкновению, много беседовали на истекшие, текущие и еще имеющиеся притечь политические темы.

---

[1] Серебренников И.И. Иркутская группа областников: (Из восп.) // Слово: Рождеств. прил. 1932. 18 дек. С. 9; Он же. О будущем сибирского областничества // Там же. С. 10–11; Он же. Памятка Сибиряка // Там же. С. 20–22; Он же (Сибиряк). Сибирская реликвия в Пекине // Там же. С. 50.

[2] Здесь и далее написано почерком А.Н.Серебренниковой.

Вечером, в 9 часов, мы с ним отправились к главе эмиграции Д.Л.Хорвату, продолжающему обитать, как и ранее, в доме бывшего Австрийского посольства. Генерал был дома. Он радушно встретил нас, предложил чашку чаю. Беседовали о многом. Между прочим, в этой нашей беседе я попытался выяснить давно интересовавший меня вопрос о том, кто же именно вернул в 1918 году адмирала Колчака с его пути из Америки в Месопотамию и направил его в Харбин. И из полученных мной разъяснений я узнал, что виновником сего обстоятельства был не кто иной, как сам генерал Хорват. Он не пожелал возглавлять собою накопившиеся в 1918 году в полосе отчуждения Кит[айской] Вост[очной] жел[езной] дор[оги] Белые силы и искал возглавителя. Его выбор остановился на адмирале Колчаке как весьма популярном лице. Последовали переговоры Хорвата с российским посланником в Китае князем Кудашевым. Оба они, т.е. ген. Хорват и князь Кудашев*, ездили вместе к английскому посланнику в Китае. Последний телеграфировал в Лондон, и английское правительство дало разрешение Колчаку отправиться в Харбин.

Вернулись мы домой от Хорвата часам к 10-ти вечера и долго еще затем сидели и беседовали на разные темы. Зверев рассказал мне немало интересного о местных русских резидентах, о русских женах иностранцев и т.д. Между прочим, у Элдера, богатого англичанина, ближайшего друга и советника маршала Чжан Сюэляна, жена – русская, в прошлом, кажется, танцовщица одного из мукденских баров, дочь едва ли не стрелочника Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги], но тем не менее красивая и эффектная женщина. Супруги Элдер занимают ряд фешенебельных комнат в Hotel de Pekin. Говорят, что они проживают не менее десяти тысяч долларов в месяц. M[ada]me Элдер намеревается купить себе у Я.Ф.Зверева соболий мех и заплатить за него 11 500 долларов. Таковы-то дела человеческие.

24 декабря. Ночь у Зверева провел не очень хорошо. Что-то не спалось на новом месте. Утром я отправился в Немецкий госпиталь и при любезном содействии О.Л.Зверевой записался на прием к профессору Кригу. До приема, который должен был быть в 12 часов, отправился я бродить по улицам Маньчжурского города полюбоваться той пестрой красотой, которой отличаются торговые улицы этого города. Зашел я в фешенебельный Hotel de Pekin и побывал здесь в книжном магазине «The China Bookseller», владельцем коего состоит француз Vetch. В магазине этом разыскал я бухгалтера, моего старого пекинского знакомого В.И.Розанова*. Встретились дружески.

В магазине множество книг о Китае. В Тяньцзине я ничего подобного не видел. Я был поражен вообще тем обстоятельством, что так много выходит теперь новых книг о Китае. Кажется, иностранцы лучше знают сейчас Китай, чем сами китайцы.

Ровно к 12 часам я был в госпитале. Не без волнения я направился на прием к проф[ессору] Кригу. Он начал исследовать меня, постукивать, послушивать и затем измерять давление крови. Окончив измерение, он быстро вскочил и убежал к своему письменному столу. Мне сказали, что я могу одеваться. В своей приемной комнате Криг сказал Ольге Львовне:

– Его нужно положить в госпиталь на испытание. При его возрасте нормальное давление крови не должно превышать 130, а у него – 200. Этак он может кончиться в любой момент.

Признаюсь, это открытие ошеломило меня. Дело оказалось серьезным. Пришлось согласиться лечь в госпиталь. Было только одно маленькое препятствие: завтра иностранное Рождество, дня два госпиталь не будет работать полным ходом – не лучше ли мне обождать? Но после некоторых колебаний я все же решил лечь туда сегодня же, не откладывая в долгий ящик. С этим решением я и вернулся к Зверевым.

В 4 часа дня я уже перебрался в госпиталь, где занял комнату № 3 с оплатой в 12 долларов в сутки, надеясь перейти потом в более дешевую комнату, шестирублевую, как только таковая освободится. Авансом я внес за свое лечение в кассу госпиталя 100 долларов. Итак, в первый раз в своей жизни за все свои пятьдесят лет я оказался в госпитале.

К вечеру мне уже принесли какую-то темного цвета микстуру, кажется, это был йодистый калий, и еще что-то в растворе, затем таблетка «Animda». Так началось мое лечение. Часов в 8 вечера меня навестил Як[ов] Фил[иппович] и просидел у меня около часа. В 9 часов я лег спать, но долго не мог уснуть: провозился часов до 12. В голову лезли разные думы. Невольно вспомнил я, как моя добрая жена настойчиво отправляла меня «к немцам» в Пекин. Я упирался. Она настаивала. Своим женским сердцем она предчувствовала, что со мной творится что-то неладное, что нужно скорее ехать к докторам.

– Немцы поставят тебя на ноги, – говорила жена, – вот увидишь!

Дай Бог, чтобы это случилось, думаю я теперь.

Был иностранный сочельник. Где-то вдали слышалась музыка – исполнялись какие-то торжественные церковные гимны. Где это было, я не мог понять.

25 декабря. Иностранное рождество.

Проснулся я около 9 часов утра. Вскоре вошла ко мне немка, сестра милосердия, и приветливо спросила меня:

– Haben Zie gut geschlafen?

– Gut, – ответил я.

– Хао бу хао? – спросила она еще и по-китайски.

– Хао! – ответил я.

До утреннего завтрака я успел одеться и побриться. Мне принесли порич (овсяную кашу), полную тарелку, пару яиц всмятку, компот из яблок, масло, варенье, тосты и два кусочка кекса. Для меня, непривыкшего к утреннему завтраку, этого было более чем достаточно. Я, однако, съел все с большим аппетитом. Я невольно подумал про себя:

– Вот так больной!

Утром зашел посмотреть на меня проф[ессор] Криг и разрешил мне гулять на свежем воздухе, когда я захочу. Это меня очень порадовало. Вскоре пришло первое письмо из Тяньцзиня от жены. Дома все было благополучно.

На моем столе появилась новая коробка с лекарствами. Nitro sedoran – это предназначалось для уколов, чтобы снизить давление крови. Обед был обильный и тоже очень понравился мне.

Часа в 4 дня я перешел в более дешевую комнату № 6. Понемногу осмотрелся. Я увидел, что госпиталь с 1922 года, когда я жил в Пекине, увеличился разными пристройками, пожалуй, более чем в три раза. В нем теперь до 120 комнат для больных, и почти все заняты. Две трети пациентов – китайцы, треть – европейцы. Было счастьем для меня, что мне удалось захватить дешевую комнату.

Днем совершил прогулку по Morrison street. Она стала как будто несколько наряднее и живее, чем была раньше.

По-видимому, все мое лечение на первое время будет состоять в снижении давления крови.

– Мы можем это сделать, – сказал мне сегодня д[окто]р Стикфорд, – но это будет медленно.

Служебный персонал госпиталя мне нравится: все вежливы и предупредительны.

26 декабря. Утро до обеда пробыл в госпитале. Около часу дня меня навестил д[окто]р Криг. Измерили давление крови, оказалось уже меньше – 180. После обеда гулял по ближайшим улицам. Вечером прогостил у меня, с 5 до 7 ч[асов], Я.Ф.Зверев. Он рассказал мне, что в этом госпитале некоторое время тому назад лечился и здесь же скончался Н.П.Пумпянский, социалист-революционер, известный в летописях революционной борьбы в Сибири. В последние годы он был на службе у большевиков и получал 1000 иен жалованья в месяц. Умирая, он не скрывал того, что служил большевикам только ради «шкурных интересов», и заявил, что не верит в успех коммунистического эксперимента. По словам Я.Ф.Зверева, Пумпянским были написаны мемуары, которые после его смерти были положены на хранение в сейф одного из местных банков.

Место, освободившееся за смертью Пумпянского, было занято проф[ессором] Устряловым. Кажется, это дипломатическое представительство Кит[айской] Вост[очной] ж[елезной] д[ороги] при Маньчжуго в Чанчуне.

27 декабря. – Хао бу хао? – говорит мне утром сестра милосердия.

– Хао! – отвечаю я неизменно. Я уже начинаю привыкать к своему госпитальному бытию.

Утром шатался по городу. Зашел к Зверевым, где получил письмо от жены. После обеда у меня взяли кровь для исследования. Это исследование давно меня интересует. Какие-то это даст результаты?

Вечером снова побродил по городу, потом в госпиталь и за книги. С интересом читаю «Современники» Алданова[1]. Порой становится скучно. Долго ли придется пробыть в госпитале?

28 декабря. Не понимаю хорошо плана лечения. Пока снижают давление крови. Может быть, это и весьма важно. Но почему нет дальнейшего исследования состояния моего здоровья? Почему не обращают внимание на состояние моей печени, ног? А, впрочем, может быть, я напрасно нервничаю. Всему придет свой черед.

После обеда я съездил в North China Language School, где имеется отличная библиотека с огромным подбором книг о Китае. В самом колледже книги можно читать беспрепятственно, хоть весь день, а для того, чтобы получать их на дом, надо добыть рекомендацию и

внести 5 долларов залога. Я взял для просмотра труд англичанина Baddeley «Russia, China and Mongolia»[2]. Это огромный труд, в двух томах. Пожалуй, это единственная в мировой литературе работа по полноте исторических сведений, относящихся к первоначальным отношениям России с Монголией и Китаем. Просмотр книги доставил мне много удовольствия. Кажется, я разыщу в ней немало интересных и новых для меня материалов для моей статьи «Албазин и Албазинцы».

29 декабря. Вчера вечером долго не мог уснуть: одолевали разные пессимистические настроения на тему: старость не радость! Посмотрел утром на себя: много седины, совсем выгляжу старичком. Я чувствую, что преждевременно состарился благодаря моим болезням, которые начали одолевать меня с 1927 года. Надо все же выправляться. Лучше поздно, чем никогда. Давление крови показало сегодня 182. На моем столе появился еще один новый медицинский препарат [зачеркнуто: для впрыскивания, с содержанием 2% йода. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

После обеда был снова в библиотеке North China Language School. Сделал ряд выписок и переводов из книги Baddeley.

30 декабря. По-видимому, анализ крови дал какие-то скверные для меня результаты. Д[окто]р Криг сказал сегодня мне, что мое лечение может занять четыре–шесть недель.

– Вопрос идет о лишних 20–30 годах жизни для вас, – добавил он.

Что-то долго нет писем из Тяньцзиня, от жены. Начинаю беспокоиться. Может быть, она не пишет, потому что собирается приехать сюда к Новому Году.

В 5 часов вечера ко мне зашел Зубец и принес мне для просмотра свою рукопись, страниц в 200, на тему «Моя служба в Китайских войсках».

31 декабря. Писем из Тяньцзиня все нет. Не понимаю, в чем дело. Начинаю, по своей нервозности, сильно тревожиться.

Пошел сегодня побриться в парикмахерскую «Apollon» – она же и парфюмерный магазин, на Legation Street. Владелец ее оказался моим земляком, иркутянином. Фамилия его Фомин. Он покинул Иркутск еще в 1912 году. Я разговорился с ним. Оказывается, Фомин прожил 8 или 9 лет на Яве, где имел чайные плантации, уже несколько лет находится в Китае. Знает языки малайский, голландский, немецкий, английский, китайский.

– Ну каков климат на Яве? – спросил я его.

– Ох, не говорите, – махнул он рукой. – Круглый год потеешь и день, и ночь. Я измучился. Отнялись ноги. Стал доходить до истерии. Однажды со мной произошла галлюцинация: вижу, валит крупными хлопьями снег, так прохладно, хорошо было, как у нас в Иркутске.

---

[1] Алданов М.А. Современники. Берлин, 1928.

[2] Baddeley J. Russia, Mongolia, China, being some record of the relations between them from beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A.D. 1602–1676. London: Macmillan and company, limited, 1919. 2 vols.

Очнулся от галлюцинации – и разревелся, расплакался. Мы с женой после этого решили: будет! Надо менять место. Мы уехали в Харбин, где я прожил более года; ноги мои пришли снова в порядок, и здоровье поправилось.

Предприятие Фомина в Пекине работает, по-видимому, хорошо: за одно только помещение оно выплачивает 275 долларов в месяц.

Днем произошла неприятная встреча с русскими пьяницами-попрошайками. Один из них долго шел рядом со мною, клянчил на выпивку:

– Это наш, русачок, – говорил он мне и про меня. – Этот уж даст на похмелье.

Я дал попрошайке десять центов. Он остался недоволен.

– Чего мало даешь, давай больше!

Но все же отстал от меня.

[1]1933-й год[2]

1 января. Новый год встретил в постели. Как будто нарочно, уснул я вчера очень крепко в 9 часов и проснулся только около пяти утра. День провел по шаблону, уже сложившемуся у меня в моем госпитальном бытии. После обхода меня навестил о[тец] Василий Дэ, протодиакон Духовной Русской Миссии в Пекине, мой старый знакомый и друг.

Сегодня впервые совершил прогулку по городской стене Пекина, в пределах Посольского квартала.

Писем от жены все нет и нет.

2 января. Наконец, пришли письма от жены. Дома все в порядке. Получил поздравление с Новым годом от И.Н.Головко-Улазовского. Жена собирается приехать сюда погостить денька на три – четыре к русскому Рождеству.

3 января. – Хао бу хао?

– Хао, – отвечаю я сестре, и кажется, я действительно уже стал чувствовать себя много лучше.

Утром, гуляя, зашел к Зверевым и узнал здесь новость: японцы заняли Шанхайгуань. По этому поводу мы открыли дискуссию, в которой принял участие бывший в это же время в гостях у Зверева тяньцзинец Максимов.

После обеда я побывал в магазине The China Booksellers, где знакомился с книжными новинками о Китае. Любопытный факт: при мне зашли в магазин молодые китаец и китаянка и спросили, нет ли в продаже Карла Маркса. Поистине, несчастные наивные люди, думающие, что Карл Маркс спасет их от агрессии японского империализма! Побродил по огромному базару Дунь Ань Ши Чан, где мое внимание привлекла китайская книжная лавка. Присматривался, не найду ли русских книг, и нашел. Это были чудные издания Вольфа, три книги, совершенно новенькие и чистенькие, в изящных переплетах: полное собрание сочинений Загоскина, затем описание Кавказа и описание Крыма; последние две книги с многочисленными иллюстрациями. За все три книги китаец спросил с меня 12 долларов. Это, конечно, дешево.

Вечером меня навестили И.Н.Веревкин, профессор одного из местных китайских университетов, и Зубец*. Последнему я изложил свое мнение относительно его рукописи, и затем мы беседовали до 9 часов вечера. Проводив гостей, я еще не ложился с полчаса. Вдруг в комнату мою заглянул неожиданно доктор Криг и сказал мне по-

---

1 HILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 4. Л. 143–202 (8 апр. 1933).

2 Записи И.И.Серебренникова.

русски: спать, спать! Делать нечего, пришлось подчиниться приказанию.

4 января[1]. Просидел все утро в госпитале. Измерение давления крови показало: 165. Получил счет госпиталя с 24 декабря по 1 января. Мне следует уплатить 81 доллар. Это выходит более чем по 10 долларов в сутки. Из них 6 за комнату и стол, 1 доктору и 3 на лекарство и анализы. Для меня это, конечно, дороговато.

5 января. Первую ночь провел неважно. Что-то не спалось. Может быть, это было к перемене погоды. У одного из врачей госпиталя, доктора Диппера, умерла дочь, девочка лет семи, от скарлатины. Не так давно от этой же болезни скончалась в госпитале другая дочь его, девочка 13 лет. За свою долгую медицинскую практику в Пекине д[окто]р Диппер, один из лучших врачей столицы Китая, вылечил от всяких болезней тысячи посторонних ему лиц, а своих дочерей спасти не мог. Такова судьба. Говорят, жена доктора в ужасном горе и едва ли перенесет обрушившиеся на нее несчастья.

По улице Хатамын на днях произошел пожар большого дома, населенного русскими. В пламени пожара погибла одна русская женщина. Несколько других русских получили увечья при прыганье из окон. Пожар начался из обувной мастерской, не так давно открытой какими-то русскими еврейчиками и застрахованной в крупной сумме. Невольно появляются думы о нарочитом и преступном поджоге.

Пекин полон слухами о предполагающемся военном вторжении японцев в Северный Китай.

6 января. Сегодня – наш русский Рождественский сочельник. С утра стояла отличная погода, со свежим бодрящим воздухом и обилием солнечного света. Я совершил хорошую прогулку в пределах Посольского квартала и на вокзале в 12 часов дня встретил жену, с ней же вместе приехал и И.Н.Головко-Улазовский, никогда ранее не бывавший в Пекине и решивший теперь посвятить русские праздники ознакомлению с прежней столицей Китая.

Встреча наша, конечно, была радостная. Кажется, жена не ожидала, чтобы ее больной муж мог выйти на вокзал для ее встречи.

Приехавшие заехали к Зверевым, где и позавтракали. Я пообедал у себя в госпитале.

Часов около двух мы все трое отправились на прогулку на Morrison Street и порядочное время побродили по базару Дунь Ань Ши Чан, где можно найти и купить все, что нужно и не нужно.

После прогулки весь вечер, до восьми часов, жена пробыла у меня в госпитале, сообщила мне все тяньцзиньские новости, рассказала содержание писем, которые пришли ко мне за мое отсутствие в Тяньцзине. Я поделился своими впечатлениями о моем госпитальном житье-бытье в Пекине. Жена нашла, что я выгляжу теперь немного свежее и бодрее, чем это было ранее, и советовала мне запастись терпением и терпением, чтобы основательно подремонтироваться! Я обещал это сделать.

---

[1] Здесь и далее написано почерком И.И.Серебренникова.

Рад я был и куче номеров шанхайского «Слова», которые были привезены для меня из Тяньцзиня. То-то будет у меня теперь чтения!!

Переписала жена для меня кусочек стихотворного фельетона о нашем общем знакомом по иркутской жизни И.И.Попове*, бывшем редакторе известного в истории Сибири «Восточного обозрения». Это фельетон, принадлежащий перу остроумного Лоло (Мунштейна). Я хочу записать его здесь, чтобы сохранить на память сибирякам. Вот этот фельетон:

Иван Иванович Попов,
Один из наших убежденных
Освободителей «рабов»,
Давным-давно освобожденных...
Он произнесть желает речь,
Чтобы в сердцах детей зажечь
Мечту о братстве и свободе...
(Еще была свобода в моде!)
Но в детский праздник в Рождество.
Никто не слушает его...

Попов – занятная фигура,
Мишень для шутки, каламбура.
Красноречив, но на беду
Он с алфавитом не в ладу.
Сказать он хочет «В женском деле»,
Из уст выходит «В женском теле»,
Сказать желаем «Новый Год»,
А произносит «Новый Кот».
– Вот вам икрушки и конфетки,
Глятите, хватит тут для всех.
Телитесь же по-братски, тетки, –
И раздается звонкий смех.

По этому стихотворению мы с женой весьма живо представили себе И.И.Попова, который действительно, не мог произнести звонких согласных звуков. В свое время, проживая уже в Москве, он сотрудничал в журнале «Женское Дело». Я как-то, кажется, уже в 1915 году встретился с ним в Первопрестольной.

– Ну, как живете-можете, Иван Иванович, – спросил я его, – что поделываете?

– Да вот все вожусь с «Женским телом», – ответил он мне.

Я, конечно, не мог не рассмеяться, услышав такой ответ.

Старые воспоминания! Так порой наши фельетонисты вызывают в памяти картины и образы прошлого. Неужели все мы – только уже в прошлом? Будущее отнято ли у нас? Хочется верить: еще нет!

7 января. Рождество Христово!

Жена и ее спутник утром сделали свою первую прогулку для ознакомления с достопримечательностями Пекина. Они побывали и погуляли на городской стене Пекина в районе Посольского квартала и затем совершили прогулку к южным воротам Императорского города. Здесь они побывали в Храме-пантеоне предков маньчжурских императоров.

Обед для жены я заказал в госпитале, и, таким образом, мы пообедали вместе. После обеда жена и И[ван] Н[иколаевич] отправились на автомобиле снова в экскурсию по Пекину. Вечер жена провела у

меня. Вместе поужинали. Так прошел у меня первый день праздника. С визитом за весь день я побывал только у Зверевых.

8 января. Утром жена в качестве чичероне сопровождала И[вана] Н[иколаевича] в поездках по осмотру Пекина. Я же побродил немного по окрестным улицам. На Morrison Street я встретился с генералом Томашевским, зашел на полчаса в его квартиру, которая оказалась вблизи от места нашей встречи. У генерала нашел некоторые интересные фотографии Колчака, Гайды и ген[ерала] Дитерихса и взял их для переснимки.

После обеда мы все трое, т.е. я, жена и И[ван] Н[иколаевич], совершили на мотокаре[1] поездку сначала в Бэй Хай, а затем и в Храм Неба. С вершины холма, с террасы знаменитой Ламаистской дагобы в Бэйхае, я долго любовался той чудесной панорамой, которая расстилалась прямо подо мною внизу, в южном направлении. Передо мною был как на ладони весь прославленный Запретный город Пекина с его чудесными дворцовыми строениями. Здесь, в этом городе, жена вчера осматривала восточную секцию дворцового музея. Среди множества интересных вещей, которые ей пришлось увидеть там, были и игрушки императора Пу И, теперь повелителя Маньчжурского государства. Увидят ли эти игрушки вновь своего хозяина здесь?

В Бэйхае мы сделали ряд фотографических снимков, которые, по моему мнению, должны бы оказаться интересными. Снялись мы с женой, между прочим, здесь, у белой сосны.

Храм Неба, как и всегда, произвел на меня сильное впечатление своим торжественным уединением и гордой молчаливостью. Переваривая вечером свои пекинские впечатления, я пришел к заключению, что китайцы более осмысленно умели строить свои дворцы для своих богдыханов, чем европейцы для своих королей и императоров. Прежде чем попасть на прием к богдыхану, нужно было пройти по длинному каменному помосту, через ряд каменных ворот-арок, мимо триумфальных колонн, изваяний львов, попасть затем в первый двор Императорского города, затем во второй, третий и т.д. Я представляю себе, каким трепетом должны были наполниться сердца посетителей, когда они совершали таким образом свой путь к богдыхану. Это было совсем не то, чтобы подъехать прямо ко дворцу и затем сразу попасть на прием к какому-либо европейскому королю или императору. Не было тут должной подготовки соответственного настроения у шедшего на прием.

За сегодняшнюю поездку по Пекину я все же порядочно утомился.

9 января. Ночь провел хорошо. Спал крепко. Немного натрудил только себе ноги после вчерашнего лазания на холм Бэйхая.

Утром мы с женой закупали подарки для наших тяньцзиньских друзей. В 4 часа проводил жену и И[вана] Н[иколаевича] на вокзал. Остался снова один, в Пекине. Дни, когда гостила здесь жена, пролетели как-то особенно быстро.

10 января. В городе чувствуется тревога. В Посольском квартале можно видеть, как китайцы свозят сюда хорошо упакованные ящи-

[1] Motorcar – автомобиль (*англ.*).

ки с ценностями. Пожалуй, они боятся не столько прихода японцев сюда, сколько могущих произойти грабежей китайских солдат. Мне передавали, что многие маньчжуры, особенно из числа обедневших теперь, выбираются из Пекина в Маньчжуго при содействии агентов некоей державы.

11 января. Навалилась скука. И нависли мрачные думы. Почти весь день пролежал в госпитале, в ничегонеделании. Даже не читал ничего.

12 января. Днем, после обеда, побывал в Пекинском клубе, где имел беседу с секретарем клуба г[осподином] Спешневым*. В клубе имеется довольно большая библиотека, в которой немало книг по востоковедению.

13 января. – Удивительный город – Пекин! Одна половина населения в нем ездит, другая возит, – сказал как-то мне один русский шутник.

Я невольно вспомнил об этой шутке, когда прочел сегодня в «The Peking Chronicle», что, по данным последней регистрации, в Пекине имеется 48 195 рикш. Велосипедов в ходу – 82 614. Итого, значит, в пользовании четверть миллиона резиновых шин.

Вечером меня навестил И.Н.Веревкин, преподаватель двух местных китайских университетов, проживающий в Пекине с 1910 года. Он жалуется на боли в желудке и собирается лечь в госпиталь на исследование.

14 января. Утром у меня снова побывал Веревкин. Долго с ним я беседовал на разные темы. Разговорились с ним и на тему о китайских студентах, с которыми мой собеседник возится уже двадцать два года, и, Боже мой, каких только ругательств не высыпалось по адресу таковых. Китайские студенты – и лентяи, дармоеды, паразиты. Ничем серьезно не занимаются и не увлекаются. Даже модный среди них марксизм и коммунизм – это приблизительно то же, что модный галстук для неуча-петиметра, не более.

– Кончат университет, поступят на службу и через два–три года начнут воровать казенные деньги, – как-то заметил я своему собеседнику.

– Зачем через два года? Сразу же! – энергично поправил меня он.

Странно было слушать мне эти грозные филиппики против китайского студенчества из уст человека, советофильские настроения которого известны всему русскому Пекину!

15 января. Воскресенье. Утром с Л.Н.Кукурановым*, бывшим лицеистом и анненковцем, теперь служащим American Express Company, совершил поездку по городу и побывал в Национальной библиотеке Пекина, не так давно здесь возникшей. Библиотека построена в районе Бэйхая, одном из живописных уголков Китая. Подъезд к зданию библиотеки отлично аранжирован. Само здание выдержано в китайском архитектурном стиле. Я подумал: наконец-то китайцы становятся настоящими патриотами своего отечества, коли начали украшать свою древнюю столицу такими чудесными зданиями, и в этом роде высказал свое замечание моему спутнику. Последний, однако, разочаровал меня, заявив:

– Все это построено по американской инициативе и на американские деньги. Затрачены большие средства. Со стороны китайцев были лишь хищения при постройке.

Это замечание вернуло меня к китайской прозе жизни.

Внутри здания также оказалось хорошо: просторно, чисто, светло. Отличные читальные комнаты, в коих мы нашли множество журналов и разного рода справочных изданий. Ради любопытства мы с Кукурановым просмотрели русский карточный каталог. Книг русских оказалось немного: может быть, всего две–три сотни. Были сочинения Потанина, Пржевальского, Позднеева и других русских путешественников по Азии. Среди русских книг по каталогу я нашел и свое «Сибиреведение».

К обеду я вернулся в госпиталь, довольный своей прогулкой, в хорошем расположении духа.

После обеда ко мне заглянул И.Н.Веревкин вместе с дежурной сестрой милосердия. Пришедшие сделали мне следующее предложение: в госпиталь привезли одного немца, некоего г[осподина] Люц, по профессии летчика, серьезно больного. Положить его некуда, так как все комнаты заняты. Поэтому не соглашусь ли я переехать в комнату к Веревкину, более просторную, чем моя, и поселиться вместе с ним. Это даст возможность принять нового больного. Я согласился, сразу же затем перебрался в комнату № 19. По моим соображениям, мое новое положение должно было удешевить мое пребывание в госпитале.

Днем сегодня я еще успел побывать с визитом у В.И.Розанова, моего старого знакомого по моей жизни в Пекине еще в 1920/21 году. Розанов – это бывший студент Петроградского политехнического института, потом генерал Гражданской войны в Сибири в 1918/19 году, гроза Минусинского края. Теперь же это мирный пекинец, бухгалтер книжной фирмы The China Booksellers. Он получает хорошее жалованье, имеет деньги в запасе, миловидную жену и уютную квартирку в девять комнат.

16 января. Вчера вечером долго беседовал с Веревкиным на китайские темы. Я больше слушал, чем говорил. От него я получил полные сведения о русских профессорах и преподавателях в пекинских университетах и колледжах. Сведения эти можно суммировать так. В Бэйпинском университете преподавателями состоят пятеро русских: И.Н.Веревкин, И.С.Бруннерт*, П.П.Ребрин, К.И.Василевский* и А.С.Остроумов*; в Бэйцзинском университете – С.А.Полевой*; в Цин Хуа университете Ф.А.Ченцев (не так давно приехал в Пекин из Парижа) и Широкогоров; в North China Language School – Я.Я.Бранд*; в Peking Union Medical College (Институт Рокфеллера) в рядах профессоров состоят Т.И.Курочкин, П.С.Судаков* и А.Ф.Баранов. Для Гарвардского университета в Америке ведут здесь научную работу по вопросам санскритологии и буддизма барон Сталь-Гольштейн и его помощник Б.И.Панкратов*. По словам Веревкина, Панкратов – весьма выдающийся монголовед, ориенталист вообще с громадной эрудицией, несомненное будущее научное светило.

Интересна судьба Баранова, профессора одонтологии Рокфеллеровского института. В не так давно прошлом он был едва ли не фель-

дшером одной из белых армий, отступивших в пределы Китайского Туркестана. Теперь это профессор лучшего медицинского учреждения во всем Китае, получает жалованье, наверное, не менее чем раньше получал у нас [зачеркнуто: председатель совета министров. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] начальник губернии. Поневоле подумаешь: судьба играет человеком!

17 января. Мой соквартирант по госпиталю расстроен: рентген показал, что у него язва в желудке.

18 января. Побывал в библиотеке North China Language School, закончил выборку материалов об Албазине и албазинцах.

В городе чувствуется некоторое предпраздничное оживление: через неделю Китайский Новый год. Сегодня китайцы отправляют на небо своих кухонных богов, покровителей очага.

19 января. Утро просидел все дома. На улице – бело. За ночь выпал хороший снежок, еще первый в эту зиму в Пекине. Госпитальный бой пояснил нам, что этот снег устроил кухонный бог.

– Вчера люди отправляли его на небо и жаловались: стоит плохая погода, нет снега, много болезней. Небо смилостивилось и послало снег.

Бой, однако, пояснил нам, что он сам не особенно верит во все это, но люди думают так.

20 января. Сегодня я именинник, Получил много поздравительных писем. Вспомнил невольно, как ровно тринадцать лет тому назад в этот же день я оставил Иркутск, устроив себе печальный именинный подарок: изгнание из родной страны. Взгрустнул и поскучал.

Гуляя после обеда в Посольском квартале, зашел для консультации к зубному врачу Прэнтису. Он внимательно осмотрел мои зубы и рентген с них и дал точное и категорическое заключение: надо удалить одиннадцать зубов, все верхние и один нижний. Это заключение совпадает и с моим мнением. Это тоже именинный подарок, не из приятных. Кажется, я расползаюсь по всем швам.

21 января. Заболел палец на левой ноге, причиной чего было неосторожное вырезание ногтя. Еще одна напасть.

22 января. От йодного лечения распух нос. Еще не легче.

23 января. Сижу второй день без прогулки. Кроме основных болезней лечу теперь еще и нос, и палец.

24 января. Мое лечение должно закончиться к 26-му января, как сказал мне проф[ессор] Криг. Боюсь, что больной палец задержит мой выход из госпиталя.

25 января. Давление крови показало опять 190, т.е. немного менее, чем было при поступлении в госпиталь. Криг сказал мне, что главное не в давлении крови, сколько в сильном расширении сердца. По-видимому, я лечусь еще и от склероза. Еще новые открытия.

26 января. Сегодня – Китайский Новый год. На улицах тихо, не слышно хлопушек, не чувствуется поэтому и праздник. Пятый день сижу безвыходно в комнате.

27 января. Еще на день оставили в госпитале.

28 января. Еще держат. Давление крови – 170. Надоело. Начинаю сильно нервничать.

29 января. Воскресенье. Криг осмотрел палец. Заявил, что завтра я смогу выписаться из госпиталя и поехать в Тяньцзинь.

30 января. Ночь почти не спал. Начал собираться с утра в дорогу. На прощальной беседе с Кригом в три часа дня он сообщил мне, что у меня оказалась еще одна болезнь, и он назвал ее. Услышав страшное слово, я побледнел. Со мною едва не случился нервный удар. Не может быть, это ошибка!! Мне захотелось стремглав выбежать из госпиталя.

В 4 часа 25 мин[ут] я выехал из Пекина и в 8 часов вечера был у себя дома в Тяньцзине.

31 января – 7 февраля. С большой радостью добрался до дома. Собрался как-то с духом и рассказал жене о всех моих болезнях. Жена моя мужественно отнеслась ко всему, что узнала от меня.

Палец продолжал болеть и держал все время и сейчас держит дома. 6 февраля доктор Перцель, мой земляк и коллега по иркутской гимназии, сделал мне под кокаином операцию пальца и извлек из воспаленного места осколки ногтя. Сегодня, 7-го февраля, ездил к доктору на первую перевязку. Вот уже 46 дней, как доктора не перестают возиться со мной.

8 февраля. Понемногу закончил сегодня с накопившейся корреспонденцией. Вниманию шанхайского издательства «Слово» предложил свои мемуары за 1917–1922 год и статью «Албазин и Албазинцы».

9 февраля. Теплый день. Тянет на улицу. Однако из-за больного пальца приходится сидеть дома. Усиленно читаю. Прочел восхитительную хронику Лескова «Соборяне» и принялся за роман «Некуда»[1]. Уроков пока очень мало. Мы с женой теперь гораздо более проживаем, чем зарабатываем.

10 февраля. День провел в грустном состоянии. Стал очень мнительным. Все мне кажется: палец мой доболит до того, что его ампутируют или отрежут ногу, произойдет заражение крови, Бог ведает, какие дурные мысли лезут в голову. Пожить еще все же хочется, и все затем, чтобы мельком взглянуть на родные свои сибирские поля и леса.

11 февраля. Начал получать из Харбина «Нашу газету»[2]. Что это еще за газета, пока не могу определить.

Пришло поздравительное письмо из Праги от сотрудников Р[усского] З[арубежного] Исторического архива. Среди подписавшихся проф[ессор] Кизеветтер*, недавно скончавшийся. Вероятно, он подписал письмо за несколько дней до своей кончины.

---

[1] Николай Семенович Лесков (1831–1887). В 1864 г. под псевдонимом М. Стебницкий опубликовал антинигилистический роман «Некуда», в котором резко критиковал идеи современной революционной молодежи «переделать весь свет» без какого-либо определенного представления о том, к чему это может привести. Писатель считал, что нельзя «подводить народ под страдания», что «форсированными маршами... идти некуда». С момента выхода романа в свет за Лесковым прочно закрепилась репутация писателя-реакционера, и значительная часть критики рассматривала его творчество с этой точки зрения, игнорируя художественные достоинства.

[2] Наша газета: Еженед. независ. беспарт. газ. № 1 (1 янв. 1933). Первый редактор С.В.Л.Аткинс (до сент. 1933), затем К.В.Родзаевский (1933–1934) и А.А.Кармилов (с 1934, № 178). Переименована в «Наш путь». С 1941 г. издавалась в Шанхае (1941–1943).

12 февраля. Воскресенье. Забыл вчера записать: был у меня некто Псарев из Калгана. Он доставил мне вести о «старикане» Д.П.Першине и привез от него для просмотра его рукопись: начало воспоминаний. Сам Д[митрий] П[етрович] болен, лежит в Адвентистском госпитале, лечится от рожистого воспаления лица. Псарев сегодня выезжает обратно в Калган, и мы с женой отправили с ним нашему сибирскому деду небольшую посылочку, положили в нее любимые вещи Д[митрия] П[етровича]: кофе, сыру, сигарет.

В воскресный день сегодня нас навестил ряд наших друзей и знакомых.

В свободные часы, лежа на кровати, зачитываюсь Лесковым. Читаю роман «Некуда» и многим поражаюсь. Нахожу в романе прототипы наших большевиков. Откуда такое яркое предвидение? Поневоле начинаешь верить в какие-то особенные пророческие прозрения наших писателей. Программа для вождя русской революции Ленина (проклятое имя!) была уже давным-давно разработана для него одним из героев романа «Некуда» – Бычковым. Вот устремления этого господина, как они изображены в романе. Бычков полагал необходимым: «Залить кровью Россию, перерезать все, что к штанам карман пришило. Ну, пятьсот тысяч, ну миллион, ну пять миллионов! Ну что ж такое? Пять миллионов вырезать, зато пятьдесят пять останутся и будут счастливы». И далее: «Пусть все отделяются, кому с нами не угодно. Мы старого, какого-то мнимого права собственности признавать не станем; а кто не хочет с нами: живи сам себе. Пусть и финны, и лифляндские немцы, пусть все идут себе доживать свое право». Еще: «Мы брак долой!» «Устроим общественное воспитание детей, и будут свободные отношения». И так далее. Можно констатировать, что программа Ленина была полностью изложена в главе четвертой книги второй лесковского романа «Некуда».

Еще несколько слов о прототипах русских большевиков в русской дореволюционной литературе. Вероятно, кто-нибудь и когда-нибудь даст нам эту сводную характеристику большевистского прототипа в русской литературе, пользуясь произведениями Достоевского, Писемского, Лескова и отчасти Тургенева и Гончарова. Кажется, только у Л.Н.Толстого в этом отношении найдется весьма мало материалов: Толстой был большим аристократом духа и не любил копаться в разной гадости.

13 февраля. Все еще не выхожу из дома. Продолжаю читать Лескова да пишу два–три письма в день моим корреспондентам – вот и вся моя работа.

Заметил сегодня, что сказал как-то доктор Розанов, одна из центральных фигур романа «Некуда», про старых русских «нигилистов». Вот это пророческое сказание: «Но зато, вот помяните мое слово, проснется общественное сознание, очнутся некоторые из них самих, и не будет для них на русской земле людей поганее этих Красиных; не будет ни одного из них, самими ими не разоблаченного и не заплеванного». Кажется, Лесков предугадал даже фамилии будущих большевицких знаменитостей.

За романом «Некуда» собираюсь прочесть роман «На ножах», а там, если Бог даст, доберусь и до романа Писемского «Взбаламученное море».

14 февраля. Получаю сейчас пять газет. Это «Наша Заря», «Наша Газета», «Слово», «Голос Азии» и «North China Star». Этого достаточно, чтобы быть в курсе русской эмиграционной жизни в Китае.

15 февраля. Японская газета «Голос Азии» переименована в «Возрождение Азии». Газета передана издательству М.Юрьева[1]. Кто такой Юрьев, не знаю, м[ожет] б[ыть], псевдоним.

Кажется, приближается день, когда Япония выйдет из Лиги Наций. В Вашингтоне ожидают, что война из-за Маньчжурии неизбежна и что в скором времени Япония объявит блокаду китайских портов.

16 февраля. Газеты сообщают о голодных беспорядках и восстаниях в Советской России. Будто бы большие беспорядки произошли недавно и в нашем родном Иркутске. Всегда не знаешь, насколько верно все сообщаемое о теперешней России.

17 февраля. Все мои болезни порой приводят меня в отчаяние. Я несу наказание: м[ожет] б[ыть], за свои и чужие грехи. Несмотря на произведенную операцию, мой больной палец все еще продолжает находиться в воспаленном состоянии и мешает выходить из дома. Если я еще и не теряю бодрости духа, то этим я всецело обязан моей жене, которая не перестает внушать мне надежды на поправление.

Прочел сегодня в «Слове» заметку под заголовком «Сроки приближаются». В этой заметке приведены выдержки из журнала А.Ф.Керенского «Дни», представляющие из себя результат опроса некоторых иностранцев, возвращавшихся в Европу через польско-советскую границу. В пяти ответах можно найти следующие заявления:

В первом: «Существование большевиков уже кончается. Они пережили самих себя».

Во втором: «Большевистская власть уже кончается, ибо для нее выход закрыт тупиком материальной разоренности всего, что создает власть и государство».

В третьем: «Власть коммунистов уже кончилась. Россией фактически управляет голодная деревня, которая ведет за собой власть».

В четвертом: «Падение власти предопределено завершающимся кругом событий...» «Она кончится драматически...» «В России назревают сложнейшие события».

В пятом: «Неожиданность событий в России для меня не будет предметом удивления. Но когда все это произойдет? Может быть, сегодня, а может быть, завтра. Эти сегодня и завтра я исчисляю при определенных условиях в месяцы, а при том, что происходит сейчас, даже в недели...»

Читая ответы такого рода, и веришь, и не веришь. Когда же, наконец, будут ясные ответы на проклятые вопросы: пошли ли большевики в своем русском эксперименте против истории и против здравого смысла? Были ли правы они, красные, или мы, белые?

---

[1] Кояма Ю. К читателям // Возрождение Азии. 1933. № 1 (15 февр.).

18 февраля. В получаемой мной из Харбина «Нашей Газете» начинаю различать сибирские областнические тенденции. Это было для меня неожиданным открытием. В № 36-м газеты от 12 февраля крупным шрифтом напечатано: «Пятнадцать лет тому назад была собрана Сибирская областная дума[1]. Пятнадцать лет тому назад население Сибири выразило свою волю. Этому событию и посвящается настоящий номер нашей газеты».

На сибирские темы напечатано: «Пятнадцать лет тому назад» (передовица), «Полустанок», «Два первых века Сибирской истории» и «Рост сибирского самосознания в XIX веке». Как будто вновь возрождается к жизни лозунг: «Через свободную Сибирь – к Великой России!» Придется запросить знакомых харбинцев, что это такое – «Наша Газета» и почему ее редактором является англичанин S.V.L. Atkins.

19 февраля. Роман Лескова «На ножах» мне не понравился. Он не обладает художественными достоинствами и слишком надуманный. Идея романа, что из среды революционных деятелей могут выходить подлецы высокой марки, не вызывает возражения. Она доказана теперь самой русской революцией и всем бытом. Впрочем, окончательного мнения о романе «На ножах» я еще составить не могу, так как пока прочел только еще три части романа, т.е. половину его.

Воскресный сегодняшний день провел скучновато. Публика здесь уже начала ходить по гостям на блины, поддерживая русские традиции широкой масленицы.

20 февраля. Получил сегодня письмо от редакции журнала «Парус»[2]. Меня извещают, что журнал будет выходить ежемесячно в дальнейшем. Это было приятно узнать. Редакция просит меня продолжать сотрудничать. Не знаю, смогу ли я это сделать, так как сотрудничество предполагается таким, каким было до сих пор, т.е. бесплатным.

Днем через Тяньцзинь проехал в Пекин шут гороховый (с мировым именем) – Бернард Шоу. Этот мерзавец ездит по свету еще с небитой мордой. Когда-нибудь же он должен будет получить возмездие за свой варварский цинизм, если только не околеет скоро от старости! О, Боже! Прости меня за злоречие, но я не могу выносить этого человека!

21 февраля. Жена начала перепечатывать на машинке мою рукопись «Албазин и Албазинцы». Рукопись эта – около пятидесяти страниц. Думаю отправить ее в Шанхай. Зашел ко мне на минуту владыка Виктор с прощальным визитом. Мы тепло простились. Вечером владыка уезжает в Шанхай, к новому месту своего пастырского служения.

22 февраля. Праздник Св[ятого] Иннокентия. С уроками у нас с женой пока слабо. Имеем всего четырех учеников, и наш заработок за февраль составит всего только девяносто долларов. С первого марта у жены прибавляется еще одна ученица, и, может быть, я возобновлю свои занятия с Чжан Гоченом. Тогда наш заработок возрастет до

---

[1] Сибирская областная дума создана на Чрезвычайном областном общесибирском съезде (6–15 дек. 1917). 10 ноября 1918 самораспустилась.

[2] Парус: Лит.-полит. журн. Шанхай, 1931. № 1. Редактор-издатель Д.И.Густав.

145 долларов. Это, конечно, тоже мало. Одно утешение, что в тяжкую пору мировой депрессии мы все же имеем некоторый заработок и не состоим в рядах безработных.

Придется налечь на литературу. Пока на 1933 год у меня в этом отношении еще не сложилось определенного плана. Может быть, я засяду за обработку мемуаров Д.П.Першина, чтобы затем продать их в Америке и поделиться со «стариканом» гонораром. Может быть, то же самое можно будет сделать с мемуарами Зубца, относящимися к его службе в китайских войсках. С этими мемуарами я познакомился во время моего недавнего пребывания в Пекине. Автор согласился предоставить их мне для литературной обработки. М[ожет] б[ыть], я предприму собирание материалов, относящихся к вторжению белых армий в Китайский Туркестан и Монголию в 1920–21 годах и их рассеянию здесь. Эти материалы могут относиться к армиям и отрядам атамана Дутова, атамана Анненкова, Бакича, Кайгородова, Унгерна, Казагранди и др. Если материалов будет достаточно, можно будет засесть за их обработку и написать статью. Статья может тоже уйти в Америку.

[Перечеркнута 21 строка. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Сегодня совершил по городу свою первую прогулку пешком.

23 февраля. После перерыва в два месяца побывал у Чжан Гочена. Он подарил мне на память свою новую, недавно вышедшую из печати книгу. В переводе с китайского заглавие этой книги следующее: «Общее положение СССР. Китайско-Советские отношения». В настоящие время Чжан Гочен готовит для печати статью о русской эмиграции в Китае. В этой статье он выдвигает вопрос об организации в крупных центрах Китая Особых бюро по делам русской эмиграции, с участием в работах этих бюро представителей эмиграции, и рекомендует китайскому правительству воспользоваться услугами русских специалистов в интересах Китая, памятуя пример Петра Великого, усиленно приглашавшего иностранцев на русскую службу. Проект этот, несомненно, имеет свои положительные черты.

За мое отсутствие Чжан Гочен опубликовал в китайской печати ряд своих статей, из коих некоторые содержали в себе предложения новых правительственных мероприятий. Одно из этих предложений уже принято правительством Китая, оно относится к учреждению Правительственного бюро по делам торговых сношений с СССР. Идея – противопоставить советской монополии внешней торговли правительственную организацию Китая, помимо которой ни один китайский коммерсант не сможет вступить в торговые сношения с Советской Россией.

Как видно, ум Чжан Гочена работает отлично, и этому молодому деятелю Китая, воспитаннику русской школы, присуща инициатива. Возможно, он пойдет еще далеко вперед, и еще исполнятся слова китайского гадателя, о котором я писал как-то ранее.

Получил письмо от Д.П.Першина из Калгана. Старик жалуется, что его положение отчаянное. Поговорю с Ф.С. Москвитиным, и мы устроим ежемесячную подписку в пользу Д[митрия] П[етровича]. Тяжка должна быть его такая одинокая и бедная старость на чужбине!!

24 февраля. Надвигаются грозные события, начало которым кладут японцы своим военным вторжением в Джехол.

25 февраля. Телеграф принес известие о смерти архиепископа Симона в Шанхае[1]. Царство небесное почившему! Понемногу уходят с этого света ветераны Русской Духовной Миссии в Китае. Я знал хорошо покойного, когда он был еще архимандритом. Это было в мой первый приезд в Пекин в 1920 году, когда я нашел приют в стенах Духовной Миссии. Архимандрит Симон оказал тогда большое внимание нам с женой и приложил немало усилий, чтобы получше устроить нас в одной из келий монастырского общежития Миссии. Вспоминая теперь покойного, я могу засвидетельствовать, что это был монах в полном смысле этого слова, человек не от мира сего, далекий от тщеславия и честолюбия и прочей людской суетности. Порой мне приходилось видеть огонек в покоях архимандрита в поздние часы, и я уже знал, что это смиренный инок на коленях перед образами молится Всевышнему. Последний раз я видел покойного владыку и получил от него благословение на весеннем выпускном празднике Русской прогимназии здесь в прошлом году.

Сегодня – яркий солнечный день, и я сделал хорошую прогулку по улицам Тяньцзиня. Зашел в магазин «Знание», где просмотрел свежеполученный номер шанхайского «Паруса». В нем напечатаны два моих рассказа из китайской жизни: «Четырнадцатая наложница» и «Отвоеванное благополучие». Последний рассказ имеет кое-что общее с фольклорным сюжетом из лесковского романа «На ножах», недавно мною прочитанного. (Глава «Живой огонь» из шестой части романа.)

26 февраля. Воскресенье. До обеда успел побывать на выставке картин художницы М.А.Мулликин в Court Hotel. Выставлено 60 полотен, все с китайскими сюжетами. Многие картины мне чрезвычайно понравились по обилию в них мягкого, ласкового света.

После полудня был все время дома. Часам к 5-ти у нас были гости. Я долго играл в шахматы с Д.М.Тобоковым, сибиряком-алтайцем. Вечером жена отправилась в театр «Gayety» посмотреть оперетту «Баядерка» в исполнении харбинских гастролеров.

27 февраля. Началось наступление японцев на Джехол. Япония выходит из Лиги Наций. Вот главные события политического момента. Мир с тревогой ожидает дальнейшего развития дальневосточного конфликта. В Тяньцзине пока наружно спокойно. Зазвучал здесь грустный великопостный звон колоколов русских церквей.

28 февраля. Сегодня жена получила письмо (открытку) от ее сестры, Валентины Николаевны Петровой, из Иркутска. Письмо было направлено по адресу квартиры, где мы жили более трех лет тому назад. Жена давно не получала писем от сестры и уже считала, что ее нет на этом свете. И вдруг пришло письмо. Вот что написано в нем: «Дорогая Шура! Вот уже два года, как я не имею от тебя известий, да и сама все не соберусь тебе написать. Я временно уезжала из Иркутска. Теперь опять здесь, на прежней службе. Живу хорошо,

---

[1] Кончина архиепископа Симона: (Некролог) // Хлеб Небесный. 1933. № 3. С. 24–

здорова. Беспокоюсь, как ты живешь и как твое здоровье. Если у тебя есть возможность, пошли американских долларов по следующему адресу: Иркутск, Торгсин (и мой адрес). Это великолепный магазин, где все можно иметь на иностранную валюту. Больше пяти долларов единовременно не посылай. Я не знаю сейчас твоего материального положения. Может быть, для тебя это затруднительно, тогда не беспокойся, обойдусь. Буду ждать от тебя с нетерпением письма, а пока крепко целую. Твоя сестра, Валя».

Выражения «живу хорошо», «это великолепный магазин» мы поняли так, как и следует их понимать применительно к советской обстановке. Когда-то жена более или менее регулярно переписывалась с сестрой и время от времени посылала ей деньги, но затем посторонние люди из Иркутска сообщили нам о необходимости прекратить посылку писем и денег, т.к. это может повредить сестре и она может лишиться даже службы своей. Корреспонденция была прекращена.

1 марта. С утра пошел густыми хлопьями снег. После чая я долго сидел на кресле и с большим удовольствием смотрел на танец снежных пушинок. Это так редко бывает здесь, а мы, сибиряки, так любим снег...

Телеграммы [зачеркнуто: газеты. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] принесли известия о пожаре в здании Германского рейхстага. Нельзя не признать этот пожар симптоматическим. Может быть, последуют большие события в Германии, где нужно ждать взрыва от накопления больших враждебных друг другу сил на крайних полюсах политической жизни страны.

Газета «Возрождение Азии» печатает сумбурные статьи, стремящиеся посеять панику: скоро-де китайцы вырежут всех иностранцев в Тяньцзине. Нет теперь никакой узды для русских газетчиков: пишут белиберду, какая кому взбредет в голову. О том, что такое газетная этика, давным-давно забыли. Печальная действительность, тусклое бытие, заплесневелая общественность. Бежать из болота? Но куда? Да и для того, чтобы бежать, прежде всего нужно здоровье. Вопрос: будет ли лучше в других местах?

2 марта. В Германии отменено действие конституционных гарантий и устанавливается диктатура Гитлера. М[ожет] б[ыть], это поведет к рассечению того мирового гордиева узла, который так крепко был завязан русскими коммунистами.

Пришедший из Шанхая номер «Слова» от 27 февраля имеет вверху крупный заголовок, который содержит следующее: «События в Сибири меняют сложившуюся международную обстановку». Газета содержит заметку о том, что генеральный консул Соед[иненных] Штатов в Харбине, г[осподин] Хэнсон, был запрошен своим правительством о событиях в Сибири. В своем ответе Хэнсон будто бы сообщил, что в Сибири сложилась крайне тревожная и напряженная обстановка. По мнению американского консула, правительство Советского Союза переживает в настоящий момент острый кризис, исход которого неизвестен, поэтому правительству Соед[иненных] Штатов следует повременить с признанием СССР до тех пор, пока сложившаяся в Сибири обстановка окончательно не прояснится.

В номере «Слова» от 26 февраля приведены сведения о сибирских восстаниях против большевиков. Эти сведения относятся преимущественно к Алтайскому району. И веришь тому, что напечатано, и не веришь. Неужели, о Господи, проснулся русский народ и, окончательно отрезвев от коммунистического угара, взялся за свою знаменитую дубину?!

3 марта. Жена засела за печатанье на машинке моей рукописи «Албазин и Албазинцы». Вероятно, я пошлю эту рукопись для издания в Шанхай.

Понемногу начали у нас прибавляться ученики. В марте наше материальное положение уже будет несколько лучше, чем оно было последние два месяца.

Сижу больше дома, почти нигде не бываю. Вечера обычно коротаем втроем: я, жена и наша квартирантка Н.В.Семенова. Порой к нам присоединятся наш новый друг И.Н.Головко-Улазовский. Последний скоро уезжает в Харбин.

4 марта. Сегодня «Возрождение Азии» вечером выпустило экстренный бюллетень со следующими сенсационными заголовками: «Полный развал китайского фронта. Город Жехэ взят японцами. Блестящая операция японских войск. Бунт китайских войск между Пекином и Жехэ. Китайский корпус сдался японцам в районе Шанхайгуаня». Если это так, то для Пекина могут скоро наступить тяжелые дни: деморализованные китайские войска могут ворваться и начать в нем оргию грабежа. Сенсационные новости часто, впрочем, бывают преждевременными. Надо ждать проверки.

5 марта. Воскресенье. В Соединенных Штатах назревает банковский кризис. Так далеко, однако положение это вызывает мое беспокойство: последние свои сбережения я держу в одном из местных американских банков (The National City Bank of New York). Поневоле начинаешь чесать затылок. Новому президенту Штатов, Рузвельту, достается тяжкое наследство...

6 марта. От событий голова идет кругом. Не знаешь, на чем сосредоточить свое внимание. Катастрофическое поражение китайских войск в Жехэ, подход японцев к Северному Китаю, советский хозяйственный кризис, бурная перемена обстановки в Германии, тяжкий финансовый кризис в Америке. Кажется, кризис мировой хозяйственной и политической жизни достигает своей высшей, критической точки. Есть, над чем пораздуматься. Как это еще давно заметил Ключевский, критические эпохи в истории заставляют людей значительно более шевелить своими мозгами, чем это они делают в обычное, тихое и спокойное время. Планетарная эпоха! Апокалипсическая.

7 марта. Был сегодня в местном отделении Национального Городского Банка Нью-Йорка. Большого беспокойства среди клиентов банка не заметил. Немного паникерствуют только китайцы, выбивают назад вклады. Пришла какая-то пожилая русская женщина, подала кассиру свою книжку сберегательного счета и сказала по-китайски: «Тунтун ванли!» Т.е. давай обратно все деньги, что остались еще на счету!!!!

Я взял со своего сберегательного счета часть своих денег и ушел из Банка: взять все не решился – не хотелось попасть в число паникеров.

Это было лет 7–8 тому назад, когда однажды в кругу друзей мы дебатировали вопрос о том, может ли крахнуть Банк Нью-Йорка, один из больших банков мира. Я сказал тогда: «Ну, если этот банк лопнет, конечно: мировой катастрофы не миновать». Мог ли я тогда думать, что нечто близкое к этому все же случится и в не так далеком будущем.

8 марта. Здоровье все не налаживается: опять начал прихрамывать на левую ногу. Лишаюсь удовольствия длительной прогулки по воздуху. Как поправиться, ума не приложу. От скуки вечером уплелся на оперетку «Голубая Мазурка».

9 марта. Ажиотация с изъятием вкладов в местном отделении Банка Нью-Йорка как будто улеглась. Всего же за дни паники из Банка было изъято до полмиллиона серебряных долларов. Свыше 150 000 долларов было снято со сберегательных счетов. «North China Star» пишет сегодня, что в кладовых Банка хранится свыше 7 миллионов серебряных долларов. Банк, кажется, с большой охотой разгружал себя от серебряных запасов.

10 марта. Мои занятия с Чжан Гоченом сводятся теперь к штудированию вопросов советской пятилетки. Он читает мне вслух одну советскую книжонку, посвященную пятилетке, и расспрашивает меня о тех местах, кои кажутся ему не совсем понятными. Прочитанное он переводит затем дома на китайский язык, прибавляя к советскому изложению свои комментарии. Эту свою работу Чжан Гочен предполагает издать особой книгой.

Вечером я был на собрании русского Литературно-научно-философского кружка и слушал лекцию А.А.Орлова на модную теперь тему о технократии. Слушателей было человек двадцать. Не скажу, чтобы я составил себе отчетливое представление об идеях технократии.

11 марта. Был сегодня утром в советском «Центросоюзе». Устроил перевод 5-ти америк[анских] долларов в Иркутск на Торгсин, в адрес сестры жены В.Н. Петровой. На китайские деньги этот перевод обошелся мне в сумму 23-х долларов 75 центов. Пользуясь этим переводом, адресат сможет получить в Торгсине различных продуктов, по своему выбору, приблизительно на десять червонцев.

12 марта. За последние дни начал отыскивать «сибирское» в русской литературе. Прочел сибирские рассказы Елпатьевского. Некоторые из них мне очень понравились. Теперь читаю сибирские же рассказы Мамина-Сибиряка. Дальше думаю возобновить в памяти рассказы Короленко, Тана и др[угих] писателей, пользовавшихся сибирскими сюжетами. Если иметь затем в виду некоторые произведения Достоевского, Лескова, то кажется мне, что при желании можно было бы составить хорошую сибирскую хрестоматию.

Не знаю, доживу ли до того времени, когда Сибирь станет свободной страной, и я вновь увижу в сибиряках возрождение их областнических чувств. Ранее я был уверен в том, что я еще увижу свою дорогую Сибирь, но теперь эта уверенность моя сильно поколеблена, и это случилось не потому, что я стал считать проклятую советскую власть долговечной, а потому, что мое здоровье сильно пошатнулось

за последнее время. Чему быть, того не миновать. Если случится худшее из того, о чем я могу помышлять теперь, то я очень хотел бы, чтобы прах мой все же опочил когда-нибудь на родной земле.

13 марта. Получил для переработки рукопись В.А.Зубца «На службе в Китайской армии». Это воспоминания русского офицера, прослужившего ряд лет в рядах русской группы войск китайского маршала Чжань Цзу Чана [Чжан Цзучана], известного дубаня Шаньдунской провинции[1]. Рукопись содержит интересный материал. Надеюсь, ее можно будет продать в Америку.

14 марта. Моя подписка ежемесячных взносов для поддержки Д.П.Першина успешно продвигается вперед и достигает сейчас суммы около 25 долларов.

Некоторое время тому назад Д[митрий] П[етрович] прислал мне свою рукопись о Монголии. К сожалению, она оказалась не того характера, как я заказывал ее автору. Я просил написать мемуары о жизни Д[митрия] П[етровича] в Монголии (примерно – 1916–1925 годы), надеясь продать эти мемуары в Европе или Америке. Я настойчиво говорил ветерану сибирской журналистики:

– Пишите только мемуары, о том, что Вы лично видели, слышали. Не надо никаких исторических справок, никакой экономики и статистики. Старик не внял все же моим указаниям и теперь прислал мне нечто вроде историко-политического очерка Монголии. Мне пришлось писать Д[митрию] П[етровичу] и снова просить его засесть за мемуары.

15 марта. 2-е марта по старому стилю – день рождения жены. Этот семейный праздник не справляли, но к вечеру собралось все же человек десять гостей. Скромно поужинали и выпили чайку. Я досыта поиграл в шахматы. Часам к 12-ти ночи гости пошли по домам.

16 марта. Сегодня собрался, наконец, с силами, отправился к дантисту Эдеру и выдернул три плохих зуба. Надо было выдернуть одиннадцать зубов, пока же решился только на три. Перед самой операцией меня начала было трясти нервная лихорадка, но вскоре же я взял себя в руки. Моя болезнь, piorrhaea alveolaris (воспаление зубных ячеек), мучает меня с 1927 года. Почти все зубные врачи признают ее неизлечимой. Насколько я смог наблюдать, этой болезнью болеют весьма многие. Радикальное лечение ее – это удалить все зубы.

---

[1] Русские эмигранты, имевшие военный опыт, часто участвовали в китайских конфликтах. Около 3 тыс. человек служили в качестве наемников в составе армии Шаньдунского губернатора генерала Чжан Цзучана (с лета 1924). Формированием отрядов в г. Цинаньфу занимался Н.Д.Меркулов и командир К.П.Нечаев, они получили название Отдельной бригады Авангардной группы войска маршала Чжан Зо-лина (Мукденского), затем 106-й полк. В его составе находилась конница (около 400 сабель), бронепоезда (1-й дивизион – «Пекин», «Тайшан», 2-й дивизион – «Шаньдунь», «Хонань», 3-й дивизион – «Ченджень», «Чендянь»), авиасоединение и интендантство. Прошли с боями от Мукдена до Шанхая и от Тяньцзиня до Калгана, воевали в Северном Китае. Частично идеологической основой Русского отряда было противодействие коммунистическому влиянию в Китае и желание объединить бывшие белые военные части. В ноябре 1928 г. расформирован. Помимо убитых и захваченных в плен похоронено в Цинаньфу около 2 тыс. русских.

17 марта. Побывал сегодня на винодельном предприятии А.Гнадеберга. Он приготовляет вина из местного винограда. В прошлом Гнадеберг – управляющий лесными дачами имения Орлова-Давыдова в Самарской губернии. В послереволюционное время он много лет прослужил в советизированной Монголии, где работал также по лесной части. Года три тому назад он выбрался из Монголии, съездил ненадолго к себе на родину, в бывшую русскую Прибалтику, и затем вернулся в Тяньцзинь, где организовал боардинг-хауз и основал винодельное предприятие. Вина его марки разных сортов пока хорошо расходятся на местном рынке ввиду их хороших качеств и дешевизны. Производство – пока небольшое, носит кустарный характер, но весьма показательно как проявление русской инициативы. В доме Гнадеберг меня приняли радушно, угостили обедом и отличным вином.

18 марта. Почти все мои знакомые постятся, говеют, каются в грехах и причащаются. Я же, грешный, много-много лет не придерживался этого великопостного обыкновения. Каюсь в этом и в других моих грехах, и да простит мне их Господь Бог.

19 марта. После зубной операции моим ногам стало легче. Кажется, доктор Прентис в Пекине был прав, когда посоветовал мне удалить зубы.

20 марта. Скверная, мрачная погода. Плохое настроение. На политическом горизонте – мертвый штиль, мелкая зыбь. Не затишье ли перед бурей?

Моя корреспонденция почему-то заглохла: за последнее время получаю мало писем. Пришло сегодня извещение, что мой реферат на тему «О шаманизме в Китае» назначен к чтению в местном Литературно-научно-философском кружке на пятницу, на этой неделе, 24 марта, в квартире Н.А.Жебрак. Хочу прочитать этот реферат, чтобы услышать какие-либо возражения, разъяснения, дополнения. Тороплюсь прочесть его, ибо, кажется, он скоро будет напечатан в № 11-м шанхайского журнала «Парус».

21 марта. В газетах промелькнули сведения об аресте японцами в Маньчжурии некоторых выдающихся деятелей русской эмиграции. Такие аресты произошли в Мукдене и Харбине, где объектами внимания японской разведки стали представители генерала Хорвата как главы русской эмиграции на Д[альнем] Востоке. Подробности неизвестны. Ходят слухи, что арестованным вменялось в вину шпионство в пользу маршала Чжан Сюэляна. Едва ли можно сомневаться в том, что обвинения такого рода абсурдны. Видимо, японцы в Маньчжурии проявляют излишнюю нервозность. В некоторых кругах эмиграции здесь, в Тяньцзине, считают, что эти японские аресты белых в Маньчжурии надо относить на счет политических интриг атамана Семенова. На чем основаны такие предположения, не знаю.

22 марта. В Тяньцзине некоторыми русскими деятелями затевается организация какого-то нового общества. Кажется, это будет Эмигрантский союз. Я получил приглашение пожаловать назавтра на организационное собрание, созываемое по поводу учреждения этого Союза. М[ожет] б[ыть], ради любопытства я и пойду на него...

23 марта. Гроб с прахом усопшего Симона, архиепископа Пекинского и Китайского, прибыл сегодня рано утром в специальном вагоне в Тяньцзинь. На вокзале была отслужена лития в сослужении епископа Виктора и о[тца] прот[оиерея] Рождественского, нового настоятеля местной Покровской церкви. Останки почившего архиепископа были отправлены затем в Пекин, где и будут погребены в той же церкви, где нашел свое упокоение не так много времени тому назад и митрополит Иннокентий.

Кто будет теперь начальником Русской Духовной Миссии в Пекине, пока неизвестно. Временно исправление обязанностей начальника Миссии возложено на епископа Виктора.

24 марта. Был вчера вечером на собрании учредителей Союза эмигрантов. Долго высидеть на нем не смог. Для меня стало ясно, что скрытая цель учредителей Союза – подорвать существование местной Русской национальной общины. Это интрига местных мелких честолюбцев с обиженными амбициями. Послушал я с десяток ораторов: стало тошно, и я уплелся домой, как раз к моменту, когда началось обсуждение проекта устава Союза.

Получил письмо от А.Г.Грызова из Харбина. В этом письме мой корреспондент сообщает, между прочим, небезынтересные сведения о «Нашей газете»[1]. По его информации, «Наша газета» – газета Моравского* и его «Совета уполномоченных автономной Сибири»[2], каковой не нужно смешивать с другим таким же Советом, руководимым М.П.Головачевым*. Моравский держится в тени. Ближайший сотрудник по газете и Совету – Борисов*. Atkins* – русский беженец, натурализовавшийся в Канаде и вернувшийся в Харбин. Теперь этот русский англичанин – управляющий делами Совета и ответственный издатель-редактор газеты. Фамилия его была ранее другая, фактическим редактором состоит В.Н.Иванов*. В числе сотрудников газеты состоят Е.М.Агапов*, когда-то близкий к покойному А.В.Сазонову* (сибирскому кооператору и политическому деятелю), педагог Пуцято* и другие. Общее мнение харбинских деятелей такое: «газета – под большим вопросом, чтобы не сказать более, – с определенной оценкой. Приносит дефицит. На какие деньги издается, неизвестно. Говорят, на японские, чаще говорят, на американские, говорят также, и на советские».

Письмо А.Г.Грызова содержит также некоторые не лишенные интереса сведения об арестах японцами белых русских в Харбине. Об Обществе Сибиряков имеются следующие пессимистические строчки: «И вообще, что-то с Обществом творится: оно как-то замерло, и как будто им никто не интересуется. Даже на собраниях Правления посещаемость слабая...»

В Шанхае, я думаю, деятельность О[бщест]ва сибиряков также очень слабая. В Тяньцзине я даже не решаюсь организовать таковое: не нахожу почвы для этого. М[ожет] б[ыть], все это происходит по-

---

[1] Выходила в течение 4 месяцев. После этого газету купила РФП.

[2] Совет уполномоченных автономной Сибири (СУАС). Деятели А.В.Сазонов (председатель), В.И.Моравский, М.П.Головачев, А.А.Пурин и др.

тому, что сибирский областнический вопрос в настоящее апокалипсическое время — это мелочь, маленькая частность. Он мало может заинтересовать кого-либо перед лицом той зловещей действительности, которую являет собою Советская Россия настоящего дня.

25 марта. Вчерашний мой реферат на тему «О шаманизме в Китае» на закрытом заседании Литературно-научно-философского кружка привлек человек двадцать слушателей. По его прочтении состоялся небольшой обмен мнениями. После заседания член кружка М.В.Тарле (брат проф[ессора] Тарле, историка) пригласил меня к нему в дом поужинать. Кроме меня на ужине были супруги Жебрак, М.П.Степанова, Е.П.Рождественская и один немец, фамилии коего я не запомнил.

26 марта. Воскресенье. Сегодня в Пекине хоронят почившего Симона, архиепископа Пекинского и Китайского. Из Тяньцзиня на похороны выехало несколько человек, представителей местных общественных организаций.

27 марта. Один океанский пароход высадил в Чинвандао 160 иностранных туристов. Сегодня эти туристы на рикшах разъезжали по Тяньцзиню и знакомились с городом. Передают, один турист из Лос-Анджелеса, осматривая Тяньцзинь, сказал: «Депрессия, очевидно, не коснулась этого города...» Как нужно было понимать эти слова? М[ожет] б[ыть], здесь, в нашем Тяньцзине, не видать продовольственных хвостов? Нет толп голодных и плохо одетых людей? Все на свете, конечно, относительно. Возможно, депрессия в Америке сказывается много сильнее, чем в Китае.

28 марта. Отправил сегодня очередные посылки в Русский Заграничный Исторический архив в Прагу и в Военную библиотеку Хувера в Америку.

Из Праги давно нет писем. В этом году должно выйти из печати юбилейное издание: отчеты Архива о его деятельности за десять лет: 1923–1932 годы. Когда-то я переписывался с И.А.Якушевым*, бывшим председателем Сибирской областной думы, теперь проживающим в Праге. Но он как-то, совсем неожиданно, оборвал свою переписку со мной, на что-то обидевшись. Стороной я слышал: он рассердился на меня за то, что я отослал часть своего личного архива на хранение в Р[усский] З[аграничный] И[сторический] архив и пренебрег организованным им, Якушевым, Сибирским архивом. Повод для прекращения переписки мелкий и ничтожный. Кстати сказать, на днях я получил из Харбина основанный Якушевым журнал «Сибирский Архив», книгу IV-ую. Содержание книги таково: И.Я.Якушев. К 350-летию Сибири. А.Меньшиков. Практика Приморского Земства. Материалы и документы. Библиография. Письмо Харбинского Общества Сибиряков. Анкета о Сибири. Из библиографических заметок «Сибирского архива» я узнал, что советским Сибирским Краевым Издательством в Новосибирске выпущены из печати тома I и II-ой Сибирской Советской Энциклопедии (пока на буквы А–К)[1]. У меня явилось же-

---

[1] Сибирская Советская энциклопедия / Под общей ред. М.К.Азадовского, А.А.Ансона, М.М.Басова и др. Новосибирск: Сиб. кр. изд-во. Т. 1. 1929; Т. 2. 1931; Т. 3. 1932.

лание приобрести вышедшие тома энциклопедии[1]. Попробую сделать это через Харбин. Если это не удастся, придется обратиться к содействию Книжной Экспедиции и Общества Сибиряков в Чехословакии.

29 марта. Как будто я обленился. Никак не могу усесться за свои литературные занятия. Пора приняться за обработку мемуаров А.В.Зубца. Пока что с ними знакомится жена. Она находит, что описательная часть мемуаров хороша, слабы рассуждения.

30 марта. В сегодняшнем номере японской газеты «Возрождение Азии» по поводу ареста японцами белых русских в Маньчжурии напечатано следующее: «Арест группы белых эмигрантов был произведен не по ложным доносам японо-маньчжурским властям, в которых последние прекрасно разбираются, и не по наговору безответственных лиц на почве личной мести или провокации, что также прекрасно уясняется властями, а по ряду сгруппировавшихся фактов, подтвержденных последними данными. Те же материалы, которые были получены путем обыска у некоторых арестованных, только окончательно установили темную работу, которую проводили известные русские лица. Японо-Маньчжурские власти никогда не относились пристрастно к белым русским, и то, что было установлено, не менее поразило их, как и широкие русские массы; а потому, как ни печально, но приходится отметить, что русские белые очень ошибаются, голословно утверждая, что в их среде нет темных людей, готовых за деньги нарушить все человеческие ценности – идею, дружеские основы и честность в отношении тех, кому они заявляли о братских чувствах».

Для того чтобы сделать заявление такого рода, надо обладать соответственным фактическим материалом, и притом солидного характера. Обладает ли им газета, сомневаюсь.

Мне приходилось по моим архивным делам несколько раз бывать в редакции газеты. Помещение редакции и типография при ней помещаются на Японской концессии, в небольшом двухэтажном домике по Акаши-род. Внизу размещена небольшая типография; вверху – контора и редакция газеты. В газете работают постоянно всего только двое русских: это Пастухин и Булычев; кажется, оба амурцы родом. Первый – редактор газеты, заведующий и ее конторой, второй – корректор. В сущности говоря, Пастухин – это и есть вся газета. Некоторый газетный опыт он получил, когда одно время был репортером «Нашей зари». В последний мой визит в газету «Возрождение Азии» (раньше «Голос Азии») я застал Пастухина и Булычева за обедом: оба тут же, в помещении редакции, с аппетитом опустошали миску русского борща. Я почти умилился при виде этой картины и както невольно подумал: вот, кормятся же около японцев двое русских. И слава Богу! Надо же как-нибудь жить.

Не скажу, чтобы газета велась умело. Для русской публики она интересна постольку, поскольку иногда они желают узнать, что думают японцы, каковы их ближайшие политические планы. Удовлетворяет

---

[1] Запланирован очерк о нем: Серебренников Иван Иннокентьевич // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 4: Обдорск – съезды / Гл. ред. Б.З.Шумяцкий. Нью-Йорк: Norman Ross, 1992.

ли газета самих японцев, не знаю. По всему тому, что я мог наблюдать, она не обладает солидной информацией.

Эти строки я записал утром, после прочтения газеты, еще до девяти часов. В девять имел часовой урок по математике, затем отправился на обычную свою утреннюю прогулку по городу. На прогулке встретился с Ефимовым, бывшим офицером белой Оренбургской армии. Он пообещал мне занести завтра свои дневники, относящиеся к 1917–1921 годам, для просмотра[1].

Днем я повстречался на улице же с владыкой Виктором, прибывшим сюда из Пекина. Отдал ему для просмотра находившуюся при мне рукопись «Албазин и Албазинцы» и просил его содействия в том смысле, нельзя ли будет издать эту мою рукопись в Шанхае с какой-либо подходящей благотворительной целью. Владыка обещал подумать.

В половине пятого я отправился в английскую школу Grammar School на школьный акт, или Speech Day, как его называют здесь англичане. В актовом зале разместились приглашенные на торжество гости, на его хорах – ученики, на сцене – педагогический персонал школы во главе с директором ее, Mr. Yeates. Торжество началось с краткой речи директора. После нее последовало распределение наград учащимся. Затем сказал краткое же слово англиканский священник Mr. Scott (между прочим, большой друг русских детей). После этой официальной части педагоги ушли со сцены, и начались школьные представления, в промежутках между коими учащиеся на хорах пели английские песни под аккомпанемент рояля. Поставлены были две балетные [зачеркнуто: сцены. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] пьесы, один драматический этюд, несколько гимнастических упражнений, образцы ритмической гимнастики и детская пьеса: «The Old Woman who lived in a Shoe». Закончилось торжество исполнением знаменитой песни «Gaudeamus igitur».

В общем, я с большим удовольствием провел время на этом школьном торжестве. Кстати сказать, последние Кембриджские экзаменационные испытания прошли не так успешно, как это бывало ранее. Предварительные (preliminary) экзамены от имени Grammar School держало двадцать учеников, выдержало их семнадцать (из них русских 11, точнее евреев 9, русских 1 и эстонцев 1); младшие (junior) экзамены держало 27, выдержало их 19, в том числе русских 8 (4 русских евреев и 4 русских). Старшие (senior) экзамены, или экзамены на школьное свидетельство, держали 21, выдержали 13, в том числе русских 7 (4 евреев и 3 русских)... Эти цифры показывают, что средний итог успешности экзаменов дал только 72%.

На школьном акте сын генерала Вержбицкого получил спортивный приз – серебряный кубок – за первенство в школе на бегах.

31 марта. Видел номер 11-ый шанхайского «Паруса». Моей статьи о шаманизме в Китае в нем не появилось. Значит, редакция журнала ввела меня в заблуждение, сообщив мне, что эта статья моя будет напечатана в ближайшей книжке.

---

[1] ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10 (кн. 1: Дневник А.И.Ефимова, 11 марта 1921 – 3 янв. 1923). Л. 1–22.

Был у меня Ефимов, принес свои дневники: четыре полностью исписанные толстые тетради. Полагаю, они будут весьма интересны. На этих же днях засяду за их изучение.

1 апреля. Газеты приносят много сведений о преследовании евреев в Германии пришедшими к власти гитлеровцами, т.е. наци, социал-националистами, или, вернее, национал-социалистами. Кажется, евреи начали пожинать ту бурю, которую они посеяли своей поддержкой русских большевиков, коммунизма вообще. Умные люди, евреи все же пошли за своими глупыми лидерами. Находящаяся в руках евреев американская и иная пресса подняла шум по поводу антисемитской политики Гитлера, теперешнего диктатора Германии. Однако шум этот не производит такого впечатления, как это могло бы быть в предреволюционное время. Многое теперь радикально изменилось, и многое подверглось переоценке. Сами германские национал-социалисты – явление совершенно невозможное, скажем, двадцать лет тому назад. Недаром, и русские эмигранты из числа непреклонных монархистов сильно смущены. С одной стороны, они готовы рукоплескать Гитлеру как монархисту и антисемиту, а с другой – он все же выходит как будто бы и социалист. Как это все примирить? И как наши эмигрантские мудрые Эдипы разрешат эту загадку текущей современности? Загадок такого рода теперь много. А японо-китайский конфликт? Ведь это уже не конфликт, а настоящая война, и притом война без объявления войны. Тоже, кажется, своеобразный продукт нашей смутной действительности.

Теперь немного про domo sua. Жена усиленно готовится отпраздновать завтра день ее именин. Пригласила много гостей. Приводит в порядок квартиру, готовит угощения.

2 апреля. Именины жены. За день перебывало свыше сорока человек гостей, принесших жене поздравления и подарки. Среди подарков – много цветов. К ужину осталось десятка полтора гостей. Немного выпили и попели. Семейный наш праздник закончился около двух часов ночи.

3 апреля. Черствые именины. Жену навестили сегодня еще свыше десятка ее друзей и знакомых. Я немного утомился от гостей и потому удрал с 4-х часов дня в кафе Карацаса, где и провел время за шахматной игрой до девяти часов вечера.

Мои архивные материалы прибавляются: принес мне для просмотра свои записки полковник Сокольницкий. Обещали занести еще свои дневники Савинцев* и Мокроусов[1]. Кроме сего, я получил на днях для использования по своему усмотрению интересные фотографии: от г[осподина] Гнадеберга снимки, относящиеся к Внешней Монголии, и от г[осподина] Селивановского – снимки тибетские, относящиеся к знаменитому ламаистскому монастырю Лаврану.

Публика как-то нервно настроилась по отношению к действиям японцев в Маньчжурии, их арестам и обыскам белых русских деятелей. Откуда-то поползли слухи, что полк[овник] М.А. Михайлов был не только арестован японцами, но еще и расстрелян. Жена его (ирку-

---

[1] Дн. Мокроусова см.: ГАРФ. Ф. 5873. Оп. 1. Д. 10. Л. 22–43 об.

тянка, урожденная Перетолчина) сильно расстроена этими слухами, она уже больше месяца не получала от мужа никаких сведений и писем. В доме Гнадеберга мне сказали, что будто бы японцами арестован по дороге из Тяньцзиня в Харбин наш новый друг И.Н.Головко-Улазовский.

Насколько верны все сведения и слухи такого рода, никто не знает. Во всяком случае они характерны и симптоматичны. Никто не может объяснить причин японской подозрительности. Может быть, время разъяснит все это.

4 апреля. Записки Сокольницкого написаны, кажется, весьма интересно. Они содержат историю действий в Монголии русского белого отряда Кайгородова.

Начал сегодня стилистическую отделку мемуаров Зубца. Этим я возобновил свои литературные занятия почти после трехмесячного перерыва.

Внизу, под моей квартирой, поселились новые жильцы, какие-то еврейчики. В одной из комнат они открыли магазин электрических принадлежностей. Я стал опасаться, не делается ли это с целью последующего поджога магазина, с намерением получить страховую премию. Сегодня поэтому я сам застраховал свое имущество в сумме двух тысяч мексиканских долларов. Кстати замечу, за прошедшую зиму произошло в Тяньцзине немало подозрительных пожаров, большей частью в помещениях и складах, занятых русскими евреями.

5 апреля. Сегодня в «Peking and Tientsin Times» я прочел одно сообщение, переданное по телеграфу из Берлина агентством «Transocean-Kuo-Min». Это сообщение гласило следующее: «Еврейско-большевистская агитация против Германии, отмечается здесь, проводится по всему миру как раз теми самыми газетами, которые никогда не находили слова протеста против Советского правительства, каковое за первые три года своего существования в России казнило в этой стране 1 860 000 человек, включая в это число 28 епископов, 1000 священников, 6000 учителей, 9000 врачей, 54 000 офицеров армии, 355 000 представителей интеллигенции, 815 000 крестьян и 60 000 жандармов и чиновников. Эти же газеты требуют теперь разрыва отношений с Германией, где еще не был казнен или побит ни один еврей». Это как раз то самое, что мы, русские эмигранты, давно уже отмечали в своих беседах. Стоит только ударить где-либо одного еврейчика по носу, сейчас же начинается по всему миру огромный гвалт. Сотни и тысячи русских антибольшевиков могут быть расстреляны или вырезаны коммунистическими чекистами, и едва ли кто из евреев выразит слово сожаления. Готтентотская мораль. Это то преступление евреев, за которым должно неизменно последовать и наказание. Мне отмщение, и Аз воздам.

6 апреля. Зацвели фруктовые деревья. Стали распускаться почки. Погода стоит, однако, все еще холодная. Весна нынче значительно запаздывает.

Вечером утащился ненадолго в Русский клуб, почитал там парижские «Возрождение» и «Последние новости». Уже давно не видел этих

газет. В клубе множество народа: сегодня там выборы новых пяти членов Совета старшин. Хотел побывать на заседании; но его объявили закрытым. Публика, по поводу выборной горячки, находится в ажиотаже. Борются преимущественно две группы. Одну из них можно назвать консульской, так как ею руководит бывший русский консул А.А.Орлов. Другая группа – это члены местного Воинского союза. Благодаря игре в лото, клуб накопил значительные свободные средства: что-то около семи тысяч долларов. Распоряжаться таким фондом, конечно, находится тоже немало охотников.

7 апреля. Благовещение. В 8 часов утра вышел к чаю. Слышу: гудит пронзительная полицейская сирена: это значит, где-то на Английской концессии произошел вооруженный грабеж, и ловят преступников. Это полицейское изобретение, кажется, мало помогает делу: обыкновенно сирена начинает кричать, когда преступники покончили дело и порой уже успели скрыться далеко от места преступления.

Сегодня уделил много времени обработке мемуаров Зубца. Последний на днях должен быть в Тяньцзине.

8 апреля. Мои шанхайские корреспонденты, А.Н.Васильев-Дубровский и А.А.Пурин совершенно замолчали. В течение двух последних месяцев я не имею от них ни одного письма. Какая тому причина, не знаю. Без писем как-то особенно скучно: чувствуешь себя уже совсем изолированно на этом свете, тем более что я и в Тяньцзине живу вне местной общественной жизни. Нет у меня здесь и таких знакомых, с которыми я имел бы общие интересы и мог бы по душам беседовать, несмотря на часы.

Вот и сейчас в нашем русском Тяньцзине большое волнение по случаю выборов старшин в Русском клубе: одни радуются, что на этих выборах одержал решительную победу Военный союз, другие опечалены этим обстоятельством и ждут едва ли не кончины мира по этому случаю, но меня вся эта суета мало трогает и интересует.

Сижу дома и тоже делаю весьма скучную работу: прочитываю и обрабатываю чужие рукописи. Делаю это по необходимости, надеясь, при удаче, что-нибудь заработать на этом. Может быть, удастся продать мемуары Зубца и Сокольницкого в Америку и что-нибудь от этой продажи отчислить для себя. Намереваюсь на днях же отправить в Америку для журнала «Asia» серию фотографий, надеясь тоже что-нибудь подработать на этом. Волей-неволей приходится обращать свои взоры на Америку, раз так ненадежен становится наш с женой педагогический заработок здесь, в Тяньцзине.

Подумываю я и об издании моих мемуаров за 1917–1922 годы. Но осуществить эту затею в Китае довольно трудно. Как я ни думаю, надо будет для этого выехать в Шанхай. Там есть большие, хорошие русские типографии и достаточно емкий рынок для первоначальной продажи книги, особенно если рискнуть пуститься на эту продажу самому, обходя дома знакомых. Но выехать в Шанхай не так-то просто. Вероятно, если и будет нужно поехать туда, то придется это сделать осенью, когда погода станет попрохладнее. В жаркое лето в этот китайский Вавилон не стоит и соваться.

[1] *9 апреля.* Вербное воскресенье. В три часа я отправился на футбольное состязание между командами «Великобритания» и «Россия». На груди у каждого русского футболиста красовался крупный круглый значок – двуглавый орел, с русской ленточкой из трех национальных цветов. В сегодняшнем состязании, однако, не в пример прошлому году, Россия проиграла со счетом 2 против 3. Англичане одолели русских игроков с большим трудом и напряжением. На состязании было множество зрителей.

Вечер провел дома, за литературной работой.

10 апреля. Газеты отмечают обострение отношений между японцами и большевиками на Китайской Восточной ж[елезной] д[ороге]. Возможно, японцы прервут сообщение дороги с Сибирью. Что происходит в Харбине, мы знаем плохо. Информация оттуда – крайне недостаточна, особенно у меня лично. Харбинская «Наша газета» почему-то перестала приходить в мой адрес. Жду писем из Харбина от И.Н.Головко-Улазовского...

11 апреля. Побывал сегодня у меня с визитом В.А.Зубец, приехавший сюда на пару дней из Пекина. Я уговорился с ним, что за исправление, обработку и перепечатку на машинке его мемуаров я получу половину той суммы, за которую удастся мне продать его рукопись в Америке.

Получил письмо из Токио от Г.И.Черткова, который подробно описал мне все свои недавние злоключения, происшедшие по поводу ареста его японцами.

12 апреля. Надумал вновь вступить в число членов Русского клуба. Приманкой для меня являются парижские газеты «Последние новости» и «Возрождение», получаемые читальней клуба.

Угощал сегодня В.А.Зубца обедом. Завтра он возвращается в Пекин.

13 апреля. Жена и наша квартирантка, Н.В.Семенова, сегодня заводят куличи. Им помогает Е.А.Лавдовская. По этому поводу в доме много хлопот и забот. Как-то куличи удадутся!

На прогулке зашел сегодня к доктору Чердынцеву и измерил, ради любопытства, давление крови. Прибор показал цифру: 180. Это все же много.

Ноги мои ходят значительно лучше. Это произошло после того, как я выдернул у себя четыре зуба. По-видимому, был прав пекинский дантист Прэнтис, сказавший мне, что зубы страшно отравляют мой организм.

14 апреля. Обработка мною мемуаров Зубца подвинулась вперед: я имею уже свыше ста обработанных мною и переписанных страниц. Хотя это и скучно – сидеть за перепиской чужого труда, но ничего не поделаешь: провоцируют соображения заработка. Во времени депрессии эти соображения приобретают большое значение.

Переписка моя с Америкой ослабла вообще и, в частности, по своему интересу. На днях посылаю в журнал «Азия» 75 фотографий

---

[1] HILA. Serebrennikov I.I., box 1, folder 5. На обложке написано: «И.И. Серебренников. Тяньцзинь, 1933 год. Начат 9 апреля 1933. Кончен 25 мая 1934. Книга III».

Гнадеберга, относящихся к природе и жизни населения Внешней Монголии...

15 апреля. Страстная суббота. Заболело почему-то горло, и я сегодня весь день просидел дома. Немного поработал. Жена извелась в предпасхальных хлопотах.

16 апреля. Первый день Пасхи. Мне не хотелось делать визитов: тянуло не на людей, а от людей. Стали находить на меня такого рода настроения. Почему, я и сам путем не могу взять в толк. М[ожет] б[ыть], от долгого житья в Китае я уже стал психически ненормален.

Жена сидела дома и принимала визитеров, я же шатался по городу, пообедал в «Эдемс», долго дышал свежим воздухом в Victoria Park и, наконец, добрался до кафе Карацаса, где и просидел за шахматами до позднего вечера. За это время жена приняла около двадцати визитеров, среди них некоторые были у нас впервые.

Пришла почта, поздравления. Совершенно неожиданно от И.И.Гапановича* из Пекина получил его новую книгу, только что вышедшую из печати на русском языке: «Камчатские коряки»[1]. Давно я уже не видел новых книг по Сибирике... Поэтому счел эту книгу прямо пасхальным подарком для себя.

17 апреля. Получил сегодня три письма: одно от Д.П.Першина из Калгана, другое – от А.К.Илькова* из Шанхая, третье – от доктора Фишера из Америки.

Д.П.Першин пишет нам: «Добрые, хорошие и милые земляки. Как грустно встречать Светлый праздник весны одному, на чужбине! Не слышно колокольного перезвона, не видно русских лиц, и, наконец, нет нарядных столов с куличами, яйцами, окороками и выпивкою, а главнее всего, нет близких, тех близких, коих именуют друзьями, земляками... без них свет не мил. С Вами христосуюсь заочно. Ну, конечно, желаю всего того, чего вы сами себе желаете. За сотни верст христосоваться совсем не то, что лично; нет той "изюминки", от которой шипит квас и выскакивает пробка. Хоть и без "изюминки", но примите мое сердечное поздравление, дорогие земляки, с Великим праздником Воскресенья, с лучшими пожеланиями». Дальше Д[митрий] П[етрович] сообщает о получении от меня денежных переводов и говорит, что его здоровье поправляется, и потому он засел за мемуары, но еще не может вполне раскачаться. Обещает посылать мне его писания по частям.

А.К.Ильков пишет: «Давно я не отвечал Вам, потому что был поставлен своим диким хозяином-кавказцем в дурацкое положение перед Вами. Сначала он дал мне директивы: заводить знакомства и вообще сношения с авторами трудов по разным вопросам, а когда я, поддерживаемый всеми почитателями Ваших трудов, предложил издать Ваш почтенный труд – мемуары, то он отнесся более чем легкомысленно к моему предложению. В дальнейшем я узнал еще более милые качества "кабардинского ишака", как называют его здесь, и решил в сравнительно непродолжительном времени оставить службу

---

[1] Гапанович И.И. Камчатские коряки: Современное положение племени и значение его оленьего хозяйства. Тяньцзинь, 1932.

у этого господина. Это человек, который своим самодурством губит свое собственное дело»[1].

Могу сказать, не очень лестный отзыв дает А.К.Ильков о господине Алтадукове* (если не ошибся я в фамилии), издателе газеты «Слово».

Не очень веселого содержания письмо получил я и от доктора Фишера, секретаря Военной библиотеки Хувера. Пожалуй, оно стоит того, чтобы воспроизвести его здесь. Он сообщает: «В ответ на Ваше письмо от 13 февраля сообщаю, что "Голос Азии" мы получили. Мы также получаем регулярно "Харбинское время". Книга о Гражданской войне в Сибири нами еще не напечатана и не появится в печати в течение нескольких месяцев. Что касается Вашей статьи о Сибирском областничестве, то решение "Pacific Historical Review" нами еще не получено. В ответ на Ваше письмо от 6 февраля, я не могу обещать Вам, что Библиотека Хувера приобретет у Вас статью, которую Вы предполагаете написать о вторжении в Китай отрядов Анненкова, Дутова, Бакича и других. Я полагаю, что мы скорее дадим благоприятный ответ на приобретение документальных или других материалов, каковые Вы предполагаете использовать для Вашей статьи. Я не могу обещать, что мы приобретем у Вас даже эти материалы, но, конечно, мы будем рады обсудить этот вопрос, если их цена не будет слишком большая. Если Вы будете посылать нам эти материалы, то я рекомендую Вам выбрать из них документы, которые являются исключительной исторической ценностью. В случае если оригиналы этих документов получить невозможно, копии, правильность которых будет засвидетельствована, приемлемы для нас. Ввиду финансового положения мы должны урезать наши расходы в остающемся году...»

При таких условиях как будто мало остается надежд что-либо заработать на мемуарах, которые я прошу разных лиц писать, и на архивных материалах, которые я пытаюсь собирать. Костлявая рука депрессии дотягивается из-за океана сюда, в область моих архивных работ, лишая перспектив на лучшее будущее. Я во многом рассчитывал на Америку. Неужели всем моим расчетам не суждено оправдаться? Не знаю теперь, стоит ли мне далее обрабатывать мемуары Зубца...

18 апреля. Третий день Пасхи. Мы с женой начали уроки. День провел скучно и крайне непродуктивно.

19 апреля. Был с крестом новый настоятель Покровской Церкви, митрофорный протоиерей, о[тец] Петр Рождественский. Я впервые с ним познакомился. Пробыл он у меня около четверти часа. Беседовали: произвел на меня очень благоприятное впечатление. Чувствуется большой ум, умение говорить. По внешности лица гость чем-то неуловимым напоминал мне Д.П.Першина, отчасти моего двоюродного деда С.И.Серебренникова. Протоиерей – беженец из Казани, по пути следования на Д[альний] Восток в 1920 году застрял в Иркутске, где прожил около года, скрываясь под чужим паспортом.

20 апреля. Японцы заняли Цикwандао, Пэйтайхо, Чанли и подошли к реке Люань, т.е. находятся сейчас всего в четырех часах езды

---

[1] Письмо А.И.Илькова от 19 янв. 1933 г.

отсюда по Пекин-Мукденской жел[езной] дороге. Кажется теперь вероятным, что в скором времени они займут Тяньцзинь, Пекин и Калган.

21 апреля. Побывал сегодня в библиотеке Русского клуба, когда-то основанной мною же. Я оставил ее в начале ее существования, когда в ней было не более ста томов. Теперь в ней около полутора тысяч томов, набранных почти исключительно самим бывшим председателем А.А.Орловым. Последний насовал туда много всякой дребедени, помогая своему приятелю Ушинскому ликвидировать находившиеся на его попечении книжные запасы из обанкротившегося здесь как-то несколько лет тому назад книжного магазина Аверсти*.

Вечером я вместе с Лапердиным побывал в еврейской синагоге, где слушали приехавшего из Харбина и пользующегося известностью среди евреев кантора Крымчанского, обладателя сильного и красивого драматического тенора. Он выделывал своим голосом такие фиоритуры и колоратуры, коим нельзя было не удивляться. Порой его голос рыдал и плакал. К моему удивлению, публики в синагоге было мало.

22 апреля. Мои занятия с Чжан Гоченом за последнее время почти что прекратились. Я прихожу к нему: он спит еще, или его нет дома. Когда же, наконец, застану его дома, занятия идут вместо часа каких-нибудь пятнадцать минут. Он рассказал мне, что начал сильно играть в мачжан и что порой сидит за этой игрой беспрерывно больше суток и плохо поэтому высыпается. На мой вопрос, удачно ли он играет, Чжан Гочен ответил: за последние дней десять я выиграл чистыми более трех тысяч долларов. Мачжан – эта китайская игра (с костяшками, вроде домино) сильно распространилась теперь и среди европейцев-иностранцев, живущих в Китае. Русские местные дамы также увлекаются ею, просиживая за нею порой так же чуть ли не сутки времени.

23 апреля. В апрельской книжке «The China Journal» напечатана моя небольшая этнографическая заметка «Funeral Money in China» с несколькими фотографическими иллюстрациями[1]. Это уже четвертая моя статейка на английском языке.

Сегодняшнее воскресенье провел так. С утра сидел за литературными работами. Перед обедом сделал по городу часовую прогулку. Встретился с Ф.П.Романовым, здешней шахматной знаменитостью, чемпионом Шанхая и Тяньцзиня. Условились с ним поиграть сегодня в шахматы. В два часа дня я был у Романова в Astor House Hotel, где он живет и служит. Сыграли две партии, первую я выиграл, вторую проиграл. В шесть часов Романов потащил меня в гости к Борисову*, таможенному служащему, послушать его виктролу. С Борисовым я раньше не встречался и не был знаком. Как я узнал из расспросов, он окончил в Петрограде еще в 1915 году Практическую Академию Восточных языков и вскоре же поступил на службу в Китайскую таможню. Здесь он теперь занимает [вычеркнуто: уже сравнительно – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] большое служебное положение и получает

---

[1] Serebrennikoff I.I. Funeral Money in China // The China Journal. 1933. Apr.

более тысячи долларов жалованья в месяц. Конек его – граммофонные пластинки, каковые он с увлечением коллекционирует.

Завел новое знакомство. Сам Борисов произвел пока на меня неопределенное впечатление. Жена его показалась мне не совсем гостеприимной и приветливой. Слушали виктролу. Пластинок у Борисова около четырех тысяч штук. Никогда в жизни у частного лица я не видал такого огромного числа пластинок.

Вечер я просидел дома. Был у меня в гостях Mr. More. Он подправил мне одно английское письмо в Америку. Я пригласил его к себе на завтрак в следующее воскресенье.

24 апреля. Подготовил сегодня для отправки в Америку, в журнал «Asia», первую партию монгольских фотографий.

25 апреля. Пришло письмо от А.А.Пурина из Шанхая. Сообщает невеселые вести о сибирских делах в Шанхае. В Обществе сибиряков здесь – ссоры и дрязги, наряду с бездеятельностью и ничегонеделанием. Все это, кажется, только подтверждает мою точку зрения, что в наше страшно-русское время совсем не до сибирского областничества. Не сюда устремляются умы и настроения. К тому же все устали от жизни на чужбине, ослабли и приникли. Пожалуй, столь же устали здесь, сколь и они, коммунисты, там, в России, от бессмысленного толчения воды в коммунистической ступе. Поднять настроения и влить новые силы в эмиграцию может лишь вторая, национальная, революция в России. Увидим ли мы ее?!

Вечером зашел ко мне П.А.Савинцев и занес свежую книжку шанхайского «Паруса» (№ 12). В ней напечатана моя статья «К вопросу о шаманизме в Китае». Посмотрел я и ахнул: статья крайне скверно прокорректирована – пропуски целых выражений, искажения слов, английские слова почти все перековерканы до неузнаваемости.

Я разговорился с гостем, который оказался сам журналистом и поэтом. В той книжке-журнале, которую он занес мне, напечатаны и его стихи, под псевдонимом Петракса. Среди них одно, «Сказка о сказках», по своему началу мне понравилось. Вот оно:

Прошлое – как сон, как чудные миражи.
То, что былью было, стало небылицей.
И в ином уж виде сказок персонажи,
И во всем иные образы и лица...
Соловей-разбойник, ставши коммунистом,
Выбрался из лесу и засел в Кремле,
И такую бучу поднял своим свистом,
Что житья не стало на родной земле.
Дедушка-мороз стал тоже эмигрантом,
Так же добр и ласков к русской детворе,
Но тоскует часто по родным курантам
И грустит, что снегу мало на дворе.
А когда с тоскою справиться нет мочи,
Подойдет к России и у рубежа
Смотрит на березки... И слезятся очи,
А тоска-то крепче да острей ножа...
У Кащея все, что было, реквизнули,
Тянет, бедный, лямку где-то в Соловках.
Дурака Ванюшку в три дуги согнули,
Стоном стонет дурень, – новь-то нелегка.
Леший партизанит. Домовой в Нарыме,
Где-то за границей бабушка Яга.

Бесы отдыхают в санаторьях, в Крыме,
Черт стал дипломатом и спилил рога.
Ведьмы все в бабкомах...

26 апреля. Этой весной было много русских свадеб. В прошлое воскресенье их было целых три. Сегодня вечером новая свадьба. Венчаются Зазерский, таможенный служащий, и М.Н.Осипова, бывшая ученица жены. Осипова, дочь Т.И.Барбье по браку с ее первым мужем, – молоденькая и миловидная барышня. Дай Бог ей счастья на ее новом супружеском пути. Такова жизнь: молодые женятся, старики умирают. Плодится и нарастает новое поколение русских в Китае. Грустно размышлять на темы подобного рода, ибо сам уже становишься на линию старости. Кстати замечу, Т.И.Барбье, урожденная Потапова, – иркутянка. Молодые годы провела в Иркутске, частью в селе Лиственичном на Байкале. Как я слышал вечером, свадьба прошла пышно и весело. На торжестве было до 200 человек гостей. Танцевали до утра, когда молодые отправились в свадебное путешествие в Шанхай.

27 апреля. Новости дня: в Нанкин прибыл советский посол Богомолов. В Синцзяне восставшие мусульмане захватили город Урумчи. В газстах как-то указывалась, что одной из причин теперешнего мусульманского восстания в Китайском Туркестане было недовольство действиями русских белых, нанятых китайскими властями на военную службу. Не знаю, верно ли это сообщение. Во всяком случае, оно правдоподобно. Если оно верно, то гнев мусульман может теперь обратиться не только против китайцев Синцзяна, но и против белых русских, укрывшихся здесь от бурь революции. Путаются несчастные белые русские в Азии под колесами истории. Пока не видно и конца их несчастьям и злоключениям.

28 апреля. Пришло письмо от г[осподи]на Э.С.Картера, секретаря Американского совета Института Тихоокеанских Сношений (American Council of the Institute of Pacific Relations). Письмо говорило следующее: «Очень благодарю Вас за Ваше письмо от 24 февраля. Мы очень рады иметь у себя информацию о тех очень немногих лицах, которые способны работать над вопросами Дальневосточной политики и экономики. Фактически, мы уже знакомы с Вашей работой благодаря статье о Внешней Монголии, которую Вы поместили в журнале «Foreign Affairs» несколько лет тому назад, и благодаря личной рекомендации проф[ессора] Ремера. Уже по нашей рекомендации, проф[ессор] Хауланд Йельского университета обратился к Вам за помощью в связи с теми изысканиями, над которыми он работал как раз перед его смертью.

Как только случай представится для нас воспользоваться Вашими услугами, Вы можете быть уверены, что я буду иметь Вас в виду. К сожалению, наше собственное положение таково, что мы не в состоянии сами пригласить Вас на службу. Само собой разумеется, мы очень заинтересованы в проблеме положения России на Дальнем Востоке и постоянно испытываем недостаток в информации, которая может быть доступна для Вас. Если Вы будете добры посылать нам время от времени копии всяких работ, которые Вам приходит-

ся выполнять, они будут очень полезны для нас и дадут нам возможность более конкретно информировать всякого исследователя о Ваших способностях». Снова выплывают на сцену финансовые затруднения. Лучше бы их не было! Я все же рад хорошему тону полученного письма.

29 апреля. Уличные плакаты газеты «Peking and Tientsin Times» на сегодня гласят: «Облака на Сибирской границе». Газеты отмечают напряжение японско-советских отношений. Кажется, Китайская Восточная железная дорога кончила свое существование. Теперь она будет известна под названием Северо-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги]. Скоро, вероятно, и Харбин переменит свое имя.

Зашел на перепутье к доктору Чердынцеву, измерил давление крови: оно показало 200. Это плохо. Придется делать йодовые уколы.

День был сегодня необычно жаркий и душный. В такие дни, в апреле месяце, всегда чувствуешь себя крайне скверно. Господи! Хоть бы на месяц побывать в Сибири и подышать родным воздухом!! Китай осточертел до полной невозможности переносить его более.

30 апреля. Воскресенье. Угощал обедом Mr. More. В два часа дня отправился к Ф.Н.Романову. Мы с ним затеяли сыграть шахматный матч из шести партий. Сегодня сыграли две партии: одну я выиграл, другую мы признали ничьей.

Вечер провел дома за чтением свежей книжки журнала «Asia».

1 мая. Пролетарский праздник. Погода ему соответствует: ветер, пыль. Настроение злое.

В сегодняшнем номере «Peking and Tiensin Times» напечатано объявление о выходе в свет апрельской книжки журнала «The China Journal». Это объявление начинается так: «Funeral Money. With the abolition of the tael the question of China's Currencies comes to the fore. There are other Currencies than those of this World used by Chinese. See what Mr. I.I.Serebrennikov has to say about the Currencies of the Nether Regions in the April Number of The China Journal». Меня удивило, что журнал в своем объявлении выдвинул мою маленькую заметку о китайских похоронных деньгах на первый план. Теперь у меня в проекте написать для этого журнала небольшую же заметку на тему «Original Transportation of Wool in Kansu», для которой хочу использовать две случайно мне подвернувшиеся интересные фотографии. Кое-что наметил я написать и для журнала «Asia», но, к сожалению, не хватает времени: в данный момент я много занят обработкой мемуаров Зубца. Здесь мне будет еще работы недели на две, на три.

2 мая. Что-то заболел горлом. Стало больно глотать. Полдня провалялся в постели. Сегодня сделал у д[окто]ра Чердынцева первые йодовые вливания.

3 мая. По болезни весь день высидел дома.

4 мая. Стало немного лучше. Все же мало выхожу из дома.

В Тяньцзинь приехала на гастроли итальянская оперная труппа. Сегодня жена идет слушать оперу «Тоска». Ей сопутствует Е.А.Лавдовская.

5 мая. Читал свежие номера «Последних новостей» из Парижа. Узнал о смерти Пешехонова*, старого русского публициста, сотруд-

ника «Русского богатства». Понемногу ветераны старой интеллигенции России сходят один за другим в могилу.

6 мая. Праздник Св[ятого] Георгия Победоносца, Егорьев день, как слыл он когда-то в России христианской. Еще ранее в России был языческой праздник бога Волоса, или Велеса, «скотьего бога». В этот день скотинушка выгонялась на поскотину, на подножный корм.

– Вот шестого мая будут мои коровушки именинницами. Приходите к ним сразу после обедни, пирога откушать, – как-то сказал нам Я.П.Ерин, недавно купивший себе здесь молочную ферму.

Сегодня мы с женой, в ответ на это приглашение, и направились в гости, на Еринскую ферму, которая находится на бывшей Русской концессии, на усадьбе дома Голоколосова. Кроме нас в гости были приглашены супруги Табаковы и Лавдовские.

Хлебосольный хозяин, в прошлом бийско-монгольский купец, и его радушная хозяйка, дети – два взрослых сына и дочь – тепло встретили гостей. Перед пирогом была предложена гостям закуска с выпивкой. К рыбному пирогу был подан дома приготовленный русский квас, весьма вкусный. Затем всем подали по стакану особо приготовленного кислого молока, фрукты, кофе и чай.

За столом шел оживленный разговор. Вспоминали Сибирь, Монголию. Кроме меня с женой почти все присутствовавшие бывали и живали в Монголии.

Я не утерпел, чтобы не задать хозяину один этнографический вопрос, давно меня интересующий, и спросил его:

– Приходилось ли Вам встречать в Монголии шаманов?

– Как же, – оживился хозяин, – один монгол-шаман даже жил как-то у меня на заимке.

– Это где же? – перебил я рассказчика вопросом.

– Недалеко от Улясутая, в ста верстах в стороне, – ответил он мне и стал продолжать рассказ: – Вот жена знает, какое представление этот монгол шаман устроил нам однажды. Как-то я ему говорю: «Ну Джингил Бо, покажи-ка нам свое искусство». Джингил – это его имя, а Бо – по-монгольски значит шаман. Он отвечал мне: «Как я могу показать тебе мое искусство? Ведь я не ремесленник, которому можно сделать заказ! Надо иметь повод какой-нибудь для этого». Ну, повод мы нашли: подговорил я одного молодого монгола, моего рабочего, обратиться к шаману с просьбой пошаманить для него по одному делу. Шаман согласился показать свое искусство у себя в юрте. Было это вечером. Перед началом он хватил стакана два водки, потом сел на пол и посадил против себя на пол же молодого монгола, своего клиента. Последний выглядел испуганно: еще давая свое согласие на обращение к шаману, он просил остановить шамана во время его шаманского действия, если он вытащит нож. Шаман вначале, пожалуй, целый час наигрывал что-то на маленьком губном музыкальном инструменте, похожем по форме на лиру, с вибрирующей посередине тонкой железной пластинкой. Играл хорошо. Все слушали внимательно. Шаман стал приходить постепенно в раж и попросил меня дать ему нож. Я исполнил его просьбу и дал ему остро отточенный длинный ножик. Шаман приказал молодому монголу высунуть язык.

Он послушно исполнил это, тогда шаман быстро схватил нож и мгновенно откромсал им кончик языка у монгола. Брызнула кровь...

В это время рассказчика перебила его жена и сказала:

– Так страшно было. Я испугалась и сейчас же убежала из юрты к себе домой, легла в постель и закрылась одеялом.

– Да, кровь полилась ручьем, – продолжил рассказ Я.П.[Ерин], – шаман наполнил кровью чашку и приказал монголу выпить ее. Сам начал сильно ругать монгола: «Русский, собака, захотел, чтобы я показал ему свое искусство, – говорит, – а ты решил ему помочь в этом. Ах ты, такой-сякой». Монгол сидит смирно. Шаман всунул нож ему в рот и резким движением разрезал ему глубоко углы рта с обеих сторон. Потом взял немного пепла с огня в юрте, помазал им свежие порезы на щеках, и раны затянулись мгновенно; остались лишь едва видные рубцы. Как потом я узнал, и сам шаман, и его клиент-монгол находились уже все это время вне сознания. Потом он показал нам еще одну штуку. Приставил нож к своей груди и велел тяжелым камнем бить по черенку его. Нож постепенно входил в тело, и, наконец, острие его показалось в спине. Когда нож шел вперед, шаман еще более или менее спокойно вел себя; когда же нож тащили из тела обратно, он, видимо, сильно мучился: сильно подергивался, кричал. Так пять раз всаживали ему и вытаскивали нож, каждый раз раны он мазал пеплом, и они быстро затягивались. Потом шаман заявил, что теперь он вскроет ножом свое чрево и выпустит кишки наземь. Ну тут уж я не выдержал, схватил шамана за шиворот и вытолкнул его за юрту. Думаю, хватит и того, что посмотрели.

– Знаете, он потом сказал мне, что за все время этого своего шаманского действа он был вне сознания; в таком же состоянии находился и его клиент, молодой монгол. Еще мне рассказывали, что шаманы умеют языком лизать раскаленное добела железо.

На этом Я.П.Ерин и закончил свой рассказ о монгольском шамане и его искусстве.

Обед наш закончился во втором часу, и я вскоре затем ушел домой. Жена еще осталась погостить на ферме.

Я думаю, что от Ерина можно было бы, при желании, много интересного узнать о Монголии.

Вечером был у меня в гостях В.Н.Лавдовский. Он рассказал мне в беседе много интересного из своей жизни у границ Тибета. Тоже хоть садись и записывай.

7 мая. Воскресенье. День необычайно жаркий и душный. В два часа дня термометр показывал 105 градусов по Фаренгейту. Сыграл сегодня одну партию в шахматы с Ф.Н.Романовым и продул ее. Вечер провел дома. Работать, благодаря жаре и духоте, не мог. Рано лег спать.

8 мая. Сегодня, наконец, я узнал окончательно, что было положено Ивановым-Риновым на хранение в Русско-Азиатский Банк, в его тяньцзинское отделение, несколько лет тому назад. Бывший служащий банка, И.Х.Шароглазов передал мне копию протокола от 31 декабря 1928 года о вскрытии сейфа Иванова-Ринова. Протокол этот был составлен по-английски, и я полностью воспроизведу его текст здесь: «Russo-Asiatic Bank. Tientsin, 31-st December 1928. Protocol. On

this 31-st December 1928 in the premises of the Russo-Asiatic Bank, in Tientsin, the Safe Custody № 16/36 in the name of Mr. Ivanov-Rinoff, having remaining unclaimed, was opened in the presence of Mr. N.Y.Tscheng, the Assistant Liquidator, Mr. F.A.Fris K, Associated Liquidator, Mr. J.C.Sharoglazoff – procuress of this Branch, and Mr. C.L.Lee and Mr. M.C.Sun, the clerks of the liquidation, and was found to contain:

1) Military Banner of the Siberian Cossacks with shaft top, containing St. George Gross, ring, two st.George ribbons one red ribbon for shoulder and St. George Gross.

2) Certificate signed by Emperor Alexander I for 10 Banners allowed to Siberian Cossaks.

3) Certificate signed by Emperar Nicolai II for banner, 4th Regiment.

4) Ditto, for 5th Regiment.

5) Ditto, for 7th Regiment.

6) Ditto, for 8th Regiment.

7) Certificate of Emperor Nicolai II for St. George Banner and for Siberian Cossacks land.

8) Memo of Government Treasury of Omsk for Roubles 13,000,000.

9) Correspondence and documents up to 1919.

10) Historical correspondence with personal signatures of Emperor Alexander I.

11) Maps of Land belonging to Siberian Cossacks.

12) Engraving of portrait of General Korniloff.

The above mentioned articles have been replaced into the original container and sealed up, and the package has been handed over to the Bank of China for Safe Custody pending further decision.

Signed: N.Y.Tscheng, F.A.Frisk, J.C.Sharoglazoff, C.L.Lee, M.C.Sun».

Из этого протокола видно, что на хранении Банка Китая (Bank of China) должны находиться в данное время: войсковое знамя Сибирского Казачьего войска; разные Высочайшие грамоты, жалованные войску, за подписями императоров Александра I и Николая II, архивные материалы войска включительно до 1919 года, земельные карты и планы войска и портрет генерала Корнилова. Копию протокола я думаю послать в Русский Заграничный Исторический архив в Прагу, для сведения.

9 мая. Получил письмо от Д.П.Першина из Калгана. Старикан пишет про себя: «Здоровье поправилось, но одышка еще не оставляет, так что ходить избегаю. Вообще замечаю, что дело, по старости, идет к развязке».

За прошлый месяц я сумел перевести Д[митрию] П[етровичу] всего только 20 долларов. Как бы побольше послать ему денег в мае?

10 мая. В городе появился Н.Д.Меркулов*, известный деятель белого Приморья в 1921/22 годах, а затем высокий советник белого[1] китайского маршала Чжан Цзучана (1924–1928). Что он тут делает, неизвестно. Говорят, что он находится совершенно без денег и не имеет какого-либо заработка и поэтому пока заимствуется у знакомых. Я видел Меркулова несколько раз на улицах Тяньцзиня. Вид у него

[1] В состав его войск входили наемники из Белой армии России.

бравый, молодцеватый, моложавый, несмотря на то, что ему будто бы уже свыше 60 лет. По-видимому, не упускает случая и здесь поволочиться за молоденькими дамочками и даже барышнями. Когда-то я встречался с ним в редакции тяньцзиньской газеты «Наш путь»[1], но он, видимо, не узнает меня или делает вид, что не узнает. Мы не кланяемся.

11 мая. Третий день весенних скачек. Кому-то сегодня окажет свое благоволение фортуна? Кто выиграет 50 или 60 тысяч долларов? Я на эти скачки затратил пока всего только два доллара. Раньше тратил много больше, но никогда ничего не выигрывал.

12 мая. Получил письмо от Зубца. Пишет, что будет здесь между 15–20 мая и привезет окончание своей рукописи – мемуаров. Обработка мною его рукописи идет пока что медленнее, чем ранее: сейчас имею готовыми около 300 страниц, из коих жена перепечатала на машинке уже свыше 100. Итак, сейчас трое сидим за одной и той же работой. Даст ли она нам что-нибудь в смысле денежном, неизвестно. Работа идет на риск и на русское авось. Работе сильно мешают наступившие жаркие и душные дни. Ждем все хорошего, освежающего дождя и не можем дождаться...

13 мая. Японцы опять начали продвижение на Пекин-Мукденской ж[елезной] дороге. Сенсациями дня являются сообщения о полете японских аэропланов над Пекином. Говорят, по этому поводу один харбинский китаец на ломаном русском языке сказал: «Наша петиза не боиза, яиза боиза».

Что значит: наши птиц не боятся, яиц боятся, т.е. бомб, которые летят с аэроплана.

14 мая. Играл с Романовым две последние партии шахматного матча и обе проиграл. Тем самым проиграл я и матч, со счетом 2,5 против 3,5. Играл сегодня почему-то плохо, зевал.

15 мая. Пришло письмо из Харбина от И.Н.Головко-Улазовского. Пишет: «Жизнь у нас в Харбине тихая во всех отношениях. Ждем разных событий, но, по моему мнению, все кончится любыми уступками одной стороны, именно СССР. Судя по достоверным сведениям, любая война, затеянная СССР, кончится свержением советской власти, и это там хорошо знают».

16 мая. Побывал сегодня в помещении Русских соколов, смотрел гимнастические упражнения. Всего в Сокольской организации состоит до 150 лиц об[оего] пола. Впечатление от посещения Сокольского клуба – отрадное. 20 мая в помещении Русского клуба состоится Сокольский бал.

17 мая. Начал обработку дневников А.И.Ефимова, деятеля войскового правительства Оренбургского казачьего войска при атамане Дутове. Пока я в сокращенном виде переписываю для себя седьмую книгу его дневников. Она как раз касается странствования остатков

---

[1] Наш путь: Газ. Тяньцзинь; Харбин. Издавалась в русских войсках Чжан Цзолина в г. Цинани, столице Шаньдунской провинции с осени 1926 г. Издатель Н.Д.Меркулов. Первый редактор В.Н.Иванов, его заместитель В.П.Разумов, ставший затем редактором (до 1927), затем П.И.Зайцев. Закрыта в 1927 г. китайскими властями.

армии Дутова по Китайскому Туркестану и Монголии. Записано много жутких моментов и немало вообще исторически ценного материала.

Вечером уплелся я в Немецкий клуб, чтобы послушать вечер китайской поэзии.

18 мая. Вчерашний вечер в Немецком клубе представлял из себя следующее: немецкий поэт Хундхаузен, находящийся в Тяньцзине, перевел на немецкий язык ряд стихотворений китайских классических поэтов. Берлинский композитор Бернард Келер положил некоторые из этих стихотворений на музыку для оркестра и отдельных голосов: баритона, тенора и сопрано. Вчера местные артисты, певцы-любители, и выходили на сцену, исполняя эти произведения берлинского композитора. В музыке, по моему мнению профана, ничего китайского не было. Были ли исполняемые вещи интересны пожалуй, да. Если не все, то некоторые. В общем, демонстрировались произведения четырех китайских поэтов и писателей: Ли-Дай-Бо, Бо-Цзю-И, Цзы-Гунь-Шу и Гао-Мин. Вот, напр[имер], стихотворение Бо-Цзю-И, называющееся «За шахматной игрой»:

Два монаха играют в шахматы,
Скрывшись в бамбуковой роще.
Крыша из листьев, распростершись
Над полем битвы, даст прохладную тень.
Время от времени слышится стук фигур.

Вот и все. Эта песенка, на немецком языке, была спета баритоном.

Вот еще одно стихотворение того же поэта:

Моя ива.
На берегу озера, на месте, дышащем миром и покоем,
Я посадил ее. Я должен был уехать отсюда. Две весны уже прошли
Со времени моего отъезда, и все же моя ива занимает мои мысли.
Я знаю, что она цветет, но я не знаю, кто теперь срывает ее цветущие ветви...

Вот стихотворение поэта Sze Kung-Shu (Цзы-Гунь-Шу).

В рыбацкой деревне.
Я возвратился на берег, после небольшой поездки на рыбную ловлю,
я видел, как луна исчезает в море.
Я вытащил мою лодку на песок и забыл привязать ее к колышку.
Однако это не заботит меня. Спокоен и здоров – мой сон.
Я доверяю ветру и волнам: утром я, конечно, найду мою
лодку где-нибудь среди пахучих тростников.

Могу сказать, что вечер был не банальный, и я нисколько не жалею, что побывал на нем.

19 мая. Приехал из Пекина В.А.Зубец, привез окончание своих мемуаров. За эти дни я с увлечением поработал над дневниками А.И.Ефимова. Эта работа убедила меня, что следует мне или кому-либо другому заняться историей рассеяния белых армий по пространству Центральной Азии, где разыгрались многие, порой чрезвычайно жутко-трагические моменты белой эпопеи. Без них эта эпопея будет не полна. Это будет важно как для будущих историков гражданской войны в России, так и для писателей, которые надумали представить всю эту эпопею в художественных образах, для нового Льва Толстого, который напишет десятитомный роман «Война и Революция».

Работаю над архивными темами – занятие мирное. Кругом же царит атмосфера тревоги. Все ждут наступления на Тяньцзинь японцев. М[ожет] б[ыть], разыграются какие-нибудь местные события. Китайцы массами бегут из китайского города на иностранные концессии.

20 мая. Вчера вечером произошел сильный взрыв бомбы на вокзале. Ночью слышалась ружейная стрельба. Что происходит в Тяньцзине, путем понять нельзя. Кажется, готовится здесь восстание в пользу Маньчжуго, но пока оно не удается. Сегодня над нашим городом пролетела эскадрилья японских аэропланов.

21 мая. Воскресенье. Бродил много по улицам города. Пока все тихо и спокойно. Вчерашний «Сокольский» бал в Русском клубе прошел с большим успехом. Танцевали и веселились до утра. Водили даже хороводы.

22 мая. После долгого перерыва имел сегодня беседу с Чжан Гоченом, который теперь отдыхает после своего увлечения азартом игры в мачжан. Он сообщил мне, что в его квартире поселились восемь человек знакомых и родных, прибежавших к нему из-за страха перед войной и грабежами китайских солдат; у его повара поселилась родня из деревни, тоже что-то человек семь–восемь. Так вот незаметно иностранные концессии Тяньцзиня впитывают в себя на тревожное время десятки тысяч беженцев, ищущих спокойного крова и убежища.

23 мая. Начал чтение интересной книги «With Mystics and Magicians in Tibet», автором которой является писательница Alexandra David-Neel, знаток тибетских языков и буддизма[1]. Я не перестаю интересоваться религиями азиатских народов и надеюсь, что книга Дэвид Нил доставит мне большое удовольствие.

24 мая. С японцами – неопределенно. Находятся они близко от трех важных городов Северного Китая: Пекина, Тяньцзиня и Калгана. Возьмут ли они эти города – неизвестно. Говорят, что китайцы заключили с ними перемирие. Для русской эмиграции Д[альнего] Востока злобой дня является то обстоятельство, что японцы начали травить генерала Хорвата, приписывая ему явно несуразные намерения и действия. Похоже на то, что они имеют очень недальновидных и даже, может быть, неумных советников по русским делам, таких, как, например, пресловутый атаман Семенов. Последний, однако, предан японцам.

25 мая. Вознесение. Несмотря на большой праздник, работал, имел все уроки, сидел над перепиской мемуаров Зубца. Вечером я с женой и супруги Лавдовские отправились в Русский клуб, чтобы послушать виктрольный концерт, посвященный музыке Мусоргского.

26 мая. Против моего ожидания, на вчерашнем концерте в Русском клубе было очень много публики. Устроитель этого граммофонного концерта Е.Е.Борисов дал много отрывков из двух опер Мусоргского: «Хованщина» и «Борис Годунов», затем представил несколько романсов этого удивительного русского композитора и целую его музыкаль-

[1] Переизд.: David-Neel A. Magic and Mystery in Tibet. N.Y.: «Univ. Books», 1958.

ную картину «Выставка». Перед слушателями проходили произведения Мусоргского в исполнении: русском, латвийском, итальянском, английском и немецком. Из певцов-исполнителей доминировал, конечно, Шаляпин...

Некоторые вещи я слышал в первый раз: таковы, напр[имер], выразительная сцена в лесу под кронами из «Бориса Годунова», обычно в России ранее выпускавшаяся при представлении этой оперы, а также романс «Трепак смерти» и «Выставка». Следующий музыкальный четверг будет посвящен произведениям Глинки, Балакирева и Бородина.

Пришло письмо от д[окто]ра Фишера от 27 апреля. Судя по письму, имеется некоторая надежда, что моя статья о Сибирском автономном движении будет напечатана в сентябрьском или декабрьском номере журнала «Pacific Historical Review».

После долгого перерыва сегодня же пришло письмо от проф[ессора] Г.К.Гинса из Харбина. Пишет, что для меня им получено из Парижа 60 франков – как мой гонорар за посланные туда мною три фотографии. Кажется, это будет первый мой заработок на фотографиях, и притом сделанный через посредство Парижа.

И.Н.Головко-Улазовский прислал мне из Циндао, где он сейчас находится, одиннадцать книг, относящихся к движению Рериха в Америке. Из этих книг три на русском языке: Жан Дювернуа «Рерих. Фрагмент биографии», Николай Рерих «Сердце Азии». Он же «Держава света». Одна книга на французском языке, это «Le Pacte Roerich. Banniere de Paix. № 1. Paris». Остальные семь книг – на английском языке. Это, во-первых, сочинения самого Рериха: «Heart of Asia», «Shambala» и «Adamant», затем: «Foundations of Buddhism by Natalie Rokotoff», «Signs of Agni Yoga». Наконец, последние две книжки. Это описание Музея имени Рериха в Нью-Йорке и альбом фототипий с картин художника, хранящихся в этом музее. Я хорошо не знаю, почему художник Н.К.Рерих приобрел такую большую популярность в Америке. Меня давно интересует этот вопрос. М[ожет] б[ыть], теперь я разберусь, в чем тут дело.

27 мая. Жена получила письмо из Иркутска от ее сестры В.Н.Петровой, которая извещает о получении ею пяти американских долларов, переведенных нами ей некоторое время тому назад.

Сегодня окончил обработку и переписку одного из дневников А.И.Ефимова.

28 мая. Воскресенье. Получил письмо от И.Н.Головко-Улазовского из Циндао. Из письма видно, что книги Рериха и о Рерихе присланы мне для продажи и что братом Рериха, проживающим в данное время в Харбине, мне предлагается взять на себя тяньцзиньское представительство по продаже изданий Музея Рериха. Я думаю принять это предложение.

29 мая. Сегодня еще получил некоторые книги Рериха, а также репродукции с его картин. Пока что Рерих представляется мне не только художником, но и каким-то учителем – своего рода русско-скандинавским Буддой. Скоро засяду за штудирование его трудов и работ о нем.

30 мая. Японцы ведут мирные переговоры с китайцами, и потому их продвижение к Калгану, Пекину и Тяньцзиню приостановилось.

31 мая. Газета «Возрождение Азии» сделала сегодня ряд неумных выпадов против представителей местных эмигрантских организаций, которые недавно, собравшись вместе, вынесли не понравившуюся ей резолюцию по поводу обвинений ген[ерала] Хорвата в устройстве заговора против Маньчжуго[1]. Газета, очевидно, хочет, чтобы решительно все на свете были влюблены в японцев и Маньчжуго.

1 июня. Вот уже и июнь месяц. Как скоро летит время. Текущая нелепица под названием «Генерал Хорват – Маньчжуго – японцы – газета "Возрождение Азии"» продолжает волновать умы. Назавтра созывается экстренное собрание уполномоченных Русской общины для обсуждения вопроса о выпадах вышеназванной японской газеты по адресу русской эмиграции.

2 июня. Начал читать сибирские рассказы Н.И.Наумова*, писателя-сибиряка.

3 июня. Становится жарко. Окна открыты. Поэтому уличные шумы заполняют мою квартиру. Особенно шумят русские и еврейские ребятишки, которые у нашего дома устроили себе «детскую площадку». Кричат, орут, визжат. Что делать? Запретить им играть я не могу. Приказать им играть молча я также не могу. Приходится терпеть. Иногда я не выдерживаю и куда-нибудь убегаю из дома.

4 июня. Воскресенье. Троицын день. Можно сказать, провел весь праздник в игре в шахматы. Сыграл вничью трехчасовую партию с Романовым, затем играл еще в кафе Карацаса. Вечер провел дома. Немного пописал.

5 июня. Весь день шел дождь. Сидел поэтому дома и продуктивно поработал. Обрабатывал рукописи Зубца и Мокроусова, писал письма.

6 июня. Сегодня в еврейском клубе «Кунст» – Пушкинский вечер. В программе его три сцены из оперы «Евгений Онегин» плюс много другого. Жена и ее две подруги отправились посмотреть этот вечер.

7 июня. Сегодня из «Нашей Зари» узнал, что в понедельник на этой неделе на общем собрании членов Литературно-научно-философского кружка я был избран в члены правления этого кружка[2]. Это я рассматриваю как попытку втянуть меня в некоторую общественную работу, от чего я уже много лет упорно уклоняюсь.

В воскресенье, 11-го июня, здесь будет праздноваться «День русской культуры». Комиссия по устройству этого «дня» просила меня написать какую-нибудь статью для помещения ее в этот день на особо отводимой странице газеты «Наша Заря» Я не отказался от этого предложения, однако в силу апатии и одолевшей меня лени я не собрался что-нибудь написать. Как-то так случилось, что руководителями устраиваемого «Дня культуры» оказались здесь В.Н.Якушева и А.И.Ефимов. Первая – это вздорная и малокультурная учительница

---

[1] К вопросу Хорвата: Активное выступление русских эмигрантов против Японии и Маньчжу-Го // Возрождение Азии. 1933. 31 мая.

[2] Основан под председательством С.Г.Стилл, где читались лекции на самые разные темы, в том числе и на востоковедческие.

из местной прогимназии, второй – не совсем грамотный музыкант, бывший чиновник белой оренбургской армии.

8 июня. Получил сегодня окончание рукописи В.А.Зубца. Думаю, что в моей переписке она составит около 380 страниц. Печатно, на машинке, выйдет, вероятно, на треть меньше. К рукописи будет приложено до 40 фотографий и 5 разного рода схем, вычерченных автором. Работы мне с этою рукописью, пожалуй, хватит еще на неделю.

9 июня. Газета «Возрождение Азии» продолжает свою упорную кампанию против руководителей местной эмигрантской общественности в лице бывших полковников гвардии Бендерского и Веденяпина. На это некому возражать. «Наша заря», что называется, воды в рот набрала.

10 июня. Закончил переписку «Дневника прелести революции», написанного солдатом Мокроусовым. Для меня это небезынтересный материал по вопросу о рассеянии белых армий по просторам Азии в 1918–1922 годах. Кажется, это рассеяние было богато трагическими моментами. История Гражданской войны в Сибири и на Урале будет неполна, если она не изобразит и этого рассеяния.

11 июня. Воскресенье. День русской культуры. Празднество устраивалось в Gordon Hall. Был утренник для детей. На нем побывала моя жена. Я был на вечере для взрослых: здесь играл симфонический оркестр из десяти музыкантов, пел хор, выступали певцы-солисты и лекторы-ораторы. Последними были – о[тец] Петр Рождественский, генерал В.Д.Карамышев* и педагог г[осподин] Шлезингер. Первые двое дали удачный набор патриотических сентенций. Карамышев, перефразируя Пушкина, в конце своего спича выразил надежду, что скоро...

От Перми до Тавриды,
От финских хладных стран до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая...
Восстанет русская земля...

Это вызвало громкие аплодисменты. Торжество привлекло полный зал публики. Прошло, пожалуй, в приподнятых тонах.

12 июня. Чжан Гочен прекратил сегодня со мною занятия впредь до особого уведомления. Последние месяца два я почти никогда не мог застать его дома. Бесцельные хождения мои к нему мне сильно надоели.

13 июня. Перевел сегодня в Иркутск на Торгсин для сестры жены, В.Н.Петровой, пять золотых долларов. Обошлось это в 19 долларов 39 центов на китайские деньги: американский доллар значительно подешевел.

14 июня. Закончил сегодня обработку мемуаров В.А.Зубца. Думаю, что получится интересная рукопись. Всего вышло около 390 страниц моего рукописного текста, разделенного на 49 глав. Теперь придется мне заняться подбором фотографий к тексту.

15 июня. Написал большую статейку на английском языке «Original Transportation of Wool on Huany-Ho», для каковой у меня приготовлены четыре фотографические иллюстрации.

Вечером побывал на очередном граммофонном концерте в Русском клубе, где слушал произведения композиторов Бородина, Балакирева и Римского-Корсакова. Народу на концерте было много.

16 июня. Мучился сегодня от жары. Со страхом начинаю думать о приближающихся фумянах. Не подходящий для нас, сибиряков, местный климат сильно расшатывает здоровье.

17 июня. Перевел сегодня Д.П.Першину тридцать долларов как очередное месячное вспомоществование старикану.

Занялся мемуарными работами В.Ю.Сокольницкого, полковника, бывшего начальника штаба отряда Кайгородова, оперировавшего в Западной Монголии в 1920–21 году.

18 июня. Воскресенье. Прочел в «North China Star», что в одном из местных книжных магазинов появилась в продаже книга профессора Ремера «Foreign investment in China»[1]. Материалы по вопросу об инвестировании русского капитала в Китае в свое время собирал для автора книги я, по его личному поручению. Ремер обещал послать его труд, как только он выйдет из печати. Пока что обещанного я не получил.

В четыре часа дня я отправился в Русское собрание на торжество акта Русской прогимназии. Пробыл там до шести часов. За отчетный год в школе было около ста учащихся, окончило теперь школу всего трое.

На обратном пути из школы я забрел к Д.М.Тобокову*, где и засел за шахматы.

Вечером у меня погостил Mr. More, который принес мне для просмотра два свежих номера журнала «Asia».

19 июня. Бывший войсковой старшина Сибирского казачьего войска Шишкин, неутомимый оппозиционер ко всему, что выше его, обладатель страшного литературного зуда, начал выпускать здесь спорадически газету «Вестовой», каковую наполняет исключительно своими статьями. Сегодня попался мне на глаза номер этой газеты от 5-го июня, и я прочел его: газета наполнена выпадами против руководителей местной эмигрантской общественности.

20 июня. Посмотрел сегодня в книжном магазине новую книгу проф[ессора] Ремера. Глава «Russian investment in China», занимающая 65 страниц, напечатана почти полностью так, как была составлена мною, о чем автор и заявляет в построчном примечании к этой главе. Ответственность за материалы, помещенные в ней автором, возлагается на меня. Что же? Я ничего ни имею против этого!

21 июня. Когда-то по поводу мусульманского восстания в Западном Китае я высказал в своем дневнике предположения, что русские эмигранты и беженцы, проживающие в Китайском Туркестане, могут оказаться благодаря этому восстанию в тяжелом положении. Во вчерашнем номере местной английской газеты «Peking and Tientsin Times» я прочел некоторые свежие сведения о восстании. Эти сведения говорят об участии в событиях «русских наемников» на китайской службе. Вкратце эти сведения передаются газетой в следующем

---

[1] Foreign investments in China, by C. F. Remer. New York, H. Fertig, 1968.

виде. Восстание мусульман два года тому назад явилось как прямой результат плохого управления и самоуправства китайских властей. В восстании приняли участие тюрко-татарские народы края. Сражения происходили вокруг г[орода] Хами, который в течение пяти месяцев был осаждаем повстанцами и был освобожден только белыми русскими наемными войсками, которые отогнали повстанцев в горы. Восставшие мусульмане, засев в горных гнездах, совершали оттуда набеги на проходившие караваны, а порой грабили и крестьянское население в земледельческих районах. В январе месяце этого года, однако, повстанцы вышли из гор и, усиленные рядами восставших дунган, китайских мусульман, повели более решительную борьбу против власти.

Соединенные силы повстанцев наводнили страну, грабя и убивая китайцев. Пичан, маленький городок близ Турфана, был стерт с лица земли. Сам Турфан был одно время захвачен мусульманами, но потом отобран обратно китайцами. Затем мусульмане захватили и держат Карашар. Под угрозу захвата попали города Яркенд и Кашгар. В борьбе китайцев и мусульман жестоко пострадало от китайских солдат мирное, нейтральное население.

21 февраля этого года война приблизилась к самому городу Тихуа, или Урумчи, столице Китайского Туркестана[1]. В течение трех дней происходил жестокий бой вокруг города. Повстанцы, однако, потерпели поражение и понесли тяжелые потери. Героями обороны Урумчи были русские. Отойдя от города, повстанцы стали опустошать страну.

В апреле месяце этого года в Урумчи произошли важные события. Относительно последних я сделаю дальше дословный перевод из статьи. «12 апреля имела место перемена правительства. В течение последнего времени русские наемники были недовольны поступками и мероприятиями губернатора провинции. Всего русских, нанятых на военную службу к китайцам, было около 2000; многие из них имели боевой опыт Мировой Войны, и это были единственные люди, которых боялись мусульмане.

Губернатор провинции оказывал, однако, им мало поддержки. Он приказал всем войскам эвакуировать Урумчи и сделал много такого, что могло только продолжить в крае гражданскую междоусобицу. Он лично наносил оскорбления русским командирам и создал чувство крайнего недовольства среди этих бездомных искателей приключений.

Мусульмане обещали прекратить борьбу, если им будет передана голова губернатора. Так, чтобы положить конец смуте, русские атаковали ямынь губернатора и захватили последнего. Затем они взяли власть в свои руки. Губернатору, однако, с помощью некоторых друзей удалось убежать и собрать силы, чтобы атаковать русских. Он был разбит после жестоких боев, которые снова были причиной бедствий для города.

В конечном результате, губернатор отступил по направлению к Тачену, и русские передали управление городом Урумчи некоторым

---

[1] Урумчи, главный город кит. Джунгарии, торговый пункт между Россией и Восточным Китаем.

из китайских лидеров, которые пришли в Синцзян из Маньчжурии, после того как были разбиты здесь японцами».

Относительно русских беженцев в Синцзяне[1] газета приводит следующее данные: «Со времен революции в России, и особенно за последние годы, в провинцию направлялся довольно большой поток русских эмигрантов. Несколько десятков тысяч таковых теперь осели здесь, главным образом, по пограничным городам. Среди вновь прибывших сюда были русские баптисты и германские менониты[2], которые бежали за границу от страшных преследований христиан в Советской России».

Были ли русские в Урумчи военными наемными на китайской службе? Как будто и нет, ибо в одном месте газета говорит следующее: «В это время две тысячи русских были завербованы в солдаты против их желания, так как борьба китайцев с мусульманами нисколько их не касалась».

22 июня. Сегодня закончились, перед летними вакациями, занятия в Grammar school. Наши ученики из этой школы смогут теперь заниматься с нами по утрам. Это будет легче. В дневную жару теперь уже трудно корпеть за уроками.

23 июня. Получил письмо от И.Н.Головко-Улазовского из Шанхая. Обещает быть завтра здесь с пароходом «Huashan-maru». Это отлично. Хорошего человека всегда приятно повидать.

Днем сделал большую прогулку в район Рэйскорса. Побывал здесь в конюшнях и манеже, которые держит А.П.Бендерский*, бывший гвардии полковник, весьма милый и культурный человек, руководитель местного войскового союза[3] и старшина русской общины. А[лександр] П[етрович] встретил меня очень приветливо, и я прогостил у него около трех часов, которые мы провели в беседах и прогулках.

24 июня. Приехал из Шанхая И.Н.Головко-Улазовский. Привез мне подарок: курительный прибор из мрамора китайской работы. Подарку

---

[1] Синьцзян – район на севере Китая. 30% населения составляют уйгуры. Столица Урумчи. Здесь находились русское консульство и православная церковь, открытая Российской миссией в Пекине. Русская община значительно увеличилась после 1920 г., когда здесь появились остатки воинских соединений Анненкова, Дутова, Унгерна и Бакича. Большинство русских жили в Кульдже (Инин). В 1931–1933 г. появилось много беженцев из СССР, недовольных коллективизацией. В то же время в С. проявлялось советское влияние. «Из тех кратких сведений, – писал житель С., – что я Вам сообщал, можно было бы заключить, что все обстоит благополучно: люди живут, некоторые даже хорошо и т.д. Но это далеко не так. Чувствуется гнет. Везде советские инструкторы, советники, врачи и т.д. Интеллигентному работнику пристроиться, т.е. получить работу такую, чтобы можно было жить – трудно. Если он будет угоден Советам, если он будет с ними ласков и любезен, то устроиться, наверное, можно, и хорошо устроиться. В противном случае очень трудно» (HILA. Serebrennikov I.I., box. 21. О русской эмиграции в Синьцзяне (Кит. Туркестан). Из письма доктора А.Педашенко).

[2] Правильно – меннониты, протестантская секта, основанная в 30–40-е XVI в. в Голландии Менно Симонсом.

[3] Отделение Русского общевоинского союза (РОВС). Одна из самых массовых русских эмигрантских организаций, объединяла военные и военно-морские сообщества и союзы во многих странах, где жили русские эмигранты. Создан в 1924 г. генералом П.Н.Врангелем (вначале до 100 тыс. членов). Существовал до 1940 г. Печатный орган – журнал «Часовой» (с 1929).

был рад как признаку внимания: сам же я вот уже полтора месяца не курю. Продержусь ли далее с воздержанием от курения, не знаю.

Пришло сегодня письмо от конторы газеты «Харбинское время» с предложением мне взять на себя представительство газеты здесь, в Тяньцзине.

25 июня. Воскресенье. Ради прогулки побывал сегодня на бывшей Германской концессии, в так называемом «Саду Принцессы». Возможно, что это были действительно вилла или парк какой-либо маньчжурской принцессы. Парк очень большой, страшно запущенный и заброшенный. В нем имеется, однако, много очаровательных уголков.

26 июня. Стараюсь больше быть на воздухе: сегодня полдня провел в прогулке за городом.

28 июня. Посетил меня сегодня некто В.И.Соловьев, человек, недавно вырвавшийся из Советской России и пробывший целых семь лет в Соловках. Принес он мне для просмотра свою рукопись «Правдивое повествование гражданина Латвийской республики В.И.Соловьева, который в 1925 году был арестован Советским ОГПУ во время проезда через СССР». Человек, благожелательно настроенный к республике Советов, был ограблен по дороге чекистами, потому что имел при себе деньги, а для сокрытия преступления арестован, обвинен в шпионстве и отправлен на десять лет в Соловки. Рукопись ярко живописует соловецкие кошмары, характерные для той сволочи, которая управляет теперь Россией. В.И.Соловьев думает устроить публичное чтение своей рукописи. Пробирается он сейчас в Шанхай, откуда думает поехать во Францию. Сволочная власть, искалечившая ни за что ни про что жизнь человека, получила в лице Соловьева теперь лютого противника.

29 июня. Сегодня с Н.П.Коршуновым* разработали программу доклада В.И.Соловьева «О Соловках». Доклад этот предположено устроить в ближайший вторник в Русском клубе.

2 июля. Воскресенье. Вместе с И.Н.Улазовским побывал за городом на пикнике, который устраивало гимнастическое общество «Сокол». Пробыл на воздухе около семи часов. Прогулкой остался доволен.

Дневник начал вести с перебоями, неаккуратно. Постараюсь этот недочет исправить.

Газеты сообщили о чудовищном случае морского пиратства в водах Китая, причем в качестве пиратов выступили немцы, пять человек (невероятно, но это так), которые захватили китайский пароход, убив его русского капитана, моряка Вахмана, его помощника Азарьева, жену последнего и семь китайцев. Все убитые были выброшены за борт в море. Пираты повернули пароход от Шанхая, куда он шел, к Дайрену и здесь посадили его на мель, недалеко от курорта Хошигаура. Японские власти Дайрена успели арестовать троих немцев, двое же успели скрыться. Мало здесь своих китайских бандитов и пиратов, так еще немцы начали разбойничать.

3 июля. Не можем все решить, как будем проводить лето: будем ли жариться здесь, в Тяньцзине, или же попытаемся перебраться куда-нибудь к морю.

4 июля. Доклад Соловьева о Соловках и Советской России привлек полный зал слушателей в Русском клубе. По окончании доклада докладчику было задано множество вопросов разного рода.

5 июля. Жара начинает сильно донимать. К счастью, ночи пока стоят еще прохладные, — можно спать.

6 июля. Работается что-то очень плохо: пожалуй, я давно уже так не лодырничал, как теперь. Единственная работа, которую я еще веду понемногу, это обработка мемуаров полк[овника] В.Ю.Сокольницкого. Жена понемногу же перепечатывает на машинке уже обработанные мною мемуары Зубца: кажется, ей остается напечатать еще страниц около тридцати.

7 июля. Сегодня — Иванов день. Справляли у нас именины И.Н.Головко-Улазовского.

8 июля. Пробродяжил почти весь день: ушел из дома почти в 11 часов утра и вернулся домой к десяти часам вечера. Погибаю от скуки и ничегонеделания.

9 июля. Воскресенье. Полдня лил дождь. К вечеру погода прояснилась. Рейтеровские телеграммы сообщили сегодня, что советская пограничная охрана обыскала маньчжугоский пароход «Дунзан» в маньчжугоских водах р[еки] Уссури, конфисковала груз парохода и захватила десять русских эмигрантов, представлявших стражу судна. Когда читаешь такого рода сообщения, не можешь отделаться от страшных мыслей: ведь арестованных эмигрантов уведут и расстреляют. Расстреляют не потому, что это было нужно кому-нибудь по мотивам целесообразности какой-нибудь, а просто так, из кровожадности и садизма, присущих проклятой власти.

10 июля. А.П.Бендерский сообщил мне, что будто бы французское правительство решило распустить Воинский союз. Очевидно, в угоду большевикам. Верно это известие или нет, я еще не знаю, но в нем нет ничего неправдоподобного, ибо глупость человеческая бывает поистине бесконечной.

11 июля. Жена закончила сегодня перепечатку на машинке мемуаров В.А.Зубца. Остается теперь проверить все напечатанное. По сильной жаре сегодняшний день оказался мучительным. Кажется, предстоит бессонная ночь.

12 июля. День Петра и Павла. Невольно как-то вспомнил про Петров день у себя на родине, в родной Знаменке. Этот день справляли шумно и весело. Как-то теперь наши мужички проводят этот деревенский праздник?

13 июля. Жена и ее неизменная подруга Е.А.Лавдовская решили недели на три съездить на курорт Танканцзы, вблизи Мукдена, чтобы там полечиться и получить хотя бы и небольшой летний отдых. Возможно, я соберусь тоже недели на три в Пэйтайхо, если только будет налажено сообщение с этим морским дачным местом.

14 июля. Получил по почте от проф[ессора] Ремера его новую книгу «Foreign Investments in China». Я был рад, что профессор вспомнил обо мне.

15 июля. Жара выматывает все силы. Потеешь день и ночь. На теле появилась тропическая сыпь.

16 июля. Воскресенье. «Наша Заря» выпустила большой юбилейный номер по случаю пятилетия своего существования. Многие русские общественные организации принесли газете свои поздравления – еврейские воздержались.

17 июля. Отправил сегодня в Америку мемуары В.А.Зубца «На службе в Китайской армии» на 244 печатных на машинке страницах с 45 фотографиями и 5-ю схемами. Не знаю, приобретет ли эту рукопись Военная библиотека Хувера? Если нет, то труды мои и моей жены пропадут даром. А их было немало.

18 июля. От жары кроме тропической сыпи стали появляться и нарывы. На этих днях солнечные и тепловые удары поглотили немало жертв: умерли один англичанин, один русский, служащий одного советского парохода, недавно прибывшего в Танку, и несколько десятков китайцев. Дочитал сегодня книжную новинку: это очерки Михаила Талызина* «По ту сторону»[1]. Книга написана талантливо. Было приятно узнать, что автор ее – сибиряк, енисеец.

19 июля. Получил письмо от доктора Фишера из Америки. Пишет мне: «Я не хотел бы, чтобы Вы прекратили посылку нам архивных материалов, если только Вы и собственник этих материалов будете иметь в виду, что мы не в состоянии приобретать большое количество таких материалов и не можем предлагать за них высокие цены». Я и не прекращаю этой работы: только на днях отправил мемуары В.А.Зубца в Америку. С осени пошлю туда еще кое-что.

20 июля. Начинаем собираться в дорогу.

21 июля. Если ничто не изменится, решили выехать в воскресенье утром: жена в Дайрен, я – одновременно в Пэйтайхо. Здесь из-за жары становится жить совершенно невозможно. Много смертей изза тепловых ударов.

22 июля. Сегодня хлопотный день: сборы перед поездкой.

23 июля. Воскресенье. Выехал в Пэйтайхо с поездом в 9.45 утра. Поезд оказался переполненным пассажирами. В вагоне II класса в компании со мной оказались две дамы, еврейки с нашей Дикинсонрод, с ними ехали две маленькие девочки – те самые, которые еще сегодня утром разгуливали по тротуару нашей улицы и распевали:

– Чижик, Чижик. где ты был?

Едут тоже в Пэйтайхо. Было немало и других пассажиров, направлявшихся на этот морской курорт для летнего отдыха. В вагоне I класса я встретил О.Л.Звереву с ее сыном Люрой, моим будущим учеником. На полпути, со станции Таншан, мы попали уже в зону японского влияния. Здесь была пересадка, пришлось пробыть на станции около двух часов. Новый поезд был составлен из чистеньких вагонов Южно-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги], и я купил себе билет III класса. В Таншане полил сильный дождь, и мои соседки, еврейские девочки, поглядывая в вагонное окно, запели:

– Дождик, дождик, перестань,
Мы поедем на ристань[2],

---

[1] Талызин М.А. По ту сторону. Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1932.

[2] Возм. от слова «ристанье». По В.И.Далю: место, площадь и все устройство для ристанья (боевых упражнений или представлений).

Богу молиться,
Царю поклониться...

Странно было слышать эту русскую песенку в вагоне, переполненном китайцами, где-то на станции Таншан. Я невольно как-то вспомнил и свои детские годы, когда мы в Сибири порой тоже так же упрашивали дождик перестать литься.

В Пэйтайхо я приехал уже в 8-м часу вечера, на вокзале взял рикшу и проехал прямо в Central hotel. На вокзале поезд наш встретили уже многие русские, в большинстве дамы, высматривавшие постояльцев для своих boarding-house'ов, в числе их я увидел М.П.Степанову, А.М.Шустову и Е.В.Смолянникову. Последняя предложила занять у нее комнату. Решил завтра побывать у нее и посмотреть ее дачу.

В Central hotel мне отвели довольно плохенькую комнату, с полным пансионом за 4 доллара в сутки. За ужином, на веранде отеля, я познакомился с публикой, которая населяла отель. В большинстве это были русские дамы: русские и еврейки. Утомившись от пути, я довольно крепко уснул и не просыпался до утра, когда уже рассвело. Спать было прохладно. Вечером этого дня моя жена в компании с Е.А.Лавдовской и И.Н.Головко-Улазовским должна была выехать по ж[елезной] д[ороге] на станцию Танку, чтобы там сесть на японский пароход, отходящий в Дайрен.

24 июля. Утром отправился на дачу г[оспо]жи Смолянниковой, где и снял небольшую комнату после некоторого торга. Комнату снял посезонно за 50 долларов, стол из расчета 80 долларов за месяц. Несомненно, я немного переплатил. Комнату снял посезонно из-за соображения, что, м[ожет] б[ыть], жене на обратном пути из Танканцзы удастся заехать тоже в Пэйтайхо и здесь пожить неделю-другую. Дача Смолянниковой расположена в центральной части Пэйтайхо, на Rocky Point, недалеко от моря. После обеда я оставил Central hotel и перебрался на новое место. Мои болячки на голове очень меня беспокоят. Надеюсь, что прохлада и морские купанья их вылечат.

25 июля. Моя дачная хозяйка, Е.В.Смолянникова, – уроженка Сибири, из Алтая, с ней находится ее 14-летняя дочь Таня, ребенком с родителями перешедшая русско-китайскую границу, и отец ее супруга, священник о[тец] Флегонт*, настоятель церкви при тяньцзиньском Доме милосердия. Далее на даче было семейство Хусисян: муж, жена и двое детей. Он родился где-то в Малой Азии, она – в Тифлисе. Затем было еще две дачницы: г[оспо]жа Н.Ф.Петрова и девочка Лия Быкова, первая родом из Петербурга, вторая, кажется, забайкалка. В моем лице вселился на дачу еще и иркутянин. Как это видно, бывшая Россия была представлена на даче Смолянниковой довольно-таки разнообразно.

В 11 часов утра я надел купальный костюм и пошел на море. С большим блаженством я погрузился в морские волны: плавал, нырял, барахтался в воде, наверное, не менее часа времени, чем привел в ужас моих новых знакомых по даче, которые считают, что для первого раза достаточно будет покупаться около 5 минут.

26 июля. Отправил письма и газеты жене. Записался в местную английскую библиотеку и взял для чтения интересную книгу лэди Hosie

«Two Gentlemen of China»[1]. Будет ли только читаться? Присмотрелся к Пэйтайхо: против прежних лет народу в нем немного. Виной этому – недавние события, разразившиеся на Северном Китае, и военная [рас]пря между японцами и китайцами. Приехала на дачу новая жилица m[ada]me К.М.Карпинская, родившаяся в Петербурге, выросшая в Харбине (дочь генерала Афанасьева).

28 июля. На рейде Пэйтайхо появились военные суда, кажется, английские... Приехал сюда на отдых английский посланник. Публика вообще понемногу прибывает. Купаюсь в море вовсю.

29 июля. Писем от жены нет. На даче появился муж нашей хозяйки [М.Ф.Смолянников*], взявший двухнедельный отпуск для летнего отдыха. В прошлом это белый офицер, теперь управляющей конторой одной большой пушной фирмы в Тяньцзине. Вечером небольшой компанией были в Tea shop, смотрели фокстротные танцы.

30 июля. Сегодня с о[тцом] Ф.Смолянниковым побывали на даче Русской Духовной Миссии. На той даче поселились семейства Рейс, Колобовых, Ушинских и Кулаевых. Прогулка вышла большая: вероятно, туда и обратно мы промеряли не менее семи верст.

31 июля. Отличный, яркий, солнечный день. С наслаждением купался в море. Мои болячки на голове начинают как будто подсыхать.

1 августа. С утра полил большой дождь, стало сыро. Купание сегодня пропустил. Хотел отправить письмо express жене, но на почте мне заявили, что в зону Южно-Маньчжурской ж[елезной] д[ороги] принимаются письма только простые. Боюсь, что и мои письма к жене не доходят.

2 августа. Снова отличный день. Наслаждаюсь чистым воздухом, купаюсь, гуляю. Чувствую, что силы мои освежаются.

3 августа. Хорошо, но все же дни проходят однообразно, по-дачному. Живу, как животное, даже очень мало читаю. На даче компания жильцов подобралась хорошая: кажется, ко мне все относятся дружески – хорошо. А на даче компания – дело великое. Сколько могу, развлекаю дам шутками.

4 августа. Получил, наконец, первое письмо от жены. Письмо от 30 июля, значит, шло пять дней. В Пэйтайхо на лавках вывешены флаги Гоминьдана. Это означает, что курорт перешел от японцев снова под крыло Нанкина.

5 августа. Вчера ходил на Lotus Hill и любовался здесь многочисленными живописными уголками. Часто брожу по берегу моря. От больших прогулок пока еще воздерживаюсь.

6 августа. Воскресенье. Ходил в гости к Капустиным, которые имеют здесь свою дачу. Отсюда большой компанией ходили в горы. На нашу дачу приехали супруги Быковы.

7 августа. Получил от жены целых четыре письма. Пишет, что начала курс лечения своих больных рук. Боюсь за ее сердце, так как в этом отношении горячие грязи в Танканцзы могут быть опасны.

---

[1] Hosie, Dorothea Soothill (1885–1959). Two gentlemen of China; an intimate description of the private life of two patrician Chinese families, their homes, loves, religion, mirth, sorrow, & many other aspects of their family life, by Lady Hosie, with an introduction by Professor Soothill. London, Seeley, Service & co. Limited, 1929.

8 августа. Сегодня утром хозяин дачи подрался с китайцем, кули-водоносом. Я не принял участия в этом происшествии. Кажется, сочли, что я трус. Мои болячки на голове почти все ликвидировались. Собираюсь числа 15-го вернуться в Тяньцзинь, где, как пишут, погода устанавливалась прохладная, во всяком случае, терпимая.

9–13 августа. Дни потекли однообразно. Начал совершать большие прогулки. 12-го дважды в день путешествовал на Shell Beach и, в общей сложности, за день прошел не менее 18 верст.

14 августа. Возвратился домой со сквозным поездом. Поезд шел быстро и точно. В вагонах была видна японская охрана. Мой отдых на море продлился 3 недели.

15 августа. Итак, я снова в Тяньцзине, который после пэйтайховской зелени показался мне серым и тусклым. Жена пишет, что числа 23-го намерена также возвратиться домой.

16 августа. За мое отсутствие в Тяньцзине я получил мало писем, корреспонденции вообще. Д.П.Першин из Калгана прислал мне свою рукопись о Внутренней Монголии. Нью-Йоркский журнал «Asia» сообщил мне, что из 75-ти посланных мною фотографий, относящихся к Халхе, он приобретает 25 и переводит за них мне 10 американских долларов. Давно нет никаких писем из Праги. День провел в мелких хлопотах, вечером сделал большую прогулку за город. Жара стоит терпимая: около 80 градусов по Фаренгейту. Местное русское общество «Сокол» пригласило меня прочесть ряд лекций по сибиреведению и китаеведению. Я дал свое согласие на это. Жена приглашена прочесть ряд лекций по истории русской литературы.

17 августа. Утром побывал у епископа Виктора, который лежит в постели, страдая от ревматизма. Беседовали довольно долго. Я узнал, что переданная мною в свое время епископу рукопись «Албазин и албазинцы» лежит где-то в Шанхае без всякого движения. После обеда я ходил по знакомым и собирал деньги в пользу Д.П.Першина. День был довольно жарким. Я порядочно потел. Если бы не было так дорого жить в Пэйтайхо, лучше было бы пожить там лишнюю неделю.

18 августа. Занялся корреспонденцией: наладил очередные посылки в Прагу и Америку. С 8-го августа прошлого года я начал записывать наши заработки с женой. На днях сделал подсчет. Выяснилось, что за год мы с женой заработали всего 4476 долларов. По отдельным статьям этот доход распределился так:

Литературные заработки 2419 долл[аров]
Уроки 1965
Разные 92
Всего 4476 долл[аров].

Пожалуй, в будущем году уже не удастся столько заработать. Не предвижу удачного заработка в Америке.

19 августа. Местный бунтарь, войсковой старшина Шишкин, вкупе с несколькими любителями критики и оппозиции, приступил к созданию газеты «Зарубежный Голос», которая пока выходит спо-

радически[1]. Я видел первый номер этой газеты, который оказался на редкость тусклым и бездарным. Не много ли будет: три русских газеты для Тяньцзиня?

20 августа. Воскресенье. Ночь провел скверно, почти без сна: мучил припадок боли в печени. Ночь была очень прохладная, я же лежал в тяжкой испарине. Кажется, в этом году это был мой первый припадок болезни печени. Тяжко сознавать, что к старости тебя одолевают все более и более разные болезни.

21 августа. Получил письмо от жены. Пишет, что собирается вернуться домой в субботу, 26-го. Вечером побывал один за другим в трех клубах: шахматном, теннисном и Русском. В Русском теннисном клубе публика разнообразно проводит время: кроме игры в теннис я видел тут игру в бридж и маджан. Утром у меня побывал и пообедал В.А.Зубец из Пекина. Взял черновик своих мемуаров и одну копию моей переработки их. Интересно, что-то даст нам эта мемуарная затея. Я думаю, в половине сентября придет уже ответ из Америки. В «Возрождении Азии» некто за подписью «Унгерновец» печатает довольно интересные очерки из эпопеи сумасшедшего барона[2]. Я довольно аккуратно вырезаю из газеты эти очерки для своего архива.

22 августа. Литературные мои занятия налаживаются очень туго; понемногу веду обработку мемуаров В.Ю.Сокольницкого.

23 августа. Журнал «Парус» просит меня посылать ему рассказы из китайской жизни. Не знаю, явится ли у меня желание еще что-нибудь посочинять по части беллетристики.

24 августа. По городу расклеены летучки с извещением, что скоро в Тяньцзинь прибывает Терский казачий хор. Значит, для любителей хорового пения скоро будет много удовольствия.

25 августа. Опять провел ночь без сна: жестоко мучили боли в печени. На протяжении шести дней – это второй припадок. Отчего, не знаю. То ли я ем больше, чем надо, то ли что-то неладно в моем выборе пищи. С нетерпением жду приезда жены; она должна возвратиться домой завтра или послезавтра. Надеюсь, она с обычным ей присущим мастерством и чутьем наладит наш общий стол. С 1-го сентября нам придется потесниться: мы решили сдать одну из наших больших комнат мальчику Люрс Звереву, который приезжает сюда из Пекина для поступления в старшие классы английской школы для практики в английском языке. С нами он в то же время будет заниматься по программе русских учебных заведений, примерно на аттестат зрелости. До сих пор Зверев (он же Ростислав Кульшинский) учился в Пекине, в немецкой школе, которую он и окончил весной этого года. Нашей квартирантке, Н.В.Семеновой, придется выехать из нашего дома. Приходится наводить режим экономии.

---

[1] Зарубежный Голос: [«Временник» газеты того же названия]: Орган русской патриотической мысли / Отв. редактор Д.Я. Шишкин. [Изд. «Временника» – впредь до выхода газеты «Зарубежный Голос», который не вышел]. Тяньцзинь, 1933; См. об этом: Новая русская газета в Тяньцзине // Возрождение Азии. 1933. 25 июля.

[2] Возможно, автор П.Чегодаев.

26 августа. Вечер провел в кафе Карацаса, где одновременно играл с двумя шахматными игроками. Выиграл шесть партий, не проигравши ни одной. Рано улегся спать.

27 августа. Утром рано меня разбудил наш повар-китаец фразой:

– Мадам лай-ла!

Приехала жена вместе с ее спутницей Е.А.Лавдовской. Как показалось мне, обе похудели. Весь день рассказывали друг другу: жена о том, как проводила время в Танканцзы, я – о том, как отдыхал в Пэйтайхо. Ткаченко, русский доктор в Танканцзы, констатировал у жены болезнь сердца, миокардит, и сделал ей ряд медицинских предписаний. Руки у жены как будто стали болеть менее.

28 августа. Успенье. День выдался необыкновенно жаркий. Наладившийся к вечеру дождик немного освежил атмосферу. С громадным нетерпением жду настоящей осенней погоды.

29 августа. Надо как-то располагаться на 14-ую осень в Китае. Надежд на возращение в родные края нет никаких. Китай, китайцы и китайщина надоели и опостылели до последней возможности...

30 августа. Кажется, я надумал окончательно набросать ряд очерков из эпохи рассеяния белых русских по просторам Азии, в живой полубеллетристической форме, выбрав для живописания наиболее драматические моменты из этой эпохи. Все это будет относиться к 1920–22 годам. Эту свою проектируемую киноленту рассказов думаю перевести на английский язык и предложить какому-либо частному американскому издательству. Цель – зашибить немного денег, если удастся... О, мечты! Мечты!

31 августа. Получил письмо из Пекина с известием, что наш новый квартирант и ученик Люра Зверев приезжает к нам в субботу, 2 сентября.

1 сентября. Жена занята усиленными хлопотами по устройству комнаты для нашего нового постояльца. Я слоняюсь из комнаты в комнату и томлюсь от скуки.

2 сентября. В 7 ч[асов] 25 м[инут] вечера я встретил на вокзале Л.Зверева.

3 сентября. Утром отправился на прогулку за город, по направлению к Скаковому кругу. По дороге туда трое встречных знакомых сообщили мне новость дня:

– Убит Андрющенко!

Андрющенко – в прошлом студент Восточного института во Владивостоке, здесь владелец столярно-мебельного предприятия «Decora Studio», поставлявшего для города художественно исполненную мебель в стиле модерн. Мастерская за последнее время приобрела большую популярность, отлично работала, будучи завалена заказами. Убит был Андрющенко за городом, недалеко от усадьбы Бендерского. Я видел труп убитого, накрытый простыней, в стороне от дороги, где печально стоял автомобиль убитого. Публика предполагает, что убийство, вероятнее всего, произошло на почве мести, возможно, на романтической подкладке. Трагедия разыгралась ночью. Труп был обнаружен прохожими китайцами рано утром. Русская публика очень взволнована происшествием.

Вечером мы с женой слушали концерт хора терских казаков под управлением маэстро Машина. Получили, конечно, большое удовольствие.

4 сентября. В связи с убийством Андрющенко арестованы будто сегодня супруги Сидоровы: он – предприниматель, владелец кишечного завода; она зубной врач. Город продолжает питаться этой сенсацией дня.

5 сентября. Кончил сегодня обработку и переписку мемуарной работы В.А.Сокольницкого, описавшего поход его отряда в 660 человек из Западной Монголии в Китайский Туркестан (от Кобдо до Гучена) в 1922 году. Теперь придется, кажется, засесть за другую его работу, носящую заглавие «Кайгородовщина». Последняя работа имеет более объемистый вид, чем первая.

6 сентября. Беседовал с директором английской школы. Оказалось, что наш квартирант, Люра Зверев, провалился на экзаменах и в школу принят быть не может. А ведь мальчик ранее полностью кончил немецкую школу в Пекине. Видимо, школа эта очень плохо поставлена и не даст ученикам прочных знаний. Для его матери это будет малоутешительно.

7 сентября. Вечером, неожиданно для нас, приехала к нам из Пекина О.Л.Зверева. Она озабочена устройством своего сына, которому надо продолжать свое образование.

8 сентября. Супруги Сидоровы продолжают сидеть под арестом. Город не перестает обсуждать таинственное убийство Андрющенко.

9 сентября. Побывал на вечеринке – бале, устроенном русскими соколами в Русском клубе. Перед дивертисментом полк[овник] Н.П.Коршунов сказал краткое слово по истории сокольства вообще, русского сокольства в частности. Н.П.Коршунов имеет ораторское дарование. Он – оратор божьей милостью, явление довольно редкое в рядах эмиграции. На вечеринке я пробыл до 2-х часов ночи.

10 сентября. Воскресенье. Согласился через неделю прочесть у соколов лекцию на тему «Народы Сибири». Вечером побывал на вечеринке, устроенной Эмигрантским комитетом на площадке Русского теннисного клуба.

11 сентября. Началась педагогическая страда. Сегодня провел за уроками уже четыре часа. Эта страда продлится до первых чисел декабря. За день у меня побывало двое визитеров: Галкин из Дайрена и В.А.Зубец из Пекина.

12 сентября. Вечером меня посетил гость из Харбина Т.В.Бутов*, когда-то, во времена Сибирской республики, «именитый сибирский болярин». Он ведал в 1918 году всей секретарской частью Совета министров Сибирского правительства, в то время как его родной брат стоял во главе секретариата Рев[олюционного] военного совета Советской республики, т.е. у Троцкого. Теперь на визитной карточке Бутова значится: директор Торгового Дома «Чистяков и компания», в Харбине. Кажется, занят в кишечном деле.

13 сентября. Дни проходят скучно. Много времени тратится совершенно непроизводительно. В родной стране и обстановке я даже и в эти мои годы сделал бы в десять раз более, чем здесь.

14 сентября. Получил письмо от Фишера из Америки, не очень утешительного характера. По животрепещущему для меня вопросу о мемуарах Зубца он сообщает следующее: «Подтверждаю получение Ваших писем от 18 и 22 июля вместе с манускриптом В.А.Зубца. Я с удовольствием передам его в Библиотеку Хувера с Вашим предложением. Если же библиотека не будет в состоянии его приобрести, я постараюсь продать его другому учреждению, которое может им заинтересоваться. Я должен сказать, что рассчитывать на предложение Библиотеки напечатать этот материал на английском языке в 1934 году не приходится. Я также должен предупредить Вас еще раз, что средства для приобретения Библиотекой таких материалов уменьшились, и поэтому автору этого документа не следует быть слишком оптимистически настроенным в вопросе о покупке его материала Библиотекой...»

В этом ответе я мало что понимаю. Если у Библиотеки Хувера нет средств и она не в состоянии израсходовать даже несколько сот долларов на приобретение такой интересной рукописи, как мемуары Зубца, то вообще к чему же тогда ее деятельность может сводиться? К переписке со случайными корреспондентами вроде меня? К ожиданию сложа руки лучших времен?

Вечером зашел ко мне Н.П.Коршунов и сообщил, что моя лекция о народах Сибири перенесена на субботу, 16 сентября. Положение мое с уроками пока определилось так. Имею шесть учеников и учениц. Занят с ними 20 часов в неделю, что даст мне заработка 150 долларов в месяц. Жена пока имеет двух учениц.

15 сентября. Вчера вечером побывал на 14-м вечере русской музыки в Русском клубе. На этом концерте виктрола исполняла произведения Чайковского, Прокофьева, Дубенского и Авшаломова*. Меня заинтересовал последний композитор, с которым я несколько лет тому назад встречался здесь, в Тяньцзине. Авшаломов родился в еврейской семье в городе Николаевске-на-Амуре в 1894 г. По окончании университета в Цюрихе, в Швейцарии, он уехал в Сан-Франциско, где много занимался музыкой. Затем он прожил несколько лет в Китае, в Пекине, где посвятил все свое свободное время изучению китайской музыки. На основе народных китайских песен, пения в китайских кумирнях и музыки китайского театра Авшаломов написал оперу «Богиня Гуань-Инь», которая была с успехом исполнена в Америке, в Портленде. В настоящее время Авшаломов проживает в Шанхае. На концерте были исполнены его произведения на китайские темы и с китайским ритмом: 1) поэтические произведения из сборника Ши-Цзин «Ты умрешь», для голоса и оркестра, и 2) пляс уличных мальчишек в деревне. В «Ты умрешь» пела китаянка, обладательница весьма красивого сопрано, европейски поставленного. Кажется, впервые в жизни я слышал такое пение китаянки. Оба произведения Авшаломова были исполнены симфоническим оркестром в Шанхае под управлением дирижера Пати.

Стихотворение «Ты умрешь» было написано в глубокую старину китайским поэтом по адресу одного скупого феодального владетеля, обладавшего колоссальными богатствами и ими не пользовавшегося.

В русском переводе это стихотворение гласит примерно следующее:

У тебя есть богатые наряды и парча,
Отчего же ты так бережешь их?
Кони есть у тебя в роскошной упряжке,
Отчего же позволяешь стоять им?
Ты умрешь,
И тогда уж другой, а не ты
Насладится всем этим...
У тебя есть палаты, есть и дворцы.
Отчего же их никогда не метут?
Есть барабаны, есть и колокола.
Отчего же не слышно их звуков?
Ты умрешь,
И тогда уж другой, а не ты
Насладится всем этим...
У тебя есть вино, вкусные яства.
Отчего не играешь на лютне всегда,
Чтобы в радости проводить свои дни?
Ты умрешь,
И тогда уж другой, а не ты
Насладится всем этим...

и т.д.

Сегодня узнал из газет, что епископ Виктор назначен начальником Русской Духовной Миссии в Пекине. Я не знаю, является ли епископ Виктор честолюбцем, добивался ли он своего назначения на этот пост. Одно могу сказать, что не на радость свою он так высоко поднялся. Сегодня же Н.П.Коршунов рассказал мне следующую грустную новость. Последние недели епископ Виктор, страдая ревматизмом, лежал на излечении в Рокфеллеровском институте в Пекине. К нему на днях явился приехавший из Тяньцзиня в Пекин пресловутый китайский священник, протоиерей Сергий Чан и попросил епископа приехать в Миссию, чтобы принять участие в работах какого-то совещания. Епископ внял просьбе протоиерея, встал с постели и отправился в Миссию. На совещании Сергий Чан предъявил епископу Виктору требования о предоставлении ему архиерейских покоев и сдаче ему миссийского дома на Синкайлу. Епископ ответил, что эти дома не принадлежат ему лично и являются собственностью Миссии и что он поэтому не может решать этот вопрос сейчас же. Протоиерей затеял крупный разговор. Епископ встал, чтобы покинуть совещание. Чан преградил ему путь и затем якобы толкнул епископа в бок так, что тот упал на пол. Никто из присутствовавших не заступился за православного епископа, попираемого диким китайцем. Служка поднял епископа на ноги, и он уехал обратно в госпиталь. Эта история была бы невероятна, если бы не было так сумбурно то время, которое мы переживаем.

Н.П.Коршунов рассказал мне всю эту историю «по секрету». Я думаю, однако, что скоро ее будут знать все, если только она правдива. В последнем случае, чем она кончится, трудно сказать. Правдивость ее для меня все же сомнительна.

16 сентября. Сегодня в Пекине маститый Д.Л.Хорват празднует 75-летие свое в кругу друзей и представителей некоторых эмигрантских организаций. Из Тяньцзиня на празднество выехало несколько человек, в том числе полковник А.П.Бендерский и

Е.М.Адерсон. Мы с женой послали почтенному юбиляру поздравительное письмо.

17 сентября. Воскресенье. Вчерашняя моя лекция у соколов прошла удовлетворительно. Из-за краткости времени, предоставленного в мое распоряжение, я не сумел рассказать всего, что задумал. На вечеринке было более ста человек народу.

Сегодняшний день провел вяло и скучно. Вечером ко мне забрел Mr. More. С ним долго говорили о китайцах и Китае.

– Я ненавижу китайцев, презираю их, – говорил мне мой собеседник. – Я устал смертельно от Тяньцзиня. Нужно куда-нибудь уезжать отсюда.

Признаться сказать, я разделял его настроение и мысли. Но куда тронешься без денег? Хоть бы выиграть кучу денег в какую-нибудь лотерею! Теперь Американский полк каждые две недели устраивает лотереи: за один доллар можно счастливцу выиграть 8000 долларов. Мы с женой уже несколько раз пытали счастье, но все неудачно...

18 сентября. Надумал прочитать для соколов лекцию о русском языке, искажениях его и словотворчестве в нем, иллюстрируя эту свою лекцию сценическими эскизами. Вообще, планов у меня по части лекционной немало...

19 сентября. Побывал вечером на именинах М.Ф.Смолянникова. Было человек двадцать гостей. Разило скукой...

20 сентября. Переписываемые мною мемуары В.Ю.Сокольницкого «Кайгородовщина» весьма интересны. Я с удовольствием погружаюсь в эти предания «старины глубокой». Беседовал сегодня с соколом Константиновым, бывшим партизаном отряда Казагранди. Он тоже поведал мне много интересного о действиях этого отряда. Все более и более убеждаюсь, что рассеяние «белых русских» по просторам Центральной Азии – грандиозная эпопея, которой необходимо получить своего Гомера, изобразителя...

21 сентября. В целях снижения давления крови начал вливание японского препарата «Lodinon» (глюкоза) по совету мукденского доктора Ткаченко. Последнее измерение давления крови показало у меня: 216. С таким давлением ни одно общество не возьмется страховать мою жизнь.

22 сентября. У меня появился новый ученик для подготовки его в английскую школу, молодой человек 18 лет. Это некто Педашенко, сын врача из Китайского Туркестана. По его рассказам, он вместе с 12-ю другими русскими пробыл полтора года в плену у мусульман. Здесь его неоднократно били, мучили, водили на расстрел. Слушать его рассказы – страшно. Подумать только, за что судьба приготовила иным русским в Китае такие ужасные испытания. В Тяньцзинь мой ученик вместе с матерью прилетел из Туркестана на аэроплане.

23 сентября. Получил письмо от Д.И.Густава*, редактора журнала «Парус», с просьбой поддержать этот журнал посылкой работ: статей, рассказов и пр. В письме Густав причислил меня к «редким рядам действенных культурных сил русской эмиграции». Если это не комплимент, то приятно прочесть такую оценку.

24 сентября. Воскресенье. Вчера вечером побывал у меня И.Я.Антуфьев, владелец книжного магазина «Знание», сибиряк родом, когда-то живший и в Иркутске. Много беседовали на сибирские темы, вспоминали Иркутск. Я достал из своего книжного шкафа «Восточное обозрение» за 1889 год. Антуфьев, большой библиофил, пришел в восторг, увидев такую сибирскую книжную редкость.

Сегодня я был с ответным визитом у него. Потом пошли пить чай к старикам Наквасиным, кяхтинцам. Старик Наквасин*, по моей просьбе, рассказал мне кое-что из старого кяхтинского быта, привел примеры того своеобразного языка, на котором объяснялись когда-то в Кяхте русские и китайцы. Вот, например, китаец говорит по-русски:

– Нынче влемя шибка худа, талан ниту никакой, чай поташи шибка мало; кушаху все дологой...

Это значит:

– Время ныне очень худое; работы нет. Чаю привозят очень мало. Кушать – все дорого!..

Или вот обмен привстствиями:

– За теби како поживай?!

– За моя шибка халошо.

А вот и целая картина: китаец пилит на своей скрипке, сидя на базаре, и поет, что баба на базаре продает ватрушки. Баба – маленькая, толстая, походит на пушку. А ее мужик, как дурак, таскает квас в туесе, ходит и кричит: Квасу! Квасу! Я попробовал квасу немного, и брюхо заболело.

По-китайски, на русском языке, это выходило так:

– Баба на базале продает а ваталушки. Сама – маленьки, толстан, андали наша пушка!

Ти-та, ти-та! Та-та-та! То-то-та!

За его мужики андали дулаки, все кваса потайшан по большан булаки.

Ти-та, ти-та, ти-та-та!

– Куаса! Куаса! За его кличи за моя плобавай пустяка, блюха заболита.

Ти-та, ти-та, Та-та-та!

Или:

– Ты плохо поступил со мной!

Это на особом языке будет значить:

– За тебе жестоко манел постав еси.

Кое-что в этом роде было когда-то записано в известной книге Максимова о русском Дальнем Востоке[1].

Купил сегодня себе сентябрьскую книжку «The China Journal»; в ней напечатана моя небольшая заметка «Transportation of Wool on the Huang Ho» с двумя фотографическими иллюстрациями. Это уже четвертая моя заметка в этом английском журнале.

25 сентября. В начале декабря я наметил прочесть свой доклад на тему «О недочетах этнографии как науки» в одном из очередных

---

[1] Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. 3-е изд. СПб.: Просвещение, 1909.

заседаний местного Литературно-научно-художественного кружка. Признаться сказать, большой охоты работать в этом кружке у меня нет. Приготовил для отправки в «Парус» статью «Русские интересы в Китае» – ту самую, что не была принята у меня в Париже «Современными записками».

26 сентября. Советско-японские отношения становятся натянутыми и напряженными. Публика начинает поговаривать о возможности войны между Сов[етской] Россией и Японией.

– Война так война! – говорят некоторые. – Хотя бы разрядилась эта проклятая атмосфера, которой мы дышим теперь... и от которой задыхаемся.

27 сентября. В китайских делах опять происходит какая-то несуразица: какой-то генерал опять куда-то почему-то и для чего-то наступает. Видеть эти несуразицы вот уже тринадцать лет подряд – это поистине тяжелое испытание.

28 сентября. Сенсация месяца: убийство Андрющенко продолжает привлекать внимание русских кругов здесь. Арестованные по этому делу супруги Сидоровы предаются на днях суду. Говорят, что прямых улик против них все же нет. Любители посудачить высказывают предположения, что Андрющенко могли убить большевики, которые имели против него какой-то зуб... – больно уж работа-то чистая; так убрать человека способны только наши большевики, говорят некоторые.

29 сентября. Получил сегодня предложение от О[бщест]ва «Сокол» прочесть в воскресенье, 1-го октября, лекцию для соколов на тему «Народы Китая». Хотя у меня и мало времени остается для подготовки, все же я дал свое согласие. Ученики у нас с женой прибавляются: сейчас мы имеем, кажется, уже 12 человек, обучающихся у нас.

30 сентября. Виделся с Р.Смит, который только что вернулся из Харбина, и он порассказал мне много интересного о харбинском житье-бытье.

– Войну Сов[етской] России с Японией там считают неизбежной, но никто, конечно, не знает сроков.

От него же я узнал, что дочь П.В.Вологодского [Зина*], живущая сейчас в Америке, продала мемуары своего отца в Hoover War Library, точнее, в находящийся при этом учреждении Институт по изучению русской революции. По словам рассказчика, представитель сибирских областников в Харбине, проф[ессор] М.П.Головачев за последнее время безвыездно торчит в Токио, где, очевидно, ведет какие-то переговоры с японцами.

1 октября. Воскресенье. Днем побывал на торжественном освящении знамени в местной организации «Русский Сокол». Сокола, соколки и соколята были в парадной форме и представляли в своем построении живописные ряды. Торжество началось с молебна, который служил о[тец] прот[оиерей] Петр Рождественский, в сослужении о[тца] диакона Федора Дэ (албазинца). По моему подсчету, соколов в парадной форме было не менее ста человек.

Вечером в сокольне состоялась моя лекция на тему «Народы Китая». Читал я ее около 40 минут. Признаться, трудно выбрать тип

лекции: слишком уж разношерстна аудитория – как по возрасту, так и по общему развитию слушателей (дети и взрослые, малограмотные и ученые). Как-то надо приноровиться. Следующая лекция заказана мне на тему «Славянские народы».

2 октября. В данное время я имею уже занятыми уроками 33 часа в неделю, и жена имеет 10 часов в неделю же. Порой уроки меня утомляют, тем более что я занимаюсь почти исключительно по математике. Изредка, по старой памяти, преподаю латинский язык.

3 октября. Дни проходят в трудовом порядке. Занимаюсь уроками; в промежутке между ними веду обработку мемуаров Сокольницкого, кои нахожу интересными. Начинаю обдумывать план моей новой работы «Рассеяние русских белых армий по материку Азии». План этот еще не совсем вырисовался у меня. Есть еще желание что-то сделать, только бы хватило сил и здоровья!

4 октября. Сегодня – китайский осенний праздник, праздник Луны. Гуляя вечером по улицам города, я заметил кое-где в китайских лавках жертвенные приношения в честь ночной красавицы: это были различного рода яства и фрукты, расставленные на столах, с двумя горящими свечами на них. Луна сегодня великолепно сияет на небе, в полном блеске, чувствуя свой именинный день.

5 октября. Года четыре тому назад я написал статью на тему «Людские опустошения в Китае». Статью эту я нигде не напечатал, и она до сих пор валяется в моем архиве. Последние годы могли бы прибавить еще много грустных цифр к этой моей статье. Наводнение Желтой реки в этом году принесло большие несчастья: погибло 50 000 человек, 2 000 000 пострадало; из них более миллиона голодает. Коммунистические банды предали за последние четыре года потопу и разграблению сотни уездов центральных и южных провинций страны.

6 октября. Сегодня вечером в квартире председательницы Литературно-научно-философского кружка m[ada]me Стилл состоялось сообщение А.А.Орлова на тему «Китай и китайцы». Докладчик прочел перевод, сделанный им из книги одного иностранного путешественника по Китаю. После доклада – легкий обмен мнениями по поводу прочитанного и затем основательный ужин, предложенный гостеприимной хозяйкой. M[ada]me Стилл – русская родом, замужем за англичанином, занимающим большое место по администрации Пекин-Мукденской ж[елезной] д[ороги].

7 октября. На дворе стало что-то очень холодно. Люди оделись в теплое платье. Боюсь, как бы завтра погода не испортила сокольского парада.

8 октября. Сокольский парад состоялся в 2 часа 30 минут на Can do Field, гимнастической площадке американских войск. Присутствовало много народу. Мы с женой получили даровые билеты. К сожалению, стояла холодная погода, дул противный пыльный ветер. Все это портило зрелище и мешало гимнастическим упражнениям. Я схватил простуду и к вечеру почувствовал себя плохо.

9 октября. Весь день провалялся в постели, отменив свои уроки. Голова была тяжелая, сильно хотелось спать, был легкий жар. На ночь выпил малины, проглотил таблетку аспирина.

10 октября. Сегодня почувствовал себя лучше и снова начал свои занятия.

Вчера Китайский Суд начал слушанием дело об убийстве Андрющенко; в качестве обвиняемых по делу находятся супруги Сидоровы. Суд был переполнен публикой. Газеты, русские и иностранные, печатают сегодня длинные судебные отчеты.

11 октября. Получил на этих днях ряд писем: в т[ом] числе от Фишера и журнала «Asia» из Америки, Д.П.Першина из Калгана и И.Н.Головко-Улазовского из Харбина. Д[окто]р Фишер сообщил, что он не нашел возможным приобресть мемуары Зубца для архива Военной Библиотеки Хувера, но, возможно, их приобретет некоторое другое учреждение. Пилюля несколько позолочена, но это не меняет существа дела. Меня удручает то обстоятельство, что в Америке как будто закрываются для меня источники дополнительного заработка. Не хотелось бы, чтобы это действительно было так.

12 октября. Получил письмо от проф[ессора] Паттерсона (Ernest Minor Patterson)* из Филадельфии с предложением вступить в число членов Американской Академии Политических и Социальных знаний, председателем которой он состоит. Эта Академия имеет свои издания: ежегодно выпускает шесть томов, каждый из которых посвящается одному какому-либо важному национальному или международному вопросу. Июльский том Академии за этот год был посвящен, напр[имер], теме «Американская политика в Тихом океане».

13 октября. Проскочили кое-как письма из Праги, но, в общем, я мало получаю теперь почтовой корреспонденции.

14 октября. Покров Пр[есвятой] Богородицы. Сегодня градотяньцзиньская Покровская церковь празднует свой престольный праздник. Для меня, в заграничной обстановке, этот праздник прошел, как будни: имел семь часов занятий с учениками. К вечеру порядочно устал от уроков.

15 октября. Воскресенье. Утром гулял за городом. Был на усадьбе Бендерского. Случайно встретился здесь с проф[ессором] Широкогоровым и его женой. К сожалению, не успел с ними побеседовать как следует. Профессор приехал сюда погостить на несколько дней. Сегодня же он уезжает в Пекин, где он состоит в профессорской коллегии университета Цин-Хуа.

16 октября. Германия вышла из Лиги наций – вот сенсация дня. Как видимо, мир начинает поворачиваться в какую-то другую сторону. Куда? Будут ли драться паны? Будут ли трещать чубы у хлопцев?

17 октября. Неприятный день... Хотел бы, чтобы он стал приятным днем – днем забвенья и исцеленья грехов прошлого, и притом прошлого, более далекого от нас, чем моя жизнь... от начала дней моих.

18 октября. Начал перечитывать книгу Оссендовского* «Звери, люди, боги». Хочу поучиться у него, как надо врать, чтобы уметь зарабатывать деньги в Америке... нечем иным, как именно этим самым враньем...[1]

---

[1] А.М.Оссендовский является инициатором шантажа известной дальневосточной фирмы «Кунст и Альберс», имевшей тесные связи с Германией. Он потребовал

19 октября. Что-то опять я начал плохо чувствовать себя.

20 октября. Весь день «скудал» желудком, каковой я, очевидно, где-то простудил. Часть дня провалялся в постели.

21 октября. Сегодня стало мне лучше. Вечером, после двух суток голодания, я немного поел.

22 октября. Газеты много пишут о предстоящем признании Соединенными Штатами Союза Советских якобы Социалистических Республик и о предстоящей поездке в Америку полномочного представителя бывшей России Финкельштейна-Валлаха-Меера-Литвинова, когда-то продавца награбленного товара. Сам президент Рузвельт примет Литвинова. Эх!..

23 октября. Сказать откровенно, я не ощущаю аппетита к жизни...

24 октября. Кажется, плохо то, что даже литературные занятия перестали меня интересовать...

25 октября. В этом месяце мне удастся перевести Д.П.Першину в Калган 30 долларов: из Шанхая от Н.К.Эльтекова* пришло подкрепление для этой цели в сумме десяти долларов. Эльтеков, бывший сослуживец Першина, обещает ежемесячно посылать по столько же.

26 октября. После летней поездки в Танканцзы жена окончательно расстроила свое сердце, и теперь она часто чувствует недомогания в сердечной деятельности. Сегодня ночью она почти не спала, боялась за сердце, принимала капли. Так вот, к 50-ти годам мы оба превратились в инвалидов.

27 октября. Отправил письмо в шанхайский «Парус», который прошу выручить мою рукопись «Албазин и Албазинцы». Эта рукопись, как сообщил мне недавно епископ Виктор, оставлена им у о[тца] иеромонаха Гавриила*.

28 октября. Газета «Возрождение Азии» перепечатала сегодня из шанхайского «Слова» мою статью «Покорение Сибири», отнюдь, однако, не под этим заглавием, а придумав свое собственное, именно: «Сибирь – страна родная». Инициалы мои (И.С.)[41] сохранены, источник, откуда статья заимствована, не указан. Газетные нравы в эмиграции упростились до чрезвычайности.

29 октября. Побывал сегодня на вечеринке соколов в Русском клубе. Ушел, когда веселье было еще в разгаре. Молодежь непринуж-

---

от главы Торгового дома А.В.Даттана отступную в 25 тыс. руб. Коммерсант отказался, и Оссендовский опубликовал в петербургской газете «Вечернее время» статью «Дальневосточный паук», в которой утверждалось, что известная компания была гнездом немецких шпионов на Дальнем Востоке. Судебный процесс не внес ясности в запутанное дело, доказать, что Торговый дом с немецкими корнями не имел никакого отношения к шпионажу, никто не смог, и в январе 1915 г. Даттану пришлось отправиться этапом в ссылку – в Томскую губернию. Фирма же понесла миллионные убытки. В 1917 г. О. повторил аферу – на этот раз с большевиками. Он публично обвинил их, предъявив якобы подлинные документы, в том, что они являются платными агентами германского военного командования. Позднее графологи, проверив подписи на документах, сделали заключение, что они были подделкой. Весной 1921 г. О. стал советником и близким другом барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. Этот период своей жизни он описал в книге «Звери, люди, боги», выдержавшей много изданий и переведенной на иностранные языки. Позднее было доказано, что в ней содержится немало вымысла.

[1] См. приложение (Список псевдонимов).

денно и скромно веселилась. Танцевали, но не фокстрот, который изгнан... В общем, вечеринка оставила у меня приятные впечатления. Кажется, созданной организацией надо дорожить.

30 октября. Перевел сегодня Д.П.Першину в Калган 30 долларов. Жаль, что запоздал с переводом. Старику, наверное, туго приходится. В общем, за этот год я перевел ему свыше 180 долларов. Конечно, этого мало. Но что делать? Слава Богу, что пока и это находится.

Мои ученики, Зверев и Луговская, держали сегодня экзамен в Английской школе. Оба приняты в школу. Утра у меня теперь будут свободные.

На днях представители местных русских общественных организаций посетили китайский суд и наводили справки по вопросу о положении Сидоровых, заключенных в тюрьме. Выяснилось, что сидят они в скверных условиях: камеры не топятся, страшно холодно, полно крыс. Судья откровенно заявил, что он не может, совершенно бессилен, чтобы улучшить условия тюремной жизни для Сидоровых, пообещал все же ускорить слушание дела.

31 октября. Сейчас у нас с женой 15 учеников и учениц – своего рода маленькая школа. Это обилие учеников – не надолго, всего до середины декабря, когда будут здесь происходить Кэмбриджские экзамены.

1 ноября. На днях перечитал прошумевшую в свое время книгу Фердинанда Оссендовского «Звери, люди и боги». Книга эта впервые появилась в Америке, на английском языке, произвела здесь фурор и принесла автору значительный гонорар. Потом она была переведена на французский и некоторые другие европейские языки, появились и на русском языке в дешевом рижском издании Г.Л.Биркгана в 1925 году. Об авторе ее я был несколько наслышан в России еще до революции 1917 года. В предреволюционные годы Оссендовский жил в Петербурге и занимал здесь место секретаря Совещательной конторы золото- и платинопромышленников и состоял в то же время сотрудником суворинского «Нового времени».

Во время Великой войны мне пришлось услышать кое-что о нем при следующей обстановке. В 1915 или 1916 году я как-то в Иркутске получил по почте большой пакет, адресованный в организованный мною Архив Войны при музее Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Пакет этот содержал ряд документов, доказывавших, что вся травля по адресу якобы работающей в пользу германского шпионажа в России известной дальневосточной торговой фирмы Кунста и Альберса затеяна и проводится на средства другой крупной дальневосточной же русской фирмы Чурин и К°, при содействии сотрудника «Нового времени» Оссендовского. По заказу фирмы Чурина Оссендовский, укрывшись под псевдонимом Марк Чертван, написал роман, где изобразил шпионскую деятельность в России фирмы Кунста и Альберса, особенно главы этой фирмы Даттана.

Я не помню сейчас заглавия этого романа, но в свое время я его видел, хотя и не читал: как сейчас помню обложку книжки, где в красках был изображен земной шар, по которому паук плетет свою

паутину. Присланные мне документы сообщали, что деятели фирмы Чурина собирались одно время заказать в Москве инсценировку этого романа в кино, надеясь, что появление подобной киноленты во Владивостоке, Хабаровске и других городах Д[альнего] Востока может повести к тому, что толпа разгромит магазины Кунста и Альберса.

Я не знал, насколько верны были присланные мне документы, но они показались мне правдоподобными, и я еще тогда, в 1915 или 1916 году, подумал: должно быть, порядочная таки это бестия, господин Оссендовский! Вот тебе хваленый патриотизм, думал далее я: вот и германофобство, на котором зарабатывают деньги. В 1918 и 1919 годах Оссендовский фигурировал уже в Омске как центре антибольшевистской борьбы в Сибири. Насколько я помню, он занимал довольно видную должность в Министерстве финансов здесь, у И.А.Михайлова. Кажется, иногда он выступал в Омске и в заседаниях Совета министров как докладчик по золотопромышленным вопросам. В конце 1919 или начале 1920 года Оссендовский бежал из Сибири за границу, причем через Урянхайский край выбрался в Монголию, побывал в Урге, где имел встречи с бароном Унгерном. Эти-то монгольско-урянхайские приключения Оссендовского послужили канвой для его книги «Звери, люди, боги», где быль, порой искусно и талантливо, порой грубо и неряшливо, была перемешана с небылицами, явным вымыслом, просто враньем, под соусом некоторой экзотики, в таком духе, чтобы удовлетворить неприхотливым вкусам американских читателей, воспитанных на приключенческой литературе. Оссендовский взял верный прицел, заработал деньги, а то, что его книга стала ни то ни се, не мемуары и не Майн Рид, это уже мало его беспокоило.

Автор довольно красочно описал свое знакомство со знаменитым бароном. Вероятно, он умолчал кое о чем из истории этого знакомства, если верить другим свидетелям этой мрачной русско-монгольской эпопеи 1921 года. Поручик Носков, автор вышедшей в Пекине в 1922 году на английском языке брошюры «Black Year», сообщил, что знаменитый приказ № 15 барона Унгерна был написан Оссендовским[1]. Это тот самый приказ, один из пунктов которого гласит: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями...»

Таким образом, если поверить Носкову, Оссендовский в своей книге «Звери, люди, боги» мог бы сообщить читателям гораздо более подробностей из истории своего знакомства с Унгерном, чем это он позволил себе в названной книге.

В связи с книгой Оссендовского я вспомнил теперь о злосчастной судьбе ветеринарного врача Гея, погибшего в Монголии от рук белых. По Оссендовскому, Гей и вся семья его были казнены по приказу унгерновского генерала Резухина. Ранее я слышал, что он был казнен по приказу Казагранди. Где, правда, не знаю. Я хорошо знал Гея и хочу здесь посвятить несколько строк его памяти. Гея я знал

[1] Носков К. Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин, 1930.

по деятельности его в Иркутске в военное время, когда он занимал здесь пост уполномоченного Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующей армии. Его канцелярия располагалась где-то по Троицкой улице, недалеко от Харлампиевской церкви. В ней работало много народа. Через Гея проходили миллионные суммы. Деятельность его по закупке скота распространялась на Монголию. Я помню, как однажды я в начале 1918 года, когда после разгрома Иркутска большевики водворились в этом городе, был у Гея и просил его принять на службу одного молодого человека, моего дальнего родственника по жене, бывшего юнкера, не так давно дравшегося на улицах Иркутска против большевиков. Гей охотно исполнил мою просьбу, хотя я и ничего не скрыл из биографии молодого человека, и вскоре устроил ему командировку во Владивосток. Несколько позднее, через месяц-два, я снова был у Гея и просил его принять на службу офицера П., настроенного антибольшевистски, и в этом случае просьба моя была исполнена. Перед падением большевиков летом 1918 года Гей переотправил находившиеся [зачеркнуто: у него в канцелярии. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*] в его распоряжении значительные денежные средства в Тунку, боясь, очевидно, как бы убегавшие из Иркутска большевики не захватили этих денег с собой. По моим наблюдениям, Гей был далек от политики и готов был питать мясом всякую армию, от которой он получал бы средства. Во всяком случае, я лично не мог считать его человеком большевистски настроенным. Когда, однако, большевики пали в Сибири, Гей был арестован в Семипалатинске военными властями, чуть ли не атаманом Анненковым, и ему грозила жестокая расправа как заподозренному в большевизме. Узнав в Омске об этом, я побывал у тогдашнего военного министра Сибирского правительства генерала Гришина-Алмазова и стал ходатайствовать перед ним об освобождении Гея. Я сообщил молодому генералу о том, как Гей принимал по моей просьбе на службу лиц, антибольшевистски настроенных и даже укрывавшихся от большевиков. Гришин-Алмазов сказал мне:

– Если вы ручаетесь, что Гей не большевик, я дам телеграмму об его освобождении.

– Я ручаюсь.

Телеграмма была послана, и Гей был освобожден. Я тогда еще понял, что против Гея велась какая-то интрига, вероятнее всего, со стороны частных мясоторговцев и скотопромышленников, оперировавших в Монголии. По возвращении Гея в Иркутск он снова был арестован местными военными властями и затем опять был освобожден. Вероятно, напуганный всеми этими арестами и угрозами, он и решил выехать со всей своей семьей в Монголию как тихое и спокойное место и поселился где-то около оз[ера] Косогола. Но человек предполагает, а Бог располагает. Спокойная и действительно тихая ранее Монголия в 1921 стала, однако, ареной бурных событий, когда многие русские люди сложили здесь свои головы. Заподозренный вновь в большевизме, и на этот раз уже окончательно, Гей был убит белыми в Монголии, людьми из отряда барона Унгерна или Казагранди. Погибла вся его семья, состоявшая, насколько я помню, из жены, де-

тей и бабушки. Очевидно, его убили, как повелевал приказ, написанный Оссендовским для барона Унгерна и гласивший: «Комиссаров, коммунистов и евреев уничтожать вместе с семьями!»

2 ноября. Обработал больше половины мемуаров полк[овника] В.Ю.Сокольницкого «Кайгородовщина». Что интересно, это то, что эти мемуары содержат много материалов, крайне любопытных в бытовом отношении. Сейчас мною уже заполнены почти четыре толстые переплетенные тетради, имеющие общий заголовок «Материалы по истории рассеяния русских белых армий в Китайском Туркестане, Монголии и Маньчжурии».

3 ноября. Вчера мы с женой были в гостях, на ужине у И.Я.Антуфьева, владельца книжного магазина и библиотеки «Знание». Вечер провели хорошо.

4 ноября. Начал читать интересную книгу «Hunted Through Central Asia», автором которой является наш соотечественник Павел Степанович Назаров, родом оренбуржец, воспитанник университета в Москве и Горного института в Петербурге[1]. В предисловии к книге англичанин Malcolm Burr представляет Назарова читателю как своего друга, горного инженера, геолога, минералога, химика, орнитолога, искусного садовода, опытного препаратора, спортсмена, охотника, эксперта по оружию и археолога. Первые прочитанные мною две главы этой книги произвели отличное впечатление. Мне понравилось, что гориллу он и называет всюду гориллою, не обращая внимания на то, напичкана эта горилла цитатами из Карла Маркса или нет.

5 ноября. Воскресенье. День провел в полном отдыхе. За день побывали у нас гости: Н.В.Семенова, И.Я.Антуфьев и Ф.П.Романов. Антуфьев прогостил у нас почти семь часов. Много беседовали с ним, слушали виктролу, декламацию. Антуфьев отлично пропел нам почти всю составленную женой оперетку-шутку «Иванов Павел в Тяньцзине», а также с чувством прочел переведенную женой же с чешского языка сатирическую поэму чешского поэта Гавличка «Крещение св. Владимира». Вечером жена ушла с Ж.О.Лимасовой в кино. Я остался один дома и засел за чтение книги Назарова.

6 ноября. Я нахожу книгу Назарова крайне интересной и думаю, что она, изданная на русском языке, должна будет составить ценный вклад и в русскую литературу. В главе «Hiding among the Sarts» я прочел следующие любопытные строки, относящиеся к нашему, русскому, Туркестану.

«Серебряный рудник, найденный мною в горах, был не что иное, как знаменитый Кухисим (Kuh-I-Sim), Гора Серебра, каковая снабжала в средние века серебром всю Центральную Азию, Персию и Россию. В Эрмитаже, в Петрограде, имеются серебряные монеты с надписями, что они были отчеканены в монетном дворе Тункенда из серебра Кухисима. Перед войной я как-то однажды осмотрел этот старый рудник, укрывшийся в отдаленном месте, среди гор. Здесь были большие холмы из шлака, покрытые травой и кустарником, останки

[1] Nazároff P. S. Hunted through Central Asia, by P. S.Nazároff. Rendered into English from the Russian of the author's manuscript by Malcolm Burr. Edinburgh, Blackwood, 1932.

обширных строений, старые шахты и подземные галереи и огромные выемки в скалах, все течением времени и действием землетрясений обращенные в натуральные каверны. Стены этих каверн были уже покрыты слоем извести, и тут, и там сверху нависали большие сталактиты. Требовался очень опытный глаз и тщательное исследование, чтобы узнать во всем этом работу рук человека, и разглядеть, какие руды были разрабатываемы и из каких мест. Замечательно, что во многих таких рудниках жилы были тщательно скрыты, зацементированы и замаскированы. Очевидно, богатая и высоко развитая горная индустрия процветала когда-то в этом месте. Здесь кипела жизнь, и был такой улей промышленности, какие могут быть наблюдаемы в наше время в Англии или Бельгии. Железо и сталь отсюда экспортировались в Дамаск, где из них вырабатывались знаменитые клинки. Все же и теперь Туркестан скрывает многие сокровища, и многочисленные залежи разнородных руд, старые и новые, из числа тех, что я открыл в более счастливые дни, могут обогатить страну и сделать ее преуспевающей; но так, как обстоит дело сейчас, они остаются вне обработки. Точь в точь, как нашествие орд монгольских дикарей опустошило страну и разрушило ее благосостояние столетия тому назад, так и теперь их современные эквиваленты разорили вновь ее, и использование ее минеральных богатств задержано, быть может, на столетие или еще более. Одно различие между этими двумя народами дикарей состоит в том, что монголы, со всей их страстью к разрушению, щадили все же образованных людей, философов, ученых, жрецов и писателей, а их современные наследники сочли за благо уничтожить эти классы прежде всего...»

7 ноября. Сегодня они как раз празднуют 16-ую годовщину своего издевательства над Россией и здравым смыслом. Сегодня советский консул здесь устраивает прием: будут иностранные консулы, гости; будет шампанское с официальными любезностями. Гнусно, но это так...

8 ноября. Обращаясь снова к книге Назарова, я отмечаю его интересные указания относительно того, кто могли быть скифы. По словам автора, замечательное описание Геродотом скифов, их быта и обычаев, не оставляет места для сомнений в том, что он описывал предков того самого народа, который в наше время называется киргизами и который в давнейшие времена обитал в степях южной России и Западной Сибири. Я как-то интуитивно почувствовал, что Назаров прав в этом своем заключении. Этнологические вопросы меня не перестают интересовать, как и ранее.

9 ноября. К данному дню я имею десять учеников и учениц и занят с ними 35 часов в неделю; жена имеет пять учеников и занята с ними 15 часов. Оба мы, таким образом, заняты сейчас уроками порядочно.

10 ноября. Д.П.Першин из Калгана сообщил мне, что его воспоминания о бароне Унгерне подходят к концу, и он скоро пошлет мне рукопись.

11 ноября. Armistice Day!.. И я примирился сегодня немного с действительностью, когда прочел, что нобелевская премия по ли-

тературе в этом году присуждена русскому писателю, академику Бунину.

Сегодня в газете «Наша Заря» появилась опечатка, наделавшая много толков в городе. В письме в редакцию от имени Русского Православного Братства стояла подпись вице-председателя Жебрака. Наборщики набрали не «вице-председатель», а «вице-предатель» – корректор просмотрел, и так пошло в газету. Вероятно, это вышло случайно, а не нарочно. Говорят, что корректор газеты, полковник В.Ю.Сокольницкий, уволен со службы. Бедняга, если это так – теперь так трудно искать себе работу.

Относительно Жебрака, старой полицейской крысы, сумевшей завоевать здесь среди русской эмиграции большую популярность, – публика не тужит, что он попал в вице-предатели. Так ему и надо, говорят многие. Публика очень недовольна теперь его поведением в деле Сидоровых, обвиняемых в убийстве Андрющенко. По чьему-то поручению он стал собирать материалы против четы Сидоровых, помогая обвинению. Между тем общество уверено, что Сидоровы страдают безвинно.

Сидят они вот уже два месяца в китайской тюрьме, отдельно друг от друга в ужасных условиях, в камерах грязных, холодных, совершенно неотапливаемых, полных крыс. Сегодня как раз состоялось третье слушание дела Сидоровых. Вечером мне передавали, что заседание суда прошло весьма благоприятно для Сидоровых, и что суд даже согласился выпустить их из тюрьмы под поручительство.

12 ноября. Воскресенье. Днем побывал в кино, слушал разговорную картину на французском языке «Победитель», оказавшуюся забавным пустячком, весьма, однако, художественно поставленным.

13 ноября. День пасмурный. С утра шел дождь. На улицах сыро, мало народу. В домах – как-то темно; в душе – скверновато.

14 ноября. Газеты принесли весть о смерти миллионера А.М.Сибирякова*, который скончался 10-го ноября в Ницце в возрасте 84-х лет, в полной бедности и почти без друзей. Бывший миллионер не был похоронен в могилах, отводимых нищим, только благодаря вмешательству представителей шведского правительства. Покойный, иркутянин родом, был другом С.И.Серебренникова, моего двоюродного деда, когда-то политического эмигранта, одно время бывшего шведским подданным, и в предреволюционные годы находился в постоянной переписке с последним. По словам моего деда, Сибиряков эти годы все время жил за границей, меняя место своего жительства между тремя городами: Берном в Швейцарии, Каиром в Египте и Ниццей во Франции; был он уже почти без денег, получая какую-то, очевидно, небольшую золотопромышленную дотацию. С.И.Серебренников, воспитанник Фрейбургского политехникума в Германии, горный инженер, сам составивший себе некоторое состояние по золотопромышленной службе в Сибири, умер в 1919 году в Кременчуге от голода. Его друг пережил его 14-ю годами и умер, как нищий, в Ницце. А ведь Сибиряков много сделал для Иркутска, для Сибири, для России – помянут ли его добром там, где гнетет теперь

всех проклятая диктатура, или, как буржуй, должен будет подлежать забвению?

Нельзя забывать и того обстоятельства, что знаменитая экспедиция Норденшельда вокруг севера Азии по полярному морю[1] была организована при материальной поддержке все того же иркутского миллионера А.М.Сибирякова. По словам лиц, близко знавших покойного, он обладал некоторыми странностями: к числу этих странностей во время жизни Сибирякова в России принадлежали его колоссальная страсть к передвижениям и некоторая чинофобия.

Если бы я вздумал здесь описать все филантропические пожертвования А[лександра] М[ихайловича], равно как и замечательного его брата, Иннокентия Михайловича, я принужден был бы исписать на эту тему весьма много страниц. Надеюсь, когда-нибудь Родина вспомнит добром одного из интересных сынов своих. А теперь... да будет легок ему переход в другой мир...

15 ноября. Прочел сегодня на заседании Литературно-научно-философского кружка доклад на тему «Недочеты этнографии как науки». Народу на докладе было мало: помешали чьи-то именины, не то день рождения. Это обстоятельство изрядно меня охладило: кажется, я выйду из кружка. Все присутствовавшие, если не врали, нашли мой доклад крайне интересным. Прения по нему и разговоры перенесли на другой день, именно: на пятницу, 17 ноября, в Русский клуб.

16 ноября. Съездил в Китайский город в Бюро Общественной Безопасности, где получил новый паспорт и новое свидетельство о регистрации. В паспортной комнате – грязь, пыль, спертый воздух. Печь дымит: топили ее при мне старыми русскими паспортными книжками. Не знаю точно, топили ли, но во всяком случае растапливали. Это я наблюдал сам... То же – государство!

17 ноября. Супруги Сидоровы, обвинявшиеся в убийстве Андрющенко, судом оправданы. До вхождения судебного приговора в законную силу г[оспо]жа Сидорова выпущена из тюрьмы под залог 3000 долларов; ее супруг продолжает оставаться в тюрьме. Русская колония страшно возмущена китайскими судебными порядками. Как не сказать опять: то же государство!

18 ноября. Узнал, что Соединенные Штаты Северной Америки признали Советскую Республику. Рузвельт и Литвинов о чем-то договорились... Отныне USA и USSR будут находиться в правильных дипломатических сношениях. Один мой приятель сказал мне:

– Отныне Америка будет убеждаться в том, что советский строй есть такой строй, который вносит расстройства во всякий строй.

Однако шутки в сторону. Дела наши, белые, обстоят плохо. В утешение не поверить ли другому моему знакомому, который сказал мне:

– Если Америка признала Советы, значит, дела советские плохи. Это – признание накануне падения.

---

[1] Нильс Адольф Эрик Норденшельд, шведский исследователь Арктики, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук (1879). Первым прошел Северо-Восточный проход из Атлантического океана в Тихий (1878–1879).

19 ноября. Воскресенье. Вчера вечером побывал в театре «Олимпик», где смотрел кабаретное представление артистов, прибывших из Харбина. Отлично танцевала балерина Анна Роговская, ее партнер, Шевлюгин*, показался мне, однако, несколько тяжеловатым. Гимнасты, [зачеркнуто: братья. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*], трио Варди, произвели прямо-таки фурор: они оказались не только превосходными акробатами, но и артистами, способными поставить тонкую пантомиму. Волшебник балалайки, виртуоз Димов, очаровал меня.

Театр был почти полон. Это было приятно чувствовать и видеть. Большинство, и огромное, составляли иностранцы. Последнее время замечаю, что в Тяньцзинь все время выезжают из Харбина русские артисты и артистки, и Тяньцзинь является как бы первым этапом заграничного гастролерства для харбинцев.

20 ноября. Сегодня прибавились у меня еще две ученицы по математике. И поэтому придется теперь работать по семь часов в день. Расписание дня было у меня сегодня такое: 8–9 часов утра – чтение газет, утренний чай; 9–12 – уроки; 12–12 1/2 обед, 12 1/2–1 1/2 урок; 1 1/2–3 отдых, 3–4 прогулка; 4–4 1/2 чай, 4 1/2 – 7 1/2 уроки, 7 1/2–8 ужин.

После 8-ми вечера я свободен – могу почитать, пописать что-нибудь, заняться корреспонденцией, принять друзей... Все же семь часов занятий по математике меня утомляют: к вечеру я уже не могу похвастаться своей работоспособностью. Почти все мои ученики – из английской школы или собираются поступить в таковую. Среди моих учеников и учениц сейчас – 6 евреев, 5 русских и 1 англичанка (Miss Kelly). У жены – пять учеников по русскому языку: 4 еврея и 1 американка. Одна ученица у нас общая с женой.

21 ноября. Д.П.Першин из Калгана сообщил мне, что его мемуары об эпохе барона Унгерна в Монголии подвигаются к концу и общей сложностью займут до 240 страниц рукописного текста. Старик жалуется мне, что его донимают скука и одиночество в Калгане. Хочется невольно сказать про себя, пишет он мне:

– Холодно, странничек, холодно...

– Может быть, и голодно, – подумал я.

22 ноября. Приехала из Пекина на несколько дней в Тяньцзинь и остановилась у нас О.Л.Зверева, сын которой – мой ученик – живет у нас же, снимая отдельную большую комнату. Гостья рассказала нам разные пекинские новости...

23 ноября. Слушал сегодня в Русском клубе виктрольный концерт, посвященный произведениям финского композитора Сибелиуса. Веяло от них суровым скандинавским духом и, пожалуй, скукой...

23 ноября. [1]Сегодня двое моих учеников держали устный экзамен по русскому языку и зашли ко мне рассказать, как он прошел. Диктант был очень труден – и по содержанию, и по языку: что-то об остроге, арестантах и т.п.; много незнакомых слов, как сказали мне мои ученики.

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой. Где не оговорены – И.И.Серебренникова.

Утром я прогулялась по Виктории-род. Стоит совсем весенняя погода – нынешняя зима вообще пока не похожа на зиму: очень тепло, солнце так ласково греет, небо голубое, и в парках еще доцветают хризантемы. Вечером я, муж, Елиз[авета] Ал[ексеев]на [Лавдовская] и Mr. More слушали пластинки Сибелиуса в Русском клубе. Музыка его мне не особенно понравилась: однообразна и бедна красками. Пишу, вернувшись оттуда (11,5 часов ночи). Как всегда после музыки, у меня пропал сон.

24 ноября. Ученицы жены держали сегодня первый экзамен по русскому языку на Кэмбриджских экзаменационных испытаниях: писали диктант, вели разговоры с экзаменатором, каковым приглашен служащий Британской Муниципальной Полиции А.П.Сухоруков*. Основные экзамены будут 6–16 декабря, после чего наша учебная страда и закончится...

[1]Чувствую сегодня какую-то печаль, на сердце тяжело. Шла сейчас по улице – серенький денек, тихий и теплый, в тусклом небе словно притаилось что-то; желтые улицы, желтая толпа, и прошла мимо меня группа китайских полисменов в черных плащах и фуражках, медленно и бесшумно выступая, точно тени проплыли. Все это вдруг коснулось моей души каким-то мрачным ощущением.

Надоел Китай, жизнь стала тягостна своим однообразием, безысходностью. Вспомнила, как в Пекине, в Бейгуани, наша военная молодежь пела:

Эх, яблочко, куда ты котишься?
В Китай попадешь, не воротишься.

Вот и докатилось наше русское яблочко до предельной точки!

25 ноября. Купил два номера фашистской газеты из Харбина «Наш Путь». Газета усиленно сообщает об успехах повстанческого антибольшевистского движения в Приморье и Забайкалье. Публика, однако, так изверилась в такого рода сообщениях, что уже не обращает ровно никакого внимания на эти «сенсации».

[2]Утром прибежали ко мне, радостно запыхавшись, три моих ученицы: Ира, Люба и Нюся, и сообщили, что все они хорошо сдали первый русский экзамен. Об этом сказал им сам экзаменатор, А.П.Сухоруков. Я, конечно, рада. Остается еще трудный письменный экзамен, но там они пройдут на переводах.

Сегодня опять совершенно весенний день, напомнивший мне нашу сибирскую раннюю весну, конец марта: тепло, улицы мокры от выпавшего тумана, и пахнет совсем как будто растаявшим снегом. Но мне грустно. На душе моей все та же старая печаль, и когда я изживу ее, Бог знает.

Сидела вечером одна; приняла горячую ванну, поработала немного. Муж ушел в Русский клуб, Ольга Львовна [Зверева] с Люрой – в Empire, слушать балалаечника Большакова. Я его слышала: на таком неблагодарном инструменте, как балалайка, он делает положительно чудеса.

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

26 ноября. Воскресенье. Праздник провел скучно. Ради развлечения днем смотрел французскую кинокартину «Дорога в рай» с участием Ольги Чеховой. Дочитал книгу Назарова и сделал из нее некоторые выписки. Выписок из прочитанных мною английских книг накопилось у меня очень много (особенно выписок из книг о Китае). Эти выписки составляют сейчас целых пять книг. Не знаю, пригодятся ли они мне когда-нибудь еще. Когда-то я лелеял мечту: вернусь в Иркутск; захвачу все свои материалы о Китае; может быть, все мои выписки и материалы переводные пригодились бы мне, если бы пришлось читать лекции по вопросам китаеведения. Мечты, мечты... Куда-то они исчезли! Хотя бы другому кому пригодились все эти мои материалы – труды не пропали бы, быть может, даром!

[1]Сегодня воскресенье. Этот день почти всегда проходит по одинаковой программе: к 11 часам утра мы с мужем идем в Виктория-парк и дожидаемся там выхода, с оркестром музыки, английского полка в казармы. Затем прогуливаемся по Виктории-род и возвращаемся к завтраку домой. В 3 часа я иду в кино; в 5 часов – чай, к которому обычно приходят несколько человек близких знакомых. Иногда кто-нибудь остается к ужину. Вечером пришли к Ольге Львовне [Зверевой] Клава Кухтина с мужем; сидели все у нас в столовой, пили чай.

Mr. More завтракал у нас сегодня. В скором времени он думает перебраться в Дайрен, где его знакомый богатый китаец предлагает ему уроки английского языка с его сыном – за комнату, стол и 100 иен жалованья. С его отъездом мы лишимся единственной практики английского языка.

27 ноября. От О.Л.Зверевой сегодня узнал, что И.Н.Веревкин скончался в Харбине. Еще не так давно, менее года тому назад, мы лежали с ним в одной палате в Германском госпитале в Пекине. Я лечился тогда от высокого давления крови, он лег в госпиталь, чтобы распознать свою болезнь, и ему сказали, что у него язва в желудке. Позднее уже, в Рокфеллеровском институте, было окончательно установлено, что у больного был рак желудка. Покойный был долгое время профессором истории русской литературы в одном из китайских высших учебных заведений Пекина. В дореволюционные годы, помимо этого, он был пекинским корреспондентом некоторых больших русских газет Петербурга и Москвы. В революционные годы И[ван] Н[иколаевич] примкнул к большевикам, точнее, к большевизанствующей части русской колонии Пекина. Сделал ли он это идейно, искренне веря в благую миссию русского коммунизма, или же по соображению своей служебной карьеры, – затрудняюсь сказать. Покойный неплохо владел пером, писал удачно и стихи, интересно переводил китайских поэтов. Некоторые из этих своих переводов мне были продекламированы И[ваном] Н[иколаевичем], когда мы находились в Германском госпитале в январе месяце этого года.

27 ноября. [2]Вчера ночью был сильный ветер, помешавший мне спать. С утра сегодня холодно, но воздух очень приятный, какой ред-

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.
[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

ко бывает в Тяньцзине: свежий, крепкий, как после выпавшего снега. Я сказала мужу, что сегодняшний ветер прилетел, вероятно, из наших сибирских лесов.

Мне опять стал сниться каждую ночь Иркутск. Все еще мечтаю порой о возможности пожить там снова, хотя, правду сказать, все меньше и меньше оснований надеяться на это.

28 ноября. Пожалуй, в декабре месяце, если буду жив и здоров, я закончу обработку мемуаров полковника В.Ю.Сокольницкого. Д.П.Першин заканчивает для меня свои мемуары о бароне Унгерне. Таким образом, к 1934 году у меня накопятся великолепные материалы по истории последних актов «белой драмы», поскольку они разыгрывались на просторах Центральной Азии, и я засяду за свой новый труд. Полковник В.Ю.Сокольницкий, пожалуй, один из лучших людей, что я встречал в русской эмиграции Китая, – сейчас служит корректором местной газеты «Наша Заря», где жестоко эксплуатируется редактором газеты, Исаем Миллером, мастером вышибать пот из мелких сотрудников. Полковник, среди страшных опасностей, сумел благополучно вывезти в 1921/22 годах всю свою семью и сотни других русских людей из дебрей Монголии. За годы пребывания своего в Пекине и Тяньцзине ему, однако, пришлось пережить много тяжких ударов: он похоронил свою жену, зятя, не так давно застрелился в Шанхае его единственный сын, волонтер русского отряда на британской службе. Сильное религиозное чувство еще поддерживает силы и душевное равновесие этого удивительного человека...

[1]Ольга Львовна Зверева уехала сегодня обратно в Пекин, тепло простившись с нами и поблагодарив «за себя и за Люру».

«Заря» сообщила, что прокурор китайского суда опротестовал оправдательный приговор по долгу Сидоровых. Новый суд может затянуться еще на полгода, если не больше, а несчастные Сидоровы и сейчас уже превратились в стариков за время своего сидения в китайской тюрьме. Я не могу не посвятить страницы-другой в моем дневнике этому страшному делу.

2 сентября этой осенью был найден убитым за городом, вблизи манежа полк[овника] Бендеровского, владелец местного мебельного магазина Андрющенко. Его жена и компаньон его по делу, художник Примаков, указали как на возможных виновников убийства на чету Сидоровых, так как покойный Андрющенко будто бы имел с m[ada]me Сидоровой роман. Их арестовали. Дальше началась китайская неразбериха. Следствие велось небрежно, без соблюдения самых элементарных формальностей. К трупу убитого целый день ходили сотни людей, заметая и затаптывая все следы; вскрытие тела не производилось; не установлен даже способ убийства – не то огнестрельным оружием, не то каким-то колющим предметом, не установлены момент убийства и место убийства; не сделано обыска в бумагах и письмах покойного, которые могли бы пролить свет на тайну убийства, и т.д. Против Сидоровых не было никаких улик; их алиби в день убийства было установлено многочисленными свидетелями. И

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

тем не менее они просидели в тюрьме более двух месяцев в ужасных условиях, в нетопленых камерах с дырявыми полами и потолками и множеством крыс. Ужас их положения усугублялся тем, что против них начал работать Н.А.Жебрак. Кому он служил в этом деле, не знаю, но он усердно собирал по городу улики против Сидоровых, а за неимением таковых иногда и подтасовывал факты, находил лжесвидетелей, даже, как говорят, и подкупал их и вообще всеми силами помогал нелепому обвинению. Суд состоялся, и Сидоровых оправдали. Защитник их, английский адвокат Кент, сказал блестящую речь, в корне опровергнув все обвинения. Но Жебрак продолжает гнуть свою линию, несмотря на то, что даже сама г[оспо]жа Андрющенко отказалась от обвинения Сидоровых, сделав официальное заявление об этом на суде. Чем теперь все это кончится, неизвестно.

За все время нашего проживания в Тяньцзине я не помню такого ажиотажа в городе, какой возник в связи с убийством Андрющенко. Все, и в домах и на улице, говорили только об этом. Шерлоков Холмсов народилась тьма-тьмущая: все старались разгадать тайну убийства, высказывали разные догадки и предположения. Преступление это действительно загадочно и является из ряда вон выходящим по своей обстановке. Труп найден на том месте, где, как говорят, Андрющенко всегда устраивал свои многочисленные свидания с дамами: вблизи стоял его автомобиль. На убитом был чистый и новый летний костюм, который оказался в полнейшем порядке, даже галстук не сбился на сторону, и ботинки блестели – на них не было ни грязи, ни пыли. Маленькие ранки на лбу и шее оказались заткнутыми, весьма аккуратно, кусочками ваты. Крови на платье не было. Похоже, что Андр[ющен]ко был убит где-то в доме и, вероятно, внезапно, без борьбы, – потому что все на нем и было в порядке, или же убийцы имели время и возможность привести его в приличный вид, даже ранки заткнуть ватой, чтобы не текла кровь. Затем его, в его собственном автомобиле, вывезли на место его свиданий, где и бросили.

Мне кажется, что последнее сделано с определенной целью: отвести подозрения в сторону романтической подкладки убийства. Потому тут и подвернулись Сидоровы. Дело сделано так чисто, как бывает только в детективных романах. На одном из заседаний суда несколько свидетелей показали, что Андр[ющен]ко незадолго до смерти не раз говорил, что ему угрожает опасность, что в Тяньцзинь приехал человек, у которого с ним есть старые счеты, и т.п. Он и автомобиль купил, потому что стал бояться ходить пешком. Я помню, что, когда он приехал, лет девять тому назад, на жительство в Тяньцзинь, в городе ходили слухи об его темном прошлом и о несколько странных обстоятельствах его приезда сюда. Быть может, он нарушил условия какой-нибудь сделки, подвел своих сообщников в каком-нибудь нечистом деле, и они за то расправились с ним. Я тоже, конечно, сейчас представляю собой маленького Шерлока Холмса, высказывая подобные догадки, но почему-то в эту сторону невольно направляется мысль. Уж очень все тонко и обдуманно сделано. Убийство из ревности бывает всегда в состоянии аффекта, и тут убийца уж не станет затыкать раны ватой, а будет стараться скорее унести ноги, чтобы спа-

сти собственную шкуру. Нет, здесь работали профессионалы. Упорно говорят, что это дело рук большевиков.

Убитый Андрющенко был несимпатичный человек. Ловелас, ухаживавший, и порой весьма нахально, за многими и многими дамами, он не был корректен по отношению к ним и часто непристойно распускал язык. Об его связях обычно знал весь Тяньцзинь. Его не жаль, но тайна его смерти как-то беспокоит, и хочется раскрыть ее во что бы то ни стало. Неприятно, что в одном городе с нами, среди нас, живет такой страшный преступник, и он остается неуловимым для правосудия и может продолжать и дальше свои ужасные опыты, а за него будут страдать невинные, как пострадали в этом деле Сидоровы.

Страшная вещь – это китайское правосудие, примитивное и недалекое. Во всякой другой стране сумели бы по горячим следам найти убийцу – здесь же сделали все для того, чтобы схоронить все концы в воду. Можно сказать определенно, что тайна убийства Андрющенко никогда уже не будет раскрыта.

29 ноября. Вечером зашли к нам гости: И.Я.Антуфьев и Ф.П.Романов. Вечер провели в дружеской беседе. Антуфьев показал нам интересные альбомы видов Кулина, дачного места по Янцзы, где оказался и русский уголок с дачами бывших русских чайных магнатов в Китае и где теперь имеется и маленькая русская церковь. Он же показал нам отлично изданные годовые отчеты Общественного Совета Русской концессии в Ханькоу. Как ни судить, а концессия эта была отличным и весьма благоустроенным русским уголком в Китае, канувшим теперь в Лету благодаря паскудной политике советской власти в СССР.

30 ноября. Видел свежий номер шанхайского «Паруса». В нем напечатано начало моей статьи «Русские интересы в Китае»[1]. Статья напечатана хорошо, без ошибок.

1 декабря. Итак, вот уже декабрь: время летит быстро. За занятостью его не замечаешь. Вечерком смог побывать в прогулке на Французской концессии, заглянул в Oriental Book Shop, где мог убедиться, как много сейчас интересных книг выходит из печати. Смотришь на все эти книги и облизываешься, цены на них все высокие, недоступные для нашего брата. Чуть было не соблазнился купить свежий Статистический справочник Лиги Наций с текстами к цифрам на французском и английском языках. Стоит эта книга 7,50 долларов. Пока что воздержался от соблазна купить эту книгу.

[2]Три дня прошли незаметно. Были вчера вечером И.Я.Антуфьев и Ф.П.Романов. Антуфьев принес с собой два альбома с видами Кулина – это прекрасная местность на юге Китая в горах, покрытых сосновым лесом: там с успехом лечатся чахоточные. Кстати, скоро туда уезжает Ляля Барбье с мужем: бедняга болен туберкулезом в весьма серьезной степени. Мне очень жаль Лялю: так завидовали ей все ее подруги, когда она выходила замуж, а вот теперь ей суждено, быть может, долгие годы быть сиделкой при больном муже.

---

[1] Серебренников И.И. Русские интересы // Парус. 1933. № 17–18.

[2] Записи А.Н.Серебренниковой.

Кроме видов Кулина Антуфьев показал нам сохранившиеся у него отчеты Русского муниципалитета в Ханькоу, где он много лет жил. Снабженные фотографиями, отчеты дают полную картину блестящего процветания тогдашней Русской концессии в Ханькоу: прекрасные здания, отлично устроенная набережная, банки, школы, больница, пожарная команда – все, как в прежних русских городах, и все говорит о большой энергии и организаторских способностях русских, везде умеющих создавать прочный и красивый быт[1].

Сегодня утром я побывала у Елиз[аветы]. Алекс[еевн]ы [Лавдовской] в новой ее квартире. Вчера она звала меня поужинать у них по случаю американского «Дня Благодарности», который праздновал ее зять – американец Краудер. В этот день у них подается к столу традиционная индейка и специальные торты. Я не пошла ужинать, нездоровилось. Сегодня попробовала этих американских тортов и нашла, что это ужасная гадость: начинка из тыквы с имбирем – надо же придумать!

Через неделю я заканчиваю все свои уроки: начинаются экзамены в Grammar School. Нужно будет тогда приниматься за печатание мемуаров мужа (1901–1916 гг.), и еще много накопилось работы моей собственной.

Незаметно проходит зима. Уже скоро английское Рождество и Новый год, после которого обычно время начинает катиться под гору, к весне. Меня ужасает иногда быстрота, с какой сменяются дни...

2 декабря. Японское агентство «Nippon Dempo» сообщает в сегодняшних газетах некоторые новости об атамане Семенове. Это новости такого рода: «Антибольшевистское движение на Украине вызвало большой интерес среди 400 белых русских резидентов в Дайрене. Генерал Семенов, лидер белых русских в Маньчжуго и Китае, в течение последнего времени стал проявлять большую активность и начал движение с целью объединения различных белых русских организаций в разных местах. В то же самое время он пытается связаться с антибольшевистскими организациями, действующими на советской территории. Как результат его усилий объединение белых русских постепенно осуществляется, и, передают, состоялось также его соглашение с антибольшевистскими организациями на советской территории. «Около двух дней тому назад генерал Семенов выехал из Дайрена в Мукден и затем Синьцзин (Чаньчунь) с целью устроить совещание с различными белыми русскими лидерами здесь».

[Замазано полстроки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*] Японцы именуют пресловутого атамана Семенова лидером белых русских в Китае: здесь нет лица, в неказачьих кругах более непопулярного, чем

---

[1] Русская концессия открыта в Ханькоу в 1896 г., располагалась в центре иностранных концессий и занимала территорию около полуверсты вдоль набережной. К 1920 г. здесь жило около 200 русских. Из русских учреждений находились: Российское генеральное консульство, городской общественный совет, отделение Русско-Азиатского банка, почта, коммерческая русско-китайская школа. После соглашения с СССР в 1924 г. концессия перешла под управление китайских властей. Многие предприятия были переданы китайцам или иностранцам.

он. Японцам хотелось бы, чтобы Семенов был таким лидером. Свое желание они принимают за действительность.

[Замазано четыре с половиной строки. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Прочел я также в сегодняшнем номере газеты «North China Star», что в Советской России в этом месяце выйдет из печати пятитомный труд, посвященный адмиралу Колчаку и эпопее его борьбы с большевиками. Я хотел бы иметь такой труд в своей библиотеке. Может быть, он появится в продаже в Харбине.

3 декабря. Вчера побывал на сокольском балу-вечеринке в Русском клубе. Публики на вечеринке было много, и она непринужденно веселилась. Пришел домой около двух часов ночи.

4 декабря. Праздник Введения во Храм. Соблазнился-таки и купил сегодня «Statistical Year Book of the League of Nations. 1932/33», на что затратил около семи долларов.

5 декабря. Книгами я обрастаю почти всегда и везде, где я только осаживаюсь на постоянное житье. В 1927 году я продал свою библиотеку здесь, когда в ней уже было около двух тысяч томов. Теперь уже вновь у меня накопилась небольшая домашняя библиотека, в которой имеется порядочно книг по китаеведению.

6 декабря. Начались сегодня Кэмбриджские экзаменационные испытания. Продолжатся свыше десяти дней. После этих экзаменов у нас с женой уроков будет много меньше. Будет облегчение и для кармана. Будет зато больше свободного времени: приналягу на литературные занятия.

7 декабря. Начал читать книгу В.С.Толстова* «От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев)». Книга эта была издана в Константинополе, в 1922 году. Жаль, что автор начал свое повествование с прибытия в форт Александровск на Каспийском море. Чреватый трагическими событиями поход уральцев от Гурьева до Александровска опущен автором в его мемуарных записях.

8 декабря. Доктор Фишер из Америки просит меня прислать ему мою краткую автобиографию. По его словам, история Гражданской войны в России, революции вообще, грешит отсутствием достаточных биографических данных. На это обстоятельство обратил свое внимание и Русский Заграничный Исторический архив в Праге. Получил сегодня из Харбина две новые книги проф[ессора] Г.К.Гинса: это учебники «Политическая экономия» и «Учение о праве и политическая экономия»[1].

9 декабря. Просматривал сегодня сербско-русский и болгарско-русский словари. Нашел, что в обоих языках есть прилагательное «лански», что значит – прошлогодний, и в болгарском языке имеется слово «лани» – в прошлом году. Еще ранее узнал, что и у чехов есть loni – с тем же значением (кажется, в польском языке имеется выражение ланской рок – прошлый год). Отсюда я окончательно вывел за-

---

[1] Гинс Г.К. Политическая экономия: Начал. курс. Харбин: Тип. Н.Е.Чинарева, 1933; Он же. Учение о праве и политическая экономия: В 2 вып. Харбин, 1933. Вып. 1: Курс законоведения; Вып. 2.

ключение, что сибирские слова «лани» и «ланись», значащие «в прошлом году», есть слова старославянские, исчезнувшие в Европейской России, но сохранившиеся в Сибири. И поэтому едва ли их можно называть сибирскими провинциализмами. Они – архаизмы.

10 декабря. Воскресенье. С И.Я.Антуфьевым совершили большую прогулку по японской и французской концессиям, осмотрели ряд китайских букинистских лавок с английскими книгами, ничего, однако, интересного не нашли. После прогулки я обедал у Антуфьева.

11 декабря. Д.П.Першин сообщил мне, что он закончил свои мемуары о бароне Унгерне и собирается переслать их мне.

12 декабря. За последнюю неделю у нас с женой убыло десять учеников и учениц, и осталось пока всего семь. Новая наша «урочная» ситуация обозначится в январе, после рождественских каникул. Занят я теперь утрами; вечера становятся свободными.

13 декабря. Много беседовал сегодня с Константиновым, бывшим офицером из отряда Казагранди, о действиях этого отряда в Монголии в 1920–22 годах. Об истории этого отряда мало что писалось в печати. Мой собеседник обещал зайти как-нибудь ко мне и дать исторические справки об отряде Казагранди с тем, чтобы я записал их сам с его устной передачи. Виделся с Р.В.Смит. Он довольно деятельно собирает разные, порой и весьма интересные, материалы архивного и книжно-антикварного характера для отсылки их в Военную Библиотеку Хувера, в Америку, точнее в Комитет по Русским изысканиям при Станфордском университете.

[1]Я совсем забросила дневник. Днем некогда, вечерами всегда кто-нибудь приходит, сидят часов до 11–12, а потом я ложусь в постель, так как чувствую себя страшно усталой.

«Наша маленькая жизнь» бежит себе потихоньку без событий. Сегодня будет слушаться во второй инстанции дело Сидоровых. M[ada]me Сидорова недели три тому назад уже выпущена на поруки, муж ее освобожден вчера, тоже под поручительство и залог. Было бы нелепо после отлично мотивированного оправдательного акта, вынесенного судом, вдруг все-таки признать их виновными. Но от китайцев всего можно ждать.

В Харбине раскрыта и почти полностью ликвидирована русская шайка бандитов, совершившая за последнее время ряд дерзких похищений людей с целью выкупа[2]. Возглавлялась эта шайка, как говорят, надзирателем харбинского розыска Мартыновым*, что придает всему делу весьма пикантный оттенок. Несчастного С.Каспе* бандиты убили, так как требуемой ими суммы выкупа отец Каспе* не мог дать, а Японский розыск уже по пятам гнался за ними. Погибшего молодого

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

[2] В начале 1933 г. С.Каспе приехал в Харбин навестить отца и дать несколько концертов, включая и благотворительный для бедных и больных. Затем собирался на гастроли в Китай и Японию. Поздним вечером 24 августа похищен с целью крупного выкупа. Похитители – Мартынов, Шандарь, Кириченко и Глушко, который убит в перестрелке с агентами уголовного розыска. Находился в землянке вблизи станции Эрцендянцзы, затем у станции Сяолин (Скорбная страница Харбина за год: (Некролог) // Всеобщ. календарь на 1935 г. Харбин: Зигзаги, Б.г. С. 69: портр.).

человека харбинские газеты характеризуют как «благородного, одаренного» человека, перед которым «его тонкая духовная организация, прекрасные душевные качества и талант открывали широкую жизненную дорогу...» Весь Харбин взволнован этим жестоким убийством. Проводить С.Каспе к могиле собралась тысячная толпа – евреи, русские, иностранцы, китайцы. Он был талантливым скрипачом.

Сегодня с утра какой-то тяжелый день, и настроение мое упало очень низко. Вдобавок я еще сильно простудилась и схватила часто бывающий здесь «прострел»: не могу наклоняться, с трудом хожу и чувствую острую боль в спине. Была очень рада, что сегодня у меня очередная «штопка»: пришли семь дам, и за работой я незаметно отвлеклась от своих болей. Уже второй год, по моей инициативе, мы, несколько дам, собираемся каждую среду по очереди друг к другу для совместной работы, главным образом, штопанья носков и чулок. Это скучное занятие в компании проходит незаметно: языки работают, руки двигаются, и, в общем, очень много сделаешь такого, что в одиночестве как-то не клеится. В перерыве между работой мы пьем чай. Я делала к сегодняшней «штопке» хворост и творожные пресные лепешки, очень всем понравившиеся. Не в похвалу себе скажу все-таки, что я стала за годы беженства хорошей хозяйкой. Мой стол всегда хвалят все, кому приходилось его пробовать; я многое умею приготовить сама, знаю несколько сортов печений; варю вкусные варенья, ликеры и наливки; квартира моя блещет чистотой и уютом, и я люблю повозиться со всем этим, когда есть время.

14 декабря. Узнал совершенно случайно, что наш иркутянин, эстонец Сандер, предприниматель, разоренный большевиками, устроился теперь в Австралии, где вновь начал масляное дело. Будто бы его сливочное масло и еще некоторые продукты появились уже на рынках Китая. Интересно проверить эти слухи. В 1922 или 23 году я виделся с Сандером здесь, в Тяньцзине. Он сказал тогда мне:

– Я имею в Шанхае небольшую лавочку, торгую молоком, сметаной, селедками и икрой. Нужно начинать все сначала. Что поделаешь? Я духом не падаю.

Из Шанхая Сандер, как я узнал немного позднее, перебрался в Австралию, а дальше я уже ничего о нем более не слышал.

15 декабря. Страшно становится жить. В то же время интересно. В сто первый раз хочется узнать, наконец: кто же был прав? Мы или они? Кто же? Кто же?

[1]Стоят теплые, но сырые и какие-то неприятные дни, которые совсем не способствуют моему выздоровлению. Вчера я из-за своего «прострела» не смогла попасть в Русский клуб, где была обычная «четверговая» пластиночная музыка – шла опера «Кармен» в исполнении артистов и хора Миланского театра Ла Скала. Так жалею, что мне не удалось ее послушать. Муж был в клубе, остался очень доволен. Он сидел за столиком с А.А.Орловым и профессором М.В.Тарле.

Уже более полугода идут эти музыкальные четверги в Русском клубе, привлекая всегда много публики. Пластинок у Борисова, который

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

ставит эту музыку, говорят, тысяч до пяти. Я думаю, что нам хватит слушать их еще года два. Летом шла преимущественно русская музыка – мои любимые авторы: Чайковский, Римский-Корсаков, Глинка в исполнении лучших певцов – Шаляпина, Нины Кошиц, Смирнова и др. Мне эти четверги доставляют большое удовольствие, не давая отвыкнуть от настоящей, серьезной музыки, что очень легко в нашей глухой тяньцзиньской провинции.

Я провела вчерашний вечер за работой. Были Лида и Наталья Семеновна с Тамарочкой, все с вязаньем и вышиванием. Мы поставили несколько наших пластинок и послушали пение и оркестр; потом сами пели тихонько грустные романсы, соответствовавшие нашему настроению. Мне часто бывает очень печально по вечерам, глубокая тоска снедает сердце.

Сегодня днем я все же рискнула пройтись немного по улицам. Ноги ходят лучше, но спина и бок еще болят. Встретилась с m[ada]me Зенн, которая очень любезно пригласила меня прийти в воскресенье в «Кунст», посмотреть ее новые детские постановки.

Я обещала, а потом вспомнила, что в воскресенье мы с мужем приглашены на молебен в новое общежитие Русской Национальной Общины и после молебна – на чашку чая в Русский клуб. Не знаю теперь, как быть.

Здешние еврейские дамы расположены ко мне. Они всегда зовут меня к себе, пригласили как-то в «Кунст», где показали работу детской секции и спрашивали кое в чем моего совета. Если бы я не держалась немного замкнуто от всех, я вообще могла бы иметь весьма обширные знакомства.

Завтра З.И.Антуфьева приглашает меня и мужа на бал-маскарад в Русский клуб. Я очень давно не бывала ни на каких балах, кроме благотворительных, где всегда работала за чайным и закусочным столом. Я уже отвыкла от большого общества, и идти мне не очень хочется. Но З.И. так упрашивала, и, по-видимому, компании у нее больше нет – придется, должно быть, согласиться. Начнется, значит, целое дело: нужно попросить у Милочки Краудер ее бальную черную кофточку, так как мое единственное вечернее платье не имеет рукавов, а это сейчас не в моде. Нет у меня и бальной сумки. Да еще, пожалуй, придется причесаться у парикмахера. От всего этого я уже заранее чувствую усталость.

16 декабря. Очень был порадован сегодня, получивши из Шанхая от Н.К.Эльтекова и г[осподина] Жавроцкого 20 долларов для Д.П.Першина. Я думаю, мне удастся теперь к Новому году перевесть для старикана до сорока долларов.

17 декабря. Воскресенье. Вчера З.И.Антуфьева пригласила нас с женой на бал-маскарад в Русский Клуб. Мы приняли это приглашение, и пробыли на балу с 10 часов вечера до 5 утра. Выпивали, закусывали. Дамы немного танцевали. Я чувствовал себя диковато, так как, пожалуй, уже года три как не бывал на подобного рода увеселениях. Придя домой с бала, я не мог уснуть долго. Удалось поспать, может быть, всего часика два. Сегодня весь день клонит ко сну, и немного побаливает голова.

18 декабря. Газеты вновь сообщают о напряженности советско-японских отношений. Будет война у большевиков с японцами? Или не будет? Вот вопрос, который имеет грозное значение для русской дальневосточной эмиграции и от которого, увы, эмиграция как-то невольно отмахивается. Что война? Может быть, ее не будет совсем. Стоит ли ломать голову над проклятыми вопросами: с японцами ли против России, хотя бы советской? Нейтралитет? Или с большевиками против японцев?

19 декабря. Mr. More прислал мне письмо из Дайрена, где он поселился на морском курорте Хотигаура в доме семьи министра иностранных дел Маньчжуго. Впереди дома – море, позади – холмы, покрытые сосной. More – в восхищении после своей долгой жизни «в пыльном, грязном и скучном» Тяньцзине.

[1]Сегодня Николин день, к которому у нас в Иркутске уже начинали потрескивать порядочные морозы. Стало холоднее и здесь, но снега нет. Наверное, всего градуса два ниже нуля, а нам это кажется настоящим морозом. Сейчас я вернулась с небольшой прогулки и до сих пор, уже с полчаса, не могу согреть ноги. В комнате моей очень тепло.

Итак, мы с мужем все-таки побывали на маскараде. Зин[аида] Ив[анов]на не позволила нам заплатить за вход, угощала сначала коньяком, потом вкусным ужином, и пробыли мы там до 5 часов утра. Мне не было скучно, но я чувствовала себя чужой всему этому веселью. Публики было очень много, танцевали, пили. Муж мой был избран в жюри для присуждения призов за лучшие костюмы, и сегодня «Заря» сообщила об этом, чем муж остался весьма недоволен: очень уж легкомысленное для него занятие.

Позавчера я была на молебне по случаю перехода в новое помещение нашей Русской Национ[альной] Общины и ее общежития. Собралось очень много приглашенных. После молебна была чашка чая в Русском клубе; говорили речи председатель общины И.П.Кухтин, от[ец] Петр Рождественский, полк[овник] Веденяпин. Все призывали к поддержке Общины; сейчас много неимущих бегут сюда из Харбина, нужда увеличивается, нужно всех приютить, одеть и накормить до приискания ими какого-либо заработка. Был пущен вокруг стола подписной лист, давший, кажется, хороший результат. Я подписала и отдала один доллар – все, что было со мной.

Затем зашли мы вчетвером – я, Е.А.Лавдовская, К.И.Стаматова и Т.И.Барбье – в зал клуба, где в этот день был первый в сезон ти-данс[2]. Я немного потанцевала со знакомыми – я люблю фокстрот и танцую его, как говорят мои партнеры, хорошо. На днях перевела сестре Вале пять америк[анских] долларов. От нее опять давно нет писем, и опять, как всегда, я начинаю бояться, что ее нет больше в живых.

Скоро подоспеет и наше Рождество. Плохо его встретят те, кто не имеет сейчас ни работы, ни сбережений. Депрессия сильно захватила

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.
[2] Tea-dance (*англ.*) – чаепитие с танцами.

своими когтями Тяньцзинь, до сих пор дававший работу очень многим русским. Но сейчас наплыв из разоренного Харбина так велик, что никакой работы не хватит. В частности, мы уже испытываем на себе давление конкуренции: приехало много педагогов, которые хватают уроки за баснословно дешевую цену. Но что делать, всем надо как-то жить.

Вчера неожиданно явился к нам А.В.Махаев, у которого мы здесь снимали когда-то комнаты. Он тоже приехал из Харбина, где шесть лет перебивался разной работой, теперь же и перебиваться стало нечем. Он научился там клеить нечто вроде книжек для мелких бумажных денег; книжки устроены так, что бумажка, вложенная внутрь книжки, каким-то фокусом сама перемещается под резинку на другую сторону книжки. Продажей этих книжек он и думает существовать здесь. К нам он зашел попросить два доллара на покупку материала, так как получил уже здесь несколько заказов. Я, конечно, дала эти деньги и заказала ему пять книжек для рождественских подарков знакомым ребятишкам.

Сейчас, возвращаясь с прогулки, видела забавную сценку: какой-то русский пропойца стоял, едва держась на ногах, на углу двух улиц. Мимо промчался автомобиль, и ветром от колес пьяницу сдуло на землю. Он упал и остался недвижим. Полисмен-китаец, думая, что он задавлен, поднял крик, остановил автомобиль; собралась публика, и все бросились к лежавшему. Но тот вдруг вскочил и убежал в ближайшую лавку, прежде чем к нему успели приблизиться. Дело кончилось общим хохотом. Сидевший в автомобиле, оказавшийся тоже русским, крикнул полисмену на русско-китайском диалекте: «Да он хазуйла (пьяный)!» и поехал дальше.

20 декабря. Тяжелый день... Может быть, будет снег. Ужасно плохо чувствую себя.

21 декабря. Ночью болела печень. Почти не спал. С утра сегодня слег в постель. Часам к 12-ти дня боли улеглись. Вечером я уже вышел на прогулку, правда, очень небольшую.

22 декабря. Начал читать книгу Л.В.Арнольдова*, дальневосточного журналиста, в своей юности моего ученика в Иркутске. Книга эта называется «Китай, как он есть»[1]. Не скажу, чтобы книга привела меня в восторг: в ней много дилетантизма и разных рассуждений с кондачка. Впрочем, окончательные суждения об этой книжной новинке я отложу пока, ибо прочел только полсотни страниц. Арнольдов – один из ближайших сподвижников покойного Лембича, основателя всяких «Зорь» по Китаю. Как я и прежде не любил всех этих «заристов», так и теперь отношусь к ним «с заметным предубеждением». Бойкие, в то же время достаточно пошлые, эти журналисты являются не столько «писателями милостью Божьей», сколько коммерсантами, рыцарями желтой прессы.

[1]Три дня прошли в обычной будничной работе: стирала и гладила, занималась штопкой и починкой. По вечерам вяжу мужу шерстяную

---

[1] Арнольдов Л.В. Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Рус. тип. «График», 1933.

фуфайку – первую в моей жизни: никогда раньше не было на это времени. Вяжу с интересом и даже горжусь немного, что научилась и этому.

Кто-то звонит. Пришли Наталья Васильевна с работой и Ф.П.Романов. Бросаю дневник.

23 декабря. Прочел два свежих номера харбинской газеты «Наш путь» – органа русских дальневосточных фашистов. Газета ведет яркую антисемитскую агитацию.

[Замазана строка. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*].

Легко предвидеть, что с тяжелой руки Гитлера антисемитизм будет развиваться теперь интенсивно во всем мире. Любопытно отметить, что и местная японская газетка, издающаяся на русском языке, «Возрождение Азии», тоже начала за последние недели помещать антисемитские материалы.

Распространяемым слухам о том, что советчики договорились с американскими евреями о превращении русского Дальнего Востока в какой-то новый буфер, где политика будет принадлежать советам, а экономика – американцам, я, признаться сказать, не верю.

24 декабря. Сегодня закончил обработку и переписку мемуарного труда полк[овника] В.Ю.Сокольницкого «Кайгородовщина». Придется теперь еще скопировать ряд подлинных документов, приложенных к этому труду. Рождественский сочельник сегодня у иностранцев. В парке Виктория зажжена елка. Возле нее сияет электрическими огнями светящийся транспарант со словами: «Peace and Good Will». Мир и Благоволение!

25 декабря. Праздник Рождества Христова, но не наш, не русский. День провел в компании с И.Я.Антуфьевым. Вечером побывали с ним в читальной Британской Муниципальной Библиотеки, где наслаждались просмотром английских иллюстрированных журналов, особенно богато изданных рождественских номеров.

Получил сегодня 18-ый номер «Паруса», где помещено окончание моей статьи «Русские интересы в Китае». В этом же номере помещены стихи Николая Светлова, давшего образцы китайских стихотворений – очевидно, переводов из китайских поэтов. Я хочу записать здесь для памяти несколько таких стихотворений. Вот стихи поэта Цинь-Жуна.

Вдохновение
В руке стакан пьянящего вина.
Мой стол устлал стихотворений ворох.
Я счастлив. Я творю. И не моя вина,
Что не с кем разделить мне радость взоров.

Стихи поэта Ли-Бай: Либо.

Раздумье в ночной тишине
Перед кроватью – лунный блеск,
Как на полях сребристый иней.
Любуюсь на безмолвный плеск
В окне дрожащих светлых линий.
Но грустью отягченный взор
К земле склоняется все ниже...

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

Когда ж я вновь тебя увижу,
Деревни маленькой простор?

А вот стихи неизвестного поэта:

Счет до десяти
От города я раз прошел две–три версты;
Там дым над четырьмя–пятью домами стыл.
Шесть–семь беседочек и восемь–девять башен
Купались в зелени среди десятка пашен.

26 декабря. Начал писать сегодня свою новую работу под заглавием «Рассеяние в Азии белых русских армий 1919–1922». Не знаю еще, во что точно выльется эта моя работа, но примерный план ее таков:

Вступление. Отход белых армий от Урала. Ледяной поход. Расстрел адмирала Колчака. Смерть генерала Каппеля. Отступление Южной армии, ее голодный поход по Тургаю. Убийство атамана Дутова. Марш смерти – поход уральских казаков. Атаман Анненков в Китайском Туркестане, его злоключения и гибель. Приход в Чугучак Народной дивизии. Алтайские события. Выход белых отрядов к Котагачу и Кобдо. Отряд атамана Кайгородова. События в Урянхае. Отряд Казагранди. Первый поход Унгерна на Ургу. Зверства китайцев в Урге. Гибель экспедиции Центросоюза в Монголии. Погром китайцами русского населения в Кобдо. Занятие Кобдо Кайгородовым. Атаман Казанцев и Улясутай. Профессор Оссендовский. Сражение белых с красными при Тарлакшине в Урянхае. Погром монголами русского населения в Улясутае. Взятие Урги Унгерном. Террор Унгерна, его идеология. Бой под Кяхтой. Конец Унгерна. Поход генерала Бакича через Чжунгарию, потери от голода. Сражение при реке Кабук. Взятие Бакичем города Шарасумэ. Соединение отрядов Бакича и Кайгородова. Осада монастыря Сарыл-Гуна. Уход Кайгородова в Сибирский Алтай. Сдача Бакича Байкалову. Поход в Китай отряда полковника Сокольницкого. Рассеяние анненковцев по Китаю. Конец Бакича. Смерть Кайгородова. Гибель атамана Казанцева. Убийство Казагранди и странствия его отряда. Проезд Дальневосточной армии через Маньчжурию. Правительство братьев Меркуловых. Хабаровский поход. Эвакуация из Владивостока. Маньчжурия, Корея, Шанхай. «Лейтенант Дыдымов». Флотилия адмирала Старка. Поход генерала Пепеляева в Якутскую область. Восстания в Якутии и Западной Сибири. Русские в китайских войсках, на службе у маршала Чжан Цзучана. Русские на китайской службе в Сицзяне, во время мусульманского восстания, в 1932–1933 годах. Заключение.

План этот обширен. Придется, вероятнее всего, писать кинематографически, набрасывать скэтчи, давать зарисовки. Серьезное исследование на указанные выше темы может составить стотомный труд. Изобразить в художественных образах весь драматизм и трагизм эпохи отхода белых армий от Урала и рассеяния их по просторам Азии от Персии и Месопотамии до Кореи и Филиппин сможет лишь гений, равный Гомеру или Льву Толстому. Сейчас правильность этого моего положения еще мало кто сознает и ощущает, слишком близко от нас еще эта страшная эпоха.

27 декабря. С утра повалил снег. Крыши и улицы побелели. Как-то невольно вспомнилась Сибирь с ее морозами и снегами. Снег – не частое явление в Тяньцзине, и мы любим смотреть, как он падает здесь. К

сожалению, через день-два выпавший снег растает, или его соскребут с улиц и вывезут, и город наш опять примет свой серый монотонный вид.

28 декабря. Сегодня трое учеников у меня держат экзамены в шестой класс Английской школы. По этому случаю весь день выпал у меня свободным от уроков. Я много гулял, наслаждаясь свежим морозным воздухом. Снегу на улицах города еще очень много.

29 декабря. Чем ближе к нашим Рождественским праздникам, к Новому году, тем грустнее как-то становится на душе. Время идет, стареешь, одолевают разные болезни, а возврата домой, на родину, не видишь и не предчувствуешь. Спрашивается, почему эти интернационалисты, всякий международный сброд живут в России, а ты, русский, должен заканчивать свои дни в каком-то чужом Китае; жить среди народа, с которым за тринадцать лет жизни здесь не имеешь, не может найти ничего общего... Что за не нелепица?!!!

30 декабря. Вырезал сегодня из шанхайского «Слова» за 1929 год (случайно попавшего в мои руки комплекта газеты) ряд статей и заметок, относящихся к истории белого движения в Сибири. Мой архив все увеличивается и увеличивается. Новый год завтра мы с женой решили встретить вместе, дома, в компании с И.Я.Антуфьевым, Д.А.Курбатовым и Лидой Страндберг.

31 декабря. Воскресенье. Канун Нового года. День провели дома: я – в безделье, жена – в хлопотах по устройству новогодней вечеринки. Принято в конце старого года подводить итог прожитого за год, намечать планы работы для будущего. Хотелось бы мне, при помощи моей жены, постоянной сотрудницы в моих литературных работах, если Господь пошлет нам сил и здоровья, написать еще четыре больших труда. Это:

1) Рассеяние белых русских армий по Азии в 1919–1922 годах – работа уже начатая. Материалы собраны и приготовлены к их использованию.

2) Мои воспоминания. Детство. Юношество. 1882–1900 годы. Это будут мои сибирские впечатления детства.

3) Мои воспоминания. Китай. 1923–1933. Эта работа может послужить пособием для изучения положения эмиграции в Китае и содержать в себе китайские впечатления и наблюдения. Вместе с двумя уже написанными томами четырехтомный труд мой мемуарного свойства, м[ожет] б[ыть], даст картинку жизни среднего российского (в частности, и сибирского) интеллигента в апокалипсическую эпоху Русского государства.

4) Китай. Его природа, быт, люди. Это должно составить энциклопедическое описание Китая. Половина материалов имеется у меня уже в более или менее готовом виде.

Это и все пока... Конечно, в один год я при всем желании не смогу справиться со всеми этими четырьмя трудами. Но если бы мне удалось приготовить первые две работы, я был бы весьма счастлив.

[1]1934 год

1 января. Как и было намечено, Новый год мы встретили дома в небольшой компании. Жена приготовила гостям небольшие подарки и каждому шутливые стишки. И.Я.Антуфьеву, которому я пытаюсь (но пока безуспешно) продать томик стихов Лонгфелло, жена вручила следующие стихи:

[2]Трудно придумать – чего же я вам
В Новом году пожелаю?
Вы не поверите старым словам,
Новых же, право, не знаю.
Помолодеть? – Вы и так молодец.
Денег желать – надоело...
Вот, разве что: приобресть, наконец,
Нашего Генри Лонгфелло.

Жене Антуфьева, Зинаиде Ивановне, жена моя подарила маленький китайский медальон со следующими стихами:

Сей амулет на много лет
Вас сохранит от всяких бед.
С ним долго можете прожить,
Курить, любить и водку пить.

Мне же были посвящены женой следующие стихи – пародия на «Ворона» Эдгара По:

Так бывает: сядет Ваня за накрытый стол парадный.
Яства, вина и печенья – все окинет жадный взор.
Но едва лишь за бутылкой робко руку он протянет,
Вмиг жена, нахмурив брови, каркнет грозно: Nevermore!
И сегодня, в день великий – года Нового рождения
Я хочу бедняжке Ване с чистым сердцем пожелать,
Чтобы, забыв свою печенку, Ваня дул всегда водчонку,
И на все мои запреты молвил гордо: Наплевать!

Остальным двум членам нашей компании также были посвящены шутливые стихи. Чтение этих стихов очень повеселило все наше маленькое общество. Вечер вообще прошел недурно, немного потанцевали, попели, скромно выпили.

[3]*2 января.* Депрессия депрессией, а встреча Нового года все же должна быть проведена, как следует. По слухам, на встрече всюду было полно. В Русском клубе нельзя было найти ни одного свободного места. Большинство публики веселилось здесь до пяти–шести часов утра, некоторые, особенно рьяные любители встречи Нового года, пробыли в клубе даже до десяти часов утра. Было много народа и в сокольне, куда на новогоднее торжество были приглашены и мы с женой. Здесь над столом висела большая хлопушка. К 12-ти часам ночи раздался револьверный выстрел, хлопушка начала разворачи-

---

[1] Записи И.И.Серебренникова, кроме оговоренных.
[2] Далее записи рукой А.Н.Серебренниковой.
[3] Далее записи рукой И.И.Серебренникова.

ваться, и показалось старое русское трехцветное знамя. Сокола веселились до четырех часов утра.

Многие русские, встречавшие Новый год по новому стилю, будут встречать его и еще раз, по старому стилю, т.е. 13 января. В этот день в Русском клубе опять будет полно.

3 января. Вчера в нашей квартире произошла одна хозяйственная неприятность: вечером, часов в 10, после ремонта змеевика китайцами, лопнула водопроводная труба у плиты, и кухню стала заливать вода. Жена бросилась убирать с полу воду, я кинулся на улицу искать мастера, чтобы поправить беду. За поздним временем мастера не нашел. Спасибо, выручил нижний жилец, который выключил воду, замотал обмоткой трубу, дававшую течь, и кое-как мы остановили, наконец, наводнение в нашей квартире. Жена сильно переволновалась. У нее случился сердечный припадок. Плохо провели ночь.

Сегодня в кухне был произведен еще один ремонт. Кажется, на этот раз все обошлось и обойдется благополучно.

4 января. Неутомимый Борисов продолжает давать по четвергам свои виктрольные концерты в Русском клубе. Сегодня его концерт посвящается произведениям Шопена. Своей настойчивостью он добился того, что его концерты имеют теперь уже более или менее постоянную аудиторию.

5 января. Понемногу пописываю свою хрестоматию белого отступления 1919–1922 годов. Кажется, мой труд разрастется и примет большие размеры.

6 января. Канун нашего Рождества Христова. Сегодня мы с женой получили ряд поздравительных писем и рождественских подарков от наших друзей. Редактор шанхайского «Паруса» Д.И.Густав сообщил мне, что моя статья «Русские интересы в Китае» отпечатана отдельной брошюрой в количестве 200 экземпляров, из коих 180 высылается мне, и что моя статья «Албазин и Албазинцы» тоже пойдет в «Парусе». Я был удивлен, что Густав оказался почитателем моих китайских рассказов.

– Они так хороши у вас, – написал он мне.

Из письма видно, что журнал может погибнуть из-за плохих материальных дел. Будет очень жаль, если это случится.

7 января. Я не принадлежу к числу людей, которые любят визитировать по большим праздникам. Однако все же побывал сегодня с визитами в пяти домах. Везде встречал русское рождественское радушие и хлебосольство и столы, накрытые разными яствами и питиями. Вечером присутствовал на заседании культурно-просветительной секции общества «Сокол»[1].

8 января. Виделся на минутку с генералом Вержбицким, который находится здесь проездом из Шанхая в Харбин, где теперь постоянно живет. На мой вопрос, ожидают ли в Харбине войны между Японией и Советской Россией, генерал ответил:

---

[1] Русская традиционная военно-спортивная система воспитания молодежи, существовавшая в России до 1923 г., после 1923 г. в эмиграции и с 1991 г. в современной России.

– Едва ли эта война будет в течение двух ближайших лет: ускорить ее могут лишь случайности. Воевать Японии и хочется, и колется...

9 января. Жена, Антуфьев и Лидочка Страндберг пошли сегодня в Gayety Theatre смотреть и слушать Шаляпина в кинофильме «Дон Кихот». Фильм пока делает битковые сборы. Главное, Шаляпин – это наш эмигрант, это «Россия вне России». Недавно мы разговорились, талантлива ли теперешняя эмиграция. Признали: да, богата талантами и талантлива...

Разве Шаляпин не король оперных артистов и не царь оперных басов?

Разве Алехин не шахматный король?

Разве наш Бунин, хотя бы на этот год, не король изящной литературы?

Кроме королей, имеется еще сколько герцогов и принцев?!

Расхвастались... Что же? И то утешенье...

10 января. Соблазнился и я: пошел сегодня смотреть Шаляпина в «Дон-Кихоте». Великий артист дал глубоко трагический образ печального рыцаря. Постановка слишком тонка, не для широкой публики. Последняя сцена с сжиганием книг произвела на меня, вместе с печальным пением артиста, потрясающее впечатление. Покопаешься в душе и у самого найдешь что-нибудь от донкихотства. Мы ли белые – Дон Кихоты? Или наши противники, красные? Или у тех и других есть порядочная доза донкихотства? Да, может быть, Россия сегодняшнего дня – Дон Кихот, а Европа – Санчо-Панчо [Санчо Панса]?

Обывательская публика осталась очень недовольна картиной. Были даже такие отзывы:

– Какая гадость!

Разочарование это можно понять, если вспомнить, что местная публика уже крепко привыкла к американским кино-пошлостям.

11 января. Что-то начала побаливать правая нога. То ли это простуда, прострел или что-то от паралича. Видно, нужно выдергивать больные зубы. Еще болит почему-то язык. Другой раз берет отчаяние: нужно ли уж бороться со всеми этими напастями?

12 января. Моя работа на тему «Великий отход» понемногу подвигается вперед: написано мною уже свыше 50 страниц текста. Испытываю некоторые затруднения из-за отсутствия материалов. И достать их негде здесь!

13 января. Канун Русского Нового года. 9 часов вечера. Сижу один дома. Жена пошла к Д.А. и Е.С. Курбатовым на встречу Нового года. Я отказался пойти на вечеринку: уже раз встречал Новый год, дважды встречать его не хочется. Был у меня сегодня Р.В.Смит. Беседовали с ним. Он считает, что 1934 год будет во всех отношениях критическим. Мир должен будет повернуться туда или сюда. На очереди – разрешение трех проблем: версальской, русской и тихоокеанской.

14 января. Покутив при встрече Нового года, один молодой человек, некто Столов, застрелился сегодня утром в ресторане «Золотой Рог». Что за причины, не знаю. Не задыхается ли молодежь в пустоте эмигрантского бытия? Просмотрел бюллетень № 32 советского издания «Международная книга», антикварный каталог книг по

Востоку, Сибири, Кавказу и Крыму. Под номером 1261 нашел свою книгу «Записка об экономическом положении района ж. д. Иркутск–Жигалово». Цена показана 2 американских доллара. Не дешево.

15 января. Получил от Д.П.Першина рукопись «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак».

16 января. Бегло просмотрел рукопись Першина: написана она разбросанно но тем не менее, включает в себя описание многих интересных эпизодов из жизни современной Монголии. Мое заключение: рукопись стоит того, чтобы поработать над ней и придать ей законченный вид.

17 января. Число учеников наших снова начало прибавляться. Сегодня появилась у меня ученица по математике, китаянка Dora Chun. Это первая китаянка, которой я буду преподавать математику. Преподавание придется вести на английском языке. Я хочу внимательно отнестись к этому уроку: может быть, появятся у меня и другие ученики из китайцев. Dora Chun кончила ныне здесь английскую школу.

18 января. Понемногу корплю над своей новой рукописью «Великий отход». Написанное прочитывает жена и вносит стилистические исправления, наводит, что называется, лоск на работу.

19 января. Крещение Господне. Дует сильный холодный ветер, пронизывающий. Под шум этого ветра невольно вырастают грустные думы. Вот завтра исполнится ровно 14 лет, как я сел в Иркутске на чехословацкий поезд, чтобы выехать в Китай. 14 лет мы живем в стране, где не угасает пламя гражданской войны. Вот и сейчас, когда я пишу эти строки, где-то в далекой провинции Фуцзян происходит война, и генералиссимус Чжань–Кай–Шек [Чжан Кайши] добивает своих политических противников. Поневоле вспомнишь стихи про Китай мудрого поэта Дона Аминадо:

Не удивительно, что мы
Понять не в силах ничего,
Ни кто – кому, ни кто – кого,
Ни чей кулак, ни чьи бока,
Где генерал и где река,
Кто город сдал, кто город брал
И кто из города удрал...

20 января. Сегодня – день моего ангела. Именин я не справлял. Всего же за день у меня побывало около 15 человек, принесших мне поздравления. И.Н.Головко-Улазовский вспомнил обо мне из Харбина и прислал поздравительную телеграмму. И.Я.Антуфьев подарил мне хорошенькую шкатулку китайской работы. Вечером был ужин в маленькой компании.

21 января. Воскресенье. После обеда меня совершенно неожиданно навестил Пастухин, редактор газеты «Возрождение Азии», и спросил меня, не имею ли я материалов по вопросу о советизации Китая. Я ответил, что специально этого вопроса я не изучал. Воспользовавшись случаем, я указал Пастухину, что руководимая им газета при некоторых условиях могла бы быть очень полезной для русского общества здесь, но что так, как она ведется сейчас, она приносит только большой вред. Посетитель пробовал возражать против этого моего

утверждения, напирая на то, что «надо же объединиться, наконец, надо создать что-то авторитетное...» Он же сообщил мне, что газета будет выходить в скором времени в увеличенном виде и будет иметь восемь страниц ежедневно.

22 января. В библиотеке «Знание» встретился с художником Токаревым*. Он сообщил мне, что моя статья «Албазинцы» навеяла ему мысль написать картину «Осада Албазина» и что он сейчас работает над ней.

Сегодня первый раз занимался с ученицей-китаянкой, Дорой Чун, объяснял ей по-английски бином Ньютона. Девочка поразила меня своей быстрой сообразительностью и математическими способностями.

[1]Ровно месяц не писала ничего. Все было некогда, некогда, была какая-то спешка – приготовления к празднику, сам праздник, много гостей каждый день и большая усталость от всего этого. Погода изменилась с нашего Рождества, стало холодно – до 14 градусов, а сейчас вот уже пятый день дует отвратительный холодный ветер, пронизывающий до костей и все заносящий пылью.

Как прошел этот месяц, я и не заметила. Мне все казалось, что я только неделю назад оставила свой дневник. Были все те же старые печали – слава Богу, не было новых. Одно известие очень обрадовало меня: И.А.Бунин почтен Нобелевской премией, и, значит, в его лице почтена вся русская эмиграция, принесшая в изгнание, на чужбину, неугасимое горение духа, чудесный расцвет данных ей от Бога даров.

Я чувствую себя сейчас счастливой и гордой, вспоминая, как я от самых молодых своих лет восхищалась бунинским талантом, который, нужно сказать правду, очень немногими был понят и ценим. Помню, когда я поместила в иркутской газете «Сибирь», в которой я сотрудничала, восторженный отзыв о стихах Бунина, Валериан К., человек неглупый и достаточно интеллигентный, высмеивал меня за этот отзыв: «Что это вы разахались над Буниным – ах, чудесно! Ах, прекрасно!» – язвительно говорил он мне. «Что за институтские восторги! Стихи, как стихи – ничего особенного нет». И другие судили так же. Здесь, в эмиграции, никто никогда не читал Бунина; я знаю это по прежней своей библиотеке в Тяньцзине. Теперь, после чести, оказанной Бунину, многие, вероятно, бросятся знакомиться с ним, и я воображаю это всеобщее разочарование: «За что же ему дали премию? Так скучно пишет...»

Такое разочарование испытала тяньцзиньская публика при постановке здесь в кино «Дон Кихота» с участием Шаляпина. Русская молодежь совершенно не поняла картины и не оценила шаляпинского таланта; она привыкла к пошлым американским постановкам с затасканным любовным сюжетом и традиционным поцелуем в конце. Но не только молодежь – много взрослых, русских и иностранцев, уходили с середины картины, ворча на «непонятный» и «неинтересный» сюжет. Вероятно, никто из них не читал «Дон Кихота». Мы с мужем смотрели картину и нашли ее превосходной. Постановка внематель-

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

ная, отлично показан стиль эпохи, Шаляпин создал трогательный, величественный и трагический образ Дон-Кихота. Голос его звучал бесподобно, волнуя меня до слез.

Иногда меня сильно раздражает эта косность и недалекость суждений тяньцзиньской публики, и я чувствую, что мне душно и тесно в этом замкнутом, глухом болоте. Но куда деваться?

Получила я на днях открытку из Иркутска от сестры Вали. Беспокоится, что я давно не пишу, а я все жду от нее ответов на свои письма. Слава Богу, что она еще жива. Эти немногие строки от нее – большая для меня радость.

Состоялось вторичное слушание дела Сидоровых, и их оправдали, на этот раз навсегда.

Русский Новый год ознаменовался для нашей русской колонии печальным случаем. Во время новогоднего завтрака в ресторане «Золотой Рог» покончил с собой, выстрелом из револьвера в висок, Д.Е.Столов, в прошлом офицер Шаньдунской армии. Причины неизвестны, но в городе возникли некие темные слухи, связанные с одним из присутствовавших на этом завтраке.

23 января. Был у меня вечером молодой человек, некто Храмов, бывший в 1922 году начальником Командорских островов. Он прочел мне свой доклад об этих островах, очень интересный. Я посоветовал сделать некоторые дополнения к докладу, каковой Храмов предполагает прочитать на одной из сокольских вечеринок.

24 января. Могут ли быть люди без национальностей? Конечно, могут. Это – мы, русские беженцы.

Сегодня в английских газетах объявлено шведским консулом в Шанхае о предстоящем браке шведского гражданина Джона Роберта Йогансона с Меланьей Викторовной Дергачевой, барышней (Miss) без национальности – «without nationality». Вот полный текст этого объявления:

Consulate General for Sweden in China

ROYAL SWEDISH CONSULATE GENERAL IN SHANGHAI.

Notice is hereby given that Swedish citizen JOHN ROBERT JOHANSSON, employee of Messrs Fobes Co., Ltd. of Tientsin, born on the 25th August 1904 in Shanghai, and Miss MELANIA VICTOROVNA DERGACHEVA, born on 10th January; 1906 in Nikolsk Ussurisk in the district of Priamuria, Russia, without nationality, both now residing at Tientsin, intend to contract marriage, and that any just cause why they should not be allowed to do so must be declared before the undersigned not later than the 15th of February, 1934.

Shanghai in the Royal Swedish Consulate General
this 18th January, 1934.
(Signed) Einar Linquist
Consul General.

Русские женщины решительно покоряют иностранцев в Китае, что очень помогает нам, людям без национальности, усиливать здесь русское влияние.

25 января. Был сегодня по одному делу у доктора Перцеля, большевизанствующего еврея, моего земляка. Он очень доволен отставкой

военного министра Японии Араки. Прямо ликует: вот-де как японцы испугались большевиков.

26 января. «The Cathy», a fortnightly bulletin из Шанхая, запрашивает меня, сколько я хотел бы получить за мой рассказ «Retribution». Вопрос затруднительный... Не знаю, что и ответить на него.

27 января. Получил письмо от Б.Б.Филимонова из Шанхая и вместе с тем два тома его исторического труда «Белоповстанцы». Из письма видно, что Филимонов работает сейчас над книгой «Борьба на Урале» (июнь 1918 года – май 1919 года), а также подготовляет к печати третий том «Белоповстанцев». Добросовестное трудолюбие автора прямо поразительно. Хочу предложить ему, не возьмется ли он издать в Шанхае мои мемуары: «Мои Воспоминания: Сибирь и Китай. 1917–1922». Как было бы хорошо, если бы Б[орис] Б[орисович] согласился на это.

28 января. Воскресенье. Был на вечеринке соколов, где еще раз прослушал интересный доклад Храмова о Командорских островах. На докладе было человек 70: соколов, соколок и соколят.

29 января. Вечером у меня был Константинов, по моему приглашению. Часа два рассказывал он мне о своей монгольской одиссее, когда ему пришлось быть здесь в 1921 году в рядах отряда Казагранди. Он рассказывал, я записывал. Это мне нужно для моей работы о «Великом отходе». Еще два вечера, и одиссея будет рассказана мне полностью.

30 января. Работать по части писательской удается только по вечерам и то, если никто не помешает, т.е. не придет какой-либо гость.

31 января. Начал получать газету «Харбинское время». Газета как-то потускнела и посерела в сравнении с первым годом ее существования.

[1]Опять долго не записывала ничего. Не хватает времени. Принялась за перепечатывание нового исторического труда моего мужа, переписываю для него документы, прибавилось учеников. Много вообще всякой работы. Живу и работаю сейчас в маленькой комнатке за кухней, так как спальню нашу занимает сейчас Люра Зверев. Хочу написать Ольге Львовне, чтобы они поместили Люру где-нибудь в другом месте, да стесняюсь. А жить в таком закутке мне тяжело, не хватает воздуха. Поговорили мы с мужем сегодня и решили все же отказаться от Люры. Как-нибудь перебьемся до лета, а там, если будем живы-здоровы, думаю снять дачу в Пэйтайхо и держать квартирантов.

Была я вчера в Русском клубе на очередном «пластиночном» концерте. Шла опера Массно* «Манон» в исполнении Opera Comique в Париже. Пленительная музыка и чудесные голоса у солистов. Следующий концерт посвящен будет Шуману.

Сегодня, после нескольких теплых дней, выпал большой снег; но снег уже весенний, быстро тающий, и в воздухе тепло и свежо одновременно. Через неделю наступает Китайский Новый год, после которого обычно приходит «официальная» весна.

1 февраля. Набрался сегодня духу: пошел к зубному врачу и выдернул четыре верхних зуба – теперь у меня в верхней челюсти осталось

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

всего четыре зуба. Все это последствия болезни Pyorrhea alveolaris – воспаления зубных ячеек. Я борюсь с этой болезнью только тем, что каждый год выдергиваю два–три зуба. Нс хватаст как-то рсшимости вырвать сразу все зубы.

Впервые эта болезнь у меня приключилась в 1927 году. Тогда я лечил сс в японском госпиталс, в Дайрснс, у зубного врача Танака. Он сказал мне: ваша пиоррея не очень злокачественна, я могу остановить ее. И он действительно остановил гноетечение десен. Я вырвал два зуба, которыс сильно шатались.

В 1929 году у меня сильно заболели ноги, в сгибе у ступни. Я с трудом ходил и был вообще в крайне плохом самочувствии. По совету доктора Чсрдынцсва я съсздил в Пскин, побывал там в Рокфсллсровском институте, снял рентген с моих зубов, и д[окто]р Баранов удалил у меня два зуба. Недели через три после этого боль в ногах стала проходить и вскорс исчсзла совсем. Я обрсл хорошсс самочувствис.

Год тому назад, однако, у меня вновь заболели ноги. Я снова сделал рентгеновский снимок моих зубов, но исследовавшие снимок д[окто]р Эдср в Тяньцзинс и д[окто]р Баранов в Пскинс сказали мнс, что зубы у меня в порядке и нет необходимости вырывать какие-либо из них.

Находясь в Пскинс, я обратился сщс за совстом к американскому врачу Прентису. Он внимательно освидетельствовал меня и сказал, что мне надо удалить одиннадцать зубов. По приезде в Тяньцзинь я удалил всcной прошлого года чстырс зуба, и боли в ногах у мсня исчезли.

Ухудшилось теперь у меня самочувствие, и я опять вырвал четыре зуба сегодня. Так мотает меня эта зубная болезнь... Могу сказать, что в Китае многие русские болеют альвеолярной пиорреей. Из моих знакомых здссь, в Тяньцзинс, вырвали у ссбя, из-за этой болезни, все зубы Ерин и его супруга, Романенко, д[окто]р Кузьмин А.П., Муравьев. Скверно то, что доктора не знают причин этой болезни и не умеют ее лечить. Остается одно: дергать зубы.

Плохо, когда начинают привязываться разные болезни. До 45 лет я чувствовал себя совершенно здоровым, почти никогда ничем серьезным не болел и не лечился. Теперь вот донимают разного рода недомогания... Эх... жизнь. А все же думаешь: в Сибири с тобой не было бы ничего подобного...

[1]Снег шел всю ночь, и идет все утро сегодня. Улицы белы и чисты, и смотреть на них приятно.

Сейчас 3 часа дня. Муж ушел вырывать себе зубы, последние семь на верхней челюсти. Пиоррея совсем измучила его, и он решился, наконец, на эту операцию; другого средства нет. Он очень нервничает все эти дни, и сердце мое полно глубокой жалостью к нему и невольным страхом за него.

2 февраля. Что делать? Надо как-то жить и работать. Жду ответа из Шанхая, от газеты «Слово», которой я снова предложил свои услуги по сотрудничеству. Пока что послал туда статью «Смерть Адмирала

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

Колчака», для номера, который выйдет 7 февраля, в годовщину смерти адмирала.

3 февраля. Д.П.Першину в Калган я как-то послал отрывной табель-календарь на 1934 год. На картон наклеил один ландшафт, напоминающий наши таежные виды: озерко в лесу и на бережку мишка косолапый... Сегодня получил от Д[митрия] П[етровича] письмо, в котором он пишет мне: «Этот таежный ландшафт привел меня в восхищение. Он напомнил мне мои шатания по прибайкальским странам. Та же глушь, и та же лесная вакханалия. Тут же, в одной куче, и старухи- лиственницы, почти отжившие, и молодая их поросль – ярко зеленая, свеженькая, улыбающаяся, выглядывающая бодро из бурелома, символа смерти и всего преходящего. А на фоне таежных хвойников выделяется фигура властелина тайги – черного "мишки", что-то впереди учуявшего... Фас пейзажа залит бледным светом. И вся эта таежная поросль глядится, как в зеркало, в прозрачную лесную реку. А если к этому добавить воображением и тишину, и воздух хрустальный, прозрачный, ядреный, напитанный хвоей, то вся картина таежных дебрей будет, как на ладони».

По-моему, написано хорошо, изобразительно. В этом же своем обширном письме на 10 страницах Д[митрий] П[етрович] сообщил мне кое-какие дополнительные данные для характеристики барона Унгерна.

Моя работа «Великий отход» понемногу продвигается вперед, пока мной написан текст на следующие заголовки: «Вступление. Ледяной поход. Легендарный март. Смерть Верховного правителя адмирала Колчака. Смерть генерала Каппеля. Отход Южной армии. Отход отрядов Дутова и Анненкова. Дорога смерти. Алтайская разруха. Отход из Забайкалья. Бой у деревни Чиндант. Отход к Даурии. Думы под песни. Отход к Маньчжурии. Приморские кошмары. На севере Сибири. Русские во внешней Монголии. Русские в Урянхае. Лагерь на реке Эмиль. Поход барона Унгерна на Ургу. Барон Унгерн. Гибель экспедиции Центросоюза. В осажденной Урге. Похищение живого бога. Взятие Урги. Приказ номер 15. Возведение Богдо на престол. Революционное правительство Монголии. Кобдоский погром. В Оралго. В районе озера Косогола. В Заин-шаби. В Улясутае. Атаман Казанцев. Сражение при реке Тарлакшин. Поход Унгерна на Троицкосавск. Бой под Троицкосавском. Отряд полковника Казагранди. Конец барона Унгерна. Улясутайская резня. Поход Бакича через Чжунгарию».

Вероятно, будет еще столько же заголовков, когда я кончу свою работу.

4 февраля. Воскресенье. На обед были блины, по-русски, с икрой и селедкой. Пренебрегши диетой, на которой сижу, я тоже немного покушал блинов. После обеда нас навестил с визитом А.В.Барташев* в сопровождении В.Г.Шустова. Барташев в прошлом директор средних учебных заведений в Троицкосавске, Верхнеудинске, Бодайбо, Чите, Урге и Харбине, родом сибиряк, минусинец, происходит из минусинских инородцев, сейчас, кажется, советский гражданин. Он недавно в Тяньцзине и собирается открыть здесь среднюю школу, вечерние

курсы и еще что-то. Пригласил меня и жену лекторами на организуемые им курсы. Мы обещали подумать.

Вечером я побывал в гостях у Б.М.Кеппинг*, бывшего офицера Оренбургской армии. Много беседовали, вспоминая различные инциденты из истории Гражданской войны на Урале и Сибири. Б[орис] М[ихайлович] вручил мне для просмотра книгу приказов автомобильного отдела штаба Южной армии. Из этой книги можно точно установить даты и маршрут отступления этой армии в Китай, в1919–20 годах. Между прочим, от гостеприимных хозяев я узнал, что дочь атамана Дутова находится сейчас в Тяньцзине и учится в Английской школе.

5 февраля. Вечером у меня был Константинов. Он повествовал мне снова об эпопее полковника Казагранди, я записывал. Еще два таких вечера, и я запишу о Казагранди все, что нужно мне.

6 февраля. С утра заболела печень, не сильно, но все же весь день провалялся в постели, отменил уроки. Пришла газета «Слово» – очевидно, приняты мои услуги как сотрудника газеты. Получил также пачку газет «Харбинское Время», каковая предлагает мне принимать подписку здесь на нее. Почтальон принес еще жене книжку стихов сибирского поэта, теперь и американского гражданина в Сан-Франциско, Бориса Волкова[1]. Книжка только что вышла в Берлине и носит название «В пыли чужих дорог». Стихи, кажется, недурные. На днях займусь их чтением. Вечером меня навестили И.Я.Антуфьев и Mr. More. Последний принес мне для чтения свежий номер нью-йоркского журнала «Asia».

Журнал «The Catay» из Шанхая предлагает мне получить за рассказ «Retribution» двадцать долларов. Я согласился. И то деньги.

7 февраля. День поминовения усопших воинов адмирала Колчака, генерала Каппеля, атамана Дутова... Сегодня в Шанхае в «Слове» должна появиться моя статья «Смерть адмирала Колчака». От Б.Б.Филимонова из Шанхая получил письмо, в котором он изъявил желание взяться за издание моих мемуаров («Мои Воспоминания. 1917–1922. Сибирь. Китай»). Я решил не медлить с этим делом и завтра же отослать рукопись в Шанхай.

8 февраля. Мемуары приходится все же немного выправлять. Отправка их поэтому задержится на день или два. Отправил сегодня Д.П.Першину небольшую посылочку с его любимыми продуктами.

9 февраля. Что-то плохо все чувствую себя.

10 февраля. С полдня заболел, обозначился припадок боли в печени. Провалялся в постели.

11 февраля. Воскресенье. Весь вечер пролежал в постели. Был доктор Суторихин, прописал строжайшую диету, припарки и какие-то успокаивающие порошки. Так длительно никогда еще не болела у меня печень. Может быть, случилось что-то новое.

12 февраля. Слег окончательно в постель. Отменил все уроки.

13 февраля. Ночью было легче. Спал хорошо. В боку все еще какая-то щемящая боль. Сегодня китайцы встречают Новый год, и потому

---

[1] Волков Б.Н. В пыли чужих дорог: Стихи. Берлин: Парабола, Б.г.

беспрестанно грохают хлопушки, несмотря на запрещение полиции. Старые традиции сильны и живучи.

14 февраля. Без перемен. Так пишу я в своем дневнике сам свои собственные бюллетени о здоровье.

15 февраля. Почувствовал облегчение. Начал заниматься понемногу уроками. Болезнь предоставляет возможность подумать о собственной судьбе. Оба мы с женой стареем, недомогаем. Сбережений на старость не имеем. Перспективы неутешительные. Тем не мене, не хочется опускать руки. Все еще думаю о том, как бы обеспечить нашу старость. Может быть, написать что-нибудь такое, что бойко пошло бы на мировом книжном рынке и принесло бы деньги? Это, однако, не так-то легко осуществить!

16 февраля. Получил из Шанхая 80 экз[емпляров] моей брошюры «Русские интересы в Китае». Брошюра издана без указания на то, что она является отдельным оттиском из журнала «Парус». Вышла она в серии «Эмигрантская библиотека» № 9. Думаю пустить ее в продажу по дешевой цене.

17 февраля. Вчера приехал к нам из Пекина Я.Ф.Зверев, отчим мальчика Люры, который живет у нас, посещая Английскую школу. Мы, поместив у себя мальчика, сильно потеснились. Теперь, ввиду плохого нашего здоровья, мы попросили Я.Ф. подыскать для Люры другую квартиру. Я.Ф. внял нашей просьбе и сегодня же нашел мальчику другую комнату, в которую он переедет с 1-го марта. Я все еще плохо чувствую себя.

18 февраля. Воскресенье. Прощеный день. Почти весь день провалялся в постели. Что-то внутри ноет, сосет.

19 февраля. Стало легче. Поднялся с постели. Немного уже работал.

20 февраля. За время болезни моя работа лишь немного продвинулась вперед. Все же были заполнены текстом следующие подзаголовки: «В Шарасумэ. Голодный поход. Взятие Шарасумэ. От Шарасумэ до Кобдо. В Кобдоском районе. Осада хурэ Сарыл Гуна. Пленение Хас-Батора. Поход Кайгородова на Алтай. В осажденном хурэ. Конец Бакича. Поход отряда полковника Сокольницкого. Преследуемые монголами».

[1]Опять большой перерыв в записях: не стало хватать времени. После того как муж вырвал себе 3 зуба (4 еще остались), вскоре же заболела у него печень. Не знаю, случайность ли это. Мы с ним почему-то уверены, что пиоррея и постоянные у него приступы болей в печени имеют между собой какую-то связь: то и другое появилось у него 7 лет тому назад одновременно. В этот раз муж проболел очень долго. Пришлось вызывать врача. Пролежал он в постели дней 10, ничего не ел, сильно исхудал. Я была при нем бессменной сиделкой, и потому все мои дела отложены, остановилось и печатанье на машинке. Сейчас мужу лучше, он уже встал и занимается с учениками, но еще не выходит на улицу. Сама я очень устала за это время и тоже чувствую себя неважно.

---

[1] Записи А.Н.Серебренниковой.

Люра переезжает от нас 1 марта. Приезжал сюда из Пекина его отец, гостил у нас два дня и нашел Люре комнату у Соколовых. Хотел было он просить нас оставить у нас сына и дальше, да посмотрел, как мы оба с мужем «расписались», и не стал настаивать. Через неделю, значит, я получаю снова в свое распоряжение нашу большую спальню, где не в пример легче работать: светло, тепло и просторно. Немножко жаль Люру, я привыкла к нему, и он покидает нас с видимым сожалением, но что же делать? Нелегко было мужу лежать больным в малюсенькой комнате за кухней.

Все поражены вестью о трагической гибели короля бельгийского Альберта, разбившегося при падении в ущелье во время прогулки в горах. Еще со времени германской войны личность короля Альберта была окружена в моем представлении рыцарским ореолом и вызывала теплую симпатию и преклонение. Вся Европа искренне оплакивает его, сообщают газеты. Какая-то нелепая, необыкновенная смерть, какой, кажется, не должны умирать монархи – вероятно, единственная в таком роде смерть правителя государства за всю мировую историю.

Уже две недели стоит чудная, теплая весенняя погода, прервавшаяся только на один день сильнейшим теплым ветром. Сегодня что-то пасмурно, и мне нехорошо.

Получила сейчас адресованное мне и мужу приглашение прийти сегодня на заседание культурно-просветительной организации.

21 февраля. С утра чувствовал себя хорошо, сделал порядочную прогулку по воздуху. К вечеру стало как-то хуже. К тому же сильно измотали меня гости, просидевшие до двенадцати часов ночи.

22 февраля. Был П.А.Савинцев, оставил мне для просмотра свою рукопись, дневник, относящийся к годам Гражданской войны в Сибири. Сегодня Иннокентьев день. Этот сибирский праздник прошел как-то незаметно. Помолился вечером Сибирскому Святителю, дабы он облегчил мои страдания. В этот день мой отец был именинник. Мир его праху. Вспоминаю, как я в 1908 году ставил на его могиле памятник из кирпича, на сельском кладбище в моей родной Знаменке.

23 февраля. Сибиряк сибиряка понимает и издалека. Дорогой Д.П.Першин в сегодня полученном письме на имя жены пишет по поводу моей болезни: «Я никак не думал, судя по его внешности, что его допекают разные недуги, ну, я другое дело – старик (73 исполнилось), а он сравнительно молодой, и вдруг всякая дрянь непрошеная жалует. Это, думаю, происходит оттого, что он, северянин, забрался в субтропический Китай, вот его родовая организация, свыкшаяся с суровым климатом, и протестует против переселения в несвойственную ей местность. Ведь его родовичи всю жизнь проводили в холодных Ленских краях, где воздух ядреный, хрустальный, а тут всюду преет и воняет гнилью, вот и заскучал организм по хорошим вольным воздухам. Значит, необходимо на месяц, два в году кочевать в места похолоднее, например, в Маньчжурию или хотя бы в Калганские страны...[1]» Старик прав...

---

[1] Имеется в виду г. Калган.

24 февраля. Сегодня чувствовал себя получше. Вернулся из Харбина местный коммерсант Мальцев. Он пригласил И.Н.Головко-Улазовского своим компаньоном по магазину. Приезд И[вана] Н[арцисовича] [Головко-Улазовского] из Харбина вместе с его семьей ожидается сюда вскоре после 1-го марта.

25 февраля. Воскресенье. Разрешил себе побывать днем в кино. Смотрел довольно глупую музыкальную комедию английской продукции. Перед этой комедией были показаны новости Патэ, а также видовая картина: экскурсия скаутов на гору Афон. И то, и другое было интересно. Любопытно, что мальчики-экскурсанты (кажется, англичане), собравшись в одном из уголков Афона, спели хором русскую песню «Эй, ухнем!», отчетливо выговаривая русские слова. Конечно, это было ни к селу, ни к городу, как говорится, и лишь показывало только, как во всем мире стала популярна эта русская песня наша. Словно они пропели ее для нас, эмигрантов, специально.

26 февраля. Перевел Д.П.Першину 15 долларов, не мог больше собрать. Многие стали увиливать от взносов. Как быть дальше, теряюсь. Из Шанхая вот уже два месяца как нет поддержки. Что-то надо предпринимать, чтобы более ощутительно помогать нашему калганскому отшельнику.

Сегодня к вечеру что-то опять неладно чувствую себя: может быть, это к перемене погоды. С докторами неразбериха: два дня тому назад был у доктора Суторихина, который измерил у меня давление крови и нашел, что оно составляет 160. Сегодня утром побывал у доктора Чердынцева, который нашел, что давление крови составляет 194. Кто же прав?

В Тяньцзине вышла сегодня новая газета «Русский Вестник» в издании местной Русской Нац[иональной] Общины. Газета эта будет выходить раз в неделю по понедельникам. Пикантно то, что вышедший номер газеты был отпечатан в типографии японской газетенки «Возрождение Азии», той самой, что еще совсем недавно поливала помоями местную русскую общественность. Теперь наступило трогательное единение: «Русский Вестник» отпечатался в типографии «Возрождения Азии» бесплатно. В городе вообще торжествует «единение». Представители шести местных русских общественных организаций объединились теперь и избрали Объединенный Деловой Комитет под председательством о[тца] протоиерея Петра Рождественского. Конечно, этот Комитет выделил Культурно-просветительную секцию, которая должна будет позаботиться о лекциях для нашей молодежи. О лекциях для молодежи заботится также кружок лекторов, сгруппировавшийся вокруг А.В.Барташева, старого сибирского педагога. Устройство каких-то лекций проектирует и недавно возникшее здесь О[бщест]во отечествоведения. Одним словом, Тяньцзиню угрожает целый поток лекций. Очевидно, имеются и лекторы. Вот будут ли только слушатели? От имени Комитета Делового Объединения лекции и доклады будут читаться каждую неделю, по вторникам, в помещении Русского клуба. Начало будет положено завтра, когда о[тец] прот[оиерей] Рождественский прочтет лекцию

на тему «Православная церковь как основа Русской национальной культуры» и П.А.Веденяпин – «Русское государственное культурное строительство», в заключение А.П.Бендерский прочтет отрывки из произведений русских писателей.

27 февраля. Валит хлопьями снег и тает. На улицах сыро и грязно. По этому случаю высидел весь день дома. Все еще не могу сказать, что здоровье мое наладилось.

28 февраля. Сегодня съехал от нас наш квартирант Люра Зверев. Опять с женой мы остаемся одни в нашей квартире.

1 марта. Получил вчера вечером письмо из Шанхая от Б.Б.Филимонова. Письмо – довольно длинное, содержит условия, на которых он соглашается издать мои мемуары. Условия эти, возможно, для меня и невыгодные, но придется на них согласиться. У меня нет выбора. Смущает меня то обстоятельство, что издатель мой предложил мне разбить мои мемуары на два тома «по коммерческим соображениям». Я не писал их так, чтобы иметь в виду, что они могут [быть] разбиты на два тома. Вероятно, все же придется мне согласиться и на это предложение.

Утром был по одному делу у доктора М.Я.Перцеля. Он предложил мне уроки математики в Еврейской школе, где преподавание ведется на английском языке. Я обещал подумать. Попутно попросил доктора измерить у меня давление крови. Он сделал это и нашел, что оно дает показатель 180. Итак, за неделю у трех разных докторов я получил в этом отношении три цифры: 160, 194, 180.

2 марта. Давно не получаю писем из Америки. В чем дело, не могу ума приложить.

3 марта. Епископ Виктор из Пекина прислал мне письмо, в котором извещает меня, что предполагается улучшить и расширить издание журнала «Китайский Благовестник», органа Русской Духовной Миссии в Китае, и просит меня приготовить какую-нибудь статью для пасхального номера журнала.

4 марта. Воскресенье. Были гости. В полдень завтракал у меня Mr. More, который помог мне составить письмо к Mrs. Stella Margold, секретарю The Reconstruction Finance Corporation в Вашингтоне. К вечеру подошли супруги Кузьмины, недавно приехавшие из Шанхая, супруги Лавдовские, Д.А.Курбатов и Лида Страндберг.

Гости долго не засиделись, и я рано ушел спать, вернее, лежа в постели стал просматривать свежий номер «Asia». Прочел статью Керенского о Ленине и самом себе в юности, по сибирским воспоминаниям. Статья Керенского поразила меня искренне теплым отношением к России, всему русскому и даже ее православной религии. Вероятно, изгнание и годы берут свое. Говоря о Ленине, Керенский в начале своей статьи написал: «Я родился под тем же самым небом. Я дышал тем же самым воздухом. Я слышал те же самые крестьянские песни и играл на той же самой школьной площадке. Я видел те же самые безграничные горизонты с того же самого высокого берега Волги. И я знаю по моей крови и моим костям и утверждаю без всяких колебаний, что, только потеряв всякое соприкосновение со своей родной землей, только сознательно подавив в себе все родные

чувства к ней, можно было сделать то, что сделал Ленин в своем сознательном жестоком изуродовании России».

5 марта. В 9 часов вечера зашел ко мне Константинов. Целых два часа повествовал он мне о походе отряда Казагранди осенью 1921 года по Гоби, откуда этот отряд вышел в Маньчжурию. Трагический финал похода – жутко потрясающий. По мере того как успевал, я записал все мне рассказанное.

6 марта. Почти совершенно нет у меня материалов об атамане Анненкове, точнее, об его скитаниях и заключениях в Китае. Придется начать опрос местных анненковцев.

7 марта. Местная общественность русская начинает бурлить и кипеть. Читаются лекции, доклады. Возятся фашисты, младороссы... Я пока стою в стороне от всего этого как по состоянию здоровья, так и по усталости. Признаться, житье на чужбине уже совершенно меня вымотало. Скрипишь, да живешь. Становишься раздражительным, это плохо отзывается на окружающих близких мне лицах.

8 марта. Вчера вечером побывал у меня в гостях П.А.Савинцев, редактор «Русского Вестника», я снабдил его кое-какими материалами для газеты.

Жена начала готовиться к своему докладу, который должен быть прочитан на Бунинском вечере. На ее письменном столе появилось уже 17 книг с сочинениями Бунина.

9 марта. Весь день чувствовал себя неважно [зачеркнуто: плоховато. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

10 марта. Написал статейку о Пу-И, теперь Кан-Де, его Величестве, императоре Маньчжуго. Хочу отправить ее в «Слово» – дальше, вероятно, писать в эту газету ничего не буду: я предчувствую, она не будет платить мне ни гроша. Вот и попробуйте при условиях подобного рода поработать в русской эмигрантской прессе здесь. Просят работать в «Парусе», но говорят: платить не можем, приглашают сотрудничать в «Русском Вестнике», но даром... и т.д.

Кстати, получил сегодня свежий номер «Паруса». В нем обращает на себя внимание статья самого редактора журнала, Д.Густава, под заголовком «Накануне». Эта статья о грядущей войне между Советской Россией и Японией наполнена лютой ненавистью к облепившей Россию коммунистической нечисти и кончается следующими тирадами: «Блестят зарницы. Приближается гроза. Грянет гром. Задрожит земля страхом великим... Нам ли бояться? Перед нами враг, наш смертельный враг. И в битвах грозовых какое счастье схватить его за горло и бросить наземь... Ревут орудия. Взрываются бомбы. Жужжат аэропланы... Хохот дьявола и скрежет ада... дыхание смерти...

Война... Но ты – избавительница от моего смертного врага, от того врага, кто честь и жизнь отнял от меня, кто насмеялся над моим Богом, растлил народ мой, растерзал родину мою... О, неужели я убоюсь скрежета, ада, воя снарядов и мучительной смерти?.. Лишь бы вцепиться мне моими руками в твое проклятое горло!..

Нет, не убоюсь. Я приветствую тебя, война, со всеми твоими ужасами, я жду тебя, как свою первую возлюбленную, ибо ненависть моя против врага моего превыше всего...»

11 марта. Воскресенье. Моя работа «Великий отход» немного продвинулась еще вперед. По сегодняшний день написаны следующие заголовки: «Перевал Маш Дабан. Тургук Да Лама. Сдача оружия. Смерть полковника Казагранди. По Гоби. 800 верст с боями. Последний бой» и закончил еще ряд глав по истории Белого Приморья (1921–1923 годы).

Сегодня утром побывал у В.И.Гусева, моего земляка, и записал у него кое-какие данные по истории возникновения отряда Казагранди. Теперь об этом отряде я имею все, что нужно. Весь остальной день сидел дома, на улицу не выходил: шел снег и таял, было сыро. Писал, читал... В «Парусе» я опять обратил внимание на стихи китайских поэтов в переводе с китайского Л.А.Слободчикова* и в стихотворной обработке Николая Светлова*. Вот, напр[имер], стихотворение китайского поэта Ван Вэя, времен династии Тан (VII–X века по Р[ождеству] Х[ристову]). Называется оно «В зарослях бамбука пост лютня».

Вечернее солнце скатилось за дальние горы.
Весь мир погружается в черный пугающий мрак.
Вот месяц родился из гущи соснового бора
И вдруг осветил предо мною холодный овраг.
Луна – все светлее. Вокруг – все прохладней и тише.
Вдали мелодично звучит неизвестный родник.
Вот дым, словно черная птица, поднялся над крышей.
Из хижины вышел и смотрит на месяц старик.
Ему, как и мне, в этот миг на земле неуютно.
В душе отчего-то холодная зреет тоска.
И грустно поет одинокая звонкая лютня
Из зарослей темных разросшегося бамбука.

В стихах китайских поэтов есть какое-то приятное своеобразие. Они коротки, выразительны, живописующи. Впрочем, я еще мало знаю китайскую поэзию и китайских поэтов. Читал сегодня стихи Бунина, и вдруг мне показалось, что некоторые стихи его напоминают собой китайские, особенно те, где он коротко, резкими мазками, также живописует.

Вот его стихотворение «Апрель».
Туманный серп, неясный полумрак,
Свинцово-тусклый блеск железной крыши.
Шум мельницы, далекий лай собак,
Таинственный зигзаг летучей мыши.
А в старом палисаднике темно;
Свежо и сладко пахнет можжевельник.
И сонно, сонно светится сквозь ельник
Серпа зеленоватое пятно.

Конечно, мысли мои о «китайскости» стихов Бунина могут показаться смешными. Я не буду спорить, ибо, повторяю, мало знаю китайских поэтов. Мало читал и стихов Бунина. Стихотворение его «Конь Афины-Паллады» показалось мне интересной аллегорией того, что произошло в России, куда был ввезен коммунистический конь.

Запели жрецы, распахнулись врата – восхищенный
Пал на колени народ:
Чудовищный конь, с расписной головой, золоченый,
В солнечном блеске грядет.
Горе тебе, Илион! Многолюдный, могучий, великий.
Горе тебе, Илион!

Ревом жрецов и народными кликами дикий
Голос Кассандры – пророческий вопль – заглушен!

12 марта. Мало, вероятно, кто знает, что Китай уже начинает подвергаться статистическому изучению и исследованию по научным методам. Центрами этого изучения являются университетские города: Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин и т.д. Пионерами этого изучения являются профессора экономических наук: иностранцы, равно и китайцы. Пока что эти исследования носят частичный характер, выборочный, но все же уже появился более или менее надежный материал, чтобы судить о характерных демографических показателях для китайского населения, равно и статике, и динамике его внутреннего хозяйствования. Но, думается нам, в Китае еще не скоро может быть произведена однодневная всеобщая перепись населения. Нет для этого подготовленных людей и учреждений. Совершенно не дозрел для этого и сам народ, при теперешнем состоянии дел в Китае производство переписи могло бы, пожалуй, вызвать даже серьезные народные волнения. Народ сильно напуган событиями последних двух десятков лет, разорен, переполнен суевериями. Китайские статистики, сборщики сведений по деревням, порой натыкаются на почти неодолимые препятствия, мешающие сбору цифровых материалов. Все же начало научному статистическому исследованию Китая положено. Несмотря на все беды, жизнь идет вперед.

13 марта. По «Великому отходу» мною написаны главы: «Лагерь на Булугуне. На пути к Гучену. В Гучене. Проезд Дальневосточной армии через Маньчжурию. Переворот в Приморье. Очищение Приморья от красных. Хабаровский поход. Крушение последних надежд. Эвакуация Приморья. Из Посьета в Гирин. В Пограничной. В Гензане». Дальше я должен писать о флотилии адмирала Старка*, но как раз на эту тему мною еще не подобраны материалы.

Сегодня в Русском клубе очередные лекции. Жена, в небольшой компании, пошла послушать лекторов. Я остался домовничать. День, по погоде, был отвратительный: я с трудом провел его, стараясь быть спокойнее и не раздражаться. Все жалуются на головные боли. В городе свирепствуют эпидемии детских болезней. Многие школы распущены на целый месяц. Узнал, что завтра вечером приезжает в Тяньцзинь И.Н.Головко-Улазовский.

14 марта. В 4 часа дня ходил на Набережную, чтобы встретить японский пароход «Тяньцзинь-мару», на котором должен был прибыть сегодня Головко-Улазовский. Оказалось, благодаря сильному ветру, прибытие парохода задержалось на сутки. Пыльный ветер дует беспрерывно вот уже, кажется, четвертые сутки.

15 марта. Жена начала готовиться к маленькой лекции на тему «О русском языке, искажениях в нем и словотворчестве». Эту лекцию она обещала прочитать в Русском клубе 20 марта, в следующий вторник, по просьбе культурно-просветительной секции Комитета Делового Объединения эмиграции. Пока что вторниковые лекции публика сегодня посещает очень охотно.

16 марта. Побывал в редакции «North China Star», где просматривал комплект газеты за 1922 год, разыскивая материалы о флотилии

адмирала Старка[1]. Против моего ожидания, нашел лишь скудные отрывочные сообщения, агентские телеграммы.

17 марта. К вечеру опять наладилась желтая буря. В городе потемнело. Стало желто. Написал сегодня главы «Русские в Маньчжурии» и «Резня в Трехречье». Если ничто не помешает, то свою работу «Великий отход» я закончу через месяц.

18 марта. Воскресенье. Вечером угощали ужином супругов Головко-Улазовских и их дочь и m[adam]e Лавдовскую. Получил письмо от Б.Б.Филимонова из Шанхая относительно издания моих мемуаров. Его главнейшие условия следующие: он печатает 600 экз[емпляров] моей книги и, по продаже ее, вручает мне 35% от чистой прибыли издания. Против этих условий я не возражаю, но мне не нравится, что издатель из-за коммерческих соображений ставит мне одно обязательство: разбить мои мемуары на два тома. Вместо одного солидного тома получится два тощих. Кроме сего, он находит, что у меня мало глав: предлагает их разбить на более мелкие. Все свои предложения Филимонов делает в категорической форме, не допускающей никаких возражений, напоминая мне о том, что есть русская пословица «Вольному – воля, спасенному – рай». Тон его писем – менторский, порой обидный. Он даже учит меня, что письма свои я должен печатать на пишущей машине и посылать их ему (из-за экономии) простыми, а не заказными. По-видимому, это – человек «с мертвой хваткой» и большой пунктуалист. Теперь у меня может быть два решения (напишу и их тоже по пунктам): 1) Прервать с Филимоновым переговоры и потребовать возвращения рукописи, или 2) согласиться на все его условия. Конечно, первое поведет к тому, что я долгое время еще не увижу в печати своих мемуаров.

---

[1] Сибирская флотилия, с которой эвакуировались белые части и члены их семей из Приморья. Последний командир Г.К.Старк. 31 октября 1922 г. в Гензене собрались следующие суда: «Байкал», «Свирь», «Батарея», «Диомид», «Илья Муромец», «Парис», «Фарватер», «Страж», «Лейтенант Дыдымов», «Охотск», «Манджур», катера «Стрелок», «Ординарец», «Резвый» (бывший «Павел Дирекционный»), «Надежный» и пароходы «Эльдорадо», «Защитник», «Взрыватель», «Монгугай», «Чифу», «Пушкарь», «Смельчак», «Воевода», «Тунгуз». В числе прибывших был смешанный госпиталь с 250 ранеными и больными. Через несколько дней сюда же подошел и отряд капитана 1-го ранга Соловьева: «Патрокл» (командир старший лейтенант Николай Александр Мцылев, 346 человек), «Улисс» (лейтенант Степанов, 59 человек), «Диомид» (капитан 2-го ранга Коренев, 28 человек). Старк разделил флотилию на 2 части. Одну в составе транспортов «Охотск», «Эльдорадо», «Защитник», «Монгугай», «Пушкарь» и «Воевода» под руководством контр-адмирала Безуара оставил на некоторое время в Гензене. С другими кораблями Старк вышел в Шанхай, где была еще одна длительная стоянка. Обычно 900 миль, отделяющих Шанхай от Филиппин, суда проходили за 4 дня, но кораблям Сибирской флотилии потребовалось от 9 до 20 дней. 26 января 1923 г. они пришли на карантинную станцию Мариверес, остановка на которой предполагалась перед заходом на Филиппины. 27 марта 1923 г. приказом № 134 Старк приказал «окончить кампанию и перейти в состояние долговременного хранения». 23 мая 1923 г. стал историческим днем для Сибирской флотилии: в Олонгапо прибыл американский военный транспорт «Меррит», чтобы забрать русских моряков в Америку. На следующий день Старк приказал одеться по-парадному для последнего построения. На нем присутствовали 536 человек с семьями. Историю последнего плавания Сибирской флотилии см.: HILA. Kriukov Boris Aleksandrovich (1898–1983). 4 boxes.

19 марта. Решил попросить Б.Б.Филимонова вернуть мне мои мемуары и в этом духе написал ему сегодня и отправил письмо. Не везет на людей, так уж не везет.

20 марта. Жена ушла в Русский клуб читать свой доклад. Я остался дома и засел за свою работу. Жаль, что Б.Б.Филимонов оказался каким-то непокладисто-странным человеком. Иначе я кроме своих мемуаров смог бы еще предложить ему для издания две рукописи – это мой «Великий отход» и рукопись В.А.Зубца «На службе в Китайской армии».

21 марта. По словам жены, ее вчерашний доклад в Русском клубе имел хороший успех. Зал был переполнен. Много было и молодежи. Единственные недостатки – это то, что доклад был короток и что он был прочитан тихим голосом.

22 марта. Сегодня «Наша Заря» дала хороший отзыв о докладе жены, написала, что он представлял исключительный интерес и был блестяще прочитан. Конечно, жена очень довольна своим успехом.

23 марта. Совершенно неожиданно пришло сегодня по адресу жены письмо от моего крестника, Д.Я.Рейхбаума, из Иркутска[1]. За 15 лет от Д.Я. пришло первое письмо. Пишет, что состоит доцентом по физике в нескольких высших учебных заведениях Иркутска. Иркутск будто бы растет. Много новых зданий в нем выстроено и строится. Много заводов. Строится мост через Ангару. В городе до десяти высших учебных заведений. Имеются в письме сведения и об общих наших знакомых. С радостью узнал, что мой старый знакомый, сибирсвед Н.Н.Козьмин состоит профессором Педагогического института. Есть новости и хорошие, и печальные. Прочел письмо, и на меня навалилась какая-то бесконечная скука. От скуки пошел шататься по городу: еще скучнее стало.

24 марта. Подготовил материалы для доклада на тему «Славянские языки, народы, государства». М[ожет] б[ыть], самый доклад прочтет в клубе моя жена.

25 марта. Воскресенье. После обеда отправился на охоту за материалами. Побывал на бывшей Русской концессии у А.К.Еремеева и Н.А.Щелокова. Еремеев – мой земляк, иркутянин, в смутные годы Гражданской войны в Сибири ближайший сподвижник барона Унгерна – рассказал мне кое-что интересное о «сумасшедшем бароне». Щелоков, оренбуржец, предоставил в мое распоряжение исключительной ценности материалы об атамане Дутове, в том числе подлинное, большое, писанное карандашом письмо атамана к генералу Бакичу, отправленное адресату уже по переходе китайской границы в 1920 году.

Придя домой, я нашел на своем столе письмо от Б.Б.Филимонова. Он пишет, что мемуары пока мне не возвращает, считая, что между нами произошло недоразумение, которое надо выяснить. Вечером у нас были гости: В.Н.Лавдовский, Mr. More и Лида Страндберг.

26 марта. Написал две новые главки для моей работы, на основании материалов, полученных вчера.

---

[1] Автор книги: Рейхбаум Д.Я. Памятная книжка Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

27 марта. Надумал написать для «Китайского Благовестника» в Пекине статейку под заголовком «Из Пекинской старины». Не знаю только, успею ли это сделать для пасхального номера журнала. Хотел вечером поработать, но пришел гость, Ф.П.Романов, и я отложил свою работу. Гости бывают у нас почти каждый вечер... И на гостеприимство уходит множество времени...

28 марта. Еще ничего не ответил до сих пор на письмо Филимонова: склоняюсь к тому, чтобы окончательно отказаться от его издательских услуг.

29 марта. Весь вечер проиграл в шахматы с заглянувшим ко мне алтайцем Д.М.Тобоковым.

30 марта. Америка начинает меня беспокоить. Вот уже несколько месяцев я не имею писем от доктора Фишера. В чем дело, не могу ума приложить. Рассердился он, что ли, на меня? За что? Отправил сегодня письмо Б.Б.Филимонову в Шанхай, где откровенно высказал ему все, что было у меня на душе.

31 марта. Был на вербной всенощной в церкви Дома Милосердия. Маленькая церковь была переполнена молящимися. Служил настоятель церкви, о[тец] Флегонт Смолянников, наш сибиряк, алтаец, когда-то совершивший свой скорбный путь изгнания из родины и пришедший в Китай через долины, степи, пустыни Монголии и Китайского Туркестана. Ушел я из храма с вербой и свечкой в руках, значительно умиротворенный и успокоенный.

1 апреля. С интересом переписываю в свои архивные книги-сборники газеты-уникумы. Эта газета, печатавшаяся в 1921 году на пишущей машинке в Кобдо, в Монголии, называется «Наш Вестник: Еженедельный орган военно-политической жизни Сводно-Русско-Инородческого отряда войск Горно-Алтайской области». Иначе говоря, это была газета партизанского антибольшевистского отряда есаула Кайгородова, действовавшего в Северо-Западной Монголии в 1920 и 1921 годах. В моем распоряжении имеется всего 9 номеров этой газеты. Печаталась она, вероятно, всего в нескольких экземплярах. Все руководящие статьи, передовицы в ней написаны в умеренно-демократическом духе, порой даже с социалистическим душком. Это более чем удивительно.

В моих архивных сборниках написано мною уже около 1000 страниц текста, в пяти книгах. Если это сохранится, будет иметь со временем ценность.

1 апреля[1]. Уплелся вечером смотреть музыкальную танцевальную кинокартину «Полет в Рио-Жанейро»; публика в восхищении наблюдала новый танец «кариока», представлявший из себя какую-то танцевальную селянку, смесь фокстрота, танго, танца живота, бедер и пр., довольно-таки вакхического типа. Я заметил, что я лучше стал понимать английскую речь в кинокартинах. До сих пор не могу решить, помогают ли говорящие кинокартины усвоению чужого языка.

2 апреля. День именин жены. Перебывало до 30 человек гостей; жена получила около двух десятков цветочных подношений.

---

[1] 1 апреля – написано дважды. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*

3 апреля. Сегодня черствые именины. Были еще гости, пили чай. День провел в безделье. Правда, утром имел все же два урока.

4 апреля. Работу свою по истории рассеяния белых армий и отрядов по Азии я почти закончил. Не хватает только материалов об атамане Анненкове да о сойотских восстаниях против русских в Урянхайском крае.

5 апреля. Наступила весна, стало тепло. Зацвели фруктовые деревья. Заголосили ребятишки, русские, евреята и китайчата по всем закоулкам и переулкам, устраивая разные игры. Стало шумно. Я не переношу этого шума: слишком сверлит он мои уши и терзает измученную душу: нервы шалят. И потому я не люблю здесь ни весны, ни лета: и шумно, и жарко. Из всех времен года сносно переношу лишь зиму и люблю, когда падает снег. Приближение лета ожидаю с ужасом и нервной дрожью.

6 апреля. Жена засела за составление доклада о нобелевском лауреате писателе Бунине. Бунинский вечер отложен до 17 апреля. Тема доклада: Бунин и его проза. Думаю, что доклад будет хорош, ибо жена очень любит Бунина как писателя, очень хорошо его понимает и чувствует.

7 апреля. Страстная суббота. Чувствуется предпасхальное оживление. Магазины полны покупателей, стремящихся запастись к Светлому празднику яствами и питиями. Сегодня же и праздник Благовещения, но он как-то не ощущается. Мы ныне делаем скромный стол: два кулича, десятка три крашеных яиц, окорок и еще коекакие закуски – вот и все.

8 апреля. Воскресенье – Святая Пасха. На чужбине... Страшно сказать, но это уже 14-ая Пасха вне родины. Ночные пасхальные службы во всех трех русских церквах прошли торжественно. Всюду было полно народа. Немного испортила праздник только сырая, дождливая и холодная погода. Сенсация дня – это то, что китайский священник, о[тец] Сергий Чан, откололся от эмигрантской церкви и признал советскую. Говорят, что он считает себя или уже готов считать себя начальником Русской Духовной Миссии в Китае. Подробности я еще не знаю. Состоявшего у него в роли псаломщика баса Егорова, отставшего здесь от капеллы Машина, о[тец] Сергий Чан будто бы произвел теперь в протодиаконы.

Пришел сегодня пасхальный номер «Паруса»: в нем началась печатанием моя статья «Албазин и Албазинцы»[1].

9 апреля. Никуда не ходил с визитами. И у нас за целый день побывал только один визитер: И.Я.Антуфьев. Жена ушла на целый день на бывшую Русскую концессию навестить своих приятельниц.

10 апреля. Начал свои занятия с учениками. По городу ходит пасхальный анекдот. Ама (китаянка-нянька) вела в церковь русского мальчика причаститься, встретили другую аму, которая была с еврейским мальчиком. Последняя спросила первую, куда она идет. Та рассказала. Ама за компанию повела в церковь и еврейского мальчика и причастила его там. Мальчик был очень доволен и, вернувшись до-

---

[1] Серебренников И.И. Албазин и албазинцы // Парус. 1934.

мой, с восхищением рассказывал родителям, что он был в русской церкви, выпил там ложечку вина, съел кусочек хлеба, и в церкви так хорошо пели. Родители мальчика были в большом смущении.

Не знаю, верно ли все это, но, во всяком случае, похоже на правду. Дети быстро научаются от своих ам говорить по-китайски. Я и сейчас вижу часто на своей улице русского мальчика, который совсем не умеет говорить по-русски, но зато отлично объясняется по-китайски. Рассказывали мне также, что ама однажды подводила или подносила одну маленькую русскую девочку в церкви к причастию, та капризничала и кричала по-китайски:

– Бу-яо, бу-яо!

Это значило:

– Не надо, не надо!

Таковы наши маленькие китайцы.

11 апреля. Около 12 часов ночи жена вернулась из Русского клуба, где слушала очередной виктрольный концерт Борисова. Она не дослушала концерта, так как почувствовала себя плохо. Вернувшись домой, она скоро легла спать, но уснуть не смогла: ее стало знобить, тошнить: чем-то остро заболела.

Я уже собрался было побежать за врачом, но жена, сквозь зубы, едва слышным голосом уговорила меня этого не делать. Пришлось прибегнуть к очищению желудка, и только после этого жене стало несколько легче, и затем она смогла уснуть. Я же, взволнованный всем происшедшим, потерял сон и не спал почти всю ночь. Видимо, случилось что-то неприятное на почве засорения желудка. Сегодня жена приняла меры лечения и села на диету.

Русский Тяньцзинь продолжает волноваться по поводу выступления о[тца] Сергия Чана. Подлинный текст телеграммы, полученной им от Московского митрополита Сергия, гласит следующее: «Христос Воскресе! Принимаю вас в ведение патриархии, поручаю временно исполнять должность заведующего православными патриаршими приходами в Китае. Ожидаю подробного доклада о положении дела. Митрополит Сергий».

Такой текст телеграммы ничего грозного в себе еще не содержит. В городе его основательно перековеркали и придали ему другой смысл.

12 апреля. Жене стало легче, но все же ее болезнь не прошла совсем. Свое лечение осторожно ведет она сама без помощи врача.

13 апреля. Неудачи совершенно подрывают энергию. Казалось, вот нашел я себе издателя в лице Б.Б.Филимонова в Шанхае, и все стало, как будто, хорошо налаживаться, – и вдруг все превратилось в какой-то вздор. Для своей работы о рассеянии белых армий по Азии я подыскал себе переводчика, Анненкова*, бывшего гвардейского офицера, жившего когда-то в Лондоне, хорошо знающего английский язык и согласившегося переводить мою работу, что называется, на риск (заработаем – делим пополам нашу прибыль, не заработаем – труд наш пропал даром). Дважды я уславливался с ним о начале работы, дважды ждал его у себя дома в условленные часы, и оба раза я был обманут. Как быть дальше, не могу сообразить. И так-то немного

уже энергии остается у меня. А эти все неудачи и препятствия обескураживают еще больше.

14 апреля. После долгого перерыва побывал в кафе Карацаса, где играл в шахматы. Выиграл пять партий. С непривычки страшно устал от игры.

15 апреля. Воскресенье. Утром побродил по китайским букинистическим лавкам, но ничего интересного для себя не нашел и на этот раз вернулся домой без добычи. Днем кое-что написал, кое в чем помог жене, понемногу оправляющейся от болезни, в ее заботе: составлении доклада о прозе Бунина. Перед вечером побывал в кино. Вечером ввергся в меланхолию и ипохондрию и рано лег спать: благо гостей на этот раз не оказалось у нас.

16 апреля. Получил обратно из Шанхая от Б.Б.Филимонова свои мемуары, при письме, написанном в примирительном тоне. Давным-давно нет писем из Америки. У меня сложилось впечатление, что д[окто]р Фишер, мой патрон в Америке, за что-то рассердился на меня и прекратил со мною переписку, которая ранее была так аккуратна. В июле месяце прошлого года мною была послана ему рукопись Зубца, и до сих пор я не имею окончательного ответа об ее судьбе. Еще много ранее была отправлена в его же распоряжение моя рукопись по истории Сибирского областничества. Напечатана она где-либо или нет, я тоже до сих пор не знаю. Плохо, если я лишился последнего своего патрона в Америке. Главное – скверно то, что я ровным счетом ничего не знаю и только строю разные предположения.

17 апреля. Намеченный на сегодня Бунинский вечер не состоится – по болезни жены, он перенесен еще на неделю, т.е. на 24 число. Так как сегодня Радуница, то, пожалуй, и лучше, что отменили вечер: сегодня надлежит поминать мертвых, а не живых. В Русской прогимназии занятий сегодня нет. Многие пошли в церковь утром помянуть родных. Вероятно, к вечеру будет много народа и на местных кладбищах.

Днем меня навестил В.А.Зубец из Пекина, спрашивал о судьбе его рукописи. Что я мог сказать ему? Ничего не известно.

18 апреля. Получил письмо от Д.П.Першина из Калгана. Я как-то на днях сообщил ему, что группа русских людей недавно здесь, в Тяньцзине собрала несколько десятков рублей и выкупила из ломбарда хорошо украшенную икону Божьей Матери и пожертвовала затем эту икону в местную Покровскую церковь. О[тец] Петр Рождественский с радостью принял это пожертвование, готовый принять спасенную икону как эмигрантскую. По справке выяснилось, что икона эта была несколько лет тому назад заложена в ломбарде Д.П.Першиным. Об этом я написал Д[митрию] П[етровичу].

Теперь в ответ на это я получил следующие сведения: «Для меня было приятной новостью получение от Вас на Светлый праздник доброго известия о судьбе моей или, вернее, нашей фамильной иконы Божьей Матери, которой я очень дорожил, но которую мне, поневоле, пришлось дать для залога моему покойному несчастному Олегу, чтобы выручить его из какого-то тяжелого положения. Эта икона была заложена Олегом в ломбард Шустова за 12 долларов с

тем, чтобы я мог ее выкупить. Я надеялся как-нибудь сгоношить такую небольшую сумму для ее выкупа, но так и не пришлось этого сделать из-за безденежья. Во всяком случае, я рад, что икона попала теперь в православный храм и не затерялась зря. Эта икона была приданым моей покойной матери Анны Дмитриевны, урожденной Старцевой, от ее отца Дмитрия Дмитриевича Старцева, богатого селенгинского коммерсанта в Забайкалье. Этот мой дед был крестным отцом и усыновителем тяньцзиньского Дм[итрия] Дм[итриевича] Старцева, богача и сына бурятки (коровницы Д.Д.Старцева-деда) и декабриста Бестужева. Этот тяньцзиньский Д.Д.Старцев подарил англичанам в Тяньцзине землю, на которой теперь устроен английский сквер».

19 апреля. Утром побывал, наконец, у меня Анненков, побеседовали с ним относительно перевода моей новой рукописи на английский язык.

20 апреля. Много работаю последние дни над отделкой мемуаров Д.П.Першина, относящихся к описанию унгерновской эпопеи в Монголии. Мемуары эти содержат много интересного материала, но построены они со многими дефектами: темы разбросаны, не сконцентрированы, изобилуют повторения и т.д. По обработке их литературная ценность должна будет возрасти.

21 апреля. Газета «Наша Заря» сообщила сегодня, что в Иркутске большевики взорвали Кафедральный собор. Верно ли это? Прочитал я утром это известие с тревожным волнением. Что делать? Как остановить мерзкий вандализм мерзавцев, для которых ничего святого на земле уже не осталось? Новых варваров, выползших из мрака, подлой коммунистической черни? Неужели когда-либо Немезида Русской истории не покарает этих протоподлецов и архимерзавцев?

22 апреля. Воскресенье. Совершил сегодня большую прогулку с И.Н.Головко-Улазовским по Японской концессии; доходили до Китайского города. На обратном пути я побывал в гостях у А.Г.Гнадеберга и Т.И.Барбье.

23 апреля. Относительно своей рукописи о скитаниях белых армий и отрядов по пространствам Азии я решил послать предварительные запросы в две издательские фирмы: 1) Blackwood and Sons, в Лондоне, и 2) The Stratford Company, в Бостоне. Господи, благослови мое новое начинание...

24 апреля. Сегодня в Русском клубе – Бунинский вечер. Жена в 8 часов вечера уже отправилась в клуб: ей предстоит прочесть доклад о прозе Бунина.

25 апреля. Народу на Бунинском вечере было полным-полно, до тесноты и давки. Жена с успехом прочла свой доклад. Публика встретила ее и проводила дружными аплодисментами. Я был рад успеху жены: этот успех был наградой за ее серьезное отношение к взятой на себя задаче. Будем ждать завтра газетных отзывов о вечере.

26 апреля. Сегодня выборы шести новых членов в Совет старшин Русского клуба. По этому поводу в русском Тяньцзине наблюдается некоторое предвыборное оживление. Будут бороться между собой две группировки – Воинского союза и так называемая консульская,

около которых будут путаться еще местные фашисты. Я решил подать свой голос за кандидатов Воинского союза.

Газета «Наша Заря» поместила лестный отзыв о бунинском докладе жены.

27 апреля. Вчера я побывал в Русском клубе. Но ушел оттуда около 12 часов ночи, когда выборы еще не начались. Как я слышал сегодня, Воинский союз одержал верх, и на выборах победил его список. Собрание закончилось в четвертом часу ночи.

28 апреля. Сравнительно много денег уходит у меня на покупку книг и журналов. Нужно сократиться. В последнее время я понемногу привожу свою домашнюю библиотеку в порядок: составляю каталог, переплетаю книги и т.д. Все думаешь: когда-нибудь эти книги все пригодятся. С другой стороны, книги – это страшно тяжелый груз. В наши смутные времена следовало бы жить полегче.

29 апреля. Воскресенье. Утром я с Mr. More сделал большую прогулку за город, побывал на усадьбе А.П.Бендерского, благо утро было хорошее и свежее. К полудню, однако, небо нахмурилось, неожиданно послышались раскаты грома, и пошел дождь. Это означало: наступило уже лето. Всюду уже начала радовать глаз цветущая сирень. После дождя стало, однако, довольно прохладно.

30 апреля. Русские футболисты вчера на состязании с англичанами потерпели жесточайшее поражение, получивши 0 против 7. Посрамили русское имя. Нечего сказать! Поражение, однако, не помешало им устроить вечером в Русском клубе пышный банкет.

1 мая. Сегодня было тепло: солнце основательно припекало. Мы с женой стали уже обсуждать вопросы о том, как и где провести лето.

2 мая. Переписал уже свыше ста страниц рукописи Д.П.Першина – его воспоминаний о «сумасшедшем белом бароне» Унгерне. В рукописи очень много повторений и растянутостей. То и другое приходится сокращать, порой просто выбрасывать. От этого, я думаю, рукопись только выиграет в своей целостности и выразительности. Вечером пришли к жене ее подруги: Е.А.Лавдовская и Н.В.Семенова, на вечеринку, с рукоделиями. Дамы работали. Я заводил им виктролу и угощал их песенками Морфесси, Кармелинского и других дамских кумиров.

3 мая. Отправил сегодня письма в издательские компании «Blackwood and Sons», в Лондоне, и «The Stratford Company», в Бостоне. Письма мои были написаны по-английски мною самим, прокорректированы Mr. More, добровольно исполняющим обязанности моего английского секретаря.

4 мая. Из Америки нет и нет никаких известий. Какая судьба постигла посланные мною туда две рукописи, так и не знаю. На днях пошлю решительный запрос.

5 мая. Жена собрала сегодня большой дамский чай. Я испугался этого «бабкома» и удрал в кино, где просмотрел довольно интересную картину из жизни диких животных под названием «Devil-Tiger», а оттуда свистнул в кафе Карацаса, где полуудачно играл в шахматы. Вечер закончил ужином у Лавдовских, где слушал политические дебаты гостей о коммунизме, фашизме, гитлеризме и прочем.

6 мая. Воскресенье. День провел праздно, принимал гостей и сам ходил в гости; вместе с Антуфьевым побывал в кино, где смотрел этнографическую картину из жизни американских эскимосов.

7 мая. Кончил сегодня обработку и переписку воспоминаний Д.П.Першина о бароне Унгерне и его Ургинской эпопее. Архивные мои материалы множатся. Вечером побывал, по приглашению, на годовом акте Английской школы. Speech-day прошел отлично. Председатель школьного комитета Питерс произнес отличную речь. Его жена, урожденная русская, раздавала ученикам и ученицам награды и спортивные призы. Дети затем на сцене дали хорошие балетные представления. До конца школьного празднества я не досидел: меня погнали домой ужасные сквозняки – окна, несмотря на прохладную температуру сегодняшнего дня, по случаю дождя, были все открыты. Англичане – ревностные поклонники свежего, даже прохладного, воздуха, не боятся сквозняков. Дети в школах даже зимой частенько занимаются при открытых окнах. Сегодняшним сквозняком я как сибиряк был прямо посрамлен: нет, видно, мы уже слишком привыкли к теплу в помещении.

8 мая. С переводом моей рукописи о рассеянии Белой армии по Азии ничего не ладится: мой переводчик Анненков, заглянувши ко мне два раза, перестал больше ко мне заглядывать. Я решил сам засесть за перевод. Это трудно, сулит много хлопот. Но что делать?

9 мая. Давление крови – 186. Придется делать йодовые вливания.

10 мая. Скучно жить на этом свете, господа! Особенно когда не знаешь, кто прав: пессимисты или оптимисты? Крайние пессимисты размышляют: начнется война СССР с Японией, советские войска разобьют японцев; в Японии начнется революция; это усилит коммунистическую революцию в Китае, коммунистические революции Китая и России сольются вместе, иностранцы сядут на корабли и убегут из Китая; русские белые будут здесь вырезаны. Не скажу, чтобы эта перспектива была веселенькая. Достигши 50 лет с маленьким хвостиком, можно о ней еще размышлять более или менее со спокойным, философским равнодушием. Оптимисты мнения иного: начнется война, Япония разобьет СССР, в Советском Союзе начнется очистительная несоциальная революция; мы поедем домой.

11 мая. Встретился на улицах Тяньцзиня с ген[ералом] Д.Л. Хорватом. Постояли и побеседовали немного. Генералу уже 76 лет, но выглядит он очень бодро и свежо. Не сглазить бы.

12 мая. Сегодня один мой ученик и одна моя ученица держат вступительные экзамены в Yen-Ching'ский университет около Пекина. Русская молодежь теперь почти лишена возможности продолжать свое образование в университетах Америки или Европы и старается пристраиваться в местных китайских университетах: пока что в Гонконге, Шанхае и Пекине.

13 мая. Воскресенье. Обедал у нас И.Н.Головко-Улазовский с женой и дочерью. После обеда И[ван] Н[арцисович] и я отправились на скачки, проиграли там безрезультатно два рубля и вернулись домой. Вечером я побывал у Н.А.Щелокова на бывшей Русской концессии, захватил у него ряд документов, относящихся к жизни ин-

тернированного в Китай в 1920–21 годах отряда атамана А.И.Дутова. У Щелокова были еще гости – бывшие белые офицеры: Абрамов и Инфантьев, гости с оживлением вспоминали «битвы и сечи, где вместе рубились они». Разговоры для меня как архивной крысы были, во всяком случае, интересные.

14 мая. Моя бывшая ученица, китаянка Dora Chun, скоро выступает в одной пьесе из китайской жизни. Пьеса пойдет в Recreation Hall. По этому случаю во вчерашнем номере газеты «North China Star» был помещен снимок с ней в ее роли в пьесе «Си Ши».

[Наклеена вырезка «Taking leading roles in «Hsi Shih» с фотографией Dora Chun и Madeline Chang. Без даты. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*].

Как моя ученица по математике Dora Chun выказала блестящие способности.

15 мая. В Тяньцзинь приехал главный редактор газеты «Харбинское Время» японец Осава[1]. Он посетил председателя Комитета Делового Объединения, о[тца] прот[оиерея] Рождественского, и расспрашивал его о нуждах местной русской эмиграции, указав, что японцы могут прийти ей на помощь, если что понадобится.

– Политики не надо, – говорил Осава о[тцу] протоиерею. – Нужно вам объединиться, создать монолитное объединение, а там видно будет.

Посещение это, во всяком случае, знаменательное. Гостю было указано о[тцом] Рождественским на нетактичное поведение местной русской газетки, издаваемой на японские средства, «Возрождение Азии», которая вносит рознь и раздор в местную русскую общественную работу и, пожалуй, содействует увеличению отчужденности местной русской колонии от японцев. Заявление это было, кажется, принято к сведению!

16 мая. Вчерашний «культурно-просветительный» вторник прошел, благодаря дождливой погоде, вяло. Народу не было так много, как обычно стало бывать на этих вторниках. Жена прочла свой доклад «Славянские языки, народности, государства». Доклады и лекции ее на вторниках имеют успех; плохо только то, что жена имеет тихий голос, недостаточный для большой аудитории. Вчера она как будто прочла свой доклад, по ее словам, довольно громко. Сам я на эти вторники не хожу, предпочитая сидеть дома и что-нибудь «проработать».

17 мая. Вознесение Христово. Провел праздник в высокой степени скучно.

18 мая. Наконец, сегодня пришло письмо из Америки от доктора Фишера, от 20 апреля, на бланке Станфордского университета и Committee on Russian Research. К моему сожалению, письмо не принесло с собой ничего утешительного для меня, моя рукопись «Областническое движение в Сибири» все еще лежит без движения в портфеле редактора журнала «Pacific Historical Review». Рукопись В.А.Зубца все еще находится на просмотре какого-то американского

---

[1] Харбинское время: Газета / Зарегистрирована в Японском генеральном консульстве. № 1 – сент. 1931. Редактор Ж.Осава при участии Б.П.Шилова, затем К.Фупусава. Закрыта в июле–сент. 1945 г.

учреждения. Мои некоторые чисто практического свойства предложения не приняты for financial reasons. В общем, можно сделать вывод, что с Комитетом по русским изысканиям трудно становится вести какие-либо дела. Я все еще не могу уяснить себе, в каких взаимоотношениях находятся между собой названный комитет и Военная Библиотека Хувера[1].

19 мая. Газета «Слово» в номере от 16 мая сообщила интересное путешествие одной статьи. В начале 1932 года в этой газете была помещена статья Б.А.[2] о соотношении морских сил на Тихом океане. В 1933 году эта статья в английском переводе появилась в шанхайском журнале Вудхэда «Oriental Affairs», затем она была перепечатана в Японии газетой «Japan Advertiser», а в 1934 году она оттуда попала в американскую прессу. Из журнала «Pacific» ее извлек русский журналист П.П.Муратов* и, снабдив ее своими комментариями, в предположении, что статья эта принадлежит американскому автору, напечатал ее в парижской газете «Возрождение». Оттуда ее перепечатала «Шанхайская Заря». Таким образом, в течение двух лет с небольшим статья Б.А. совершила в полном смысле этого слова кругосветное путешествие. История эта и забавная, и поучительная. Она свидетельствует, что новая русская эмигрантская пресса может приобретать влияние и за границей.

20 мая. Воскресенье. Шатаясь по китайским букинистическим лавкам и проходя мимо витрины китайских книжных магазинов, я замечаю, что среди выставляемых в окнах китайских книжных новинок порой встречаются переводы произведений наших русских писателей. Среди последних я видел Тургенева, Достоевского, Горького, Серафимовича и некоторых советских авторов.

Немало русских писателей появляется здесь и в английских переводах. За последнее время часто стало попадаться имя Бунина как свежего нобелевского лауреата. В сегодняшнем объявлении книжного магазина «Lynn» объявляется о продаже драматических произведений советской литературы в переводе на английский: В.Иванов «Бронепоезд», Третьяков «Рычи, Китай», М.Чумандрин* «Белый камень». О последнем авторе я слышу впервые.

21 мая. Понемногу начали убывать у меня ученики. Свободного времени становится больше. [Вычеркнуто: Однако. – *Прим. А.А.Хисамутдинова*]. Потеряв свою прежнюю работоспособность, я не спешу продуктивно им воспользоваться. Все же кое-какую работу я веду: обрабатываю рукописи Д.П.Першина, переписываю попавшие в мои руки архивные документы, перевожу понемногу на английский язык свою рукопись «Великий отход», порой еще исправляю и дополняю ее в русском тексте. Около 30 страниц перевода я уже отдал на просмотр Mr. More.

22 мая. «Харбинское Время» в номере от 18 мая опубликовало сенсационные сведения о том, что в Москве в ночь с 7 на 8 мая произош-

---

[1] Ныне HILA.

[2] Возможно, автор Борис Петрович Апрелев (1888–1951), капитан 2-го- ранга, публиковал статьи в газете «Слово» (Шанхай).

ли важные события и что будто бы группа Ворошилова–Калинина отстранила от власти Сталина и его сателлитов: Кагановича, Кирова и других... Верно ли?

23 мая. Опять слышал, что японцы здесь продолжают интересоваться состоянием и настроениями местной русской эмиграции. Говорили мне, что лидеры местного Воинского союза, полковники Бендерский и Веденяпин, готовят для местного японского консула доклад по вопросам, его интересующим.

24 мая. Некоторое время тому назад на Британской концессии Тяньцзиня была произведена перепись населения. В сегодняшних газетах опубликованы результаты этой переписи. Население концессии было исчислено в количестве 46 809 лиц, распределившихся по 38 различным национальностям, среди которых доминирующее положение заняли китайцы. По сравнению с 1913 годом, население концессии возросло на 30 000 человек. По главнейшим по численности национальным группам население концессии распределилось в 1934 году, сравнительно с 1913 годом, в следующем порядке:

Население	в 1934	в 1913
Китайцы	42 764	15 946
Русские	1455	43
Британцы	1451	388
Евреи	323	–
Американцы	252	72
Другие	564	354
Всего:	46 809	16 803

На концессии Британской, как и на других, много богатых китайских особняков, владельцами коих являются, большей частью, бывшие сановники: министры, генерал-губернаторы, губернаторы провинций и разные другие чиновники, сумевшие в свое время нажить по службе деньгу и немалую. Меня интересовал порой вопрос, как велико может быть население такого богатого домовладения-семьи. Газета «North China Star» опубликовала несколько иллюстраций к этому вопросу. В одном китайском домовладении-семье было зарегистрировано 111 человек, в том числе 98 взрослых и 13 детей. В общем населении домовладения было 50 слуг и 27 служанок разного рода и затем 5 учителей. В другом доме было зарегистрировано 5 мужчин и 27 женщин из состава семьи, при которой находилось 62 человека прислуги.

Полагаю: если бы можно было получить сырые материалы переписи для обработки, то, вероятно, удалось бы получить разные интересные выводы и сопоставления. Переписанное население концессии распределялось на взрослых и детей (точнее, несовершеннолетних) так:

	взрослые	дети
Китайцы	30 424	12 340
Русские	1089	366
Британцы	1107	34

Евреи	232	91
Американцы	183	69
Другис	402	62
Всего:	3431	3372

Представители других народностей, зарегистрированных на концессии: поляки, латвийцы, литовцы, немцы, бельгийцы, французы, голландцы, итальянцы, эстонцы, румыны, португальцы, армяне, испанцы, персы, норвежцы, греки, шведы, корейцы, татары, японцы (89 человек), венгры, датчане, чехословаки и другие. В общем итоге иностранное население концессии составило 4045 человек, т.е. около 9% всего населения ее. Немного.

25 мая. Вчера я поздно ночью возвратился из Русского клуба, где я играл в шахматы и пил пиво. Я играл неудачно и был в плохом настроении. На каменном полу ниши, куда выходит парадное крыльцо моей квартиры, я наткнулся на какое-то маленькое существо, свернувшееся калачиком и, видимо, расположившееся тут спать. Я растолкал это существо. Оно завозилось, и я узнал его. Это был маленький китайчонок, уличный бродяжка, нищий-попрошайка наших кварталов. Я рассвирепел... Как посмел этот маленький желтый расположиться на ночлег у дверей белого?! Несчастная раса... жалкие рабы, надумавшие стать свободными! Что-то в этом роде быстро промелькнуло в моей голове. Я в ярости хотел вышвырнуть китайчонка на середину улицы, чтобы впредь не было повадно ему ночевать, где не следует, и вдруг остановился. Китайчонок что-то жалобно лепетал со сна, перемешивая китайские слова с русскими, которым он научился тут же, на наших улицах, где так много гуляет и бродит русских. Среди этих русских слов я явственно услышал восклицания:

– Дядя, дядя!

Он, видимо, просил моего разрешения переночевать у дверей моей квартиры. И вдруг я вспомнил свою родину, своих рабов, захотевших тоже стать свободными, своих русских беспризорных, детей, ютящихся порой по ночам в водосточных каналах и трубах. Я закрыл глаза и прошел в свою квартиру. Китайчонок, нужно думать, спокойно переночевал у дверей моего дома...

[На последних листах наклеены вырезки фотографий из газет с подписями на английском языке: Хор терских казаков, Русская прогимназия в Тяньцзине в 1933 г., А.Микутин, А.М.Перевощиков, Б.В.Остроумов, А.В.Барташев, З.А.Прибыткова, М.Тарле, Бал Охотничьего клуба в Тяньцзине, Н.В.Семенова, Л.В.Гершевич и Д.Гребстейн, Местные «Соколы» и Харбинская хоккейная команда, Русская футбольная команда в Тяньцзине. – *Прим. А.А.Хисамутдинова.*]

Псевдонимы И.И.Серебренникова

Б.П. (Без подписи)[1]
И.С.
И.Илгинский
Наблюдатель
Илья Тихогласов
Книжник
Псевдоним
Сибиряк
С.
С-ов
Старый маньчжурец
Старый тяньцзинец
Старый харбинец

---

[1] Использовала и А.Н.Серебренникова.

Аннотированный именной указатель

В данный аннотированный указатель не внесены биографии широко известных исторических личностей (В.И.Ленин, Б.Шоу и др.). Также не даны биографии тех лиц, которые в дневнике названы только по именам или инициалам без указания фамилии, а также тех, о ком не удалось найти никаких сведений. Краткие биографические данные в справочнике расположены в алфавитном порядке, по обычной схеме, принятой в подобных работах. В справках-персоналиях указаны фамилия, с вариантами разночтения, имя и отчество. Для женщин указаны девичьи фамилии или фамилии в браках, для духовных лиц – их мирские имена. Для людей искусства указываются псевдонимы. К сожалению, не во всех случаях удалось выявить исчерпывающие биографические данные. Также в справочнике указаны профессия, родственные связи, образование, политическая, общественная, военная, трудовая, научная, литературная и прочая деятельность. В некоторых случаях было невозможно проверить точное название должностей, большей частью они почерпнуты в некрологах, что не может гарантировать полную достоверность. В отдельных случаях информация выходит за временные рамки дневника. Курсивом указаны даты дневниковых записей, в которых содержится подробный рассказ о данном человеке. Также курсивом выделены имена тех лиц, сведения о которых даны в настоящем приложении.

Александр Михайлович (Романов) (1866–1933). Великий князь. Офицер военно-морского флота, совершил кругосветное плавание. Генерал-инспектор военно-воздушного флота России (1916). Все годы эмиграции провел во Франции, почетный председатель Союза русских военных летчиков, Парижской кают-компании и Объединения чинов Гвардейского экипажа – 149

Алексеева, Ольга Ивановна. Драматическая актриса и режиссер. Окончила Харбинскую гимназию им. М.А.Оксаковской. Основала в Шанхае театр «Палочка-Стукалочка». Выступала с гастролями в Тяньцзине и Харбине – 123, 134

Алтадуков, Измаил Муссаевич (1892–1977). Владелец издательства (с марта 1931) и главный редактор ежедневной газеты «Слово» (№ 1 – 7 февр. 1929). Продал предприятие King Truck Company (27 июля 1942). Переехал в США (3 февр. 1949) – 304

Амбразанцева (урожд. **Мельникова**, во 2-м замужестве **Кукуранова**), **Елена Валентиновна** (1897–1977). Муж умер в июле 1943 г. Позже вышла замуж за *Л.Н.Кукуранова* – 34

Анненков, Борис Владимирович (1889–1927). Родился в помещичьей семье, потомок декабриста Анненкова. Окончил кадетский корпус (1906) и Военное Александровское училище в Москве (1908). Служил в 1-м Сибирском имени Ермака Тимофеевича казачьем полку. Участник Первой мировой войны, командир 5-й сотни 4-го Сибирского казачьего полка (1915). Атаман и генерал-лейтенант. Вместе со своим подразделением прибыл в Омск, затем перешел в Семиречье, действовал в районе оз. Иссык-Куль. Сдался китайским войскам (20 мая 1920). Арестован (перешел добровольно?) и передан советским властям. Через Монголию отправлен в Москву (10 апр. 1926). Судим Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в Семипалатинске показательным судом (25 июля – 12 авг. 1926) и приговорен к высшей мере наказания – 66,178, 208, 238, 288, 320, 340, 359, 369, 375, 381, 304

Анненков, К.И. (1870–1948). Гусар Нарвского полка, гвардейский офицер. Жил в Пекине и Тяньцзине. Переводчик и поэт. Умер в Тяньцзине – 382, 384, 386

Антуфьев, Иннокентий Яковлевич (? – после 1955). Окончил Московский университет. Сотрудник чайной компании Губкина и Кузнецова в Ханькоу. Редактор «Известий Русской концессии в Ханькоу» (1920 – 1922). Жил в Тяньцзине, где купил у *Козулиных* книжный магазин и библиотеку «Знание» (бывшие владельцы Серебренниковы), затем продал Е.Е.Борисову. Возможно, уехал с женой Зинаидой Ивановной (урожд. *Наквасина*) в Европу (1955) – 34, 185, 222, 333, 341, 350, 351, 353, 358, 360, 361, 363, 364, 370, 381, 386

Арнольдов, Лев Валентинович (1894–1957). Учился в Иркутской гимназии. Жил в Берлине, Париже и Тулузе (1912–1913), где слушал лекции в местном университете, затем продолжил образование на медицинском и юридическом факультетах Томского университе-

та. Печатался со школьных лет, работал в газете «Иркутская жизнь» (1915–1916) и др. Начальник отделения департамента по делам печати (1918), затем директор Бюро информации министерства иностранных дел правительства А.В.Колчака. Публиковался в газетах «Русская армия» и «Заря». Уехал из Омска (конец июля 1919), жил в Хабаровске, где работал в газетах «Приамурская жизнь» и «Приамурье». Одновременно преподавал в Хабаровском кадетском корпусе. Во Владивостоке публиковался в газетах «Вечер» и «Слово». В Харбине поселился в августе 1920 г. и прожил 4,5 года. Публиковал статьи в харбинских газетах «Русский голос», «Рупор», «Свет» и «Харбинская заря». Переехав в Шанхай, редактор ежедневной газеты «Шанхайская заря». После окончания Второй мировой войны газета закрылась, работал у китайского адвоката. Эмигрировал в Бразилию – 260, 357, 444

Аткинс (Atkins, наст. фам. **Левчаткин), Сергей Владимирович** (1887–?). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Жил в Турции (1920), затем в Канаде (1923), где получил британское гражданство. Представитель английской компании в Шанхае (с 1930), жил в Харбине (с 1931). Примыкал к сибирякам-областникам. Редактор-издатель «Нашей газеты» (1932–1933) – 284, 287, 295

Афанасьев, Михаил Иванович (1883–1937). Сын подъесаула. Окончил Донской кадетский корпус, Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду и Александровскую военно-юридическую академию (1912). Участник Первой мировой и Гражданской (на Дальнем Востоке) войн. Генерал-майор. Председатель эмигрантской комиссии в Японии (1922 – 1923). Жил в Шанхае с 1923. Секретарь Комитета защиты прав. Член-учредитель Казачьего союза. 1-й председатель распорядительного комитета Офицерского собрания. Атаман Сводно-Донской станицы. Председатель правления Совета Русской национальной общины и многих других эмигрантских организаций в Шанхае, где и умер – 74, 325

Баранов, Андрей Федорович (1892–1970?). Оренбургский казак. Фельдшер в Белой армии, с которой пришел в Китайский Туркестан. Жил в Китае с 1920 г. Окончил Американский университет в Ченду и Нью-Йоркский университет, зубной врач. Сотрудник Рокфеллеровского медицинского института в Пекине, заведующий кафедрой, доцент, профессор Пекинского национального университета. Автор научных работ на английском, немецком, китайском и португальском языках. Редактор медицинского журнала на русском языке, помогал редактировать казачьи (Оренбургские) издания в Китае. Выехал из Китая в США (1953), жил в Сан-Франциско – 271, 282, 368

Барбье, Роберт Иванович (?–1943). Муж *Т.И.Барбье*. Начальник Пекинского отдела КВЖД. После увольнения со службы жил в Тяньцзине, затем в Шанхае. Умер в Шанхае – 26, 209, 210, 213, 215

национальной общины (с 1928), председатель комитета старшин Русского национального клуба (с 1931). Начальник Маньчжурского отдела РОВС – 124, 125, 138, 143

Виктор (в миру **Святин, Леонид Викторович**) (1893–1961). Окончил Оренбургскую духовную семинарию с отличием, учился в Казанской духовной академии. В 1916 г. призван в армию. После окончания Тифлисского военного училища отправлен на Кавказский фронт, командир роты. Участник Гражданской войны (армии генералов Белова, Бакича и атамана Дутова). Монах (20 июня 1921). Учился в Восточном институте во Владивостоке (1921–1922). Настоятель церкви в Тяньцзине (1922–1932). Архимандрит (1929). Епископ Шанхайский (с 21 окт. 1932). Начальник 20-й Российской православной миссии в Китае (постановление Архиерейского собора от 14 июля 1932). Провел торжественное празднование 250-летия Российской духовной миссии в Китае (1935), издал сборник. Архиепископ (с 1936). Арестован китайскими властями (19 окт. 1946). Упразднил миссию, передав имущество посольству СССР в Пекине (1956). Управляющий Краснодарской и Кубанской епархией. Митрополит (1961) – 121, 122, 139, 140, 142, 146, 149, 168, 183, 186, 189, 224, 237, 262, 263, 269, 270, 287, 295, 298, 326, 331, 337, 374

Волков, Борис Николаевич (1894–1953). Учился на юридическом факультете Московского университета (1912–1915). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Торговый агент компании Gilchrist and C° и Тяньцзинской химической ассоциации. Эмигрировал в США (1925). Во время Второй мировой войны — переводчик на судоремонтном заводе. Публиковал работы в журналах «Рубеж», «Вольная Сибирь» и др. – 230, 264, 370, 435, 442

Вологодская (в замужестве **Попова**), **Зина[ида] Петровна** (р. 1913). Дочь *П.В.Вологодского*. Окончила гимназию ХСМЛ в Харбине (1930) и Salem College в Винстон Сэйлем (Северная Каролина, США). Преподаватель английского языка на Юридическом факультете (1935–1936) и во французской школе в Шанхае. Переехав в Сидней (1951), преподавала историю в средней школе (1953–1967). В настоящее время живет в пригороде Сиднея – 169

Вологодский, Петр Васильевич (1863–1925). Родился в семье священника. Учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Занимался политической деятельностью, находился под надзором полиции. Получил степень кандидата права в Харьковском университете (1892). Сибиряк-областник. Член II Государственной думы от Томска. Министр иностранных дел в правительстве П.Я.Дербера (с янв. 1918). Председатель Совета министров Сибирского правительства (с июня 1918). Член Уфимской Директории (с сент. 1918). Председатель Совета министров Временного Всероссийского правительства (с 4 нояб. 1918) и правительства адмирала А.В.Колчака (в отставке с 24 нояб. 1919). Опубликовал множество статей в сибирских газетах. В эмиграции жил в Харбине, Тяньцзине, Пекине. Уволен из юридического отдела КВЖД (1 мая 1925). Умер в Харбине – 196, 398 424, 435, 442

Володченко, Николай Герасимович (1862 – после 1945). Окончил Санкт-Петербургскую военную гимназию (1881), Михайловское артиллерийское училище (1884) и Николаевскую академию генерального штаба (1898). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор, начальник штаба корпуса пограничной стражи в Харбине. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени, георгиевским оружием. Общественный деятель в Харбине. Специалист по военным отношениям с Китаем. Член ОРО, редактировал работы по военной теме и Китаю. Депортирован и репрессирован (после 1945) – 187, 398

Востротин, Степан Васильевич (1864–1943). Инженер. Гласный Красноярской городской думы и член III и IV Государственной думы от Енисейской губернии. Активный деятель партии народной свободы. Редактор-издатель Харбинской газеты «Русский голос». Переехал во Францию. Умер в Ницце – 25, 180, 196

Габрилович, Иосиф Михайлович. Главный бухгалтер Ленского золотопромышленного товарищества (Лензолото). Жил в Харбине. Эмигрировал в США. Дочь Валентина. – 80, 81, 82, 84.

Гавличек-Боровский (Havlicek-Borovsky), Карл (1821–1856). Чешский публицист и поэт – 57, 398

Гавриил (в миру **Огородников, Дмитрий Иванович**) (1890–1970). Окончил коммерческое училище в Санкт-Петербурге (1912) и Ораниенбаумское военное училище (1915). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Жил во Владивостоке и на Камчатке. Через Японию эмигрировал в Шанхай. Принял монашество (1931). Служил в Пекине, Дайрене (1934–1937), Тяньцзине (1937 – нояб. 1938), откуда выслан японскими властями. Затем в Шанхае. Архимандрит. Наместник Российской духовной миссии в Китае (с 1944). Епископ Хабаровский и Владивостокский (с 29 авг. 1948), Вологодский (1949 – 1950). Архиепископ (25 февр. 1960). Умер в Ташкенте – 337

Гапанович, Иван Иванович (1891–1983). Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета с дипломом 1-й степени (1913). Участник Первой мировой войны. После демобилизации (1918) уехал на Камчатку. Член Областного правительства и уполномоченный Камчатской области во Владивостоке. Жил в Китае с 1925 г. Занимался педагогической деятельностью в Шанхае, публиковал статьи в русской и иностранной прессе о русском Дальнем Востоке. Профессор истории в Национальном Цинхуаском университете в Пекине (с 1931), где преподавал около 20 лет древнюю и русскую историю, опубликовал несколько работ по истории: об историческом синтезе и о палеоазиатах. Последняя рукопись, подготовленная к печати, исчезла во время войны. Эмигрировал с семьей в Австралию, жил в Канберре (с 1953). Преподаватель русского языка в Canberra University College. Вышел в отставку в 1964 г. – 303, 445

Гедин, Свен Андерс (1865–1952). Шведский путешественник. Исследовал Тибет, Китай, Монголию, Восточный Туркестан. Автор многих книг – 178, 232, 233

Герасимов, А.Е. (?–1933). Экономист, работал в коммерческом бюро КВЖД. Автор многих научных работ – 142, 161, 169

Гершевич, Лев Иудович (1878 (?)–1950). Родом из Верхнеудинска. Брат *М.И.Гершевича*. Общественный деятель в Тяньцзине. Эмигрировал из Китая в Канаду. Умер в Монреале – 122, 129, 186, 390

Гершевич, Моисей Иудович (1888–?). Родом из Верхнеудинска. Брат *Л.И.Гершевича*. Предприниматель в Тяньцзине – 186

Гинс, Георгий Константинович (1887–1971). Окончил Санкт-Петербургский университет (1909). Старший юрист-консультант министерства продовольствия (1917). Весной 1918 г. исполнял дела экстраординарного профессора по кафедре гражданского права Омского политехнического института. Член Сибирского правительства. Эмигрировал в Харбин (янв. 1920), читал лекции на Юридическом факультете. Вместе с В.М.Посохиным основал магазин «Русско-Маньчжурская книготорговля» и занялся продажей эмигрантской литературы. Редактор журнала «Русское обозрение». На КВЖД: начальник канцелярии Правления, главный контролер и одновременно председатель Комитета образовательных учреждений (1921–1926). С 1923 г. и вплоть до преобразования Харбинского муниципалитета уполномоченный Харбинского общественного управления, председатель собрания уполномоченных и председатель комиссии по составлению положений и наказов. Защитил магистерскую диссертацию «Водное право» (Париж, 1929). После закрытия Юридического факультета (1937) преподавал в Харбинском коммерческом институте. 30 июня 1941 г. покинул Харбин и уехал к сыновьям в Сан-Франциско, где занимался общественной, научной и журналистской деятельностью – 19, 20, 23, 25, 81, 92, 164, 188, 249, 315, 352, 416, 435, 443, 445, 447

Глебов, Федор (Фаддей) Львович (1888–1945). Окончил учебную команду 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка. (1910). Младший урядник. Первую мировую войну начал в звании вахмистра в личном конвое генерала Самсонова, закончил подъесаулом, 4 ранения, награжден орденом Святого Георгия 1-й степени, Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. В Гражданскую войну воевал в должности командира 1-й сотни 1-го Сибирского казачьего Ермака Тимофеевича полка (1918, Омск). Помощником командира этого полка выступил на Волжский фронт (начало 1919), командир 10-го Сибирского полка (с 6 авг. 1919). За участие в конной атаке под станицей Островной, в результате которой уничтожены 5-я и 6-я красные дивизии, произведен лично А.В.Колчаком в звание войскового старшины (сент. 1919). За отличие в боях – полковник (нояб. 1919). Начальник Отдельной казачьей бригады, с которой совершил Ледовый поход. Служил в районе Гродеково (с дек. 1920), участвовал в свержении правительства в Приморье (май 1921). Генерал-лейтенант семеновского производства, командир Гродековской группы войск (с июля 1921), командующий Дальневосточной казачьей группой (с июня 1922). Войсковой атаман Сибирского казачьего войска. Через Посьет перешел в Гензен (нояб. 1922). В Шанхай прибыл 14 сентября 1923. Организатор Русского волонтерского отряда (21 янв.

1927). Деятель и председатель многих общественных организаций в Шанхае, где и умер – 161

Глотов, Константин Николаевич. Друг детства, учился с И.И.Серебренниковым в Иркутской гимназии. Предприниматель, у которого Серебренниковы оставили свою библиотеку и архив (1919). Библиофил, владелец большой библиотеки в Иркутске. Вероятно, репрессирован – 62, 130, 238

Гнадеберг, А. Родом из Прибалтики. Управляющий лесными дачами в имении Орлова-Давыдова в Самарской губернии. Много лет прослужил в советизированной Монголии, где работал также по лесной части. Жил в Тяньцзине, где открыл гостиницу (boarding house) и основал винодельное предприятие. Эмигрировал в Прибалтику (около 1935) – 162, 198, 294, 299, 300, 303, 384

Головачев, Мстислав Петрович (1893–1956). Окончил гимназию Медведникова в Москве. После окончания юридического факультета Московского университета – помощник присяжного поверенного Омской судебной палаты. Окончил Московский археологический институт. Прикомандирован к Новороссийскому университету для подготовки к званию профессора в области международного права (1915). Защитив диссертацию, удостоен звания приват-доцента (1917). Профессор Томского университета (1917). Во время Гражданской войны жил в Сибири, управляющий в министерстве Областного Сибирского правительства (1918) и заместитель министра иностранных дел в Омском правительстве. Через Харбин приехал во Владивосток, профессор международного права в ГДУ, читал лекции по истории российского законодательства. Министр иностранных дел в Сибирском правительстве (Владивосток, окт. 1922). Являясь одним из идеологов сибирского областничества, издавал в Харбине журнал «Сибирские вопросы», редактор газеты «Гун-Бао». Один из основателей Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине, где читал лекции по международному праву. Ректор и профессор Института Святого Владимира в Харбине (1934). Выслан из Харбина японскими властями за политическую деятельность (сент. 1935). Поселился в Шанхае, где занялся адвокатской практикой и издавал газету «Эмигрантская мысль» (1936–1937). Вице-председатель Благотворительного общества в Шанхае. Эмигрировал через Филиппины (1949) в США (1950) – 128, 142, 295, 334, 445

Головин, Николай Николаевич (1875–1944). Окончил Пажеский корпус (1894) и Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Участник Первой мировой и Гражданской войн, генерал-лейтенант. Жил во Франции. Военный историк, автор многих трудов – 180

Головко-Улазовская, Надежда Алексеевна. Жена *И.Н.Головко-Улазовского.* Уехала в Шанхай (1948) – 34, 378, 386

Головко-Улазовский, Иван Нарцисович (?–1944). Муж *Н.А.Головко-Улазовской.* Офицер. Жил в Шанхае и Тяньцзине, где и умер (28 апр. 1944) – 34, 224, 236, 243, 256, 270, 271, 277, 278, 291, 300, 302, 312, 315, 320, 322, 324, 336, 364, 373, 377, 378, 384, 386

Горбачевский, Иван Иванович (1800–1869). Подпоручик артил-

лерии. В конце 1823 г. принят в Общество соединенных славян, где стал одним из активнейших деятелей. Вел революционную пропаганду среди солдат и офицеров. При объединении Общества с Южным обществом декабристов осуществлял связь между артиллерийской группой бывших «славян» и руководством Васильковской управы Южного общества. Сторонник истребления царской фамилии, Г. включил себя в число лиц, намечавшихся для покушения на Александра I. В дни восстания Черниговского полка (29 дек. 1825 – 3 янв. 1826) вместе с другими офицерами пытался поднять соседние воинские части. Осужден в 1826 г. на вечную каторгу, которую отбывал в Чите и Петровском Заводе. С 1839 г. на поселении при Петровском Заводе – 59

Горгулов, Павел Тимофеевич (1895–1932). Поручик в Гражданскую войну, врангелевец, изучал медицину в Пражском университете. В 1928 г. переселился во Францию, нелегально занимался врачебной практикой и литературной деятельностью. Провозгласил себя главой Русской национально-фашистской партии. 7 мая 1932 г. смертельно ранил президента Франции Думера, казнен по приговору Французского суда – 185

Гребенщиков, Георгий Дмитриевич (1884–1964). Писатель, 1-я публикация в Семипалатинске (1906). Печатался в сибирских газетах. Эмигрировал в США, где опубликовал много произведений, имел собственное издательство. Деятельно участвовал в общественной жизни. Умер в Лейкланде (Флорида) – 32, 230

Грызов, Алексей Георгиевич (1871–1943). Окончил Сибирский кадетский корпус (1887). Учился в Санкт-Петербурге (1889). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Полковник Сибирского казачьего войска (с 10 сент. 1920). Участник Несоциалистического съезда во Владивостоке. Жил в Шанхае с 1923 г., затем переехал в Харбин. Один из основателей Казачьего союза. Умер в Харбине – 196, 249, 295

Густав, Дмитрий Иванович. Занимался общественной деятельностью (с 1903), активный противник большевизма (с 1905). Секретарь Всероссийского союза рабочих печатного дела, секретарь Московского клуба рабочих, член правления кооперативов в Омске, организатор Омского противобольшевистского фронта правосоциалистических организаций и коопераций. Издатель и соредактор омской газеты «Заря». Член Омского биржевого комитета, Владивостокской торгово-промышленной палаты, Приморского народного собрания и Учредительного собрания в Чите. Активный деятель сибирского областничества. Жил в Шанхае с 1929 г. Активный член Союза коммерсантов и торгово-промышленников. В Шанхае тесно связан с Братством Русской правды. Редактор-издатель литературно-политического журнала «Парус» (1931–1937). Основал Союз новопоколенцев. Организатор ряда террористических актов (контора «Интуриста», Союз возвращенцев и т.д.). На деятельность Г. обратили внимание китайские коммунисты. Арестован (1938, вместе с *А.А.Пуриным*), обвинялся китайскими властями в шпионаже. По некоторым сведениям, вывезен в СССР и расстрелян – 287, 332, 362,

(5 сент. 1918 – 12 февр. 1920). Генерал-лейтенант и атаман (избран на 5-м войсковом круге, 20 окт. 1918). Собрал 6-й круг (20 февр. 1919). 29 февраля 1920 г. со своим отрядом прибыл в г. Фугдик. Интернирован, арестован китайскими властями 16 апреля 1920 г. – 60, 444

Каппель, Владимир Оскарович (1881–1920). Оконч. второй кадетский корпус в СПб. и Николаевское кавалерийское училище (1900). Служил в 16-м уланском Ново-Миргородском полку. После оконч. Николаевской академии Генерального штаба капитан, старший адъютант штаба 37-й пехотной дивизии. Гражданскую войну начал подполковником, командиром Волжской группы, а закончил ген.-лейтенантом и командующим Московской группой войск сибирских армий бывшего Восточного фронта. Скончался из-за гангрены на железнодорожной станции недалеко от Нижнеудинска. Похоронен в Харбине у стены Богородце-Иверского храма. Архимандрит *Мефодий* освятил памятник на могиле К. (лето 1929). В настоящее время местонахождение могилы неизвестно – 55, 359, 369, 370, 426

Карамазинский, Николай Николаевич. Председатель Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества в Иркутске. Управляющий Иркутской казенной палатой (1917). Сотрудник Министерства финансов (1918). Жил в Харбине (1920) и Шанхае – 406

Карамышев, Владимир Дмитриевич (?–1936). Муж Ольги Алексеевны К. Участник русско-японской войны, награжден орденом Святого Георгия. Генерал-майор. Жил в Пекине и Тяньцзине, участвовал в общественной жизни, начальник штаба фашистской организации в Тяньцзине. Служащий в товариществе «Восточное обозрение» (1921), затем сторож. Автор монографии «Монголия и Западный Китай» (англ.), «Белые помочи: Ист. повесть (посвящ. Порт-Артур. осаде 1904 г.)» (Тяньцзинь: Знание) и др. Умер в Пекине – 143, 317

Картер, Эдвард (Carter, Edward Clark) (1878–1954). Окончил Гарвардский университет (1900). Деятель ХСМЛ. Один из основателей Института тихоокеанских отношений, занимался исследованиями в области азиатско-дальневосточных проблем. Оказывал помощь в образовательных программах Китая (1930–1933). Во время Второй мировой войны помогал русским военным беженцам (1941–1946) – 34, 307

Каспе, Иосиф Александрович (1889(?)–1938). Участник русско-японской войны, награжден георгиевским (солдатским) крестом. Позже предприниматель. Владелец ювелирного магазина, кинотеатра и гостиницы «Модерн» в Харбине. Отец *С.И.Каспе*. Умер в Париже – 407

Каспе, Семен Иосифович (?–1933). Сын *И.А.Каспе*. Пианист. Получил образование в Париже, ученик Исидора Филиппа. В начале 1930-х гг. жил и концертировал в Париже. Убит похитителями в Харбине – 353, 354

Кауфман, Евгений Самойлович (1891 – после 1970). Писал в газеты «Амурское эхо» (Благовещенск), «Тайга» (Зея-Пристань), «Сибирь» (Иркутск), «Сибирская жизнь» (Томск). Основатель и владелец газеты «Рупор» (Харбин). Директор-распорядитель издательства жур-

нала «Рубеж» (с 1927), «Рубеж в Шанхае» и редактор-издатель детского журнала «Ласточка». Жил в Шанхае с 1933 г. После смерти *М.С.Лембича* стал директором-распорядителем издательства «Заря». Когда Советская армия пришла в Харбин, эмигрантов пригласили на большой банкет. После окончания вечера гостей и К. арестовали и отправили в Москву для показательных судов – 260

Кеппинг, Борис Михайлович (1896–1958). Окончил Михайловское артиллерийское училище (Петроград, 1916). Офицер Оренбургской армии. Жил в Пекине и Тяньцзине. Репатриировался с семьей (жена – Ольга Львовна) в 1954 г. – 128, 129, 370

Кизиветтер, Александр Александрович (1866–1933). Выдающийся русский историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета (1888). Преподавал, занимался политической деятельностью, автор многих работ. Выслан из России (1922). С 1923 г. жил в Праге. Участник многих научно-общественных организаций – 284

Клерже, Георгий Иосифович (1883 – 1938). Сын есаула. Окончил 2-й Московский кадетский корпус, Павловское военное училище по 1-му разряду, подпоручик (10 авг. 1903), 2-й класса Академии Генерального штаба (19 авг. 1908) и дополнительный класс (30 апр. 1909). Служил в Кавказском военном округе. Секретный сотрудник и резидент в Тегеране во время Первой мировой войны. Во время Гражданской войны в ставке А.В.Колчака (начало 1919). Генерал-лейтенант семеновского производства, начальник штаба атамана Г.М.Семенова. Военный советник маршала Чжан Цзолина (1922–1927). Редактор ежедневной вечерней газеты «Мукден» (14 дек. 1930–1933). Жил в Шанхае с 1935 г. Вице-председатель Организационного совещания при кафедральном соборе в Шанхае. Арестован японскими властями (22 янв. 1938). Расстрелян в Тяньцзине – 157, 443

Клиорин, Захарий Маркович (1881–1930). Окончил Александровскую прогимназию в Ялте. Приехав в Харбин (1903), сотрудник иркутской газеты «Восточное обозрение». Военный корреспондент на фронтах русско-японской войны. Публиковал статьи и рассказы в газетах «Девятый вал» (1907), «Новая жизнь», «Новости жизни», «Харбинский вестник». Умер в Харбине – 84

Кожеуров, Георгий Петрович (?–1948). Сотрудник издательства «Эпоха». Составитель учебников русского языка для китайцев. Преподавал русский язык в китайских учебных заведениях, имел много учеников. Перед смертью готовил к изданию русско-китайский словарь. Умер в Шанхае – 28, 146

Козлов, Иннокентий Валерианович (1898–1984). Окончил реальное училище в Никольск-Уссурийском (1918). Эмигрировал в Маньчжурию (1922). Сотрудник Опытного поля на станции Эхо, затем в Харбине. Деятель ОИМК, член-учредитель Клуба естествознания и географии. Ботаник в музее Hoangho Paiho (Тяньцзинь) и Musee Heude (Шанхай). Председатель Общества естествоведения в Шанхае. Эмигрировал через Тубабао в США. Автор многих работ о природе

Маньчжурии и США. Умер в Сан-Франциско – 27, 28, 34, 140, 166

Козулин, Прокопий Иванович (1887–1949). Окончил Ургинскую школу переводчиков. Драгоман в российских консульствах в Монголии и Харбине. Купил книжное дело И.И.Серебренникова для своей жены *М.П.Козулиной* (28 февр. 1927), затем продал *И.Я.Антуфьеву*. Эмигрировал в США и жил в Корнваллеса (Орегон), где преподавал китайский язык. Некоторое время жил в Шанхае, где работал в муниципалитете, затем вернулся в Сан-Франциско. Умер в Калифорнии – 29, 393

Козулина (урожд. **Фарафонтова), Мария Павловна** (1893–1984). Жена *П.И.Козулина*. Общественная деятельница. Умерла в Калифорнии – 29, 393

Козьмин, Николай Николаевич (1872–1938). Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1896). Деятель Красноярского отдела Русского географического общества, публиковал статьи в региональных газетах. Товарищ министра земледелия Временного Сибирского правительства и правительства А.В.Колчака. Эмигрировал в Китай (1920), участвовал в сменовеховских изданиях. Вернулся в СССР (1921). Профессор истории Иркутского университета (с 1925) и директор Иркутского музея. Автор многих работ. Умер в тюремной больнице в Иркутске – 20, 28, 79, 128, 379

Колобов, Михаил Викторович (К.М.В.) (1868–1944). Инженер-полковник. Помощник управляющего КВЖД *Д.Л.Хорвата* и начальник военного отдела КВЖД. Во время Гражданской войны получил звание генерал-майора. Умер в Тяньцзине – 180, 325, 430

Колпинский, Диодор Валерьянович (1893–1932). Окончил Санкт-Петербургский кадетский корпус (1911). Католик (с 9 сент. 1911). Доктор философии в Григорианском институте в Риме. Викарный священник в Санкт-Петербурге (с 24 сент. 1915). Окончил Санкт-Петербургский университет со званием кандидата философии (1917). Жил в Европе, затем в Харбине (с сент. 1930). В мае 1931 г. переехал в Шанхай. Публиковал статьи в журнале «Парус». Похоронен по католическому обряду в Тяньцзине – 34, 172, 183, 192, 199, 223, 246, 256

Колчак, Александр Васильевич (1874–1920). Окончил Морской кадетский корпус. Мичман (1894). Участвовал в кругосветных плаваниях. По распоряжению Главного Морского штаба возвращен из Пирея с эскадренного броненосца «Петропавловск» в Россию с прикомандированием к Академии наук для участия в русско-полярной экспедиции в качестве судового офицера на яхте экспедиции «Заря» (1900). Награжден золотой медалью Русского Географического общества. Участник русско-японской войны, награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами. Командир транспорта «Вайгач» (29 мая – 8 нояб. 1908). Участвовал в Первой мировой войне, награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (1915). Контр-адмирал (10 апр. 1916). Назначен командующим флотом Черного моря с производством в вице-адми-

ралы (28 июня 1916). Вместе с *Д.Л.Хорватом* занимался формированием белых частей. Находился в командировках в Китае и Японии. Верховный правитель. Расстрелян в Иркутске – 20, 23, 47, 49, 54, 55, 56, 66, 73, 128, 174, 178, 195, 196, 250, 272, 352, 359, 369, 370, 393, 396,397,399, 402, 403, 407, 408, 412, 414, 417, 419, 422, 426, 429, 443, 445

Коршунов, Н.П. Полковник. Жил в Тяньцзине. Деятель сокольского движения – 321, 329, 330, 331

Кощеевский, Николай Лонгинович (1901–?). Работал во Владивостоке в типографии газеты «Далекая окраина» (с 12 лет), затем помощник декоратора в театре «Золотой Рог». Жил в Харбине с 1924 г. Вскоре на средства сестры отправлен на учебу в Париж. Учился в академии Жульена у П.-А.Лоуренса (1925–1930). Занимался живописью: 5 картин приобретены Амстердамским музеем нового искусства. Жил в Китае с 1931 г. Под руководством *С.М.Широкогорова* прошел курс антропологии. Участник выставок во Франции и Японии. Жил в Сиднее (с 1952), затем в СССР (с 1955). В последние годы находился в Брянске: преподавал рисование во Дворце пионеров и школах, занимался скульптурой, участвовал в выставках – 168

Краковецкий, Аркадий Антонович (1884–1937). Член партии эсеров с 1905. За политическую деятельность приговорен к 8 годам каторжных работ (1907). Военный министр Временного правительства автономной Сибири (1918). Во время Гражданской войны занимался политической деятельностью в Иркутске, Харбине и Владивостоке. Генеральный консул в Мукдене (с 1925). Встретился с И.И.Серебренниковым около 1925 г. Штатный сотрудник экономического управления ОГПУ (1928–1934). Расстрелян – 239

Кроль, Моисей Аронович (Михаил Афанасьевич) (1862–1942). Учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Член группы «Народная воля» (с 1880). Занимался политической борьбой в Одессе (1882–1987). Арестован и сослан на 10 лет в Сибирь. Жил в Харбине, работал адвокатом. Участвовал в литературной жизни Харбина. В середине февраля 1925 г. выехал через Шанхай в Париж. Принимал деятельное участие в основании Объединения Русско-Еврейской интеллигенции, председатель (1933), издатель сборника «Еврейский мир» (1939). Публиковал статьи в пражских и парижских изданиях – 80, 84, 443

Кудашев, Николай Александрович (1868–1925). Князь, дипломат. 1-й секретарь Российского посольства в Токио (1902–1905). Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пекине (9 июня 1916 – 23 сент. 1920). Камергер. Действительный статский советник. Уехал из Китая во Францию (2 янв. 1921) – 196, 272

Кузьмин, К.Л. Окончил Московский университет. Врач. Участник Гражданской войны. Эмигрировав в Китай, занимался скупкой пушнины, жил в Тяньцзине и Шанхае, затем открыл курорт для легочных больных в Калгане (10 июля 1936) – 121, 122, 192, 195, 368

Кукуранов, Лев Николаевич (1892–1988). Окончил Александров-

ский лицей. Участник Гражданской войны в войсках Анненкова. Переводчик. Жил в Пекине и Тяньцзине. Служащий American Express Company. Женился на *А.В.Амбразанцевой*. Оказал помощь Серебренниковым в переводе произведений китайских поэтов. Эмигрировал в США. Умер в Сан-Франциско – 34, 281, 282, 393

Кулаев, Иван Васильевич (1857–1941). Отец *К.И.Кулаева*. Строил пивоваренные и маслобойные заводы, владел пароходством на Амуре, занимался операциями с недвижимостью в Харбине, затем открыл новые предприятия в Америке и Канаде. Благотворитель: строил соборы и церкви в Харбине, Тяньцзине и Шанхае, а также в США, содержал школы для русских детей и выделял стипендии для русских эмигрантов во всем мире, посылал деньги в Толстовский фонд и в Европу, издавал книги русских эмигрантов и покупал литературу для библиотек. 200 тыс. долл. обещал дать на открытие Учительского института в Красноярске, оговорив, что деньги будут посланы после падения коммунистического режима. Основал Благотворительно-просветительский фонд (1931), куда завещал все свои деньги. Умер в Голливуде (Калифорния) – 40, 228, 239, 256, 325, 435, 437, 443

Кулаев, Константин Иванович (1899 – ?). Сын *И.В.Кулаева*. Окончил Харбинское коммерческое училище и поступил в Петроградский политехнический институт. Юнкер Петроградской военно-инженерной школы (1917). Через Иокогаму приехал в Сан-Франциско (30 июня 1918). Учился на коммерческом отделении Калифорнийского университета в Беркли (1918–1922) – 256

Кунис, Иван Степанович (1880 – ?). Латыш. Муж Зельмы Мартыновны К. Типограф. Жил в Харбине, Пекине и Шанхае – 91

Курбатов, Дмитрий Алексеевич (? – 1954/55). Муж *Е.С.Курбатовой*. Родился в купеческой семье в Сарапуле. Учился в Петрограде, откуда призван на фронт Первой мировой войны. Служил в корпусе генерала Лохвицкого во Франции, контужен. Через Суэц приехал в Приморье, откуда эмигрировал в Китай. Познакомился с И.И.Серебренниковым в Пекине в 1921 г., когда работал конторщиком в типографии. Переехав в Тяньцзинь, занимался пушным делом. Умер в Тяньцзине – 79, 142, 153, 194, 360, 363, 374

Курбатова, Елена Степановна. Родом из Сарапула. Жена *Д.А.Курбатова*. Эмигрировала в Китай в 1925 г. До конца 1950-х жила в Тяньцзине – 34, 142, 153, 194, 363

Лавдовская, Елизавета Алексеевна. *Жена В.Н.Лавдовского* (14 мая 1947). Эмигрировала в США, жила в Кливленде – 112, 119, 136, 146, 154, 193, 302, 308, 309, 314, 322, 324, 328, 346, 351, 356, 374, 378, 385

Лавдовский, Владимир Николаевич (1880(?)–1947). Муж *Е.А.Лавдовской*. Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, одновременно прослушал курс Археологического института. Дипломат в Китае и Монголии, консул в Урге. Постоянно жил в Тяньцзине. Дочь Татьяна. Сын репатриировался – 34, 119, 131, 154, 155, 193, 210, 309, 310, 314, 374, 379

Ламанский, Владимир Владимирович (1879 – после 1943). Окончил

физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета (1896). Защитил диссертацию на степень магистра минералогии и геологии (1906). Коммерческий агент. Доцент экономического отделения Санкт-Петербургского университета (1902–1906). Исполнял дела экстраординарного профессора Пермского университета (1918). Преподаватель Юридического факультета в Харбине и профессор Французской муниципальной школы в Шанхае. Занимался экономикой и культурой Китая. Переводчик с английского языка. Председатель кружка сибиряков в Шанхае (с 1932) – 228

Лапердин Иван Иванович (1884–1949). Председатель правления Общедоступной столовой в Тяньцзине. Эмигрировал в США, умер в Лос-Анджелесе – 193, 305

Лебедев, Константин. Рукоположен священником в Пекине. Педагог, подготовил к изданию букварь. Эмигрировав из Пекина в США, стал настоятелем Женской обители в Нью-Йорке – 93

Лембич, Мечислав Станиславович (1891–1932). После окончания реального училища журналист в газете «Русское слово», военный корреспондент с польского фронта. Кавалер Георгиевской медали. Участник боевых действий армии генерала Л.Г.Корнилова, награжден Георгиевским крестом. Издатель-редактор газеты Добровольческой армии генерала Деникина (1919). Перешел через фронт к *А.В.Колчаку*. Жил в Харбине с 1920 г., основатель издательства и газеты «Заря» (№ 1 – 15 апр. 1920). Жил в Шанхае, основал газеты «Вечерняя заря» (1923), «Шанхайская заря» (с 1925) и др. Умер в Шанхае – 124, 208, 255, 259, 260, 261, 357, 407, 413

Ленокс-Симпсон (Bertram Lenox Simpson) (псевдоним **B.L. Putnam Weale**) (1877–1930). Английский журналист. Жил в Китае (с 1896), комиссар таможни, китаевед и коллекционер – 110

Лесли (урожд. **Злоказова**), **Вера Николаевна** (1899–1943). Дочь *Н.Ф.* и *О.П. Злоказовых*. Умерла в Тяньцзине (30 окт. – 1 нояб. 1943) – 135, 404

Ловцов, Константин Васильевич (1870–1935). Окончил Иркутское пехотное училище и Восточный институт (1910). Участник событий 1900, Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Начальник контрразведывательного отделения штаба Иркутского военного округа, полковник. Генерал-майор (1918). Занимался переводами с китайского языка, опубликовал несколько работ. Жил в Дайрене и Шанхае, где и умер – 103

Маевская, Зинаида Николаевна. Подруга А.Н.Серебренниковой. Учительница русского языка в Иркутске – 50, 68

Маляровский, Леонид Александрович (?–1967). Поручик по адмиралтейству. Жил в Пекине. Муж Ирины Г. Дочь Таисия. Эмигрировал в США, жил в Сан-Франциско, где и умер – 150

Мартынов, Николай Андреевич (1895 – около 1966). Окончил Самарскую гимназию (1913) и Владимирское военное училище (1916). Военный. Редактор газеты «Ольгинский вестник». Офицер уголов-

ного розыска в Харбине, связан с японскими властями, участвовал в фашистском движении. Последние годы жизни провел в доме престарелых в пригороде Брюсселя – 353

Машин, Петр Николаевич (1877–1944). Окончил Харьковское музыкальное училище. Преподавал пение в Харбинском коммерческом училище (1907 – 1924). Открыл музыкальную школу в Харбине. Жил в Шанхае с 1925 г. Энтузиаст церковного пения в Архиерейской и Свято-Николаевской церквях. Организатор Украинского и Терского казачьих хоров в Шанхае. Получил 1-ю награду за управление смешанным хором в честь столетия со дня смерти Шуберта. Умер в Шанхае – 221, 227, 329, 381

Мельников (псевдоним **Андрей Печерский**), **Павел Иванович** (1818 –1883). Окончил словесный факультет Казанского университета (1837). Учитель. С 1847 г., служа чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе, а затем (с 1850) в Министерстве внутренних дел, участвовал в мероприятиях по «искоренению раскола». В 1866 г. вышел в отставку. Рассказы М. «Красильниковы» (1852), «Поярков», «Дедушка Поликарп», «Непременный» (все 1857) и др. привлекли внимание читателей и критиков откровенным разоблачением «тайн» бюрократической администрации и крепостнических нравов, а также литературным мастерством – 208, 221, 223

Меркулов, Николай Дионисович (1869–1945). Окончил Благовещенскую классическую гимназию и речное училище. Капитан парохода «Муравьев-Амурский» (с 1903). Купец 1-й гильдии. Владелец пароходства на Амуре и спичечной фабрики во Владивостоке. Член Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты. Член Приамурского Временного правительства. Старший советник тюпана (генерал-губернатора) Шаньдунской провинции маршала Чжан Цзучана (1923–1931). Общественный деятель в Шанхае. Умер в Циндао – 164, 194, 196, 237, 293, 311, 312, 359, 405, 444

Мефодий (в миру **Герасимов, Маврикий Львович**) (1856–1931). Родился в семье священника. Окончил Томскую духовную семинарию и Казанскую духовную академию (1882). В память умершего отца принял монашество (1886). Епископ Бийский, викарий Томской епархии (с 1894). Принял Забайкальскую кафедру (1899), затем Томскую (1913), Оренбургскую (1914). Архиепископ (1918). Митрополит Харбинский и Маньчжурский (с 1929). Автор многих богословских трудов. Основатель Харбинской епархии (15/2 июня 1922). Скончался в результате сердечного приступа. Похоронен в Свято-Николаевском соборе в Харбине – 186, 406

Мещерский, Андрей Степанович (1875(?)–1932). Окончил Дерптский (Юрьевский) ветеринарный институт. Заведующий ветеринарно-санитарным отделом КВЖД (1908–1913). Сотрудник противочумной станции в Чите (1913–1915). Заведовал Монгольской экспедицией по заготовке мяса для действующей армии (с 1915). Эмигрировал в Харбин (1922), старший врач ветеринарного отдела

Мокшин, Михаил Иванович. Родом из Бийска. Участник Гражданской войны, солдат (?). Полный георгиевский кавалер. Словолитчик типографии в Пекине. Изобрел искусственную подошву для китайской обуви, для выработки которой в Китае построен завод (начало 1930-х). После окончания Второй мировой войны репатриировался. Умер в Сибири – 92, 171

Моложатов, Леонид М. Певец в Тяньцзине, откуда уехал в 1931 г. Репатриировался (1935), выступал с концертами в СССР – 128, 143

Монтекорвино, Джолвани. Архиепископ в Китае (1293–1328) – 231

Мор (More). Метис (индус-англичанин). Счетовод на станции Таншан Пекин-Мукденской железной дороги. Выйдя на пенсию, жил в Тяньцзине. Учил Серебренниковых английскому разговорному языку, редактор статей на английском языке – 33

Моравский, Валериан Иванович (1884–1942). С 1905 г. сотрудничал в газетах «Сотрудник», «Русь», «Речь», «Русские ведомости», «Киевская мысль» и журналах «Современник», «Современный мир», «Бодрое слово», «Сибирский мир», «Речь» и др. Выборщик в Государственную думу по городу Санкт-Петербургу (1906). В ноябре 1917 г. командирован в Сибирь. По приезде в Иркутск вошел в инициативную группу сибиряков-областников. Член Сибирского правительства (1918). После свержения власти большевиков заведовал министерствами: продовольствия и снабжения, путей сообщения, почт и телеграфов. Председатель Экономического комитета. Командирован Всесибирским союзом земств и городов на Дальний Восток в качестве представителя Союза (1918). Член Комитета по созыву Сибирского Земского собора (1919). В том же году издавал и редактировал газету «Вечер». В 1921 г. по поручению Сибирских организаций вошел в состав Совета уполномоченных организаций автономной Сибири (СУОАС). В 1922 г. уехал в Китай. После смерти *А.В.Сазонова* председатель СУОАС. Жил в Шанхае, где и умер – 295, 392

Москвитин, Федор Степанович (?–1945). Монголовед. Занимался теософией. Жил и умер в Тяньцзине – 242, 270, 288, 446

Мулликин (Mullikin, Mary Augusta) Мэри (1874–?). Художник, автор книжных иллюстраций – 252, 253, 289

Муравьев, Лев Петрович (1885–1951). Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Служил в Сибирской флотилии (1904 – 1909). Капитан 1-го ранга. В эмиграции жил в Японии и Тяньцзине (1920 –1938). В 1948 г. поселился в Сан-Франциско, занимался общественной деятельностью в Кают-компании – 114, 250, 368, 413

Муратов, Павел Павлович (1881–1950). Заведующий секцией центральных музеев отдела по делам музеев и охраны памятников искусства и старины Наркомпроса (Москва). Искусствовед, историк, литератор. Автор книг и статей, опубликованных в Европе. Жил в Париже и Шанхае – 388

Наквасин, Иван Иванович (1862(?)–1949). Предприниматель и старожил Тяньцзиня. Отец *З.И.Антуфьевой*. Умер в Тяньцзине (15 янв. 1949) – 333

Наумов, Николай Иванович (1938–1901). Писатель-сибиряк – 127, 316

Несмелов (наст. фам. **Митропольский, Арсений Иванович**) (1892–1945). Окончил кадетский корпус, затем учился в Психоневрологическом институте, но не закончил. Призван в армию вольноопределяющимся. Воинские звания и должности: командир комендантской роты, адъютант коменданта Омска, поручик. Бежал из Владивостока в Китай (1924). Журналист и поэт. Депортирован в СССР. Умер в тюрьме – 39, 169, 443

Нестор (в миру **Анисимов, Николай Александрович**) (1885–1962). Окончил Казанское реальное училище и миссионерское монгольско-калмыцкое отделение при Казанской духовной академии. Иеромонах (1907), начальник духовной миссии на Камчатке. Игумен во время Первой мировой войны (1914–1915). Епископ Камчатский и Петропавловский (1916). Активно выступал против большевиков во время Гражданской войны и эмиграции. В период Отечественной войны изменил точку зрения. Управляющий Восточно-Азиатским митрополичьим округом (с 11 марта 1946). Митрополит Харбинский и Маньчжурский, Экзархат Восточной Азии. Арестован (14 июня 1948). До января 1956 г. находился в исправительно-трудовых лагерях. Глава епархий: Новосибирской, Кировоградской и Николаевской. Умер в Москве – 146, 239, 443

Носач-Носков, Виктор Викторович (1878–1943). Окончил юридический факультет Московского университета (1900). Председатель правления Железнодорожного банка в Санкт-Петербурге – Петрограде (1910–1917). Эмигрировал с семьей в Харбин (1917), затем переехал в Тяньцзинь, где избран председателем Русской колонии (1920). Соучредитель книгоиздательской компании «Восточное просвещение», взявшей в аренду типографию Русской духовной миссии в Пекине (1920–1921). Вместе с *Г.К.Гинсом* редактировал журнал «Восточное обозрение» (1921–1922). Приглашен для работы на КВЖД (1924). Помощник бухгалтера правления КВЖД (с 1929). Читал лекции по политэкономии и финансовому делу в Институте ориентальных и коммерческих наук, писал на экономические темы в газеты «Гун-Бао», «Харбинское время» и «Наш путь» – 23, 91, 92, 95

Носков, Константин. Поручик, начальник осведомительного отдела Сводно-Русско-Инородческого отряда войск Горно-Алтайской области барона Унгерна. Слепой. Отрывки из воспоминаний переведены на английский язык. Жил в Пекине и Харбине. Соч. К.Носкова. Black Year / Translators notes G. D-ff. Preface of the Author. Peking, 1921. На англ.; Авантюра, или Черный для русских белых в Монголии. 1921 год. Харбин, 1930 – 222, 339, 443

Орлов, Аркадий Александрович (1869(?)–1940). Окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета (1894). Секретарь и поверенный в делах Русского посольства в Абиссинии (1897–1903). Российский дипломатический агент в Урге. Жил в Китае с 1917, в Тяньцзине (с 1921). Председатель Русского национального общества в Тяньцзине (избран 16 июня 1928). Имел прекрасную коллекцию

оружия. Умер в Тяньцзине – 125, 138, 168, 184, 263, 271, 292, 301, 305, 335, 354

Оссендовский, Антон Мартинович (Ossendovski, Antoni Ferdinand) (Ossendowski, Ferdinand) (1878–1945). После окончания Санкт-Петербургского университета командирован во Францию для продолжения обучения в Сорбонне, где, прослушав курс технических наук, получил диплом инженера-геолога. По возвращении в Россию старший ассистент на кафедре общей физики Томского политехнического института, читал курс лекций по физической химии. Заведующий химической лабораторией Уссурийской железной дороги (Владивосток, с 1902). Участник политических событий в Харбине (1905). Осужден. Отбыв заключение, вернулся в Санкт-Петербург, работал в политехническом институте. Издатель журналов по химии и физике, автор нескольких книг по истории и культуре народов Сибири и Центральной Азии. Сотрудник правительства А.В.Колчака, занимался снабжением частей, после разгрома белых ушел с остатками частей в Монголию. Весной 1921 г. советник барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. Из Монголии вернулся в Польшу, где занял пост советника правительства по дальневосточным делам, участвовал в международных конференциях в Вашингтоне и Генуе. Последние годы провел в Польше, где преподавал химию и физику, написал серию книг о России, которые переведены на многие языки. Соч. Оссендовского: Человек и тайна в Азии, 1924; Тень в сумрачном Востоке, 1925; Дыхание пустыни, 1927; Рабы солнца, 1928; Ленин – бог безбожия, 1931 г. Beasts, men and gods (NY: Dutton & Co., 1922); From president to prison (NY: Dutton & Co., 1925); Geishas del Japon: el halcon del desierto. 2 ed. (Madrid: Aguilar, 1955); Man and mystery in Asia (NY: Dutton & Co., 1924); The fire of desert folk: the account of a journey through Morocco (London: Allen & Unwin, 1926) – 336, 337, 338, 339, 359

Остерман, Михаил Евгеньевич (? – после 1940). Владелец завода в Казани. Жил в Тяньцзине. Муж Ольги Владимировны О. – 191

Остроумов, Александр Степанович (1893–?). Окончил гимназию во Владимирс (1911), юридичсский факультст Санкт-Пстербургского университета (1915) и Николаевское кавалерийское училище 1916). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Муж Нины Юльевны Бринср. Сотрудник компании Бринсра. Бсжал в Китай на пароходс «Гленифер» (30 мая 1931). Жил в Харбине и Пекине – 282

Панкратов, Борис Иванович (1892–1979). Окончил Восточный институт (1916). Жил в Китас. Помощник *А.Сталь-Гольштейна*, занимался научной работой для Гарвардского университета. В СССР продолжил научную деятельность. Автор более 20 работ – 125, 282, 446

Пасманик, Даниил Самойлович (Даниэль Гдальяху) (1869 – 1930). Русско-еврейский публицист и общественный деятель. Родом из Полтавской губернии. Окончил медицинский факультет Цюрихского университета, активный сионист (с 1900), после февраля 1917 г. вступил в партию кадетов, позже сторонник белого движения, член Краевого правительства в Крыму (1918–1919), затем жил в

ской думы Владивостока (1921). Жил в Харбине, где занимался торговлей книгами (с 1922). Представитель редакции сборника «Вольная Сибирь» на Дальнем Востоке. Владел книжным магазином «Пламя». Член Общественной бесплатной библиотеки. Представитель РЗИА. Арестован (1945), депортирован в СССР – 187

Полевой, Сергей Александрович (1886–1971). Окончил китайское отделение Восточного института во Владивостоке (1913). Жил в Китае с 1917 г. Профессор русского языка и литературы Нанкинского университета (с 1918). Занимался составлением русско-китайского словаря и переводами (1924–1927). Оказывал большую помощь китайским прогрессивным деятелям в установлении контактов с СССР. Владел большой востоковедческой библиотекой, оставленной в Китае. В 1939 г. эмигрировал в США. Сотрудник Гарвардского университета, продолжил занятия по составлению словаря – 282

Полякова (урожд. **Звягина**), **А.М.** Родом из Иркутска. Училась в Санкт-Петербургской консерватории. Выступала на любительских концертах в Иркутске. Занималась концертной деятельностью в Тяньцзине – 188

Попов, Иван Иванович (1862–1942). Народоволец, член группы Николая Чайковского. В 1885 г. за революционную деятельность был сослан в Читу, затем переведен в Кяхту, где стал одним из первых фотолетописцев города. В 1894 г. переехал в Иркутск, где издавал газету «Восточное обозрение» и журнал «Сибирский сборник». Один из первых декабристоведов. С 1906 г. жил в Москве. Автор многих книг по истории России и Китая, а также автобиографической книги «Минувшее и пережитое» – 279

Пу И (P'u Yi, Henry, Сюан Дун) Генри (1906–1967). В 1909 г. волей умирающей императрицы Китая трехлетним был объявлен ее преемником на троне. 12 февраля 1912 г. под давлением захватившего власть в стране генерала Юань Шикая отец Пу И подал в отставку, а шестилетнего императора вынудили отречься от престола. В 1917 г. генерал Чан Сунь предпринял попытку вернуть Пу И на императорский трон, однако сторонники сохранения республики подвергли Запретный город бомбардировке с воздуха, обвинив Пу И в том, что тот оказался марионеткой в руках мятежников. В 1924 г. впервые покинул свою резиденцию, получив убежище в японской миссии в Пекине. В 1931 г., после вторжения японских войск в Маньчжурию и образования ими нового государства Маньчжоу-Го, объявлен главой этого государства. В 1934 г. Япония присвоила Пу И сан императора Маньчжоу-Го, предоставив ему дворец и выделив необходимые финансовые средства на отправление императорских функций. После занятия Маньчжурии советскими войсками бежал в провинцию, но в сентябре 1945 г., после капитуляции Японии, принял решение отречься от трона. Доставлен в СССР, где содержался под домашним арестом. В 1946 г. привезен в Японию, выступил свидетелем на процессе над японскими военными преступниками. По окончании процесса вернулся в СССР, но в 1950 г. выехал в Китай, где заключен в тюрьму. Выйдя из заключения в 1959, остался в Пекине, работал в

Ботаническом саду Китайской академии наук – 119, 165, 235, 258, 280, 375

Пурин, Александр Антонович (1885–1952). Окончил электротехнический институт в Санкт-Петербурге. Метеоролог на радиостанции в Петропавловске-Камчатском (с 15 июня 1910). Заведующий радиотелеграфом, метео-сейсмо-станцией (1912–1919) и гидро-метео-морской обсерваторией (с 1 июня 1919). Председатель канцелярии Камчатского областного управления и заведующий гражданской частью области. Особоуполномоченный главы русской эмиграции на Дальнем Востоке *Д.Л.Хорвата* по Камчатской области и Сахалину. Деятель сибирского областничества, представитель Совета уполномоченных организации Автономной Сибири в Циндао. Член редколлегии журнала «Парус» (редактор-издатель *Д.И.Густав*, 1937). Главный редактор еженедельной газеты «Русский голос» (The Russian Voice). В последние годы настроен прояпонски. Организатор Камчатских юбилейных торжеств в Шанхае (1940). Председатель 2-го Общественного собрания в Шанхае (1938). Арестован китайскими коммунистами (1938) и депортирован в СССР (вместе с *Д.И.Густавом*). Умер в тюрьме в Хабаровске – 34, 113, 157, 164, 165, 170, 171, 172, 175, 176, 183, 199, 248, 257, 263, 295, 301, 306, 402, 443, 445

Пуцято, Иосиф Александрович (1886 – ?). Жил в Харбине. Директор коммерческого училища в Шанхае и русской гимназии Лиги русских женщин. Сибиряк-областник – 295

Ремер, Чарльз Ф. (Remer, Charles Frederick) (1889–1972). Инструктор по экономике в университете в Шанхае (1912–1915). Доктор философии (1923), преподавал в Гарварде, профессор Мичиганского университета (с 1928). Занимался вопросами экономики, в т.ч. иностранными инвестированиями в Китае. Автор многих научных трудов – 33, 120, 165, 182, 218, 219, 254, 307, 318, 322

Ренников (Селитренников), Андрей Митрофанович (1882–1957). Литератор и драматург, выпустил в 1922 г. пьесу о жизни русских эмигрантов в Белграде «Тамо далеко». В 1925 г. в Софии издал пьесу «Галлиполи» о добровольцах и комедию «Беженцы всех стран». Итоговым стал сборник «Комедии» (Париж, 1931) – 256

Ровенская, Мария Тимофеевна (1896–?). Жена *Л.П.Ровенского* — 271

Ровенский, Леонид Павлович (1896–?). Муж *М.Т.Ровенской*. Сын известного журналиста в Харбине, издателя 1-й русской газеты «Харбинский листок ежедневных телеграмм и объявлений» (1901). Предприниматель в Тяньцзине – 271

Рождественский, Петр Александрович (1870–1940). Окончил Казанскую семинарию (1893) и духовную академию (1901). С чужим паспортом приехал в Маньчжурию. Жил в Харбине (с 1922). Директор гимназии в Бухеду, затем председатель организованного им Харбинского епархиального совета. Настоятель церкви в Госпитальном городке и Свято-Алексеевской церкви в Модягоу (с 1924), законоучитель в Новой смешанной гимназии ХСМЛ. Служил в Пекинской епархии, в Тяньцзине (с 1933) и Дайрене (с 1938), на-

стоятель Михайло-Архангельской церкви. Протопресвитер. Умер в Дайрене. Автор нескольких работ – 304, 317, 334, 356, 373, 383

Розанов, Сергей Николаевич (1869–1937). Учился в Санкт-Петербургском политехническом институте. Участник русско-японской и Первой мировой войн, начальник дивизии, генерал-майор. Представитель правительства Колчака в Приморье (сентябрь 1919 – январь 1920). Выступил против генерала Гайды (1919). В эмиграции жил в Пекине, бухгалтер книжной фирмы The Booksellers. Член Пекинского Антикоминтерна – 34, 60

Романов, Федор Павлович. Чемпион по шахматам Шанхая и Тяньцзиня. Служащий конторы Astor House Hotel – 27, 131, 256, 305, 312, 316, 341, 350, 358, 380

Рублев, Артемий Федорович (1886–1976). Жил в Тяньцзине. Член РФП. С благословения архиепископа Симона основал в Тяньцзине 3-ю церковь во имя Серафима Саровского. Уехал в Шанхай (1949). Эмигрировал в США, умер в Калифорнии — 187

Руссель-Судзиловский (Russel), Николай Константинович (1850–1930). Окончил медицинский факультет университета. Защитил диссертацию в Бухаресте (1877). Занимался нелегальной политической деятельностью в России. Гражданин США (с 9 мая 1892). Президент Гавайского сената (1901). Вышел в отставку и уехал в Шанхай, хотел организовать вооруженное нападение на несколько сибирских тюрем. По предложению американского журналиста G.Kennan отправился в Японию вести разъяснительную деятельность среди русских военнопленных (июнь 1905). Издатель-редактор газеты «Воля», печатал памфлеты. Жил на Филиппинах и в Тяньцзине (с 23 сент. 1920), занимался медицинской практикой. Вице-председатель комитета помощи голодающим в России (с 14 окт. 1921). Член Общества бывших политкаторжан. Умер в Тяньцзине – 435

Рютин, Мартемьян Никитович (1890–1937). Из семьи деревенского плотника. С 1912 г. в революционном движении, член РСДРП с 1914 г. В годы Первой мировой войны окончил Иркутскую школу прапорщиков, служил в Харбине. После Февральской революции примкнул к большевикам. В 1918–1919 гг. командующий войсками Иркутского военного округа, с 1920 г. на партийной работе в Иркутске, Дагестане и Москве. В 1930 г. член Президиума ВСНХ. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) в 1927–1930 гг. Расстрелян в Москве – 241, 242

Сабенников, Вадим Алексеевич (?–1931). Уроженец Кяхты. Инженер. Писал стихи. Отравился в Тяньцзине (14 дек.) – 139

Савинцев (псевдоним **Петракс**), **Петр Акимович** (1897–?). Журналист и издатель в Шанхае: газета «Дальневосточное время» (с 15 окт. 1940), журнала «Грани» (с 1943), затем ежедневной газеты «Новое время» («The New Times») и др. Руководитель учебно-воспитательного отдела Русского эмигрантского комитета. По своим убеждениям, антикоммунист, связан с японскими властями, выступал с публичными лекциями. Публиковал стихи в журнале «Парус». После окончания Второй мировой войны принял советское граж-

данство и репатриировался в СССР, жил в Свердловске – 299, 306, 372, 375

Сазонов, Анатолий Владимирович (1861–1927). Окончил Московское землемерное училище и Петровско-Разумовскую академию. За революционную деятельность сослан в с. Витим на р. Лена. Там организовал 1-ю потребительскую лавку, начав тем самым деятельность кооператора. Секретарь центральной сибирской потребительской организации «Закуп-Сбыт» в Новониколаевске (с 1916). Товарищ председателя комитета защиты прав – 1-го революционного органа местной демократии (после февр. 1917). Председатель Совета уполномоченных автономной Сибири. Умер в Шанхае – 295, 415, 431

Сафонов, Павел Ильич (?–1934). Окончил иконописную школу при Троице-Сергиевой лавре, учился в Московской школе живописи, ваяния и зодчества. Участник Первой мировой и Гражданской войн в Сибири, офицер. И.И.Серебренников организовал выставку С. в Тяньцзине (3–8 апр. 1931). Преподаватель рисования в Русской реальной школе в Мукдене, затем переехал в Циндао, где открыл рисовальные классы. В последние годы бедствовал. Скончался в Циндао от брюшного тифа (28 июня). Картины С. перевезены в Сан-Франциско, где демонстрировались на выставке в 1950-е гг. – 37, 228

Сватиков, Сергей Григорьевич (1880–1942). Исключен из Санкт-Петербургского университета, окончил Гейдельбергский университет, доктор философии (1904). Участвовал в политической деятельности. Участник Гражданской войны на юге России. Историк, автор многих книг – 243, 244

Светлов (наст. фам. **Свиньин**), **Николай Федорович** (1909–1970-е). Сирота, воспитывался в Харбинском мужском монастыре. Окончил Харбинское реальное училище, учился в Институте коммерческих и ориентальных наук (3 курса). Писал в газеты и журналы со школьной скамьи – «Рубеж», «Рупор» и др. 1-й председатель объединения «Чураевка». Жил в Шанхае с 1931 г. Секретарь журнала «Парус». Печатался в журнале «Прожектор» и газетах «Слово», «Новый путь» и «Шанхайская заря». Председатель Шанхайского отделения «Чураевки». Редактор еженедельного журнала «Кривое зеркало» (1937). Член комитета по репатриации и редколлегии газеты «На Родину» («Back to the Fatherland») (орган Союза репатриантов. № 1–7 нояб. 1937). Председатель Шанхайского отделения (клуба) Союза возвращенцев (1937–1938). Репатриировался в СССР (1947) – 358, 376

Святополк-Мирский, Дмитрий Петрович (1890–1939). Князь. Критик, литературовед. Участник Первой мировой и Гражданской войн. С 1920 г. в эмиграции, жил в Англии (с 1921). Преподаватель Лондонского университета и Школы славистических исследований (1922–1931). В 1922 г. примкнул к евразийскому движению. Учредитель и соредактор журнала «Версты» (1926–1928). Член редколлегии газеты «Евразия» (1928–1929). В 1931 г. вступил в компартию Великобритании, в 1932 г. репатриировался в СССР. Член Союза советских писателей (1934). В 1937 г. арестован. Погиб в заключении – 248

Сергий (в миру **Тихомиров, Сергей Алексеевич**) (1871–1945). Окончил Новгородское духовное училище (1888), Новгородскую духовную семинарию (1892) и Санкт-Петербургскую духовную академию с отличием (1896). Монах (1895). Инспектор Санкт-Петербургской духовной семинарии (с 1896) и ее ректор (с окт. 1899). Магистр богословия (28 сент. 1905). Ректор Санкт-Петербургской духовной академии (окт. 1905 – март 1908). Хиротонисан в епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии (6 нояб. 1905). Помощник начальника Российской духовной миссии в Японии с титулом епископ Киотский (с 21 марта 1908). Начальник Российской японской миссии (с 3 февр. 1912). Свободно владел японским языком, провел 1-ю реорганизацию православной миссии. В мае 1928г. побывал в Харбине, где выслушал много упреков в том, что продолжает общаться с Москвой, несмотря на известия о гонении православной церкви в Советской России. Указом Московской патриархии награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке (1928). Митрополит (1931). 5 сентября 1940 г. передал все дела и имущество японским прихожанам. Поселился на окраине Токио, где устроил молельный дом – 382

Серебренников, Георгий Семенович (?–1962). Дядя И.И.Серебренникова. Окончил Морской корпус (1909). За отличие старший лейтенант колчаковского производства (1 янв. 1919). В 1918 г. на службе в Лондоне. Отправлен русским послом в Англии в Омск для связи с Сибирским правительством. В Омске *П.В.Вологодский* командировал в Пекин для связи с русским посланником в Китае. После падения Омска совершил по Сибири «Ледяной поход». Некоторое время жил в Японии, плавал по Охотскому морю. В 1931 г. бежал из Советской России и жил в Харбине, Корее и Шанхае. Эмигрировал в США. Умер в штате Мэн – 196

Сибиряков, Александр Михайлович (1849–1933). Иркутский купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, один из крупнейших благотворителей и меценатов и видный организатор научного обследования Сибири. Умер в Ницце в больнице Пастора. Именем С. названы ледокольный пароход и остров в Енисейском заливе – 343, 344

Симон (в миру **Виноградов, Сергей**) (1876–1933). Окончил духовное училище и духовную семинарию во Владимире. Посвящен в стихарь (1897). Поступил в Казанскую духовную семинарию (1898). Монах (1899). Иеромонах (1901). Служил в 18-й Русской духовной миссии в Пекине (с 1902). Жил в Шанхае с 1905 г. 1-й настоятель Богоявленской миссийской церкви в Чапее. Автор многих статей-отчетов о миссионерских поездках в Китае (1907–1914). Епископ Шанхайский (с 4 сент. 1922). После смерти митрополита *Иннокентия* возведен в сан архиепископа и стал главой 19-й Российской духовной миссии в Китае (с 1932) – 121, 186, 187, 192, 263, 271, 283, 295, 296, 422

Скидельский, Моисей Леонтьевич (1875–?). Брат *С.Л.Скидельского*. Инженер и предприниматель. Жил в Харбине и Шанхае. Его братья и их дети приняли английское гражданство и выехали в конце 1939 г. в Великобританию, где служили добровольцами в армии.

той медалью), затем пограничный комиссар на р. Амур. Участник Гражданской войны, полковник. Сотрудник американской военной разведки в Харбине и Владивостоке (весна 1918–1919). Служил в армиях адмирала Колчака и генерала Каппеля. Попал в плен к красным (19 дек. 1919). Служил переводчиком в Красной Армии, затем в МИД ДВР (фев.–сент. 1920). Вернувшись во Владивосток, остался там до эмиграции в Китай. Жил в Пекине (до 1927), Харбине (1927–1930), Пекине (1930 – дек. 1934), Ханькоу (дек. 1934 – дек. 1936), а затем снова в Пекине. Преподавал языки в Университете связи (Пекин), Пекинском университете, на Юридическом факультете в Харбине, в ХПИ, в школе переводчиков КВЖД в Харбине. Секретарь клуба и комитета в Пекине (1930-е). Репатриировался (1947). Арестован, умер в лагере. Муж Антонины Алексеевны (1880–1969) – 281

Сталь-Гольштейн (Шталь-Хольштейн), А. (1877–1937, по др. сведениям 1930). Востоковед, занимался филологией стран Центральной Азии. Профессор Гарвардского университета. Муж Ольги Владимировны (урожд. Судаковой). Дети Александра и Мария – 282

Старк, Георгий (Юрий) Карлович (1878–1950). После окончания Морского кадетского корпуса (1898) служил на Балтийском флоте. Участник русско-японской войны, старший минный офицер крейсера «Аврора». В Первую мировую войну начальник 5-го минного дивизиона, капитан 1-го ранга. За бой при Моонзунде контр-адмирал (28 июля 1917). В августе 1918 г., переодетый в солдатскую шинель, перешел фронт. Приказом А.В.Колчака назначен начальником четырех полков дивизии морских стрелков. Во время Ледового похода по Байкалу заболел тифом и находился в госпитале в Харбине. Десятник на строительстве домов, основал с офицерами частное предприятие по перевозке груза по Сунгари. 17 июня 1921 г. приехал во Владивосток. После переговоров с главнокомандующим Вержбицким вступил в должность командующего Сибирской флотилии и управляющим морским ведомством. 5 июня 1922 г. вступил в командование всеми вооруженными силами белого Приморья. Организовал эвакуацию белых частей из Приморья. Отказавшись эмигрировать в США, переехал в Европу, где жили его дети. В Париже шофер такси и водитель грузовика. Председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров (1945–1949). Заболев, жил в Русском доме (1949 – 1950). Умер в Париже – 359, 377, 378, 443

Старцев, Алексей Дмитриевич (1838–1900). Внебрачный сын декабриста Н.А.Бестужева. Предприниматель, коммерции советник. Благотворитель. Умер на о. Путятин, вблизи Владивостока – 133, 134

Страндберг (урожд. **Колчанова**), **Лидия**. Уехала из Тяньцзиня в Шанхай (1938). Мать – Лидия Васильевна С. – 34, 112, 157, 166, 360, 363, 377, 379

Судаков, Петр Степанович (1880–1976). Окончил естественное отделение Санкт-Петербургского университета и медицинское отделение Военной академии. Доктор медицины. Врач Российского консульства в Кашгаре (1910–1913), посольства в Пекине (1913–1920) и Рокфеллеровского медицинского колледжа-госпиталя в

Пекине (1922–1938). Жил в США с 1939 г. В 1942 г. подтвердил медицинский диплом врача-окулиста. Безвозмездно оказывал помощь нсимущим русским эмигрантам. Умер в Монтерсс (Калифорния) – 282

Суторихин, Николай Федорович (1874 – после 1939). Окончил медицинский факультет Казанского университета (1898). Старший врач горного округа на Урале. Участник Первой мировой войны. Приехав из Читы в Харбин (1920), заведовал медико-санитарным управлением (до 1926), затем жил в Хайларе (окт. 1928 – нояб. 1929). Врач в Тяньцзине (1929–1936), затем в Ханькоу – 116, 370, 373

Сухоруков, А.П. Служащий Британской муниципальной полиции в Тяньцзине. Уехал из Тяньцзиня в 1938 г., затем вернулся. Эмигрировал в Англию (1942) – 138, 346

Талызин (псевдонимы **Суганов, Стэнк, Туганов, Суханов**), **Михаил Архипович** (1893 – после 1946). Окончил Красноярскую семинарию и Санкт-Петербургскую академию художеств, архитектор. Невозвращенец. Работал в газетах «Гун-Бао» (с 1927) и «Харбинское время» (с дек. 1931). Публиковался в русских изданиях в Риге и Париже. Арестован и депортирован в СССР (1945) – 323, 446

Тарле, Михаил Викторович. Брат советского историка Е.В.Тарле. Консультант и исследователь-химик Северо-Китайской химической лаборатории в Тяньцзине. Репатриировался (апр. 1944) – 263, 296, 354, 390

Тельберг, Георгий Густавович (1881–1954). Окончил юридический факультет Казанского университета. В Московском университете получил степень магистра истории русского права (1912). Лектор по русской истории и юридическим древностям в Московском археологическом институте и Московском университете (1912–1913). Профессор по кафедре истории русского права Томского университета (1913–1917), затем декан юридического факультета Саратовского университета. Управляющий делами Омского правительства. После закрытия Юридического факультета переехал в Циндао, где занялся торговлей эмигрантской литературой. Владелец книжных магазинов (Харбин, Тяньцзинь, Шанхай, Циндао и Иокогама). Эмигрировал в США (1940), где открыл книжный магазин (Telberg Book Co. в г. Sag Harbor, штата Нью-Йорк) – 25, 219, 220

Тобоков, Даниил Михайлович (?–1945). Муж *М.С.Тобоковой.* Алтайский калмык. Получил начальное образование. Предприниматель в Тяньцзине и Мукдене, занимался пушной торговлей. Умер в Харбинс – 289, 318, 380

Тобокова, Мария Сергеевна (?–1948). Жена *Д.М.Тобокова.* Умерла в Харбине – 427

Токарев, Георгий Алексеевич (1896–1962). Окончил Строгановское училище. Художник в Шанхае. Через Тубабао эмигрировал в США, жил в Сан-Франциско, занимался церковной деятельностью. Умер в Сан-Франциско – 365, 443

Толстов, Владимир Сергеевич (1884–1956). Окончил реальное училище и Казанское пехотное юнкерское училище. Служил в Никольск-

Уссурийском (до 1914). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Полковник, командующий сухопутными и морскими силами Приморской области (с 4 июля 1918), генерал-майор. Атаман Уральского казачьего войска. Умер в Сан-Франциско – 352

Томский (наст. фам. **Москвитин**), **Василий Иванович** (1893–1962). Окончил Владивостокскую гимназию (1913) и поступил в Санкт-Петербургский технологический институт, одновременно посещая Театральное училище М.Н.Топорской. На 3-м курсе призван в армию. Окончил Иркутское военное училище (1915). Участник Первой мировой войны, отравлен газами и ранен. За отличие в боях имел награды. Перед революцией окончил Ораниенбаумскую офицерскую стрелковую школу, где оставлен инструктором. После октября 1917 г. вернулся во Владивосток, где выступал с гастролями. Жил в Шанхае с 1933 г., выступал в труппе Русского драматического театра, режиссер, затем несколько лет жил в Харбине. Один из лучших артистов русского зарубежья в Азии. Эмигрировал в Австралию. Умер в Сиднее – 123, 134, 150, 258

Тонких, Иван Васильевич. Генерал-майор. Начальник штаба Южной (Оренбургской) армии. Жил в Пекине в общежитии Русской духовной миссии. Вместе с И.И.Серебренниковым напечатал брошюру «Русский путеводитель по Пекину». В начале 1930-х гг. жил в Берлине. Принял советское гражданство, вероятно, репатриировался – 270

У Пэйфу (1873–1939). Родился в семье лавочника. Занимался самообразованием. Сдал экзамены на ученую степень сюцая, которая давала доступ к занятию должности чиновника (1897). Солдат-доброволец. Окончил офицерскую школу в Баодине по специальности «разведка и картография» (1902). В русско-японскую войну сотрудничал с японцами. Командир батальона (1906), 6-й бригады (с 1914), затем 3-й дивизии. Военный губернатор Чжили (1916). Поддерживал отношения с ДВР и Советской Россией, частично поддерживал китайских коммунистов. Контролировал провинции Хубэй, Хунань, Шаньси, Шаньдун и Хунань – 258

Унгерн-Штернберг, Роман Федорович, фон (1886–1921). Барон. Окончил Морской кадетский корпус. Вольноопределяющийся 1-го разряда 91-го пехотного Двинского полка (10 мая 1905). Переведен на Дальний Восток (29 мая 1905). Ефрейтор (14 нояб. 1905). Причислен к казачьему войску и выселку Усть-Корынское (7 июня 1908). Окончил Павловское военное училище, хорунжий (15 июня 1908). Заведующий пулеметной командой, начальник команды разведчиков (с 1910). Сотник (с 30 окт. 1912). Участник Первой мировой войны, командир сотни, Георгиевский кавалер. Генерал-лейтенант семеновского производства. Командир Азиатской дивизии. Расстрелян в Новониколаевске (Новосибирск) – 169, 178, 222, 288, 320, 337, 339, 340, 341, 342, 345, 348, 353, 359, 364, 369, 379, 385, 386, 416, 417, 443, 447

Устругов, Леонид Александрович (1874(?)–1938). Окончил Санкт-Петербургский институт путей сообщения. Помощник министра сообщений в правительстве Керенского. Член правительств

Хейфиц (Хэйфиц), Яша (наст. имя **Иосиф**) (1901–1987). Окончил музыкальное училище (1908), учился в Санкт-Петербургской консерватории по классу скрипки (с 1910). Неоднократно выступал с концертами по России. Через Владивосток уехал в Японию, затем в США (1917). Гастролировал во многих странах. Умер в Беверли Хиллз (Лос-Анджелес) – 113, 115,116

Хорват, Дмитрий Леонидович (1859–1937). Муж *К.А.Хорват.* Родился в семье херсонского помещика. Окончил военно-инженерное училище (1878). В звании подпоручика направлен в Лейб-гвардии саперный полк. Участник войны с Турцией (1877–1978). Окончил Николаевскую военно-инженерную академию (1885). Служил на Закаспийской железной дороге. Начальник восточного участка Уссурийской железной дороги (1895–1999). Управляющий Среднеазиатской (б. Закаспийской военной) железной дороги. Управляющий КВЖД (1902–1921), генерал-лейтенант. Комиссар Временного правительства на КВЖД (1917). Временный правитель КВЖД (1918). Верховный уполномоченный правительства *П.В.Вологодского* на Дальнем Востоке (1919). Советник общества КВЖД в Пекине (1921–1924). Глава эмигрантских организаций на Дальнем Востоке (с 1930). При помощи секретаря *М.В.Колобова* написал свои воспоминания (HILA) – 32, 70, 71, 73, 74, 75, 164, 171, 180, 187, 202, 209, 272, 294, 314, 316, 331, 386

Хорват (урожденная **Бенуа**), **Камила Альбертовна** (1879(?)–1953). Дочь художника А.Н.Бенуа, жена *Д.Л.Хорвата.* Устроила в Шанхае персональную выставку акварелей (1932). Роман «Торжество любви» посвятила своему брату А.А.Бенуа, который жил в их доме в Пекине. Профессор Пекинской национальной консерватории. Председательница Русского благотворительного общества. Уехала к детям в Канаду (1947). Умерла в Ванкувере – 239, 271

Ху Ши (Ху Ши-чжи) (1891–1962). Учился в США, доктор философии Колумбийского университета (1917). Преподавал в Пекинском университете (1917–1927, 1931–1937 и 1945–1948). Посол Китая в США (1938–1942). Председатель Academia Sinica (1958–1962). В 20-х участвовал в движении за «упорядочение национальной старины», выпустил «Историю литературы на общенациональном языке» (1927) и 1-й том «Истории литературы на байхуа» (1928). Опубликовал исследования по истории китайского классического романа. После образования КНР (1949) жил в США, потом на о. Тайвань – 251

Чамберлин (Чамберлен), Вильям (Chamberlin, William Henry) (1897–1967). Журналист. Корреспондент в Москве (1922–1934). Автор многих книг – 215

Чан, Сергий (Чан Си Цзи, Чан Фу) (1872–1936). Отец-священнослужитель Пекинской православной церкви, албазинец. Основал Китайское Свято-Иннокентьевское братство в Тяньцзине (1930). Умер в Тяньцзине – 126, 141, 156, 166, 167, 186, 201,202, 264, 331, 381, 382

Чан Кайши (1887–1975). Получил военное образование. Служил в японской армии. В 1911 г. вернулся в Китай и, приняв командование

Чжан Цзолинь (Чжан Юйтин, Chang Tso-lin) (1876–1928). Родился в семье бедного арендатора. Во время русско-японской войны (1904–1905) командир банды хунхузов, действовавшей на стороне как Японии, так и России. К 1911 г. командовал 2 соединениями охранно-полицейских войск Фэнтяни. Китайский генерал, глава Фынтяньской клики милитаристов. Генерал-губернатор Северо-Восточных провинций (Маньчжурия) (с сент. 1918). Погиб в результате покушения в Мукдене – 216, 237, 258, 312

Чжан Цзунчан (Chang Tsung-ch'ang) (1881–1932). Во время Русско-японской войны сражался на стороне русских против японцев, командовал китайским батальоном в отряде генерала Мищенко. В 1917 г. в военном министерстве Китая занимался вопросами военного образования. В 1918–1922 гг. командовал дивизией в провинции Цзянси, затем примкнул к Мукденской партии Чжан Цзолина. В 1924 г. командир 1-й Мукденской армии, за услуги, оказанные Чжан Цзолину в борьбе с его противниками, произведен в маршалы (1925). В 1924–1928 военный губернатор Шаньдуня, имел в составе своих военных сил русскую группу войск. Принимал деятельное участие в борьбе Севера с Югом. В 1929 г. после поражения бежал в Японию, где нашел убежище. В 1931 г., после выступления японцев в Маньчжурии, появился вновь в Мукдене, откуда перебрался в Пекин. Убит на вокзале в Цинани. Похоронен в Пекине – 172, 237, 293, 311, 359

Чумадрин, Михаил Федорович (1905–1940). Советский писатель-прозаик, в произведениях обращается к жизни рабочих; наиболее известен роман «Фабрика Рабле» (1928) о частной фабрике в Советской России времен нэпа. Автор книг «Родня» (1927), «Ленинград» (1931), «Германия: Очерки» (1933) и др. – 388

Шароглазов, И.Х. Общественный деятель во время Гражданской войны на Дальнем Востоке. Заместитель председателя комитета уполномоченных Российской национальной общины в Тяньцзине (избран 6 дек. 1928). Служащий Русско-Азиатского банка в Тяньцзине. Вероятно, умер в Тяньцзине – 250, 268, 310

Широкогоров, Сергей Михайлович (1887–1939). Учился в школе антропологии в Париже, окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. Муж *Е.Н.Широкогоровой.* Совершил экспедиции по Кавказу, русскому Северу, Сибири, Забайкалью и Приамурью. Антрополог в Кунсткамере (до 1917). Во время Гражданской войны занимался политической деятельностью и преподавал в университете во Владивостоке. Член Земского собора во Владивостоке (1921) от Русской общественности Южного Китая. Жил в Шанхае (осень 1922–1926). Работал в Институте синологии (1926–1928). Жил в Амое (1928–1930). Профессор Католического Пекинского университета. Умер в Пекине – 233, 282, 336

Широкогорова (урожд. **Робинсон**), **Елизавета Николаевна** (1886–1943). Дочь провизора из Екатеринодара. Училась в Парижском университете (Faculte des Lettres). Жена *С.М.Широкогорова* (Париж, с 29 июня 1907).

Яхонтов, Виктор Александрович (1881–1978). Участник Первой мировой войны. Ездил в командировку в Англию. Военный атташе в Российском посольстве в Токио (1917), затем помощник военного министра в правительстве А.Керенского. Жил в США (Нью-Йорк), приезжал в Китай и СССР (1929, 1931, 1933, 1936 и др.), куда репатриировался с группой единомышленников. Во время Второй мировой войны деятельно участвовал в помощи СССР, один из идеологов возвращенства. Умер в Ленинграде – 186, 192

Избранная библиография

Архивохранилища

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Москва.

Фонды: Р-193 (Петр Васильевич Вологодский), Р-5825 (Николай Константинович Руссель-Судзиловский), Р-5873 (Иван Иннокентьевич Серебренников), Р-6964 (Иннокентий Николаевич Серышев).

Государственный архив Иркутской области, Иркутск.

Фонд И.И.Серебренникова (Дневники).

Государственный архив Хабаровского края, Хабаровск.

Фонд 830 (Бюро по делам Российской эмиграции). Оп. 3 (Личные дела).

Российская государственная библиотека, Москва.

Фонд Русского зарубежья.

Музей русской культуры, Сан-Франциско.

Коллекции: А.Т.Бельченко, Г.К.Гинс, Б.Н.Волкова, И.В.Козлов, И.В.Кулаев, И.Н.Серышев, Д.Л.Хорват.

Библиотека и архив Гуверовского института = Hoover Institution Library and Archives (HILA), California.

Коллекции: Krol' M.A. (1 ms. box), Kolobov M.V. (1 ms. box), Kriukov B.A. (4 ms. boxes), Pershin D.P. (3 ms. boxes), Serebrennikov I.I. (25 ms. boxes, 11 envelopes, 3 album boxes), Sokolnitskii, V. (1 folder), Zebrak A. (1 ms box), Zubetc V.A.(1 ms. box).

Библиотека Гамильтон Гавайского университета = Hamilton Library, University of Hawaii, Гонолулу.

Коллекция Русская печать в Китае, собрание И.И.Серебренникова.

Периодические издания

А) На русском

Австралиада: Журнал (Сидней)

Бирюч: Журнал (Владивосток)

Вестник Азии: Журнал (Харбин)

Вестник Маньчжурии: Журнал (Харбин)

Вестник Русской национальной общины в Тяньцзине: Газета (Тяньцзинь)

Возрождение Азии: Газета (Тяньцзинь)

Вольная Сибирь: Журнал (Прага)

Восточное обозрение: Журнал (Иркутск)

Голос Азии: Газета (Тяньцзинь)

Гун-Бао: Газета (Харбин)

Записки Русской академической группы в США: Журнал (Нью-Йорк)

Заря: Газета (Харбин)

Земля: Газета (Иркутск)
Китайский благовестник: Журнал (Пекин; Харбин)
Мукден: Газета (Мукден)
Наш путь: Газета (Тяньцзинь; Харбин)
Наша газета (Харбин)
Наша заря: Газета (Тяньцзинь)
Новая заря: Газета (Сан-Франциско)
Новое русское слово: Газета (Нью-Йорк)
Новости дня: Газета (Харбин)
Новости жизни: Газета (Харбин)
Новый журнал (Нью-Йорк)
Отечественные архивы: Журнал (Москва)
Парус: Журнал (Шанхай)
Понедельник: Журнал (Шанхай)
Последние новости: Газета (Париж)
Правда: Газета (Москва)
Рубеж: Журнал (Харбин)
Русская жизнь: Газета (Сан-Франциско)
Русский вестник: Газета (Тяньцзинь)
Русский голос: Газета (Харбин)
Русское обозрение: Журнал (Пекин; Харбин)
Русское слово: Газета (Харбин)
Слово: Газета (Шанхай)
Стремя: Журнал (Тяньцзинь)
Феникс: Журнал (Шанхай)
Харбинское время: Газета (Харбин)
Хлеб Небесный: Журнал (Харбин)
Шанхайская заря: Газета (Шанхай)
Экономический вестник Маньчжурии: Журнал (Харбин)
Б) На английском
North China Star (Tientsin)
The China Journal of Science and Arts (Shanghai)
The Pacific Historical Review (Glendale, California)

Публикации И.И.Серебренникова*

Сибиреведение: Конспект лекций, чит. на кооператив. курсах в г. Харбине, в мае–июне 1920 года. Харбин, 1920. – 210, II, [1] с.

Материалы к вопросу о состоянии скотоводства у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. – 83 с.– Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Маньчжур. – Владивост. р-н. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг.; Вып. 12, прил. 4.

Материалы к вопросу о численности и составе скота в Сибири: (С.-х. перепись 1916 г.). Вып. 12, прил. 5. Харбин: Тип. КВЖД, 1920. – 60 с. – Монгол. экспедиция по заготовке мяса для действующих ар-

* Публикации расположены в хронологическом порядке.

мий. Маньчжур. – Владивост. р-н; Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 г.

Программы обследования животноводства в Монголии: Экон. программа. Харбин: Изд. Монгол. экспедиции по заготовке мяса для действующих армий, 1920.

Памяти Г.Н.Потанина // Рус. обозрение. 1920. Дек.

Албазинцы. [Харбин]: Тип. «Свет», 1922. – 15 с.; Отд. отт. из «Кит. благовестника». 1922. № 1.

Русский путеводитель по Пекину и его окрестностям / Russian Guide to Peking and Neighborhood / Изд. для туристов; Сост. И.И.Серебренников. Пекин: Тип. Рус. духовной миссии, 1923. – 67 с., рекл.

Буряты, их хозяйственный быт и землепользование. Т. 1. Верхнеудинск: Бурмонголиздат, 1925. – 226 с.

Очерк экономической географии Китая. Харбин: Изд. ОРО, 1926. – 113 с.; Библиогр.: С. 110–112.

Китайские народные поверья // Вестн. Маньчжурии. 1929. № 4. С. 70–80.

К истории Сибирского правительства // Вольная Сибирь. 1929. № 5, прил.: Сиб. архив. (№ 1). С. 5–22.

Миф и религиозный культ Китая (Поверья, обычаи, обряды) // Вестн. Маньчжурии. 1930. № 4. С. 68–76.

Тихоокеанская проблема с экономической точки зрения // Вольная Сибирь. 1930. № 9. С. 47–63.

Текущий китайский фольклор и китайские суеверия. Тяньцзинь: Знание, 1932. – 49 с.

Strange Figures of Chinese Handicraft // The China Journal. 1934. Sept. (vol. 17, no. 3). 114 (text, pictures on plate between p. 14 and p. 15).

Funeral money in China // The China Journal. 1933. Apr. (vol. 18, no. 4). P. 191–193 (2 pages of (one-sided) plates between p. 192 and p. 193).

The Siberian Autonomous Movement and its Future // The Pacific Historical Review. 1934. Dec.

Князь Гантимур: Ист. очерк. Шанхай: Тип. «Far Eastern Times», 1934. – 20 с.

Великий отход: Рассеяние по Азии белых армий, 1919–1923. Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1936. – 263 с., ил.

Цветы китайской поэзии. Тяньцзинь: Изд. авт., тип. «Ideal Press», 1938. – 168 с.; Прил. (Кит. религ. гимны). В соавт. с А.Н.Серебренниковой.

Литературная обработка и предисловие // Кулаев И.И. Под счастливой звездой: Воспоминания. Тяньцзинь: Наше знание, 1938. – 306 с.; Переизд.: М.: Рус. путь, 1999. – 296 с., ил.

Мои воспоминания: В 2 т. Тяньцзинь, 1937–1940. Т. 1: В революции (1917–1919). Тип. «Star press», 1937. – 289 с.; Т. 2: В эмиграции (1920–1924). Наше знание, 1940. – 215 с.; Прил. (Серебренникова А.Н. С чехами от Иркутска до Харбина: Дорож. зап. С. 219–260).

К истории Азии: Сб. ст., очерков и рассказов из истории Монголии, Маньчжурии и Сибири. Т. 1. Тяньцзинь: Наше знание, 1941. – 444 с., портр.

Дневники Ивана Серебренникова // Земля. 1992. 11 нояб. С. 8–9.

Дневники Ивана Серебренникова (Воспоминания делегата Иркут. гор. думы. 1915 г.) // Земля. 1994. 6 мая, 11 июня, 1, 8 окт.

Дневники Ивана Серебренникова (г. Иркутск. Апрель–ноябрь 1916 г.) // Земля. 1995. 18 февр., 1 апр., 20 мая, 3, 17, 24 июня.

Гражданская война в России: Великий отход / Сост. и предисл. В.А.Майера. М.: ООО «Изд-во АСТ»; ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 695, [9] с. (Военно-ист. б-ка). – Переизд.

Публикации А.Н. Серебренниковой

С чехами от Иркутска до Харбина: Дорожные записки // Серебренников И.И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920 – 1924). Тяньцзинь: Наше знание, 1940. С. 219–260.

Цветы китайской поэзии. Тяньцзинь: Изд. авт., тип. «Ideal Press», 1938. – 168 с. – Прил. (Кит. религ. гимны). – В соавт. с И.И.Серебренниковым.

Великая легенда. Сан-Франциско, 1967.

Публикации о Серебренниковых

Б.П. Выдающийся сибиряк: (Памяти друга) // Рус. жизнь. 1958. 24 июня, портр.

Основные публикации И.И. Серебренникова в Сибири и за рубежом // Земля. 1992. 28 дек.

Серебренников Иван Иннокентьевич – сибировед-статистик // Сибирская Советская энциклопедия. Т. 3. 1932. – 804 стб.: фот., ил.; Т. 4: Обдорск – съезды / Гл. ред. Б.З.Шумяцкий. Нью-Йорк: Norman Ross, 1992. – 1106 ст.

Хисамутдинов А.А. Серебренниковы из Тяньцзиня // Записки Русской академической группы в США. 1994. V. 26. P. 295 – 316.

Вибе П.П. Серебренников Иван Иннокентьевич // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. М.: Отечество, 1994. С. 236–237, портр.

Хисамутдинов А.А. И.И. и А.Н. Серебренниковы – ученые бессребреники // Проблемы Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 154–162.

Справочные издания

А) На русском:

Алексеев А.Д. Литература русского зарубежья: Книги, 1917–1940:

Материалы к библиографии. СПб.: Наука, 1993. – 202 с.

Бакич О. Harbin Russian imprints: bibliography as history, 1898–1961: Materials for a definitive bibliography. New York; Paris: Norman Ross Publishing Inc. 2002. – v – xx, 584 p.

Бруннерт И.И. Китайско-русский словарь юридических и политических терминов / Изд. правления О-ва Кит. вост. ж. д. Пекин: Тип. Рус. духов. миссии, 1923. – 462 с. Соавт. Н.Ф.Колесов.

Булгаков В. Словарь русских зарубежных писателей / Ред. Г.Ванечкова; Introduction by R.J.Kneeley. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1993. – xxxv, 227 с.

Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь: Исторические портреты, хранители памяти, памятники истории и культуры, события, связанные с историей Омского Прииртышья. М.: Отечество, 1994. – 318 с., ил.

Географический энциклопедический словарь: Геогр. названия / Гл. ред. А.Ф.Трешников; Ред. кол.: Э.Б.Алаев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 528 с., ил.

Жиганов В.Д. Русские в Шанхае: Альбом / Шанхай: ист. очерк Г.Сюннерберга. Шанхай: Изд. В.Жиганова, тип. изд-ва «Слово», 1936. – Б.с., ил.

Залевскй В., Голлербах Е. Распространение русской печати в мире, 1918 – 1939 гг.: Справ. М.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 1998. С. 140–156.

Зернов Н. Русские писатели эмиграции: Биогр. сведения и библиография их книг по богословию, религ. философии и правосл. культуре, 1921–1972. Boston (Mass.): G.K. & Co., 1973. – xi, 182 с. и др.

Иннокентий. Карманный китайско-русский словарь. Пекин: Тип. Успен. монастыря при Рус. духов. миссии, 1910. – 336, 135 с.; То же. – 1926.

Книга Русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки, 1918 – 1991: Библиогр. указ.: В 3 кн. Ч. 1 (А–К). СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 1997. – 612 с.; Ч. 2 (Л–Т). М.: Пашков Дом, 2001. – 739 с.; Ч. 3: (У–Я). М.: Пашков Дом, 2002. – 524 с.

Коммерческий указатель Великого Харбина. Харбин: Изд. М.Н.Ким, 1933. – 174 с., ил., рекл. – Рус., яп., кит.

Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья (1917–1939): Биогр. словарь. СПб.: Нотабене, 1999. – 720 с., ил.

Литературная энциклопедия Русского зарубежья, 1918–1940: Писатели рус. зарубежья. М.: РОССПЭН, 1997. – 220 с.

Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940. Т. 2: Периодика и лит. центры. М.: РОССПЭН, 2000. – 640 с., ил.

Люди и судьбы: Библиогр. словарь востоковедов – жертв полит. террора в сов. период (1917–1991) / Изд. подг. Я.В.Васильков, М.Ю.Сорокина. СПб.: Петерб. востоковедение, 2003. – 496 с., ил.

Магеровский Л.Ф. Библиография газетных собраний Русского исторического архива за годы 1917–1921. Прага, 1939. — То же: N.Y.: Norman Publ. Inc., 1995.

Маньчжурия: Экон.-географ. описание. Ч. I. Харбин: Типолитогр. КВЖД, 1934. – VIII, 385 с., ил., карты, табл.

Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920 – 2000 гг. / Сост. И.М.Алабин и др. М.: Пашков дом; Феодосия: Коктебель, 2001. – 192 с., ил.

Незабытые могилы: Рос. Зарубежье: Некрологи, 1917–1999: В 6 т. / Сост. В.Н.Чуваков. М.: Пашков Дом, Рос. гос. б-ка, 1999. – 2004; 1999. – Т. 1: А–В. – 660 с.; 1999. – Т. 2: Г–З. – 648 с.; 2001. – Т. 3: И–К. – 675 с.; 2004. – Т. 4: Л–М. – 770 с.

Полански П. Русская печать в Китае, Японии и Кореи: Каталог собрания Библиотеки им. Гамильтон Гавайского университета / Предисл., пер. с англ. и науч. ред. А.А.Хисамутдинова. М.: Пашков дом (Рос. гос. б-ка), 2002. – 204 с., ил., рекл.

Постников С.П. Политика, идеология, общественная жизнь и научные работы эмиграции: Библиогр. из каталога Рус. загран. ист. арх., 1918–1945 гг.: В 2 т. N.Y.: Norman Ross Publ. Inc., 1993.; Т. 1. – vii–xvii, 1–256 с.; Т. 2. – 263–526 с.

Путеводитель. Т. 1: Фонды Гос. архива Рос. Федерации по истории России XIX – начала XX вв. М.: Благовест, 1994. – xviii, 394 с.

Путеводитель. Т. 5: Личные фонды государственного архива Российской Федерации (1917–2000). М.: РОССПЭН, 2001. – 672 с., ил.

Путеводитель по Дальнему Востоку: Отд. рекл. и объявл.; Ист. и торг. обзор; Слов. англ., яп. и кит.; Отд. справок / Ред.-изд. К.А.Полюхов-Морозенко. Харбин: Эсперанс, [1925?]. – 78, 16 с., рекл.

Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг.: В 4 т. / Науч. рук-во, ред. и введение А.Г.Тартаковского, Т.Эммонса, О.В.Будницкого. М.: РОССПЭН. Т. 1. 2003. – 670 с.; Т. 2. 2004. – 694 с.

Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энцикл. биогр. словарь. М.: РОССПЭН, 1997. – 748 с., ил.

Русское зарубежье: Указ. лит. / Сост. Л.И.Филипова. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1992. – 131 с. (2151 назв.).

Сводный каталог периодических и продолжающих изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.). М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.

Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога: Сб. / Сост. Экон. бюро КВЖД. Харбин: Изд. Экон. бюро, 1922. – xi, 692, xvi, прил.

Сибирская Советская энциклопедия / Под общей ред. М.К.Азадовского, А.А.Ансона, М.М.Басова и др. Новосибирск: Сиб. кр. изд-во. Т. 1. 1929. – 988 стб.: фот., ил.; Т. 2. 1931. – 1151 стб.: фот., ил.; Т. 3. 1932. – 804 стб., фот., ил.; Т. 4: Обдорск – съезды / Гл. ред. Б.З.Шумяцкий. Нью-Йорк: Norman Ross, 1992. – 1106 стб.

Словарь поэтов Русского зарубежья / Под ред. В.Крейда. СПб.: РХГИ, 1999. – 471 с.

Сюннерберг Г.Г. Путеводитель по Шанхаю. Шанхай: Рус. книго-

изд-во и тип. Ком. обществ. помощи в Шанхае, 1919. – 215, 3, 61, 25, 8 с., 70 фотогравюр, карта, рекл.

Третчиков Н.Г. Библиография по экономике Северной Маньчжурии: (Кн. и журн. ст. на рус. яз. по 1928 г. включ.) / Под ред. Н.А.Сетницкого. Харбин: Изд. Юрид. фак., 1929. – 90 с.

Он же. Библиография финансов Китая: (Кн. и журн. ст. на рус. и англ. яз. по 1929 г. включ.) / Предисл. и ред. Н.А.Сетницкого. Харбин: Изд. Юрид. фак., 1930. – 4, 70, [14] с.

Тюнин М.С. Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин: Изд-во ОИМК, 1927. – 41 с.

Он же. Указатель периодической печати г. Харбина, выходившей на русском и других европейских языках. Издания, вышедшие с 1 января 1927 г. по 31 декабря 1935 г. Харбин: Изд. Экон. бюро Харбин. упр. гос. ж. д., 1936. – 83 с.

Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. Мюнхен: Institut zur Erforschung der USSR, 1953. – 165 с. – Сер. Исследования и материалы.

Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге: Межарх. путевод. М.: РОССПЭН, 1999. – 671 с., ил.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. – 359 с.. ил.

Он же. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – 358 р.: ил.

Штейн Э. Поэзия русского зарубежья в библиотеке Эммануила Штейна / Под общ. ред. О.Штейн. Conn. (США): Antiquary, 2000. – 212 с., портр.

Он же. Поэзия русского рассеяния, 1920–1977. Conn. (США): Изд-во Ладья, 1978. – 182 с.

Юп М.Е. Роспись книг поэзии российского зарубежья XX века (1917–2000). Филадельфия: Пространство, 2004. – 287 с.

Б) На английском:

Arans D. How we lost the civil war: bibliography of Russian emigre memoirs on the Russian revolution, 1917–1921. Newtonville, MA: Oriental Research Partners, 1988. – 200 p. – ORP bibliographical series, no. 6.

Foster L.A. Bibliografiia russkoi zarubezhnoi literatury, 1918–1968: In 2 vol. Boston: G.K.Hall, 1970. Vol. 1. lvii, 681 p.; Vol. 2. P. 682–1374.

Glad J. Russia abroad: writers, history, politics. Washington: Hermitage & Birchbark Press, 1999. – 735 p.

Grant, Steven A., Brown John H. The Russian Empire and Soviet Union. A guide to manuscript and archival materials in the United States / Kennan institute for advanced Russian studies. The Wilson center. G.K. Hall & Co., Boston, Massachusetts, 1981. P. 28–34.

Guide to the Scholarly resources microfilm edition of the Shanghai Municipal police files, 1894–1949 / With an introduction by Dr. Marcia R.Ristaino. Wilmington, 1984. – xx, 123 p.

Karlowich, Robert A. A guide to scholarly resources on the Russian

Empire and the Soviet Union in the New York metropolitan area. Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1990. – xxii, 312 p.

Lensen, George. Russian diplomatic and consular officials in East Asia: handbook of representatives of Tsarist Russia and the provisional government in China, Japan, and Korea from 1858 to 1924 and of Soviet representatives in Japan from 1925 to 1968: compiled on the basis of Russian, Japanese and Chinese sources with a historical introduction. Tokyo: Sophia Univ. in cooperation with Tallahassee, Fla.: Diplomatic Press,1968. – vii, 294 p.

Leadenam C. Guide to the collections in the Hoover Institution archives relating to Imperial Russia, the Russian revolutions and civil war, and the first emigration. Stanford (USA): Hoover Institution Press, 1986. – xx, 208 p.

Ossendowski A.F. Beasts, men and gods. NY: Dutton & Co., 1922. – xii, 325 p., maps.

Он же. From president to prison. NY: Dutton & Co., 1925. – vii, 360 p.

Raymond B., Jones D. The Russian Diaspora, 1917–1941. Lanham, Maryland, and London: The Scarecrow Press, Inc., 2000. – vii, 273 p.

Seryshev I. Album of great outstanding and eminent personalities of Russia with short biographies: Part I. Sidney: printed in Australia by Lake & Ashes, 1953. Second edition; Part II. Sidney: W.C.Penfold & Co. Ltd. printers, 1946. – 31 p.; Part III. Sydney: Lake & Ashes Pty. Ltd, 1953. – 33 p.

Urbanic, A. Russian émigré literature: A bibliography of titles held by the University of California, Berkeley, Library. Oakland (USA): Berkeley Slavic Specialties, 1993. – 329 p.

Он же. Russian emigre serials: A bibliography of titles held by Univ. of California, Berkeley, Library / Compiled by A.Urbanic. Berkeley, (1989?). – 125 p.

Опубликованные первоисточники (дневники, воспоминания и переписка)

А) На русском:

Беседовский Г.З. На путях к термидору. Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Париж: Мишень, 1930. – 255 с.

Вертинский А.Н. Дорога длинною... / Сост. и вступ. статья Ю.Томашевского; Оформ. Г.Саукова. М.: Правда, 1990. – 572 с., ил.

Вишневский И.К. Аргонавты белой мечты: Описание Якут. похода Сиб. добровол. дружины [генерала Пепеляева] / Предисл. В.Логинова. Харбин, 1933. – 197 с.: карта.

Волков Б.Н. В пыли чужих дорог: Стихи. Берлин: Парабола, Б.г. – 149 с. Скульптур. портр. худ. М.М.фон-Мейера.

Вологодский П.В. Хроника гражданской войны в Сибири и изгнания в Китае: Дневники Петра Васильевича Вологодского / Подготовка текста, вступ. статья С.Ляндресса и Д.Вульфа. В 2 т. Stanford, California: Stanford University, Hoover institution, 2002. Т. 1— 455 с., портр., карта; Т. 2–7 – 471 с. – Сер. Hoover Institution Press publ., № 509.

Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории, 1918–1920 гг.: Впечатления и мысли члена Ом. прави-

тельства: В 2 т. Пекин.–Харбин: Изд. О-ва возрождения в Харбине, тип. Рус. духов. миссии в Пекине, 1920. Т. 1, ч. 1: Большевизм. Областные правительства. Директория. Верховный правитель. Союзники. Заговорщики. Победители. Неизбежный конец. – 325 с., ил.; Т. 2, ч. 2 и 3. – 608 с.

Горбунов А.А. От брокера до... репортера: (Воспоминания тяньцзиньца). Тяньцзинь: Тип. The Chili Press, [1927]. – 42 с., портр.

Дьяков И.А. По великой реке Ян-цзы-цзян: (Дневник экспедиции,1925). Пекин: Тип. Духов. миссии, 1927. – 93 с.

Ефимов А.И. У адвентистов / Предисл. авт., обл. Г.Токарева – Тяньцзинь: «Благовестник», 1929. – 258 с., портр., список работ, рекл.

Иванов В.Н. Крах белого Приморья: Из зап. журналиста. Тяньцзинь: Наш путь, 1927. – 30 с.

Казаков В.Г. Немые свидетели / Под ред. Ген. штаба ген.-лейтенанта Г.И.Клержс; Ил. мичмана А.С.Шеринова. Шанхай: Тип. А.П.Малык, 1936. – 122 с., ил.

К.М.В. Церковная смута. Тяньцзинь: Тип. И.И.Серебренникова, 1929. – 66 с. На правах рукоп.

Кроль М.А. Сибирское Правительство и августовская сессия Сибирской областной думы: (Из воспоминаний) // Вольная Сибирь. 1928. № 4. С. 69–82;

Он же. Страницы моей жизни // Новый журн. 1987. Кн. 168–169. С. 325–346.

Кулаев И.В. Под счастливой звездой: Воспоминания / Лит. обработка и предисл. И.И.Серебренникова. Тяньцзинь: Наше знание, 1938. – 306 с.

Максимов С.В. На Востоке. Поездка на Амур. 3-е изд. СПб.: Просвещение, 1909. – 390 с.

Нестор. Воспоминания: (Детство и юность). Харбин: Изд. Обители Милосердия, 1936. – 44 с.

Он же. Камчатка: Воспоминания. Харбин: Изд. Обители Милосердия, 1936. – 71 с., ил.

Носков К. Авантюра или Черный для русских белых в Монголии 1921-й год. Харбин, 1930. – 77 с., портр.

Першин Д.П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак / Предисл., сост. и ком. И.И.Ломакиной. Самара: Изд. дом «Агни», 1999. – 280 с., ил., портр.

Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы / Сост. и коммент. Е.В.Витковского и А.В.Ревоненко. М.: Моск. рабочий, 1990. – 462 с. – (Моск. Парнас).

Пурин А.А. В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае, 1917–1918 гг. Ч. 1 // Вольная Сибирь. 1927. № 2. С. 61–92; Ч. 2: 1928. № 3. С. 61–83.

Старк Г.К. Моя жизнь. СПб., 1998. – 133 с., ил.

Судзиловский Н.К. На Новый 1925 год: К 75-летию моей жизни. Тяньцзинь: Рус. тип., 1925. – [8 с.]

Фарафонтов А.П. По Забайкалью, Маньчжурии и США / Сост. Т.В.Пищикова. Калуга: Изд-во Н.Бочкаревой, 2001. – 172 с., ил.

Б). На английском:

Diakoff, N.A. In the wilds of Siberia / N.A.Diakoff. Bangkok: Printed at

Cheang Heng Long Press, 1931. – 109 p.
Fedulenko V.V. Russian Emigre Life in Shanghai. Berkeley: Bancroft Library, Regional Oral History Office, 1967. – 171 p.
Guins G.K. Professor and Government Official: Russia, China and California: Interview conducted by Boris Raymond-Romanoff. The Bancroft Library. Berkeley, 1966. – 364 p.; Impressions of the Russian Imperial Government: Interview conducted by Richard A. Pierce. Berkeley: Bancroft Library, Regional Oral History Office, 1971. – 95 p.
Molchanoff V. The last White General / Interview conducted by Boris Raymond-Romanoff. Berkeley: Bancroft Library, Regional Oral History Office, 1972. – 132 p.
Nazároff, P. S. Hunted through Central Asia, by P. S.Nazároff. Rendered into English from the Russian of the author's manuscript by Malcolm Burr. Edinburgh, Blackwood, 1932. – xi, 331 p.
Noskov K. Black Year / Translators notes G. D-ff.Preface of the Author. Peking, 1921. – i–iv, 76 p., portr.

Монографии и статьи

А) На русском:

Аблажей Н.Н. Сибирское областничество в эмиграции. Новосибирск: Изд-во Ин-та арх. и этногр. СОРАН, 2003. – 304 с., ил.
Арнольдов Л.В. Китай, как он есть: Быт и политика: Наблюдения, факты, выводы. Шанхай: Рус. тип. «График», 1933. – 371 с.
Он же. Из страны белого солнца: Этюды о Китае. Шанхай: Изд-во А.П.Малык и В.П.Камкина, 1934. – 438 с.
Он же. Жизнь и Революция. Гроза пятого года. Белый Омск. – Шанхай: Изд-во А.П.Малык и В.П.Камкина, 1935. – 278 с.: портр.
Артемьев И.К. Эпизоды революции на Дальнем Востоке и борьба Русских националистов во главе: Г.М.Семенова, И.П.Калмыкова, Временного Правительства под председательством Спиридона Меркулова и Правителя Генерала М.К.Дитерихса с большевиками и коммунистами: Воспоминания. Тяньцзинь, Б.г. – 188 с.
Балакшин П.П. Финал в Китае: Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дал. Востоке: В 2 т. Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958–1959. – Т. 1. – 1958. – 430 с.; Т. 2. 1959. – 374 с.
Бранд Я.Я. Сун-ят-Сен. Гоминьдановская партия. Тяньцзинь: Изд. журн. «Возрождение Азии», Б.г. – 84 с. (Б-ка «Наше знание»; № 1).
Бруннерт И.И. Современная политическая организация Китая / Под ред. и при участии 1-го драгомана Рос. имп. миссии в Пекине Н.Ф.Колесова. Пекин: Тип. Успенс. монастыря при Рус. духов. миссии, 1910. – 532 с. Соавт. В.В.Гагельстром.
Гапанович И.И. Камчатские коряки: Современное положение племени и значение его оленьего хозяйства. Тяньцзинь: Тип.

А.И.Серебренникова, 1932. – 99 с.

Он же. Россия в Северо-восточной Азии: В 2 ч. Пекин: Тип. Пекин. Рус. миссии, 1933–1934. Ч. I: Колонизация Севера в прошлом и настоящем. 1933. – 186 с.; Ч. 2: Богатства Севера, их эксплуатация и возможности. 1934. – 202 с., карты.

Гинс Г.К. Политическая экономия: Начал. курс. Харбин: Тип. Н.Е.Чинарева, 1933. – 106 с.

Он же. Учение о праве и политическая экономия: В 2 вып. Харбин, 1933 г. Вып. 1: Курс законоведения; Вып. 2. – 104 с.

Головачев М.П. Сибирское движение и международное положение. Харбин, 1934. – 87 с. На правах Рукоп.

Густав Д.И. Задачи белой эмиграции // Парус. 1931. № 2. С. 12–14.

Дитерихс М.К. Убийство Царской семьи и членов Дома Романовых на Урале: Материалы и мысли: В 2 ч. Владивосток, 1922. – 441, 232 с., карта. В 1 обл.

Иннокентий. 1-й и 2-й протесты архиепископа Иннокентия, начальника Российской Духовной миссии в Китае, против передачи имущества миссии Правительству СССР. Пекин, 1924. – 4, 14 с.

Он же. Открытое письмо митрополиту Евлогию, архиепископу Волынскому, временно исправляющему в Западной Европе викария Парижской епархии. Пекин, 1927. – 12 с.

Камчатка, 1740–1940: Юбил. сб. в память 200-летия основания г. Петропавловска на Камчатке / Ред.-изд., сост. А.А.Пурин. Шанхай: Слово, 1940. – 248 с., ил., портр.

Каретина Г.С. Военно-политические группировки Северного Китая: (Эволюция китайского милитаризма в 20–30-е годы XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2001. – 172 с., ил.

Кончина Высокопреосвященного митрополита Иннокентия Пекинского // Хлеб Небесный. 1931. № 8. С. 29–31, портр.

Китайский благовестник. Юбил. вып. 1902 г. в день Св. Духа хиротония Начальника Миссии в сан Епископа. 1932 г. 15 / 28 июня годовщина со дня кончины Митрополита Иннокентия, первого из начальников миссии архиерея Китайской церкви. 1932. Июнь (№ 4). – 38 с.

Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горковенко Н.Л. Российские женщины в Маньчжурии: Кр. очерки из истории эмиграции. Владивосток, 1996. – 96 с.

Манассеин В.С. Очерк деятельности Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по изучению истории Восточно-Сибирского края и по охране памятников местной старины (1851–1926). Иркутск, 1926. – 36 с.

Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака: Из ист. гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Белград. Изд. Комиссия Палаты Академии наук. 1930–1931.Ч. 1: Вост. фронт гражданской войны. 1930. – IV, 230, VII с.; Ч. 2: В преддверии диктатуры, 1930. – 238 с., 1 карта; Ч. 3, т. 1: Конституционная диктатура. 1930. – 352 с.; Ч. 4, т. 2: Катастрофа. 1931. – 205 с. (Рус. б-ка; Кн. 19, 22, 23, 28).

Мещерский А.И. Полоса отчуждения Китайской Восточной железной дороги, как распределительный центр мясных продуктов, и прилегающие к ней рынки заготовок скота в Монголии и Маньчжурии. Харбин: Изд. Маньчжур. Владивост. р-на Монгол. экспедиции по заготовке мяса для действующих армий, 1920. – 112 с.

Он же. Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий, Маньчжурско-Владивостокский район (с 1915 по 1918 гг.). Шанхай: Тип. Рус. книгоизд-во, 1920. – 40 с.

Митаревский Н. Доклад главе эмиграции о положении дел в казачьих поселках в Северной Барге. Харбин, Б.г. – 3 с.

Москвитин Ф. Предварение к восточной философии. Тяньцзинь: Изд. авт., 1932.

На пути к Родине. Иллюстрированное издание Российских Антикоммунистов в Северном Китае / Авт.-сост. и ред. В.В.Сапелкина. Тяньцзинь, 1939. № 1. – Б.с., ил., рекл.

На пути к Родине. Иллюстрированное издание Ц.А.К. / Авт.-сост., ред. В.В.Сапелкин. Тяньцзинь, 1941. № 2. – Б.с., ил., рекл.

Нилус Е.Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги, 1896–1923 гг. Т. 1. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж.д. и т-ва «Озо», 1923. – XVIII, 692 с., ил., 11 карт.

Онегина С. Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии // Пробл. Дальнего Востока. 1996. № 5. С. 141–146.

Стариков В.С. Научная и педагогическая деятельность Б.И.Панкратова: (К 80-летию со дня рождения) // Страны и народы Востока. 1971. Вып. 11. С. 7–14, портр.

Раев М. Россия за рубежом: Ист. Культуры рус. эмиграции, 1919 – 1939: Пер. с англ. / Предисл. О.Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. – 296 с.

Сибирский казак: Войсковой юбил. сб. сиб. казачьего войска, 1582–1932 г.: Наше прошлое до Великой войны 1914 г. / Ред.-сост. Е.П.Березовский. Харбин: Изд. Войскового представительства Сиб. казачьего войска, 1934. – 311 с.

Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции: (В эмиграции). 1925–1945 / Авториз. пер. с англ. Л.Ю.Мотылева; Предисл. Л.П.Делюсина; Художн. В.Виноградов. М.: СП «Слово», 1992. – 441 с., ил.

Талызин М.А. По ту сторону. Харбин: Изд-во М.В.Зайцева, 1932. – 220 с.

Третчиков Н.Г. Организация труда и фабричное законодательство: (Диплом. раб.). Харбин, 1927. – 60 с. – Рукоп.

Он же. Очерки стран Дальнего Востока: (Введ. в востоковедение). Вып. 2. Внешний Китай (Маньчжурия, Монголия, Синьцзян и Тибет). Харбин, 1931. – 207 с., 6 карт-схем, прил. Соавт. Д.М.Позднеев и др.

Он же. Современная Маньчжурия в фактах и цифрах. Ч. 1. Шанхай: China Economic Press, 1936. – 158 с.

Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабар. поход зимы 1921–22 годов: В 2 кн. Шанхай, 1932. Кн. 1, ч. 1: Перед походом, ч. 2: Наступление

белых. – 244 с., 18 карт, 29 фотогр.; Кн. 2: Борьба на Амурской границе с 25-го дек. по 13-ое янв. – 161 с., 16 карт, 30 фотогр.

Он же. Конец Белого Приморья. Вашингтон (США): Изд-во Рус. кн. дела в США, Victor Kamkin, Inc, 1970. – 371 с., ил., карты.

Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния. В 2 ч. Изд-во ВГУЭС, 2000. Ч. 1: Русские в Китае. – 360 с.; Ч. 2: Русские в Японии, Америке и Австралии. – 170 с., ил.

Хисамутдинов А. «Нелегко начинать жить сначала...» Георгий Константинович Гинс // Записки Русской академической группы в США. 2000. Т. 30. С. 437–452.

Он же. Русская коллекция на Гавайях // Библиотека. М., 1999. № 12. С. 73–74.

Он же. Музей русской культуры в Сан-Франциско: Материалы дальневост. эмиграции // Отечественные архивы. 1999. № 5. С. 22–29.

Он же. Гуверовский институт войны, революции и мира: Материалы дальневост. эмиграции // Отечественные архивы. 1999. № 4. С. 21–29.

Он же. Зарубежное православие в Азии // Новый журнал = New Review. 1999. № 216. С. 202–237.

Чурин в Харбине // Харбинская старина. 1936. С. 9–14.

Шишкин П.П. Большевизм в Китае. Ч. 1: Обзор деятельности Северо-маньчжур. коммунист. партии / Под ред. Б.Суворина. Шанхай: Тип. изд-ва «Время», 1930. – 154 с.

Юзефович Л.А. Самодержец пустыни: Феномен судьбы барона Р.Ф.Унгерн-Штернберга. М.: Эллис Лак, 1993. – 272 с., ил.

Б) На английском:

Baddeley J. Russia, Mongolia, China, being some record of the relations between them from beginning of the XVIIth century to the death of the Tsar Alexei Mikhailovich, A.D. 1602–1676. London: Macmillan and company, limited, 1919. – 2 v.

Hoise D. Two gentlemen of China / Introduction by Professor Soothill. – London, Seeley, Service & co. limited, 1929. – 3 p. l., 9 – 316 p. front., plates, ports.; 5th ed.

Foreign investments in China, by C. F. Remer. – New York, H. Fertig, 1968. – xliv, 732 p. illus., maps. Miller I. The Chinese Girl (Китайская девушка) / Пер. с рус. Е.Лабербис. Тяньцзинь: Тип. Peigang Press, 1932. – 108 с.

Mitrofanoff I.P. The record of Chinese customs and festivals. Shanghai: Kelly & Walsh, lim., 1927. – xi, 514, [xiii]-xx p.: front., plates (2 col.) fold. diagr. Bibliography: Pp. [509]. – 514. Co-auth. Juliet Bredon.

Raeff, Marc. Russia abroad: a cultural history of the Russian emigration, 1919–1939. NY: Oxford Univ. Press, 1990. – viii, 239 p., [4] p. of plates, ill.

Stephan, John J. The Russian Fascists: tragedy and farce in exile, 1925–1945. USA: Harper & Row, 1978. – xxii, 450 p., [12] leaves of plates).

The testimony of Kolchak and other Siberian materials / Ed. by Elena Varneck and H.H. Fisher. Stanford, CA: Stanford Univ. Press; London:

H. Milford, Oxford Univ. Press, 1935. – xi, 466 p. / Series: Hoover Institution publication no. 10). Имеется отличная библиогр.: p. 389–440.

Yakhontoff V. Russia and the Soviet Union in the Far East. New York, Coward-McCann, Inc. [c1931]. – xxii, 454 p., 2 fold. maps.

Список сокращений

БРЭМ	Бюро по делам Российских эмигрантов в Маньчжурии
ГАИО	Государственный архив Иркутской области (Иркутск)
ГАПК	Государственный архив Приморского края (Владивосток)
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ГАХК	Государственный архив Хабаровского края (Хабаровск)
ДВР	Дальневосточная республика
КВЖД	Китайско-Восточная железная дорога
МОНГОЛЕКС	Харбинское отделение управления Маньчжурско-Владивостокского района Монгольской экспедиции по заготовке мяса для действующих армий
МОПР	Международная организация помощи борцам революции
ОИМК	Общество изучения Маньчжурского края
ОРО	Общество русских ориенталистов
РЗИА	Русский зарубежный (заграничный) исторический архив
РОВС	Русский общевоинский союз
РФП	Российская (Русская) фашистская партия
СУОАС	Совет уполномоченных организаций автономной Сибири
ШВП	Шанхайский волонтерский полк
ШРП	Шанхайский русский полк
ХСМЛ – YMCA	Харбинское отделение Христианского союза молодых людей
ЮМЖД	Южно-Маньчжурская железная дорога
HILA	Hoover Institution Library and Archives (Калифорния)

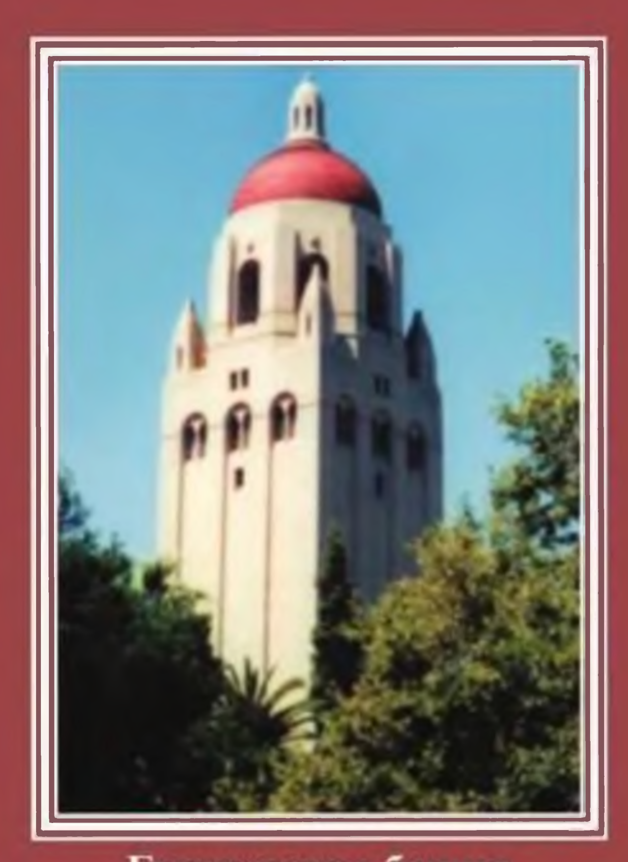
Содержание

Китай и русская эмиграция в дневниках
И.И. и А.Н. Серебренниковых. В 5 т.
Том I
«Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам...»
(1919–1934)

Редактор *М.А. Айламазян*
Художественный редактор *А.К. Сорокин*
Художественное оформление *А.В. Кубанов*
Компьютерная верстка *Ю.А. Самолетова*

ЛР № 066009 от 22.07.1998 Подписано в печать 15.05.2006.
Формат 60x90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 28,0. Уч.-изд.л. 25,7. Тираж 1 000 экз. Заказ № 601.

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)
117393, Москва, Профсоюзная ул., д. 82
Тел. 334-81-87 (дирекция)
Тел./Факс 334-82-42 (отдел реализации)

Гуверовская башня
Фото Бориса Дедовича